
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324339 1

EX·LIBRIS
de SAVITSCH
19
48

П. Н. КРАСНОВЪ.

Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени.

1894—1921.

РОМАНЪ ВЪ ВОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

ТОМЪ II.

ТРЕТЬЯ, ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ ЧАСТИ.

БЕРЛИНЪ 1921 г.

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ ЕВГЕНІЯ АЛ. ГУТНОВА
BERLIN S 14. DRESDENERSTRASSE 80-83

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Солнце склонялось къ закату, спускаясь къ высокимъ горамъ. На вершинѣ Pilatus' а ярко сверкалъ ледникъ, переливаясь искрами. Внизу застыло темносинее Люцернское озеро, бороздимое рѣдкими пароходами и лодками, сновавшими подлѣ богатаго мѣстечка Г. съ его роскошными отелями и виллами. Нѣсколько въ сторонѣ, по дорогѣ къ маленькому старинному городу В., стояла красивая дача, окруженная тѣнистымъ садомъ. Теперь эту дачу съ красными занавѣсками балкона, красными жалюзи и красными флоксами, покрывавшими куртины возлѣ балкона, заливали закатные лучи солнца и она казалась кровавой въ своихъ красныхъ цвѣтахъ.

Человѣкъ, шедшій къ ней, остановился на дорогѣ подъ большимъ вишневымъ деревомъ, усѣяннымъ крупными черными плодами и невольно подумалъ: — какъ странно! Какъ идетъ кровавое одѣяніе къ дому, которымъ владѣетъ этотъ дикій человѣкъ, отъ каждаго слова котораго дышетъ разрушеніемъ и кровью.

А вотъ люблю же я этого человѣка, вѣрю ему, болѣе чѣмъ вѣрю — вѣрую въ него и въ то, что въ немъ разгадка счастья человѣчества.

Человѣкъ, подходившій къ залитому алыми лучами солнца красному дому былъ Коржиковъ. Онъ не измѣнился наружно съ тѣхъ поръ, какъ умерла его жена Маруся и онъ покинулъ Россію. Прибавилось морщинъ на лбу и на вискахъ. Скомканная рыжая бородка оставалась той же длины и неопредѣленнаго вида, подъ сдвинутой на затылокъ мягкой черной фетровой шляпой рыжіе волосы были такъ же густы и всклокочены, какъ и въ дни его Петербургской жизни. Онъ шелъ къ своему учителю и покровителю Николаю Ильичу Бурьянову, по партійной клички Пронину.

Странный былъ человѣкъ Николай Ильичъ Бурьяновъ и странное, нелѣпое было у него прошлое. Онъ былъ сыномъ богатаго Волжскаго помѣщика и родился въ патріархальной русской семьѣ. У него былъ братъ и двѣ сестры, которыхъ онъ любилъ. Онъ былъ мальчикомъ, когда въ семьѣ случилась драма. Былъ обыскъ, арестъ его старшаго брата, тюрьма, судъ и казематъ приговоренныхъ къ смерти. Можно было спасти брата, для этого нужно было, чтобы онъ подписалъ какую то бумагу. Семья Бурьяновыхъ была со связями, мать и маленькаго Николая допустили въ ночь передъ казнью къ осужденному. Было холодно и сыро въ казематѣ. Тускло, не мигая мертвымъ желтымъ свѣтомъ, горѣла лампа. Равнодушный зѣвающій жандармъ въ синемъ мундирѣ сидѣлъ въ углу. Мать Бурьянова упорно, настойчиво стояла передъ сыномъ на колѣняхъ и протягивала ему заготовленное прошеніе. Она молчала. Лишь иногда она дергала стоявшаго подлѣ одинадцати лѣтняго Николая и говорила: — проси брата, Николенька!....

Братъ былъ неумолимъ. Была казнь со всѣми ея аксессуарами. Съ конвойнымъ взводомъ, сердитымъ трескомъ барабановъ, прокуроромъ, священ-

никомъ, жандармскимъ офицеромъ, мѣшкомъ одѣтымъ на голову и заранѣе для еще живого человѣка заготовленнымъ гробомъ. Была въ нѣмомъ отчаянiи застывшая мать и Николай, смотрѣвшiй на казнь равнодушными, любопытными глазами. Было раннее утро и прекрасное наглое солнце, поднимавшееся изъ за каменныхъ стѣнъ.

Послѣ этого въ его мозгу случился какой то сдвигъ. Онъ хорошо учился въ гимназiи, но былъ заподозрѣнъ въ какой то исторiи, арестованъ, бѣжалъ заграницу и сталъ политическимъ эмигрантомъ.

Если бы у него не было средствъ и онъ принужденъ былъ бы много работать для того, чтобы существовать можетъ быть его умъ и устоялъ-бы. Но онъ былъ достаточно богатъ, купилъ себѣ виллу, сталъ заниматься самообразованiемъ, много читать, много думать. Образъ брата, наканунѣ смертной казни, рыдающая, растерянная мать, бьющая лбомъ о полъ въ маленькой комнатѣ крѣпостного каземата, офицеръ въ синемъ сюртукѣ, мрачно стоящiй въ углу, не шли у него изъ памяти. Сначала просто хотѣлъ мстить по человѣчеству, но кому мстить? Государю, судьямъ, тѣмъ, кто составлялъ законы, палачу, священнику, который въ послѣднюю минуту сунулся къ его брату и котораго братъ гордо прогналъ, жандармскому офицеру, свидѣтелю униженiя его матери, или конвойнымъ солдатамъ—всѣ были дѣйствующими лицами страшной казни его брата, всѣ преслѣдовали его распаленное воображенiе и никто по существу не былъ виноватъ, потому что каждый исполнялъ только свой общественный долгъ. Значитъ, думалъ Николай Ильичъ, надо мстить всему обществу, надо создать совершенно иныя условiя жизни, такiя, при которыхъ не нужно было бы ни казней, ни палачей, ни всѣхъ ихъ аксессуаровъ.

Въ заграничномъ уединенiи онъ прочелъ Марк-

са. Мало того, что прочелъ — изучилъ и выучилъ его наизусть.

Тяжелое ученіе нѣмецкаго философа онъ принялъ, какъ истину, какъ откровеніе. Ему ясно стало, что надо дѣлать. Подобно большинству революціонныхъ эмигрантовъ онъ сказалъ: — «долой самодержавіе», но почувствовалъ, что за этимъ «долой» слѣдуетъ еще масса другихъ «долой». Умъ его понялъ, что все отрицать только теоретически, это безполезное занятіе, нужно вступить въ борьбу со всѣмъ тѣмъ, что онъ считалъ неправильнымъ въ жизни и побѣдить. Людей онъ ненавидѣлъ и презиралъ. И раньше, еще мальчикомъ въ гимназіи, онъ былъ нелюдимъ, чуждался товарищей, былъ гордъ и упрямъ. То, что онъ пережилъ въ день казни брата заставило его совершенно иначе подойти къ вопросу о жизни и смерти. Онъ видѣлъ своего брата гордаго, упрямаго, смѣлаго, непокорнаго накануне казни — потомъ петля, двѣ, три конвульсіи и передъ Николаемъ Ильичемъ было холодное бездыханное, ко всему равнодушное тѣло. Это ему даже понравилось. Такая власть! — Вотъ, подумалъ онъ, — такую власть, такую силу имѣть, тогда можно устроить земной рай, тогда можно проповѣдывать братство и равенство и сковырнуть всѣ предразсудки современнаго общества. Онъ думалъ, какъ это устроить, умъ его мутился, но пережитки стараго, глухой голосъ умирающей совѣсти мѣшали ему оформить и вылить въ систему то, что онъ думалъ.

Онъ мало съ кѣмъ общался и говорилъ и мысли его никому не были извѣстны. Какъ же удивило его одно явленіе, оставившее въ немъ неизгладимый слѣдъ. Ему было около сорока пяти лѣтъ. Онъ былъ лысъ и сѣдъ, косматыя брови шли вверхъ надъ узкими косыми глазами, лобъ покрывали глубокія морщины. Громадный упрямый черепъ нависъ надъ тусклыми и вялыми глазами. Большая, плотоядная, нижняя челюсть оканчивалась ма-

лепькимъ подбородкомъ, на которомъ росла клинушкомъ жидкая сѣдая борода. Онъ былъ безобразенъ. Его лицо отталкивало, взглядъ презрительтельно насмѣшливый холодилъ всякаго говорившаго съ нимъ, ни одна женщина никогда не любила его. Онъ жилъ въ богатой виллѣ, онъ могъ имѣть все, что захочетъ, — онъ питался кое какъ и если бы не сестра его Надежда Ильинишна, которая ходила за нимъ — онъ голодалъ бы. Спалъ онъ на жесткой узкой грязной постели, одѣвался неряшливо. Его считали чудакомъ, полупомѣшаннымъ, его боялись и не любили. Это было ему все равно. Чѣмъ меньше его любили, тѣмъ больше онъ презиралъ и ненавидѣлъ людей. Въ его мозгу создавался громадный планъ соціалистическаго общества, устройства жизни людей по новому и для этого плана ему нужны были жертвы, но онъ боялся крови.

Въ эту пору колебаній и сомнѣній случилось то, что окончательно опредѣлило весь дальнѣйшій его жизненный путь и программу его дѣятельности. Это было въ 1914 году. Былъ такой же теплый ясный солнечный вечеръ, какъ и теперь. Синее небо отражалось въ озерѣ, и въ озеро опрокинулись своими отраженіями розовыя горы. Въ отелѣ играла музыка, слышались людскіе голоса, смѣхъ, тамъ шла жизнь. Николай Ильичъ забрался въ чужой садъ и утолялъ свою жажду вишнями. Его выгнала оттуда толстая грубая швейцарка и онъ шелъ къ озеру сопровождаемый ея ругательствами.

Дойдя до берега онъ остановился. Онъ былъ чуждъ красотъ природы, потому что не вѣрилъ въ Бога и не понималъ красоты и гармоніи міра, но и его поразило величіе уснувшаго озера. Оно было тихо и горѣло красными красками заката. Далеко въ глубинѣ его отразился цѣликомъ розоватый Pilatus. Онъ манилъ наверху своею недостижимою вышиною, внизу, въ отраженіи озера, своею таинственною глубиною. Пестрые камешки тихо шеле-

стѣли отъ набѣгавшей волны. Прибрежная ива шумѣла длинными листами. Въ полуверстѣ играла музыка и раздавались голоса изъ богатаго отеля, здѣсь было тихо.

Что то толкнуло Николая Ильича. Ему показалось, что должно что то случиться. Онъ посмотрѣлъ на воду, видѣлъ, какъ темнѣла она въ глубинѣ, становилась зеленой и въ ней исчезали камни. Николай Ильичъ чувствовалъ что его воля поддается чужому вліянію, что кто то властно овладѣваетъ имъ. Первый разъ затуманенный мозгъ его воспринялъ чувство страха. Онъ поборолъ себя и гордо и презрительно обернулся. Кругомъ было такъ тихо, что онъ слышалъ, какъ въ двадцати шагахъ отъ него пробѣжала собака по шоссе, никто не могъ подойти къ нему незамѣтно, а между тѣмъ въ двухъ шагахъ сзади него стоялъ человѣкъ и пристально смотрѣлъ на него. Это былъ худощавый, высокій старикъ еврей съ сѣдой бородой, доходящей до груди. Одѣтъ онъ былъ въ длинный черный сюртукъ. Руки его были сложены на груди, голова опущена и только взглядъ его темныхъ глазъ былъ устремленъ на Николая Ильича. Откуда взялся онъ и что ему отъ меня нужно, подумалъ Николай Ильичъ, и посмотрѣлъ на еврея. Онъ хотѣлъ заговорить, но еврей предупредилъ его, протянувши руки и приглашая молчать и слушать.

— Я знаю васъ, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ, идущимъ изъ самаго нутра. — Мы долго думали о васъ, совѣщались, и рѣшили, что это будете вы, которому мы поручимъ свое великое дѣло.

— Кто это мы?, спросилъ Николай Ильичъ.

— Этого знать не дано непосвященнымъ. Мы, сила великая. Мы — побѣда надъ міромъ.

— А для чего побѣда?

— Чтобы все разрушить и снова создать, — сказалъ глухо старикъ.

— Я это знаю. Но какъ?, сердито спросилъ Николай Ильичъ.

— Дѣйствіемъ. — сказалъ выразительно старикъ.

Николай Ильичъ презрительно передернулъ плечами.

— Люди — животныя, имѣющія видъ человѣка для лучшаго служенія и большей славы Израиля, ибо не подобаетъ сыну цареву, чтобы ему служили животныя во образѣ животныхъ, но животныя во образѣ человѣка — такъ говоритъ Мидрашъ Тальпіотъ, — сказалъ старикъ.

— Это вѣрно, сказалъ Николай Ильичъ, но я не израиль.

— Возвысся и стань, какъ Израиль. По заслугамъ воздастся тому, кто въ силахъ освободиться отъ враговъ еврейства. На вѣки прославится тотъ, кто съумѣетъ избавиться отъ нихъ и сокрушить ихъ — такъ сказано въ Зогарѣ.

— А какъ сокрушить ихъ? — спросилъ Николай Ильичъ.

— Борись.

— Халдейская мудрость! — презрительно сказалъ Николай Ильичъ, — таинственныя заклинанія, масонскія ложи, черная месса, все это слыхали мы, но я то не очень склоненъ вѣрить всему этому.

— Увидите и увѣруете.

— Если увѣровать въ злого духа, то придется увѣровать и въ Бога. А это... — это я уже пережилъ и передумалъ. Бога нѣтъ.

— О Богѣ я не говорю. Я говорю о побѣдѣ надъ міромъ. Воюй съ обществомъ людей, не покладая рукъ, пока не установится должный порядокъ, пока всѣ земные народы не станутъ рабами твоими. Такъ писано въ Зогарѣ.

— Кабалистика, — сказалъ Николай Ильичъ, но честолюбіе его было задѣто. Ему показалось, что то, что говоритъ ему незнакомый еврей куда выше и умнѣе, нежели — «долой самодержавіе».

— Хорошо. Но чтобы бороться нужно имѣть силу.

— Силу?, спросилъ старикъ и тихо сталъ отходить отъ озера. — Силу? — уже издали сказалъ онъ. — Лучшаго изъ гоевъ умертви, лучшей изъ змѣй раздроби мозгъ — такъ говоритъ Мехильта. — Справедливѣйшаго изъ безбожниковъ лиши жизни — такъ говоритъ Софоримъ.

Старикъ уже шелъ по шоссе къ мѣстечку. Лучи заходящаго солнца заливали его краснымъ блескомъ и казалось, что струи крови текутъ по его бородѣ. Онъ остановился и вдругъ грубо и громко захохоталъ. Такъ не соотвѣтствовалъ этотъ смѣхъ его тихому глухому голосу, его величавой библейской осанкѣ, что Николай Ильичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Я пришлю къ вамъ учителя. Изъ нашей ложи. Ему вѣруйте, — крикнулъ старикъ.

Онъ повернулъ въ проулокъ селенія и оттуда сказалъ грубымъ жесткимъ громкимъ голосомъ: — и, если вошь кричитъ въ твоей рубашкѣ, возьми и убей! Убей!... Убей!... такъ говоритъ Ропшинъ въ своемъ «Конѣ блѣдномъ»... Убей!

Николай Ильичъ бросился за нимъ. На углу переулка до него донеслись слова — «увидишь и больше!» Но, когда онъ вошелъ въ переулокъ, то тамъ никого не было. Ни ребенка, ни собаки, ни старика, ни женщины съ вязаньемъ никого не было въ переулкѣ, залитомъ закатными кровавыми лучами солнца.

Николай Ильичъ едва не сказалъ: — съ нами крестная сила!, до того поразило его это явленіе, но вспомнилъ, что не вѣруетъ во Христа и сталъ недоумѣнно озираться.

II.

Старикъ сдержалъ обѣщаніе. Онъ прислалъ учителя. Въ этомъ не старомъ евреѣ, присяжномъ повѣренномъ, ничего не было таинственнаго. Средняго роста, вертлявый, нервный, любящій позы, рыже-

ватый еврей Стоцкій, Левъ Давидовичъ, любилъ пожить, покушать, поухаживать, былъ сладострастенъ не въ мѣру, доходилъ до садическихъ эксцессовъ, былъ влюбленъ въ самого себя и по глубинѣ и настойчивости мысли былъ много ниже нежели Николай Ильичъ. Но у него было то, чего не хватало Бурьянову. Николай Ильичъ въ своихъ размышленіяхъ доходилъ до дѣйствія и останавливался. Онъ не зналъ, какъ преодолѣть преграду. Стоцкому, ничто не было трудно.

Забравшись въ кабинетъ къ Бурьянову и потребовавши себѣ коньякъ, Стоцкій разрѣшалъ всѣ недоумѣнія Бурьянова.

— Чтобы добиться равенства, — говорилъ медленно и упрямо Бурьяновъ, глядя косыми глазами на Стоцкаго, надо сравнять общество, надо убрать сословныя перегородки, надо до нѣкоторой степени уничтожить культуру. Начнемъ сверху: — мы убираемъ власть. Но какъ?

— Чикъ — чикъ... И власти нѣтъ. Очень просто. Мы поставимъ громадную электрическую гильотину на большой площади и отрубимъ всѣ непокорныя головы, начиная съ царской.

— Откуда возьмемъ силу, товарищъ?

— Голодъ дастъ намъ толпу, толпа дастъ силу. Надо все то, что составляетъ цѣнность и смыслъ жизни взять въ свои руки: вотъ и все. Право жизни и смерти—разъ,—распредѣленіе хлѣба —два, ничего своего, потеря собственности, три. Все наше. Все. Мы говоримъ, что все принадлежитъ обществу, народу, но все возьмемъ себѣ и станемъ всесильными. Когда мы возьмемъ на себя право жизни и смерти мы получимъ возможность заставить повиноваться себѣ большинство.

— Терроръ?, спросилъ Николай Ильичъ.

— Кровавый, небывалый терроръ, товарищъ. Съ этого начнемъ.

— Когда?

— Это трудно сказать. Надо, чтобы народы устали повиноваться своимъ владыкамъ. Нужна война. Война научитъ людей презирать жизнь, научитъ убивать. Далѣе: уничтожить все, что привязываетъ людей къ жизни. Любовь? Но я беру и надругиваюсь надъ предметомъ вашей страсти и предлагаю вамъ сдѣлать тоже самое. Помните «Бездну» Леонида Андреева. А? Сладострастно просмакованная штучка? Неправда-ли? Наша интеллигенція готовитъ намъ дорогу. Пойдемъ, товарищъ, по готовому, гладкому пути. Плевать на все! Вы помните, какъ слюнявые гимназисты, захлебываясь читали «Бездну» и кое кого «Бездна» увлекла. А? Помните «огарочниковъ» 1905 года, помните этихъ блѣдныхъ дѣвушекъ съ подсиненными вѣками, которыя отдавались направо и налѣво, а потомъ гордо уходили изъ жизни? Съ этого начнемъ. Святого чувства любви нѣтъ. Есть похоть, есть самецъ и самка. Voulez vous — je vous prie — коротко и ясно. Такъ во всемъ, въ пѣсняхъ, въ стихахъ, въ прозѣ, въ музыкѣ. Отъ «Крейцеровой сонаты» Толстого, къ «Безднѣ» Леонида Андреева, къ «У послѣдней черты» и «Санину» Арцыбашева — вы видите, большая часть работы уже сдѣлана. Чистоты нѣтъ, канва готова, надо вышивать узоръ. Нѣтъ любви, не будетъ и семьи, да-съ, товарищъ. Надо перейти и это.

— Согласенъ, — сказалъ Николай Ильичъ.

— И это уже почти готово. Школа разбила семью.

— Религія, — проговорилъ Николай Ильичъ.

Стоцкій засвисталъ.

— Это то менѣе всего опасно. Кто теперь вѣритъ? Храмы пустѣютъ. Туда ходятъ однѣ старушки, священники сами ни во что не вѣрятъ. Да и тутъ, и тутъ — смѣло, нагло, покажите, что все обманъ. Откройте мощи, надругайтесь надъ иконами. Валяйте ва-банкъ.

— Полиція не позволитъ.

— Долой полицію! На гильотину ее, товарищъ.

— Печать?

— И печать долой. Свобода печати, товарищъ, есть буржуазный предразсудокъ. Печать должна быть только наша.

— Я объ этомъ думалъ давно. Свобода должна быть только у вождей, но не у народа. Народу долженъ быть данъ лишь призракъ свободы, я объ этомъ давно думалъ, Левъ Давидовичъ, но я никогда не могъ додуматься, какъ лишить народъ свободы, обѣщая дать ее ему. Вотъ, гдѣ была у меня остановка.

Стоцкій посмотрѣлъ на Бурьянова и покачалъ головой. Онъ всталъ съ кресла, стоя выпилъ рюмку коньяку и сказалъ:

— Опять ваша сестрица водою коньякъ доливала. Эхъ! Ужъ эта ея скаредность. — Легче всего, товарищъ, это сдѣлать. Передъ нами многовѣковой опытъ обузданія народной свободы и подчиненія народа, передъ нами не tabula rasa, но исписанныя страницы исторіи. Возьмемъ готовое.

— Что же, — брезгливо морщась проговорилъ Бурьяновъ, — полиція, армія, судъ, казни, жандармы?

— Зачѣмъ, зачѣмъ, товарищъ. Это все испугаетъ народъ. Надо все новое, новыя слова. Придетъ время, справимся и съ этимъ, это уже подробность.

— Но гдѣ мы найдемъ людей, готовыхъ исполнять наши приказы?

— Вотъ это, товарищъ, самое простое. У насъ, въ Россіи, говорятъ: было бы болото, а черти найдуйтся, я вамъ скажу — была бы власть, а подлизы и подхалимы найдутся. Прикормимъ. Помните одно, что человѣкъ самое подлое животное въ мірѣ, а Русскій особенно. Не только найдутся, но руки намъ цѣловать будутъ и славословить будутъ.

— Чернь, простой народъ, — устало сказалъ Бурьяновъ.

— Профессора, ученые, вельможи, князья, артисты, писатели — убѣжденно сказалъ Стоцкій. — Дайте намъ только поработать, только отвести подальше христіанскую мораль и все полетитъ кувыркомъ. Дайте намъ разбить людей по партіямъ и перессорить партіи между собою, и тогда все будетъ готово.

— Кто вы такой? Откуда у васъ такая увѣренность? Кто тотъ старикъ, котораго я видалъ третьяго дня на берегу озера и который непонятнымъ для меня образомъ исчезъ?

— Отвѣчу на все, насколько могу. Я присяжный повѣренный Стоцкій. Я жидъ. Жидъ, которому въ гимназіи сосѣди складывали уголъ полы мундира и показывали свиное ухо, котораго преслѣдовали въ университетѣ, котораго на Невскомъ. во время демонстраціи, казакъ избилъ нагайкой, которому постоянно грозили чертою осѣдлости, ... но не довольно ли? Я поклялся, что будетъ день, когда молодежь, студенты и гимназисты будутъ восторженно привѣтствовать меня и носить на рукахъ. будетъ день, когда казаки будутъ повиноваться мнѣ и станицы изберутъ меня своимъ почетнымъ казакомъ. Будетъ день, когда мы съ вами, товарищъ, станемъ царями вселенной!

— Почему вы и меня привлекаете? — спросилъ Николай Ильичъ, и Стоцкій замѣтилъ, что маленькіе глазки его заблистали удовольствіемъ.

— Вы намъ нужны, какъ знамя, какъ воплощенная идея соціализма, какъ человѣкъ, у котораго, что ни фраза, то формула. Но, погодите, товарищъ, — прихлебывая коньякъ и блестя глазами воскликнулъ Стоцкій, — дѣвушки лучшаго общества будутъ приходить ко мнѣ и отдаваться мнѣ, а я буду терзать и мучить у нихъ на глазахъ ихъ братьевъ и жениховъ!

— Это мнѣ нравится, — сказалъ Бурьяновъ, — это идейное сладострастіе. Это не развратъ, а что то высшее.

— Увидите, товарищъ! Теперь вы знаете, кто я. Я — царь іудейскій, я царствующій жидъ и я сумѣю показать гоямъ, что значитъ владычество жида. Тотъ, кто послалъ меня?... Его я не могу вамъ назвать. Онъ одинъ изъ 33 великихъ мудрецовъ, которымъ дано править міромъ. Это вождь соціализма, это тотъ, кто сумѣетъ достигнуть величайшаго равенства людей — всѣхъ людей сдѣлать рабами, всѣхъ поставить на скотское положеніе.

— А потомъ? — спросилъ Николай Ильичъ.

— Потомъ? — съ удивленіемъ сказалъ Стоцкій, а что намъ до того, что будетъ потомъ? На нашъ вѣкъ хватитъ. Погибла Ниневія и Вавилонъ, рухнулъ Египетъ, а его ли культура не была высока, погибли Греція и Римъ съ его изнѣженнымъ развратомъ и великолѣпными легіонами, — ну что же, погибнетъ, обратится въ прахъ — Россія, Германія, Франція, Avenue de l'Opera поростетъ бурьяномъ и по провалившейся мостовой будутъ ходить путешественники и съ удивленіемъ смотрѣть на остатки зданій и будутъ говорить: какъ тогда умѣли строить? Вамъ жалко?

— Ничуть, — сказалъ Бурьяновъ.

— И мнѣ не жалко. Почти два тысячелѣтія накапливалась могучая европейская культура — протремъ глаза накопленному капиталу и спустимъ все до послѣдняго гроша. А! Какой сверкающій апофеозъ будетъ всей міровой исторіи!

— Намъ нужны помощники, — сказалъ Бурьяновъ.

— У васъ они есть. Коржиковъ со своимъ фантастическимъ сыномъ, Любовинъ — это люди, которые вѣрятъ вамъ, дышатъ вами, съ ними вы сдѣлаете все, что хотите.

— Хорошо,—сказалъ Бурьяновъ. — Ваша идея мнѣ нравится Люди говорятъ per aspera ad astra — черезъ бездны къ звѣздамъ, ну я скажу иначе, — per astra ad aspera — подойдемте къ пучинамъ, къ

безднамъ, раскроемъ тайну бытія и посмѣемся. —
— Посмѣемся, Николай Ильичъ...

Стоцкій небрежно протянулъ руку Николаю Ильичу и вышелъ. Съ этого дня они почти не разставались.

III.

Коржиковъ еще разъ посмотрѣлъ на пышащій красными красками домъ Бурьянова и задумчиво покачалъ головою. Да, — подумалъ онъ, — это вождь и я пигмей передъ нимъ. Но, почему же иногда я колеблюсь. Кажется, отрекся давно ото всего, сталъ на высшую точку презрѣнія къ морали и буржуазнымъ предразсудкамъ, а вотъ временами. — какъ надъ пучиной стою. Голова кружится. Жутко... Такъ таки ничего? Ни религіи, ни вѣры, ни Бога, ни исторіи, ни прошлаго, ни будущаго, что тогда? Онъ еще разъ посмотрѣлъ на домъ. — Одна кровь. Но что, если кровь живая? Что, если мы дѣлаемъ не общее дѣло, не человѣческое дѣло, а дѣло одного лица? Кого? Діавола?...

Какія глупости! Это отъ бездѣлья, отъ томленія теоріи, неосуществляемой на практикѣ. Знаю. что и онъ, учитель, колеблется. Вотъ Стоцкій, — тотъ знаетъ, куда идетъ, у него все ясно. его ненависть и презрѣніе къ людямъ ведутъ его точно по намѣченному пути. Онъ веселъ. Веселъ и мой сынъ. Ну, въ немъ то говоритъ атавизмъ. Ему царствовать и повелѣвать одно наслажденіе. Да и развратъ въ крови у него. Мой сынъ...

Коржиковъ поморщился. Ему предстояло непріятное объясненіе по поводу поступковъ сына Маруси.

Онъ подошелъ къ крыльцу, взялъ молотокъ, привѣшенный къ цѣпи и постучалъ въ дверную доску.

Не даромъ говорятъ, что Бурьяновъ масонъ, подумалъ онъ. А впрочемъ, не все ли равно. Хотя бы самъ чортъ. Онъ умный человѣкъ и знаетъ, что нужно человѣчеству. По моему, онъ выше Маркса.

Въ немъ воспарилъ Русскій геній и онъ перещеголялъ Маркса.

Служанка открыла дверь и опять Коржиковъ невольно подумалъ:—соціалистъ-то онъ соціалистъ, а служанку держитъ, и собственность признаетъ... для себя, или какъ онъ говоритъ: для вождей.

Комната, куда онъ вошелъ, тоже была красная. Вся фигура Николая Ильича на фонѣ красной занавѣси, озаренной лучами солнца, была кровавая. Рѣзче выдѣлялся его голый черепъ и маленькое личико съ косыми узкими глазами, сильнѣе были видны аномаліи въ его сложеніи: большая по туловищу голова, длинныя, тонкія руки съ большими кистями, кривыя ноги. Онъ былъ физическимъ уродомъ. Сбоку, на оттоманкѣ, неловко примостившись и опираясь по солдатски ладонями въ колѣни прямо поставленныхъ ногъ, сидѣлъ Любовинъ. Лицо его было выбрито и онъ казался моложе своихъ сорока трехъ лѣтъ. Отъ бездѣльной жизни, долгаго валянья въ постели, онъ пріобрѣлъ полноту и лицо его было опухшее, съ нездоровыми темными пятнами подъ глазами. На немъ были сѣрые полосатые брюки и чечунчовый пиджакъ-разлетайка не первой свѣжести. Бурьяновъ былъ въ темнокоричневомъ пиджакѣ, на который теперь солнце набросило сквозь алыя занавѣси красныя пятна.

— Вотъ и самъ папаша, — сказалъ Любовинъ, фамильярно показывая Бурьянову на Коржикова. — извольте полюбоваться.

— Что еще вамъ надѣлалъ Викторъ? — морщась и крутя бороду сказалъ Коржиковъ.

— Я пришелъ жаловаться, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, товарищу и искать суда и защиты. Часъ тому назадъ я засталъ мою Эльзу en flagrant delit съ Викторомъ, — сказалъ, понижая голосъ, Любовинъ.

Онъ горѣлъ негодованіемъ. Ни Бурьяновъ, ни Коржиковъ не выразили никакого удивленія. Любовинъ посматривалъ то на того, то на другого.

— Дѣло молодое. Юноша созрѣлъ, а ваша Эльза, не смотря на свои сорокъ пять лѣтъ имѣетъ аппетитныя округлости. Живемъ всѣ вмѣстѣ. Ну, что тутъ удивительнаго, что юноша побаловался,— сказалъ, спокойно закуривая папиросу,Коржиковъ.

— Ѳедоръ Ѳедоровичъ, что вы говорите! Вы подумайте только. Эльза уже пятнадцать лѣтъ, какъ жена моя. Мы только что не вѣнчаны.

— Этого недоставало, — вставилъ Коржиковъ.

— Она воспитывала, она кормила, она ходила за Викторомъ, когда онъ былъ маленькимъ. Викторъ мой родной племянникъ. Онъ сынъ моей сестры. Что же это такое?

— Молодость,—сказалъ Коржиковъ.— Вы спросили бы лучше у Эльзы.

— Я спрашивалъ. Она не хотѣла. Видитъ Богъ, она не хотѣла. Она любила Виктора, какъ сына. Викторъ такой красивый. Онъ пришелъ, сталъ шутить, баловаться. У ней въ мысляхъ не было ничего такого. И вдругъ. Она убита горемъ и раскаяніемъ. Я боюсь за нее. Подумайте, всего недѣлю тому назадъ утопилась изъ за него Минна Бетхеръ. Роза Канторовичъ ходитъ беременная отъ него. Теперь Эльза. Что же это такое!

— Кровь играетъ. Мальчикъ покажетъ себя, — сказалъ Коржиковъ.

— Ѳедоръ Ѳедоровичъ, я прошу, я требую примѣрнаго наказанія. Эльзу я прогналъ.

— Вотъ какъ! Это уже совсѣмъ выходитъ по буржуйски. Нарушеніе вѣрности невѣнчанной жены. Глупо, Викторъ Михайловичъ. Развѣ Эльза ваша собственность? Какое право вы имѣете говорить «моя Эльза». Какой вы соціалистъ послѣ этого! Захочетъ Эльза, захочу я и она будетъ дѣлить любовь со мною, но изъ этого не значитъ, что Эльза будетъ моя. Какъ вы все еще полны предразсудками буржуазной морали. Вы знаете, что Викторъ не такъ воспитанъ. Въ немъ не положено сдерживающаго начала. Хочу, могу и дѣлаю. Вотъ

и все. Что я ему скажу? Почему не могъ онъ побаловаться съ Эльзой, съ Минной, съ Розой? Что ему, въ любовь что ли играть? Викторъ Михайловичъ, нашъ Викторъ новый человѣкъ. Вы его не поймете. Я его уже не понимаю. Онъ смотритъ по своему. Влюбляются, вѣшаются на шею, — ему какое дѣло. Онъ ни за что не отвѣчаетъ. Ваша Эльза старая, толстая дура, Минна сентиментальная безобразная нѣмочка съ узкими плечами и кривой спиной, Роза толстая жидовка — какъ видите, любви тутъ не было. Тутъ было только естественное удовлетвореніе похоти. Я изъ Виктора монаха не воспитывалъ, папаша его, сами по своей сестрицѣ знаете, былъ ходокъ по этой части, но папаша былъ аристократъ, эстетъ, а Викторъ пролетарій и ему все равно, красива, или нѣтъ. Онъ голоденъ и кушаетъ. Надо мириться съ этимъ. Молодость имѣетъ свои права.

— Но, поймите, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, какая драма въ моей душѣ, въ душѣ Эльзы!

— Пустяки. Переборите. Если считать это драмой, то тогда надо допустить любовь, бракъ, надо допустить религію, вѣру, надежду, томленіе духа, тогда явится душа — а намъ она не нужна.

— Души нѣтъ — хриплымъ голосомъ изрекъ, какъ бы каркнулъ, Николай Ильичъ.

— Ѳедоръ Ѳедоровичъ, но вѣдь вы... когда то... Любили же вы Марусю? Ея память священна для васъ, — сказалъ, въ упоръ глядя на Коржикова, Любовинъ.

Коржиковъ не смутился.

— Да, и у меня были ошибки, — сказалъ онъ. — Но вспомните, Викторъ Михайловичъ, какъ я справился со своею любовью. Вы стрѣляли, вы безумствовали, вы кипятились, я холоднымъ разсудкомъ побѣдилъ свое чувство, я былъ у своего, — какъ вы бы назвали,— соперника и ни одного слова упрека я не сказалъ ему. Въ этомъ сила соціализма. А, согласитесь, тогда Марія Михайловна нанесла

ударъ не только сердцу моему, но и партіи. Она укрѣпила господина Саблина и сколько еще мерзостей онъ и ему подобные натворили въ 1905 году. Тронъ стоитъ непоколебленный...

— Слетитъ скоро, — изрекъ Бурьяновъ, оставаясь неподвижнымъ, какъ кукла-автоматъ чревовѣщателя.

— Армія вѣрна монарху. А мы то расчитывали! Подумайте, что ваша Эльза передъ Маріей Михайловной? Спросите Виктора, — хотѣлъ онъ васъ огорчить? Увѣряю васъ, что онъ по своему васъ любитъ.

— Любви нѣтъ, — прохрипѣлъ Бурьяновъ.

— Онъ не хотѣлъ огорчать васъ. Просто въ ту минуту онъ не подумалъ. Къ такимъ людямъ, какъ Викторъ, подходить съ нашей моралью не годится. Викторъ, если захочетъ, убьетъ любого изъ насъ и рука его не дрогнетъ, а вспомните, что было съ вами, когда вы только вообразили себѣ, что убили Саблина!

Любовинъ пожалъ плечами.

— Что посѣешь, тихо сказалъ онъ — то и пожнешь.

— Вотъ онъ идетъ, сказалъ Коржиковъ. — Я слышу его шаги. Онъ торопится. Онъ взволнованъ. Что я скажу ему? «Ты обидѣлъ дядю тѣмъ, что обладалъ его Эльзой» — Онъ не пойметъ. Онъ скажетъ — пусть дядя возьметъ мою Розу, кого хочетъ. Вѣдь для него это все равно, что выпить кофе изъ вашего стакана.

— Вѣрно, сказалъ Бурьяновъ. — Пора отрѣшиться отъ условностей, товарищи. То, что вы говорите, товарищъ — скотство. Пора стать людьми.

Дверь въ эту минуту съ трескомъ распахнулась на обѣ половинки и въ комнату, озаренную алымъ пламенемъ заката, отраженнаго о горы, ворвался молодой человѣкъ.

IV.

Викторъ былъ во всей красотѣ и блескѣ своихъ восемнадцати лѣтъ. Онъ очень походилъ на отца — корнета Саблина, въ дни его юности. Только волосы были темнѣе, какъ у Маруси и самъ онъ былъ крѣпче, коренастѣе, могучѣе: приливъ простой крови сказался. То, что въ Саблинѣ было нѣкоторою капризною страстью въ чертахъ, тонкія легко расширяющіяся ноздри, чувственная складка пухлаго рта, что было капризно мило въ немъ и такъ чаровало женщинъ, въ Викторѣ было подчеркнуто и грубо. Онъ долженъ былъ нравиться простымъ дѣвушкамъ, пожилымъ дамамъ, но тонкая, понимающая красоту дѣвушка имъ не увлеклась бы и не поддалась бы ему. Было что то отталкивающее въ его красотѣ. Густые волосы были сзади коротко острижены, а спереди оставлены длинными и капризными локонами и какъ женская чолка спускались на лобъ. Большіе сѣрые глаза были жестки и наглы, чувство любви и нѣжности было имъ не знакомо. Они властно смотрѣли кругомъ и никогда и не передъ чѣмъ не опускались. Борода еще не росла на его подбородкѣ, молодые усы были острижены и только два черныхъ кустика были оставлены подъ самыми ноздрями и придавали молодому и красивому лицу отталкивающе наглый видъ. Голова опиралась на длинную, полную, красиво обрисованную шею, выказывающую непреклонную волю. Бѣлая просторная рубашка съ широкимъ отложнымъ воротомъ обнажала часть холеной груди, на которой на золотой цѣпочкѣ висѣлъ дорогой кулонъ съ темнымъ гранатомъ. Широкій поясъ охватывалъ поверхъ рубахи талію. Ниже были свободные панталоны и легкіе башмаки.

Ни съ кѣмъ не здороваясь и глядя только на Бурьянова, Викторъ, размахивая руками сталъ горячо говорить.

— Сейчасъ я изъ Люцерна. Вечернія газеты передаютъ: — Германія объявила войну Россіи, ожидается объявленіе Франціей войны Германіи! Все волнуется, кипитъ. Товарищи, что же это? Значитъ, настало время, когда можно и намъ начинать ту работу, о которой такъ много говорили товарищи Николай и Стоцкій. Я былъ у маіора Брандта. Онъ многозначительно намекнулъ мнѣ, что деньги...

Бурьяновъ перебилъ его. Онъ остановилъ его рѣчь движеніемъ рукъ и всталъ спиною къ окну. Средняго роста, лысый, уродливый онъ тѣмъ не менѣе производилъ впечатлѣніе на окружающихъ. Любовинъ вскочилъ и вытянулся, Коржиковъ помялся немного, но тоже всталъ, Викторъ застылъ въ почтительной позѣ и по дѣтски, на полусловѣ, открылъ ротъ, какъ будто стараясь ртомъ ловить то, что скажетъ Бурьяновъ.

За окномъ догорали послѣдніе лучи солнца. Кровавый отблескъ вѣнчикомъ ложился надъ головою Николая Ильича и придавалъ ему видъ святого, написаннаго на золотой доскѣ и окруженнаго сіяніемъ. Лицо было въ тѣни и въ темнотѣ странно сверкали двѣ большія челюсти искусственныхъ зубовъ громаднаго рта. Николай Ильичъ не говорилъ, но пророчествовалъ.

— Я зналъ это товарищи!. — началъ онъ и остановился. Гробовая тишина царила въ кабинетѣ. Въ верху окна видно было красное небо и темныя горы. Изъ отеля обрывками, какъ тогда, когда Бурьяновъ встрѣтился со старымъ евреемъ доносилась музыка. Играли модный танецъ и казалось нелѣпымъ, что тамъ могли танцовать и смѣяться.

— Старый міръ гибнетъ. — тихо сказалъ Бурьяновъ. — Народы, гонимые властью, по волѣ своихъ императоровъ, бросятся уничтожать другъ друга. Капиталисты всѣхъ странъ перегрызлись между собою и милліоны людей погибнутъ, защищая ихъ интересы!... Да будетъ! Свершается то, что мы готовили въ таинственной тиши долгіе, многіе годы.

Изъ потоковъ крови встанетъ подлинное человѣчество, объединенный единою жаждою мести — пролетаріатъ. Эта война — послѣдняя схватка народовъ...

Бурьяновъ долго молчалъ. Никто не смѣлъ нарушить тишину, прервать его вдохновеніе. Кровавый отблескъ горѣлъ ярче. Солнце пускало послѣдніе лучи и трепетали въ воздухѣ пылинки. Красныя занавѣси пылали.

— Все полетитъ. Все къ черту! Все, все погибнетъ. Погибнутъ народы, націи потеряютъ свой обликъ. Благородство, честность, вѣра, чувство долга — все къ свиньямъ подъ хвостъ! Туда имъ и дорога! Ни къ чему все это, товарищи. Не мы, а они разрѣшили народу кровь. И не остановятъ. И, когда ослабнутъ, когда погибнутъ лучшіе люди, тогда встанемъ мы и предъявимъ свой длинный счетъ. Когда вы пьянствовали, сладострастничали, когда вы сидѣли въ дворцахъ и раскатывали на автомобиляхъ, когда вы носили тонкое сукно, шелки, брильянты и опьянялись виномъ, музыкой и женщинами, мы сидѣли въ темныхъ рабочихъ кварталахъ, мы изнемогали въ страшной цѣлодневной работѣ, мы стояли у раскаленныхъ горновъ, на ледяномъ вѣтру сквозняковъ, мы задыхались въ вони жилищъ, мы отдавали своихъ дочерей вамъ на наслажденіе, мы умирали вашими рабами! Га! Мало кровушки нашей попили! Теперь мы будемъ пить вашу кровь, мы потребуемъ себѣ, на свои постели, нѣжное мясо вашихъ подругъ, мы войдемъ въ ваши дворцы и съѣдимъ и выпьемъ ваши запасы! Мы устроимъ пиръ бѣдноты и мы расхитимъ и растащимъ все, что вы копили и берегли! Га! Прошлое, предки, исторія, слава! — Къ черту въ болото и славу и исторію!! Все блѣдно и сѣро и нѣту героевъ! Нѣтъ, товарищи, въ грядущей революціи мы не дадимъ имъ Наполеона. Пусть та сѣрая, липкая, вонючая грязь, которую накапливали они въ рабочихъ кварталахъ, зальетъ мишурный блескъ

ихъ знаменъ и орловъ. Красная тряпка, а не знамя, кровавыя лохмотья, а не шитые золотомъ мундиры, общій голодъ, а не бранные пиры, смердѣніе труповъ, а не ѳиміамъ побѣдныхъ куреній! Что, не нравится? Ни къ чему все это товарищи! Хаосъ, гибель всего, плачъ и стоны! Пусть! Пусть! Созрѣлъ урожай! Валятся золотыя колосья, пустѣетъ поле. Уже идетъ по нему жестокій плугъ и выворачиваетъ вонючіе пласты земли. Навозомъ на нее, разлагающимися трупами, костями — пусть смердитъ оно и жжется и готовитъ колыбель зерну, которое мы бросимъ.

И лучшагоизъгоевъубей!... Всѣхъ лучшихъ убей. И, если вошь кричитъ въ твоей рубашкѣ, возьми и убей! Все лучшее къ свиньямъ, къ чортовой матери! Пусть въ звѣриномъ сладострастіи копошатся люди, какъ бѣлые черви въ навозѣ. Это ли не равенство? Всѣ одинаковые, всѣ бѣлые, всѣ склизкіе, всѣ вонючіе, всѣ однимъ навозомъ питаются!

Товарищи! Всѣ на работу. Товарищъ Викторъ— вамъ особая задача. Я сейчасъ отправлюсь на совѣтъ. Вы будьте готовы къ двѣнадцати часамъ получить отъ меня инструкціи и деньги, и на фронтъ, въ Россію. Вы, товарищи, ждите меня здѣсь.

Солнце зашло за горы и кровавое сіяніе исчезло съ головы Бурьянова, онъ торжественно прошелъ мимо своихъ гостей. На его лицѣ застыла идіотски восторженная улыбка, онъ походилъ на сумасшедшаго.

Викторъ въ экстазѣ бросился за нимъ. Коржиковъ и Любовинъ остались одни. Нѣкоторое время они молча сидѣли въ кабинетѣ. Темнѣло. Сумерки сгущались, но никому не пришло въ голову зажечь огни.

— Не находите ли вы, Викторъ Михайловичъ, — сказалъ Коржиковъ, что настало время открыть тайну рожденія Виктора?

Любовинъ передернулъ плечами.

— Настал часъ крови и мести. Пусть отомститъ за страданія и муки матери.

— Дѣлайте, какъ знаете, — сказалъ Любовинъ, — но меня увольте отъ разговора съ этимъ негодяемъ. Онъ слишкомъ сверхъ человѣкъ для того, чтобы я могъ понимать его... Ахъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ! тогда, когда я вступалъ въ партію, я не того ожидалъ и по иному вѣровалъ. Мнѣ казалось, что будетъ счастіе. Не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, но всѣ будутъ богатые, не будетъ войнъ, не будетъ голода, преступленій и казней. Именно къ звѣздамъ я стремился, а что же это? Меня ведутъ къ пропасти, смердящей трупами и говорятъ, что это цѣль устремленій. Я ничего не понимаю.

— Да, Викторъ Михайловичъ, подлинно вы ничего не понимаете, сказалъ Коржиковъ и вышелъ изъ комнаты.

Любовинъ потоптался нерѣшительно въ темной комнатѣ и пошелъ за нимъ. Въ пустой комнатѣ стало совсѣмъ темно. Рѣзко выдѣлялось окно и вдали стали видны темныя горы, покрытыя огоньками строеній и фонарей улицъ какого то мѣстечка. Темное озеро засвѣтилось длинными полосами отраженныхъ огней.

V.

— Викторъ, сказалъ Коржиковъ, зажигая лампу въ кабинетѣ Бурьянова и развязывая принесенный съ собою пакетъ. — Мнѣ надо поговорить съ тобой.

— Говорите, я слушаю, — отвѣтилъ Викторъ, смотря большими глазами на Коржикова.

Отношенія между сыномъ и отцомъ были дружескія, дѣловыя. Никакой ласки, или нѣжности между ними не было. Очень рѣдко Викторъ говорилъ Коржикову «отецъ», но больше называлъ его безлично, или «Ѳедоръ Ѳедоровичъ». Коржиковъ звалъ его по имени.

Коржиковъ досталъ портретъ Маруси и подалъ его Виктору.

— Это мать твоя, сказалъ онъ.

Викторъ съ любопытствомъ сталъ разглядывать старую карточку, на которой Маруся была снята въ гимназическомъ платьѣ, въ черномъ передникѣ и съ волосами, уложенными въ косы.

— Хорошенькая дѣвочка, — сказалъ Викторъ. — Какъ вы ловко подцѣпили ее, Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

Даже Коржиковъ возмутился.

— Это мать твоя, Викторъ, внушительно повторилъ онъ.

— Ну такъ что же. Развѣ мать не женщина? Только и всего, что она на восемнадцать лѣтъ старше меня, а такъ — такая же женщина.

— Оставь, Викторъ. Она была глубоко несчастлива и умерла, рожая тебя...

— Бѣдная! молода она тогда была?

— Ей было девятнадцать лѣтъ.

— Жаль дѣвчонку. Поди и вы убивались. Какъ же вы такъ неосторожны были, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, не поберегли ее.

Гримаса отвращенія искривила лицо Коржикова. Онъ пожалѣлъ о томъ, что воспиталъ Виктора не въ христіанской морали и не передалъ ему завѣтъ любви.

— Я никогда не былъ ея мужемъ, — сказалъ Коржиковъ, подавая Виктору карточку Саблина. Саблинъ былъ снятъ у лучшаго тогдашняго фотографа Бергамаско. На лакированной, въ лиловатыхъ тонахъ, карточкѣ, въ выпукломъ овалѣ было поясное изображеніе Саблина въ кирасѣ поверхъ колета. Гордо, ясно и самоувѣренно смотрѣли большіе красивые глаза.

— Я понимаю мамашу, — сказалъ Викторъ. Экой какой фертъ! Фу ты — ну ты! Какъ устоишь. И поди ерникъ большой былъ. Офицеръ, — протянулъ онъ. Я сынъ офицера! вотъ такъ игра приро-

ды! Какъ же вы то, отецъ, рога себѣ наставить позволили. Ахъ! и воображаю, какъ вы злились!

— Викторъ, не говори такъ. Ты долженъ знать все.

И Коржиковъ подробно разсказалъ всю исторію Маруси. Когда онъ дошелъ до того момента, какъ Любовинъ ворвался въ квартиру Саблина, Викторъ захохоталъ.

— Экая балда! Ну хоть онъ и дядюшка мой, а не далекій парень. Вотъ оселъ! Стрѣлялъ! Ахъ, голубчикъ! Ну и, конечно, промазалъ. Развѣ онъ можетъ убить! Онъ и клопа то на спичкѣ жаритъ, такъ и то покаянную молитву про себя шепчетъ. Однако, чортъ возьми, романическое происшествіе. Сынъ офицера! Поди, богатаго. Что же онъ мамашу то обезпечилъ по крайности. Вы на приданомъ женились, или такъ?

Коржиковъ, скрѣпя сердце и досадуя на себя, что началъ этотъ разговоръ, разсказалъ о причинахъ, заставившихъ его жениться на Марусѣ.

— Какія дикія понятія! Что же дѣвушка что ли и родить не смѣетъ. Эк-кіе остолопины.

— Викторъ, какія у тебя чувства къ этому офицеру?

— Какія? Да никакихъ-же. Будь дѣвушка жива я, можетъ быть, позавидовалъ бы ему, постарался отбить.

— Онъ — отецъ твой. Онъ жестоко оскорбилъ твою мать, заставилъ ее страдать...

— Ну, поди и наслаждалась не мало. Вѣдь хорошъ офицерикъ то! Это что же, гусаръ, что ли называется?

— Онъ началъ тебя и бросилъ, что же ты чувствуешь къ нему?

— Какъ къ офицеру, или какъ къ отцу?

— Къ отцу.

— Ничего. Мало ли бываетъ. Побаловался, не его въ томъ вина. Поди и отъ меня гдѣ либо дѣти пойдутъ, что же думать объ этомъ? Это уже плохой

комунистъ. ежели надъ такимъ пустякомъ голову крутить. А къ офицеру обычно, какъ ко всѣмъ имъ — ненависть. Задушить его надо и все, безъ особой пощады. Вы слыхали, какъ учитель то говорилъ— и лучшаго изъ гоевъ убей! А вѣдь онъ то поди, гой для насъ. Ну и убьемъ, не пожалѣемъ. Да и офицеръ то вѣрно хорошій, такой много вреда намъ дѣлаетъ. Что же хотите я своими руками задушу, мнѣ это не страшно.

— Отомсти за нее!, глухо сказалъ Коржиковъ и закрылъ руками лицо, вдругъ странно пятнами покраснѣвшее.

— А вы что же, отецъ, а? Любили ее? Любили? ха-ха-ха-ха! Вотъ, здорово, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, — любили! Ха-ха-ха!

— Уйди, проклятый!, проскрежеталъ Коржиковъ.

— Хорошъ комунистъ! Влюбленный... Ха-ха-ха!

На этомъ дикомъ раскатистомъ смѣхѣ надъ Коржиковымъ засталъ ихъ Бурьяновъ. При его входѣ Коржиковъ отвелъ ладони отъ рукъ, а Викторъ сдѣлалъ почтительное лицо, пересталъ хохотать, но глупая улыбка не сходила съ его лица.

На лицѣ Бурьянова играла злорадная презрительная усмѣшка, но было оно какъ будто чѣмъ то и смущено, точно за эти полъ часа произошло что то, что и его умъ заставило призадуматься. За нимъ вошелъ Стоцкій. Этотъ былъ веселъ, плотоядно улыбался и потиралъ руки.

— Ну, товарищи, сказалъ Стоцкій. — медлить не будемъ. Вы, Коржиковъ съ Любовинымъ, на этихъ дняхъ поѣдете въ Россію. Я вамъ укажу что и черезъ кого надо дѣлать, а Виктору особая и боевая задача... И лучшаго изъ гоевъ — убей. Сможешь, Викторъ?

— Я то?, сказалъ Викторъ. — А что жъ? Пустяки все это, между прочимъ. Вы только скажите кого.

— Лучшаго, понялъ? — сказалъ Стоцкій.

— Идите ко мнѣ, — сказалъ Бурьяновъ — я вамъ скажу, что вамъ надо сейчасъ.

— И я вамъ скажу, сказалъ Стоцкій.

— Товарищи, обождите въ столовой, сказалъ Бурьяновъ, пока мы тутъ поколдуемъ немного.

Ихъ колдовство продолжалось почти три часа. Была уже полночь, луна поднялась надъ горами и заблистала въ озерѣ и на снѣговыхъ вершинахъ, когда Коржикова и Любовина позвали проститься съ Викторомъ. На Викторѣ была дорожная шапка и плащъ, одолженные ему Бурьяновымъ, въ мѣшкѣ за плечами лежала значительная сумма денегъ и документы, удостовѣрявшіе, что онъ восемнадцатилѣтній гимназистъ Холмской гимназіи Викторъ Модзалевскій. Онъ пожалъ руку Коржикову и Любовину и вышелъ на дорогу. Коржиковъ съ Любовинымъ пошли его провожать. Луна свѣтила ярко. Серебристая пыль поднималась по шоссе отъ шаговъ Виктора. Онъ бодро и легко шелъ къ Люцерну. Коржиковъ и Любовинъ долго слѣдили за нимъ. Онъ ни разу не обернулся.

— Викторъ!, крикнулъ Любовинъ, чувствуя, что все простилъ этому юношѣ и что таинственная связь крови соединяетъ ихъ. — Викторъ!

Но Викторъ не обернулся. Онъ сосредоточенно шагалъ, обдумывая ту задачу, которая дана была ему Бурьяновымъ. Разрушать Русскую армію во время войны, быть шпіономъ, убивать лучшихъ начальниковъ и солдатъ, можетъ быть и отца надо будетъ убить. Не это волновало его. Его волновало и заставляло биться его сердце чувство постоянной опасности, которая съ этого момента будетъ кругомъ него. Онъ ѣхалъ къ маленькому пограничному городку З., гдѣ долженъ былъ работать на разрушеніе казаковъ.

VI.

Про городъ З. говорятъ, что онъ маленькій Люблинъ, а Люблинъ маленькая Варшава, а Варшава

маленькій Парижъ, такимъ образомъ З. въ глазахъ его обитателей, казался маленькимъ, самымъ маленькимъ, Парижемъ, однимъ кварталомъ Парижа. Построенный въ XIII вѣкѣ, среди болотъ и лѣсовъ Холмщины, онъ долгое время былъ оплотомъ католичества. Въ немъ былъ громадный костелъ съ мраморными памятниками въ честь его основателей графовъ З—скихъ, съ могучими, въ четыре охвата, дубами и липами, съ каменной рѣшеткой, въ немъ былъ величественный магистратъ съ наружной лѣстницей на два марша, который строили въ XIV вѣкѣ, съ этой лѣстницы привѣтствовали Петра Великаго, когда онъ ѣхалъ изъ заграницы; подлѣ города была могила сына Богдана Хмѣльницкаго, убитаго въ бою съ поляками. Весь городъ видный насквозь изъ улицы въ улицу, прекрасно мощеный съ канализаціей и водопроводами, съ молодыми круглыми каштанами вдоль улицъ, со старымъ рынкомъ съ аркадами, подъ которыми были маленькіе еврейскіе магазины, съ дворцомъ графовъ З—скихъ, обращеннымъ въ офицерскія квартиры гарнизона, съ конюшнями графа, перестроенными въ офицерское собраніе казачьяго полка, съ другимъ костеломъ, обращеннымъ въ казарму, со старыми, временъ Николая I, равелинами и бастіонами крѣпости былъ чистенькій и веселый, полный оживленной еврейской толпы, офицеровъ, казаковъ и солдатъ.

Въ іюльскій день 1914 года онъ млѣлъ подъ солнечными лучами и чистые камни мостовыхъ по южному такъ сверкали, что больно было на нихъ смотрѣть. Окна домовъ были открыты, изъ нихъ свѣшивались одѣяла, подушки и перины, выложенныя для провѣтриванія и кое гдѣ выглядывала черноволосая женская головка съ масляными большими глазами, точенымъ носомъ и пунцовыми чувственными губами.

Въ большомъ тѣнистомъ скверѣ, подъ раскидистыми каштанами, на скамейкахъ, сидѣли гарни-

зонныя дамы, играли дѣти. Сквозь тѣсный переплетъ вѣтвей, съ большими лапчатыми листьями, солнце бросало на песокъ маленькіе золотые кружки и въ скверѣ, чисто подметенномъ съ лужайками покрытыми травой, была такая мирная истома, такое отрадное тепло смягченное густою зеленью, что тянуло къ мечтамъ и лѣни и невольно вспоминались слова гарнизоннаго батюшки, отца Бекаревича, что климатъ З. не уступаетъ климату Ниццы.

Было двѣнадцать часовъ дня. Весь З. вдругъ наполнился сочными звуками военнаго оркестра и дробнымъ топотомъ конскихъ подковъ по камнямъ. Звуки врывались въ улицу, отдавались о дома, о выступы стѣнъ и разливались по всему городку радостные, бодрые и веселые. Казачій полкъ возвращался съ маневра.

Впереди полка на крупномъ рыжемъ конѣ Донского Провальскаго завода ѣхалъ командиръ полка полковникъ Павелъ Николаевичъ Карповъ. Это былъ рослый красивый мущина лѣтъ сорока пяти. Темная борода была расчесана на подобіе бакенбардъ на двѣ стороны и чуть чуть серебрилась отъ пробивавшихся сѣдыхъ прядей. Онъ былъ худощавъ и строенъ, широкій ремень съ револьверомъ и биноклемъ ловко стягивалъ его тонкую талью. Онъ легко сидѣлъ на лошади и вся посадка обличала въ немъ смѣлаго и неустрашимаго наѣздника. Рядомъ съ нимъ, по правую сторону, на золотисто рыжемъ сытомъ конѣ ѣхалъ его помощникъ по хозяйственной части, войсковой старшина Семенъ Ивановичъ Коршуновъ, по другую, его адъютантъ, маленькій и толстенькій, рано начавшій лысѣть Георгій Петровичъ Кумсковъ.

За ними широкою шеренгою ѣхали трубачи. Лошади тѣснились и жались, а трубачи въ свѣжихъ защитныхъ рубахахъ и фуражкахъ, лихо одѣтыхъ на бокъ, играли, надувая щеки, веселый бодрый маршъ, отдававшійся эхомъ о стѣны домовъ.

Карповъ свернулъ въ боковую улицу, остановилъ коня и сталъ пропускать полкъ мимо себя. Искреннее восторженное удовольствіе сверкало въ его глазахъ, когда казаки, задирая подбородки кверху, сворачивали головы въ его сторону и проѣзжали мимо него. Пѣсенники умолкли. Поваленныя за плечо на петляхъ пики тихо колебались и звенѣли. Прекрасно одѣтые, красивые люди съ сухими загорѣлыми лицами, на которыя изъ подъ фуражекъ волнами падали густые тщательно расчесанные волосы, припудренные пылью, внимательно и весело смотрѣли на своего командира. Они знали, что они хороши, что они молоды и что командиръ ими любуется. Они гордились тѣмъ, что они казаки лихого Донского полка, лучшаго полка кавалерійской дивизіи, что они Донцы, что они сыны великой Русской арміи. Они чувствовали, что войско лучше ихъ трудно придумать и создать.

Сверкающія червоннымъ золотомъ на солнцѣ лошади 1-й сотни всѣ, какъ одна, свѣтло-рыжей шерсти, въ передней шеренгѣ лысыя въ задней безъ отмѣтинъ, прекрасно масть въ масть подобранныя, отлично тренированныя и вычищенныя, съ разобранными руками, волосъ къ волосу, пушистыми хвостами, поднявши сухія головы съ красивыми темными глазами торопливо проходили мимо командира.

Рыжую первую сотню смѣнила бурая вторая, потомъ шла вишнево гнѣдая третья, дальше караковая четвертая. Одна была лучше другой. Карповъ зналъ каждую лошадь, каждаго казака. Каждаго онъ любилъ горячей искреннею любовью. Вотъ этотъ блѣдный свѣтлорусый казакъ Хоперсковъ, печальными глазами глядѣвшій на командира, всего недѣлю тому назадъ вернулся изъ отпуска. Онъ ѣздилъ на Донъ хоронить свою молодую жену. У него въ станицѣ, на попеченіи чужихъ людей, осталась дѣвочка двухъ лѣтъ, — все, что привязываетъ его къ жизни. Сзади него ѣхалъ плотный и ко-

роткій съ лицомъ обрамленнымъ рыжеватой бородкой Пастуховъ, сотенный кузнецъ, первый силачъ въ полку, а рядомъ, юный, прекрасный, съ чуть пробивающимися черными усиками Поляковъ, сынъ богатаго казака, маменькинъ сынокъ и баловникъ, все никакъ не могущій научиться прыгать черезъ деревянную кобылу.

— А что, — обратился Карповъ, къ стоявшему подлѣ него на нервной сѣрой лошади, есаулу Траилину, — Поляковъ научился, наконецъ, черезъ кобылу прыгать?

— Постигаетъ, господинъ полковникъ, — сказалъ командиръ сотни, прикладывая руку къ козырьку.

— А лошади у васъ, Иванъ Ивановичъ, все никакъ не поправятся.

— Уже и не знаю, что дѣлать, — сказалъ Траилинъ.

— Кормить надо, сказалъ Карповъ. — Я разжалую вахмистра, если осенью не подравняетесь съ другими сотнями. Каргинъ!, строго крикнулъ онъ на зазѣвавшагося казака, — ты чего, другъ, голову на командира не сворачиваешь, а?

Казакъ испуганно повернулъ голову на Карпова.

— А у Медвѣдева опять поводья на лещоткѣ не выравнены; взыскать!, сказалъ Карповъ.

Э, виноватаго найдетъ!, подумалъ Траилинъ и облегченно вздохнулъ; его сотня прошла и за нею громыхала колесами и тарахтѣла пулеметная команда.

Сытыя, съ блестящей шерстью, большія гнѣдыя лошади легко, безъ усилія, везли желѣзныя двуколки, на которыхъ стояли закутанные въ чехлы пулеметы. Каждая пряжка амуниціи блестѣла, каждый ремешокъ сбруи былъ тщательно вычищенъ и почерненъ. Лицо Карпова прояснилось. Въ пулеметную команду были отобраны лучшіе люди и она проходила въ щегольскомъ порядкѣ. За нею потя-

нулась пятая сотня на сѣрыхъ лошадяхъ и дальше шестая на вороныхъ. Чернобородый есаулъ Захаровъ, командиръ шестой, такими же влюбленными глазами провожалъ казаковъ и лошадей.

— А, Константинъ Помпеевичъ, — сказалъ, обращаясь къ командиру сотни Карповъ, — хотя бы и въ бой съ такимъ полкомъ! Хороша ваша сотня!

— Да, какъ бы и не пришлось, — сказалъ Захаровъ.

— Никто, какъ Богъ!

— Да будетъ Его святая воля, — сказалъ Захаровъ. — Потрудились вы не мало, господинъ полковникъ, и есть съ чѣмъ поработать.

— Да. Хорошъ полкъ, — сказалъ Карповъ, ни къ кому не обращаясь, и тронулъ лошадь за послѣдней сотней. — Прикажите пѣсенникамъ пѣть.

Захаровъ поскакалъ по мостовой догонять голову сотни.

Въ тепломъ, напоенномъ ароматами зелени и скошеннаго сѣна воздухѣ, раздались веселые громкіе звуки бодрой залихватской пѣсни:

Э-эй — э-э-эй! Донцы пѣсни поютъ!
Черезъ рѣчку Вислу-ю,
На коняхъ плывутъ.

— А что, господинъ полковникъ, — обратился къ нему Коршуновъ, — будетъ все таки война?

— Ну, не думаю. А, впрочемъ, кто ее знаетъ! Штабъ дивизіи почему то увѣренъ, что война будетъ. Черезъ полчаса въ канцеляріи!

— Слушаюсь, господинъ полковникъ, — сказалъ Коршуновъ.

— Адъютантъ, что бумагъ много?

— Не особенно, господинъ полковникъ. Опять жалоба на хорунжаго Лазарева.

— Жидовъ побилъ?

— Есть немного.

— Экій какой! Ни одной субботы не пропуститъ, — сказалъ Карповъ.

— Нахальны очень стали. Этотъ разъ его сами задѣли.

— Ну, Романа то Петровича не очень задѣнешь! Пьянъ, что ли былъ?

— Совсѣмъ тверезый.

— Разберемъ... — сказалъ, слѣзая съ лошади у своей квартиры, командиръ полка и сталъ ласкать своего большого коня.

VII.

Вся жизнь Павла Николаевича Карпова прошла съ казаками и въ строю. Внѣ строя, внѣ лошадей, внѣ пѣсенъ казачьихъ, джигитовки, поѣздокъ, ученій, маневровъ, пыли въ сухую погоду, грязи въ дожди, Карповъ не могъ представить себѣ жизни. Онъ былъ женатъ, у него былъ сынъ, юноша семнадцати лѣтъ, уже поступившій въ военное училище, но семья была не главнымъ, но лишь дополненіемъ къ службѣ. Сынъ долженъ былъ продолжать дѣло, начатое отцомъ, долженъ былъ служить такъ же, какъ отецъ и всѣ заботы семьи были направлены къ тому, чтобы одѣть, снарядить сына для той же военной службы, которой отдалъ всего себя Павелъ Николаевичъ. Онъ женился рано, по любви. Былъ романъ между бравымъ лихимъ юнкеромъ Новочеркасскаго училища и робкой, застѣнчивой институткой Маріинскаго института Анной Владиміровной Добриковой. Были встрѣчи на Маріинской улицѣ и на балахъ, въ стѣнахъ института и кадетскаго корпуса. Мило улыбалось хорошенькое чистое лицо изъ подъ барашковой институтской шапочки, кокетливо смотрѣли большіе глаза и такая всеобъемлющая, вѣрная любовь глядѣла изъ нихъ, что Карповъ понялъ свое счастье. Со свадьбой не откладывали. Было сказано все, что, казалось Карпову, онъ долженъ былъ сказать. Было сказано, что у него ничего кромѣ службы нѣтъ, что впереди: бѣдность, глухая стоянка среди болотъ польскаго захолустья, кочевки со льготы на

службу и обратно. голодъ и нищета и въ отвѣтъ Карповъ получилъ тихій взглядъ прекрасныхъ глазъ и слова. поразившія еще въ институтѣ воображеніе Ани Добриковой. — «Гдѣ ты Кай — тамъ и я — Кая».

Такъ говорили римлянки своимъ суженымъ, такъ сказала и Аня, — современная римлянка, донская казачка.

Да, все было. Была и нищета, и голодъ, и питаніе изъ солдатскаго котла. Аня сама ходила съ корзинкой на базаръ, сама, при помощи деньщика, стряпала, была тѣснота маленькой комнаты, снимаемой у еврея на окраинѣ польскаго мѣстечка, были денежныя драмы, когда внезапно отъ коликъ пала строевая лошадь и надо было купить другую, были долги, униженія, просьбы отсрочки, было разореніе при отъѣздѣ на льготу на Донъ, унылое прозябаніе въ станицѣ въ зависимости отъ казаковъ, въ казачьей хатѣ, въ глуши, безъ книгъ, была обратная кочевка съ эшелономъ молодыхъ казаковъ въ полкъ, новое устройство бѣднаго гнѣзда среди суетливой полковой жизни.

Но гдѣ былъ Кай, тамъ была и его вѣрная Кая. Ни онъ ей, ни она ему ни разу не измѣнила. Она чинила ему бѣлье, штопала чулки, нашивала леи на рейтузы, она, одинокая, ждала его, когда онъ былъ на маневрахъ, она трепетала за его жизнь, когда онъ ѣздилъ подавлять безпорядки и гасить революцію. Она сумѣла оторвать отъ своего сердца горячо любимаго сына, отправить его въ корпусъ и остаться опять совсѣмъ одной, съ мелочными заботами жизни, съ ея дрязгами и обидами и съ тихими мечтами о томъ, какъ пріѣдетъ ея Алеша на каникулы.

Да, тяжелая была жизнь, но было въ ней и счастье. Удачно сошедшій смотръ, призъ, взятый на скачкѣ, любованіе другъ другомъ на скромномъ балу въ офицерскомъ собраніи, куда дамы приходили въ блузкахъ и танцовали съ вихрастыми при-

помаженными хорунжими, охватывавшими ихъ таліи потными руками безъ перчатокъ, гдѣ на ужинъ подавали рубленыя котлеты съ макаронами и сливочное мороженое; чтеніе вмѣстѣ книгъ, перечитываніе старой, но горячо любимой литературы, письма сына, похвала командира полка въ приказѣ, бравые казаки, хорошо содержанныя лошади. Мѣщанское счастье — скажутъ многіе — христіанское счастье, думали Карповы, счастіе въ вѣчномъ горѣніи внутренней любви, счастіе въ подходѣ къ каждому человѣку съ любовью и въ исполненіи до мелочей своего долга.

Жизнь улыбнулась имъ лѣтъ семь тому назадъ, когда неожиданно жена его получила небольшое наслѣдство. Эти деньги дали возможность поступить въ Кавалерійскую Школу, привести туда виднаго статнаго коня, обратить на себя вниманіе. Случилось такъ, что бывшій начальникъ школы оказался командиромъ того армейскаго корпуса, въ которомъ Карповъ командовалъ сотней, онъ продвинулъ лихого офицера и въ 1911 году Карповъ совершенно неожиданно на 45 году жизни получилъ въ командованіе Донской полкъ въ N - ской дивизіи. Онъ все отдалъ службѣ и служба наградила его. Полкъ былъ распущенный. Предшественникъ Карпова, былъ пьяница и картежникъ, офицеры ничего не дѣлали казаки ходили оборванные и грязные. Карповъ въ три года сдѣлалъ полкъ лучшимъ въ дивизіи. Онъ съ пяти часовъ утра былъ въ полку на коновязяхъ, велъ занятія съ офицерами лично, сумѣлъ заинтересовать ихъ спортомъ, высоко поставилъ гимнастику, ѣзду и стрѣльбу, и когда онъ уже поздно ночью возвращался домой къ своей Анютѣ, усталый, измученный, онъ находилъ тихій уютъ семейнаго очага, кипящій самоваръ, домашнія булки, онъ находилъ счастье.

Мимо неслась грознымъ потокомъ громадная политическая жизнь. Волновалась и шумѣла Государственная Дума, откалывались политическія пар-

тіи, шли интриги и подкопы подъ власть — Карповъ былъ далекъ отъ всего этого. Отчетовъ о засѣданіи Думы онъ не читалъ, онъ не зналъ, что такое п а р т і я, какія онѣ, чего домогаются. Интересоваться этимъ онъ считалъ преступнымъ, а о Думѣ думалъ съ огорченіемъ. Чего они тамъ не подѣлили, о чемъ волнуются. Онъ ничего не зналъ ни о Распутинѣ, ни о его вліяніи на Государя. Какъ всю жизнь, такъ и теперь онъ неизмѣнно боготворилъ Государя и его семью и въ Царскіе дни, устраивая церковные парады, согласно съ гарнизоннымъ уставомъ, онъ всегда находилъ нѣсколько теплыхъ словъ, чтобы сказать очередной сотнѣ, поздравляя ее съ Царскимъ праздникомъ.

Каковъ попъ — таковъ и приходъ. Каковъ былъ Карповъ, таковъ былъ и весь его полкъ. Онъ отъ послѣдняго казака до старшаго офицера жилъ только службою, забывая семью, не интересуясь политикой, строго исполняя приказы, воспитывая казаковъ въ христіанской морали и безпредѣльной любви къ Государю и Родинѣ.

Полкъ Карпова былъ идеальный полкъ, такой, какихъ очень много было въ Императорской Россійской Арміи въ 1914 году.

Карповъ не переживалъ тѣхъ мученій, которыя испытывалъ Саблинъ. Онъ не сомнѣвался въ Государѣ, потому что былъ далекъ отъ него, онъ не сомнѣвался въ Россіи и Русскомъ народѣ, потому что не зналъ политики, онъ былъ увѣренъ въ каждомъ казакѣ своего полка.

VIII.

Въ полковой канцеляріи, помѣщавшейся во второмъ этажѣ каменнаго стариннаго дома скучной казенной стройки, окрашеннаго въ блѣдно желтую краску всѣ окна были растворены. Напротивъ, по другую сторону узенькаго переулка, тоже въ раскрытомъ окнѣ сидѣли двѣ молоденькія хорошенькія еврейки и шили. Тамъ была модная мастерская

госпожи Пуцыковичъ. Еврейки были: ея дочь Роза Львовна и ея подруга Марія Давыдовна Канторовичъ.

Адъютантъ Кумсковъ, подобравши бумаги для доклада, высунулся въ окно и переговаривался съ еврейками.

— Роза Львовна, вы будете сегодня въ городскомъ саду на музыкѣ? — спросилъ онъ.

Пуцыковичъ оторвалась отъ шитья, подняла длинные глаза, окруженные темными тѣнями на офицера и сказала.

— Вашъ оркестръ будетъ играть?

— Нѣтъ, пѣхотный.

— Ну, я тогда не пойду. Я люблю, когда играетъ вашъ оркестръ. Вашъ оркестръ играетъ оперы, а Б-цы такъ всякіе пустяки. Только барабанъ громко бьетъ. А вы пойдете?

— Не знаю, какъ управлюсь съ бумагами.

— Если вы пойдете и я пойду, — сказала Пуцыковичъ.

Ея подруга засмѣялась.

— Роза такая ваша поклонница, — сказала она. Ахъ, господинъ Кумсковъ, отчего у васъ такъ мало осталось волосъ на головѣ? Совсѣмъ бы вы были солидный аппетитный господинъ. Куда вы ихъ подѣвали?

— Любилъ много, — смѣясь сказалъ Кумсковъ.

— Пфуй, какія вещи вы говорите интеллигентнымъ барышнямъ. Вы бы попробовали средство моего папаши. Очень помогаетъ.

— Что же, попробую, отчего не попробовать. А что вашъ папаша давно пріѣхалъ изъ Австріи?

— Вчера вечеромъ только вернулся.

— Ну, какъ тамъ? Будетъ война?

— Охъ и не говорите, господинъ Кумсковъ. Такой ужасъ. Народъ обезумѣлъ совсѣмъ. Вы представьте себѣ, тамъ уже идетъ мобилизація. Да. На моего папу напали, арестовать хотѣли. Вы, говорятъ, русскій шпіонъ, не иначе. Да. Ну, спасибо

знакомый начальникъ станціи его выручилъ. Да, очень плохо. Но только мой папа говоритъ: не будетъ войны. Евреи не хотятъ. Тамъ что то у нихъ вышло. Главные какіе то хотятъ, значитъ, чтобы война была, ну а вообще то евреи боятся, что, значитъ, послѣ войны — погромы и насилія будутъ и бѣдному еврейскому народу не устоять. Ой, господинъ Кумсковъ, и, если война, что тогда будетъ! Ужасъ какой! И вы уйдете, придутъ запасные и прямо пропадать придется. Хотя бы васъ то оставили.

— Мало развѣ васъ Лазаревъ обижаетъ?

— Пфуй, какой скандалистъ! Ну, только, пусть, знаете, Романъ Петровичъ обижаетъ. Онъ, любя обижаетъ. Ну что за бѣда, что онъ Хаймовича поколотилъ; опять же Хаймовичъ самъ виноватъ, зачѣмъ дорогу не уступилъ господину офицеру. Охъ, господинъ Кумсковъ, какая озорная становится молодежь! Что то будетъ, что то будетъ!

— Болтайте, болтайте, господинъ Кумсковъ, — сказала Пуцыковичъ, — а вонъ я вижу идетъ панъ полковникъ. Достанется вамъ, коли у васъ не все готово.

— Готово у меня все, — сказалъ адъютантъ и пошелъ на встрѣчу Карпову.

Карповъ поздоровался съ писарями, надѣлъ на носъ пенснэ; онъ былъ дальнозорокъ и не могъ читать безъ стеколъ, и сѣлъ за свой столъ. Въ канцеляріи всѣ молча работали. Въ сосѣдней комнатѣ трещали пишущія машины, черезъ корридоръ глухо гремѣлъ литографскій станокъ, тамъ печатали приказъ. Сухой черноволосый дѣлопроизводитель щелкалъ въ углу на счетахъ и бормоталъ вполголоса итоги. Коршуновъ сидѣлъ за другимъ столомъ и быстро писалъ, обмѣниваясь короткими фразами съ командиромъ полка и дѣлопроизводителемъ.

— Семенъ Ивановичъ, почемъ окончательно установили овесъ съ Наемъ? — сказалъ, отрываясь отъ бумагъ и, глядя поверхъ пенснэ, Карповъ.

— По пятьдесятъ пять, — отвѣчалъ Коршуновъ.

— А справочная — восемьдесятъ. Что же, поправимъ, пожалуй, хозяйственныя, можно будетъ на весь обозъ хомуты новые заказать.

— Господинъ полковникъ, а когда же фанфары съ подвѣсками купимъ, какъ въ гусарскомъ полку. Вѣдь у насъ у однихъ нѣтъ, — сказалъ адъютантъ.

Карповъ посмотрѣлъ на него.

— Купимъ, можетъ быть, и фанфары. Но это уже роскошь, а хомуты необходимость.

— Хомуты у насъ хорошіе, господинъ полковникъ. Я такъ думаю, что, если новые покупать, то старые продать. Я и покупателя нашелъ, — сказалъ Коршуновъ.

— Только не заграницу, — сказалъ Карповъ.

— Боже упаси. Пивоваренный заводъ Рубинштейна беретъ у насъ.

— Охъ, не хотѣлось бы жидамъ. Хомуты вѣдь хорошіе.

— Да, какъ же вы безъ жида здѣсь обойдетесь? Невозможно. Я поговорю съ управляющимъ графскимъ. Можетъ быть экономія возьметъ.

— Да, это лучше.

Опять щелкали счеты и глухо гудѣлъ станокъ. За окномъ яркое солнце лило горячіе лучи и двѣ еврейки, опустивши хорошенькія головки, прилежно шили.

— Георгій Петровичъ, мобилизація у насъ въ порядкѣ? — спросилъ Карповъ.

— Сами, господинъ полковникъ, на прошлой недѣлѣ пересматривали, отвѣчалъ адъютантъ.

— Самъ-то самъ. А измѣненія внесли?

— Да и перемѣнъ никакихъ не было. Никто не умеръ, не заболѣлъ. Отпуски запрещены.

— Такъ что... если? Вы мнѣ ручаетесь?

— Ручаюсь, господинъ полковникъ. Да, право ничего не будетъ.

— Ахъ... Ну, да что объ этомъ говорить! А какъ сегодня, Семенъ Ивановичъ, второй дивизіонъ ата-

ковалъ! Ей Богу, жутко было смотрѣть! Сила! Съ этакими молодцами на войну одно удовольствіе. Покажемъ венгерцамъ силу казачью.

Карповъ всталъ.

— Что же, господа. Это и всѣ бумаги? Лазареву выговоръ въ приказѣ. Вотъ, отдайте сегодня же. Значитъ, можно и обѣдать.

— Да вѣдь и то третій часъ, господинъ полковникъ, — сказалъ адъютантъ.

— Проголодались поди. И то третій часъ а мы съ шести на ногахъ. Такъ, господа, если ничего не будетъ, вечеромъ можемъ пошабашить. Четвергъ сегодня. Льготный день. Пойдемъ на музыку.

Карповъ съ Коршуновымъ и адъютантомъ вышли на улицу и пошли по домамъ. Коршуновъ свернулъ въ первый же переулокъ, онъ снималъ квартиру у поляка по сосѣдству съ канцеляріей, Карповъ съ адъютантомъ жили въ казенномъ домѣ на городской площади, противъ сада.

Въ эти послѣполуденные часы мѣстечко какъ бы вымерло. Каштаны неподвижно свѣсили широкіе лапчатые листья, никакого вѣтерка не было въ воздухѣ. Старый костелъ, окруженный липами и дубами четко рисовался тонкими шпилями башенъ въ голубомъ сверкающемъ небѣ и казался декораціей оперы. Миръ и тишина были кругомъ. За два квартала, въ какой то квартирѣ, играли гаммы на фортепьяно и эти звуки, доносясь въ тихую улицу, усиливали мирное настроеніе.

«Неужели война?» подумалъ Карповъ, поднимаясь къ себѣ на квартиру.

Прелестный бѣлый шпицъ, собака жены, бросился къ нему навстрѣчу. Деньщикъ принялъ отъ Карпова фуражку и бережно положилъ ее на столикъ въ прихожей. Въ гостиной ярко блестѣлъ хорошо натертый паркетный полъ, висѣли въ рамахъ олеографіи, преміи «Нивы» — «Свадебный боярскій пиръ», «Русалки» Маковскаго и «Цѣловальный обрядъ изъ князя Серебрянаго». Все было

просто, убого, но уютно и мило. Анна Владиміровна поднялась ему навстрѣчу. Худая, высокая, смуглая, она выглядѣла моложе своихъ сорока трехъ лѣтъ. Ни одного сѣдого волоса не было въ ея густыхъ, гладко причесанныхъ черныхъ волосахъ. Каріе глаза смотрѣли ласково.

— Усталъ, проголодался? — мягкимъ груднымъ голосомъ спросила она.

— Немного. Обѣдъ готовъ? — сказалъ Карповъ.

— Да. Идемъ. Какъ я любовалась твоимъ полкомъ.

— А. Смотрѣла? А правда хорошъ? Вотъ что, Анюта. Тамъ, можетъ быть, это и вздоръ болтаютъ, а все таки готовымъ надо быть ко всему. Такъ, послѣ обѣда, пересмотри-ка, мать, вьюки, да тамъ по списочку перебери, что уложить и куда съ Николаемъ. Потому, сама знаешь, если мобилизація, мнѣ и дыхнуть времени не будетъ, уйду въ канцелярію и уже о себѣ думать не придется.

— А что?, — спросила Анна Владиміровна, — есть что новое?

— Новаго то ничего... Ну да вѣдь и то мобилизація не война. Въ 1911 году мобилизовались, да такъ ничего и не вышло... Да, ну а все таки, если будетъ — поѣзжай, Анюта, въ Новочеркаскъ.

Она молчала. Всю жизнь они были вмѣстѣ, не разставались. Но она понимала, что война это не женское дѣло и ей тамъ мѣста при мужѣ не было. Это была служба, а служба была все.

Съ глубокою тоскою посмотрѣла она на мужа, тихо вздохнула и сказала.

— Хорошо. Въ Новочеркаскъ, такъ въ Новочеркаскъ, мнѣ все равно. Вьюки я пересмотрю и все соберу. Идемъ обѣдать.

IX.

Карповъ послѣ маневра чувствовалъ себя усталымъ и рано легъ спать. Онъ легъ въ кабинетѣ, рядомъ со спальней жены и сейчасъ же заснулъ,

но не проспалъ и пяти минутъ, какъ проснулся. Заботная мысль разбудила его.

Никогда онъ не думалъ о войнѣ. Готовился къ ней ежечасно, ежеминутно, все у него въ полку было для войны, а вотъ такъ, какъ она начнется и что будетъ не думалъ. Была японская война. Онъ былъ посланъ на нее съ пулеметами, но дошелъ только до Харбина, какъ былъ заключенъ миръ и онъ вернулся обратно, не видавши войны. Теперь представилъ себѣ, что война можетъ быть и, слѣдовательно, и разлука, кто знаетъ—навсегда. И такая жгучая, жуткая, безконечная любовь къ женѣ охватила его, что хотѣлось встать подойти къ ней, стать на колѣни и цѣловать ея руки и глядѣть въ ея лицо, чтобы запомнить его навѣки и унести его съ собою... на войну. Онъ прислушался. Въ комнатѣ жены было тихо. Вѣрно спала. Устала сегодня, топтавшись цѣлый день по комнатамъ и укладывая бѣлье и все необходимое въ походъ. Ну, спи, спи, подумалъ онъ, Богъ дастъ ничего еще и не будетъ. И онъ лежалъ, не смѣя побезпокоить ее отъ любви къ ней, осыпалъ ее самыми нѣжными именами, передумывалъ и переживалъ всю свою жизнь съ нею. И не находилъ ни одного пятна.

Рядомъ въ комнатѣ, уткнувшись лицомъ въ подушки, лежала Анна Владиміровна. Женскимъ сердцемъ своимъ, чутьемъ смертельно раненаго животнаго она уже знала, что война будетъ и будетъ разлука. Она не плакала — горе было слишкомъ велико, чтобы слезы могли появиться, она не жаловалась не упрекала никого, потому что глубоко вѣрила, что это ея крестъ, ея долгъ, что это отъ Бога, а Бога упрекать она не смѣла. И также, какъ и ея мужъ, она переживала всю свою жизнь и память возстановляла только счастливые моменты и тщательно затушевывала всѣ тѣ тяжелыя мелочи жизни, всѣ тѣ обиды и огорченія бѣдности, которыя тогда вызывали и слезы и протестъ. Всѣ двадцать четыре года ихъ совмѣстной жизни каза-

лись сплошнымъ, ничѣмъ не смущеннымъ счастьемъ. И въ обрывки воспоминаній она вставляла слова молитвы. Тихо, поднявшись съ постели, она стала на колѣни передъ большимъ образомъ Донской Богоматери и беззвучно молилась ей. Изъ золотого фона кротко смотрѣло на нее смуглое лицо съ широко раскрытыми, устремленными на молящуюся печальными глазами. Ея молитва была безъ словъ, это было устремленіе души къ Богу и Богъ не могъ не услышать и не исполнить такой молитвы.

Да будетъ воля Твоя!, повторяла она и знала, что, если будетъ на то воля Господа силъ, безъ стона, безъ ропота, безъ словъ упрека она отдастъ его войнѣ, останется одна, съ своими тяжелыми думами, исполнитъ тихо и кротко свой долгъ жены офицера!...

На кухнѣ раздался звонокъ. Въ тихой квартирѣ былъ слышенъ тревожный голосъ. Деньщикъ ступая босыми ногами, пошелъ къ кабинету Карпова.

— Ваше высокоблагородіе, — раздался его шопотъ. — Телеграмма штаба дивизіи.

Чиркнула спичка.

— Давай ее сюда, — сказалъ Карповъ.

На оффиціальномъ бланкѣ торопливою нервною рукою начальника штаба было набросано: — «Первымъ часомъ мобилизаціи считать 11 часовъ 59 минутъ 17-го іюля 1914 года. Начальникъ дивизіи Генералъ Лейтенантъ» — и слѣдовала знакомая подпись барона Лорберга.

Жена уже стояла въ дверяхъ спальни. Она была одѣта въ темный капотъ. Большіе глаза смотрѣли на Карпова съ неземною великою любовью и тоскою.

— Объявлена?, сказала она.

— Да, глухо отвѣчалъ Карповъ.

— Идешь сейчасъ?

— Да. Николай, — бѣги къ адъютанту, скажи, чтобы всѣ командиры сотень, войсковой старшина

Коршуновъ и чины штаба сейчасъ шли въ канцелярію, — сказалъ Карповъ деньщику.

Деньщикъ вышелъ. Анна Владиміровна бросилась въ объятія мужу. Нѣсколько секундъ они застыли въ безмолвномъ лобзаніи. Когда она оторвалась отъ мужа она была спокойна.

— Когда выступаете?, спросила она.

— Въ шесть часовъ утра, отвѣчалъ Карповъ.

— Подъ вьюкъ Шалуна?

— Да, сказалъ онъ, а въ двуколку Шарика.

— Хорошо. Я все теплое уложу въ двуколку.

— Алешѣ напиши, чтобы ко мнѣ въ полкъ не выходилъ. Не хочу.

— Понимаю. Значитъ въ гвардію?

— Да, уже если въ разлукѣ, пусть въ гвардію.

Онъ поспѣшно одѣлся. Она помогла ему, подала китель и фуражку, со свѣчею провожала на лѣстницу, и съ тоскою смотрѣла, какъ онъ спускался внизъ.

— Новые сапоги съ раструбами положи во вьюкъ по ту сторону овсяныхъ кармановъ, сказалъ онъ снизу.

— Овесъ сыпать въ лѣвые карманы, или въ правые.

— Какіе больше, сказалъ онъ, — и ушелъ.

Дверь хлопнула на скрипучемъ блокѣ и его шаги затихли въ пустынной улицѣ.

Анна Владиміровна бросилась къ образу и застыла въ горячей молитвѣ.

Черезъ полъ часа она зажгла всѣ лампы въ комнатахъ, разложила вьюки и вмѣстѣ съ вернувшимся деньщикомъ укладывала вещи мужа на войну, свои въ Новочеркаскъ,—то, что оставалось, надо было бросить, оставить на чужихъ людей.

X.

Телеграмма была секретная и содержанія ея никто не могъ знать, но З. жилъ тревожною, безпокойною ночною жизнью. Почти во всѣхъ домахъ,

изъ за спущенныхъ занавѣсей и задернутыхъ портьеръ, въ щели ставень былъ видѣнъ свѣтъ, слышался таинственный шорохъ и сдержанный разговоръ. З. шевелился и въ немъ каждый житель зналъ, что Россія объявила мобилизацію арміи: война съ Германіей и Австріей неизбѣжна. И прежде чѣмъ сотенные командиры успѣли собраться въ канцелярію полка, «пантофельная» быстрая, невидимая почта понесла извѣстіе о мобилизаціи и войнѣ по городамъ и селамъ губерніи, на границу и заграницу.

Мобилизація въ полку была шестичасовая. Это значило, что полкъ ровно черезъ шесть часовъ выступалъ на границу, въ походъ. Она была за много лѣтъ продумана и написана. Каждому было указано, что и какъ онъ долженъ былъ сдѣлать и въ какой часъ, всѣ разсчеты, всѣ требованія были загодя написаны, теперь оставалось только провѣрить ихъ и подписать.

Въ полковой канцеляріи ярко горѣли большія висячія лампы подъ плоскими желѣзными абажурами и отъ нихъ было чадно и душно. Окна были настежъ раскрыты и темная ночь глядѣлась въ нихъ. Карповъ засталъ всѣхъ писарей на мѣстахъ, адъютантъ, войсковой старшина Коршуновъ и большинство командировъ сотенъ были въ большой комнатѣ, гдѣ занимался командиръ. Всѣ догадывались о причинѣ вызова, но никто объ этомъ не говорилъ.

— Ты спалъ?, спрашивалъ командиръ 1-й сотни Хоперсковъ у маленькаго толстаго Ильина, начальника пулеметной команды.

— Нѣтъ. Мы у Захарова въ картишки заигрались. Засидѣлись мало-мало. А ты?

— Я съ девяти завалился. Такъ заснулъ, долго понять не могъ, чего это деньщикъ будитъ, неужели уже утро. Анъ вонъ оно що?

Худощавый Агафошкинъ, командиръ 2-й сотни, отецъ семерыхъ дѣтей, жившій почти что въ нище-

тѣ тревожно совался своимъ блѣднымъ лицомъ, обросшимъ жидкой бородкой и спрашивалъ: — ну что?, ну что? такъ въ чемъ же, господа, дѣло то? А?

Ему никто не отвѣчалъ. Считали неприличнымъ говорить объ этомъ, пока не скажетъ командиръ. Адъютантъ, успѣвшій заснуть и не прогнавшій сна со своего полнаго лица, узкими сонными глазами оглядывалъ толпившихся офицеровъ и считалъ всѣ ли пришли. Всѣ были въ кителяхъ съ серебряными погонами, съ золотымъ номеромъ полка, при шашкахъ. Одновременно вошли запыхавшіеся, разгоряченные скорою ходьбою Захаровъ, Траплинъ и маленькій сѣдой, лысый и беззубый пятидесятилѣтній Тараринъ, командиръ 5-й сотни — суета и лотоха, но честнѣйшій человѣкъ и рыцарь въ полномъ смыслѣ этого слова.

— Господинъ полковникъ, сказалъ во вдругъ наступившей тишинѣ адъютантъ, — всѣ собрались.

Слышно было, какъ затихли въ сосѣдней комнатѣ писаря и стали на носкахъ подкрадываться къ двери, чтобы услышать, что будетъ говорить командиръ полка.

Офицеры стали въ порядкѣ номеровъ сотенъ, какъ они становились всегда, когда ихъ вызывалъ по службѣ командиръ полка и Карповъ любовно оглянулъ своихъ сотрудниковъ.

— Господа!, сказалъ онъ спокойнымъ, ровнымъ баритономъ хорошо изученнаго имъ въ командахъ и приказаніяхъ голоса. — Объявлена мобилизація. Первымъ часомъ 11 часовъ 59 минутъ. Теперь уже шесть минутъ перваго. Всѣ на работу. Мобилизаціонные пакеты у всѣхъ въ порядкѣ?

— Въ порядкѣ — за всѣхъ отвѣтилъ Тараринъ. На лицѣ его, вдругъ поблѣднѣвшимъ, разлилось сильное волненіе.

— Господа, мобилизація, еще не война. Объясните это казакамъ. Въ шесть часовъ утра полкъ долженъ быть на гарнизонномъ плацу. Я надѣюсь,

господа, что все будетъ, какъ всегда въ нашемъ полку?

Офицеры молча поклонились.

— Знамя, спросилъ адъютантъ, прикажете имѣть безъ чахла?

Командиръ отвѣтилъ не сразу.

— Да, сказалъ онъ . — Безъ чахла.

И почему то въ этомъ случайно отданномъ приказанiи, всѣ увидали, что война будетъ.

— Можно идти?, опять за всѣхъ спросилъ Тарaринъ.

— Да, идите, господа, и я надѣюсь, что все пройдетъ у насъ тихо и гладко.

— Постараемся.

Канцелярiя опустѣла. Писаря кинулись по своимъ столамъ. Адъютантъ поднесъ командиру полка бумаги, запечатанныя въ красные конверты, на которыхъ крупными буквами было написано: «вскрыть по объявленiи мобилизацiи».

Карповъ усѣлся за столъ и сталъ просматривать и подписывать подаваемыя ему бумаги. Ихъ выросла передъ нимъ на столѣ цѣлая стопа. Тутъ были требованiя, списки, донесенiя, инструкцiи, приказы, отчеты, послужные списки.

Кругомъ глухо, какъ большая фабрика, шумѣло мѣстечко, переполненное казаками, гусарами и солдатами пѣхотнаго полка. Всѣ окна казармъ, до того темныя и слѣпыя, съ тускло мигавшими ночными лампами и образными лампадками ярко освѣтились сверху до низу. На дворахъ и на улицахъ стали появляться озабоченные люди. Открылись настежъ широкiя ворота обозныхъ сараевъ и неприкосновенныхъ запасовъ. Люди вывозили оттуда на себѣ новыя повозки, грузили ихъ вещами и везли на себѣ по дворамъ казармъ. Изъ казармъ несли узлы, сундуки и ящики съ собственными вещами и парадным обмундированiемъ, которыя оставались въ З. Никому въ голову не приходило, что З.

когда либо можетъ быть оставленъ нашими войсками.

Въ сотняхъ копошились и гомонили люди. Всѣ офицеры были при своихъ взводахъ, сотенные командиры съ вахмистрами и каптенармусами считали, записывали, выдавали и отмѣчали вещи. Полковая машина работала стройно, серьезно и безотказно. Карповъ улучилъ минуту между потокомъ бумагъ и прошелъ въ ближайшую сотню. Она кипѣла копошащимися людьми, какъ муравейникъ. Койки уже были убраны и одѣяла и матрацы сложены. Раздалась команда «смирно» и всѣ люди замерли въ неподвижныхъ позахъ. Бравый дежурный лихо отрапортовалъ.

— Ваше высокоблагородіе, во второй сотнѣ N—ского Донского полка происшествій не случилось. Сотня занята мо-би-... ли-би... заціей, съ трудомъ выговорилъ мудреное слово молодой казакъ.

Карповъ поздоровался съ людьми, приказалъ продолжать работу и пошелъ по сотнѣ.

Не было говорено никакихъ громкихъ и шумныхъ рѣчей, никто не объяснялъ значенія и цѣли мобилизаціи, возможности войны, но всѣ отлично понимали, что творится что то серьезное, къ чему готовились и для чего учились.

— Ну что же, спросилъ Карповъ, останавливаясь подлѣ молодого, румянаго, безъ усовъ и бороды казака, носившаго страшную фамилію Лиховидова, но имѣвшаго самый безобидный видъ, — боишься, если война будетъ?

Казакъ краснѣлъ и мялся. Его товарищи прекратили работу — они насыпали въ это время сахаръ и чай въ маленькіе мѣшочки и смотрѣли на Лиховидова улыбаясь. Вниманіе товарищей смущало Лиховидова еще болѣе и онъ молчалъ.

— Ты понимаешь, что можетъ быть и война будетъ?

— Такъ точно, наконецъ, проговорилъ Лиховидовъ. А только чего бояться то? Все одно — прися-

га. А помирать, кому какъ указано, такъ и будетъ.

— Ну а рубить то не забылъ, какъ?

— Да какъ учили. По головѣ лучше всего, безъ промашки и перерубить ее легко.

— Молодецъ!, сказалъ Карповъ и пошелъ дальше. Да, думалъ онъ, съ этими людьми и на войну не страшно. Подумалъ о себѣ — боится ли онъ? И о себѣ сказалъ, нѣтъ, не боюсь, ибо вѣрую.

XI.

Короткая лѣтняя ночь убывала, а Карповъ все сидѣлъ въ канцеляріи, писалъ, подписывалъ и отвѣчалъ на короткіе вопросы, съ которыми приходили къ нему то посланные изъ сотень казаки, то офицеры и вопросы всѣ были будничные, простые, не вызывавшіе сомнѣній.

— Ваше высокоблагородіе, старшій врачъ спрашиваютъ—когда индивидуальные пакеты раздавать, сейчасъ, какъ написано въ планѣ, или подождать когда совсѣмъ объявится.

Карповъ видѣлъ, что въ войну все таки не вѣрили. Не могли допустить, что она такъ близка. Что эта ночь еще миръ и тишина, а утромъ уже война, и кровь, и раны, и индивидуальные пакеты могутъ понадобиться.

— Раздайте сейчасъ, какъ по плану указано.

— Господинъ полковникъ, — говорилъ хорунжій, подходя къ столу — Брайтманъ за автобусъ для семействъ офицеровъ до станціи проситъ пятьдесятъ рублей, деньги впередъ, давать или нѣтъ?

— Давайте.

— Семьи отправлять?

— Да, завтра въ шесть часовъ вечера.

— Слушаюсь.

Въ три часа ночи, отчетливо ступая по полу, твердымъ ровнымъ шагомъ, подошелъ къ столу хорунжій Протопоповъ, румяный, могучаго сложенія юноша, звякнулъ шпорами и доложилъ:

— Господинъ полковникъ, честь имѣю явиться съ разъѣздомъ особаго назначенія прибылъ.

Адъютантъ передалъ ему пакетъ, на которомъ было написано: — вскрыть въ Звѣржинцѣ.

Звѣржинецъ было ближайшее пограничное мѣстечко.

— Австрійское золото получили?, спросилъ Карповъ.

— 626 коронъ золотомъ и 8000 марокъ бумажными деньгами, отвѣчалъ хорунжій.

— Подрывной вьюкъ готовъ?

— Такъ точно.

— Гдѣ разъѣздъ?

— Во дворѣ канцеляріи.

— Я сейчасъ выйду, провожу васъ, — сказалъ Карповъ.

Въ мутномъ туманѣ приближающагося разсвѣта, когда ночь еще не уступила утру и звѣзды только что начали гаснуть, на дворѣ канцеляріи, полномъ людей 2-ой сотни, виднѣлось шестнадцать конныхъ казаковъ, построившихся въ одну шеренгу. Сзади стояли двѣ лошади со вьюками. Это былъ разъѣздъ особой важности, который долженъ былъ, въ моментъ объявленія войны, скрытно перейдти границу Австріи, пройдти по лѣснымъ дорогамъ далеко вглубь страны и взорвать мосты на шоссе и на желѣзной дорогѣ. Казаки смотрѣли серьезно. Они отдавали себѣ отчетъ въ важности и опасности порученія.

— Съ Богомъ, станичники! Будете ожидать приказанія. Помните, что война еще не объявлена. Ведите себя честно и благородно, достойно высокаго званія Донского казака, сказалъ Карповъ.

— Постараемся, ваше высокоблагородіе, дружно отвѣтили казаки.

— Хорунжій Протопоповъ, ведите разъѣздъ.

— Справа рядами, шагомъ маршъ, скомандовалъ Протопоповъ.

Карповъ вышелъ за ворота. Передній дозоръ отошелъ за угломъ и пошелъ крупной рысью по мостовой города. Лѣвая лошадь сорвалась на галопъ и не могла успокоиться и долго было слышно въ утреннемъ туманѣ ровный четкій топотъ рыси правой лошади и нервные скачки лѣвой, пока не заглушилъ ихъ топотъ ногъ, идущаго шагомъ разъѣзда.

Раннее утро, чуть поблѣднѣвшее на востокѣ небо, усталость безсонной ночи — придавали особенный, полный тайны видъ этому разъѣзду, медленно удалявшемуся за городъ. Во мглѣ скоро скрылись силуеты всадниковъ, но еще слышенъ былъ топотъ копытъ и Карповъ стоялъ у воротъ, слѣдя за нимъ. Шумъ сразу стихъ. Мостовая кончилась, разъѣздъ вступилъ на пыльную улицу.

Когда Карповъ вернулся въ канцелярію на его столѣ лежала большая стопка темныхъ книжекъ— паспортовъ. Онъ взялъ первую, чтобы подписать и невольно остановился. На первомъ листочкѣ съ государственнымъ двуглавымъ орломъ, напечатаннымъ на коричневой сѣткѣ значилось: — Анна Владиміровна Карпова, 43 лѣтъ, православная, жена полковника...

Представилась она въ пустой квартирѣ, глубокою ночью, совсѣмъ одна. И надолго. Можетъ быть навсегда. Мысли, воспоминанія, грезы нахлынули на него. Вдругъ четко представился ему громадный войсковой соборъ и въ группѣ одинаково одѣтыхъ дѣвушекъ, скромная темноволосая Аня Добрикова... Увидалъ тѣнистую аллею Александровскаго сада, будто почуялъ медвяный сладкій запахъ бѣлой акаціи, длинными гирляндами свѣшивающейся изъ за перистыхъ нѣжныхъ листьевъ, темное небо съ луною, застывшей надъ сверкающимъ займищемъ разлившагося Дона и услышалъ тихій покорный отвѣтъ на его страстную рѣчь: — гдѣ ты Кай, тамъ и я Кая...

Теперь онъ ей подписываетъ отдѣльный паспортъ. Теперь, когда суровая подкрадывается старость и болѣе чѣмъ когда либо они нужны другъ другу.

Усиліемъ воли Карповъ прогналъ мысли и быстро подписалъ свою фамилію на паспортѣ жены.

Писарь гасилъ лампы. Блѣдный утренній свѣтъ вмѣстѣ съ легкой прохладой врывался въ раствореныя окна. Наступалъ день — день похода, можетъ быть, — войны.

XII.

Въ 6 часовъ утра, 18-го іюля 1914 года, на гарнизонномъ, такъ называемомъ Бородинскомъ плацу выстраивалась 2-ая бригада N—ской кавалерійской дивизіи.

Карповъ въ это время возвращался въ свою квартиру. Въ столовой, по мирному, кипѣлъ громадный фамильный красной мѣди самоваръ, пуская къ потолку густые пары, въ желѣзномъ лоткѣ лежали булки, было приготовлено масло и сливки. Анна Владиміровна въ лучшемъ своемъ платьѣ ожидала мужа. Она была спокойна и только покраснѣвшія вѣки и глубокая синева подъ глазами говорили о томъ, что за эту ночь пережито было много горя. Нѣсколько серебряныхъ волосъ пробились сквозь черноту ея косъ, уложенныхъ на головѣ. Чай пили торопливо. Говорить, — такъ надо было передать другъ другу такую массу нѣжныхъ словъ, глубокихъ ощущеній драмы, совершающейся въ душѣ у каждаго, весь ужасъ тоски, а это говорить было не время и потому говорили о пустякахъ.

— Ты на Сарданапалѣ поѣдешь? спросила Анна Владиміровна.

— Да, на немъ. А Бомбардосъ въ заводу.

— Сарданапалъ покойнѣе. Я запасныя стремена положила въ сундучекъ. Николай знаетъ.

— Ну... Прощай, дорогая. Пиши...

— Куда писать то?

— Въ дѣйствующую армію.

— Ахъ, да...

Она обняла его и стала крестить мелкимъ частымъ крестомъ. Губы ея вдругъ опухли и изъ глазъ часто, часто побѣжали горючія слезы. Еще мгновеніе и она не выдержала бы — свалилась бы въ обморокъ. Но онъ оторвался отъ нея и пошелъ внизъ во дворъ, гдѣ его ожидала лошадь. Когда онъ садился, она догнала его. Глаза у нея были красные, сухіе, губы еще дрожали. Она дала кусокъ сахара узнавшему ее и и потянувшемуся къ ней губами Сарданапалу и перекрестила и его. Потомъ она быстро прижалась лицомъ къ колѣну мужа и когда оторвалась, двѣ слезы остались на аломъ лампасѣ.

Карповъ выѣхалъ за ворота.

На плацу за городомъ, его полкъ былъ уже готовъ. Пятая запоздавшая сотня рысью входила сзади и видно было взволнованное злое лицо Тарарина, трясшагося на большой, не по его росту, сѣрой лошади. На углу стоялъ взводъ со знаменемъ, ожидая, когда полкъ будетъ готовъ. Правѣе выстраивались гусары. Ихъ командиръ солидный нѣмецъ фонъ Веберъ еще не пріѣхалъ къ полку.

Карповъ влюбленными глазами смотрѣлъ на казаковъ. Полкъ былъ въ полномъ порядкѣ, хотя сейчасъ на смотръ. Обозъ оглобля въ оглоблю, дышло въ дышло, весь заново покрашенный стоялъ за пулеметной командой. Равненіе, затылки были идеальны. Пики были такъ выравнены, что сбоку была видна только одна пика, моложавыя загорѣлыя лица казаковъ были чисто вымыты и волосы причесаны. Ихъ успѣли накормить завтракомъ и напоить чаемъ и никто бы не сказалъ, что всю ночь они провели въ спѣшной лихорадочной работѣ. Въ сторонѣ собрались жители города. Отдѣльно группой стояли полковыя гусарскія и казачьи дамы и тамъ были пятна яркихъ зонтиковъ, освѣщенныхъ косыми лучами поднявшагося надъ городомъ солнца. Противъ фронта былъ поставленъ зеленый съ

золотомъ аналой и высокій худой священникъ гусарскаго полка въ лиловой рясѣ и скуфейкѣ, раскладывалъ книги. Съ рѣзкими звуками трубъ армейскаго похода приняли штандартъ и знамя.

Начальникъ дивизіи, старый генералъ Лорбергъ, пріѣхалъ вмѣстѣ съ бригаднымъ командиромъ и начальникомъ штаба. Онъ объѣхалъ полки, здороваясь съ людьми и хмуро крякая. Онъ былъ взволнованъ. Надо было что либо сказать людямъ, а что сказать онъ не зналъ — война еще не была объявлена и онъ далеко не былъ увѣренъ, что война будетъ объявлена. Онъ ничего не сказалъ, но еще болѣе нахмурившись и надувши свои короткіе, какъ иглы, сѣдые усы торчавшіе надъ губою, галопомъ отъѣхалъ на середину фронта почти къ самому аналою и хриплымъ голосомъ закричалъ.

— Бригада, шашки въ ножны, пики по плечу слушай!

Когда повторенная командирами полковъ, эскадроновъ и сотенъ команда была исполнена онъ снова скомандовалъ.

— Трубачи на молитву!...

Медленно, подъ звуки пѣвучаго сигнала, полковые адъютанты вынесли къ аналою штандартъ и знамя. Пѣвчіе выходили изъ рядовъ гусаръ и казаковъ и, поддерживая за спиною винтовки, бѣжали къ аналою. Священникъ облачился въ ярко зеленую шитую золотомъ ризу и взявши крестъ вышелъ впередъ.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, началъ онъ не сильнымъ голосомъ. — Воины благочестивые! Насталъ часъ великой и трудной работы, когда вы должны будете передъ лицомъ Всевышняго дать отчетъ, истинно ли вы христолюбивое воинство, готовое душу свою отдать за вѣру, Царя и отечество.

Набѣгавшій вѣтеръ рвалъ его слова и относилъ въ сторону. Сзади, по шоссе, тарахтѣли и звенѣли кухни гусарскаго полка, чей то песъ, котораго день-

щикъ велъ на веревкѣ за подводой рвался и визжалъ.

Священникъ кончилъ и пѣвчіе запѣли «Царю небесный!»...

Слишкомъ обыденными казались слова молебна для того великаго, что совершалось. И опять переставали вѣрить, что война будетъ. Дамы стояли сзади принаряженныя, красивыя и некрасивыя, богатыя и бѣдныя. Съ ними были дѣти. Онѣ то знали, что война будетъ, потому что иначе имъ не пришлось бы бросать свои жилища и искать пристанища по всей Россіи по чужимъ людямъ. Война еще не началась, но ея разореніе, ея ужасъ уже коснулся и первыми были разорены и выброшены на улицу офицерскія семьи пограничныхъ полковъ. Послѣ молебна, когда убрали аналой, начальникъ дивизіи, потрясая шашкой надъ головою сказалъ нѣсколько словъ, казавшихся ему сильными и важными.

— Смотрите, молодцы! Обывателя не грабь и не обижай, помни, война еще не объявлена. Ну, а объявятъ войну — такъ всѣ ум-р-р-р-емъ за вѣру Царя и отечество! Поняли, ребята... А?.. Руби, коли, какъ учили. Съумѣй доказать свою силу, оправдать себя передъ Царемъ — батюшкой!

— Поста-р-раемся, ваше превосходительство, — дружно грянули люди стоявшихъ ближе къ нему эскадроновъ и сотень.

— Такъ съ Богомъ, господа. Казаки въ авангардъ!

Карповъ подалъ команды и первая сотня рысью стала выдвигаться въ головной отрядъ и отъ нея галопомъ поскакали дозоры впередъ, вправо и влѣво. Отъ второй сотни пошла цѣпочка связи и скоро все шоссе до самаго лѣса покрылось парными всадниками на равныхъ промежуткахъ. Карповъ нарочно не отпускалъ по мѣстамъ трубачей и когда полкъ тронулся трубачи грянули полковой маршъ.

Такъ просто, скромно, буднично и обыденно пошли на войну передовые полки Русской арміи.

Анна Владиміровна сухими глазами смотрѣла на удаляющійся полкъ. Замерли звуки полкового оркестра и сверкая трубами разъѣхались по сотнямъ трубачи, выше и гуще стала подниматься пыль, заслоняя всадниковъ и только острія пикъ горѣли надъ колонной. Сѣрая змѣя гусарской колонны стала заслонять ихъ, затрещали повозки обозовъ, задымили походныя кухни съ огнями углей въ поддувалахъ, проскакалъ запоздавшій казакъ и стало пусто и сѣро на затоптанномъ пыльномъ плацу. Толпа любопытныхъ стала расходится. З. горѣлъ въ утреннихъ лучахъ жаркаго іюльскаго солнца.

— Ну эти то больше никогда не вернутся!, сказалъ кто то, обгоняя Анну Владиміровну.

Она пошатнулась и чуть было не упала. Жена есаула Траилина поддержала ее. Нѣсколько минутъ она шла подъ руку, спотыкаясь и ничего не видя передъ собою. Въ ушахъ еще слышались обрывки бравурнаго веселаго марша, а въ головѣ неотступно стояла тяжелая мысль о томъ, что все кончено, кончено ихъ бѣдное — мѣщанское счастье. На душѣ было пусто и уныло. И кругомъ шли такія же печальныя, спотыкающіяся женщины, иныя плакали, молодая всего шесть мѣсяцевъ тому назадъ обвѣнчанная и уже беременная жена сотника Исаева рыдала навзрыдъ и ее вели, успокаивая двѣ посторонія женщины польки.

Полки уходили къ границѣ.

XIII.

Восьмой день полкъ Карпова стоялъ въ 12-ти верстахъ отъ границы въ маленькой польской деревушкѣ Бархачевѣ, среди густыхъ и зеленыхъ дубовыхъ Лабунскихъ лѣсовъ. Черезъ деревню, весело журча по камнямъ, протекала неширокая рѣчка. Подлѣ рѣки стояла покинутая учителемъ и дѣтьми

сельская школа и въ ней въ классной комнатѣ, между сдвинутыхъ къ стѣнамъ ученическихъ партъ, помѣщался штабъ Донского полка.

По стѣнамъ висѣли хромолитографированныя таблицы: — жизнь пчелы, народы всего міра, сельско хозяйственныя орудія, сѣверное сіяніе, большая карта Европы, изображенія земныхъ полушарій, карты Африки, Америки и Австраліи и надъ учительскимъ мѣстомъ въ рамкахъ два большихъ отпечатанныхъ въ краскахъ портрета Государя и Государыни.

Карпова по утрамъ не бывало дома. Полкъ выставилъ сторожевое охраненіе и Карповъ объѣзжалъ заставы и посты. Въ школѣ, неудобно подогнувши ноги за маленькими дѣтскими партами, сидѣли дѣлопроизводитель, полковникъ Коршуновъ и писаря и считали и писали, заготовляя полевыя отчетныя книжки для сотенныхъ командировъ. И на войнѣ каждая казенная копѣечка была на счету.

Было раннее утро 26-го іюля. Наканунѣ узнали, что Германія, а вслѣдъ за тѣмъ и Австрія объявили войну Россіи, разъѣздамъ было приказано выдвинуться за границу и «войдти въ соприкосновеніе съ противникомъ». Такъ значилось въ приказѣ, стереотипною, со школьной скамьи, заученною фразою, но никто еще не уяснялъ себѣ, что это значитъ.

Погода стояла жаркая, небо млѣло отъ солнечныхъ лучей, румяныя зори смѣнялись тихими лунными ночами, полными волшебнаго блеска.

Въ это утро на дворѣ школы, еще не просохшемъ отъ ночной росы, подлѣ денежнаго ящика, стоявшаго у сарая, заросшаго репейникомъ толпился народъ. Полковой писарь, Кардаильсковъ, маленькій приземистый казакъ, пожилой уже, десятый годъ бывшій на сверхсрочной службѣ, лысый и важный, правая рука адъютанта, стоялъ впереди всѣхъ, заложивши руки въ карманы. Онъ только что умылся и его лицо было красно и лоснилось отъ холодной ключевой воды. Штабъ трубачъ Лукья-

новъ, стройный черноусый красавецъ, въ рубахѣ, при револьверѣ съ алымъ шнуромъ и съ серебряной сигналкой за плечами на пестромъ шнурѣ съ кистями, совсѣмъ готовый, чтобы ѣхать съ командиромъ полка, его помощникъ Пастуховъ, командирскіе ординарцы Мироновъ, Дьяковъ, Медвѣдевъ, Апостоловъ, Лихачевъ и Безмолитвенновъ, писаря, денщики, обозные казаки и кашевары обступили только что пріѣхавшихъ съ донесеніемъ маленькаго бѣлобрысаго казака Лиховидова и большого плотнаго, обросшаго черною бородою старообрядца Архипова. Они привели съ собою двухъ небольшихъ караковыхъ нарядныхъ лошадей въ не нашемъ уборѣ. На сѣдлахъ были привязаны ружья, сабли съ жолтыми плетеными темляками и темносиніе куртки на густомъ бѣломъ бараньемъ мѣху, красныя шапки — кепи и мундиры расшитые жолтыми шнурами. Одна изъ шапокъ была перерублена и въ мѣстахъ разрѣза темнѣла запекшаяся кровь. На бѣломъ бараньемъ мѣху были алыя, еще не успѣвшія потемнѣть пятна. Лица привезшихъ были сѣры и утомлены безсонною ночью, но возбуждены и полны одушевленія.

Это были первые боевые трофеи полка.

Мироновъ задумчиво гладилъ рукою по бѣлому мѣху австрійскаго ментика и говорилъ:

— Ишь ты, густая какая шерсть. Ее поди и не перерубишь.

— Ку-у-ды-жъ,! — дѣловито, сознавая себя героемъ дня, сказалъ Лиховидовъ — мы такъ одного то кинулись рубить, какъ по пустому мѣсту. Шашка даже отскакиваетъ.

— Ты то поди перерубишь!, снисходительно оглядывая маленькую тощую фигуру Лиховидова сказалъ Карданильсковъ. — Гдѣ тебѣ! Поди и шашку въ рукѣ не удержишь.

— А вы, Лиховидовъ, хотя одного взяли?, спросилъ его же сотни урядникъ, ординарецъ Апостоловъ.

— Дыкъ какъ же!, — гордо воскликнулъ Лиховидовъ, — я стрѣлилъ одного. Такъ съ коня и загремѣлъ. Въ разъ упалъ. Голова прострѣленая оказалась.

— А это кто по головѣ рубилъ такъ важно, — спросилъ Мироновъ, бросая мѣхъ и разглядывая разрубленное австрійское шако.

— Это? Это самъ Максимъ Максимычъ, хорунжій. Они и привезть наказывали командиру. Скажи молъ, что я, хорунжій Протопоповъ, убилъ.

— Постойте ребятежъ, сказалъ Лукьяновъ, что зря ребятъ распрашиваете, пусть толкомъ разсказываютъ какъ дѣло было.

— Много ихъ было?, спросилъ Мироновъ.

— Говорю 24 человѣка. 14 положили на мѣстѣ, а 10 ушло.

— А нашихъ?

— Двѣнадцать, офицеръ, значитъ, тринадцатый.

— И четырнадцать положили?—съ сомнѣніемъ въ голосѣ сказалъ Кардаильсковъ.

— Вѣрно, положили, — подтвердилъ басомъ, молчавшій до сихъ поръ Архиповъ.

— А лошадей двѣ привели. Гдѣ же остальныя? — спросилъ Мироновъ.

— Убѣгли. Ихъ развѣ поймаешь? Онѣ сытыя, а наши примореныя, всю ночь болтались по лѣсу. Одну хорунжій себѣ взяли.

— Ну, разсказывай толкомъ, какъ было? — сказалъ Лукьяновъ.

— Какъ было то? Да вотъ какъ. Значитъ, вышли мы въ разъѣздъ вчера, еще въ 6 часовъ утра. Какъ приказъ о войнѣ получили. Ну, переѣхали, значитъ, границу. Максимъ Максимычъ разъѣздъ остановилъ, приказалъ столбъ пограничный снять: теперь, говоритъ, граница земли нашей лежитъ на арчакѣ нашего сѣдла, гдѣ мы, тамъ и граница.

— Правильно сказано, — сказалъ Кардаильсковъ.

— Дальше то что? — сказалъ Лукьяновъ.

— Дальше?... идемъ. Чудно такъ, прямо полями. Поля топчемъ. Картофъ попался, по картофю прошли, такъ и шелеститъ. Значитъ, война, топтать можно. Непріятельское. До самаго Бѣлжеца мало не дошли, повернули, пошли вдоль границы. Въ лѣсу остановились, передохнули, по концерту съѣли. Жителей нигдѣ никого, и спросить некого. Даже не то, что человѣка — собаки, кошки нигдѣ нѣту. Пусто. Ночь шли лѣсомъ.

— Жутко? — спросилъ Кардаильсковъ.

— Ничего, — со вздохомъ сказалъ Лиховидовъ.

— Не перебивайте его, ребята, — сказалъ Лукьяновъ.

— Свѣтать стало. Только дозоръ намъ съ опушки лѣса рукой машетъ, да такъ показываетъ, чтобы мы потихоньку шли, не шумѣли. Подходимъ. Вотъ такъ, значитъ, объ эту опушку мы идемъ безъ дороги, а о ту опушку угломъ, значитъ, по дорогѣ о н и идутъ. Дозоры прошли. Насъ не видали. Впереди офицеръ, серебро сверкаетъ, синяя шубка на опашь виситъ, мѣхъ хорошій такой, сзади они, по четыре въ рядъ. 24 мы насчитали, шесть шеренокъ, сзади никого не видать. Солнце всходить уже стало. Сабли на солнцѣ сверкаютъ, бренчатъ. Лошади фыркаютъ, видно недавно изъ дома вышли, сытыя, непримореныя. Идутъ рысью. Ну, урядникъ Быкадоровъ и говоритъ его благородію. — Ваше благородіе, вдаримъ на нихъ, пока они не замѣтили насъ. — Максимъ Максимычъ головой кивнулъ и знакомъ показалъ — шашки вынуть. Пики мы повалили. Урядникъ Быкадоровъ у меня пику взялъ и — ай-да! Крикнули мы: ура! и на нихъ! Они остановились, офицеръ ихъ крикнуть что собрался, или что, а тутъ ему Быкадоровъ пикой подъ самое горло, тотъ такъ и полетѣлъ, гляжу вмѣсто лица черная дыра. А красивый былъ... Да... ну, австріецъ, сейчасъ утекать. Мы за нимъ. Только видимъ, что его лошади хотя и сытыя, ну только слабѣе нашихъ. Нагонять стали. Антоновъ рубить сталъ, а

они, чудные, не рубятъ насъ, а только защиту дѣлаютъ. Антоновъ ударилъ по шубѣ и ничего, тотъ только нагнулся. Антоновъ и кричитъ намъ: «руби по головѣ». Тутъ Максимъ Максимычъ своего рыжаго выпустили и хватилъ австрійца по затылку. Такъ мозги и брызнули. Въ разъ упалъ. Я догнать своего не могу, уходить сталъ. Я винтовку снялъ и ему въ голову — разъ! гляжу падаетъ, нога въ стремѣ застряла, коня тормозитъ, ну, я коня схватилъ — вотъ онъ мой конь! Осмотрѣлся, — вижу уже кончено все. Десять, что порѣзвѣе кони были уходятъ, на шоссе вышли такъ припустили, четырнадцать лежатъ. Кони за тѣми скачутъ, домой значитъ къ своимъ. Она хоть и животная, лошадь, а тоже понимаетъ, къ намъ не идетъ. Трехъ поймали. Максимъ Максимычъ себѣ одну взяли. Славная кобылица такая, ростомъ повыше этихъ. Вотъ оно и все дѣло.

— А наши пострадали?

— Ничего. Агафошкину такъ щеку царапнуло. А то — безъ урона.

— Хорошія лошади,— дѣловито сказалъ Мироновъ и погладилъ по крупу сытую австрійскую лошадь.

— Лиховидовъ, — крикнулъ съ крыльца школы адъютантъ, — командиръ зоветъ.

Маленькій Лиховидовъ пріосанился, снялъ съ сѣдла перерубленное шако, окровавленный ментикъ, винтовку и саблю и важно пошелъ въ школу.

Толпа стала расходиться. У всѣхъ было повышенное праздничное настроеніе. Война началась и такъ удачно. Трофеи, побѣда, отсутствіе своихъ убитыхъ и раненыхъ радовали и были хорошей примѣтой.

— Да, говорилъ Кардаильсковъ Лукьянову, — а жидокъ выходитъ этотъ австріецъ и снаряженъ не по боевому. Этакая жара, а онъ уже въ мѣхъ нарядился.

— А, главное, Антономъ Павловичъ, мнѣ предполагается такъ: — починъ дороже денегъ будетъ'..

XIV.

При первомъ же извѣстіи объ объявленіи войны Россіи, венгерская кавалерійская дивизія, стоявшая противъ Русскаго города Владиміра Волынскаго собралась и рѣшила овладѣть конною атакою городомъ Владиміромъ Волынскимъ, сорвать всю Русскую мобилизацію и овладѣть складами.

Эта дивизія состояла сплошь изъ венгерскихъ магнатовъ, людей лучшихъ венгерскихъ фамилій. Она сидѣла на прекрасныхъ кровныхъ гнѣдыхъ и вороныхъ коняхъ, была одѣта въ блестящую шитую серебромъ форму. Ея разъѣзды и соглядатаи донесли начальнику дивизіи, что расположенная во Владимірѣ Волынскомъ Русская кавалерія ушла, что въ городѣ остался только Лейбъ-Бородинскій пѣхотный полкъ, который занятъ мобилизаціей. Весь городъ переполненъ запасными солдатами, телѣгами и лошадьми, поставляемыми по военно конской повинности. Впереди города накопаны окопы, занятые небольшими пѣхотными заставами.

Венгерцы рѣшили или умереть, или прославить въ исторіи свое имя. Начальникъ дивизіи, именитый графъ, былъ мущина пятидесяти пяти лѣтъ, низкій, кряжистый, крѣпкій, съ краснымъ лицомъ, съ большими сѣдыми, развѣвающимися усами, уходящими въ длинные подъуски. Съ нимъ служило въ этой дивизіи пять его сыновей молодцовъ и красавцевъ одинъ лучше другого. Четверо были женаты на красавицахъ магнаткахъ, пятый шестнадцати лѣтній юноша было холостъ и состоялъ ординарцемъ при своемъ отцѣ. Это былъ любимецъ графа.

Раннимъ утромъ, 30-го іюля, дивизія, на рысяхъ, въ стройномъ порядкѣ, перешла Русскую границу, смявъ посты пограничной стражи и быстро стала приближаться къ Владиміру Волынскому.

Она шла густыми Волынскими лѣсами. Венгерцы одѣлись, какъ на парадъ. На нихъ были темносиніе шако, темносинія расшитыя шнурами венгерки и такіе же ментики на опашь на лѣвомъ плечѣ. Прекрасные кони были круто собраны на мундштукахъ. Это была красота стараго коннаго строя, дивная гармонія изящныхъ всадниковъ граціозныхъ лошадей и блестящей одежды. Подойдя къ городу дивизія остановилась. Изъ за ея рядовъ выкатили подводы маркитантовъ и янтарное венгерское заиграло въ кубкахъ. Пили за здравіе короля и императора, за славу венгерской конницы, за прекрасныхъ дамъ.

А въ это время, стройными сѣрыми рядами, блестя круто подобранными штыками и отбивая тяжелый шагъ по шоссе молчаливая и серьезная, извѣщенная своими заставами, вливалась Русская пѣхота въ окопы, клала винтовки на брустверы, едва возвышающіеся надъ землею, опиралась локтями на края, устраивая поудобнѣе локти для стрѣльбы. Офицеры обходили по окопамъ и спокойно говорили:

— Безъ приказа не смѣть стрѣлять, хотя бы тебя рубить стали. Цѣлить, куда укажу, либо въ грудь, либо подъ мишень. Стрѣлять не торопясь. Помни, какъ учили! Затаи дыханіе, всю свою мысль собери на выстрѣлѣ и цѣлься внимательно. Лучше одинъ выстрѣлъ попади, чѣмъ десять патроновъ зря просадить.

За спиною этой прекрасной пѣхоты жизнь во Владимірѣ Волынскомъ продолжалась совершенно спокойно и хотя стоустая молва во много разъ преувеличила силы венгерской кавалеріи никто не думалъ о томъ, что венгерцы могутъ овладѣть городомъ и выбить изъ окоповъ Россійскую пѣхоту.

Было около 10 часовъ утра, когда венгерская кавалерія построилась поэшелонно. Графъ Мункачи, старшій сынъ начальника дивизіи, командиръ перваго полка, на холеномъ широкомъ арабѣ, въ сопро-

вожденіи своего адъютанта и двухъ трубачей, въ блестящемъ, залитомъ серебромъ мундирѣ объѣзжалъ ряды полка и говорилъ слова ободренія.

— Не бойтесь этой Русской сволочи! Помните 1848 годъ и отомстите за своихъ братьевъ! Рубите этихъ собакъ безпощадно.

Жаднымъ, страшнымъ огнемъ горѣли черные глаза солдатъ и сурово смотрѣли сухія, темныя, загорѣлыя лица въ черныхъ усахъ.

На сытомъ гунтерѣ, украшенномъ золотомъ и шелками, съ пѣной проступившей у подперсья, галопомъ прискакалъ начальникъ дивизіи, горячо обнялъ сына, поцѣловалъ его въ губы на глазахъ всего полка и воскликнулъ:

— За славу Венгріи, за славу короля и императора, впередъ!...

Полкъ зашумѣлъ по кустамъ и травѣ лѣсной опушки и рысью сталъ выходить на чистое поле, отдѣлявшее лѣсъ отъ города. Въ полутора верстахъ были видны бѣлыя стѣны, дома, то высокіе, каменные, то низкіе деревянные, церкви съ сверкающими на солнцѣ куполами, фабричныя трубы и башня костела. Сжатыя поля смѣнялись чернымъ паромъ. Вдоль полей шло шоссе съ телеграфными столбами съ оборванной проволокой. По полямъ и поперекъ шоссе чуть намѣчалась линія пѣхотныхъ окоповъ, присыпанная соломой. И ничего не было въ нихъ видно.

Полкъ четырьмя ровными шеренгами, одна за другой шелъ мощнымъ полевымъ галопомъ и на жирной пахоти полей, оставленныхъ подъ паромъ летѣли отъ копытъ тяжелые черные комья. Яркое солнце блистало на серебрѣ шнуровъ офицерскихъ венгерокъ, на мундштукахъ и сабляхъ, вытянутыхъ изъ ноженъ, на свѣтлыхъ ножнахъ. Лошади начали блестѣть и покрываться потомъ.

Изъ окоповъ, закрытые по самыя брови въ землю, глядѣли на эту атаку Лейбъ-Бородинцы. Винтовки были положены на землю и люди, чтобы не

было соблазна не прикасались къ нимъ. Казавшіеся темными точками венгерскіе кавалеристы, то разъѣзжались шире, то смыкались и колеблясь и то приподнимаясь, то опускаясь быстро приближались и по мѣрѣ того, какъ приближались росли и становились отчетливѣе. Стали видны отдѣльныя лошади и по блеску мундировъ стало возможно отличить офицеровъ отъ солдатъ.

— Унтеръ офицеры и лучшіе стрѣлки!, раздалось по окопамъ, — возьми на мушку офицеровъ.

Чуть шевельнулись люди въ окопахъ и нѣсколько штыковъ приподнялось отъ земли.

Тысяча сто шаговъ, девятьсотъ, семьсотъ, шестьсотъ...

Молчатъ окопы.

Тайная радостная надежда закралась въ сердце графа Мункачи и его венгровъ. Русскихъ нѣтъ—они ушли. Они испугались. Венгерская дивизія ворвется въ пустой городъ и займетъ его съ бѣлыми храмами и высокими домами во славу венгерской кавалеріи!

— За Венгрію! Императора и короля! — крикнулъ графъ хриплымъ голосомъ, оборачивая красивое лицо къ солдатамъ. — Hourra!

И могучій глухой непривычный для Русскаго уха крикъ донесся до окоповъ.

Стали видны лица всадниковъ. Дальнозоркіе люди различали черноту усовъ и нависшихъ бровей.

— Въ полъ груди, наведи, попади! — раздался тонкою колеблющеюся нотой пѣхотный сигналъ открытія огня, поданный командиромъ и сейчасъ же грянулъ одинокій, какъ будто неувѣренный выстрѣлъ, другой, третій и вдругъ вся длинная линія окоповъ загорѣлась ярко вспыхивающими огоньками ружейныхъ выстрѣловъ и окопъ сталъ такъ часто трещать, что не стало уже слышно отдѣльныхъ выстрѣловъ, но трескотня слилась въ общій гулъ. Властно разрѣзая трескотню ружей

точно громадныя швейныя машины строчили кровавую строчку пулеметы.

Упалъ арабскій жеребецъ подъ графомъ Мункачи и Мункачи старался высвободить изъ подъ него ногу и оглянулся невольно назадъ. Какъ мало осталось у него людей! Какъ рѣдки его шеренги! Какъ много людей и лошадей уже лежало неподвижно синими и темными пятнами на черномъ полѣ и на сизо-желтой стернѣ. Атака отбита! Полкъ уничтоженъ!

Пуля ударила его повыше сердца и онъ упалъ ничкомъ въ черную землю .

— За Венгрію! Императора и короля! — пролепетали его синѣющія губы.

Оставшіеся живыми немногіе люди поскакали назадъ къ лѣсу и ихъ преслѣдовали тонкимъ противнымъ свистомъ одинокія пули. Навстрѣчу имъ спокойными величаво властными волнами вышелъ еще полкъ и также понесся, встрѣчаемый зловѣщей тишиной затихшей по сигналу пѣхоты.

— Протри винтовки! Остуди пулеметные стволы. говорили по рядамъ солдатъ, какъ будто бы дѣло шло только о стрѣльбѣ на стрѣльбищѣ по мишенямъ.

Старый графъ Мункачи былъ въ ярости. Онъ собралъ остатки полковъ и лично самъ, сопровождаемый юношей сыномъ, послѣднимъ отпрыскомъ славнаго рода повелъ послѣднюю пятую атаку.

Они, съ группой людей дошли до самыхъ окоповъ, но не дрогнула, такъ же величаво спокойна была Россійская Императорская пѣхота и вѣренъ глазъ у маленькихъ землеѣдовъ Лейбъ Бородинцевъ. На самомъ окопѣ упали отецъ и сынъ, а тѣ, кто въ безумномъ стремленіи перескочилъ наполненный людьми окопъ были живьемъ переловлены солдатами резерва.

Такъ, въ первый день войны, подъ стѣнами Владиміра Волынскаго погибла въ безумномъ стрем-

леніи побѣдить Русскую пѣхоту лучшая въ Австріи — венгерская кавалерійская дивизія.

Затихъ бой. Санитары по приказу вышли собирать раненыхъ венгерцевъ, роты выходили изъ окоповъ и сумрачно торжественныя строились по батальонно. Конные развѣдчики и патрульная цѣпь пошли къ лѣсу.

По пыльнымъ улицамъ спасеннаго Владиміра Волынскаго расходились по казармамъ роты. Высоко по гвардейски подтянувши штыки и подравнявши приклады, стройными сѣрыми рядами въ колоннахъ по отдѣленіямъ, съ пѣснями всею ротою, безъ вызова пѣсенниковъ шли Бородинцы, гордые сознаніемъ только что одержанной побѣды.

— Тверже ногу! Отбей шагъ! — кричалъ на роту ея командиръ, старый сорокалѣтній капитанъ.

На сытомъ конѣ у перекрестка улицъ командиръ полка пропускалъ мимо себя полкъ.

— Спасибо двѣнадцатая!, — крикнулъ онъ, — славно стрѣляли!

— Рр-рады стараться ваше высоко-бро-д-іо-оо — заревѣла отбивая могучій шагъ рота.

По всему Владиміру Волынскому неслись пѣсни и мѣрно гремѣлъ тяжелый шагъ Русской пѣхоты.

Барабанъ громко бьетъ,
Бородинскій полкъ идетъ
Идетъ, идетъ, идетъ!

Лихо пѣла двѣнадцатая, пройдя мимо командира.

Изъ деревень распоряженіемъ исправника вышли мужики съ лопатами копать могилы и собирать убитыхъ. Ихъ было около двухъ тысячъ. Среди нихъ пали люди лучшихъ фамилій Венгріи, но здѣсь до нихъ никому не было дѣла. Санитары снимали съ нихъ шитые серебромъ мундиры, сабли, револьверы, обыскивали карманы. На телѣги складывали винтовки и сабли, конные ординарцы

и обозные солдаты разлавливали разбѣжавшихся лошадей.

Жарко и душно въ улицахъ Владиміра Волынскаго. Вкусно пахнетъ печенымъ хлѣбомъ, солдатскими щами и гречневой кашей и никому нѣтъ дѣла до того, что у самыхъ окоповъ лежитъ полураздѣтый трупъ прекраснаго старика съ сѣдыми усами и рядомъ юноша съ лицомъ херувима, что по всему полю раскиданы вздувшіяся буграми темныя тѣла лошадей и рядомъ распластавшись лежатъ убитые люди.

Это война.

Гулко гудитъ мѣдный колоколъ собора. Духовенство собирается служить благодарственный молебенъ за избавленіе отъ опасности и блестящую побѣду и, замирая въ дальней улицѣ, слышна лихая солдатская пѣсня:

Барабанъ громко бьетъ,
Бородинскій полкъ идетъ,
Идетъ, идетъ, идетъ!...*)

XV.

На 1-е августа всей Русской кавалеріи было приказано перейти австро-германскую границу, вторгнуться возможно глубже въ непріятельскую страну, внести въ нее пожаръ и разореніе, помѣшать мобилизаціи и сбору лошадей и разрушить пути сообщенія.

---

*) Описанное въ этой главѣ есть истинное происшествіе. Въ концѣ іюля Венгерская кавалерійская дивизія перешла русскую границу и въ конномъ строю атаковала городъ Владиміръ Волынскій. Оборонявшій городъ, занятый мобилизаціей 65-ый пѣхотный Лейбъ-Бородинскій полкъ подпустилъ атакующихъ на 400 шаговъ и положилъ ихъ всѣхъ. Атака венграми была повторена пять разъ и бородинцы перебили ихъ почти до послѣдняго.

Полкъ Карпова около шести часовъ вечера, 31-го іюля втянулся въ небольшой пограничный городъ Т., куда собралась вся N—ская кавалерійская дивизія и сталъ квартиро-бивакомъ.

Штабъ дивизіи занялъ низъ большого каменнаго дома, бывшаго до войны собраніемъ и офицерскими квартирами Донского Казачьяго полка, наверху, въ полу разрушенной командирской квартирѣ, были отведены ночлеги командиру и офицерамъ гусарскаго и казачьяго полковъ.

До глубокаго вечера Карповъ просидѣлъ съ адъютантомъ и дѣлопроизоводителемъ въ комнатѣ за треногимъ столомъ, подписывая требованія и составляя приказъ на завтра. Когда онъ вышелъ на балконъ вздохнуть свѣжимъ воздухомъ солнце уже зашло за Австрійскую границу и закатное зарево пылало за темною пеленою громадныхъ Т—скихъ лѣсовъ. На балконѣ сидѣлъ командиръ гусарскаго полка баронъ фонъ Веберъ со своимъ адъютантомъ.

— Красивая картина, сказалъ фонъ Веберъ. Отсюда Австрія видна почти до самой Равы—Русской. Куда то попадемъ завтра?

Небо синѣло вверху, а внизу яркимъ пламенемъ догоралъ закатъ. Четкой щетиной выступали на немъ большіе лѣса, мѣстность слегка холмилась и розовѣла отъ закатнаго свѣта. Ближе стояли сосны большого лѣса, онѣ обрывались шагахъ въ четырехстахъ отъ дома и здѣсь была песчаная площадь, на которой стояли сѣрыя деревянныя конюшни Донского полка. Между конюшнями, на коновязяхъ были привязаны лошади казачьяго полка и около нихъ располагались на ночлегъ казаки. Красными пятнами въ сгущавшейся внизу темнотѣ подъ лѣсомъ выдѣлялись топки казачьихъ кухонь. Тамъ толпились и гомонили люди и слышался визгъ поросенка.

У конюшень, накинувъ шинели на плечи и собравшись въ кружокъ, человѣкъ шесть казаковъ

медленно и протяжно, складно и красиво пѣли тягучую пѣсню.

Ахъ ты садъ, ты мой садъ,

начиналъ одинъ задушевнымъ низкимъ голосомъ и всѣ шесть пристраивались къ нему разомъ —

Садъ, зеленый виноградъ.

— Хорошо поютъ ваши, сказалъ фонъ Веберъ.

— Да, — задумчиво проговорилъ Карповъ, — старая это пѣсня казачья, низовая пѣсня. Тамъ ее поютъ, гдѣ берега Дона и южные пристѣны балокъ покрыты густыми кустами виноградной лозы, гдѣ казакъ живетъ виноградомъ и виномъ, гдѣ приволье степи съ одной стороны, съ другой густая тѣнь виноградниковъ. И голоса я узнаю. Это Аржановсковъ заводитъ, а Смирновъ, Петровъ, Зимовейсковъ и еще кто, не разберу, пристраиваются.

— Вотъ поютъ и не думаютъ, что будетъ завтра, — сказалъ гусарскій адъютантъ.

— А что же думать то? — просто сказалъ Карповъ. — Будемъ пить чай, обѣдать, будемъ жаждать сна и спать будемъ. Это жизнь.

— А кому и смерть, — сказалъ адъютантъ.

— Да вѣдь смерть то, это тѣлесное. Я не знаю, понимаете ли вы меня? Я вѣдь нарочно такъ повелъ. Есть душа, и думы, и мысли, и молитвы, и обожаніе красоты — это одно. И къ этому смерть никакъ не относится. Это само по себѣ —и есть тѣлесное — пить чай, обѣдать, спать — это смерть разрушитъ. А того то не коснется. То останется, — сказалъ Карповъ.

— Хорошо, если такъ — тихо сказалъ адъютантъ.

Всѣ замолчали.

Послѣднія краски заката догорали за темными лѣсами, тянуло легкой прохладой, стихалъ гомонъ

людей у кухонь. внизу, уже невидимые люди пѣли другую тоже медленную тягучую пѣсню.

Ахъ да ты подуй, подуй
Вѣтеръ съ полуночи,
Ты развей, развей
Тоску мою, кручину...

Лошади на коновязяхъ мѣрно жевали овесъ и иногда тяжело вздыхали, точно и онѣ думали свои думы, слушали тоскливыя пѣсни и понимали ихъ.

Вдругъ въ темнотѣ рѣзко протрубилъ дежурный трубачъ повѣстку къ зарѣ и люди стали выходить изъ темныхъ угловъ на песчаную дорогу, на которой полосами отъ оконъ дома ложился свѣтъ и строиться длинными темными шеренгами. Слышна была перекличка. Вахмистръ внизу читалъ приказъ и дежурный свѣтилъ ему свѣчкой и было такъ тихо, что пламя свѣчи не колебалось.

Красиво, пѣвуче проиграли на флангѣ полка кавалерійскую зорю. Пропѣли Отче нашъ и Спаси Господи. На секунду стихли. Запѣвало откашлялся и вѣрнымъ чуть чуть колеблющимся голосомъ одинъ, давая тонъ пропѣлъ:

— Бо-же!...

Хоръ разомъ, сильно могуче пристроился — Царя храни! Сильный державный, царствуй на страхъ врагамъ.

Аккорды становились полнѣе, красивѣе и захватывали душу, потрясая ее до слезъ.

Когда они кончили, гусарскій адъютантъ тихо сказалъ:

— Я вотъ что думаю. Если убьютъ этихъ людей. Вотъ всѣхъ этихъ, вѣрующихъ въ Бога, преданныхъ Государю и Родинѣ, что тогда будетъ съ Россіей? Когда одна дрянь то останется. Я бы этихъ поберегъ, а вотъ изъ тюремъ каторжанъ, да вотъ ссыльныхъ то этихъ, Родины не признающихъ, — въ первую голову. Пусть ихъ истребляютъ. И сами

на нихъ зубы поломаютъ, да и намъ кромѣ хорошаго ничего не сдѣлаютъ. А то чуетъ мое сердце, что насъ перебьютъ, покалѣчатъ, изломаютъ духовно, а когда надо будетъ — полѣзетъ всякая мразь... Ахъ! не хорошая это штука война!

— Да, что вы, Иванъ Николаевичъ, такое все думаете, сказалъ Кумсковъ, адъютантъ Донского полка.

— Не знаю почему, — но чувствую, что меня завтра убьютъ. Въ первый день войны. И мать мнѣ днемъ сегодня снилась. Все крестила и благословляла меня! — сказалъ гусаръ, порывисто всталъ и пошелъ съ балкона.

Ночь окончательно поглотила предметы. Лошади перестали жевать, рѣдко вздыхали и тяжело и грузно ложились на песокъ.

— Ты, чего, сволочь, чужую протирку взялъ? А? Иродъ проклятый! Я тебѣ морду то начищу, анафема!..., слышалось изъ за конюшень.

Австрійская земля тонула въ темнотѣ и казалась таинственной, страшной, непереступимой.

XVI.

Въ четыре часа утра дивизія построилась въ резервномъ порядкѣ на песчаномъ полѣ возлѣ шоссе. Въ Донскомъ полку, по приказу Карпова, сняли чахолъ и развернули знамя. Солнце еще не встало но было свѣтло и тепло.

Полкъ Карпова назначили въ авангардъ. Карповъ послалъ первую сотню впередъ и теперь стоялъ, дожидаясь когда она отойдетъ на версту.

— Ну, съ Богомъ, впередъ!, сказалъ онъ и попустилъ рвавшагося впередъ Сарданапала.

Шоссе до самой границы, бывшей въ четырехъ верстахъ, шло густымъ сосновымъ лѣсомъ. Пахло хвоей, мохомъ и грибами. Впереди, въ двухстахъ шагахъ, ѣхало два казака цѣпочки связи, дальше еще два и тамъ, гдѣ шоссе шло прямо, эти звенья.

все уменьшаясь, уходили далеко и видна была маленькая колонна головной сотни.

Перешли границу. Посмотрѣли на столбъ съ чугунной доской и выпуклымъ на ней австрійскимъ орломъ съ надписью черными буквами „Oesterreichisches Reich", спустились внизъ и вышли въ поля. Вправо, по жнивью, были разбросаны скирды недавно сжатаго хлѣба, который не успѣли еще увезти, влѣво тянулись низкіе овсы. Утреннее солнце косыми лучами свѣтило на нихъ и отбрасывало длинныя тѣни отъ казаковъ. Вправо, далеко въ поляхъ, то появлялась, то скрывалась между скирдами маленькая группа всадниковъ. Шла правая застава, — дальше, совсѣмъ далеко, была видна высокая пыль — тамъ шла первая бригада.

— Правую заставу вижу, сказалъ Карповъ, а гдѣ лѣвая?

— И лѣвая была, сказалъ Кумсковъ. — Я сейчасъ дозоры видалъ. Да вотъ они. Видите по хребтику маячатъ.

— Хорошо идутъ. Заставу ведетъ логомъ, только дозоры обнаружилъ.

— Это вѣроятно Коньковъ тамъ.

— Да, надо полагать онъ...

Ѣхавшіе впереди казаки остановились. Вся цѣпочка стояла.

— Чего стали?, крикнулъ Карповъ и вопросъ его сталъ передаваться отъ звена къ звену.

— Стрѣляютъ.. аютъ... стрѣляютъ... тамъ, сказываютъ, стрѣляютъ — понеслось отвѣтомъ по звеньямъ цѣпочки.

— Э, на войнѣ всегда стрѣляютъ, — проворчалъ Карповъ и, толкнувши своего коня шпорами, поскакалъ широкимъ галопомъ впередъ. Когда онъ выѣхалъ изъ перелѣска, стали слышны рѣдкіе глухіе удары далекихъ выстрѣловъ. Первая сотня спустилась въ балку и стояла, спѣшившись и ничего не предпринимая. Командиръ сотни, поднявшись

изъ балки, гдѣ опять былъ лѣсъ, изъ за дерева смотрѣлъ впередъ.

То и дѣло съ легкимъ жужжаніемъ пролетали пули. Иногда вдругъ падала подбитая вѣтка и страннымъ казалось ея паденіе.

— Ваше высокоблагородіе, — крикнулъ Карпову фланговый урядникъ, — здѣсь нельзя на конѣ, убьютъ.

— Э, ерунда!, проворчалъ Карповъ. и верхомъ подъѣхалъ къ Хоперскову.

— Въ чемъ дѣло, Алексѣй Петровичъ, — спросилъ онъ.

— И не разберу. Стрѣляютъ. а откуда не пойму. отвѣчалъ, отрываясь отъ бинокля командиръ сотни.

Адъютантъ, уже соскочившій съ лошади, смотрѣлъ въ бинокль.

— Это изъ сторожки, — сказалъ онъ. И тамъ не болѣе какъ два человѣка.

— Вы патрули послали?, спросилъ Карповъ.

— Послалъ. Еще не вернулись.

— Высылайте цѣпи и айда-те впередъ, черезъ лѣсъ, ничего тамъ страшнаго нѣтъ, — сказалъ Карповъ.

Пули перестали свистать, стрѣльба затихла.

Изъ лѣсной заросли показался казакъ. Лицо его было красное, рубаха взмокла, воротникъ былъ разстегнутъ и красная мокрая отъ пота шея выдавалась изъ ворота.

— Чего ты, Ларіоновъ?, — сказалъ Карповъ.

— Тамъ, всего два человѣка ихней финанцовой стражи было. Никого больше и не было. Мы стали было съ Шумилинымъ подкрадываться, чтобы захватить ихъ. А они убѣгли. Шумилинъ въ сторожкѣ остался, а я побѣгъ съ донесеніемъ. Можно идти впередъ.

Карповъ приказалъ 1-й сотнѣ идти лѣсомъ, спѣшившись, цѣпью, а самъ поѣхалъ верхомъ по шоссе. Онъ доѣхалъ до сторожки пограничнаго поста. Адъютантъ и нѣсколько казаковъ вошли въ сто-

рожку. На полу валялись темныя прорѣзныя обоймы отъ патроновъ, гильзы, недокуренная трубка, старая записная книжка, платокъ. И на всѣ эти столь обыденныя, скучныя и простыя вещи смотрѣли съ вниманіемъ. Многіе казаки брали ихъ на память. Они были непріятельскія и потому пріобрѣтали особое значеніе.

За сторожкой опять шелъ лѣсъ, потомъ была небольшая прогалина, уставленная кладками свѣже напиленныхъ дровъ, затѣмъ начинался новый лѣсъ. Въ прогалинѣ пахло сырымъ деревомъ, смолою и грибами. Едва вошли въ нее, какъ съ разныхъ сторонъ засвистали пули и изъ лѣса стали раздаваться двойные выстрѣлы австрійскихъ ружей и рѣзкіе и сильные отвѣтные удары нашихъ винтовокъ. Карповъ сразу увидѣлъ, что нашихъ силъ было слишкомъ мало. На каждый нашъ выстрѣлъ отвѣчало десять австрійскихъ.

— Георгій Петровичъ, сказалъ онъ адъютанту, скажите Тарарину и Траилину, чтобы со своими сотнями на рысяхъ шли сюда. Здѣсь у дровяныхъ кладокъ пусть спѣшиваются и разсыпаются — пятая правѣе первой и четвертая лѣвѣе. Надо выкурить изъ лѣса этихъ молодчиковъ.

— Патрули доносятъ, господинъ полковникъ, сказалъ подходя Хоперсковъ, что по опушкѣ лѣса и въ лѣсу разсыпано двѣ роты австрійской пѣхоты, да еще двѣ цѣпями подходятъ.

— Ничего, справимся, сказалъ Карповъ и приказалъ слѣдовавшему за нимъ сотнику Санѣеву, начальнику команды связи, тянуть телефонъ къ начальнику дивизіи.

XVII.

Изъ лѣса галопомъ на большой сѣрой лошади выскочилъ маленькій сѣденькій Тараринъ.

— Слѣзайте! — крикнуло на него нѣсколько голосовъ. Онъ недоумѣнно осмотрѣлся кругомъ, слѣзъ и пошелъ, ковыляя тонкими ногами, по вереску

между линей срубленнаго лѣса къ командиру полка. Пули свистали часто. Иногда какая нибудь вдругъ неожиданно сильно ударяла въ землю, или въ дерево и заставляла вздрагивать стоявшихъ близко людей.

Тараринъ блаженно улыбался и казалось ничего не соображалъ.

— Что это такое, какъ поетъ? — сказалъ онъ, когда непріятельская пуля просвистала подлѣ самаго его уха и трудно было понять, представляется онъ дурачкомъ, или дѣйствительно не понимаетъ страшнаго значенія этихъ звуковъ.

— Пули, — сердито, отрывисто сказалъ адъютантъ.

— А вотъ оно. Пули... Никогда не слыхалъ, — и восторженная улыбка застыла на лицѣ Тарарина. — Славно поютъ, — сказалъ онъ.

Онъ получилъ задачу отъ командира полка и пошелъ къ подходящей на рысяхъ сотнѣ...

— Сотня, — закричалъ онъ, — готовься къ пѣшему строю.

Его голосъ звучалъ торжественно и торжественность голоса передалась людямъ. Казаки проворно снимали съ головъ фуражки и крестились.

Цѣпи вошли въ лѣсъ и стали продвигаться впередъ. Карповъ шелъ за ними, шагахъ въ двадцати и покрикивалъ: впередъ, впередъ!

— Идемъ впередъ, — слышалъ онъ бодрый голосъ Тарарина и видѣлъ его маленькую худощавую фигуру,сопровождаемую трубачемъ съ сигнальной трубою на спинѣ.

Огонь разгорался по всему лѣсу. Изъ цѣпей передавали, что еще двѣ роты разсыпались правѣе и охватываютъ лѣвый флангъ четвертой сотни. Карповъ вызвалъ третью, шестую и вторую сотни и разсыпалъ ихъ влѣво. Весь полкъ былъ въ бою. Карповъ послалъ за пулеметами.

Изъ лѣса показались два казака. Они несли за плечи и за ноги раненаго. Весь животъ его былъ

залить кровью и по кустамъ и песку они оставляли кровавый слѣдъ.

— Чего носить то, — сказалъ державшій за ноги, — все одно кончился.

Но раненый въ это время мучительно застоналъ.

— Неси, неси, полно. До шоссе донесемъ, тамъ линейку подать можно.

— Кого это? — спросилъ Карповъ.

— Урядникъ Ермиловъ, — хрипло сказалъ раненый, открывая мутные страдающіе глаза.

— Ничего Ермиловъ, поправишься, — сказалъ Карповъ, подходя къ нему.

Раненый улыбнулся блѣдной улыбкой.

— Ку-ды-жъ! — сказалъ онъ,—въ животъ вѣдь. Самъ понимаю, какъ слѣдоваетъ. Отцу, женѣ отпишите, ваше высокоблагородіе, что, какъ слѣдоваетъ... Нелицемѣрно.

— Поправишься, — сказалъ Карповъ и отвернулся отъ раненаго. — Несите, — сказалъ онъ казакамъ и пошелъ къ цѣпямъ.

— Впередъ, впередъ! — сказалъ онъ, увидавши, что Тараринъ прочно залегъ подъ кустомъ и не подается впередъ.

— Идемъ впередъ, — отвѣчалъ Тараринъ, но въ голосѣ его не было прежней бодрости. Онъ поднялся однако и пошелъ къ опушкѣ.

Лѣсъ обрывался здѣсь стѣною и съ опушки было видно песчаное поле, на которомъ возвышался точно нарочно насыпанный большой, высокій холмъ съ отвѣсными скатами. Онъ былъ сильно занятъ австрійской пѣхотой. За нимъ въ отдаленіи были видны красныя крыши и зеленые сады мѣстечка Бѣлжецъ.

До холма было не болѣе шестисотъ шаговъ, но идти нужно было по открытому полю. Въ бинокль было видно, что весь холмъ изрытъ глубокими окопами. Оттуда и былъ сосредоточенъ огонь по казакамъ. Казаки отстрѣливались, укрываясь въ кустахъ.

Карповъ пошелъ назадъ на телефонъ доложить обстановку и просилъ начальника дивизіи прислать хотя два орудія, чтобы продвинуться впередъ и занять Бѣлжецъ. Возвращаясь онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ легко раненыхъ. Они шли, опираясь на ружья, безъ провожатыхъ. Ничего, подумалъ онъ, все идетъ хорошо. Онъ дождался, пока не пришелъ къ нему командиръ батареи. Командиръ батареи, молодой полковникъ Матвѣевъ, съ академическимъ значкомъ на груди и неизмѣнной сигарой въ зубахъ, разсмотрѣлъ позицію и сталъ по телефону отдавать приказанія объ открытіи огня.

— Впередъ, впередъ, — крикнулъ Карповъ.

— Идемъ впередъ, — отозвался уныло Тараринъ и не тронулся съ мѣста. Лежала и цѣпь.

Въ это время за лѣсомъ ухнула пушка и сейчасъ же бѣлый дымокъ вспыхнулъ надъ самымъ песчанымъ холмомъ. Непріятельскій огонь стихъ на мгновеніе, затѣмъ снова загорѣлся безпорядочно частый.

— Впередъ, впередъ, — крикнулъ Карповъ.

— Идемъ впередъ, — бодро отозвался Тараринъ, поднялся и пошелъ изъ лѣсу. За нимъ поднялась вся цѣпь и поле наполнилось людьми быстро идущими къ холму. Бѣлые дымки шрапнелей окутывали вершину холма. Подоспѣвшіе пулеметы стучали часто.

Пули свистали и рыли песчаное поле. Карповъ шелъ за своими людьми, не останавливаясь. Онъ увидалъ, какъ хорунжій Ѳедосьевъ, кумиръ З-скихъ гимназистокъ, красивый юноша, лучшій танцоръ и гимнастъ въ полку, женихъ, вдругъ выскочилъ впередъ и съ крикомъ ура побѣжалъ на гору. За нимъ побѣжали казаки.

Громадный австріецъ въ сѣро-синемъ мундирѣ, въ шако, съ тяжелымъ ранцемъ за плечами всталъ во весь ростъ на краю холма и направилъ штыкъ на Ѳедосьева. Ѳедосьевъ схватилъ винтовку у него

изъ рукъ и ловкимъ движеніемъ вырвалъ ее отъ великана, потомъ перевернулъ ее прикладомъ, обитымъ мѣдью впередъ и могучимъ ударомъ раскроилъ черепъ австрійцу. Черная кровь залила вдругъ ставшее бѣлымъ лицо и австріецъ опрокинулся назадъ и упалъ въ окопъ. Ѳедосьевъ вдругъ отбросилъ австрійскую винтовку и опускаясь на край холма, закрылъ лицо руками и заплакалъ, какъ женщина, истерично всхлипывая.

Но никто не обратилъ на него вниманія. Казаки стремительно бѣжали въ окопы, раздавались удары прикладовъ, рѣдкіе выстрѣлы, австрійскій офицеръ вдругъ поднялся сзади, крикнулъ что то бѣгущимъ солдатамъ, вложилъ револьверъ себѣ въ ротъ и застрѣлился.

Весь полкъ Карпова длинною цѣпью подавался за убѣгающими австрійцами и входилъ въ мѣстечко Бѣлжецъ; правѣе двигались гусары.

XVIII.

Чистенькій красивый городъ какъ бы вымеръ. Пустыя стояли виллы, окруженныя садами съ желѣзными рѣшетками на каменномъ фундаментѣ. Изъ садовъ свѣшивали свои вѣтви, отягченныя плодами яблони и груши, пестрые цвѣты цвѣли въ грядкахъ. Шоссе вилось между домами и уходило въ улицы. Въ домахъ не было никого. Наконецъ гдѣ то въ подвалѣ разыскали старика еврея съ длинною сѣдою бородою въ черномъ сюртукѣ ниже колѣнъ и потащили для допроса къ Карпову. Но старикъ мало что зналъ. По его словамъ, здѣсь утромъ высадился одинъ батальонъ австрійской пѣхоты, хотѣли подавать второй, но въ это время загремѣла артиллерія и все побѣжало изъ города. Разсказъ походилъ на правду. Старика отпустили. Станція была пуста.

— Смотрите, — крикнулъ адъютантъ Карпову, высовываясь изъ окна станціоннаго дома. — Какъ

поспѣшно они бѣжали. Хотите закусить. Завтракъ готовъ.

Карповъ зашелъ на квартиру начальника станціи. Онъ былъ знакомъ съ нимъ. Онъ не разъ пріѣзжалъ сюда изъ З. пить австрійское пиво. Начальникъ станціи, нѣмецъ, всего полъ года, какъ женился на бѣлокурой чистенькой нѣмочкѣ и они любили разсказывать Карпову, что они выписали себѣ для хозяйства изъ Вѣны. На кухнѣ, въ плитѣ, ярко горѣли дрова. На сковородкѣ были уже готовы четыре котлеты, яичница пригорала. Закипѣвшее молоко вылилось на плиту и испарялось. Кошка съ комода испуганно смотрѣла на вошедшихъ. Рядомъ въ столовой былъ накрытъ столъ, дальше была спальня. Двѣ рядомъ стоявшія постели были неприбраны, по всей спальнѣ были разбросаны вещи. Валялась на постели соломенная шляпа съ цвѣтами, корсетъ, юбка и ночная рубашка лежали на полу подлѣ умывальника, тутъ же было форменное пальто и голубая фуражка съ галунами. Видимо метались второпяхъ, хватали одни вещи, бросали ихъ, не зная, что взять. обмѣнивались словами ужаса и отчаянія, брали не то, что нужно.

Карпову тяжело было смотрѣть на это грозное разореніе мирной жизни. Когда онъ видѣлъ умирающаго Ермилова съ животомъ, залитымъ кровью, когда видѣлъ австрійца съ раскроеннымъ черепомъ, убитыхъ казаковъ и солдатъ — его не коробило. На войнѣ это было нормально. Онъ ждалъ этого. Но истерично плачущій на краю окопа Ѳедосьевъ, погромъ этого чистаго домика, интимная домашняя рухлядь любящей четы, непричастной къ войнѣ, которую ворочали чужіе люди, на которую смотрѣли глаза постороннихъ это была та оборотная сторона медали, о которой онъ какъ то не думалъ.

Его размышленіе прервалъ Санѣевъ. Онъ вошелъ въ комнату и доложилъ.

— Прикажете взрывать? Шашки уже заложены.

Карповъ даже не понялъ, что взрывать, такъ далекъ онъ былъ отъ мысли, что можно завершить этотъ погромъ еще и взрывомъ и окончательнымъ уничтоженіемъ этого маленькаго невиннаго счастья

— Да, глухо сказалъ онъ, взрывайте!

И шатаясь вышелъ изъ комнаты.

Глухой взрывъ раздался по мѣстечку. Огонь весело заигралъ въ окнахъ, охватывая занавѣски и пожирая полы и мебель. На платформѣ горѣли громадные штабели шпалъ. Тамъ и тамъ загорались дома. Казаки бѣгали съ пучками соломы по мѣстечку и дома и сараи занимались огнемъ.

Карповъ приказалъ трубить сборъ. Его полкъ вмѣстѣ съ гусарами шелъ дальше. уничтожать и рвать желѣзнодорожный мостъ у станціи Любичи для того, чтобы помѣшать подвозу войскъ къ границѣ.

Было уже три часа пополудни, когда Карповъ, взорвавши мостъ и предавши огню мѣстечко Любичи, подавался къ Равѣ Русской гдѣ, по свѣдѣніямъ собиралась австрійская пѣхота въ большихъ силахъ. Люди и лошади бывшіе съ четырехъ часовъ утра на походѣ, безъ ѣды и корма, устали и лѣниво подвигались впередъ. Въ это время Карпова нагналъ гусарскій офицеръ отъ начальника дивизіи съ приказаніемъ возвращаться обратно въ Т. Начальникъ дивизіи считалъ свою задачу исполненной и боялся зарываться далеко.

Карповъ собралъ полкъ и повернулъ его назадъ.

Онъ ѣхалъ сзади батареи. На томъ мѣстѣ, гдѣ было прекрасное мѣстечко бушевало пламя. Многіе дома уже догорѣли и вмѣсто красивыхъ виллъ торчали закоптѣлыя трубы и разрушенныя темныя стѣны. Нелѣпо стояла почернѣлая желѣзная кровать со скрюченными отъ жары пружинами, рѣшотки заборовъ прихотливо изогнулись и были красны отъ жара. Деревья стояли обуглившіяся, безъ листьевъ и плодовъ.

Черезъ мѣстечко шли рысью, опасаясь задохнуться и загорѣться. Впереди Карпова громыхала батарея. И вдругъ у заряднаго ящика загорѣлось колесо. Сначала пошли по краскѣ бѣлые дымки потомъ показалось пламя.

— Стой, стой! раздались взволнованные крики.

— Взорветъ!

— Ѣздовые растерянно оглядывались. Батарейная прислуга и проходившіе мимо казаки сотень скакали въ карьеръ. Паника начинала охватывать людей. Карповъ и Матвѣевъ остановились. Откуда то сзади появился широкоплечій могучій солдатъ съ рыжей бородой, онъ катилъ передъ собою запасное колесо.

Пламя бушевало кругомъ. Лошади въ передкѣ пугливо бились, колесо горѣло. Бородачъ дѣловито поплевалъ на руки, вынулъ чеку и снявши горѣвшее колесо, подперъ могучимъ плечомъ ящикъ и надѣлъ новое.

— Ай да, ребята, крикнулъ онъ ѣздовымъ. Ничаво, не взорветъ!

— Да, попыхивая неизмѣнной сигарой сказалъ Матвѣевъ, — у насъ есть люди!

— А могло взорвать?. спросилъ Карповъ.

— Ну, конечно.

— И что тогда?

— Да побило бы прислугу. лошадей. Насъ съ вами зацѣпило бы.

— Значитъ солдатъ вашъ совершилъ геройскій подвигъ.

— Да, если хотите, невозмутимо сказалъ Матвѣевъ. А что такое геройство?

XIX.

Наступила ночь. Но она не была такая взволнованно спокойная, полная ожиданій и томленія и въ то же время тихая и темная, какою была предъидущая ночь.

Когда Карповъ съ Матвѣевымъ и фонъ Веберъ вышли на балконъ того дома, гдѣ были наканунѣ, передъ ними открылось безконечное пожарное зарево. Небо, сколько хваталъ глазъ, было красное. Горѣли города и мѣстечки, горѣли лѣса и хлѣбъ въ скирдахъ, огонь пожиралъ имущество и съ безпощадною ясностью говорилъ о пришедшей войнѣ.

Зарево бросало красный отблескъ на лѣса и темнота внизу казалась еще глубже и страшнѣе.

—Вся Австрія въ огнѣ, сказалъ Матвѣевъ. У васъ какъ, — обратился онъ къ гусару, есть потери?

— Адъютанта убили, — отрывисто сказалъ фонъ Веберъ.

— Гдѣ?, спросилъ Карповъ, — вѣдь вашъ полкъ въ бою не участвовалъ.

— А вотъ подите вы! Шли лѣсомъ, знаете, уже за Бѣлжецемъ. Вдругъ изъ лѣса нѣсколько выстрѣловъ. Пульки засвистали. Начальникъ дивизіи ѣхалъ съ нами. Заволновался. Это, говоритъ, что такое? Пошлите узнать. Адъютантъ рванулся въ лѣсъ, верхомъ, за нимъ ординарцы. Скоро стихло все. Привели плѣнныхъ. Двое мальчишекъ. Знаете п о л ь с к і е с о к о л ы они себя называютъ. Залегли въ лѣсу и стрѣляли. Адъютанта на поваль въ лѣсу свалили. Прямо въ сердце. Царство ему небесное.

— Хорошій, кажется, былъ человѣкъ, — сказалъ Матвѣевъ.

— Очень. Семейный. Не пьющій. Золотой человѣкъ. Музыкантъ. На скрипкѣ игралъ. И такъ глупо. Польскіе соколы. Мальчишки. Ихъ драть нужно.

Внизу копошились люди. Опять, какъ вчера жевали овесъ лошади и тяжело вздыхали, точно осуждали людей и говорили о своей печальной долѣ, опять огнями сверкали кухни, слышенъ былъ звонъ котелковъ и запахъ щей и каши и весело гомонили казаки. И перекличка была также, какъ вчера и ве-

личаво раздавались по лѣсу Русскій гимнъ и молитва.

Въ дровяномъ сараѣ, при свѣтѣ тускло горящей свѣчи, два казака, длинный и худой Антоновъ и небольшой чернобородый Золотовсковъ изъ тонкихъ сосновыхъ досокъ мастерили гробъ. Покойникъ накрытый съ головою шинелью, залитою кровью лежалъ тутъ же и видны были его ноги, обутыя въ хорошіе сапоги. Это былъ тотъ самый Ермиловъ, котораго несли мимо Карпова.

Къ нимъ зашелъ тоже ихъ же одностаничникъ черноусый бравый казакъ Шаповаловъ.

— Богъ въ помочь, сказалъ онъ, и присѣлъ на обрубокъ дерева.

— Спасибо, отвѣчалъ Золотовсковъ, сильной рукою, отрывая недопиленную доску.

— Жилище, значитъ, ему мастерите. Хорошій урядникъ былъ. Ни ругаться, или такъ обидѣть кого, никогда за нимъ не водилось. А вотъ померъ и никому не нуженъ. Онъ что же съ вашего хутора?

— Однохуторецъ, отвѣчалъ Золотовсковъ. Съ Кошкина мы всѣ трое. Изо всей станицы что ни на есть самый бѣдный хуторъ, а Ермиловъ со всего хутора бѣднѣющій, значитъ, казакъ. Жена у него, трое дѣтей малыхъ, а хозяйство и всего ничего нѣтъ. По міру семья то теперь пойдетъ.

— Такъ, сказалъ Шаповаловъ. — А конь у него лучшій въ сотнѣ былъ и сапоги ишь справные какіе.

— Коня покупалъ ему отецъ. Три пары воловъ тогда продали, какъ коня покупали. Съ того и разореніе пошло, съ коня этого самого. Шестьсотъ рублей за него помѣщику Ефремову отдали. Вотъ какъ.

— Что же такъ?, спросилъ Шаповаловъ.

— Гордые они вишь очень. Дѣдъ у нихъ хорунжимъ въ 12 году былъ. Съ крестами и регаліями, ну вотъ съ того и пошло, что ему надо дослужиться до хорунжія. Вотъ и коня — разорились, а купили.

— Такъ.

— А куда коня позадѣвали?

— Сотенный взялъ.

— А по какому праву?

—Да онъ правовъ и не спрашивалъ. Призвалъ вахмистра и сказалъ — мой конь, а я тамъ съ наслѣдниками разсчитаюсь.

— Да какъ же это такъ? Надо же по закону, — сказалъ Золотовсковъ.

— По закону. Ты видалъ ли гдѣ этотъ законъ. Да и опять по закону — съ аукціона продавать надо. Кто теперь купитъ? Видалъ какихъ коней гусары изъ за границы пригнали? Тутъ и вся то цѣна коню копѣечка. Все равно за нимъ же и останется.

— А домой послать! Съ дома то пишутъ коней не хватаетъ, по тысячѣ и больше платятъ. Да и въ хозяйствѣ такой конь капиталъ не малый. Все вдова бы заработала на немъ.

— Чудной, сказалъ Шаповаловъ. — Взяли и довольно.

Онъ вдругъ сѣлъ передъ покойникомъ и сталъ снимать съ него сапоги.

— Ты что же это, другъ, строго сказалъ Антоновъ.

— Да на что ему, мертвому, сапоги? У него добрые, а у меня вишь прохудились.

— Это его дѣло. А только мы не позволимъ.

— Ладно. Ишь захолодалъ какъ. Давно скончался что-ли?

—Да ты что! очумѣлъ что-ли? Ты это въ серьезъ?

— Ну какъ же. Что я зря мараться что ль буду. На что ему!

— А вдовѣ послать.

— За мной не пропадетъ. Я вдову знаю. Ублажу, сказалъ Шаповаловъ и сталъ скручивать папиросу.

— Ты что же сдурѣлъ окончательно, — сказалъ Антоновъ, — курить еще при немъ будешь.

—Да ему что! Развѣ почувствуетъ.

— Уходи вонъ, — строго сказалъ Антоновъ. — Я сотенному скажу на тебя.

— Говори, братъ. У него тоже рыло то въ пуху, какъ коня забралъ. И то пойтить что-ль, а, — сказалъ Шаповаловъ, отворяя дверь. — Ухъ да и ночь, братцы, хорошая.

И онъ скрылся за дверью.

— Вѣдь унесъ таки сапоги-то, — сказалъ Золотовсковъ. — Мертваго обокралъ, аспидъ.

— Унесъ. Ну да ему это такъ даромъ не пройдетъ.

Антоновъ всталъ и началъ прилаживать доски.

— Ну что, Вася, сколачивать что ли будемъ? Незатѣйливый гробъ вышелъ, а все таки гробъ.

— Я такъ думаю, другъ, надоть намъ ночку посидѣть и крестъ смастерить хорошій, осьмиконечный изъ цѣльной сосны, а писаря попросимъ, значитъ, дощечку написать, кто и при какихъ геройскихъ обстоятельствахъ и гдѣ, значитъ, убитъ. Можетъ быть когда вдова, или дѣти разбогатѣютъ, тѣло, значитъ, разыщутъ и отправятъ на родной погостъ. А, другъ?

— Ну-къ что жъ! Посидимъ и ночку. Вотъ гробъ сколотимъ и пойдемъ за лѣсомъ. Онъ, Ермиловъ то, чувствуетъ, какую мы заботу объ немъ имѣемъ. Ахъ и Шаповаловъ, Шаповаловъ! Ну, народъ пошелъ, самой жуликъ. Ему и то, что онъ покойника здѣ лежащаго изобидѣлъ и обокралъ, ему ничего. Никакого уваженія.

— Да что Шаповаловъ. Шаповаловъ на всю ихъ станицу славу худую имѣетъ. А сотенный съ конемъ. Ты какъ понимаешь? Красиво это или нѣтъ?

Золотовсковъ сокрушенно покачалъ головой, досталъ гвозди и подойдя къ Антонову сталъ забивать доски. Мѣрный тяжелый стукъ молотка разбудилъ ночную тишину и далеко разнесся по лѣсной прогалинѣ.

— Что тамъ?, спросилъ спросонья Карповъ.

— Это, господинъ полковникъ, гробъ Ермилову сколачиваютъ, отвѣтилъ не спавшій Кумсковъ.

— Одинъ онъ умеръ.

— Одинъ. Ничего дѣло. Убитый у насъ одинъ, да раненыхъ двадцать шесть. Всѣ и потери. Вы пойдете завтра на похороны?

— Пойду непремѣнно. Въ которомъ часу?

— Ермилова въ семь часовъ, а гусарскаго адъютанта въ девять.

— Хорошо. Вы что же не спите?

— Расходъ патроновъ подсчитываю, да еще реляцію маленькую составить надо, — отвѣчалъ Кумсковъ.

— Надо бы наградные листы хоть завтра подготовить. Хорунжій Ѳедосьевъ, видали, первымъ ворвался на укрѣпленную позицію непріятеля — статутное дѣло.

— А вы знаете, что съ Ѳедосьевымъ? Его уже въ лазаретъ отправили. Нервы разъигрались. Вотъ вамъ и герой. Какъ такого представить?

— Однако по закону.

— Какъ прикажете, сказалъ Кумсковъ. Но Карповъ не отвѣчалъ.

XX.

Четвертая сотня Донского полка на заставахъ. Вахмистръ, подхорунжій Поповъ, со взводомъ въ двадцать шесть человѣкъ занимаетъ заставу у деревни Рабинувки. Вся деревня три хаты, да два сарая. Подлѣ хатъ на пескѣ жалкіе вишневые садочки. Восемнадцать казаковъ спѣшено и сидитъ возлѣ покинутыхъ жителями маленькихъ халупокъ деревни, восемь, внизу, за картофельными огородами и сараями держатъ лошадей.

Ночь тепла и тиха. Западъ пылаетъ пожарными огнями деревень и лѣсовъ и казакамъ чудится, что они слышатъ трескъ и вой пожарнаго пламени. Надъ головами темнымъ шатромъ раскинулось синее небо. Сильно вызвѣздило и поздняя луна не умѣряетъ осенняго блеска звѣздъ. Млечный путь широкою парчевою дорогою разлился на полъ неба

и переливается яркими искрами. Каждые полъ часа два казака уходятъ въ патруль къ темному лѣсу и почти слѣдомъ за ними двое возвращаются изъ лѣса. До лѣса верста. Въ сумракѣ ночи лѣса не видно, но темная полоса его чудится сейчасъ же за деревней. Патрульные идутъ то въ одну, то въ другую сторону и на полъ пути, въ полѣ, встрѣчаются.

Вахмистръ Поповъ смотритъ на часы, стараясь при свѣтѣ луны и звѣздъ разобрать стрѣлки и цифры циферблята и думаетъ свои думы. Думы двоякаго свойства и однѣ перебиваютъ другія. Однѣ печальныя. Изъ З. отправлена на Донъ семья. Семья эта неугодная тамъ. Поповъ женился давно, на мѣстной полькѣ и родители не дали благословенія на бракъ. Онъ остался на сверхсрочную службу. Теперь сынъ и дочь у него въ гимназіи. Свое счастье, бѣдное и убогое начинало налаживаться, а тутъ война. Семью приказали отправить на Донъ. Какъ то ее тамъ примутъ? Другія мысли о себѣ. О томъ, что можно отличиться получить производство въ офицеры, сдѣлать карьеру. Маленькій взводъ его и участокъ въ полъ-версты, который онъ охраняетъ рисуются ему чрезвычайно важными и онъ вспоминаетъ всѣ свои обязанности, какъ начальникъ заставы. У него при себѣ полевой уставъ; разсвѣтетъ — онъ подчитаетъ его.

— Талдыкинъ и Ажогинъ въ патруль!, говоритъ онъ.

Два казака, лежащихъ за домомъ, поднимаются потягиваются, шумно зѣваютъ, оправлятъ ремни амуниціи, берутъ прислоненныя къ дому винтовки и идутъ къ вахмистру.

— Талдыкинъ за старшаго, — говоритъ Поповъ. — Обязанностя помните. Пропускъ — берданка, отзывъ—Бѣлжецъ. Отзыва помни, никому не говори, а самъ спрашивай, коли пропускъ сказалъ и не увѣрился, что свои. Ну съ Богомъ!

Талдыкинъ и Ажогинъ идутъ по дорогѣ мимо до... сворачиваютъ на полевую дорогу и спускают-

ся въ балку. Въ балкѣ туманъ лежитъ гуще и кажется теплѣе. Пахнетъ зрѣлымъ сжатымъ хлѣбомъ. Но этотъ запахъ сейчасъ же смѣняется запахомъ клевера. Дорога идетъ мимо клевернаго поля. Ночная птица вспорхнула изъ подъ самыхъ ногъ и оба вздрогнули. Когда они поднялись изъ балки на верху показалось свѣтлѣе. Въ серебристомъ маревѣ освѣщеннаго луною тумана стала намѣчаться темная полоса лѣса. Сырость плотнѣе окутала ихъ и стала каплями осѣдать на шинели. Въ темнотѣ четко замаячили двѣ фигуры и казалось, что они шли очень быстро и качались изъ стороны въ сторону.

— Свои?, крикнулъ Талдыкинъ.

— Свои, свои, растерянно и испуганно отвѣчали изъ сумрака ночи.

— Акимцевъ что-ль?

— Я.

Казаки сошлись. Въ темнотѣ ночи и тѣмъ и другимъ встрѣча была пріятна, они остановились и закурили папироски.

— Ну что?, спросилъ Талдыкинъ.

— Ничего, отвѣчалъ Акимцевъ. — Тихо. Его не видать. До самой границы доходили, на дорогѣ лежали, слушали. Гудетъ, а что гудетъ не поймешь. То ли пожаръ гудетъ, то ли что другое. Ну только —ни пѣшаго ни коннаго не видать. Далеко слышно: собаки брешутъ. А съ чего, не пойму никакъ.

— Такъ. Здря. Мало-ли собака, что ей приснилось. Опять же пожаръ, днемъ бой былъ, ну и встревожилась.

— Да. Пожалуй и такъ. Ну, — бывайте здоровеньки.

Талдыкинъ и Ажогинъ опять одни. Они входятъ въ лѣсъ. Густой спиртовый запахъ можевельника, сосны и моха крѣпко охватываетъ ихъ. Такъ темно, что если встрѣтится человѣкъ, такъ столкнутся съ нимъ, а не увидятъ. Идутъ съ остановками. Пройдутъ шаговъ двадцать и долго слушаютъ. Кажется

слышно, какъ колотится сердце въ груди, какъ лѣсная мышь перебѣгаетъ дорогу, или потревоженная бѣлка скачетъ. Но въ лѣсу тихо. Когда выходятъ на опушку въ поляхъ кажется свѣтло. Пожары уже не заливаютъ заревомъ неба, но видны лишь пятнами тамъ, гдѣ еще горятъ уголья домовъ и мѣстечекъ. Небо на западѣ стало сѣровато синимъ и звѣзды погасли. Туманъ поднимается къ верху. Погода обѣщаетъ быть пасмурной. Казаки выходятъ на большой широкій, пыльный шляхъ, идущій на Звѣржинецъ. Здѣсь сейчасъ и граница.

— Должно четвертый часъ уже, говоритъ зѣвая Ажогинъ. — Свѣтать начинаетъ.

Прямая дорога идетъ полями. Она вся сѣрая и тонетъ въ туманѣ. Но и сквозь туманъ видно, что вся она во всю ширину занята какимъ то темнымъ предметомъ. Неясный шорохъ несется оттуда, мѣрный, ровный, будто кто то громадный что то жуетъ.

— Глянь-ка Ажогинъ, что тамъ такое?

Они стали посрединѣ и смотрѣли вдаль.

— Кубыть колонна, — сказалъ Ажогинъ.

— Бо-ольшая, — сказалъ Талдыкинъ. — Не иначе, какъ онъ наступаетъ.

— Пойдти доложить, — спросилъ Акимцевъ, котораго потянуло къ своимъ и которому своя застава показалась надежнымъ оплотомъ и домомъ.

— Погоди. Чего зря будоражить. Опять посмотрѣть надо. А ну какъ наши.

— Наши? Оттуда?

— А что? Почемъ знать? Сосчитать надо.

Они стояли минутъ пять съ блѣдными взволнованными лицами. Временами имъ казалось, что они слышатъ шаги справа, сзади, они пугливо озирались, хватали другъ друга за руки, тяжело вздыхали.

— Ты слышалъ?

— Ничего, вѣтка упала.

Разсвѣтъ надвигался быстро, шорохъ становился слышнѣе и темная масса отчетливѣе.

— Онъ, — прошепталъ Талдыкинъ. — Видишь синѣютъ и горбатые. Въ ранцахъ.

— Ухъ! Много!

— Съ полкъ будетъ. Сзади кавалерія.

Небо блѣднѣло. Послѣднія звѣзды угасли. Теперь уже ясно была видна колонна австрійской пѣхоты, шедшая прямо къ границѣ. Три эскадрона конницы ее сопровождали. Не доходя съ версту до опушки лѣса австрійцы остановились. Видно было, какъ люди сѣли на дорогу, засвѣтились огоньки папиросъ.

— Привалъ дѣлаютъ, — сказалъ Акимцевъ.

Отъ колонны отдѣлились одиночные люди и жидкою цѣпью быстро пошли къ лѣсу.

— Ну, Акимцевъ, бѣги, другъ, къ Попову, доложи, какъ оно есть, а я останусь, наблюдать буду. Куда они пойдутъ — на Звѣржинецъ, или на Томашовъ. Понялъ, что сказать?

— Понимаю.

XXI.

Застава изготовилась къ бою. Вахмистръ Поповъ сѣлъ на лошадь и галопомъ проскакалъ впередъ, чтобы лично убѣдиться въ томъ, что Акимцевъ не вретъ. Онъ не доскакалъ и до опушки, какъ увидалъ Талдыкина, приготовившагося къ стрѣльбѣ. По лѣсу въ разныхъ мѣстахъ раздались выстрѣлы и попасть на опушку уже было нельзя. Поповъ вернулся на заставу и послалъ письменное донесеніе въ штабъ полка.

Застава его лежала по гребню, впереди домовъ Рабинувки. Шестнадцать человѣкъ растянулись почти на 300 шаговъ и зорко смотрѣли впередъ.

Въ лѣсу раздавались частые безпорядочные выстрѣлы. Австрійцы перестрѣливались съ Талдыкинымъ. Казакамъ съ ихъ мѣста было видно, какъ

Талдыкинъ проворно перебѣгалъ отъ дерева къ дереву вдоль по опушкѣ и стрѣлялъ то съ одного, то съ другого мѣста, обманывая тѣмъ австрійцевъ. Но австрійцы все таки подавались впередъ. Выстрѣлы становились громче и иногда надъ головами казаковъ съ жалобнымъ пѣніемъ пролетала далекая пуля.

Талдыкинъ дошелъ до дороги, врывшейся въ холмы и по ней бѣгомъ пустился къ своей заставѣ.

— Смотри, братцы, дуромъ не стрѣлять. Пали когда подъ мишень подведешь, — говорилъ Поповъ, обходя низомъ бугра своихъ казаковъ, согнувшись такъ, чтобы изъ за бугра его не было видно.

— Не подгадимъ, господинъ вахмистръ. Цѣлую его армію остановимъ, — говорили казаки.

Талдыкинская стрѣльба прекратилась, замолкли выстрѣлы австрійцевъ.

Поповъ съ волненіемъ ожидалъ, что будетъ. Каждая минута промедленія была ему дорога, каждая приближала помощь резервовъ, потому что онъ былъ увѣренъ, что Карповъ не замедлитъ придти на помощь. Объ отступленіи онъ не думалъ, хотя насчиталъ тридцать винтовокъ противъ Талдыкина, да сколько еще и не стрѣляло.

Утро наступило хмурое. Мелкій дождь моросилъ, или туманъ снова садился. Въ небѣ клубились темныя тучи. Поповъ осмотрѣлъ свои фланги. И справа и слѣва къ нему подходили лѣса. Тамъ стояли другіе взводы ихъ сотни, но удержатъ ли они?

— Господинъ вахмистръ? — услышалъ онъ негромкій крикъ слѣва. — Можно?

Поповъ посмотрѣлъ туда. На опушкѣ лѣса среди зелени молодыхъ елокъ четко показались три австрійца. Сѣро-синія шинели, высокія кепи, ранцы за плечами были ясно видны на темномъ фонѣ лѣсной опушки.

Поповъ кивнулъ головой. Охотничья жажда охватила его, онъ схватилъ винтовку и поползъ на флангъ.

— Погоди, братцы, только не спугни раньше времени. Давай и я пальну, по мишенямъ не мазалъ, ужели теперь пропуделяю.

Три выстрѣла раздались почти одновременно на флангѣ. Стрѣлялъ Поповъ и два крайнихъ казака. Одинъ изъ австрійцевъ осѣлъ и остался синеватымъ пятномъ среди молодыхъ елокъ, два другихъ исчезли.

— Попали, господинъ вахмистръ. — Одного подбили.

— Эхъ, а вы чего же промазали.

— Кубыть и вѣрно прицѣлъ взялъ...

— Да, чудной, стрѣлялъ то поди съ постояннымъ.

— Ахъ ты! И то правда. Экая напасть.

— Станови на тысячу двѣсти, такъ вѣрно будетъ.

— Понимаю.

Въ это же мгновеніе весь лѣсъ огласился частой и сильной ружейной трескотней. Пули стали непрерывно свистать, выть и щелкать кругомъ Рабинувки. Казаки отвѣчали рѣдкимъ огнемъ. Стрѣлять было не по чему, австрійцы не были видны въ густой чащѣ лѣса. Били по опушкѣ, но сами сознавали, что это стрѣльба была безполезная. Молодой Пастуховъ вдругъ уронилъ винтовку, дрыгнулъ ногами, перевернулся и затихъ съ побѣлѣвшимъ лицомъ.

— Пастухова убило, оттащить бы надо, — прошептали сосѣди, но страшно было вставать.

— Пастухова убили, — пронеслось по цѣпи.

Вахмистръ Поповъ поднялся, чтобы посмотрѣть что тамъ, но въ ту же минуту острая боль пронизала его ногу ниже колѣна и онъ упалъ на землю и покатился къ халупамъ.

— Ой, братцы, ногу перебило кажись совсѣмъ, стопалъ онъ, отнесите куда нибудь, перевязаться надо бы.

Два казака отползли назадъ и взялись за Попова. Въ это время, сзади, изъ лѣса, показался пѣшкомъ командиръ полка. Онъ оставилъ адъютанта, ординарцевъ и трубачей въ лѣсу и самъ, не сгибаясь подъ пулями, смѣло шелъ къ Рабинувкѣ.

— Командиръ полка! — пронеслось по заставѣ и минутное колебаніе, желаніе уйдти съ этого проклятаго мѣста, гдѣ изъ восемнадцати два уже было убито и шесть ранено, гдѣ на сотни винтовокъ австрійцевъ отвѣчало только десять, смѣнилось спокойною увѣренностью, что отстоимъ и этого мѣста не покинемъ.

Разорванныя тучи обнажили клочекъ голубого неба. Онъ сталъ ширится и расти, дождь пересталъ и солнце заблистало брильянтами дождевой капели. Въ низинахъ трава казалась бѣлой отъ воды, лѣсъ смотрѣлъ яркій, точно вымытый. Дали ширились. Было восемь часовъ утра и день наступалъ солнечный и веселый.

Карповъ, какъ только получилъ донесеніе, поднялъ дежурную сотню и приказалъ ей рысью идти къ Рабинувкѣ, начальнику связи приказалъ тянуть туда же телефонъ, а самъ съ адъютантомъ и ординарцами, обгоняя третью сотню полевымъ галопомъ, поскакалъ къ заставѣ. Какое то чутье подсказало ему, что вахмистръ Поповъ и командиръ сотни Траилинъ не зря написали, что непріятель дѣйствительно наступаетъ.

Онъ стоялъ теперь надъ казаками въ ростъ и не обращая вниманія на часто посвистывавшія и чмокавшія подлѣ пули, смотрѣлъ въ биноклъ на лѣсъ. То, что онъ видѣлъ въ лѣсу и за лѣсомъ, его далеко не радовало и не утѣшало, но онъ говорилъ громко:

— Великолѣпно! великолѣпно! Я такъ и зналъ. Ну, голубчики, сейчасъ вамъ третья пропишетъ. Продержись, молодцы, еще нѣсколько минутъ — третья подходитъ, — сказалъ онъ и сталъ спускаться въ лощину.

—Постараемся, ваше высокоблагородіе. Не сдадимъ. Не извольте безпокоиться, — раздались голоса.

Карповъ съ трудомъ удерживался отъ желанія нагнуться и побѣжать. Пули подгоняли его. Но онъ понималъ, что въ эти минуты онъ все и отъ стойкости тѣхъ пятидесяти человѣкъ, занимавшихъ всѣ заставы зависитъ, можетъ быть, участь дивизіи, безпечно бивакировавшей въ Томашовѣ. Тамъ, — онъ зналъ это, отпѣвали его урядника Ермилова и готовились торжественно хоронить перваго офицера, убитаго въ дивизіи, гусарскаго адъютанта. Но то, что онъ увидалъ въ свой отличный бинокль, сильно его встревожило. Весь лѣсъ кишѣлъ людьми. За лѣсомъ, огибая правый флангъ нашихъ постовъ, двигалась большая колонна конницы; Карповъ насчиталъ 10 эскадроновъ. Поле за лѣсомъ было сѣро отъ австрійской пѣхоты, тамъ было не менѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Но артиллеріи Карповъ не видалъ и это его ободрило. Онъ понялъ, что это авангардъ большого отряда, пѣхотной дивизіи, а та вѣроятно идетъ во главѣ корпуса и ихъ обязанность задержать и прикрыть во что бы то ни стало З* и Х*, чтобы дать собраться нашей пѣхотѣ. Каждый день задержки имѣлъ громадное значеніе.

На опушкѣ лѣса онъ встрѣтилъ третью сотню. Безстрастнымъ, спокойнымъ голосомъ, какъ будто бы дѣло шло о простомъ маневрѣ, онъ отдалъ приказаніе третьей сотнѣ спѣшиться и идти охватывая съ фланга опушку лѣса. Ему было жаль каждаго казака, каждаго онъ любилъ какъ сына, но понималъ, что это нужно, и твердо и спокойно отдалъ свой приказъ.

Послѣ этого онъ пошелъ отыскивать телефонъ.

XXII.

Маленькій Санѣевъ самъ окликнулъ его, иначе Карповъ прошелъ бы мимо.

— Господинъ полковникъ, вамъ телефонъ?

Санѣевъ съ двумя телефонистами лежалъ на опушкѣ, въ песчаной ямѣ, поросшей верескомъ подлѣ громадной сосны, гордо выдвинувшейся изъ лѣса впередъ.

— Телефонъ работаетъ? — спросилъ Карповъ.

— Сейчасъ отвѣчали.

— Давайте мнѣ штабъ дивизіи.

Онъ не скоро добился, чтобы начальникъ дивизіи подошелъ къ телефону. Минуты казались ему часами, кровь колотилась въ виски, ноги дрожали отъ волненія. Наконецъ онъ услышалъ старческій хриплый, недовольный голосъ.

— Въ чемъ дѣло? — спрашивалъ Лорбергъ.

Карповъ доложилъ обстановку.

— Что же отступать? — растерянно сказалъ Лорбергъ.

— Никоимъ образомъ, ваше превосходительство. Разрѣшите мнѣ спѣшить весь полкъ, пришлите мнѣ мои пулеметы и хотя одну батарею и мы ихъ и близко не подпустимъ, пока не подойдетъ къ нимъ артиллерія. Помните, что въ З* теперь хаосъ и если пѣхота противника подойдетъ — тамъ будетъ каша.

— Знаю, знаю... Ну хорошо. Я казаковъ вашихъ и седьмую батарею отдамъ вамъ, но гусары останутся при мнѣ и первая бригада въ Звѣржинцѣ. Я ее тронуть не могу. Уланы вчера, одинъ эскадронъ атаковалъ австрійцевъ, говорятъ такой ударъ вышелъ, сошлись въ рукопашную...

— Ну и кто же? — спросилъ Карповъ.

— Наши разбили. Всѣхъ порубили и покололи, но и сами потеряли. Изъ 110 человѣкъ, цѣлыми только 40 и морально сильно потрясены. Такъ хорошо. Берите полкъ и батарею. Я подчиняю ее вамъ.

Карповъ отдалъ приказанія полку, а самъ, взобравшись на сосну, жадно смотрѣлъ въ бинокль. Онъ не спускалъ глазъ съ австрійской колонны, лежавшей на привалѣ, онъ ждалъ извѣстій справа о томъ, что будетъ дѣлать та конница, которая ушла туда. Карповъ понималъ, что пока отдыхаетъ большая колонна, это еще не бой. Къ нему подходили сотни его полка и онъ затыкалъ ими дырки. Мѣстами ему удалось потѣснить австрійскую цѣпь и глубже загнать ее въ лѣсъ. Перестрѣлка, то совершенно затихала, то вспыхивала съ новою силою.

Австрійскіе развѣдчики донесли, что противъ нихъ только жидкіе казачьи аванпосты и начальникъ австрійскаго отряда не торопился.

Шелъ одиннадцатый часъ, когда Иванъ Ивановичъ Матвѣевъ въ сопровожденіи артиллеристовъ развѣдчиковъ и телефонистовъ подъѣхалъ къ дереву, на которое ему указали казаки Карпова.

— Что батарея? — спросилъ его Павелъ Николаевичъ.

— Батарея становится. А у васъ что?

— Да вотъ, поглядите.

Матвѣевъ забрался на дерево, примостилъ свою большую рогатую трубу, прочно привязалъ ее ремнями, закурилъ сигару и попыхивая ею, щеголяя медлительностью своихъ движеній, сталъ разглядывать разстилавшуюся передъ нимъ мѣстность.

— Эка жалость! — далеко. Не хватитъ! — сказалъ онъ между клубами сизаго дыма сигары.

— Они подойдутъ, — сказалъ Карповъ.

— Несомнѣнно.

Взявши трубку телефона Матвѣевъ сталъ передавать команды старшему офицеру.

— Подождемъ, — сказалъ онъ.

Около полудня отрядъ австрійской пѣхоты поднялся. Это былъ 2-ой пѣхотный полкъ, краса австрійской арміи, занимавшій гарнизономъ Вѣну. Два дня тому назадъ, подъ звуки музыки, сопровождаемый лучшими пожеланіями Вѣнцевъ, онъ

погрузился въ вагоны, вчера ночью, при заревѣ пожаровъ, высадился въ Равѣ-Русской, всю ночь шелъ походомъ и теперь готовился разможжить казачьи заставы и занять Т*, гдѣ ему была назначена ночевка.

Въ большую артиллерійскую трубу была видна длинная колонна австрійской пѣхоты. Отчетливо рисовались новые голубовато-сѣрые мундиры, тяжелые ранцы, шако. Иванъ Ивановичъ видѣлъ конныхъ командировъ полка и батальоновъ и маленькія фигуры, точно оловянные солдаты, шевелились, тянулись и занимали все полотно дороги. Шли долгія минуты и въ бинокль колонна становилась отчетливѣе и яснѣе.

— Ага! ага! — вырвалось у Матвѣева и онъ на минуту отложилъ свою сигару. — Посмотрите-ка, Павелъ Николаевичъ.

Карповъ нагнулся къ трубѣ. До колонны оставалось немного больше трехъ верстъ. Она медленно входила въ углубленную дорогу, вившуюся по разщелинѣ между двухъ большихъ холмовъ. Щеки этихъ холмовъ были такъ круты, что по нимъ трудно было взбираться. Карповъ видѣлъ, какъ, нагнувшись и хватаясь руками за траву, ползли наверхъ одиночные люди, дозоры, и въ бинокль казалось, что это не люди, а маленькія, опасныя, непріятныя насѣкомыя. Въ ущелье, заполняя всю дорогу, входила колонна. Карповъ видѣлъ блескъ ружей, ему казалось, что онъ различаетъ отдѣльныя лица, угадываетъ офицеровъ среди солдатъ.

Когда онъ оторвался отъ бинокля и посмотрѣлъ на Матвѣева, онъ увидалъ на его лицѣ восторгъ и ликованіе и онъ понялъ его. Въ Матвѣевѣ заговорила радость профессіонала и лучшаго артиллериста въ корпусѣ.

— Вы начнете сейчасъ? — спросилъ Карповъ и почувствовалъ, какъ дрожь волненія охватила его.

— Нѣтъ. Подожду,. пока всѣ войдутъ. Я ихъ всѣхъ тамъ и прикончу, — сказалъ Матвѣевъ.

Сигара потухала у него въ рукѣ, сѣрые глаза были устремлены мечтательно вдаль. Матвѣевъ предвкушалъ удовольствіе перебить и уничтожить всѣхъ этихъ маленькихъ, аккуратно одѣтыхъ австрійцевъ. Карповъ зналъ, что Матвѣевъ былъ отличный семьянинъ, что у него была молодая, хорошенькая жена, двое дѣтей, что жена его любила наряжаться и по вечерамъ она каталась съ мужемъ по З* въ прекрасной батарейной коляскѣ, запряженной парой бѣлыхъ лошадей въ шорахъ, съ короткими хвостами и гривой ершикомъ. Матвѣевы были счастливой парой и Иванъ Ивановичъ считался въ З* образованнымъ, культурнымъ и добрымъ человѣкомъ. Онъ былъ истинный христіанинъ, вѣрный мужъ, любящій отецъ, отличный, честный офицеръ. Всѣ знали, что Матвѣевъ врагъ ссоръ и мухи не обидитъ. Его солдаты души въ немъ не чаяли и считали его хорошимъ, душевнымъ бариномъ. И теперь, не злоба, не кровожадность, не ненависть къ австрійцамъ была въ его сѣрыхъ глазахъ, неподвижно устремленныхъ на колонну, уже видную простымъ глазомъ, но только радость артиллериста, увидавшаго хорошую цѣль и увѣреннаго, что онъ ее поразитъ съ перваго же выстрѣла. Сбывалось то, о чемъ мечталъ Матвѣевъ мальчикомъ кадетомъ, читая какъ Тушинъ крушилъ французовъ въ «Войнѣ и миръ» Толстого и мечтая быть такимъ, какъ Тушинъ, сбывалось то, о чемъ онъ думалъ юношей, юнкеромъ Михайловскаго Артиллерійскаго училища, стоя подъ дождемъ въ накинутой на плечи шинели на Красносельскомъ полигонѣ, исполнялось то, что высчитывалъ и доказывалъ онъ, рѣшая задачи въ Артиллерійской школѣ.

Сейчасъ онъ докажетъ всѣмъ своимъ друзьямъ по дивизіи, что нынѣ артиллерія царица полей сраженія и ей дано играть рѣшающую роль. Сейчасъ его имя и имя его лихой N-ской конной батареи будетъ навсегда занесено въ лѣтописи исторіи артиллеріи.

Онъ еще разъ посмотрѣлъ въ бинокль. Вся колонна, протяженіемъ около версты, вошла въ тѣснину. Послѣднія сѣрыя кухни и тяжелые патронные ящики въѣзжали въ нее.

Онъ приложилъ ко рту трубу телефона.

— Капитанъ Капуковъ, — сказалъ онъ, — прицѣлы взяты? Угломѣръ провѣренъ?

Отвѣтъ удовлетворилъ его.

— Такъ,—сказалъ онъ,потянулся въ сладостной истомѣ, зажмурилъ глаза, пыхнулъ потухающей сигарой и медленно и раздѣльно, почти нѣжно, сказалъ:

— Прицѣлъ 95, трубка 94. Одинъ патронъ. Первымъ взводомъ.

Онъ начиналъ пристрѣлку и заранѣе зналъ, что она не нужна. Его офицеръ переживалъ такія же минуты вдохновеннаго волненія и счастія. Вся прислуга батареи, ничего не видавшая, потому что стояла за холмами и лѣсомъ понимала по смыслу командъ, что готовится что то особенное и работала, какъ наэлектризованная. Люди безошибочно исполняли всѣ пріемы, ставили дистанціонныя трубки на соотвѣтствующія дѣленія, открывали и закрывали затворы, все дѣлалось съ поразительной быстротой.

Бахъ, бахъ!... Глухо ударило два выстрѣла сзади лѣса и два снаряда со скрежетомъ пролетѣли лѣвѣе дерева, надъ казачьими цѣпями, и въ то же мгновеніе два бѣлыхъ дымка появились впереди и нѣсколько правѣе колонны.

Матвѣевъ самодовольно улыбнулся. Онъ зналъ что онъ не ошибся. Онъ повторилъ въ телефонъ команду.

— Очередь по три патрона, сказалъ онъ и мечтательно улыбнулся. Казалось онъ слышалъ бѣготню на батареѣ, звонъ отворяемыхъ затворовъ, видѣлъ номерныхъ съ блестящими мѣдными патронами бѣгущихъ отъ передковъ къ орудіямъ, видѣлъ наводчика, нагнувшагося къ курку и готоваго

откинуться въ сторону. Улыбка показалась на его устахъ. Онъ былъ счастливъ сознаніемъ, что онъ командиръ такой батареи!

— Бѣглый огонь!, сказалъ онъ въ трубку и прильнулъ къ биноклю.

Стая бѣлыхъ дымковъ покрыла колонну. Упалъ съ лошади командиръ полка. Стройная, сверкающая ружьями колонна обратилась въ кашу, люди стали метаться куда попало, пробовали лѣзть по скатамъ холмовъ. Но бѣлые дымки снова разорвались надъ ними и многіе люди остались лежать на скатахъ. Имъ былъ еще одинъ путь — впередъ, но ихъ неудержимо тянуло назадъ и въ стороны и они падали подъ ударами рвущихся надъ ними шрапнелей.

—Я думаю, сказалъ Матвѣевъ, — что ни одна пуля не пропадаетъ зря. Я считаю, что уже положено болѣе восьмисотъ человѣкъ.

Онъ затянулся еще разъ сигарой, бросилъ окурокъ, потеръ самодовольно руки.

— Вы можете убирать свои цѣпи, сказалъ онъ Карпову. — Они бѣгутъ.

И, нагнувшись къ телефону, онъ проговорилъ сладострастнымъ шопотомъ:

— Бѣглый огонь!...

XXIII.

Весь вечеръ и всю ночь казаки и гусары собирали оружіе и вывозили раненыхъ изъ дефиле.

2-й австрійскій полкъ былъ уничтоженъ. Наступленіе австрійцевъ остановилось и пѣхота въ З. спокойно закончила мобилизацію и стала отходить къ К. Тамъ собирался армейскій корпусъ.

Пять дней простояли казаки и гусары въ окрестностяхъ Т. Каждый день у нихъ были стычки, то съ конницей, то съ пѣхотой. Противникъ усиливался противъ нихъ. Вся армія Макензена, наконецъ,

обрушилась на N-скую кавалерійскую дивизію и она начала отходить.

Карповъ съ донцами прикрылъ ее. Онъ вспомнилъ уроки исторіи, безсмертную Платовскую лаву, которою Платовъ сокрушалъ французовъ и примѣнилъ ее теперь въ вѣкъ пулеметовъ, скорострѣльныхъ пушекъ и аэроплановъ. Семь сутокъ почти не разсѣдлывали, семь сутокъ не спали и толкомъ не ѣли, но за то и армія Макензена подавалась эти семь сутокъ, едва дѣлая по восьми верстъ въ сутки. Было, какъ при Платовѣ.

Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ
Деревья мечутъ стрѣлы,
Они лишь къ мосту — мостъ исчезъ,
Лишь къ селамъ — пышутъ села.

Жаркій іюльскій полдень. Сотня Траилина спѣшилась и залегла по опушкѣ лѣса. Казакъ лежитъ отъ казака далеко, шаговъ на тридцать. Два взвода въ лѣсу, два взвода въ верстѣ вправо у фольварка Чертовчикъ. Тамъ же и толстый Ильинъ съ пулеметами. Верстахъ въ двухъ показывается австрійскій эскадронъ на вороныхъ лошадяхъ. Четыре бѣлыя лошади четко рисуются въ его рядахъ. Онъ долго стоитъ во взводной колоннѣ, какъ бы приглашая казаковъ атаковать себя. Но казаки уже знаютъ въ чемъ дѣло. За эскадрономъ стоятъ австрійскіе пулеметы и разсыпана австрійская пѣхота: — это ловушка. Никто не идетъ атаковать эскадронъ и онъ медленно уходитъ, подставляя свои фланги, отчетливо рисуясь на фонѣ зеленаго лѣса.

Изъ кустовъ появляется жидкая патрульная цѣпь. Она долго идетъ и доходитъ почти до казаковъ. Сзади ползетъ колонна.

И вдругъ: — тахъ, тахъ — срываетъ два рѣзкихъ выстрѣла Ильинскій пулеметъ и начинаетъ трещать, осыпая колонну пулями. Къ нему пристраивается другой, по всему широкому фронту на-

чинаютъ стрѣлять казаки, вправо и влѣво, охватывая фланги колонны бьетъ третья, пятая и вторая сотни. Австрійскіе дозоры бѣгутъ назадъ, колонна ложится, выѣзжаетъ артиллерія, австрійскіе полки строятся по ротно, высылаютъ цѣпи по всему громадному фронту, захватывая лѣса и селенія гремитъ бой. Медленно, цѣпь, за цѣпью, подаются впередъ австрійцы, падаютъ подъ мѣткими выстрѣлами казаковъ, которые вдругъ появляются на флангахъ. Австрійцы разворачиваютъ новые полки и армія стоитъ и ждетъ результата.

— Агафошкина уберите, братцы, убило его, кричатъ по фронту.

— Сейчасъ. Семеновъ, тебя въ руку что ль? Передай, милой, патроны, мои кончаются.

— Третья отходитъ уже, отходить намъ, что-ль.

— Погоди, вонъ тому пучеглазому въ морду запалю.

— Эхъ не попалъ!

— Я, братцы, офицера, свалилъ.

— Глянь, еще орудія подвезли.

— Кабы знали они, что насъ и всего то двадцать человѣкъ!

— По воробьямъ изъ пушекъ.

— Эхъ, кабы намъ артиллерію! Прописали-бъ!

— Отходить по одному къ конямъ! Командиръ приказалъ.

Траилинъ идетъ послѣдній, сопровождаемый трубачемъ, Австрійцы долго бьютъ по пустому мѣсту, но постепенно стрѣльба стихаетъ. Патрули осторожно ползутъ впередъ. Тамъ, откуда стрѣляли никого. Нѣсколько гильзъ, окровавленныя тряпки, да примятая трава.

Австрійцы идутъ впередъ, но уже настали сумерки и страшно идти въ темноту лѣса. Полки становятся на ночлегъ.

А ночью, то тутъ, то тамъ загорается перестрѣлка. Мерещатся, а можетъ быть, есть и на дѣлѣ пѣшіе и конные люди.

Лицо Карпова стало худымъ и чернымъ отъ загара, въ бородѣ и на вискахъ засеребрилась сѣдина. Онъ только соберетъ полкъ, отскочитъ съ нимъ верстъ на пять, какъ уже снова стоитъ надъ картой и даетъ новую задачу.

— Хоперсковъ съ первой сотней и двумя пулеметами къ деревнѣ Козя-воля. Тамъ спѣшитесь. Вторая сотня по опушкѣ Лабуньскаго лѣса, третья займетъ съ двумя пулеметами шоссе у Лабуньки, четвертая у Чертовца, пятая по лѣсу до ручья Чернаго, шестая при мнѣ.

На двѣнадцать верстъ раскинулись сотни и ждутъ. Темная августовская ночь смѣняется яснымъ утромъ, блеститъ роса на вновь зацвѣтшихъ клеверныхъ поляхъ, четко рисуются блестящія скирды и опять со всѣхъ сторонъ ползутъ австрійцы и опять лопаются шрапнели и стучатъ пулеметы

Другіе полки дивизіи съ конными батареями ушли далеко въ какой то набѣгъ, казакамъ Карпова приказали прикрывать пѣхоту, быть при пѣхотѣ, а пѣхота еще только собиралась и была въ сорока верстахъ отъ мѣста боя.

Каждый день были потери, маленькія незамѣтныя потери, о нихъ не стали бы говорить въ пѣхотѣ, гдѣ люди сразу гибнутъ тысячами, — два убитыхъ, восемь раненыхъ, пять убитыхъ, двадцать раненыхъ, никого убитыхъ, два раненыхъ, но они были каждый день, и когда, наконецъ, пѣхота вышла впередъ и Карповъ собралъ свой полкъ, онъ не узналъ его. Вмѣсто полныхъ пятнадцати и шестнадцати рядовъ въ немъ было по восемь и по девять, половина полка полегла на поляхъ Холмщины. На мѣсто старыхъ бравыхъ казаковъ мѣстами стояли молодые люди, совсѣмъ незнакомые, непохожіе на казаковъ въ неловко пригнанномъ обмундированіи и снаряженіи, несмѣло сидящіе на лошадяхъ. Особенно много такихъ было у энергичнаго и предпріимчиваго Каргальскова, командира третьей сотни.

— Это что за люди?, недовольнымъ голосомъ спросилъ Карповъ.

— Добровольцы, господинъ полковникъ. — отвѣчалъ Каргальсковъ.

— Откуда?

— Сами приходятъ. Хорошіе люди, мѣстные крестьяне и дерутся отлично. Не хуже казаковъ. Мѣстность отлично знаютъ, проводниками, переводчиками служатъ. Коноводамъ и кашеварамъ помогаютъ. Имъ все равно дѣваться некуда. Деревни ихъ заняты, дома пожжены или разорены вотъ они и пристали къ намъ.

— Да вѣрные ли люди?

— Вѣрные. Поручиться за нихъ могу.

Карповъ махнулъ рукой. Жутко и больно ему стало на сердцѣ. И мѣсяца нѣтъ, что война идетъ, а уже половины полка, его ученаго, славнаго полка, которымъ онъ такъ любовался въ день выступленія въ походъ, не стало!

XXIV.

Была дневка. На дворѣ господскаго дома, въ которомъ стоялъ штабъ полка Карпова толпились крестьяне, поляки и евреи. Все съ мелочными основательными и неосновательными претензіями. Тому за курицу не заплатили, у этого овесъ взяли, не спросивши, одного толкнули, другого обругали. Кумсковъ, потный и красный съ ногъ сбился, разрѣшая, удовлетворяя и просто прогоняя.

— Ты, панъ, погоди, твоя рѣчь впереди, — говорилъ онъ, останавливая лѣзшаго къ нему сѣдого морщинистаго старика въ бѣлой свиткѣ.

— Ой панъ! Вшистко знищено! Жолнержи були, вшистко забрали!

— Постой, постой панъ. Какіе жолнержи? Было у нихъ тутъ червоное?, показывалъ Кумсковъ на ноги.

— Ни, панъ. Не казаки, а такъ жолнержи.

— Ну вотъ видишь, а ты къ намъ лѣзешь. — Не иначе, господинъ полковникъ, обратился онъ къ Карпову, стоявшему на крыльцѣ, какъ намъ придется взять переводчика. Разрѣшите къ Каргальскому послать, у него много добровольцевъ, пусть пришлетъ хорошаго. А то трудно съ ними.

— Охъ, уже эти добровольцы, — проговорилъ Карповъ. — Кто ихъ знаетъ, что за люди, а, можетъ быть, и шпіоны среди нихъ есть.

— Нѣтъ, господинъ полковникъ, славные хорошіе люди. Каргальсковъ ихъ хвалитъ, и казаки ихъ одобряютъ.

— Да что казаки! Казаки простодушные, добрые люди. Долго ли ихъ обмануть. А впрочемъ пошлите. Намъ, пожалуй, и правда не вредно имѣть при штабѣ одного поляка. И мнѣ покажите.

Подъ вечеръ, когда на дворѣ было тихо и Карповъ смотрѣлъ, какъ чистили его лошадей, во дворъ вошелъ есаулъ Каргальсковъ. Сзади него шелъ очень красивый юноша лѣтъ восемнадцати, съ чистымъ лицомъ, въ фуражкѣ, сдвинутой на затылокъ. Изъ подъ козырька выбивалась задорная черная прядь волосъ. Ни усовъ, ни бороды не было на прекрасномъ лицѣ юноши. Сѣрые глаза смотрѣли смѣло и нагло. Юноша былъ одѣтъ въ чистую казачью рубаху съ погонами, былъ при шашкѣ, патронташѣ и винтовкѣ, шаровары были новые, сапоги хорошо вычищены. Выглядѣлъ онъ молодчикомъ и сразу обращалъ на себя вниманіе, но подъ его прямымъ пронизывающимъ взглядомъ Карповъ невольно потупилъ глаза и подумалъ: — какое отталкивающее выраженіе у этого красиваго поляка.

— Ты кто такой?, спросилъ онъ юношу.

— Викторъ Модзалевскій, — смѣло отвѣтилъ доброволецъ.

— Откуда?

— Я гимназистъ Холмской гимназіи. Сынъ шляхтича изъ подъ Владиміра Волынскаго.

По Русски онъ говорилъ чисто, но съ нѣкоторымъ иностраннымъ акцентомъ, какъ говорятъ иностранцы, или Русскіе, долго жившіе заграницей.

— Душевный парень, Витя, сказалъ Каргальсковъ. — Всѣ казаки его полюбили. Пѣсни поетъ. Онъ и по нѣмецки и по французски знаетъ. Вчера плѣнныхъ допрашивалъ. Ловко говоритъ.

— Гдѣ вы учились нѣмецкому языку?

— Въ гимназіи, коротко отвѣтилъ Модзалевскій.

— Онъ давно у васъ?, спросилъ Карповъ Каргальскова.

— Третій день всего. Въ Чертовцѣ къ намъ присталъ.

— Хорошо, сказалъ Карповъ, подавляя какое то чувство отвращенія, которое онъ испытывалъ почему то къ этому юношѣ, — оставайтесь при штабѣ.

— Слушаюсь, — отвѣчалъ повелительнымъ тономъ Модзалевскій и еще разъ прямо посмотрѣлъ въ глаза Карпову.

За эти три дня онъ очень много слышалъ восторженныхъ разсказовъ казаковъ о ихъ командирѣ и теперь, глядя прямо въ глаза Карпову онъ подумалъ:

— И лучшаго изъ гоевъ убей!... Убей!

Онъ отчетливо повернулся кругомъ, какъ научили его казаки и пошелъ со двора. Карповъ оставался въ раздумьи. Почему, думалъ онъ, этотъ юноша мнѣ сразу сталъ такъ противенъ. Правъ ли я? Что онъ смотритъ такъ смѣло и не боится меня? Но что въ этомъ худого?

Но до самой ночи онъ не могъ отдѣлаться отъ сквернаго чувства. Щемящая тоска вдругъ заползла въ его душу и отравила ее и прогнала тотъ безмятежный покой, который былъ у него даже въ самыя страшныя минуты тяжелыхъ боевъ.

XXV.

Полкъ, въ которомъ служилъ Саблинъ шелъ четвертый день походомъ. Ночлеги были плохіе. Останавливались по маленькимъ польскимъ деревнямъ, въ тѣсныхъ и грязныхъ халупахъ, гдѣ ночевали, кто на походной койкѣ, кто на полу на ворохѣ соломы. Эскадроны расходились въ разныя мѣста, не хватало хатъ, кругомъ были угрюмыя болота и лѣса. Часто набѣгали дожди, потомъ свѣтило солнце и ярко по осеннему отражалось въ лужахъ.

Кавалерія, высадившаяся пять дней тому назадъ изъ вагоновъ желѣзной дороги, въ которыхъ провела трое сутокъ, спѣшила теперь на помощь N-скому армейскому корпусу, медленно отступавшему изъ Пруссіи, останавливавшемуся, задерживавшемуся и наносящему убыль германцамъ. Русская Армія въ эти августовскіе дни спасала Парижъ, отдавая свои земли, принося въ жертву войнѣ тысячи своихъ лучшихъ сыновъ.

Полкомъ командовалъ князь Рѣпнинъ, первымъ дивизіономъ Саблинъ, 1-мъ эскадрономъ ротмистръ графъ Бланкенбургъ и 2-мъ — Ротбекъ. Оба эскадрона были полны офицерами и ожидали пріѣзда еще корнетовъ, только что выпущенныхъ изъ училища и Пажескаго Корпуса.

Въ этотъ августовскій день, выступили, какъ всегда, въ 8 часовъ утра. Переходъ былъ большой, день очень жаркій, за три дня похода всѣ притомились и жаждали ночлега, мечтая о хорошихъ квартирахъ. На другой день предполагалась дневка.

Отъ высокаго краснаго кирпичнаго костела, новой стройки, съ сѣрою грифельною крышей дивизіоны разошлись. 1-му дивизьону былъ назначенъ ночлегъ въ селеніи Вулькѣ Любитовской и второму въ Гончемъ Бродѣ.

Отъ костела поднялись на холмъ, покрытый скирдами сжатаго хлѣба. Шли безъ пѣсенниковъ съ высланными впередъ дозорами. Кругомъ была

мирная природа. Въ деревняхъ шумѣли и трещали молотилки, спѣша обмолотить хлѣбъ. Крестьяне выходили на дорогу и равнодушно смотрѣли на войска, но въ этомъ мирномъ пейзажѣ вотъ уже второй день Саблинъ примѣчалъ и суровые штрихи, внесенные въ него войной. Нѣтъ нѣтъ да и попадалась, на встрѣчу прочная на высокихъ дубовыхъ колесахъ польская бланкарда, запряженная парою добрыхъ холеныхъ рослыхъ лошадей. На бланкардѣ на узлахъ и чемоданахъ, среди клѣтокъ съ домашнею птицею, сидѣли дамы, барышни, кто въ городскихъ шляпкахъ, кто въ большихъ шерстяныхъ платкахъ. Сзади мальчики и дѣвочки гнали коровъ, гусей, тащили толстую свинью. Лица женщинъ были загорѣлыя, волосы растрепаны, глаза усталые, на нихъ легъ отпечатокъ лишеній кочевой жизни, ночевокъ въ полѣ подъ телѣгой, свѣжаго вѣтра, растерянности и испуга.

Это были бѣженцы.

По стратегическимъ и инымъ соображеніямъ войска отходили, пуская непріятеля на Русскую землю. Это дѣлалось легко во имя успѣха, во имя побѣды въ будущемъ. Каждый такой отходъ срывалъ съ мѣста цѣлыя хозяйства, разрушалъ навсегда укладъ жизни, создававшейся двѣсти, триста лѣтъ.

Передъ эскадронами Саблина бланкарды сворачивали въ сторону. Темные красивые глаза женщинъ смотрѣли на офицеровъ и Саблину казалось, что онъ читаетъ въ нихъ горькій упрекъ въ опозданіи. Ему становилось совѣстно и онъ отворачивался. Эти бѣженцы открывали передъ нимъ новую сторону войны. Онъ всегда думалъ, что война касается только военныхъ, что это они, офицеры и солдаты, умираютъ героями, страдаютъ по госпиталямъ отъ ранъ, всю жизнь отдаютъ ученію о войнѣ и для войны, не имѣютъ истинной свободы и за то имъ и почетъ, и яркій мундиръ, и веселая жизнь, и близость къ Государю, и любовь и поклоненіе жен-

щинъ. Здѣсь, въ этихъ измученныхъ лицахъ женщинъ, Саблинъ читалъ страшную драму жизни, крушенія идеаловъ, мечтаній, разбитый, поруганный миръ, тихое счастье, обращенное въ обломки. Ему становилось странно и совѣстно. Онъ считалъ себя виновнымъ во всемъ этомъ. Это онъ не спасъ, не защитилъ, не заслонилъ ихъ отъ всего этого разоренія.

Но молодежь, офицеры эскадроновъ, ѣхавшіе впереди не замѣчали этого. Они видѣли въ этомъ только батальную картину, какое то оригинальное и красивое приключеніе. Они не думали о томъ прошломъ счастьи, которое было у этихъ людей и о томъ будущемъ бездомномъ скитаньи, которое ихъ ожидало.

— Куда вы, прелестныя паненки, — кричалъ корнетъ Покровскій, хорошенькій мальчикъ, посылая воздушные поцѣлуи.

— Въ Варшаву, отвѣчали улыбаясь паненки. И въ улыбкѣ ихъ Саблинъ видѣлъ слезы.

— Зачѣмъ такъ далеко! Мы прогонимъ нѣмцевъ и вы спокойно вернетесь домой.

— Ахъ, если бы такъ!, вздыхала старая толстая дама, сидѣвшая на низкой клѣткѣ съ курами. — Ахъ если бы такъ, панъ офицеръ!

Женщины и мущины смотрѣли на прекрасныхъ лошадей полка, на громадныхъ солдатъ, красивыхъ, молодецъ къ молодцу брюнетовъ, и надежда загоралась въ нихъ. Не можетъ быть, чтобы эти не побѣдили!

Бланкарда остановилась въ раздумьи. Но въ эту минуту легкое дуновеніе вѣтра съ запада донесло далекій неясный гулъ, шедшій безъ перерыва, то усиливаясь, то ослабѣвая, панъ, сидѣвшій съ бичемъ на борту телѣги рѣшительно ударилъ по лошадямъ, бланкарда покатилась по выбоинамъ шоссе, старая тетка запрыгала на курахъ, а паненки печально поджали губы.

— Экъ и тетка, кричали смѣясь солдаты, — гляди какихъ цыплятъ высидѣла, пора и съ посѣсти вставать, смотри раздавишь.

Сзади, мыча бѣжала большая пестрая корова и гуси, испуганные лошадьми бросались съ тревожнымъ гоготаніемъ черезъ канаву и за ними бѣжалъ мальчишка.

За холмомъ стоялъ высокій крестъ и къ нему былъ прикрѣпленъ сдѣланный изъ папье маше распятый Христосъ. Въ изнеможеніи муки онъ опустилъ свое блѣдное лицо съ круглымъ румянцемъ и кровяными каплями къ правому плечу и все лицо его съ коричневыми волосами было покрыто пылью. У ногъ его на небольшой скамеечкѣ лежалъ букетъ увядшихъ васильковъ. Пестрыя ленты, поблекшія отъ дождей и солнца, монисто, сердце, сдѣланное изъ бѣлаго металла были привязаны къ ногамъ Христа.

Отъ распятія открывался широкій видъ. Внизу протекала окруженная лѣсами и кустами небольшая рѣчка. Подлѣ нея въ кущахъ громадныхъ липъ и дубовъ стоялъ красивый замокъ, а въ полуверстѣ отъ него, по скату, обращенному къ распятію разбѣжалось мѣстечко, состоявшее изъ полсотни маленькихъ домиковъ, окруженныхъ садами, бѣлѣлъ каменный шинокъ подъ желѣзной крышей, да повсюду торчали тонкіе шпили колодезьныхъ журавлей. За селеніемъ шли большіе лѣса, они прерывались жолтыми пятнами сжатыхъ полей, черными полосами отдыхающей земли и зелеными клеверниками. Густое, лиловато синее небо висѣло надъ холмами, лѣсами, полями и деревней.

Христосъ изъ папье маше скорбно отвернулся отъ широкаго раздолья полей, будто тяжко было смотрѣть ему на прекрасную Польшу, столько вѣковъ заливаемую кровью, столько вѣковъ служащую ареною войнъ и раздоровъ, истопанную боевыми конями, покрытую курганами мертвыхъ тѣлъ — татарскихъ и турецкихъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ

шведскихъ и литовскихъ, французскихъ и австрійскихъ, и Русскихъ и польскихъ, польскихъ и Русскихъ.

Неугомонная, задорливая, волелюбивая и порабощенная, шумная и хвастливая Польша и сейчасъ заливалась потоками человѣческой крови и рыла новыя могилы. Но, будто кровь человѣческая, муки и страданія людскія служили ей на украшеніе, Какъ вампиръ, питаясь кровью хорошѣетъ и растетъ, такъ и Польша изъ потоковъ крови улыбалась очаровательной улыбкой красоты, довольства и счастья.

Синіе васильки на сжатомъ полѣ смѣшались съ яркими пунцовыми маками. У дороги росъ косматый и колючій, въ ростъ человѣка репейникъ и блѣдно лиловые нѣжные пушистые цвѣты цѣлой шапкой торчали надъ нимъ; жолтыя мальвы росли по межамъ, впереди изъ господскаго сада виднѣлись дубы въ три охвата и громадныя липы, въ тѣни которыхъ могла отдыхать цѣлая рота. Стадо бурыхъ однотонныхъ коровъ шерстъ въ шерсть одинаковыхъ паслось на толокѣ и тутъ же дремали сѣрые густошерстные мериносы. Косматая собака поднялась отъ отары, потянулась, приготовилась было лаять, но раздумала и стала отбрасывать задними ногами землю, злобно рыча.

Отъ деревни прямо къ Саблину, плавно подпрыгивая на облегченной рыси, съ болтающеюся на лѣвомъ боку полевою кожаною сумкой, въ сопровожденіи солдата ѣхалъ офицеръ. Это былъ корнетъ Лидваль, посланный впередъ квартирьеромъ.

— Господинъ полковникъ, доложилъ онъ, задерживая свою лошадь и заѣзжая сбоку Саблина,— квартиры 1-му и 2-му эскадронамъ отведены. Господамъ офицерамъ разрѣшите стать всѣмъ вмѣстѣ въ помѣщичьемъ домѣ. Помѣщикъ, панъ Ледоховскій проситъ откушать у него. Очень богатый человѣкъ. У него винокурный и сахарный заводы и своя суконная фабрика.

— Съ какой стати одолжаться, — хмуро сказалъ Саблинъ. — Развѣ нельзя было найти въ селеніи у войта или у жида какого нибудь, гдѣ бы можно было заплатить и не одолжаться. Богъ его знаетъ кто онъ такой этотъ панъ Ледоховскій?

Послѣ смерти Вѣры Константиновны Саблину тяжело было общество постороннихъ людей. Могли найтись общіе Петербугскіе знакомые, пойдти распросы, а такъ не хотѣлось бередить начинавшую подживать, но не могущую никогда вполнѣ зажить душевную рану.

— Онъ очень проситъ, — съ мольбою въ голосѣ говорилъ Лидваль. — Онъ такой богатый. Ему самому лестно. И домъ у него переполненъ прекрасными польками. Такъ хорошо бы было.... Можно потанцовать.

Саблинъ нахмурился. Онъ готовъ уже былъ рѣзко отказать, но случайно взглянулъ на столпившуюся подлѣ него на лошадяхъ молодежь, увидалъ оживленныя лица, жаждущія развлеченія, веселья и подумалъ, что, можетъ быть, онъ и не правъ, прилагая свою мѣрку къ офицерамъ.

— Отчего бы Саша, и не стать у помѣщика, — сказалъ Ротбекъ. — И помыться бы можно хорошо и поспать на свѣжемъ бѣльѣ. Домъ, какъ видно громадный, навѣрно десятка полтора Fremden-Zimmer имѣетъ. Мы не только не стѣснимъ, а оживимъ общество.

Девять молодыхъ красивыхъ лицъ въ восемнадцать глазъ глядѣло съ ожиданіемъ на Саблина и ждало его рѣшенія. Онъ сдался.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ, — но при условіи, что въ каждомъ эскадронѣ по одному офицеру будутъ дежурить по очереди въ деревнѣ при людяхъ.

— О, будемъ, будемъ. Не безпокойтесь, хоромъ отвѣтили офицеры и шутки и веселыя предположенія и планы пикника съ прекрасными польками оживили ихъ...

XXVI.

Панъ Ледоховскій встрѣчалъ гостей на крыльцѣ своего громаднаго замка.

— О, панъ полковникъ, — говорилъ онъ, мѣшая русскія слова съ польскими, — прошу милостиво въ нашъ убогій палацъ. Прощенья прошу, что не могу на каждаго пана офицера дать по комнатѣ. Но у меня такое стеченіе обстоятельствъ, бѣженцы со всей гмины, Войцеховскіе, Любитовскіе, княгиня Развадовская съ двумя дочерьми, панъ Лобысевичъ, панъ докторъ Карпиловскій и все съ дѣтьми, полъ флигеля занято бѣженцами.

— Мы васъ стѣснимъ, пожалуй, — сухо сказалъ Саблинъ.

— О! Ницъ! Ни Боже мой! Панъ осчастливитъ меня въ моемъ палацѣ. Но мнѣ хотѣлось-бы доставить полное удобство, достойно встрѣтить знатныхъ гостей. Вотъ сюда, пожалуйте.

Въ громадномъ вестибюлѣ былъ сдѣланъ каминъ,въ которомъ свободно можно было сжарить цѣлаго кабана. На стѣнахъ висѣли трофеи охоты пана Ледоховскаго, оленьи и козьи головки съ рогами и просто, рога, на отполированныхъ лобныхъ костяхъ которыхъ порыжѣлыми чернилами было написано когда и кто убилъ какого козла, или оленя. Вправо и влѣво отъ камина шла двумя маршами лѣстница, покрытая сѣрымъ суконнымъ ковромъ.

— Я покажу вамъ ваши комнаты. Теперь четыре часа, я пошлю вамъ по номерамъ чай и перекусить и въ шесть часовъ милости просимъ всѣ вмѣстѣ пообѣдать и я васъ представлю тогда и графинѣ.

Саблинъ съ графомъ Ледоховскимъ, сопровождаемые офицерами поднялись во второй этажъ. По просторному корридору съ окнами во дворъ, шли большія двери въ номера. Панъ Ледоховскій от-

крылъ одну дверь и указалъ комнату съ двумя кроватями.

— Для пана полковника, сказалъ онъ. — Тутъ все готово, — и, оставивъ Саблина одного, онъ пошелъ разводить гостей по другимъ номерамъ.

Въ комнатѣ былъ чистый, но нѣсколько затхлый воздухъ. Саблинъ раскрылъ окно. Прямо въ стекла протягивала громадныя вѣтви душистая липа. За окномъ былъ паркъ съ тщательно раздѣланными газонами и куртинами цвѣтовъ. Правѣе цвѣточнаго сада была зеленая лужайка, предназначенная для игръ. Вся лужайка была заставлена экипажами и тѣлегами. Большая карета съ откиднымъ кожанымъ верхомъ на желѣзномъ ходу стояла съ края и лошади, въ хомутахъ и сѣделкахъ были привязаны къ дышлу и ѣли изъ большого мѣшка сѣно. Рядомъ въ бланкардѣ на сѣнѣ и коврахъ сидѣли двѣ польки и пили чай, наливая его изъ желѣзнаго чайника въ кружки. Молодой полякъ, въ штанахъ съ помочами и рубахѣ прислуживалъ имъ. У полекъ были заспанныя лица и растрепанные волосы, на ихъ блузкахъ прилипло сѣно. Онѣ быстро говорили поляку и тотъ отмахивался отъ нихъ. Рядомъ съ бланкардой была пустая коляска, потомъ двѣ телѣги съ разнымъ домашнимъ скарбомъ, поверхъ котораго былъ привязанъ проволочный манекенъ модистки, потомъ была длинная и узкая телѣга, въ которой было много вещей и много черноволосыхъ глазастыхъ еврейскихъ дѣтей. Старая еврейка съ длинными сивыми распущенными волосами, въ красномъ шерстяномъ платкѣ, накинутомъ на плечи, сидѣла въ концѣ телѣги на узлахъ, опершись сухими костлявыми руками о подбородокъ и тяжелое неисходное горе было въ ея глазахъ. Молодая очень хорошенькая женщина, съ туго закрученными и подшпиленными на затылкѣ волосами, въ неглиже послѣ дневного сна, въ юбкѣ и рубашкѣ, безъ кофты, сверкая полными ярко бѣлыми плечами и грудью кормила ребенка и

желчно что то кричала старому сѣдобородому еврею, въ длинномъ почти до пятъ черномъ сюртукѣ, медленно ходившему подлѣ худой съ выдавшимися ребрами бѣлой лошади, печально смотрѣвшей большими черными глазами на положенную передъ нею траву.

Мимо нихъ проходили офицерскіе вѣстовые и деньщики и несли въ замокъ вьюки.

За паркомъ были поля, за полями синѣлъ далекій хвойный лѣсъ и изъ за него то стихая, то снова начинаясь слышался неровный и неясный гулъ. Тамъ шло сраженіе; была слышна канонада.

Комната была красиво съ изысканнымъ вкусомъ въ стилѣ empire убрана. Вещи были старинныя прочныя, дорогія. На стѣнѣ надъ кроватями висѣла очень хорошая картина масляными красками, изображавшая закатъ солнца въ Венеціи. На противоположной стѣнѣ были двѣ гравюры. Море съ зелеными волнами, по которому шла большая гребная лодка, переполненная людьми и темная гравюра — офортъ олень съ оленихами въ лѣсу. Въ углу у окна стоялъ туалетъ съ тройнымъ зеркаломъ и были разложены хрустальные флаконы и вазочки. По другую сторону былъ низкій, пузатый, краснаго дерева съ бронзою комодъ. У двери былъ шкафъ и большой умывальникъ съ двумя приборами хорошаго англійскаго фаянса.

Пришла кокетливо одѣтая въ бѣломъ чепцѣ и передникѣ недурная горничная и принесла Саблину чай и сандвичи и поставивши на столъ у мягкаго дивана стала доставать изъ комода и слать чистое бѣлье на обѣ постели и развѣшивать полотенца у умывальника.

Она нагибалась и выпрямлялась стройнымъ станомъ, показывая молодыя упругія ноги въ черныхъ башмакахъ и бѣлыхъ нитяныхъ чулкахъ, проворно ловкими руками разстилала пахнущее сыростью бѣлье и искоса лукавыми темно карими

глазами поглядывала на Саблина, сидѣвшаго на диванѣ.

— А что, панъ, — вдругъ быстро спросила она —германъ придетъ сюда?

Вопросъ былъ такъ неожиданъ, что заставилъ Саблина смутиться.

Онъ поднялъ глаза на горничную и молчалъ.

— Вишь, какъ бьетъ, сказала она. — Это изъ пушекъ. Хлопцы оттуда прибѣгли, сказывали много народа погибло. Будто отступать наши стали.

Она ждала отвѣта, авторитетнаго яснаго указанія и завѣренія, но Саблинъ не могъ ничего сказать, потому что совсѣмъ не зналъ обстановки.

—Ой, бѣда будетъ, если германъ придетъ. У меня отецъ больной въ деревнѣ лежитъ. Куда его увезешь? Мужа забрали. Запасный онъ.

— Я думаю, сказалъ Саблинъ, что сюда не придутъ нѣмцы. Бой идетъ далеко.

— Да, кабы устояли, — сказала горничная. — Чаю позволите еще принести?

— Нѣтъ, благодарю васъ, сказалъ Саблинъ.

Горничная вышла.

Въ корридорѣ слышался звонъ шпоръ и веселые молодые голоса.

— Полина, вы вотъ за кѣмъ поухаживайте, кричалъ Лидваль— посмотрите какой красавецъ.

— Полина, потрите мнѣ спину.

— Да, полноте, баловни!

— Полина, вы Русская? Что вы такъ хорошо говорите по Русски.

Саблинъ закрылъ дверь въ корридоръ, сѣлъ у окна и задумался.

Война, думалъ онъ, — и богатый замокъ, и нѣжное бѣлье, и Полина, и шутки, и любовь...

И старая еврейка, трясущая головой, и двѣ растрепанныя польки, ставшія, какъ бездомныя кошки.

Кому шутки и веселье, а кому горе. А можетъ быть и имъ завтра, послѣ завтра... что будетъ? Кто

знаетъ, что ихъ ожидаетъ. И муки, и смерть молодого, жаждущаго женской любви и ласки тѣла!...

XXVII.

Въ шесть часовъ вечера камердинеръ, одѣтый въ ливрею съ графскими коронами на бѣлыхъ плоскихъ пуговицахъ, постучалъ въ дверь комнаты Саблина и попросилъ по польски идти обѣдать.

Въ большой столовой, со спущенными шторами, залитой электрическимъ свѣтомъ уже собрались всѣ офицеры Саблинскаго дивизіона и гости графа Ледоховскаго. Ждали Саблина, какъ почетнаго гостя. Едва онъ переступилъ порогъ столовой, какъ съ хоръ трубачи грянули ему полковой маршъ. Это было такъ неожиданно, что Саблинъ вздрогнулъ и пріостановился. Къ нему подошелъ Ротбекъ со сконфуженной виноватой улыбкой.

— Саша, прости, — сказалъ онъ, что я безъ тебя распорядился и просилъ князя разрѣшить взять трубачей. Но молодежь, столько дамъ, барышень, отчего и не потанцовать потомъ.

— Эхъ, Пикъ, Пикъ!, укоризненно сказалъ Саблинъ и пошелъ къ хозяйкѣ.

Графиня, сорокалѣтняя, но еще видная и красивая полька была одѣта въ бальное платье, декольте и блистала своими широкими бѣлыми плечами и высокою грудью. Она не хотѣла, или не умѣла говорить по Русски и заговорила съ Саблинымъ на отличномъ французскомъ языкѣ. Саблина это взорвало и онъ, сознавая свою грубость, отвѣчалъ ей по Русски. Разговоръ прервался. Ея дочь, Анеля, прелестное существо семнадцати лѣтъ, свѣжее, румяное съ большими черными глазами, тонкимъ носомъ, тонкими бровями и губами, церемонно присѣла передъ Саблинымъ. Она воспитывалась во французскомъ монастырѣ и съ трудомъ говорила по Русски.

Саблинъ торопливо проходилъ вдоль стоявшихъ группой гостей, мимо тянувшихся передъ нимъ офицеровъ. Прилизанные затылки и длинные носы вычурно, по варшавски одѣтыхъ польскихъ помѣщиковъ и туалеты ихъ дамъ — то богатые бальные, то простые дорожные, мелькали передъ нимъ. Много было молодыхъ красивыхъ лицъ и Саблинъ понялъ, что Пикъ не могъ устоять передъ соблазномъ развернуться во всю. Сзади Саблина шелъ графъ Ледоховскій и представлялъ его дамамъ, а ему своихъ гостей.

— Панъ Каштелянскій съ Кухотской воли. А то полковникъ Саблинъ, нашъ защитникъ. Пани Ядвига Каштелянская, а то ея панночки Марися и Зося... Панъ Збо(† Збороміpскій съ Павлинова, гдѣ теперь бой идетъ, а то пани Анеля Збороміpская, самая красивая и веселая во всемъ нашемъ округѣ.

Мило подрисованное круглое полное лицо, съ крошечными пухлыми капризными губами бантикомъ, съ большими блестящими глазами, небольшимъ чуть вздернутымъ носомъ съ широкими ноздрями, со лбомъ прикрытымъ задорными кудрями повернулась къ Саблину съ нѣжной истомой. Ей было меньше тридцати лѣтъ, рядомъ стоялъ панъ Збороміpскій старый, лысый и безсильный.

Самая веселая,— подумалъ Саблинъ, — есть отчего веселиться при такомъ мужѣ!

На отдѣльномъ столѣ была приготовлена закуска и водки. Столъ этотъ живо обступили гости и офицеры. Саблинъ стоялъ въ сторонѣ. Со дня похоронъ жены и объявленія войны онъ далъ зарокъ не пить ни вина, ни водки.

Пани Анеля и графиня нѣсколько разъ подходили уговаривать его, но онъ отказался.

— Саша, подмигивая глазами, кричалъ ему туго набитымъ ртомъ Ротбекъ, — а я ad majorem Poloniae gloriam четвертую шнапса хватилъ, Прелестный шнапсъ, на какихъ то з-за-м-мѣчательныхъ

травахъ настоенный. А колбаса — не колбаса, а прямо мечта. Такъ подъ водку и просится.

— Пани Анеля, — говорилъ высокій и красивый штабсъ ротмистръ Артемьевъ, — ну вы, хотя пригубьте мнѣ немного, чтобы я ваши мысли узналъ.

Зборомірская смѣялась, показывая два ряда великолѣпныхъ зубовъ, кокетливо грозила маленькимъ пальцемъ, украшеннымъ кольцами и говорила.

— О! зачѣмъ пану ротмистру знать мысли маленькой польской паненки. Черныя мысли, нехорошія мысли.

Наверху трубачи играли попури изъ «Карменъ» и шаловливо страстные мотивы оперы Бизэ волновали дамъ и возбуждали мущинъ. О войнѣ, о близости боя никто не говорилъ.

За обѣдомъ Ледоховскій, сидѣвшій рядомъ съ Саблинымъ, занималъ его политическимъ разговоромъ. Саблинъ угрюмо молчалъ.

— Вы слыхали про манифестъ великаго князя Николая Николаевича. Польша возрождается. Какой это хорошій, красивый, благородный жестъ. Два братскихъ народа, слившись въ объятіи, пойдутъ на защиту своей свободы отъ общаго врага славянства. Вы навѣрно испытываете эту глубокую священную ненависть къ германскому народу?

Саблинъ ничего не отвѣтилъ. Онъ заглянулъ себѣ въ душу и не нашелъ тамъ ненависти. Онъ не могъ ненавидѣть Вѣру Константиновну, онъ продолжалъ любить баронессу Софію, а ея мужъ прусскій офицеръ былъ въ лагерѣ враговъ. Вся война казалась Саблину страшнымъ недоразумѣніемъ и онъ не понималъ ее.

— Какъ вы думаете, сказалъ онъ Ледоховскому, что же будетъ представлять изъ себя въ будущемъ Польша. Царство, королевство, или иное что.

Ледоховскій расправилъ красивый длинный усъ, внимательно посмотрѣлъ на Саблина и началъ:

— Конечно, никому другому не слѣдуетъ быть на престолѣ Польскомъ и короноваться короною Пястовъ, какъ великому князю Николаю Николаевичу. За него всѣ сердца польскаго шляхетства, вся Польша за него... Но, панъ полковникъ, не находите ли вы, что въ двадцатомъ вѣкѣ уже неумѣстно говорить о коронахъ и престолахъ?.. Народъ самъ желаетъ принять на себя управленіе страною. Мы живемъ въ вѣкъ демократіи и Рѣчи Посполитой умѣстнѣе преобразоваться въ республику связанную прочнымъ союзомъ съ Россійской монархіей.

— Сеймъ будетъ править Польшей?, сказалъ Саблинъ не думая ни о чемъ.

— О да. Сеймъ. Парламентъ. Народъ.

— А недостаточно вамъ уроковъ исторіи. Къ чему привели васъ сеймы и права каждаго шляхтича налагать veto.

— О то не сеймъ, панъ полковникъ, виновникъ развала Польши. О, то короли не сумѣли владѣть достояніемъ народа. Не шляхетство пойдетъ теперь въ сеймъ, но весь народъ, подлинная демократія и онъ съумѣетъ сберечь Польшу. Польша Пястовъ отъ моря и до моря должна возродиться снова, панъ полковникъ, и какъ хорошо, что это будетъ по слову Государеву.

— Но въ манифестѣ, сухо сказалъ Саблинъ, сколько я помню ничего не сказано о границахъ. Куда вы дѣнете Курляндскую губернію и Малороссію?

— О, панъ полковникъ, о Украйнѣ рѣчь впереди Украинскій вопросъ это есть часть вопроса Польскаго. Кіевъ и Варшава — это начало и конецъ.

Какъ странно, подумалъ Саблинъ, война только что началась, а уже идетъ рѣчь о раздѣлѣ Россіи. Польша, Украина, Финляндія предъявляютъ свои старые счета къ оплатѣ тогда, когда еще неизвѣстно кто побѣдитъ. Ему непріятенъ былъ разговоръ о

политикѣ и онъ обратился къ сидѣвшей по лѣвую его руку, въ головѣ стола графинѣ Ледоховской.

— Comtesse, dites, avez vous reçue votre éducation en Russie ou à l'étranger?

— J'ai fait mon éducation au gymnase de Varsovie. отвѣчала быстро графиня, обрадовавшись, что заставила гордаго полковника говорить по французки.

— Значитъ, графиня, — сказалъ Саблинъ, чаруя ее своими прекрасными мягкими сѣрыми глазами, вы должны отлично говорить по Русски. Вся Варшава говоритъ по Русски.

Пойманная врасплохъ графиня смутилась и пролепетала по Русски.

— Но я такъ позабыла Русскій языкъ.

— Языкъ варваровъ, сказалъ Саблинъ.

— Нѣтъ, почему же?

— А вы помните,.. Вы навѣрно учили Тургенева, о красотѣ и значеніи Русскаго языка.

— Ну а польскій... Польскій вамъ не нравится?

— Я боюсь быть грубымъ и оправдать свое варварское происхожденіе, — скромно опуская глаза сказалъ Саблинъ.

— О я знаю, сказала графиня, вы сейчасъ повторите эту остроту — не пепши Пепше вепрша пепшемъ, бо можешь перепепшить вепрша пепшемъ. Но это совсѣмъ даже и не по-польски. А въ самомъ дѣлѣ, развѣ нашъ языкъ не такій ласкавый, нѣжный, чарующій.

—Вотъ именно, ласкавый. Въ вашихъ устахъ, графиня, всякій языкъ прелестенъ, но кто жилъ на югѣ Россіи тотъ привыкъ слышать всѣ эти слова въ устахъ простонародья и слышать ихъ въ устахъ прелестныхъ дамъ кажется такъ страннымъ.

Анеля Зборомірская съ другой стороны стола протягивала бокалъ со сверкающимъ шампанскимъ и, улыбаясь пухлымъ ртомъ и сверкая ровными какъ жемчугъ зубами говорила:

—За побѣды, панъ полковникъ!

Графиня Ледоховская примкнула къ этому тосту.

— О! за побѣды! Защитите насъ. Вы знаете нашему палацу безъ малаго двѣсти лѣтъ. Въ 1812 году здѣсь ночевалъ Наполеонъ со своимъ штабомъ и панъ Ледоховскій имѣлъ счастье принимать его величество у себя. У насъ сохраняется и комната, гдѣ былъ Наполеонъ.

Графъ Ледоховскій нагнулся къ Саблину и говорилъ.

— Потерять этотъ замокъ было бы невозможно. Это одно изъ самыхъ культурныхъ имѣній Польши, у насъ своя электрическая станція, рафинадный заводъ, винокурня, суконная фабрика — здѣсь достояніе на многіе мильоны. У меня въ галлереѣ Тенирсъ — графъ сказалъ Тенирсъ вмѣсто Теньеръ — и Рубенсъ лучшіе, нежели въ Эрмитажѣ. А коллекція Путермановъ и Ван-дейковъ — лучшая въ мірѣ. Я завтра покажу вамъ. Графы Ледоховскіе были покровители искусства и мой прадѣдъ всю свою жизнь провелъ въ Римѣ при его святѣйшествѣ. Я скорѣе умру, нежели разстанусь съ замкомъ.

Лакеи подавали мороженое. По раскраснѣвшимся лицамъ молодежи и по шумному говору на французскомъ и польскомъ языкахъ Саблинъ видѣлъ, что вина было выпито не мало. Ротбекъ не отставалъ отъ полной и шаловливой пани Озертицкой, смотрѣвшей на него масляными глазами. Пани Озертицкая была пожилая вдова съ пышными формами и Ротбекъ, подмѣтившій взглядъ Саблина крикнулъ ему.

— Я, Саша, иду по линіи наименьшаго сопротивленія. Гдѣ мнѣ бороться съ молодыми пѣтухами. Ишь какой задоръ нашелъ на нихъ.

Пани Анеля разрывалась между своими двумя кавалерами рослымъ и молодцеватымъ штабсъ ротмистромъ Артемьевымъ который ее рѣшительно атаковалъ и скромнымъ черноусымъ корнетомъ Покровскимъ, смущавшимся передъ ея прелестями, ко-

тораго она атаковала сама. И тотъ и другой усиленно подливали вина ея мужу, старому пану Зборомірскому, не обращая вниманія на притворные протесты пани Анели и старый панъ смотрѣлъ на всѣхъ мутными, ничего не понимающими глазами, хлопалъ рюмку за рюмкой и говорилъ

— А я, панъ, еще клюкну! Во какъ!

Его тянуло ко сну.

XXVIII.

Послѣ обѣда были танцы. Пржилуцкій съ пани Люциной Богошовской танцовалъ настоящую польскую мазурку, помахивалъ платкомъ, гремѣлъ шпорами, становился на колѣно, пока дама обѣгала вокругъ него, прыгалъ самъ козликомъ подлѣ нея и очаровалъ всѣхъ поляковъ.

— Вотъ это танецъ, говорилъ восхищенный графъ, — это не то, что тамъ разные кэкъ-уоки,да уанъ-стэпы — танцы обезьянъ — это король танцевъ — и онъ вдругъ схватилъ за руку свою дочь и помчался съ нею въ лихой мазуркѣ.

Въ самый разгаръ танцевъ, лакей подбѣжалъ къ графу и доложилъ ему что то.

— Панове! воскликнулъ графъ. — Богъ милости послалъ! Еще паны офицеры пріѣхали! Панъ полковникъ позволите просить прямо до мазурки!

Саблинъ вышелъ въ прихожую. Тамъ раздѣвались, стягивая съ себя шинели и плащи розовые, румяные юноши, только что выпущенные въ полкъ офицеры.

Увидѣвъ Саблина они построились одинъ за другимъ и стали представляться ему.

— Господинъ полковникъ, выпущенный изъ камеръ пажей Пажескаго Его Величества корпуса корнетъ князь Гривенъ.

— Изъ вахмистровъ Николаевскаго кавалерійскаго училища корнетъ Багрецовъ.

Оленинъ, Медвѣдскій, Лихославскій, Розенталь — всѣхъ ихъ Саблинъ зналъ пажами, юнкерами, дѣтьми. Онъ зналъ ихъ отцовъ и матерей. Это все былъ цвѣтъ Петербургскаго общества, лучшая аристократія Россіи. Сливки Русскаго дворянства посылали на войну своихъ сыновей на защиту Престола и Отечества.

Сзади всѣхъ, укрываясь за спинами молодыхъ офицеровъ появился высокій мальчикъ красавецъ, въ солдатской защитной рубахѣ, подтянутой бѣлымъ ремнемъ, при тяжелой шашкѣ — его сынъ Коля.

Саблинъ нахмурился.

— Коля!, строго сказалъ онъ. Это что!

Сынъ вытянулся передъ нимъ и ломающимся на басъ голосомъ сталъ говорить заученную фразу рапорта.

— Ваше высокоблагородіе, пажъ младшаго спеціальнаго класса Николай Саблинъ является по случаю прикомандированія къ полку.

— Кто позволилъ?

— Господинъ полковникъ.

— Нѣтъ, Коля! Это слишкомъ! Пойдемъ ко мнѣ. Господа, обратился онъ къ вновь прибывшимъ офицерамъ, завтра я распредѣлю васъ по эскадронамъ. А сейчасъ... Помойтесь, отмойте дорожную пыль и веселитесь... Идемъ, Николай.

Коля послушно пошелъ за отцомъ.

Саблинъ прошелъ въ свой номеръ, зажегъ лампу и сталъ спиной къ окну. Сынъ смотрѣлъ на него умоляющими глазами.

— Ну-съ. Какъ ты сюда попалъ?

— Папа ! Пойми меня. Мы были съ бабушкой въ Москвѣ у дяди Егора Ивановича. Вдругъ — манифестъ — объявлена война. Папа, я не могъ больше ни минуты оставаться. Дядя Егоръ Ивановичъ вполнѣ меня одобрилъ. Онъ мнѣ сказалъ: твой долгъ умереть за Родину!

— Старый оселъ! — вырвалось у Саблина.

— Папа, у меня отпускъ до 1-го сентября. Позволь остаться. Посмотрѣть войну. Убить хотя одного германца... Папа!... Я въ нынѣшнемъ году лучшимъ стрѣлкомъ. Во весь курсъ всего пять промаховъ. Папа... Мамы все равно нѣтъ. Къ чему и жить. Папа, не сердись... Позволь.

— Сестра гдѣ? — сурово спросилъ Саблинъ. — Таню гдѣ оставили?

— Таня съ бабушкой поѣхала въ Кисловодскъ.

— Бабушка что? Развѣ пустила тебя.

— У бабушки горе. Дядя сталъ требовать, чтобы она перемѣнила фамилію и стала называться Волковой, а бабушка разсердилась:—была, говоритъ, баронессой Вольфъ и умру баронессой Вольфъ и много нехорошаго наговорила. Таня плакала потому, что у нея бабушка нѣмка.

— Да, что вы тамъ, сдурѣли что-ли?

— Папа — нѣмецкіе магазины разбивали и грабили, вывѣски срывали. У Эйнема карамель была разсыпана по улицѣ, какъ песокъ, ногами топтали. Одни собирали, а другіе запрещали.

— Какая дикость!

— Папа, вѣдь это хорошо! Это патріотизмъ.

Саблинъ пожалъ плечами.

— Плохой это патріотизмъ, — сказалъ онъ. Такъ вѣдь и еврейскій погромъ можно патріотизмомъ назвать! Шуты гороховые!

— А дядя Егоръ Ивановичъ ходилъ съ толпой и говорилъ, что такъ имъ и надо, всѣ они, молъ, шпіоны.

— Экой какой!

Саблинъ смотрѣлъ на сына. Въ душѣ у него былъ праздникъ. Да, онъ былъ радъ, что сынъ пріѣхалъ къ нему въ полкъ, на настоящую войну, а не остался въ тылу, разбивать магазины и грабить ни въ чемъ неповинныхъ мирныхъ нѣмцевъ. Онъ поступилъ такъ, какъ долженъ былъ поступить Саблинъ.

Сынъ стоялъ, вытянувшись по солдатски, и три пальца лѣвой руки его чуть касались тяжелыхъ черныхъ ножонъ со штыковыми гнѣздами. Въ голубовато сѣрыхъ глазахъ было тоже выраженіе упорной воли, готовности во имя долга умереть, какъ и у его матери. И самъ онъ, оваломъ лица, тонкимъ носомъ и тонкими сурово сжатыми губами напоминалъ мать.

Чувство одиночества, которое не покидало Саблина со дня смерти Вѣры Константиновны, смягчилось, сынъ, какъ будто былъ присланъ матерью, чтобы облегчить Саблину его долгъ.

— Ну, здравствуй! — сказалъ Саблинъ и горячо обнялъ и поцѣловалъ сына въ нѣжныя блѣдныя щеки. — Богъ съ тобой, оставайся.

Сынъ горячо охватилъ отца за шею. Слезы текли у него изъ глазъ.

— Папа, — говорилъ онъ всхлипывая, — мы одни. Мамы нѣтъ! Не будемъ разставаться.

— Ты ѣлъ?

— Я не хочу ѣсть.

— Ну, умывайся, почистись и ступай. Танцуй, веселись. Видишь, какая война у насъ...

Онъ съ нѣжностью смотрѣлъ на бѣлый торсъ сына, обнаженнаго по поясъ. Коля, умывшись обтирался полотенцемъ. Молодая сильная жизнь сквозила въ плотныхъ мускулахъ рукъ и спины и красивомъ цвѣтѣ здоровой кожи. Коля, протирая глаза, разсказывалъ свои впечатлѣнія отъ Москвы.

— Кестнеръ, ты помнишь, дядя, — присяжный повѣренный, правовѣдъ, сталъ Кострецовымъ, такъ смѣшно! Мы, дорогой, корнета Гривена передѣлали въ Гривина, а Розенталя назвали Долинорозовымъ. Папа, а правда, это глупо! Война это одно, а чувство это другое. Я хочу убить нѣмца, ты знаешь, если бы я дядю, фонъ Шрейница, встрѣтилъ, я бы его — убилъ, неколеблясь, потому что онъ врагъ — а я его очень люблю, дядю Вилли и тетю Соню люблю. Но это война.

Коля пошелъ внизъ въ залъ, а Саблинъ остался на верху. Если бы онъ могъ молиться, онъ молился бы. Но онъ не вѣрилъ больше въ Бога и сухими глазами онъ смотрѣлъ на шинель сына и на его раскрытый чемоданъ. Мысли шли, не оставляя слѣда и если бы Саблина спросили, о чемъ его мысли, онъ не сумѣлъ бы отвѣтить, такъ неслись онѣ тусклыя, неопредѣленныя, отрывочныя.

Ночь была тихая, темная, задумчивая. Въ окно иногда было видно, какъ точно зарницы далекой грозы вспыхивали огни пушечныхъ выстрѣловъ. Но грома ихъ не было слышно. Саблину показалось, что вблески огней стали ближе, чѣмъ днемъ, была слышна канонада. Огни появились сейчасъ за темной полосой большого лѣса, верстахъ въ двадцати отъ замка.

Неужели наши отошли, — подумалъ Саблинъ. Снизу раздавался пѣвучій вальсъ и въ раскрытыя окна слышались голоса.

Въ одиннадцать часовъ, какъ было условлено съ Ротбекомъ, трубачи заиграли маршъ и ушли. По корридору съ шумнымъ говоромъ расходились офицеры.

— Ты знаешь, Самъ, — говорилъ Покровскій, идя обнявшись съ Артемьевымъ, — Анеля обѣщала меня ровно въ два часа ночи впустить въ семнадцатый номеръ.

— Какая же ты скотина, — смѣясь говорилъ Артемьевъ, — вѣдь ты мнѣ рога наставишь.

— Какимъ образомъ?

— Она обѣщала меня впустить ровно въ двѣнадцать и съ тѣмъ, чтобы въ половинѣ второго я ушелъ, а то мужъ придетъ.

— Ахъ ты! Но это очаровательно.

— У васъ, господа, настоящее приключеніе, сказалъ баронъ Лидваль, а мы съ Пушкаревымъ дѣлимся Полиной.

— А Никъ то!... Не стѣсняясь при всѣхъ заперся съ этой толстой Озертицкой.

— Ну, мы Нинѣ Васильевнѣ, отпишемъ.

Артемьевъ съ Покровскимъ запѣли вѣрными голосами дуэтъ изъ «Сказокъ Гофмана».

О, приди, приди, ты ночь любви,
Дай радость наслажденья...

Коля, оживленный, счастливый, гордый тѣмъ, что онъ съ настоящими офицерами, на настоящей войнѣ, вошелъ къ Саблину.

— Какъ хорошо, папа!—сказалъ онъ.— И какой ты у меня хорошій... Герой!...

XXIX.

Подъ утро Саблину приснился тяжелый сонъ. Ему снилось, что онъ съ трудомъ, борясь съ теченіемъ, часто захлебываясь переплылъ широкую и глубокую рѣку, а Коля, плывшій рядомъ съ нимъ, захлебнулся и потонулъ. Какъ тогда, когда умерла Маруся и ему снилась вода, онъ проснулся съ тяжелымъ чувствомъ, что на него надвигается что-то тяжелое, отъ чего ни уйдти, ни ускользнуть нельзя. Не открывая глазъ, онъ продолжалъ лежать подъ впечатлѣніемъ нехорошаго, какъ ему казалось, вѣщаго сна. Громкіе однообразные удары, сопровождавшіеся легкимъ дребезжаніемъ стеколъ въ окнѣ, привлекли его вниманіе. Вчера пушечная пальба не была такъ слышна, она была дальше. Саблинъ открылъ глаза. Было утро. Въ полутемной комнатѣ мутнымъ прямоугольникомъ рисовалось окно съ опущенною бѣлою въ сборкахъ шторою. Выстрѣлы шли непрерывно и часто. Одинъ, другой, два сразу, маленькій промежутокъ и опять одинъ, другой, три сразу. Отчетливые громкіе, съ дребезжаніемъ стеколъ. Это наши выстрѣлы, подумалъ Саблинъ. Имъ издали отвѣчалъ глухой, неясный гулъ, шедшій почти непрерывно — то стрѣляли германскія батареи.

Наши выстрѣлы приблизились за ночь — подумалъ Саблинъ и вдругъ поднялся и, пораженный одною страшною мыслью, сѣлъ на постели. Это значитъ: наши отошли. Нѣмцы напираютъ. И та война, на которую онъ шелъ, на которую пріѣхалъ теперь его сынъ, приблизилась къ нимъ. Вчера танцовали, играла музыка, любезничали съ дамами, а сегодня бой со всѣми его страшными послѣдствіями. Саблинъ повернулся всѣмъ тѣломъ къ постели, на которой спалъ его сынъ. Коля лежалъ, улыбаясь во снѣ счастливой кроткой улыбкой. Строгія черты его лица, темныя брови и тонкій носъ напомнили Саблину Вѣру Константиновну. Онъ долго смотрѣлъ на сына. Онъ теперь сталъ понимать, какъ сильно онъ любилъ его. Все находилъ онъ въ немъ прекраснымъ и теперь у него была одна мысль, сохранить его во что бы то ни стало до конца августа, а тамъ отправить обратно, подальше отъ войны.

Ахъ, Коля, Коля, подумалъ онъ, ну зачѣмъ ты пріѣхалъ!

Саблинъ посмотрѣлъ на часы. Шелъ седьмой часъ. Не одѣваясь онъ подошелъ къ окну и поднялъ шторы. Утро было хмурое, моросилъ частый осенній дождь, тучи низко клубились надъ темными лѣсами, громадныя липы и дубы заботно шумѣли. Внизу на полянѣ, устроивши себѣ навѣсъ изъ тряпья, спали въ бланкардѣ польки. Кучеръ поилъ лошадей, привязанныхъ къ дышлу кареты. Старый еврей озабоченно запрягалъ бѣлую лошадь въ телѣгу. Старая еврейка помогала ему, молодая, укутавшись въ платокъ, сидѣла на кортточкахъ надъ разведеннымъ костромъ и кипятила что-то въ котелкѣ.

Они собираются уѣзжать, подумалъ Саблинъ и опять забота и тревога о сынѣ его охватила. День дневки наступалъ, но онъ несъ тревоги и волненія. Саблинъ началъ одѣваться. Едва онъ былъ готовъ, какъ къ нему осторожно постучали. Деньщикъ, ста-

раясь не разбудить молодого барина, доложилъ Саблину, что его просятъ къ замковому телефону.

Съ нимъ говорилъ князь Рѣпнинъ.

— Ты, Александръ Николаевичъ, поймешь, что я не могу всего сказать. Собирай дивизіонъ и къ 10 часамъ утра сосредоточься у Вульки Шитинской. Я сейчасъ ѣду въ штабъ корпуса. На обратномъ пути заѣду къ тебѣ.

— А что? Въ чемъ дѣло? — спросилъ Саблинъ.

— Ничего особеннаго. И такъ поднимайся съ квартиръ. Вчера долго веселились?... Ну отлично.

Деньщикъ ожидалъ Саблина въ номерѣ. Коля все такъ же крѣпко спалъ счастливымъ сномъ юности.

— Ваше высокоблагородіе, слыхать нашихъ побили. Отступаютъ. — шопотомъ сказалъ деньщикъ.

— Откуда ты это знаешь?

— Тутъ солдатъ много проходитъ одиночныхъ. Говорятъ, отъ колонны отбились. Не иначе, какъ бѣжали. Ужасъ сколько германа навалилось. Такъ, говорятъ, цѣпями и претъ. Цѣпь за цѣпью и не ложится. Артиллерія его кроетъ — страсть. Вчора, слышно, тяжелыя пушки къ нему подвезли. А у нашихъ, слыхать, офицеровъ почитай всѣхъ перебили. Разбредается безъ офицеровъ пѣхота. Безъ офицера то солдатъ все одно, что мужикъ... Молодому барину кого сѣдлать прикажете?

— Діану, папа, — сонным голосомъ сказалъ Коля, услыхавшій послѣдній вопросъ. — Пожалуйста, папа, Діану. Ты вѣдь самъ на Ледѣ?

— Діана молода и горяча. Она тебя занесетъ.

Но Коля уже спрыгнулъ съ постели.

— Папа, милый, не оскорбляй меня. Я лучшій наѣздникъ на курсѣ, да вѣдь я же ее знаю! Помнишь, въ прошломъ году съ мамой въ Царскомъ Селѣ я на ней ѣздилъ. Она такая умница! Семенъ, мнѣ Діану пусть сѣдлаютъ.

— Ну, хорошо. А молодымъ офицерамъ вахмистра изъ заводныхъ назначатъ, которыя получше.

Да ступай Семенъ, скажи деньщикамъ, чтобы будили господъ, въ девять съ половиной всѣмъ быть при эскадронахъ.

Семенъ ушелъ.

— Ахъ папа! — одѣваясь говорилъ Коля. — Ужели и правда я на войнѣ? И бой? Это пушки палятъ? Какъ близко? Правда, вчера мы ѣхали — было далеко, мы даже спорили — пушки это, или далекій громъ. Какъ хорошо, папа!

Въ половинѣ девятаго Саблинъ зашелъ къ графу Ледоховскому, чтобы поблагодарить его за гостепріимство.

— А, какъ думаетъ, панъ полковникъ, — что есть какая либо опасность, али ни? Я думаю, бѣженцевъ лучше отправить подальше. Я останусь. Какъ мой прадѣдъ принималъ Наполеона, я буду принимать врага. Нѣмцы культурный народъ. Тутъ свеклосахарный заводъ, спиртовый заводъ,суконная фабрика — тутъ самое культурное имѣніе этого края. Это нельзя разрушить.

— А не думаете вы, графъ, — жестко сказалъ Саблинъ, что именно потому, что тутъ такіе цѣнные заводы, что это такое культурное имѣніе, оно и не можетъ цѣлымъ достаться врагу?

— Ну, то дѣло войска его оборонить.

— А, если оборонить нельзя?

— Но, панъ полковникъ, я не могу позволить, чтобы разрушили это все. Это строилось больше двухсотъ лѣтъ. Тутъ Тенирсъ и Рубенсъ, тутъ Ванъ-Дейки и Путерманы. О! вы ихъ не видали? Это милліоны.

— Укладывайте ихъ и увозите.

— Куда?

— Въ Варшаву... Въ Москву... подальше.

— Когда?

— Сегодня.

— Но, панъ полковникъ шутить изволитъ. Ну какъ же это возможно? Надо устраивать ящики, надо подводы. Это потребуетъ цѣлый мѣсяцъ работы.

— Вы слышите — сказалъ Саблинъ, указывая на лѣсъ, отъ котораго слышна была стрѣльба.

—Панъ полковникъ, — блѣднѣя и оловянными глазами глядя на Саблина сказалъ Ледоховскій. — Это невозможно. Вы понимаете, что легче умереть.

— Какъ хотите. Но сами уѣзжайте. И жену и дочь увозите.

Разстались они холодно. У Саблина на сердцѣ была щемящая тоска. Хорошо, думалъ онъ, отплатили мы за гостепріимство! Напили, наѣли и бросили на произволъ судьбы. Отходъ по стратегическимъ соображеніямъ... Но лучше умереть, чѣмъ такъ отойдти.

На дворѣ замка была суета. Кучера торопливо закладывали кареты, коляски и бланкарды. Горничныя и лакеи носили чемоданы, узлы и увязки. Толстая пани Озертицкая, наскоро причесанная, блѣдная, неряшливо одѣтая сидѣла на бланкардѣ рядомъ съ кучеромъ и что то гнѣвно выговаривала смущенно улыбавшемуся Ротбеку. Артемьевъ и Покровскій подсаживали въ коляску пани Анелю Зборомирскую и ея мужа. Пани Анеля весело смѣялась и кричала на весь дворъ:

— Только не ревнуйте, господа, другъ друга и совсѣмъ не надо изъ за этого дуели устраивать. Это все было дивно хорошо. За новыя побѣды, панове!

Полина плакала, прощаясь въ углу двора со сконфуженнымъ и краснымъ Багрецовымъ.

Дождь лилъ теплый, мелкій и нудный. На дворѣ пахло свѣжимъ конскимъ навозомъ и дегтемъ, пахло дорогой, неуютными грязными ночлегами и постоялымъ дворомъ.

XXX.

Въ Вулькѣ Щитинской солдаты развели лошадей по дворамъ, часть стояла на улицѣ, разсѣдлывать не было приказано и люди томились отъ бездѣйствія и неизвѣстности, ловя всякіе слухи. Ка-

шевары торопились приготовить обѣдъ. Дождь переставалъ, но погода все еще была хмурая. Стрѣльба совершенно затихла.

Всѣ офицеры забились въ большой еврейскій домъ. Шестнадцатилѣтняя неопрятная, но красивая дочка хозяина кипятила воду и гремя посудой приготовляла въ просторной и чистой столовой завтракъ. Молодой чернобородый еврей ей помогалъ и острыми внимательными глазами осматривалъ офицеровъ.

— Вы меня простите, паны офицеры, говорила еврейка, — всѣмъ стакановъ не хватитъ. Половина стаканы, половина чашки. И мамеле можетъ изготовить только яичницу и немного баранины.

— Отлично, отлично. Роза, пусть такъ и будетъ.

— Ты знаешь, Саша, беря за талію Саблина и отводя его въ сторону сказалъ Ротбекъ — мнѣ не нравится, что пальба стихла.

— Ты думаешь, наши отошли?

Ротбекъ молча утвердительно кивнулъ головой.

— Или мы, или они. Но, если бы это были они, то наши пушки ихъ преслѣдовали бы. А тутъ ты слышалъ, какъ постепенно замирала наша стрѣльба. А ихъ, напротивъ, гремѣла такимъ зловѣщимъ заключительнымъ аккордомъ. Тебѣ князь ничего не сказалъ.

— Нѣтъ. Но онъ скоро пріѣдетъ.

— Ну вотъ и узнаемъ... А ты знаешь, Саша, эта пани Озертицкая премилая. И—только я умоляю— не надо никакого намека Нинѣ. Она такъ глупо ревнива... А вѣдь это маленькое приключеніе.

Коля сидѣлъ въ углу стола рядомъ съ Олениными и Медвѣдскимъ и говорилъ серьезно нахмуривъ темныя брови:

— Самое лучшее въ жизни это конная атака. И по моему, если рубить, то надо не по шеѣ, а прямо по черепу.

— Пикой колоть лучше, говорилъ Оленинъ. — Ахъ, какъ въ училищѣ казачьи юнкера колятъ. Эскадронъ за ними не угоняется.

— Все таки лучше нѣмцевъ, сказалъ Коля.

— Какъ похожъ твой Коля на мать, сказалъ Ротбекъ. — Ты не находишь? И какой воспитанный мальчикъ. А намъ съ Ниной Богъ дѣтей не далъ.

— Поди ка ты жалѣешь?, насмѣшливо сказалъ Саблинъ — ахъ ты, сказалъ бы, старый развратникъ, да уже больно молодъ ты.

— Такихъ же лѣтъ, какъ и ты.

— Нѣтъ милый мой, меня жизнь состарила, а ты... ты какъ то сумѣлъ порхать по ней, какъ мотылекъ.

— Un papillon. — А въ самомъ дѣлѣ, гляжу на Колю и думаю, что хорошо бы имѣть такого молодчика. Вотъ только... не люблю этой прелюдіи, когда жена такъ некрасива и ни въ ресторанъ, ни къ цыганамъ, ни на тройкѣ съ нею не поѣдешь. Милый твой Коля. Ты ему Діану далъ? А управится?

— Я думаю, — съ отцовской гордостью сказалъ Саблинъ.

— Господа, юнкерскую! — говорилъ штабсъ ротмистръ Маркушинъ, молодой двадцати восьми лѣтній офицеръ, — напомните мнѣ, старику, веселые годы молодости и счастья.

Какъ наша школа основалась,

красивымъ нѣжнымъ баритономъ запѣлъ краснѣя до слезъ Коля. Человѣкъ десять офицеровъ съ разныхъ концовъ стола пристроились къ нему и пѣсня полилась по столовой, то затихая, то вспыхивая съ новой силой.

Тогда разверзлись небеса,
Завѣса на небѣ порвалась
И слышны были голоса!...

— У Коли совсѣмъ твой голосъ и твоя манера пѣть, и также конфузится, какъ и ты. А помнишь Китти?, толкая локтемъ въ бокъ Саблина сказалъ Ротбекъ.

Саблинъ ничего не отвѣтилъ. Лицо его было неизмѣнно грустнымъ. Ему казалось, что все это было такъ безконечно давно и жизнь его совсѣмъ прошла.

Роза принесла на сковородѣ дымящуюся баранину и яичницу.

— Спасибо Роза!, раздались голоса и проголодавшаяся молодежь набросилась на ѣду.

Во время завтрака вѣстовой, карауливший у крыльца доложилъ Саблину, что командиръ полка ѣдетъ въ деревню. Всѣ засуетились.

— Продолжайте, господа завтракать, сказалъ Саблинъ, я пока выйду къ князю одинъ, переговорю съ нимъ, а потомъ приглашу князя пить чай и представлю ему молодыхъ офицеровъ.

— Мы уже представлялись его сiятельству. — сказалъ князь Гривенъ. — Мы вчера прямо въ штабъ полка попали.

— Ну тѣмъ лучше.

Саблинъ вышелъ изъ дома.

Прояснивало. Изъ за разорванныхъ тучъ временами появлялось солнце и загоралось искрами на придорожныхъ лужахъ. Князь Рѣпнинъ на громадномъ гунтерѣ, въ сопровожденiи адъютанта, графа Валерскаго и трубачей, подъѣзжалъ рысью къ дому. Саблинъ отрапортовалъ ему.

— Здраствуй, Александръ Николаевичъ... Гдѣ бы намъ поговорить откровенно. А? Тутъ у тебя всѣ офицеры.

— Да, завтракаютъ.

— Ну пойдемъ что ли въ эту хату. Бондаренко, крикнулъ онъ старому штабъ трубачу. — посмотри есть тамъ кто?

Всѣ слѣзли съ лошадей. Бондаренко кинулся въ хату.

— Одинъ старикъ полякъ и съ нимъ дѣвочка лѣтъ четырехъ, сказалъ онъ, выходя изъ хаты.

— Выгони ка ихъ оттуда. Графъ, захвати карту.

Въ маленькой тѣсной халупѣ было темно и душно. На низкомъ столѣ лежали хомутъ, ремни и шило. Графъ Валерскій брезгливо сбросилъ все это на полъ и разложилъ на столѣ двухъ верстную четкую Русскую карту.

— Графъ, посмотри, нѣтъ ли кого?

Адъютантъ осмотрѣлъ халупу и сказалъ.

— Никого.

— Вотъ въ чемъ дѣло, Александръ Николаевичъ, сказалъ тихо князь Рѣпнинъ — N-скій корпусъ отступаетъ. Сегодня къ шести часамъ вечера онъ займетъ позицію... — вотъ видишь, какъ у меня краснымъ карандашемъ отмѣчено — отъ Анненгофа до Камень Королевскій. Надо продержаться до вечера завтрашняго дня. Гвардія высаживается съ желѣзной дороги и спѣшитъ на выручку. 2-ая дивизія уже подходитъ. На тебя съ дивизьономъ возложена задача наблюдать лѣвый флангъ корпуса. Ты такъ и останешься здѣсь въ Волькѣ Щитинской. Ночевать можешь спокойно. Арьергарды пѣхоты останутся впереди. Ну, конечно, установи съ ними связь, а завтра уже высылай дозоры. Я думаю: — твоя роль только наблюденіе и доносить начальнику N-ской пѣхотной дивизіи и мнѣ. Мы оба будемъ за тобою въ Замошьи. Въ корпусѣ настроеніе крѣпкое. Удержатся навѣрно. Потери хотя и велики, но и противника наколотили порядкомъ.

— Значитъ Волька Любашовская и замокъ, гдѣ мы ночевали остается у непріятеля.

— Да. Командиръ корпуса уже послалъ туда казаковъ. Приказано все сжечь, чтобы ничего непріятелю не досталось, ни ночлега хорошаго, ни фабрикъ. Тамъ уральскій есаулъ есть — молодчикъ такой. Онъ это съумѣетъ сдѣлать. Я еще былъ въ штабѣ, онъ отправился.

— Хорошо мы отплатимъ за широкое гостепріимство и радушіе графа Ледоховскаго!

— А что, милый другъ, подѣлаешь. Графу что, я слыхалъ, у него два дома въ Варшавѣ, а вотъ куда дѣнутся рабочіе и служащіе экономіи? Это уже драма! Это, Александръ Николаевичъ, назрѣваетъ большой соціальный вопросъ. Неудовольствіе войною и ея бѣдствіями захватитъ слишкомъ глубоко всѣ слои общества. Бѣда отступать. Суворовъ то не зря говорилъ: — въ оборонѣ погибель.

— Такъ почему не наступаютъ?

— Богъ его знаетъ. То ли слабѣе мы, то ли духомъ этимъ самымъ наступательнымъ не запаслись въ должной мѣрѣ. Ну такъ все понялъ? Я поѣду.

— А чайку, князь.

— Нѣтъ. Спасибо. Усталъ я. Съ восьми въ сѣдлѣ, тороплюсь домой. Телефонъ тяни на Замошье, понялъ?

— Слушаю.

Изъ еврейскаго дома, гдѣ открыты были окна слышался веселый говоръ. У подъѣзда стояли посѣдланныя офицерскія лошади, ихъ держали вѣстовые въ шинеляхъ, накинутыхъ на плечи съ винтовками вдѣтыми въ рукавъ шинели. Стройная, легкая караковая Діана стояла подъ тяжелымъ солдатскимъ сѣдломъ, до бѣлка косила глаза по сторонамъ и будто жаловалась, что она стоитъ подъ некрасивымъ и тяжелымъ сѣдломъ.

— Лошадей можно разсѣдлать, — садясь съ крылечка на своего гунтера сказалъ князь.

Офицеры выбѣжали изъ столовой на улицу.

— Здраствуйте, господа, — сказалъ имъ князь привѣтливо махая рукой — хорошо отдохнули вчера? Спасибо за приглашеніе къ чаю, но прошу извинить. Тороплюсь домой — если можно назвать мою хату домомъ.

Князь Рѣпнинъ толкнулъ шенкелями сытую лошадь и поѣхалъ по деревенской улицѣ.

XXXI.

Съ четырехъ часовъ дня черезъ Вульку Щитинскую потянулись сѣрые полки пѣхоты. Они появились какъ то сразу и сразу наполнили деревню гулкимъ шумомъ, побрякиваніемъ котелковъ, привѣшенныхъ къ скатаннымъ шинелямъ и кислымъ прѣлымъ запахомъ солдатскихъ сапогъ и пота. Всѣ вышли смотрѣть на нихъ. Люди шли усталые съ сѣрыми землистыми лицами, молчаливо уставивши глаза въ пыльную землю. Винтовки были на ремнѣ, ряды невыровнены, шли не въ ногу. Рота за ротой густыми толпами наполняли улицу, громыхала пустая кухня, ѣхалъ на давно нечищенной косматой лошади офицеръ, такой же сѣрый, пыльный, съ такимъ же землистымъ лицомъ, какъ у солдатъ, мотался на штыкѣ батальонный значекъ сзади него и опять густая, сѣрая, безличная масса людей съ черными отъ грязи руками и блѣдными усталыми лицами наполняли улицу.

Солдаты Саблинскаго дивизьона вышли на улицу и смотрѣли одни критически, другіе сочувственно, третьи со страхомъ недоумѣнія на валомъ валившую мимо нихъ пѣхоту.

— Какого полка, землякъ?, крикнулъ солдатъ въ ряды.

Солдаты ничего не отвѣчали.

— Не слышь что-ль, милой. Какого полка?

— Пѣхотнаго — отвѣтилъ чей то голосъ.

Два, три солдата засмѣялись на шутку, изъ рядовъ вышелъ свѣтловолосый парень и подходя къ солдатамъ Саблина сказалъ:

— Землякъ, дай папироску, смерть курить хочется.

Нѣсколько рукъ съ папиросными коробками потянулось къ нему. Солдатъ закурилъ и на лицѣ его отразилось удовольствіе.

— Отступаете?, спросилъ его кавалеристъ.

— Прямо гонитъ насъ. Утромъ до штыка доходили. Отбили его. Отошелъ. Много его полегло, од-

нако. и намъ попало. Сила его. Нашихъ всего двѣ дивизіи. Шестой день деремся. Патроновъ мало. А онъ такъ и засыпаетъ. Пулеметовъ очинно много.

— Что же совсѣмъ уходите?

— Нѣтъ, зачѣмъ? Опять драться будемъ. Погоди братъ, еще и побѣдимъ. Для Россійскаго солдата ядра, пули ничаво. Знай нашихъ Чарторійскихъ. А вы, землякъ откелева?

Новая колонна надвинулась на деревню. Эта шла въ большемъ порядкѣ. Большинство въ ногу. Офицеры хмуро шли впереди ротъ, заложивши руки за скатку шинели и такъ же какъ солдаты съ ружьемъ на плечѣ. За этимъ полкомъ очень долго тянулась артиллерія. Орудія смѣнялись ящиками, ящики орудіями. Они были въ пыли и грязи, лошади косматыя съ слипшейся отъ дождя и пыли шерстью. Прислуга шла стороною дороги и обмѣнивалась рѣдкими словами. И снова шла пѣхота.

Потомъ густыя массы ея оборвались и еще часа два черезъ деревню то партіями по десять двѣнадцать человѣкъ, то по одиночкѣ шли солдаты. Они заходили въ дома. Кое у кого за скаткой висѣла зарѣзанная курица, или гусь. Ихъ лица были возбуждены, нѣкоторые были замѣтно выпивши.

— Землякъ, а землякъ, хошь угощу!, кричалъ бородатый солидный запасный солдатъ, вытягивая изъ кармана бутылку съ виномъ и подходя къ группѣ кавалеристовъ.

— Гдѣ досталъ?

А въ экономіи. Тамъ казаки, ухъ и перепились, гуляютъ! Всѣмъ раздаютъ. Разливное море вина у нихъ. Спиртъ спустили въ канаву, фабрику жечь начинаютъ. Душевный народъ, уральцы эти самые. Сами пьютъ и проходящихъ не забываютъ.

Около семи часовъ вечера надъ ольховой рощей бывшей за деревней и прикрывавшей Вольку Любитовскую взметнулось пламя, потомъ исчезло и вдругъ появилось сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ сильное, властное, злобное. Пожаръ загудѣлъ и за-

ревѣлъ въ трехъ верстахъ и стали видны летящія вверхъ искры и горящія головни.

Пьяный казачій есаулъ съ тридцатью казаками, всѣ съ корзинами съ виномъ торжествующе въѣхали въ деревню. Передъ собою они гнали восемь породистыхъ племенныхъ коровъ, сзади бѣжали молодыя лошади.

Есаулъ остановился у еврейскаго дома, гдѣ стояли офицеры дивизьона Саблина.

— Господа офицеры. — сказалъ онъ, слѣзая съ лошади и чуть не падая. — У, стерва, замахнулся онъ кулакомъ на шарахнувшуюся лошадь. — Холера проклятая! Язви тебя мухи! — Не угодно ли винца на поминки помѣщика.

— А графъ Ледоховскій?, спросило нѣсколько офицеровъ, — что съ нимъ? съ его гостями?

— Такъ онъ еще и графъ!.. Ахъ, язви его! Онъ, господа, германскій шпіонъ.

— Да что съ нимъ? Почему вы знаете?

— Гости его уѣхали. Такъ. Жена съ дочерью простились съ нимъ и уѣхали тоже. Такъ... Прислуга, рабочіе, всѣ поразбѣжались куда глаза глядятъ, какъ мы пріѣхали и заявили, что жечь будемъ и стали скотъ отбивать, а онъ, господа, остался «Я» говоритъ, «картины беречь буду. Не смѣете жечь». А каковъ гусь! Я его уговаривать. Уперся. Ну, думаю, пусть себѣ. Стали мы съ ребятами пировать и готовить солому, онъ ходитъ, смѣется. «Не смѣете», говоритъ ,«жечь... Тутъ Наполеонъ былъ. Я самому Государю буду жаловаться». Мы молчимъ, смѣемся. Ну и онъ смѣяться сталъ. Такъ. Явное дѣло — шпіонъ. Стали мы зажигать. Господинъ полковникъ— эту бутылочку, позвольте я вамъ. Финь — шампань настоящій и три звѣздочки американскія на синемъ полѣ, самая высокая марка. Я на счетъ спиртного гораздъ. Да...

— Да говорите, что же съ графомъ Ледоховскимъ, нетерпѣливо сказалъ Саблинъ, чувствуя какъ про-

тивная томящая дрожь его охватываетъ и становится отъ нея дурной вкусъ во рту.

— Да что! Дуракъ онъ вашъ графъ то, — смѣясь сказалъ есаулъ. — Хоть и графъ, а дуракъ. Пошелъ въ картинную залу и застрѣлился. Горитъ теперь тамъ. Такъ финь шампань, господинъ полковникъ, не изволите. Презентъ отъ покойника.

— О!... Звѣри!, вырвалось у Саблина, но увидавши недоумѣніе на лицѣ есаула, стоявшаго передъ нимъ съ протянутой рукою, въ которой была бутылка коньяка, онъ сдержался и мягко сказалъ.

— Благодарю васъ, но мнѣ вашего коньяка, есаулъ, не надо. И вамъ, господа, я запрещаю брать и давать солдатамъ это вино. Напрасно вы не вывезли тѣла несчастнаго графа. Какъ будетъ убиваться бѣдная графиня.

— Но вѣдь онъ шпіонъ, бормоталъ есаулъ, — увѣряю васъ, — совершеннѣйшій шпіонъ. У него тамъ въ картинахъ навѣрно безпроволочный телеграфъ былъ... Что такое!... Какъ хотите? А коньякъ — хорошій, старый. А? Не надумаете?

Саблинъ вошелъ въ еврейскій домъ. У стѣны стояли еврей и молодая дѣвушка и глазами полными нестерпимаго ужаса смотрѣли на Саблина.

Война!, подумалъ Саблинъ. Вотъ она война!

XXXII.

Вечеромъ пришло приказаніе: быть въ полной готовности къ бою. Посѣдлали лошадей. Люди спали кучами по дворамъ на сѣновалахъ чуткимъ тревожнымъ сномъ, прислушиваясь къ ночной тишинѣ. Ночь была ясная, холодная, сильно вызвѣздило. У каждаго двора стоялъ солдатъ и смотрѣлъ на дорогу. Лошади, потревоженныя ночью звенѣли снятыми мундштуками, тяжело вздыхали и то принимались ѣсть положенное передъ ними сѣно, то вдругъ останавливались, пряли длинными тонкими ушами и тоже къ чему то прислушивались.

Солдаты молчали и думали свои думы. Смыслъ войны имъ былъ непонятенъ и неясенъ. Они много слыхали за вчерашній день объ убитыхъ и раненыхъ, но ни тѣхъ ни другихъ не видали: путь эвакуаціи шелъ стороною по большой дорогѣ. Злобы къ нѣмцу они не испытывали, не было у нихъ и страха передъ непріятелемъ. Многихъ забавляла мысль о томъ, что вотъ былъ богатый помѣщичій домъ, знатный панъ помѣщикъ и ничего не осталось: все пожжено и погибло въ огнѣ. Но никто объ этомъ не говорилъ, всѣ какъ то притихли передъ тѣмъ, что совершалось кругомъ.

Офицеры были всѣ вмѣстѣ въ большомъ еврейскомъ домѣ. Ни они, ни хозяева не ложились спать и не раздѣвались. Сидѣли, толкались, ходя взадъ и впередъ, обмѣнивались незначущими, пустыми фразами, часто выходили на дворъ и прислушивались.

Ночь стояла тихая и дивно прекрасная. Широко черезъ все небо парчевою дорогою залегъ Млечный путь и таинственно мигали ясныя звѣзды. Внизу чернѣлъ лѣсъ и за нимъ полосою отражалось въ темномъ небѣ багровое зарево — то тлѣли уголья на пепелищѣ палаца графа Ледоховскаго.

— Тамъ тлѣютъ полотна Тенирса и Рубенса, задумчиво сказалъ Саблинъ, вышедшій вмѣстѣ съ Ротбекомъ на улицу.

— И благородныя кости пана Ледоховскаго тлѣютъ тамъ же, сказалъ ему въ тонъ Ротбекъ — и что милый Саша важнѣе?

— Кому какъ? Человѣчеству дороже безсмертныя произведенія кисти великихъ художниковъ, а графу и его близкимъ его драгоцѣнныя кости.

— А что такое безсмертіе?, тихо сказалъ Ротбекъ — вотъ и полотна сгорѣли и сколько, сколько за исторію вселенной погибло и умерло безсмертнаго. Какъ жалко, что Мацнева нѣтъ съ нами. Онъ бы пофилософствовалъ на эту тему.

— А вѣдь онъ недалеко отсюда, съ автомобильной колонной Краснаго Креста работаетъ гдѣ то здѣсь.

— Вотъ и любовь его къ автомобилизму ему пригодилась, сказалъ Ротбекъ. — Ну пойдемъ до хаты. Тихо все.

Въ большой столовой, ярко надъ столомъ горѣла висячая керосиновая лампа подъ плоскимъ желѣзнымъ абажуромъ и офицеры, скуки ради, пили сами не знали который по счету, блѣдный мутный и невкусный чай.

— Совсѣмъ Александръ Николаевичъ — сказалъ графъ Бланкенбургъ — какъ на станціи въ ожиданіи ночного поѣзда, который опоздалъ и неизвѣстно когда придетъ.

— Да и станціи этого поѣзда неизвѣстны. Госпиталь, хирургическая, тотъ свѣтъ, сказалъ Ротбекъ и всѣ посмотрѣли на него съ удивленіемъ, такъ эти слова не подходили къ всегда веселому и легкомысленному Ротбеку.

— Ты что же это Никъ, — сказалъ ему Саблинъ, вмѣсто Мацнева въ философію ударился. Разскажи намъ анекдотъ, да посолонѣе.

— Для некурящихъ, сказалъ штабсъ ротмистръ Маркушинъ.

— Ну я не мастеръ. Это дивизьонеръ нашъ мастакъ былъ соленые анекдоты разсказывать. А, Саша, разскажи.

Саблинъ пожалъ плечами, давая тѣмъ понять Ротбеку, что его положеніе старшаго полковника, флигель-адъютанта и недавняго вдовца не позволяетъ ему разсказывать анекдоты.

— Позвольте я разскажу, сказалъ корнетъ Гривенъ, вчера пріѣхавшій въ полкъ.

— Слушайте, слушайте, господа, молодой звѣрь будетъ анекдоты разсказывать!, крикнулъ Ротбекъ за руку, какъ артистъ выводитъ танцовщицу, выводя на середину комнаты молодого офицера.

— Silence!

— Attention!

— Achtung!

— Смирно!

— Смирно, лучше всего, — раздались голоса, въ конецъ смутившіе молодого разскащика.

— Это было тогда, когда только что разрѣшили дамамъ ѣздить на имперьялѣ конокъ, началъ Гривенъ—и вотъ молодая и очень хорошенькая дѣвушка стала подниматься по лѣстницѣ, а внизу стоялъ молодой человѣкъ.

— Старо, старо, какъ міръ. Звѣрь вы не выдержали экзамена.

—Позвольте, я знаю нѣсколько лучше на ту же тему, — сказалъ баронъ Лизеръ.

— Ну валяй баронъ!

— Когда Богъ создалъ женщину, онъ вывелъ ее на судъ для аппробаціи и критики художнику, архитектору и обойщику.

— О! о! — и онъ думаетъ, что скажетъ что либо новое! — воскликнулъ Ротбекъ, — милые мои, вѣрите ли вы мнѣ, что новые анекдоты случаются только въ жизни, да и то всегда скверные анекдоты.

— Господа, кажется, выстрѣлъ. Я слышу стрѣляютъ, сказалъ графъ Бланкенбургъ.

Всѣ сразу стихли. Недалеко, четко и звучно, въ ночной тишинѣ, раздавались выстрѣлы. Вдругъ протрещалъ пять выстрѣловъ пулеметъ, ударилъ еще разъ, и смолкъ и снова таинственная тишина стала кругомъ. Всѣ вышли на улицу. Офицеры, кто въ фуражкѣ, кто безъ нея стояли и прислушивались къ ночной тишинѣ.

— Это наши, сказалъ Артемьевъ.

— Почемъ ты знаешь?, спросилъ его Маркушинъ.

— Звукъ, направленіе. Мнѣ такъ кажется.

— Конечно, это наши, сказалъ Саблинъ. — Показалось кому нибудь на заставѣ, что подходятъ, вотъ и стали стрѣлять.

— А, можетъ быть, и правда кто либо, подошелъ. Развѣдчики его, — сказалъ Артемьевъ.

— Ухъ и страшно должно быть теперь на заставѣ, въ лѣсу. У-у-у! — сказалъ Ротбекъ. — Ничего не видно.

— Это такъ со свѣта кажется, что ночь такая темная, а если приглядѣтся, то видно, сказалъ Артемьевъ.

— А который, господа, теперь часъ?, спросилъ Ротбекъ.

— Второй уже.

— Надо бы и поспать. А то завтра тяжело будетъ.

Офицеры стали устраиваться, гдѣ попало. Ротбекъ и штабсъ ротмистръ Маркушинъ улеглись на столѣ, подложивъ шинели подъ головы, кто улегся на лавкахъ, на сдвинутыхъ стульяхъ, на полу. Саблину еврей предложилъ свою кровать, но Саблинъ отказался и сѣлъ въ углу, облокотившись на подоконникъ.

Офицеры долго не засыпали и обмѣнивались незначительными вопросами и сонными недоумѣнными отвѣтами. Загасили лампу и комната погрузилась въ мракъ, мутныя вырисовались большія окна и ночь заглянула въ нее своимъ тревожнымъ свѣтомъ. Чья то папироса долго пыхала таинственнымъ краснымъ огонькомъ и то исчезала, то появлялась снова. Наконецъ курильщикъ бросилъ ее и съ тяжелымъ вздохомъ повернулся на заскрипѣвшей подъ нимъ скамьѣ.

Коля спалъ, неловко устроившись на двухъ стульяхъ. Саблинъ не видѣлъ, но угадывалъ его голову, на которую онъ для мягкости нахлобучилъ фуражку, его руки, подложенныя подъ затылокъ и ноги подогнутыя на стульяхъ. Шпоры чуть поблескивали на высокихъ сапогахъ. Нѣжное, непередаваемое чувство охватывало Саблина. Онъ горячо, до болѣзненной страсти, любилъ въ эти минуты своего дорогого мальчика. Онъ понималъ теперь, что онъ проститъ Вѣру Константиновну, простилъ уже за

одно то, что она подарила ему такого безупречнаго сына. Онъ думалъ о той карьерѣ, которую сдѣлаетъ его сынъ, о томъ, какъ въ немъ отразится онъ самъ, но безъ всѣхъ его пороковъ. Можетъ быть это хорошо, что Коля пріѣхалъ на войну, — думалъ Саблинъ. Пусть посмотритъ на нее. Суровая школа войны убережетъ его и охранитъ отъ увлеченія женщинами. Пусть у него не будетъ ни Китти, ни Маруси, пусть найдетъ онъ свою Вѣру Константиновну и отдастъ ей чувство неизломаннымъ и неизжитымъ. А что худого было въ Китти? подумалъ онъ. Или въ Марусѣ? Воспоминанія объ обидѣ, о смерти Маруси хотѣли было подняться въ немъ, но въ это время незамѣтно подкрался къ нему сонъ, охватилъ его крѣпкими объятіями, самъ не замѣчая того, Саблинъ откинулъ свою голову на оконную раму, неловко прижался вискомъ къ переплету и заснулъ крѣпкимъ сномъ усталаго человѣка.

Его разбудилъ свѣтъ и холодъ. Отъ окна тянуло утреннею сыростью. Онъ открылъ глаза. Огородъ и поля, бывшія за окномъ были залиты золотыми лучами солнца, вдали позлащенный ими, веселый и привѣтливый темнѣлъ густой лѣсъ небольшими островами и рощами молодыхъ елокъ разбѣгавшійся по полямъ. Небо было голубое, чистое, на самомъ верху, окруженная розовыми перистыми облаками блѣдная и высокая, съ обломанными краями широкимъ серпомъ висѣла луна.

Было половина восьмого. Офицеры спали въ самыхъ неудобныхъ позахъ и громкій храпъ сливался и дрожалъ по комнатѣ самой неожиданной и странной мелодіей.

Саблинъ потянулся изломаннымъ тѣломъ, посмотрѣлъ на тѣ стулья, гдѣ былъ Коля и увидѣлъ, что его нѣтъ.

Саблинъ вышелъ на дворъ.

XXXIII.

Коля радостный, веселый, съ чисто вымытымъ зарумянившимся отъ холодной воды лицомъ и еще мокрыми волосами прижимался щеками къ мягкимъ храпкамъ Діаны, трепетавшей отъ его ласки и старавшейся нѣжной верхней губой охватить ухо Коли и осыпалъ ее нѣжными именами.

Онъ давалъ ей на ладони сахаръ, но Діана, забывая про лакомство, играла съ мальчикомъ, дыша ему на щеки горячимъ дыханіемъ розовыхъ, раздутыхъ ноздрей.

— Папа! какая прелесть, Діана! Ты знаешь, она меня узнала. Такъ и тянется ко мнѣ.

Мальчикъ жилъ счастіемъ своихъ шестнадцати лѣтъ, восторгомъ радостнаго лѣтняго утра и ласки молодого животнаго.

— Пойдемъ папа, что я тебѣ покажу. Отсюда — я знаю, гдѣ стать, видна вся наша позиція.

Вѣстовой Саблина и трубачъ такіе же вымытые свѣжіе и блестящіе, какъ и Коля пошли за ними. Коля вывелъ отца огородами на небольшую поляну, которая спускалась внизъ къ широкой долинѣ. Отсюда открывался далекій горизонтъ. Вправо къ самому низу лощины сбѣгалъ лѣсъ и до ближайшихъ его опушекъ было не больше пятисотъ шаговъ. Лѣсъ ровной полосой уходилъ на сѣверъ. Онъ стоялъ на вершинѣ длинной гряды холмовъ и спускался къ востоку, постепенно расширяясь. На западъ шли поля, то желтыя сжатыя, то черныя, то зеленыя, покрытыя яркою сочною травою. Верстахъ въ семи виднѣлся красный костелъ, тотъ самый, мимо котораго шли эскадроны Саблина третьяго дня. Вдоль всего лѣса, верстахъ въ двухъ отъ Саблина длинной узкой сѣрой полосой копошились солдаты. Простымъ глазомъ трудно было увидѣть, что тамъ дѣлается. Саблинъ поднесъ къ глазамъ бинокль. Вдоль всего лѣса, уходя за горизонтъ взметывался желтый песокъ. Онъ летѣлъ изъ подъ земли непре-

рывными кучками и присыпался къ желтой лентѣ уже нарытаго окопа. Иногда изъ подъ земли выскакивалъ солдатъ и бѣжалъ къ лѣсу за вѣтками и деревьями. Изъ лѣса шли люди, несли деревья и сучья и исчезали подъ землею въ нарытомъ уже окопѣ.

Саблинъ внимательно оглядывалъ позицію и оцѣнивалъ свое положеніе. Онъ оказывался за ея лѣвымъ флангомъ. Онъ намѣтилъ небольшой овражекъ за огородами, гдѣ легко могъ помѣститься весь дивизьонъ въ резервной колоннѣ. Къ оврагу сбѣгали молодыя елки саженаго лѣса.

Жуткое чувство на минуту охватило Саблина. Онъ боялся не за себя, а за сына, за офицеровъ, за милаго веселаго Ротбека, за солдатъ, за лошадей — все было ему въ эти минуты безконечно дорого. Но онъ сейчасъ же успокоилъ себя. Что можетъ сдѣлать въ этомъ громадномъ бою его дивизьонъ, двѣсти всадниковъ? Только наблюдать. Въ дозоры Саблинъ Колю не пошлетъ, а что издали съ двухъ верстъ посмотритъ на бой, ничего опаснаго тутъ нѣтъ. Непріятель никогда не догадается, что въ балкѣ стоитъ дивизьонъ. Онъ облегченно вздохнулъ и спокойно разглядывалъ роющуюся въ землѣ пѣхоту.

— И все роетъ и роетъ, — сказалъ сзади него его вѣстовой Заикинъ, на правахъ близкаго человѣка, позволявшій себѣ заговаривать съ Саблинымъ. — Вчора часовъ съ десяти копать началъ. Наши ребята туда ходили. Ничего. Бравый народъ. Нѣмца этого никакъ не боятся.

Саблинъ приказалъ трубачу вызвать къ нему эскадронныхъ командировъ и, когда Ротбекъ и графъ Бланкенбургъ пришли, Саблинъ указалъ имъ лощину и приказалъ свести лошадей въ поводу въ нее и построиться въ резервной колоннѣ фронтомъ на западъ.

— А непріятель?, спросилъ Ротбекъ.

— Непріятеля не видно, сказалъ Саблинъ.

Эскадроны густыми колоннами наполнили всю низину. Люди лежали на травѣ между лошадьми. Большинство, плохо спавшіе ночью разморились на начавшемъ пригрѣвать солнцѣ и заснули крѣпкимъ сномъ разметавшись на травѣ.

Саблинъ съ офицерами стоялъ на краю оврага и смотрѣлъ то на войска заканчивавшія окопы, то на западъ, откуда долженъ былъ появиться непріятель.

— Господа, только не толпитесь, — говорилъ графъ Бланкенбургъ, не надо себя обнаруживать.

Офицеры расходились, но потомъ опять незамѣтно сходились въ кучки.

Солнце поднималось выше, ясный солнечный день наступалъ, дали становились четкими и яркими, костелъ краснѣлъ на фонѣ зеленыхъ полей.

— Вонъ они!, сказалъ сзади Саблина Заикинъ, простымъ глазомъ усмотрѣвшій непріятеля.

— Гдѣ, гдѣ? раздались голоса и бинокли поднялись къ глазамъ.

—Вотъ, ваше высокоблагородіе, смотрите правѣе костела, вотъ гдѣ черное поле. Сейчасъ не видать, залегли должно быть.

Саблинъ повелъ туда биноклъ. Отъ волненія въ глазахъ было мутно и онъ плохо видѣлъ. Въ биноклѣ показался край чернаго поля, камень лежалъ на немъ. И вдругъ изъ за камня поднялся человѣкъ, рядомъ другой и длинная цѣпь бегала поперекъ поля. Это не были наши. Ихъ мундиры имѣли особый синевато жолтый оттѣнокъ. Саблинъ ожидалъ увидѣть черныя каски съ блестящими мѣдными украшеніями, но головы были круглыя и сѣрыя. Фигуры наступавшихъ казались квадратными. Они быстро шли, неся ружья на ремень и сразу исчезли: должно быть опять залегли.

Въ ихъ движеніи Саблину почудилась страшная сила и мощь и онъ съ трудомъ заставилъ свою ногу, начавшую дрожать дрожью волненія успокоиться. Онъ оторвалъ биноклъ и оглядѣлся. Всѣ офицеры

поблѣднѣли, лица какъ то осунулись, глаза смотрѣли напряженно. Видъ наступавшаго врага смущалъ.

— А вонъ наши патрули должно отходятъ, спокойно сказалъ Заикинъ.

— Хорошо идутъ, тяжело вздыхая проговорилъ Бланкенбургъ.

— Я насчиталъ пять цѣпей, одна за другой, сказалъ Артемьевъ.

Когда Саблинъ снова поднялъ бинокль черное поле было пусто. Германскія цѣпи спустились по жолтому жнивью широкаго господскаго чисто убраннаго поля. Теперь было видно, что на каскахъ у нихъ были чахлы, что ружья они несли на ремнѣ и шли чрезвычайно быстро.

— И чего наши не стрѣляютъ?, сказалъ баронъ Лизеръ.

— Далеко. Версты три будетъ. Это въ бинокль такъ кажется близко.

— Ну, а батареи почему молчатъ, вѣдь артилерія хватила бы, — сказалъ Ротбекъ.

И, будто отвѣчая его желанію, вправо за лѣсомъ ударила пушка. Снарядъ, скрежеща по воздуху, полетѣлъ черезъ лѣсъ надъ нашими окопами и бѣлый дымокъ появился низко надъ жолтымъ полемъ, позади германскихъ цѣпей.

— Эхъ! перелетъ дали! — со вздохомъ сказалъ Заикинъ.

Прошло томительныхъ полминуты. Снова раздался выстрѣлъ, заскрежеталъ и завылъ высоко въ воздухѣ снарядъ и на этотъ разъ дымокъ появился надъ самою цѣпью. Но она не дрогнула и шла такимъ же ровнымъ шагомъ.

— Что, господа, — взволнованно спросилъ поручикъ Кушнаревъ, — не видали, никого не свалило.

— Идутъ, — сказалъ вздыхая Бланкенбургъ.

— Нѣтъ, легли. Не видно, — проговорилъ Ротбекъ.

Въ ту же минуту сначала четыре, потомъ послѣ полминутнаго перерыва еще четыре выстрѣла раздались за лѣсомъ и снаряды шумно пронеслись надъ окопами и восемь бѣлыхъ дымковъ одинъ за другимъ послѣдовательно вспыхнули надъ полемъ и сорванные вѣтромъ понеслись назадъ и растаяли.

— Кажется, хорошо попали? — сказалъ корнетъ Покровскій, задыхаясь отъ волненія.

— Не видно, убило кого, или нѣтъ? — спросилъ Арсеньевъ.

— Нѣтъ, бѣгутъ.

— Куда бѣгутъ?

— Впередъ. Хорошо бѣгутъ, равняются.

Разбуженные выстрѣлами артиллеріи, солдаты оставляли лошадей, подымались на край лощины и смотрѣли на наступавшаго врага.

— А его артиллерія молчитъ, — сказалъ вахмистръ Иванъ Карповичъ, все такой же полный, солидный, но уже совсѣмъ сѣдой, ни къ кому не обращаясь.

— Эй, вы тамъ! — крикнулъ строго графъ Бланкенбургъ, — не вылѣзай, не обнаруживай себя.

Солдаты подались назадъ.

— Сами вылѣзли, — проворчалъ одинъ солдатъ, — а мы не смѣй.

Далеко за полями съ костеломъ, глухо ударили четыре пушки и опережая ихъ звукъ со страшною быстротою раздалось приближающееся шипѣніе четырехъ снарядовъ. Всѣ невольно присѣли и пригнулись.

— Вонъ, вонъ они гдѣ, — крикнулъ Занкинъ, показывая какъ за окопами подъ самымъ лѣсомъ взметнулось четыре буроженлтыхъ взрыва и полетѣла вверхъ черная земля.

— Гранаты, — сказалъ Ротбекъ.

— Ну, Господи благослови, начинается, — сказалъ Кушнаревъ.

Съ нашей стороны открыли огонь еще двѣ батареи. Двѣнадцать выстрѣловъ, сопровождаемыхъ двѣнадцатью вспышками рвущихся шрапнелей, слѣдовали одинъ за другимъ. Воздухъ дрожалъ отъ сотрясенія и въ ушахъ стоялъ гулъ. Наши шрапнели осыпали противника пулями и въ бинокль уже видно было, какъ оставались лежать сѣрыя фигуры на зеленомъ клеверѣ, какъ ползли назадъ раненые, какъ несли тяжело раненыхъ.

— Экъ, ловко, по санитарамъ хватило, — сказалъ Покровскій, — бросили, канальи, раненаго и разбѣжались.

— Нѣтъ, снова подходятъ, берутъ, — сказалъ Артемьевъ.

— Должно начальникъ ихній, вздыхая сказалъ Заикинъ, простымъ глазомъ видѣвшій такъ же хорошо, какъ офицеры въ бинокль.

— На Заикинъ, бинокль, — сказалъ Коля, — посмотри какъ хорошо видно. — Я ружья вижу и каски въ чехлахъ. Сапоги видно.

— Хорошо идутъ, — сказалъ Заикинъ, разсматривая въ бинокль. А сзади то опять цѣпи. Резервы должно быть.

Всѣ поля на западѣ, сколько хваталъ глазъ, были покрыты маленькими сѣрыми фигурами, казавшимися безпорядочными, въ шахматномъ порядкѣ разбросанными, но неизмѣнно и быстро подававшимися къ нашимъ окопамъ. Ихъ, казалось, было такъ много, что нельзя было сосчитать ихъ безчисленные ряды. Переднія цѣпи уже показались на склонѣ холма, покрытаго сжатымъ хлѣбомъ и залегли. Въ это мгновеніе наши окопы загорѣлись стрѣльбою и сраженіе началось по всему фронту.

XXXIV.

По расположенію сзади идущихъ цѣпей Саблинъ увидалъ, что главный ударъ противника направляется на нашъ лѣвый флангъ, то есть какъ разъ

къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ его дивизіонъ. Одну минуту ему въ голову пришла мысль, что онъ можетъ всегда уйдти, что его это не касается, но онъ прогналъ эту мысль. Съ лихорадочнымъ волненіемъ, почти не отрывая глазъ отъ бинокля, онъ слѣдилъ за развитіемъ на его глазахъ большого сраженія. Сколько прошло времени, который теперь часъ, онъ не могъ бы сказать. Потому, что тѣни отъ людей и деревьевъ почти исчезли, должно было быть за полдень. Саблинъ посмотрѣлъ на часы. Былъ второй часъ. Онъ шесть часовъ простоялъ на полѣ, не чувствовалъ усталости и не замѣтилъ этого. О Колѣ онъ позабылъ. Иногда безсознательно, когда приближающіеся снаряды непріятеля казалось неслись прямо на него, онъ говорилъ мысленно — «помоги Господи!... Господи помилуй!...»

Нѣсколько снарядовъ было брошено по деревнѣ Вулькѣ Щитинской. Германцы хотѣли выгнать оттуда предполагаемые резервы. Въ деревнѣ началась суматоха. Изъ домовъ, какъ обезумѣвшіе выбѣгали люди, хватали что попало, грузили на телѣги и мчались вонъ изъ деревни. Тамъ слышалось тревожное мычаніе коровъ, блеяніе овецъ, крики куръ и гусей, которыхъ ловили и увязывали въ ящики и корзины.

— Смотрите, смотрите, подожгли, загорѣлось, — говорили офицеры, указывая на сильно вспыхнувшее въ деревнѣ пламя.

— Какъ разъ у того еврея, гдѣ мы стояли горитъ, — сказалъ Ротбекъ.

— Бѣдная Роза, — сказалъ Покровскій.

Противникъ пересталъ обстрѣливать деревню. Онъ убѣдился въ томъ, что тамъ никого нѣтъ. Кавалерійскій дивизіонъ онъ считалъ ни за что.

Изъ за праваго фланга непріятеля, на глазахъ у Саблина, верстахъ въ трехъ отъ него, появилась непріятельская батарея. Она быстро спустилась въ лощину и видимая простымъ глазомъ Саблину и его офицерамъ, но совершенно скрытыя отъ пѣхоты,

стала лѣвѣе нашихъ окоповъ и сейчасъ же открыла огонь.

— Ай-ай! смотрите пожалуйста! — стонущимъ голосомъ воскликнулъ штабсъ-ротмистръ Маркушинъ. — Попали, попали! Ай что же это!

Столбъ бураго дыма вылетѣлъ прямо изъ нашихъ окоповъ и оттуда полетѣли доски, палки, разстроенному воображенію казалось, что летятъ руки и ноги, куски людей.

— Опять, опять!

Всѣ бинокли офицеровъ были наведены теперь на это мѣсто. Батарея била безъ промаха. Стройная линія окоповъ обращалась въ рядъ безформенныхъ ямъ, курившихся чернымъ дымомъ. Оттуда стали выбѣгать люди и бѣжать къ лѣсу. Шрапнель ихъ настигала. Непріятельскій ружейный огонь усилился здѣсь, а ему отвѣчало все меньше и меньше ружей. На глазахъ у Саблина разрушался важнѣйшій участокъ позиціи, германская пѣхота готовилась выйдти во флангъ нашимъ окопамъ..

Саблинъ въ волненіи ходилъ взадъ и впередъ недалеко отъ лѣсной опушки. Что могъ онъ сдѣлать? Спѣшить дивизіонъ и послать его удлиннить окопы? Но что могли сдѣлать сто сорокъ спѣшенныхъ кавалеристовъ, неискусныхъ въ пѣшемъ бою, безъ окоповъ, тамъ, гдѣ безсильны были цѣлые батальоны пѣхоты. Проклятая батарея! Проклятая батарея! — бормоталъ онъ, все быстрѣе ходя по полю. Одна пуля просвистала недалеко отъ него. Онъ не обратилъ на нее вниманія. Проклятая батарея, надо уничтожить ее, убрать! Но какъ? . . .
. . . .

Конною атакою! . . . .
. . . .

Саблинъ разсмѣялся этой мысли. Развѣ возможна конная атака по чистому полю, въ лобъ батареѣ? Это хорошо на военномъ полѣ подъ Краснымъ Селомъ, гдѣ стрѣляютъ холостыми патронами, но не здѣсь. Онъ остановился и посмотрѣлъ

на свой дивизіонъ. Офицеры, сознавая, что они могутъ себя обнаружить наверху, спустились внизъ и отдѣльной кучкой стояли впереди эскадроновъ. Саблинъ всѣхъ ихъ различалъ. Вонъ Ротбекъ, улыбаясь говоритъ о чемъ то Маркушину. Милый Пикъ! Шалунишка Пикъ, въ котораго безъ памяти влюблена Нина Васильевна. Вонъ его Коля разговариваетъ съ графомъ Бланкенбургомъ, старый Иванъ Карповичъ выговариваетъ солдату за то, что далъ лошади лечь и тотъ обтираетъ сорванной травой замазавшійся бокъ. Бросить этихъ людей на вѣрную смерть, уничтожить дивизіонъ и ничего не сдѣлать... Его поставили наблюдать. Онъ своевременно донесъ о прибытіи батареи, даже нарисовалъ ея мѣсто, теперь его долгъ ждать, пока не начнетъ отступать пѣхота и тогда уйдти и стать въ безопасномъ мѣстѣ. Это его задача.

Успокоившись на этомъ рѣшеніи Саблинъ опять началъ ходить взадъ и впередъ отъ первыхъ елокъ лѣса до края оврага и думать свои думы. Смутно было на душѣ. Правильное рѣшеніе ничего не дѣлать томило и сосало подъ ложечкой, вызывало тошноту во рту. Саблинъ думалъ о конной атакѣ, его кидало въ жаръ, пульсъ стучалъ въ виски и въ глазахъ темнѣло. Безуміе, говорилъ онъ себѣ, храбрость должна быть разумна. Я отвѣчу передъ Богомъ и Родиной за то, что погублю эти прекрасные эскадроны.

Внизу слышался смѣхъ. Ротбекъ боролся съ длиннымъ и худымъ Артемьевымъ, стараясь повалить его на траву. Офицеры и солдаты окружили ихъ и смотрѣли за исходомъ борьбы. Они забыли о боѣ.

И этихъ людей я поведу на вѣрную смерть, подумалъ Саблинъ и отрицательно тряхнулъ головой. Онъ хотѣлъ круто повернуть отъ лѣса и пойдти въ оврагъ смотрѣть борьбу, чтобы такъ же, какъ они, забыть про бой, про проклятую батерею и не мучиться тѣмъ, въ чемъ его долгъ, но въ эту минуту изъ

лѣса, продираясь сквозь кусты показался солдатъ ихъ полка на взмыленной, тяжело дышащей лошади и издали махалъ ему листкомъ бумаги.

Солдатъ боялся выѣхать на открытое мѣсто, гдѣ свистали пули и слѣзши съ лошади сталъ привязывать ее къ дереву. Саблинъ подошелъ къ нему.

— Къ вамъ, ваше высокоблагородіе, отъ его сіятельства, командира полка, донесеніе.

Саблинъ долго не могъ разорвать аккуратно заклееннаго конверта — руки дрожали, пальцы не слушались. Онъ вынулъ листокъ бумаги. Твердымъ ровнымъ прямымъ и четкимъ почеркомъ князя было написано:

— «На нашемъ лѣвомъ флангѣ, противъ васъ, появилась непріятельская четырехъ орудійная батарея. Она наноситъ нашей пѣхотѣ слишкомъ большія пораженія. Пѣхота не можетъ держаться и начинаетъ отходить. Это грозитъ проигрышемъ всего сраженія. Вамъ необходимо уничтожить эту батарею. Богъ да поможетъ вамъ! Свиты Его Величества генералъ маіоръ князь Рѣпнинъ».

Всѣ запятыя были на своихъ мѣстахъ. Нигдѣ, ни въ одной буквѣ не дрогнулъ карандашъ. Князь Рѣпнинъ весь былъ въ этой запискѣ. Сухой, холодный, рыцарь долга, долга прежде всего. А вѣдь онъ зналъ, когда писалъ, что посылаетъ на вѣрную смерть, подумалъ Саблинъ и нахмурившись пошелъ отъ солдата.

— Ваше высокоблагородіе, пожалуйте конвертъ, крикнулъ настойчиво солдатъ.

— Ахъ, да, — сказалъ Саблинъ и на конвертѣ написалъ: — «свой долгъ исполнимъ. Полковникъ Саблинъ.» И проставилъ часъ: — 15 часовъ 42 минуты.

Саблинъ пошелъ къ дивизьону. Все было по старому, но ему казалось все не такимъ, какъ было раньше. Небо, солнце, дали казались маленькими и мутными, чужими и плоскими, какъ декорація. Отчетливо рисовался верескъ и трава подъ ногами.

Каждый камешекъ, каждая песчинка были четко видны. Саблинъ не чувствовалъ подъ собою ногъ. Онѣ были, какъ на пружинахъ. Гула пушекъ и ружейной трескотни перестрѣлки онъ не слыхалъ. Казалось все было тихо. Ротъ былъ сухой и Саблину казалось, что онъ ни слова не сможетъ сказать. Онъ шелъ прямой и стройный и лицо его было бѣлое, какъ снѣгъ и глаза смотрѣли широко и были пустые. Онъ ни о комъ и ни о чемъ не думалъ и всѣхъ позабылъ. Подойдя къ оврагу и уже спускаясь въ него онъ крикнулъ:

— Дивизьонъ, по конямъ!

Онъ крикнулъ своимъ полнымъ голосомъ, такъ, какъ командовалъ всегда, а ему казалось, что это кто то другой глухо и неясно скомандовалъ. Эскадроны всколыхнулись и замерли.

— Эскадронъ по конямъ, звонко крикнулъ Ротбекъ.

— По конямъ, скомандовалъ графъ Бланкенбургъ.

Всѣ уже знали въ чемъ дѣло. И всѣ стали бѣлыми, какъ полотно, и у всѣхъ мысли исчезли, но тѣло исполняло все то, что привыкло и должно было исполнять.

Заикинъ бѣгомъ подбѣжалъ къ Саблину и за нимъ рысью, стараясь ухватить его губами за винтовку бѣжала Леда.

Саблинъ согнулъ лѣвое колѣно и Заикинъ ловко и легко посадилъ его въ сѣдло. Правая нога сама носкомъ отъискала стремя, Саблинъ, не вынимая шашки, поднялъ стэкъ надъ головой.

— Дивизьонъ садись, скомандовалъ онъ и голосъ его совершенно окрѣпъ. Лошадь, на которой онъ сидѣлъ придала ему силу.

— Первый эскадронъ!, крикнулъ графъ Бланкенбургъ.

— Второй эскадронъ!, звонко крикнулъ Ротбекъ.

— Сад-дись — крикнули оба одновременно.

Команда слѣдовала за командой. Зазвенѣли пики, звякнули стремена, когда эскадроны выравнивались.

— Шашки къ бою! Пики на бедро, слушай! — командовалъ Саблинъ.

Сверкнули на солнцѣ шашки и пики нагнулись къ лѣвымъ ушамъ лошадей.

— Эшелонами повзводно, въ одну шеренгу, разомкнутыми рядами, на шесть шаговъ, командовалъ Саблинъ и Бланкенбургъ и Ротбекъ повторяли его команду.

— На батарею!

— На батерею — повторили Бланкенбургъ и Ротбекъ.

— Первые взводы рысью!

— Маршъ! — раздалась команда и первые взводы раздвинулись въ оврагѣ и быстро стали выходить изъ него. Справа шелъ, сопровождаемый трубачемъ Бланкенбургъ, слѣва въ такомъ же порядкѣ Ротбекъ.

Саблинъ пустилъ рвавшуюся впередъ Леду и выскочилъ передъ оба первыхъ взвода. За нимъ, съ трудомъ сдерживая нервную Діану скакалъ правѣе трубача Коля, но Саблинъ не видалъ его.

XXXV.

На германской батареѣ не сразу замѣтили появленіе атакующей кавалеріи. Тамъ были увлечены стрѣльбой по окопамъ, изъ которыхъ убѣгала Русская пѣхота. Готовился рѣшительный ударъ и германская пѣхота собиралась вставать, чтобы броситься въ пустѣющіе окопы.

Саблинъ успѣлъ спуститься въ широкую лощину и подняться на холмъ незамѣченный непріятелемъ. Передъ нимъ было громадное сжатое поле и въ полутора верстахъ ясно была видна батарея и рота прикрытія.

Батарея стрѣляла полуоборотомъ влѣво и Саблину видны были жолтые вспышки огней ея выстрѣловъ. Теперь она быстро стала поворачивать на него. Видно было, какъ бѣгали и суетились подлѣ орудій люди.

— Полевымъ голопомъ!, скомандовалъ Саблинъ но люди уже сами скакали, не дожидаясь команды.

Тяжело ухнули пушки и гдѣ то сзади разорвались снаряды. Саблинъ видѣлъ, какъ неслась подъ ногами его лошади ему навстрѣчу земля, подумалъ что хорошо, что борозды идутъ по направленію атаки, легче скакать и самъ упорно смотрѣлъ на батарею. Она росла на его глазахъ. Стали видны отдѣльные люди въ сѣрыхъ каскахъ, бѣгавшіе къ ящикамъ и носившіе блестящіе патроны, сталъ видѣнъ офицеръ, стоявшій во весь ростъ за серединой батареи и пушки незнакомаго чужого вида, снизу поднимавшія свои дула.

Какой то свистъ несся навстрѣчу и непріятно поражалъ, но свисталъ ли то вѣтеръ въ ушахъ, или пули, Саблинъ объ этомъ не думалъ. Лѣвѣе его обгонялъ Ротбекъ съ поднятой надъ головой шашкой, будто собирающійся кого то рубить. Саблинъ увидалъ, какъ прямо передъ нимъ вспыхнуло пламя и бѣлое облако появилось подлѣ Ротбека, а лошадь Ротбека упала и когда Саблинъ проскакивалъ мимо онъ увидѣлъ, что Ротбекъ лежалъ ничкомъ на землѣ и низъ его тѣла былъ залитъ кровью.

— Пику оторвало ногу, подумалъ онъ и это не произвело на него никакого впечатлѣнія.

Батарея была вся видна. Люди суетились и не владѣли собою. Рота прикрытія бѣжала вразсыпную.

Мимо Саблина, задравши хвостъ вылетѣла красивая караковая лошадь подъ солдатскимъ сѣдломъ и Саблинъ узналъ въ ней Діану. Но онъ не успѣлъ подумать о томъ, что могло обозначать появленіе Діаны безъ сѣдока впереди него, какъ все для него измѣнилось. Какой то страшный ударъ хватилъ его

по груди. Ему показалось, что его лошадь споткнулась и онъ упалъ съ нея. Разгоряченное лицо холодила черная пахучая земля и непріятно лѣзла въ ротъ. Саблинъ приподнялъ голову. Мимо него неслись на тяжелыхъ лошадяхъ солдаты и хрипло кричали ура! Шеренга слѣдовала за шеренгой и топотъ конскихъ ногъ гулко отзывался въ ушахъ Саблина. Онъ ничего не понималъ. Я раненъ, или убитъ, — подумалъ онъ, и увидалъ надъ собою синее бездонное небо, миріады мелкихъ прозрачныхъ. пузырьковъ поплыли передъ глазами, ослѣпили его, онъ закрылъ глаза и потерялъ сознаніе.

Графъ Бланкенбургъ первымъ влетѣлъ на батарею и ударомъ шашки свалилъ стрѣлявшаго въ него изъ револьвера солдата. Его эскадронъ и эскадронъ Ротбека подъ начальствомъ штабсъ ротмистра Маркушина, замѣнившаго убитаго Ротбека облѣпили орудія и творили расправу.

Правѣе ихъ, потрясая воздухъ, гремѣло ура! Пѣхота, выскочивши изъ окоповъ бѣжала за отступавшими германцами, въ полуверстѣ влѣво, сколько глазъ хваталъ, поле было покрыто скачущими на вороныхъ лошадяхъ всадниками: — подоспѣвшая къ бою 2-ая дивизія бросилась преслѣдовать отступавшаго непріятеля.

Побѣда была полная. И этой побѣдой Россійская Армія была обязана безумно смѣлой атакѣ дивизьона Саблина!

Самъ Саблинъ, тяжело раненый въ грудь, лежалъ безъ сознанія на полѣ. Его сынъ Коля съ изуродованнымъ туловищемъ и оторванной головой, исковерканный до неузнаваемости стаканомъ шрапнели валялся въ лужѣ дымящейся крови въ двухъ шагахъ позади него. Штабсъ ротмистръ Артемьевъ, корнетъ Покровскій, поручикъ Агаповъ, корнетъ баронъ Лизеръ были убиты, поручикъ Кушнаревъ, баронъ Лидваль и графъ Толь были ранены. Изъ пріѣхавшихъ третьяго дня вечеромъ шести офицеровъ: — трое — князь Гривенъ, Оленинъ и Розен-

таль были убиты и двое: Медвѣдскій и Лихославскій были ранены. Двадцать три солдата было убито и шестьдесятъ два ранено.

Когда ротмистръ графъ Бланкенбургъ собралъ позади взятой батареи дивизьонъ, то эскадроны едва набрали по два взвода. Вахмистръ Иванъ Карповичъ былъ убитъ на самой батареѣ въ тотъ моментъ, когда рубилъ ея командира.

Къ собраннымъ людямъ по затихшему полю рысью подъѣзжалъ князь Рѣпнинъ. Его лицо было величаво спокойно. Лошадь пугливо косилась на лежавшія повсюду тѣла лошадей и солдатъ.

— Спасибо молодцы за лихую атаку. Поздравляю васъ со славнымъ дѣломъ, — крикнулъ онъ.

—Р-рады стараться, крикнули оставшіеся все еще блѣдные тяжело дышащіе люди.

— А гдѣ полковникъ Саблинъ?, спросилъ князь Рѣпнинъ.

— Убитъ, — отвѣчалъ графъ Бланкенбургъ.

—Нѣтъ, раненъ, сказалъ Маркушинъ. Я видѣлъ: его сейчасъ понесли. Онъ стоналъ.

— Славное дѣло, лихое дѣло, господа, сказалъ Рѣпнинъ. — Вы навѣки прославили нашъ полкъ!

Онъ слѣзъ съ лошади и устало подошелъ къ обрыву высокой межи.

—Графъ, веди людей къ полку въ Замошье, сказалъ онъ Бланкенбургу и, обращаясь къ адъютанту, сказалъ: —достань, графъ, книжку донесеній. Надо послать телеграмму Его Величеству, порадовать его съ громкой и славной побѣдой.

Когда адъютантъ составилъ подробное донесеніе и помѣстилъ въ немъ фамиліи всѣхъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ и далъ подписать его князю Рѣпнину, князь задумался и долго держалъ карандашъ въ рукѣ, оглядывая поле, по которому ѣздили телѣги и санитарныя повозки и ходили пѣхотные санитары, собирая раненыхъ.

— Блестящее дѣло!, тихо сказалъ онъ, наконецъ, подписывая донесеніе. — Блестящее дѣло! Сколько

цвѣта Русской молодежи погибло! Пусть знаетъ Россія, пусть знаетъ весь міръ. что нашъ народъ единъ, что офицеръ нашъ умѣетъ умирать вмѣстѣ съ солдатомъ, впереди солдата. Часъ суровой расплаты передъ народомъ насталъ и мы полнымъ рублемъ платимъ за наше привилегированное положеніе, за наши богатства, за наши земли, за сытую и веселую жизнь въ мирное время. Пусть видитъ Государь и вся Россія, что отцы отдали своихъ сыновей на алтарь отечества и сами легли рядомъ съ ними. Бѣдный Саблинъ! Знаетъ онъ о томъ, что такъ ужасно погибъ и изуродованъ его сынъ, этотъ прекрасный мальчикъ!? Какой ужасный рокъ его преслѣдуетъ. Мѣсяцъ тому назадъ потерять жену, при такихъ трагическихъ обстоятельствахъ, теперь сына. Можетъ быть уже лучше и ему самому умереть! Что у него осталось?

— Слава! — гордо и торжественно произнесъ графъ Валерскій и въ тихомъ воздухѣ это слово прозвучало необычайно ярко. На полѣ лежали мертвые. Раненые стонали и кричали, стараясь обратить на себя вниманіе санитаровъ, кровавыя лужи еще не впитала въ себя черная земля, убитыя лошади безобразно вздувались большими животами и это слово погашало собою всю безотрадную картину поля смерти.

— Красота подвига осталась Саблину! — снова сказалъ адъютантъ, — и умретъ онъ, или будетъ жить, незабвенный день конной атаки имъ веденной и приведшей насъ къ побѣдѣ будетъ сіять вѣчнымъ неугасаемымъ свѣтомъ!

— Да будетъ!, сказалъ Рѣпнинъ. На его сухомъ лицѣ легли торжественныя тѣни. Онъ всталъ съ межи, на которой сидѣлъ, знакомъ подозвалъ къ себѣ вѣстового, сѣлъ на лошадь и снявши фуражку, медленно поѣхалъ по полю мимо убитыхъ. Спускавшееся къ западу солнце бросало длинную тѣнь отъ его худой и прямой фигуры. Въ сухихъ чертахъ его

лица отразились цѣлыя поколѣнія героевъ, славу и подвигъ почитавшихъ дороже жизни, вѣрность Государю и Родинѣ дороже счастья.

XXXVI.

Въ концѣ ноября 1914 года N—ская кавалерійская дивизія, въ которую входилъ Донской казачій полкъ Карпова послѣ ряда утомительныхъ маршей, исколесивши всю Восточную Галицію, подъ напоромъ австрійскихъ армій, прикрывая отходившую пѣхоту подошла къ рѣкѣ Нидѣ. Полкъ Карпова былъ расквартированъ въ длинной деревнѣ, носившей странное наименованіе Хвалибоговице, вытянувшейся по каменистому обрыву шумящей быстрой рѣчки, впадавшей въ Вислу.

Соприкосновеніе съ противникомъ было утеряно. Противникъ остановился и произошла случайная передышка.

Осень стояла мокрая. Грунтовыя дороги развезло и въ нихъ тонули подводы интендантскихъ транспортовъ, подвозъ съ тыла прекратился и полки были предоставлены самимъ себѣ. Они посылали фуражировъ по окрестнымъ деревнямъ для закупки сѣна и овса.

Утромъ хмураго декабрьскаго дня Карповъ проснулся задолго до разсвѣта. Его мучила забота. Ему надо было ѣхать за сорокъ верстъ въ штабъ корпуса по тяжелому и непріятному дѣлу. Нѣсколько дней тому назадъ, два фуражира 1-й сотни, Скачковъ и Маловъ, были посланы за Вислу, въ Галицію, за сѣномъ. Въ одной хатѣ они нашли много сѣна, но старикъ Русинъ и его молодая дочь отказались продавать сѣно. Тогда Скачковъ съ Маловымъ сами наложили сотенную подводу сѣномъ и пришли къ Русину, чтобы разсчитаться за нее. Русинъ отказался принять деньги, а его дочь стала ругаться. — «Разбойники вы! Воры, и Государь вашъ та-

кой же воръ!,» кричала она. — «Насъ ругай, мы смолчимъ», строго сказалъ ей Маловъ, «а Государя нашего обижать не смѣй, а то плохо будетъ». Но баба разошлась. Она стала поносить Государя послѣдними словами. — «Тогда», какъ показывалъ потомъ Маловъ, «не стерпѣлъ я такой обиды, затмѣніе на меня нашло, я взялъ, приложился въ сердцахъ въ злую бабу изъ винтовки, выстрѣлилъ и положилъ ее на мѣстѣ». Дѣло получило огласку, наѣхали полевые жандармы, сбѣжался народъ, да и Маловъ не таился, чистосердечно все разсказалъ.— «Что у ей», — говорилъ онъ, — «души у ей нѣтъ, одинъ паръ, жалѣть ее не приходится, а ругать Государя она не смѣетъ». Но дѣло обернулось серьезно, полевой судъ усмотрѣлъ въ этомъ мародерство и убійство и Малова приговорили къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.

Карповъ не могъ этого допустить. Онъ слишкомъ былъ христіаниномъ, чтобы не ставить выше всего побужденія сердца. Онъ понималъ, что въ убійствѣ Маловымъ дѣвушки убійства не было, а была запальчивость и святое и гордое чувство глубокаго, сильнаго, все забывающаго патріотизма и въ сердцѣ своемъ Карповъ, не оправдывая Малова, не обвинялъ его. Маловъ былъ храбрый казакъ уже имѣвшій георгіевскій крестъ. Карповъ зналъ его отца, мать, дѣда и бабку, зналъ весь обиходъ ихъ станичной жизни и понималъ, что смертная казнь сына Маловыхъ убьетъ всю его семью. Она казалась ему чудовищной особенно на войнѣ, гдѣ и такъ легко было умереть и гдѣ такъ дороги были такіе честные и вѣрные казаки, какъ Маловъ. Онъ переговорилъ обо всемъ этомъ съ начальникомъ дивизіи и съ его разрѣшенія рѣшилъ ѣхать съ личнымъ ходатайствомъ за Малова къ командиру корпуса. Ночь онъ не спалъ. Въ маленькой убогой хатѣ крестьянина въ Хвалибоговице было холодно и грязно. Карповъ ворочался на жесткой походной койкѣ. Рядомъ на сдвинутыхъ скамьяхъ, на сѣнѣ спалъ адъ-

ютантъ. На печи лежалъ самъ хозяинъ. За окномъ стояла холодная лунная ночь и лучи мѣсяца падали въ избушку. Въ углу, подъ образами и литографированной картиной Ченстоховской Божіей матери въ коронѣ,стояло темное знамя въ чехлѣ и Карпову чудилось что знамя благословляетъ его на поѣздку.

Всталъ онъ въ пять часовъ утра. Николай, его деньщикъ, зажегъ жестяную лампочку, поставилъ на столъ и принесъ ему чай. И онъ и вѣстовой, сѣдлавшій лошадь и оба трубача. Лукьяновъ и Пастуховъ, которые должны были ѣхать съ нимъ знали зачѣмъ ѣдетъ ихъ командиръ и сочувствовали ему.

Въ шесть часовъ утра Карповъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ по подмерзшей дорогѣ на востокъ. Луна краснымъ дискомъ спускалась за темный лѣсъ, мутно рисовалась узкая дорога между густыхъ кустовъ. Карповъ ѣхалъ то шагомъ, то рысью, думая свои думы. Онъ видѣлъ станицу и Маловыхъ, у которыхъ бывалъ, видѣлъ осанистаго съ красивой сѣдою бородою дѣда Малова съ георгіевскимъ крестомъ за Ловчу и не могъ представить, какъ отнесется старикъ къ тому, что его внукъ разстрѣлянъ по приговору полевого суда. Онъ обдумывалъ, что и какъ онъ скажетъ командиру корпуса, генералу Пестрецову, и ему его рѣчь казалась такой убѣдительной, что Пестрецовъ не могъ не тронуться ею.

Въ двѣнадцать часовъ дня онъ въѣзжалъ въ желѣзныя ворота большого парка господскаго дома Борки, гдѣ помѣщался штабъ корпуса. Ему было странно, что штабъ корпуса помѣщался такъ далеко отъ фронта, но онъ не думалъ объ этомъ и не придавалъ этому никакого значенія.

Дворъ былъ чисто подметенъ. Куртина противъ главнаго подъѣзда была уставлена цвѣтами закутанными соломой и увязанными рогожей. Красавецъ Лукьяновъ и Пастуховъ, одѣвшіе лучшія свои шинели казались на этомъ дворѣ жалкими и убогими. Рѣзко видна была бѣдность ихъ одежды, оторванная кисть на шнурѣ сигнальной трубы, запла-

та на сапогѣ. Карповъ самому себѣ въ тяжеломъ пальто, обтянутомъ амуниціей показался грубымъ и неизящнымъ. Рѣчь, такъ блестяще подготовленная въ умѣ, испарилась изъ памяти и самая причина пріѣзда стала казаться не такою важною.

Въ подъѣздѣ его встрѣтилъ изящный унтеръ офицеръ съ желтыми аксельбантами на чистой рубахѣ и въ сапогахъ съ блестящими шпорами. Въ углу большой передней, у окна, за круглымъ столомъ, сидѣлъ припомаженный писарь и читалъ газету. Онъ посмотрѣлъ на Карпова и подумалъ вставать ему, или нѣтъ, но не всталъ, а дождался, когда Карповъ снялъ пальто и амуницію и тогда сказалъ, вставая.

— Пожалуйте; неугодно ли присѣсть. Вотъ газетка свѣжая. Угодно почитать?

Карповъ ничего не сказалъ и не пошелъ садиться. Большое зеркало отразило всю его фигуру. Онъ увидалъ загорѣлое до черноты лицо съ посѣдѣвшими бакенбардами, смятые почернѣвшіе отъ сырости погоны, тяжелые ремни амуниціи, сапоги, забрызганные дорожною грязью и чувство неловкости охватило его. Точно онъ на балъ пріѣхалъ въ домашнемъ платьѣ. Жандармскій унтеръ офицеръ и писарь чувствовали свое превосходство надъ нимъ и молча оглядывали его. Онъ былъ изъ другого міра. Изъ того міра, гдѣ умираютъ на постахъ, гдѣ бьются, добывая кормъ лошадямъ и продовольствіе людямъ, гдѣ по суткамъ не спятъ, гдѣ забываютъ обѣдать, гдѣ мутные и тяжелые тянутся дни, сливаясь съ ночами въ одну нудную вереницу. Они были изъ того міра гдѣ день идетъ по акуратно размѣренному расписанію, гдѣ обозначено время для сна, для прогулки для обѣда и для доклада.

— Какъ доложить о васъ прикажете? спросилъ унтеръ офицеръ.

— Полковникъ Карповъ. Командиръ N. Донского полка. По личному дѣлу.

Унтеръ офицеръ дѣловито посмотрѣлъ на часы на кожаной браслеткѣ и сказалъ:

— Не иначе, какъ пообѣдать вамъ придется въ штабной столовой и послѣ обѣда васъ примутъ. Сейчасъ заняты съ начальникомъ штаба.

— Нѣтъ, — сказалъ Карповъ, — я прошу доложить теперь. Мнѣ обратно сорокъ верстъ ѣхать. Хотѣлось бы къ ночи быть у себя.

— Попробую сказать адъютанту, сказалъ унтеръ офицеръ.

Въ это время за стеклянной дверью, ведшей на лѣстницу, покрытую сѣрымъ сукномъ, съ зеркаломъ и двумя статуями, окруженными растеніями въ кадкахъ раздались голоса. Внизъ спускалась прекрасная, лѣтъ сорока, дама въ роскошномъ мѣховомъ манто. Впереди бѣжалъ холеный фоксъ въ ошейникѣ съ нагрудными ремешками и розовымъ бантомъ на спинѣ. Подлѣ дамы шелъ молодой, безупречно одѣтый офицеръ, во входившемъ тогда въ моду англійскомъ френчѣ изъ мягкой, желтоватой матеріи, усѣяннomъ значками и съ орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ въ петлицѣ.

— Дмитрій Дмитріевичъ, вы пойдете со мною на прогулку?, говорила дама офицеру. — Это ничего. что вы дежурный? Вы мнѣ обѣщали показать сыроварню.

— О, непремѣнно!, ваше превосходительство.

Унтеръ офицеръ кинулся распахивать двери. Дама въ лорнетъ посмотрѣла на Карпова.

— Кажется кто то къ мужу — тихо сказала она офицеру.

Офицеръ подошелъ къ Карпову и сухо спросилъ:

— Вы къ кому?

Я къ командиру корпуса по спѣшному и очень важному дѣлу, — сказалъ Карповъ.

— Командиръ корпуса занятъ. Пожалуйте обѣдать и послѣ обѣда...

— Я не могу ждать и прошу васъ доложить сейчасъ обо мнѣ.

— Вы понимаете, я не могу этого сдѣлать, полковникъ.

— А я настаиваю, чтобы вы это сдѣлали.

Дама стояла въ нерѣшительности у выходной двери. Маленькій фоксъ нюхалъ воздухъ у двери и тихо повизгивалъ, прося выйдти. Офицеръ выразительно посмотрѣлъ на даму и пожалъ плечами, какъ бы говоря: идите одни. Ничего не подѣлаешь съ этимъ хамомъ.

Дама улыбнулась.

—Догоняйте меня послѣ — сказала она. — Я буду по липовой аллеѣ гулять.

— Слушаюсь, сказалъ адъютантъ, кланяясь дамѣ и открывая передъ нею двери.

— Хорошо я доложу, сказалъ онъ, возвращаясь къ Карпову, — только ничего изъ этого не выйдетъ.

Онъ ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ прихожую и сказалъ оффиціально:

— Пожалуйте. Его превосходительство васъ просятъ.

XXXVII.

Когда Карповъ подъѣхалъ къ господскому дому, у командира корпуса былъ его начальникъ штаба и старый другъ генералъ Самойловъ. Докладъ былъ давно конченъ и они говорили объ общемъ положеніи дѣлъ.

— Я знаю, говорилъ Пестрецовъ, что командующій Арміей писалъ объ этомъ великому князю Главнокомандующему и великій князь сочувствуетъ этому и понимаетъ это, но что подѣлаешь, когда въ дѣла стратегіи вмѣшивается политика.

— Милый Яковъ Петровичъ, — стоя противъ большого стола съ бумагами, говорилъ Самойловъ,— безъ патроновъ и снарядовъ нельзя воевать. Я оффиціально тебѣ говорю, что у насъ осталось по 200

выстрѣловъ на орудіе. Въ Брестѣ взрываютъ складъ съ тяжолыми снарядами и, конечно, дѣлаютъ это нарочно, изъ за этого мы въ ноябрѣ не взяли Кракова, теперь идемъ назадъ и теряемъ духъ нашей прекрасной арміи. Повѣрь, что второй разъ такъ не пойдемъ.

— Но что же дѣлать?, разводя руками сказалъ Пестрецовъ.

— Опять, какъ тогда передъ японской войной говорилъ тебѣ, такъ и теперь скажу. Не надо сентиментальничать, не надо таскать своими голыми руками горячіе каштаны для другихъ, нельзя вести войны pour les beaux yeux de la reine de Prusse, нельзя освободить Европу и губить Россію. Мы не можемъ воевать одни противъ Германіи и Австріи тогда, когда французы и англичане ничего не дѣлаютъ. Мы отдаемъ свои земли на потокъ и разграбленіе своихъ и чужихъ войскъ, германцы уже были подъ Варшавой. Наши доблестные сибиряки отогнали ихъ, но какой цѣной! У насъ уже нѣтъ теперь сибиряковъ...

— Николай Захаровичъ, оставь пожалуйста. Вѣдь это только критика ради критики. Что же мы можемъ сдѣлать? Мы не можемъ заставить воевать Англію ранѣе, нежели она создастъ свою армію, мы не можемъ потребовать отъ Франціи больше того, что она даетъ.

— А какое намъ дѣло до Англіи и Франціи? Вѣдь мы Россія. Россія мы и намъ дороги только свои, Русскіе, интересы. Пора стать эгоистами и понять, что эту войну насъ заставили вести во вредъ нашимъ интересамъ.

— Ну, что же?

— Миръ.

— Миръ?

— Да, миръ съ пріобрѣтенной Галиціей, съ нефтяными источниками и угольными копями, со старымъ Львовымъ и Перемышлемъ...

— Его еще надо взять.

— Отдадутъ и такъ. Быть можетъ, съ проливами.

— Это невозможно.

— Воевать, Яковъ Петровичъ, невозможно, это точно. Мы учили, что такая громадная война въ которой развернуты миллiонныя армiи можетъ длиться четыре, максимумъ шесть мѣсяцевъ. Не хватитъ средствъ. Надо поступать по наукѣ. Августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь — и баста. Дальше «отъ лукаваго». Мобилизацiя промышленности: — это разоренiе своего дома. Во имя чего?

— Во имя честности.

— Въ политикѣ честности нѣтъ. Повѣрь, Яковъ Петровичъ, что если, не дай Богъ, мы придемъ въ бѣду, ни англичане, ни французы не пожертвуютъ для насъ ни однимъ солдатомъ и нѣмцы тогда займутъ Россiю и обратятъ насъ при общемъ молчанiи въ навозъ для германской расы.

— Нѣтъ, со вздохомъ сказалъ Пестрецовъ, миръ теперь, — это позоръ навсегда. Нельзя будетъ Русскому человѣку показаться въ Англiи, или Францiи. Кличка предатель и измѣнникъ куда какъ не сладка.

— Яковъ Петровичъ, привези золото и тебя встрѣтятъ поклонами и самыми льстивыми и ласковыми словами.

Въ эту минуту вошелъ адъютантъ и доложилъ о Карповѣ. Разговоръ о мирѣ былъ тяжелъ и непрiятенъ для Пестрецова и онъ обрадовался возможности прервать его.

— Просите полковника, — сказалъ онъ. — Николай Захаровичъ останься. Это, говорятъ, лихой казакъ. Онъ великолѣпно работалъ съ полкомъ.

— Всѣ они грабители и мародеры казаки, сказалъ Самойловъ, но остался стоять у стола, когда вошелъ Карповъ.

— Здраствуйте, дорогой полковникъ, поднимаясь на встрѣчу Карпову ласково сказалъ Пестрецовъ. — Исторiя конницы — исторiя ея генераловъ. Одного изъ нихъ я имѣю, наконецъ, удовольствiе

видѣть у себя. Мнѣ такъ много о васъ разсказывалъ Развадовскій, о вашихъ побѣдахъ въ августѣ. Блистательно работали ваши донцы. Какъ это говорили вы — «долбанемъ», а? «заманивай, да заманемъ его въ вентеречекъ», а? Ну, садитесь, дорогой полковникъ, Степаномъ Сергѣевичемъ Васъ звать, кажется? А?

— Павелъ Николаевичъ, — сказалъ Карповъ, ободренный привѣтливостью корпуснаго командира.

— Садитесь, Павелъ Николаевичъ. Ну какъ у васъ? все благополучно? Отдыхаете немного. Вотъ еще денька два отдохнемъ, да и въ наступленіе опять. Пора. Пора!

Карповъ сѣлъ въ тяжелое кресло противъ корпуснаго командира и молчалъ, не зная, какъ начать. Горячій разсказъ о подвигахъ Малова, о томъ какая у него хорошая патріархальная семья, какъ чисто убрана ихъ хата и какъ кротко сіяетъ изъ угла большой образъ Богоматери, какимъ ужаснымъ ударомъ для семьи было бы извѣстіе о смертной казни сына передъ этими двумя генералами показался неумѣстнымъ. Изъ за ласковыхъ словъ холодно и строго, а, главное, безразлично смотрѣли сѣрые блестящіе глаза генерала. Въ его холеномъ, тщательно вымытомъ и побритомъ лицѣ, въ обстановкѣ кабинета съ громаднымъ столомъ, креслами, съ различными бездѣлушками, въ картѣ висѣвшей на стѣнѣ и разрисованной акварелью, гдѣ маленькимъ синимъ квадратомъ у Хвалибоговице былъ показанъ и его, Карпова, полкъ, было столько чужого, не похожаго на войну, какъ ее видѣлъ и понималъ Карповъ, что Карповъ смутился и неловко началъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ, ваше превосходительство. Тутъ на дняхъ судили казака моего полка Малова. Приговорили къ смертной казни. Приговоръ долженъ состояться завтра. А между тѣмъ обстоятельства дѣла таковы...

— Знаю, знаю, дорогой Павелъ Семеновичъ, — перебилъ Пестрецовъ, уже позабывшій имя Карпова, — мнѣ это дѣло доподлинно извѣстно. И, знаете, я возмущенъ, что въ вашемъ полку могли явиться такіе негодяи. Мы измучены жалобами населенія на казаковъ. Этому надо положить, наконецъ, предѣлъ. Вашъ Маловъ убійца женщины — этого достаточно. Смертная казнь, утвержденная Командующимъ Арміей — это наказаніе, котораго онъ заслужилъ.

— Ваше превосходительство, судъ не вошелъ въ обстоятельства дѣла, въ обстановку, въ психологическую подкладку этого преступленія...

— Э, милый полковникъ, предоставьте всю эту ерунду гражданскимъ судамъ съ присяжными засѣдателями. Полевой судъ стоитъ передъ совершившимся фактомъ. Убійство было? Я васъ спрашиваю, Семенъ Даниловичъ, было убійство, а?

— Было... Но.

— И никакихъ «но» тутъ нѣтъ. И о чемъ вы меня просите? Это не отъ меня зависитъ.

— Я прошу васъ ходатайствовать передъ командующимъ арміей. Я умоляю васъ послать, если нужно, телеграмму верховному главнокомандующему.

— Э, что говорите о пустякахъ. Развѣ можно, глубокоуважаемый, безпокоить командующаго арміей такими пустяками? Развѣ мыслимо, чтобы я, представитель власти, дискредитировалъ бы ее, заступаясь за преступниковъ. Казаки всегда грабили и безобразили и это надо, наконецъ, прикончить.

Самойловъ, видя, что Карповъ порывается что то сказать посмотрѣлъ на часы и сказалъ Пестрецову.

— Половина перваго, ваше превосходительство. Нина Николаевна обѣщала намъ сегодня завтракать вмѣстѣ съ нами.

— Ваше превосходительство, сказалъ Карповъ, вставая, потому что Пестрецовъ поднялся. — Я умо-

ляю, я прошу... Это будетъ лучшей наградой мнѣ и полку...

— Э, милый мой, оставимъ этотъ пустой разговоръ. Идемъ завтракать. И не думайте о пустякахъ.

Карповъ рѣшительно отказался отъ завтрака. Онъ не могъ сѣсть со всѣми этими холодными людьми, съ богато одѣтой барыней за столъ и ѣсть тогда, когда онъ зналъ, что его казакъ будетъ ими разстрѣлянъ. Онъ задыхался въ богатой обстановкѣ господскаго дома, въ высокихъ комнатахъ, ему было страшно ходить по паркетнымъ поламъ. Тянуло вернуться скорѣе въ маленькую холодную избушку Хвалибоговицъ и тамъ быть со своими казаками и офицерами, для которыхъ казнь Малова былъ не мелкій эпизодъ войны, а громадное событіе въ полковой жизни.

Лукьяновъ, подававшій у крыльца лошадь по его лицу узналъ что заступничество за Малова потерпѣло неудачу, но въ присутствіи часовыхъ и жандармовъ онъ ничего не сказалъ.

Сарданапалъ, соскучившійся ожидать на морозѣ рылъ нетерпѣливо копытомъ землю, производя безпорядокъ на приглаженномъ дворѣ. Онъ попрашивалъ повода и свободнымъ широкимъ шагомъ вышелъ изъ воротъ, точно и его томила и его заставляла задыхаться атмосфера большого штаба, холодного и чуждаго ихъ полковой жизни.

Они отъѣхали верстъ пять отъ имѣнія, два раза шли рысью и въѣхали въ большой буковый лѣсъ. Узкую дорогу тѣсно обступили громадныя черныя деревья. Непрерывная капель шла съ нихъ на землю. Солнце пригрѣло и таяло. Дорога стала мягче, глубокія колеи блестѣли и осыпались подъ ногами лошади. Лукьяновъ съ боку продвинулъ свою лошадь и почти поровнявшись съ Карповымъ сказалъ:

— Что ваше высокоблагородіе, не удалось отстоять Малова?

— Нѣтъ, не удалось, — просто отвѣтилъ Карповъ, которому понятенъ былъ вопросъ его штабъ—трубача.

— Ничего, ваше высокоблагородіе, вы не жалкуйте объ этомъ. Вы только одно устройте, чтобы Малова конвоировали не казаки, а пѣхотные.

— А что?

— Да, Маловъ не такой парень, чтобы въ обиду себя дать. Убѣжитъ. Своихъ пожалѣетъ, не побѣжитъ, да и нашу присягу твердо знаютъ, хоть и свой а пристрѣлятъ, а пѣхотныхъ обмануть не грѣхъ. Хорошо, ежели бы ополченцы. Тѣ и совсѣмъ народъ розиня.

Карповъ ничего не отвѣтилъ, но, пріѣхавъ домой, послалъ телеграмму, въ которой просилъ о нарядѣ конвоя къ Малову отъ ополченской роты.

Черезъ два дня Лукьяновъ утромъ зашелъ къ нему. Его лицо, красное отъ мороза сіяло восторгомъ, онъ едва сдерживалъ улыбку, собиравшую въ складки его красивое лицо. Убѣдившись, что въ хатѣ Карпова никого не было Лукьяновъ тихимъ голосомъ сказалъ.

— Маловъ то, ваше высокоблагородіе... Маловъ —И не могъ больше сдерживать своего смѣха и разсмѣялся искренно и весело.

— Убѣжалъ вѣдь. Съ полъ часа тому назадъ. Они его на казнь повели. Только до лѣсу дошли, онъ у праваго конвойнаго винтовку изъ рукъ, сигнулъ черезъ канаву, да лѣсомъ такого чеса задалъ, что никогда не догнать. Тѣ дураки и не стрѣляли. Жаловаться домой прибѣжали. Ну и конвойные! Горе одно съ такимъ народомъ!...

XXXVIII.

Въ первыхъ числахъ декабря Карповъ неожиданно получилъ приказаніе спѣшить къ Новому Корчину, гдѣ поступить въ распоряженіе командира Зарайскаго пѣхотнаго полка. Зарайцы, послѣ

тяжелаго боя, прорвали фронтъ противника и предполагалось широкое преслѣдованіе его конницей. Карповъ по тревогѣ собралъ полкъ и по замерзшей прибрежной дорогѣ рысью пошелъ къ виднѣвшемуся вдали небольшому красивому городу. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ нему тѣмъ больше были замѣтны слѣды только что бывшаго здѣсь боя. На полѣ были видны наши винтовки, воткнутыя штыкомъ въ землю и брошенныя нашими ранеными. Кое гдѣ подъ кустами лежали убитые солдаты, кто, подставивъ бѣлое страшное лицо лучамъ заходящаго солнца, кто ничкомъ, подогнувши неловко ноги. Часто валялись окровавленныя тряпки, разорванныя рубахи,котелки и походныя сумки. Все поле влѣво отъ дороги было изрыто неглубокими одиночными окопами. Въ нихъ была примятая солома. Здѣсь ночевали передъ штурмомъ Зарайцы. Между окоповъ, впереди ихъ и сзади, были большія темныя воронки отъ снарядовъ тяжелой артиллеріи. Теперь артиллерія сюда больше не стрѣляла, вѣроятно была увезена съ поля битвы и только подъ Новымъ Корчинымъ часто продолжали вспыхивать бѣло-оранжевые дымки австрійскихъ шрапнелей. Бой еще продолжался.

Карповъ рысью вошелъ въ крайнюю улицу и здѣсь остановился и приказалъ полку слѣзть. Очевидно преслѣдовать было рано. По улицѣ пролетали рѣдкія излетныя пули. Одна лошадь и одинъ казакъ были ранены ими. Заведя людей съ лошадьми за дома и поставивъ ихъ укрыто за стѣнами, Карповъ съ адъютантомъ и Лукьяновымъ поѣхалъ отыскивать командира пѣхотнаго полка. Боковая улица съ растоптаной и растаявшей глубокою грязью была сплошь заставлена артиллерійскими зарядными ящиками. Ящичные ѣздовые сидѣли нагнувшись на лошадяхъ и не обращали никакого вниманія на посвистывавшія пули. Мимо нихъ, ругаясь скверными словами, протискивались походныя кухни,

дымящія и пахнущія щами. По обѣимъ сторонамъ дороги были глубокія заплывшія до верху жидкою грязью канавы съ частыми мостами. Между ящиками и канавами оставалось слишкомъ узкое мѣсто чтобы кухни могли проѣхать. Одна сунулась было, но колесо провалилось въ канаву, разсыпалось и сѣрыя щи вылились въ канаву и легли толстымъ слоемъ поверхъ грязи. Кашевары и обозные толпились подлѣ, не зная, что дѣлать. Навстрѣчу ѣхали лазаретныя двуколки и вдоль домовъ непрерывной вереницей тянулись легко раненые съ перевязанными руками и обвязанными головами. Карпову пришлось остановиться и ожидать когда и какъ распутается вся эта суматоха.

— Ну что вы надѣлали, черти паршивые, — въ отчаяніи кричалъ кашеваръ завалившейся кухни.— Что я теперь дѣлать буду?

— Я жъ тебѣ говорилъ. не проѣдешь. Заладилъ одно, проѣду, да проѣду. Вотъ и проѣхалъ! По головкѣ за щи не погладятъ, — отвѣчалъ невозмутимо ѣздовой того ящика, который помѣшалъ проѣхать.

— А ты, паря, не робѣй, собирай скорѣича остатки, да заправляй щи заново. Такъ съ землицей то они еще скуснѣе будутъ.

— Настоящіе землеѣды слопаютъ, еще и похвалятъ тебя. Го-го-го!, хохотали артиллеристы.

—Земляки, пропустите раненыхъ, просилъ фельдшеръ, — неужто у васъ совѣсть окончательно пропала!

— Пропусти! Да куда я тебѣ пропущу, когда ни впередъ, ни назадъ податься нельзя.

— Господи! и не пожалѣютъ своихъ страдальцевъ, со вздохомъ сказала сестра, стоявшая въ высокихъ сапогахъ и подоткнутой выше колѣна коричневой юбкѣ по щиколодку въ грязи.

— Эхъ, казаки, кричалъ раненый въ руку молодой солдатъ, — опоздали маненько. Мало мало орудія его не захватили.

— Ну, какъ тамъ?. спросилъ Кумсковъ у него.

— Да, какъ, злобно отвѣчалъ шедшій сзади него пожилой запасный солдатъ, не раненый, но бывшій безъ ружья. — На рѣкѣ застряли, мостъ наводятъ, теперь опять оттяжка будетъ. Надолго.

— Что же, ироды, — посторонитесь вы, аль нѣтъ. Пропустите куфни, вѣдь со вчерашняго дня пѣхота не ѣла.

—Да что ты лаешься, со злобой сказалъ артиллеристъ, ну, куда я дѣнусь, когда податься некуда.

— Погоди, — говорилъ фельдшеръ, — офицеръ пріѣдетъ онъ укажетъ, какъ распутать. — Вотъ жестокій народъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ сестрѣ милосердія. Та только рукою махнула.

— Я не понимаю, сквозь слезы сказала она, какъ можно дойдти до такого озвѣрѣнія, чтобы и раненыхъ не пожалѣть.

На косматой лошади подъѣхалъ пожилой артиллерійскій штабсъ капитанъ. Онъ быстро разобрался въ обстановкѣ и завопилъ сердитымъ простуженнымъ голосомъ.

— Ѣздовые слѣзай. Всѣ ко мнѣ!

Солдаты неохотно слѣзали въ глубокую грязь и подходили къ ящику.

— Ну, на рукахъ подвинь влѣво ящики! Эй вы пѣхота, что рты разинули, иди помогать!

Общими усиліями, откатывая ящики съ передками къ самой канавѣ очистили мѣсто для двуколокъ и онѣ стали протягиваться изъ улицы. Карповъ воспользовался этимъ и проскочилъ передъ ними въ городъ.

Городъ спускался одной широкой улицей къ рѣкѣ съ разрушеннымъ мостомъ. Съ того берега стрѣляли вдоль по улицѣ и ѣхать по ней было нельзя. На самой серединѣ ея недалеко отъ рѣки застрялъ артиллерійскій ящикъ. Двѣ лошади въ уносѣ были убиты и лежали утонувши въ грязи, дышловыя то бились, то стояли тупо разставивъ ноги и тяжело вздыхали. Людей при нихъ не было. Австрійцы со-

средоточили по ящику огонь и никто не отваживался подойти, чтобы выпростать ихъ изъ упряжи. Вдоль домовъ, укрываясь выступомъ громаднаго сѣраго каменнаго костела, непрерывнымъ потокомъ одни вверхъ, другіе внизъ шли гуськомъ солдаты. Они натоптали въ грязи сухую тропинку и теперь все стремилось на нее.

Карповъ съ адъютантомъ и Лукьяновымъ свернули во дворъ и здѣсь за домомъ спрятали лошадей и слѣзли. Карповъ оставилъ Лукьянова съ лошадьми, а самъ съ адъютантомъ пошелъ отыскивать командира Зарайскаго полка.

— Гдѣ командиръ полка? — спросилъ онъ у поднимавшагося навстрѣчу солдата.

— Должно внизу, — сказалъ тотъ.

— Кабы не на той сторонѣ уже, — сказалъ другой, шедшій сзади.

— Да развѣ мостъ навели уже? — спросилъ первый.

— Однако по досточкамъ уже проходятъ, — отвѣчалъ тотъ. — Я видалъ, ранетые шли.

Карповъ пошелъ внизъ. На улицѣ валялись трупы австрійскихъ солдатъ. Наши уже были подобраны, австрійцы лежали, утонувши въ глубокой грязи. Карповъ невольно вздрогнулъ, когда увидѣлъ совсѣмъ подлѣ тропинки убитаго австрійца. На него въ свалкѣ боя наступали и его совершенно затоптали въ грязь. Шинель, руки, ноги, все было сравнено съ землею и только лицо, бѣлое, обросшее небольшою холеною бородкой торчало изъ земли и вѣтеръ тихо шевелилъ волосами бороды. Чѣмъ ближе къ рѣкѣ, тѣмъ чаще посвистывали пули и тѣмъ больше лежало затоптанныхъ въ грязь людей. Здѣсь между австрійцами въ ихъ сизыхъ шинеляхъ стали попадаться и сѣрыя шинели нашихъ солдатъ.

За костеломъ была большая площадь, прикрытая его стѣнами. Она была полна толпою австрійскихъ плѣнныхъ. Они стояли покорнымъ стадомъ, хмурые и скучные и тихо переговаривались между

собою. Русскій офицеръ, молодой, красивый, высокій, въ солдатской шинели съ помятыми и выцвѣтшими золотыми погонами считалъ ихъ, переталкивая съ одного края площади на другой. Лицо у него было усталое, измученное, но счастливое.

— Тысяча восемьсотъ два, восемьсотъ три, восемьсотъ четыре, — говорилъ онъ, толкая людей, какъ вещи и искоса поглядывая на подходившаго Карпова.

— Скажите, поручикъ, гдѣ командиръ Зарайскаго полка? — спросилъ его Карповъ.

— Тысяча восемьсотъ пять, восемьсотъ шесть, восемьсотъ семь, — продолжалъ тотъ считать. — Какова добычка, господинъ полковникъ, — я думаю больше двухъ тысячъ будетъ. Кабы не всѣ три. Здѣсь и сдались, какъ мы ворвались. Бригаднаго генерала взяли, двухъ полковниковъ, маіора, восемьдесятъ офицеровъ, шестнадцать пулеметовъ. Командира полка вамъ надо? Полковника Дормана? Онъ сейчасъ только прошелъ вонъ въ ту хату, видите, большой каменный домъ, вонъ оттуда солдатъ вышелъ... Тысяча восемьсотъ восемь, восемьсотъ девять—ну пошелъ, раззява къ тѣмъ, чего топчешься, крикнулъ онъ на австрійскаго солдата, замявшагося и не знавшаго куда ему податься.

Карповъ направился по указанному ему направленію. Вечерѣло. Румяное солнце спускалось за горизонтъ и наверху уже отчетливо проступала большая блѣдная луна. Пули свистали рѣдко, артиллерійскій огонь смолкалъ.

XXXIX.

Домъ, въ который вошелъ Карповъ, принадлежалъ зажиточному еврею. Изъ сѣней Карповъ попалъ въ большую очень чистую кухню съ плитой, обложенной бѣлыми изразцами. На плитѣ готовился ужинъ. Молодая смуглая, черноволосая еврейка суетилась возлѣ плиты, приготовляя ужинъ. Въ

углу у плиты сидѣла старая еврейка и еврей съ черной бородой, тревожно слѣдившій за молодой еврейкой.

Съ потолка на толстой проволокѣ спускалась большая мѣдная керосиновая лампа.

За двумя столами, стоявшими у оконъ, сидѣли офицеры и солдаты. На ближайшемъ къ двери въ кожаной сумкѣ былъ поставленъ полевой телефонъ и солдатъ съ сѣрымъ землистымъ лицомъ и злыми глазами непрерывно кричалъ:

— Тереховъ! Тереховъ ты что ль? Чего-жъ молчишь? А? Шестнадцатая отвѣчаетъ, а?... Съ пятнадцатой порвана связь? Надо наладить. Командиръ спрашивалъ... Второй батальонъ гдѣ?

Два солдата сидѣли на полу на разостланной шинели и изъ котелка ѣли какую то сѣрую мутную жидкость и громко чавкали. Тутъ же за столомъ сидѣло еще два солдата и писали подъ диктовку очень худого и длиннаго офицера въ кителѣ съ аксельбантами.

— «Ровно въ восемь часовъ утра я передалъ приказаніе первому и второму батальонамъ броситься въ атаку», — говорилъ онъ, глядя на записку. — Петръ Степановичъ, поступило отъ перваго батальона свѣдѣніе о потеряхъ?

Тотъ, кого назвали Петромъ Степановичемъ, сидѣлъ въ группѣ другихъ офицеровъ за вторымъ столомъ и пилъ мутный чай.

— Нѣтъ еще, — отвѣчалъ онъ, съ трудомъ прожевывая кусокъ хлѣба съ масломъ.

— Господа, мнѣ чаю оставьте. Петръ Степановичъ, намажь мнѣ кусокъ хлѣба, да вотъ имъ тоже, — онъ кивнулъ на писарей. — Написали что ль?... Батальонамъ броситься въ атаку...

При входѣ Карпова всѣ встали.

— Вамъ кого, господинъ полковникъ? — спросилъ адъютантъ.

— Командира Зарайскаго полка, — отвѣчалъ Карповъ.

— Онъ рядомъ въ комнатѣ, пожалуйте.

Адъютантъ раскрылъ дверь и Карповъ попалъ въ небольшую, жарко натопленную комнату, убранную, какъ гостиная. На стѣнахъ вмѣсто картинъ висѣли большіе красивые плакаты „Hamburg-Amerika Linie.“ Всѣ кресла были заняты офицерами, кто въ кителѣ, кто въ солдатской шинели, кто въ пальто мирнаго времени сѣро-синяго сукна, всѣ при амуниціи. Нѣсколько офицеровъ стояли у комода. На столѣ горѣла подъ синимъ стекляннымъ абажуромъ лампа, стояли въ безпорядкѣ тарелки съ остатками жареныхъ куръ, хлѣбомъ и колбасой и стаканы съ мутнымъ блѣднымъ чаемъ.

На диванѣ сидѣлъ плотный, средняго роста человѣкъ съ большимъ, пухлымъ, обвѣтреннымъ, загорѣлымъ бритымъ лицомъ, на которомъ торчали грубые стриженые усы. Онъ весело сверкалъ маленькими узкими глазами и оживленно говорилъ.

— Прежде всего, господа, намъ надо накормить солдатъ. За кухнями послали?

— Послали, — отвѣчалъ изъ угла молодой офицеръ съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ какъ угли горѣли темные воспаленные глаза.

— А, полковникъ, здравствуйте! Васъ напрасно потревожили. Но это уже штабъ корпуса. Не моя вина. Не моя-съ. Имъ тамъ, въ прекрасномъ далекѣ, все кажется очень легко и просто. И не легко это и не просто. Мы только заняли Новый Корчинъ, ну а теперь пойдетъ работа тихой сапой. Попотѣть придется не мало. За то, надѣюсь, такъ же безкровно.

— Что же мнѣ дѣлать съ полкомъ? — спросилъ Карповъ.

— Мой вамъ вотъ какой совѣтъ. Стоять здѣсь негдѣ. Все переполнено. Лошадей некуда поставить. Вы изъ Блотна-Воли пришли? Ну и съ Богомъ — туда и идите. Оставьте при мнѣ связь, офицера расторопнаго и пять, шесть казачковъ, да, и я вамъ

скажу, когда надо будетъ. Дай Богъ денька черезъ три. Вотъ тяжелыя пушки подойдутъ, мортирки подтянемъ — тамъ тогда пойдетъ дѣло глаже. Вѣдь они Корчинскій господскій домъ въ настоящую крѣпость обратили. Два ряда проволоки на стальныхъ кольяхъ. Попотѣть придется. А разъ вы уже пріѣхали, хотите минутъ черезъ пятокъ пройдемте за рѣку, вы мѣстность осмотрите. Теперь луна, такъ кое что видѣть можно. Чайку не хотите. Ахъ, да. Я и забылъ вамъ представиться, — полковникъ Дорманъ, командиръ полка.

Высокій блѣдный офицеръ поставилъ передъ Карповымъ стаканъ чая и положилъ кусокъ хлѣба. Подполковникъ съ изрытымъ оспою лицомъ въ неуклюжей, подбитой ватой шинели, очистилъ ему мѣсто на креслѣ, Карповъ обмѣнялся рукопожатіями съ ближайшими офицерами и сѣлъ.

— Итакъ, господа, прежде всего накормить людей. И съ мясомъ, понимаете. Мясо то заложено? — говорилъ Дорманъ.

— Заложено, господинъ полковникъ.

— Эхъ жалко, водочки нѣтъ. Водчонки бы теперь дать, въ самый разъ было бы. Ночью 1-й батальонъ долженъ переправиться и окопаться по дорогѣ кремальерами, — отчеканивая сочное слово, говорилъ Дорманъ. — Семенъ Дорофѣичъ сможете подать двѣ батареи туда.

— Это какъ мостъ, — отвѣчалъ смуглый чернобородый артиллерійскій полковникъ.

— А броды не пробовали?

— Не пройдешь. Гдѣ мелко — топко, не вытянешь, на броду пониже замки зальетъ, по дну волочить придется, хлопотъ много будетъ.

— Да мостъ, господинъ полковникъ, часа черезъ два готовъ будетъ, — сказалъ худой офицеръ.

— Ну, ладно. Итакъ, господа, обѣдъ, обѣдъ и обѣдъ. Безъ жратвы, чтобы на томъ берегу ни одного человѣка не было. Узнаю, если кто не накормилъ, не взыщите, ротнаго командира отъ роты отставлю и

вамъ, господа батальонеры, не поздоровится. Ну, идемте.

Дорманъ всталъ. Онъ находился въ томъ исключительно счастливомъ настроенiи, которое даетъ побѣда. Онъ не чувствовалъ усталости, не испытывалъ голода, хотя жадно съѣлъ полъ курицы и два большихъ ломтя хлѣба и выпилъ нервными глотками три стакана невкуснаго чая, онъ неустанно говорилъ, то диктовалъ донесенiе, то отдавалъ приказанiя, онъ не видѣлъ грязнаго селенiя, у большинства домовъ котораго были выбиты отъ артиллерiйскаго огня стекла, не замѣчалъ затоптанныхъ въ землѣ труповъ, не спрашивалъ о потеряхъ. Онъ чувствовалъ только одно, что онъ съ полкомъ выгналъ изъ Новаго Корчина австрiйскую бригаду, что онъ взялъ около трехъ тысячъ человѣкъ, что о немъ теперь послана телеграмма, что его имя теперь на устахъ у всей Россiи. Ему грезился георгiевскiй крестъ и, можетъ быть, генеральскiй чинъ. Все зависитъ отъ дальнѣйшаго и всѣ силы своего ума и воли онъ напрягалъ на то, чтобы это дальнѣйшее вышло такъ же хорошо. Ему, полковому командиру, молодому сорока двухъ лѣтнему полковнику, подчинили еще два полка ихъ дивизiи и полкъ казаковъ. Сердце у него быстро билось, земля не чуялась подъ ногами, молодою стала походка и звонкимъ и звучнымъ голосъ.

— Господа, прошу по мѣстамъ, согласно приказа. Наблюсти за тѣмъ, чтобы люди не шатались по мѣстечку.

Онъ отдалъ общiй поклонъ и, взявши Карпова подъ локоть, пошелъ изъ комнаты.

XL.

За тѣ полчаса, которые Карповъ провелъ въ домѣ, картина посада совершенно измѣнилась. Солнце скрылось за горизонтъ и на западѣ горѣла только узкая темно-красная зловѣщая полоса.

Луна высоко поднялась на небѣ и подъ ея серебристыми лучами костелъ, каменные столбы ограды, маленькіе жалкіе еврейскіе домики приняли сказочно красивый видъ. Почти всюду окна были освѣщены. Стрѣльба затихла и во всю ширину улицы, не обращая вниманія ни на грязь, ни на трупы, толпились солдаты. Лошади въ загрузшемъ передкѣ какимъ то чудомъ остались живы и были уведены, и теперь люди возились, выпрастывая изъ грязи упряжь съ убитыхъ лошадей. Плѣнныхъ куда то угнали и за костеломъ дымили и сверкали топками кухни, пахло вареным мясомъ, слышался гомонъ людей и смѣхъ. Вся площадь была покрыта чавкающими и икающими солдатами. Повсюду вспыхивали огоньки — загорались папироски.

— Это какой батальонъ? — властно, хозяйственно крикнулъ Дорманъ.

— Первый... первый... первый, ваше высокоблагородіе,—раздались съ разныхъ мѣстъ голоса.

Дорманъ черезъ толпу направился къ кухнѣ.

— Все выбрали? — спросилъ онъ у кашевара.

— Нѣтъ. Чутокъ остался.

— Ну, плесни!

Кашеваръ нагнулся надъ большимъ кухоннымъ котломъ, размѣшалъ черпакомъ щи и, зачерпнувши со дна, подалъ на черпакѣ Дорману. Ближайшій къ нимъ солдатъ досталъ ложку.

— Перца мало, — пробуя сказалъ Дорманъ.

— Нигдѣ достать не могли, отвѣчалъ сзади фельдфебель.

— Эхъ вы! А запасъ? Запасъ! Помнишь, — обратился онъ къ кашевару, — про монаха. А? — Запасъ бѣды не чинитъ и денегъ онъ не проситъ... — И Дорманъ сочно договорилъ циничный мѣткій русскій стихъ.

Кашеваръ засмѣялся.

— Это точно, ваше высокоблагородіе.

Къ Дорману подошелъ командиръ 1-й роты. Это былъ капитанъ лѣтъ тридцати, съ красивымъ загорѣлымъ лицомъ. Увидавши Карпова, онъ представился ему:

— Капитанъ Козловъ.

— Ну, какъ у васъ настроеніе, Александръ Ивановичъ.

— Прекрасно, спокойно, — отвѣчалъ капитанъ.

— Вы первые.

— Слушаю-съ.

Дорманъ пошелъ дальше. Боковой дорожкой, сзади костела, онъ спустился къ рѣкѣ. Ночь была холодная, морозило. Мѣстами, гдѣ меньше ходили люди, грязь уже сковало и тонкія лужицы хрустѣли свѣжимъ ледкомъ подъ ногами. Странно было видѣть поэтому на берегу раздѣтыхъ въ однихъ рубахахъ людей; пожилые, большинство бородатые, кто съ черной, кто съ рыжей, кто съ сѣдѣющей бородой, въ пестрыхъ рубахахъ на голомъ худощавомъ тѣлѣ, поросшемъ волосами, они топтались на берегу, не рѣшаясь идти въ темную ледяную воду.

— Ну пошелъ, пошелъ что-ль! Кто по отчаяннѣй, кричалъ такой же раздѣтый сѣдой человѣкъ съ большимъ животомъ, притоптывая ногами по холодному песку. — Ня бось не утонешь.

— Утонуть не утонешь, простудиться можно,— отвѣчалъ солидно бородатый мужикъ.

— Ахъ ты! Все одно помрешь, закричалъ старикъ. — Ну, ребята! За вѣру, Царя и отечество! Айда-те что-ль!

И старикъ бросился въ воду.

— Ахъ, ой! Ухъ! ай-я-я-яй! — закричалъ онъ изъ воды точно обожженный. — Ничего робя, привыкнешь... Тащи топоръ кто нибудь. Емельяновъ чортъ, пошелъ что-ль...

Раздѣтые люди стали, охая и ухая, входить въ воду и застучали топоры. На старыя обгорѣлыя сваи насаживали толстыя бревна, устраивая мостъ

для артиллеріи. Работала ополченская саперная рота.

Старый, лѣтъ пятидесяти, офицеръ, командиръ роты, сидѣлъ на подвезенныхъ бревнахъ, хмурился и пожималъ плечами. Увидавъ Дормана онъ подошелъ къ нему.

— Всѣ простудятся, всѣ помрутъ, мрачно сказалъ онъ, указывая на рабочихъ.

— Ну что же подѣлаешь. А намъ мостъ нуженъ. На то война.

— Эхъ, что и говорить, —безнадежно махая рукой сказалъ старикъ.

Дорманъ съ Карповымъ пошли вверхъ по рѣкѣ по берегу и противъ шоссе увидали на мѣстѣ главнаго моста узенькій мостъ въ одну дощечку. По нему проходили взадъ и впередъ люди.

— Постойте тамъ, — крикнулъ адъютантъ Дормана. Не ходи ребята. Командиръ полка.

Люди на томъ берегу остановились и Дорманъ, за нимъ Карповъ, Кумсковъ и пѣхотный адъютантъ прошли по доскѣ надъ темною рѣкой.

Противоположный берегъ поднимался сажени на двѣ надъ водою. Дорога врывалась въ него и шла прямая въ даль. Вся она прострѣливалась ружейнымъ огнемъ непріятеля. Незамѣтная за шумомъ и гамомъ полнаго людьми Новаго Корчина стрѣльба здѣсь стала отчетливо слышна. Выстрѣлы, то одиночные, то, сливаясь по два, по три вмѣстѣ слѣдовали непрерывно и такъ же непрерывно посвистывали, щелкали и клокотали въ воздухѣ пули.

Дорманъ тяжело вздохнулъ.

— Одна верста до него, — сказалъ онъ. — Здѣсь впереди только команда охотниковъ.

Онъ быстро прошелъ по ровному полю къ небольшому, глубокому окопу и спрыгнулъ въ него. Въ окопѣ были люди. Тамъ сидѣлъ артиллерійскій генералъ съ молодымъ артиллерійскимъ офи-

церомъ, телефонистъ и пѣхотный поручикъ. Мѣсто оставалось только для двоихъ.

— Ступайте вы подъ откосъ, на берегъ почему то шопотомъ заговорилъ Дорманъ адъютантамъ.— Пожалуйте полковникъ.

Онъ спрыгнулъ въ окопъ и потащилъ за собою за рукавъ Карпова.

— Да, лучше здѣсь не ходить, — медленно и раздѣльно проговорилъ артиллерійскій генералъ, протягивая руку Карпову и съ недоумѣніемъ смотря на него. — Сейчасъ одного охотника убило, а двоихъ ранило.

— Вонъ лежитъ, — показалъ артиллерійскій поручикъ Карпову на неясное пятно на серебристомъ полѣ, поднимавшемся полого вдаль. —Упалъ и не шелохнулся. Должно быть въ голову.

Пули свистали часто и часто ударяли въ песокъ окопа, какъ бы напоминая о томъ, что высовываться нельзя. И вѣроятно отъ сознанія близости смерти, врага и опасности всѣ говорили тихо.

— Разсмотрѣлись, ваше превосходительство, — шопотомъ, но все такъ же оживленно спросилъ Дорманъ. — Возможно?

— Тяжелая и обѣ мортирныя подошли уже, — сказалъ генералъ. — Я увѣренъ въ успѣхѣ.

— Слава Богу, слава Богу, прошепталъ Дорманъ.

— Я здѣсь сегодня ночью устрою свой командный постъ, а поручикъ Перепелкинъ пойдетъ съ телефономъ съ головной ротой. Сколько времени вы думаете подвигаться къ нему?

— Я полагаю дня три, сказалъ Дорманъ.

— И я такъ думаю. Торопиться некуда. Пока мы будемъ только одними тяжелыми бить. Полевую оставимъ до послѣдняго момента. Тамъ проволока есть? Ее какъ думаете?

— Въ ручную. У насъ ничего нѣтъ. Ручныя гранаты только обѣщали.

— Ну, если нѣтъ техники, я помогу вамъ искусствомъ. Въ моментъ рѣзки проволоки ни одна винтовка по васъ не выстрѣлитъ. Я ручаюсь, сказалъ артиллерійскій генералъ.

— Вотъ видите, полковникъ, сказалъ Дорманъ, обращаясь къ Карпову и только теперь сообразилъ, что ему совсѣмъ не за чѣмъ было тащить съ собою Карпова, потому что видѣть было нечего и сдѣлалъ онъ это только для того, чтобы порисоваться передъ чужимъ человѣкомъ своею личною храбростью.

— Вотъ видите, какова обстановка. Голое мѣсто, ровное, какъ бильярдная доска до самаго господскаго дома. Если бы не дорога, которая идетъ поперекъ позиціи, то совсѣмъ невозможно подойти. Но и дорога вся взята имъ подъ ружейный и пулеметный огонь, а днемъ по ней непрерывно бьетъ артиллеріей. Граната — шрапнель, граната — шрапнель и опять граната. Обойдти невозможно. Его правый флангъ упирается въ Вислу лѣвый въ болота. За перегибомъ опять поля до самаго Хвалибоговице и только вправо есть большой дубовый лѣсъ. Вотъ я и думалъ, если Господь поможетъ намъ прорвать у господскаго дома, да овладѣть господскимъ домомъ, такъ, чтобы гнать его до самаго Столина. А? Что вы думаете?

— Какъ Господь поможетъ, — сказалъ Карповъ. Я мѣстность знаю хорошо. Пять сутокъ стоялъ въ Хвалибоговице, въ восьми верстахъ отсюда.

— У него тамъ тыловая позиція, сказалъ Дорманъ.

— И должно быть отличная. Тамъ ручей въ крутомъ каменистомъ ложѣ бѣжитъ.

— Возьмемъ!, увѣренно сказалъ Дорманъ. Значитъ намъ какъ будто здѣсь и дѣлать нечего. А? что же пойдемте. Оставьте мнѣ офицерика для связи, а сами домой. А я пойду первый батальонъ двигать. Пора уже. Девятый часъ.

Карповъ прошелъ опять въ посадъ, простился съ Дорманомъ у костела и пошелъ отъискивать

Лукьянова съ лошадьми. Онъ не скоро нашелъ бы его, такъ какъ позабылъ совсѣмъ дворъ, на которомъ онъ оставилъ его, но заботливый штабъ-трубачъ самъ высматривалъ командира полка.

— Ваше высокоблагородіе, здѣсь я!, крикнулъ онъ изъ воротъ и побѣжалъ отвязывать лошадей.

Карповъ проѣхалъ къ полку и приказалъ командиру третьей сотни оставить при командирѣ полка хорунжаго Растеряева съ шестью казаками. Есаулъ Каргальсковъ оставилъ съ офицеромъ урядника Алпатова и пять казаковъ, въ томъ числѣ молодого охотника Виктора Модзалевскаго. Растеряевъ нашелъ полковника Дормана снова на непріятельскомъ берегу въ маленькомъ окопчикѣ и въ сознаніи важности даннаго ему порученія остался при немъ.

Карповъ около десяти часовъ при полной и яркой лунѣ пошелъ обратно на свой квартиро-бивакъ и сталъ въ деревнѣ Блотна-Воля въ полной готовности каждую минуту выступить. Лошадей разсѣдлали, но вьюки не вывязывали и всѣ сотни были связаны со штабомъ полка телефономъ.

XLI.

Въ девять часовъ вечера первая рота по одному по дощечкѣ переправилась черезъ рѣку Ниду и залегла подъ берегомъ. Ротный командиръ, капитанъ Козловъ разсказалъ задачу единственному своему офицеру, поручику Пышкину, и унтеръ офицерамъ. Задача состояла въ томъ, что надо было по одному пробѣгать къ углубленной дорогѣ, прижиматься къ ней плотно и сейчасъ же вкапываться въ ея края, образуя въ землѣ глубокую нишу, въ которой и ожидать пока весь 1-й и 2-й батальоны не закопаются такимъ образомъ въ землю, а передовые не подойдутъ на шестьдесятъ шаговъ къ непріятелю. Тогда предполагалось ночью первому баталь-

ону выкопать траншею вправо отъ дороги, а второму влѣво, залечь до того момента, пока не будетъ поданъ сигналъ къ атакѣ и тогда прямо въ штыки броситься въ лобъ на непріятеля. Весь разсчетъ боя былъ на лопату и на артиллерію. Патроновъ у солдатъ было мало. Ихъ надо было беречь. — Бой рѣшался штыкомъ.

— Я пойду, какъ всегда, — сказалъ Козловъ — первымъ.

Козловъ былъ самымъ обыкновеннымъ Русскимъ пѣхотнымъ офицеромъ. Онъ родился въ казармѣ, въ глухомъ польскомъ мѣстечкѣ, гдѣ отецъ его командовалъ ротой. Вѣроятно и отецъ его также родился отъ ротнаго командира и такъ же или въ казармѣ, или въ военномъ поселеніи. Козловъ какъ то этимъ вопросомъ не задавался. Ихъ фамилія была не задачливая — дальше майорскаго чина не шли. Бабушка разсказывала Козлову, что ихъ предокъ при Петрѣ Великомъ тоже былъ капитаномъ, командовалъ ротой и убитъ подъ Нарвой. Прадѣдъ въ майорскомъ чинѣ погибъ въ Лейпцигскомъ бою, дѣдъ долго командовалъ ротою и на старости лѣтъ устроился смотрителемъ госпиталя. Отецъ умеръ капитаномъ, простудившись на зимнихъ маневрахъ. Дѣтство Козлова была казарма, потомъ кадетскій корпусъ — таже казарма потомъ Павловское училище — опять казарма и, наконецъ, Зарайскій полкъ — казарма. Весь міръ для него отъ рожденія и навсегда замкнулся въ казармѣ и въ ея интересахъ: — хорошо упрѣвшей, разсыпчатой кашѣ, жирныхъ щахъ, мясной порціи въ 20 золотниковъ не меньше, прицѣльныхъ станкахъ, нѣжной любви къ винтовкѣ, благоговѣніи на стрѣльбищѣ, церемоніальномъ маршѣ и штыковомъ боѣ. Мимо неслась грозная суетливая жизнь. Народы рвались и искали какой то особой свободы, рѣшались соціальные вопросы, печатались и неизвѣстными руками щедро раздавались брошюры о капиталѣ и борьбѣ съ нимъ, о вредѣ самодержавія, о политическихъ

партіяхъ, о союзахъ — все это не касалось Козлова. Онъ твердо руководствовался въ своей жизни мудрымъ правиломъ — «отъ сна воставъ читай уставъ, ложася спать, читай опять».

Онъ считался образцовымъ офицеромъ въ полку. Шесть лѣтъ подрядъ онъ былъ начальникомъ учебной команды и теперь всѣ унтеръ офицеры полка были его учениками. Онъ ихъ великолѣпно обучилъ и воспиталъ. Они были прекрасные гимнасты, отличные стрѣлки, благоговѣли передъ Россіей и Императоромъ, вѣровали въ Бога, даже знали немного исторію Россіи. Они были хорошо грамотны, и считали себя образованными людьми, потому что умѣли толково составить донесеніе и начертить небольшое кроки. Унтеръ офицеры и первая рота, которою теперь командовалъ капитанъ Козловъ любили и уважали его и считали его образцовымъ офицеромъ. Даже барина они въ немъ не видѣли, но своего брата, душевнаго и сердечнаго человѣка, заботущагося о нихъ, съ которымъ служба шла легко, гладко, сытно и весело.

На походѣ онъ ѣлъ съ ними изъ одного котла, спалъ въ одной хатѣ, пѣлъ съ ними пѣсни, читалъ и пояснялъ газеты. Когда онъ говорилъ — моя рота онъ зналъ, что она дѣйствительно его и ничья больше. Солдаты о немъ говорили нашъ ротный, или просто нашъ. Такими капитанами, ротными командирами, была полна въ 1914 году вся Русская армія и они даже лицомъ и сложеніемъ были похожи другъ на друга, одинаково печатали съ носка, притоптывая по землѣ на маршировкѣ, одинаково тянулись передъ начальствомъ, покрикивали на лѣнивыхъ солдатъ и твердымъ голосомъ, лежа въ ста шагахъ отъ противника говорили по телефону батальоннымъ командирамъ — «мы дострѣливаемъ послѣдніе патроны. Намъ остается одно — встать и атаковать», или — «я прошу прислать замѣстителя, пока сдалъ роту фельдфебелю, потому что я — убитъ».

Капитанъ Козловъ отъ тысячъ и тысячъ такихъ капитановъ отличался только тѣмъ, что онъ за два года до войны женился по любви на очень хорошенькой дѣвушкѣ, дочери генерала, изъ хорошей, старой семьи, хрупкой, болѣзненной и любилъ ее и родившуюся годъ тому назадъ дѣвочку больше жизни. Въ сѣрой казарменной жизни, въ сѣромъ существованіи изо дня въ день по полковому приказу явилось свѣтлое пятно, которое освѣтило и скрасило всю его жизнь.

Мокъ онъ подъ косыми струями ледяного дождя на стрѣльбищѣ — онъ думалъ — «дома ждетъ меня моя Зорька»... Изнемогалъ въ жару на походѣ — «а Зорькѣ, думалъ онъ, хорошо въ уютной казенной квартирѣ, гдѣ ярко горитъ электричество и изъ оконъ которой видѣнъ зеленый полковой садикъ, полный прохлады». Она въ его мечтахъ была всегда и всюду съ нимъ. И теперь, думая о ней, онъ сказалъ спокойнымъ голосомъ обращаясь къ правофланговому солдату.

— Желѣзкинъ дай мнѣ твою лопату.

Набравши воздуха въ грудь, какъ будто бы собираясь нырнуть въ глубокую воду, надѣвши винтовку на ремень, придерживая его руками и засунувъ лопату рукояткой за поясъ Козловъ бросился что есть духа бѣжать по дорогѣ. Навстрѣчу ему посвистывали пули. Вдругъ разрывная пристрѣлочная австрійская пуля ударила о край дороги и вспыхнула таинственнымъ зеленымъ огонькомъ, точно майскій свѣтлячекъ и тихо и нѣжно пѣли осколки. Козловъ испуганно бросился къ другому краю дороги, будто туда не могла ударить пуля.

Та-пу! Та-пу! — часто стучали выстрѣлы и въ темнотѣ дороги было видно ихъ вспыхивающее желтое пламя. — Та-та-та — протрещалъ пять, шесть разъ пулеметъ и опять щелкали ружья.

Это все по мнѣ, — думалъ Козловъ. — Нѣтъ, на авось, меня не видно, тутъ темно, успокаивалъ онъ себя и все бѣжалъ и задыхался отъ волненія и бѣга.

Наверху ярко свѣтила большая луна и небо съ тонкимъ узоромъ звѣздъ переливалось, какъ серебряная парча. Тамъ былъ Богъ, который смотрѣлъ и видѣлъ весь этотъ ужасъ. Внизу въ корридорѣ дороги было темно. Трупъ солдата лежалъ поперегъ дороги. Козловъ едва не упалъ, споткнувшись объ него, и перепрыгнувъ почувствовалъ, что дальше бѣжать не можетъ. Силы покидали его, дыханіе прервалось. Онъ прижался къ правому откосу дороги и замеръ. Стало безумно страшно отъ сознанія, что онъ одинъ здѣсь и такъ близко отъ непріятеля.— А вдругъ рота не пойдетъ, мелькнуло у него въ головѣ и сердце захолонуло отъ ужаса. Онъ услышалъ свистъ пуль. Какая то пулька неожиданно и сильно чмокнула подлѣ него по землѣ и впилась въ дорогу.

Боже! Боже! и я стою здѣсь, какъ на разстрѣлѣ, совсѣмъ одинъ!

У него явилось желаніе врости въ землю, уйдти въ нее и скрыться отъ пуль и отъ людскихъ взоровъ. Ему казалось, что прошло ужасно много времени и скоро будетъ разсвѣтъ, онъ думалъ о томъ, что каждую минуту изъ австрійскихъ окоповъ могутъ выйдти люди и забрать и убить его, у котораго такая милая и любящая Зорька, у котораго славная дѣвочка Валя.

Обѣими руками онъ схватилъ лопату и сталъ рыть землю. Верхній слой подмерзъ и земля только скрипѣла отъ ударовъ лопаты. Винтовка мѣшала. Онъ снялъ ее съ плеча и поставилъ подлѣ. Нѣсколько секундъ онъ рылъ и работа заставила его забыться. Мокрый холодный потъ проступалъ по всему тѣлу и хотѣлось согрѣться работой. Песокъ и земля осыпались тяжелыми комьями и падали къ его ногамъ. Онъ выкопалъ въ откосѣ дороги желобъ и прижался къ нему правымъ бокомъ. Половина груди была закрыта, лицо и голова прижатыя къ холодной, пахнущей сыростью и корнями землѣ были укрыты.

Какъ хорошо! Какъ хорошо!, — подумалъ Козловъ и запахъ земли показался ему пріятнымъ. Но въ это мгновеніе пуля ударила въ землю позади его и онъ сейчасъ подумалъ: — Господи, а лѣвый бокъ, лѣвый бокъ, гдѣ сердце и часть живота, вѣдь эта вотъ попасть могла.

Волосы зашевелились подъ фуражкой, онъ повернулся спиной къ непріятелю и прижался къ землѣ лѣвымъ бокомъ, но сейчасъ же такой жгучій страхъ охватилъ его отъ того, что онъ не видѣлъ непріятеля, что онъ снова повернулся и схватился за лопату. Но руки не слушались его и онъ ничего не могъ сдѣлать.

— Ну что-же, — подумалъ онъ — и пусть, пусть.. Но куда? И онъ сталъ перебирать всѣ части тѣла, куда могла попасть пуля и говорить — о Господи, только не въ животъ... не въ глазъ... не въ лобъ...

Онъ слышалъ теперь каждую пулю, свиставшую надъ головой. Эта высоко, думалъ онъ. Эта пошла далеко. И вдругъ неожиданно чмокала подлѣ. Козловъ ежился и въ ужасѣ вспоминалъ, что ту, которая его ранитъ онъ не услышитъ.

— Неужели я трусъ, подумалъ онъ. Вѣдь шелъ же я еще утромъ впереди роты на посадъ и ничего не боялся, а теперь? Это нервы. Надо успокоиться. — Живый въ помощи Вышняго въ кровѣ Бога небеснаго водворится — началъ онъ читать про себя свой любимый псаломъ, но оборвался на второй строфѣ: просвистала пуля и онъ снова съежился, ожидая смерти, или раненія. Онъ хотѣлъ ни о чемъ не думать, но противъ его воли мысли и воспоминанія неслись ураганомъ и прошлое казалось удивительно милымъ и прекраснымъ. Ему вспомнилось, какъ когда ему было двѣнадцать лѣтъ въ корпусѣ его посадили въ карцеръ. Онъ сидѣлъ въ темной комнатѣ на скамьѣ и горько плакалъ и жизнь казалась ему конченной. О, подумалъ онъ теперь, я готовъ всю жизнь прожить въ этомъ карцерѣ, только, чтобы жить! Представилъ себѣ солнце, ярко освѣ-

щенную траву, тѣни парка и золотые кружки солнечныхъ лучей, прыгающіе по былинкамъ. Вдругъ представилъ себѣ, что онъ лежитъ въ густой травѣ и прямо передъ нимъ торчатъ мохнатыя зеленыя палочки тимофеевки и шмель съ толстымъ пушистымъ желтымъ брюшкомъ то подымается надъ нею, то опускается и дѣловито и озабоченно жужжитъ, а кругомъ голубой эфиръ безконечности. Это жизнь, подумалъ онъ, — это міръ Божій. Волна безпредѣльной любви и благоговѣнія передъ Богомъ охватила его. Это все Онъ, всевѣдущій и всемогущій создалъ — и шмеля и траву, и небо, и сосновый лѣсъ, и бѣлый грибъ, притаившійся во мху, и красивую бѣлку съ пушистымъ хвостомъ, и сѣраго зайца, и слоновъ, и жирафовъ, и океанъ, и рѣки, и эту дивную мило пахнущую землю. Земля бо еси и въ землю отъидеши. И опять онъ вздрогнулъ и сталъ думать о смерти. Но не можетъ же этого быть, чтобы меня убили, — подумалъ онъ. — А какъ же тогда Зорька съ Валей. На что будетъ жить? Выйдетъ замужъ. Она молода и красива. Жгучее чувство ревности закопошилось въ немъ.

Опять совсѣмъ близко щелкнула пуля.

Козлову казалось, что онъ давно лежитъ у края дороги. Часы у него были на рукѣ и мѣсяцъ такъ ярко свѣтилъ, что, если вытянуть руку на освѣщенное мѣсто, то можно было увидать стрѣлки циферблата. Но Козловъ боялся пошевельнуться. Ему страшно было выдти изъ кошмарнаго оцѣпенѣнія, въ которомъ онъ находился. Онъ осторожно приподнялъ голову. Больше всего онъ боялся увидать потухающую луну и близкій разсвѣтъ. Днемъ его увидитъ врагъ и тогда — все кончено. Полный круглый ликующій дискъ мѣсяца висѣлъ все на томъ же мѣстѣ надъ головою и немного сзади и такъ же затмѣвалъ собою кроткое сіяніе звѣздъ, которыя казались маленькими точками наколотыми на небѣ.

Боже, Боже! Что еще будетъ! простоналъ Козловъ — Скорѣе! Скорѣе-бы! — и онъ самъ не зналъ,

чего хотѣлъ онъ скорѣе — смерти, раненія или какой то перемѣны въ своемъ состояніи.

Въ это мгновеніе сзади него быстро набѣжалъ человѣкъ, споткнулся о винтовку, уронилъ ее и схвативъ крѣпкими руками Козлова за плечи прошепталъ: — ваше благородіе вы?

XLII.

Это былъ Желѣзкинъ. При свѣтѣ луны лицо его казалось блѣднымъ. Длинный тонкій носъ бросалъ тѣнь на ротъ. Глаза были черные.

— Фу! слава Те, Господи. Какъ далеко отбѣжали, — говорилъ Желѣзкинъ, устраиваясь впереди Козлова и беря изъ его рукъ лопату. — Я уже думалъ не случилось ли чего. Гляжу убитый лежитъ. Посмотрѣлъ. Нѣтъ, австріецъ. Ишь поютъ пульки то! Не дремлетъ онъ. Понимаетъ, что вся жизнь теперь здѣсь, или патрули его донесли что-ль?

Желѣзкинъ ловкими мѣрными взмахами сильныхъ рукъ рылъ землю, врываясь въ откосъ дороги.

Сладкое чувство сознанія, что онъ прикрытъ теперь Желѣзкинымъ на мгновеніе овладѣло Козловымъ. Сперва его убьетъ. Я могу имъ прикрыться, подумалъ Козловъ. Но ему стало стыдно этого чувства, однако онъ сознавалъ, что страхъ его теперь прошелъ и онъ спокойно прошепталъ:

— А рота гдѣ?

— Идетъ слѣдомъ, переставая рыть и отдуваясь сказалъ Желѣзкинъ. — Минуты не прошло какъ я за вами бросился. Слѣдомъ телефонистъ Егоровъ. Онъ той стороной идетъ, чтобы ребята проводъ не порвали.

Желѣзкинъ быстро уходилъ въ землю. Онъ подкопалъ землю подъ собою, сваливая ее спереди и устраивая небольшой траверсъ. Козловъ вспомнилъ, что это онъ такъ училъ солдатъ и даже чертежъ

имъ сдѣлалъ, а самъ, когда рылъ разбросалъ землю зря.

Прошло нѣсколько минутъ и Желѣзкинъ исчезъ совсѣмъ въ вырытомъ углубленіи и только мѣрно и часто черезъ равные промежутки вылетала изъ подъ земли кучка песку и расширялся и поднимался траверсъ. Теперь Козловъ смѣло вытянулъ руку на свѣтъ и посмотрѣлъ на часы. Было половина одинадцатаго. Вся длинная зимняя ночь была впереди. Желѣзкинъ все рылъ и рылъ.

— Ваше благородіе, пожалуйте сюда.

Желѣзкинъ выползъ изъ подъ земли и потащилъ Козлова за рукавъ.

Ниша, выкопанная въ дорогѣ расширялась подъ землею и образовала подобіе большой норы, въ которой, тѣсно прижавшись могли помѣститься два человѣка. Пахло землею и сыростью, но уже сквозь этотъ запахъ пробивался запахъ жилья, солдатскаго пота и кожи.

— Постой, ваше благородіе, погоди здѣсь, а я на деревню сбѣгаю, пока ночь, соломки принесу подстелить, досточку подложу, то то дворецъ будетъ! — И Желѣзкинъ, оставивъ винтовку и сумки въ норѣ выползъ наружу и пошелъ по дорогѣ.

Какой онъ храбрый!... Какой онъ добрый... Какой онъ хорошій, Русскій солдатъ, думалъ Козловъ, усаживаясь на сумкахъ и упираясь головою въ землю.

Здѣсь пули не только не могли достать, но не было даже слышно ихъ непріятнаго посвистыванія. Было тихо и темно, какъ въ могилѣ. Въ отверстіе ниши была видна дорога, противоположный скатъ и голый ивовый кустъ нѣсколькими вѣтками торчавшій надъ обрывомъ. Козловъ разсчиталъ, что онъ теперь укрытъ даже отъ снарядовъ и только, если граната прямо ударитъ въ ихъ нишу только тогда отъ нихъ ничего не останется. Ну на это мало вѣроятія — подумалъ Козловъ, но почувствовалъ, какъ сердце его похолодѣло.

Жутко и холодно было сидѣть одному въ земляной норѣ. Время тянулось тягуче и медленно, но проходили часы, а Желѣзкина не было. Козловъ задремывалъ, просыпался и снова задремывалъ, наконецъ, утомленный всѣми событіями дня заснулъ по настоящему.

Проснулся онъ отъ сильнаго шороха подлѣ него и сразу не могъ понять гдѣ онъ находится. Кругомъ была сырость и земля, бока и спину ломило. Въ отверстіе былъ видѣнъ мутный свѣтъ ранняго утра и солома, которая протискивалась снаружи чьими то руками въ яму.

— Принимай ваше благородіе, услышалъ онъ голосъ Желѣзкина.

Всѣдъ за большой охапкой соломы ввалился и самъ Желѣзкинъ съ доской и сталъ разминать и устраивать ложе изъ соломы.

— То то славно будетъ. Онъ сейчасъ съ артиллеріи палить началъ, а мы и не услышимъ — говорилъ Желѣзкинъ, задѣвая въ тѣснотѣ ямы Козлова по лицу, и наступая на него сапогами. Онъ наполнилъ яму свѣжимъ запахомъ озона морознаго, яснаго утра.

— У жида насилу солому досталъ. Давать не хотѣлъ, аспидъ. Гривенникъ ему отдалъ. Такіе люди, ваше благородіе, такіе... Тутъ жизнь отдаешь, а ему беремя соломы жалко. А солома хорошая, цѣповая. Тамъ ребята машинной набрали — ну какая же это подстилка, раструсится вся пока донесешь. Фельдфебель приказали доложить вашему благородію, что рота наша вся закопалась.Деревянкина ранило въ щеку. Дохтуръ говоритъ ничего, жить будетъ. Такъ сквозь щеки и прошла. Ребята шутятъ, что молъ поцѣловала сладко... Вкусная она пуля, или нѣтъ? А онъ и говорить не можетъ, руками показываетъ, что, молъ, горькая. По концерту не съѣдимъ, ваше благородіе, я принесъ.

Желѣзкинъ вынулъ изъ кармановъ двѣ жестянки и сталъ вскрывать ихъ кривымъ ножомъ.

— Телефонистъ ваше благородіе тутъ рядомъ, только аппаратъ не работаетъ. Должно проводъ порвали, чинить ночью пойдутъ. Сейчасъ не пройдешь на выборъ бьетъ... Въ посадѣ народу! Страсть. Нѣжинскій и Болховскій полки подошли. Ихъ ребята сказывали, что видали, какъ тяжелыя пушки наши становили. На восьми лошадяхъ везутъ и лошади, сказываютъ, огромадныя. Нашъ второй батальонъ уже на этомъ берегу, слѣдомъ переправили. Сегодня ночью сказывали весь полкъ будетъ здѣсь. То-то австрійцу жутко теперь. Онъ, поди, чуетъ... А вѣдь вотъ, ваше благородіе, не выйдетъ. А почему? Кажись вышелъ бы ночью, всѣхъ насъ задарма поколоть бы могъ. А не вышелъ. Значитъ, боится. А вѣдь его тамъ, въ штабѣ сказывали, двѣ, или три дивизіи, а насъ... рота.

Желѣзкинъ весело засмѣялся. Офицеръ и солдатъ сидѣли рядомъ, прижавшись другъ къ другу такъ, что Козловъ чувствовалъ острыя плечи Желѣзкина сквозь его шинель. Оба ѣли холодное мясо консерва, доставая его руками. Ихъ думы были одинаково просты и скованы они были на такое житіе надолго — пока весь полкъ не устроится.

XLIII.

Сонъ это былъ, кошмаръ, давящій ночью или жуткая явь? День теперь или ночь? Судя по тому, что въ отверстіе ниши льется мутный свѣтъ и глухо стучатъ частые выстрѣлы пушекъ — день. Который день? Напряженіемъ памяти Козловъ возстановляетъ, что это уже третій день идетъ, что онъ сидитъ такъ, прижавшись къ Желѣзкину въ земляной могилѣ. Эта яма уже стала смрадной ямой, потому что выйдти изъ нея было нельзя. Австрійцы сосредоточили огонь тридцати восьми легкихъ и восьми тяжелыхъ орудій по дорогѣ. Снаряды падали правѣе и лѣвѣе дороги и осколки гранатъ и пули

шрапнелей впивались въ землю, взрывали траверсы и щелкали по краямъ отверстій. Одна граната упала на самую дорогу и вынесла одиннадцать человѣкъ, обративши ихъ въ кровавыя лохмотья мяса и засыпавши ихъ черною землею. И изъ одиннадцати мертвыхъ выползъ одинъ и поползъ по землѣ, какъ полураздавленный червякъ, волоча разбитую ногу. Пуля стрѣлка изъ австрійскаго окопа добила его и онъ затихъ скорчившись въ неловкой позѣ, черный отъ земли и крови.

Днемъ всѣ сидѣли, притаившись по ямамъ, молчали и тяжело вздыхали, ожидая, когда кончится артиллерійскій огонь, когда прекратится эта страшная лотерея, выигрышемъ которой была смерть. Днемъ огонь стихалъ на полчаса. Въ земляныхъ нишахъ, наполненныхъ людьми тихо говорили;— обѣдать пошелъ, и сами туже подтягивали ремнями голодные животы. Около четырехъ часовъ дня опять умолкала канонада и въ земляныхъ норахъ тяжко вздыхали православные и говорили— кавупьетъ. Передъ закатомъ австрійцы били со страшною злобою, пуская снаряды цѣлыми пакетами и земля кипѣла кругомъ дороги и въ ямахъ сидѣли тихо и ни о чемъ не думали. Ночью все оживало. Телефонисты выползали чинить провода, люди отправлялись за сухарями и за консервами. Пули продолжали бить по дорогѣ и эти экспедиціи никогда не были безопасны. Не проходило ночи, чтобы кого либо не убило, или не ранило, но ночью чувствовалось легче. Въ ямахъ люди тяжко вздыхали, крестились и тамъ, гдѣ было по два, или по три человѣка тихо переговаривались.

—Вотъ такъ то, ваше благородіе, года три тому назадъ сподобился я посѣтить святой городъ Кіевъ, — говорилъ Желѣзкинъ. — Возили мы туда съ отцомъ скотскія кожи. Былъ я въ Кіево-Печерской лаврѣ и видѣлъ подземелья. Вотъ какъ у насъ съ вами здѣсь. Тишина, темно. Монахъ свѣчку зажжетъ и видишь лежитъ обернутый въ красную

матерію какой-сь то угодникъ. А почему въ красную?.. Да, жили люди въ тишинѣ, подъ землею храмъ у нихъ выкопанъ былъ махонькій, молились они тамъ. Чудно! Жили, значитъ и ничего не вѣдали. Просфоркой одною питались. Ничего имъ не надо. А мой отецъ и говоритъ монаху. Значитъ, испытать его хотѣлъ. — «Это», говоритъ, «развѣ святость внѣ мірского соблазна подъ землею спастись... По мнѣ», говоритъ, «больше святости, ежели въ міру спасешься». Вотъ я, ваше благородіе, и сейчасъ не возьму въ толкъ, гдѣ спасеніе? Тамъ въ пещерѣ тихо, мирно, ничто не тревожитъ, или, какъ здѣсь, гдѣ людей бьютъ, гдѣ этакій страхъ и жизнь на жизнь вовсе не похожая. Прошлою ночью пошелъ я за водою, чаю вамъ согрѣть, иду и вижу лежитъ нога въ сапогъ обутая. И на подошвѣ желѣзныя набивки, знакомыя такія. Чья думаю нога? А потомъ и вспомнилъ. Это ефрейтора Забайкина нога, у него такія набойки, онъ при мнѣ въ Новомъ Корчинѣ набивалъ. Набилъ и говоритъ, ну это до самаго конца войны хватитъ. А тутъ вотъ лежитъ нога, а его нѣтъ. Тамъ, ваше благородіе, ста шаговъ отсюда не будетъ снарядъ какъ попалъ въ край дороги такъ ничего не осталось. И кто убитъ не знаемъ. Фельдфебель говоритъ: «послѣ на перекличкѣ узнаемъ». У края ямы лежитъ голова и грудь вся развороченая, красная, ну прямо какъ въ мясной лавкѣ туша. И духъ отъ нея нехорошій идетъ. Я прошелъ было мимо. А потомъ чувствую, смотритъ онъ на меня, ну, будто, зоветъ, что-ли. Хочетъ, чтобы опозналъ я его. Не могу дальше идти. Зоветъ. Повернулся я, пошелъ къ нему. Луна свѣтитъ такъ ясно, ясно. Нагнулся. А онъ смотритъ: глаза открытые, сѣро-синіе, тусклые, мертвые, лицо восковое, губы открыты, зубы бѣлые торчатъ, ровные, усы черные вѣтеръ растрепалъ, голова коротко стриженая. Кто же вы думаете? Запѣвало 2-ой роты Лепешкинъ Иванъ Лепешкинъ! Ахъ, думаю! помяни Господи раба Твоего Іоанна, на брани за вѣру, Царя Отечество

убіеннаго!.. А тутъ пуля — чмокъ ему прямо въ затылокъ. А онъ и глазомъ не моргнулъ. Господи, ваше благородіе! Вѣкъ помнить это буду. Что значитъ мертвый то! Пуля и все такое а ничего. Пустился я бѣжать. Бѣгу, а все мнѣ кажется кричитъ мнѣ Лепешкинъ: «чего бѣжишь, и тебѣ такъ же будетъ!..»

Въ эту ночь пришло приказаніе выдти изъ ямъ и рыть землю подъ самыми проволоками. Тысячи людей шло, прорывая канаву и подъ самыми проволоками металась земля насыпаясь длиннымъ пухлымъ валикомъ. По этой землѣ всю ночь били пушки и стрѣляли ружья, но выдти австрійцы не смѣли.

Въ глубокомъ австрійскомъ окопѣ, съ бойницами, обшитыми досками или хворостомъ, съ узенькимъ банкетомъ, на которомъ едва можно было стоять такою же жуткою ненормальною страшною жизнью жило восемь тысячъ австрійской пѣхоты. Они стрѣляли днемъ и ночью по каждому подозрительному пятну, по каждому шороху. Они видѣли днемъ, какъ кипѣла и клубилась земля отъ множества разрывавшихся снарядовъ, имъ казалось, что они вмѣстѣ съ досками и соломой летящими кверху видѣли руки, ноги и тѣла Русскихъ солдатъ. Но они чувствовали, что Русскіе накапливались въ землѣ вдоль дороги, наполняли ее массами людей. Каждое утро ихъ наблюдатели усматривали на дорогѣ новые слѣды соломы, а ночью стрѣлки слышали все усиливающееся и приближающееся скрежетаніе земли, которую роютъ многія лопаты.

Все страшнѣе становилось въ неприступныхъ окопахъ. Длинные ряды кольевъ сомнительно качали своими вершинами и проволока казалась жалкой паутиной.

Въ эту страшную ночь вдругъ увидали австрійцы какъ стала невидимыми руками изъ подъ земли сыпаться земля и въ страшномъ ужасѣ почувствовали, что непріятель такъ близко, что когда затихала

стрѣльба, то слышенъ былъ сдержанный говоръ и непрерывный шорохъ выбрасываемой земли.

Офицеры съ блѣдными лицами проходили сзади стрѣлковъ и говорили по нѣмецки и по славянски.

—Не бойтесь. Никогда Русскимъ не пролѣзть черезъ проволоку, никогда не одолѣть нашихъ укрѣпленій.

Но голоса ихъ звучали неувѣренно, лица ихъ были блѣдны, а изъ широко раскрытыхъ глазъ глядѣла пустота смертельнаго ужаса.

Въ это ясное декабрьское утро они увидали, что вдоль всего фронта въ разстояніи шестидесяти шаговъ насыпана длинная полоса свѣжей земли. Австрійцы стали подтягивать сюда резервы. Съ первыми утренными лучами солнца вдругъ сильно нагнетая воздухъ прилетѣла шрапнель и боммъ ммяу! лопнула и разорвалась веселымъ бѣлымъ дымкомъ позади окопа.

Надъ длинной грядой свѣже накопанной земли на секунду высунулось молодое лицо со счастливыми взволнованными глазами и сейчасъ же юркнуло подъ землю и раздался торопливый голосъ, говорившій по телефону. Восемь Русскихъ батарей, тридцать орудій, — въ одной батареѣ два орудія были подбиты и испорчены, — и четыре тяжелыхъ пушки провѣряли свои выстрѣлы. Черезъ совершенно равные промежутки, очень рѣдко, каждыя пять минутъ съ Русской стороны прилетала одна шрапнель и съ неизмѣнною точностью била по гребню австрійскихъ укрѣпленій. И этотъ рѣдкій размѣренный огонь производилъ впечатлѣніе большее, нежели непрерывная пальба австрійскихъ пушекъ.

— У Русскихъ нѣтъ снарядовъ, — говорили офицеры, обходя солдатъ.

Но солдаты смотрѣли на нихъ съ тоскою и ужасомъ и не вѣрили имъ, потому что они чувствовали, что такъ размѣренно правильно по часамъ, каждыя пять минутъ посылать по снаряду, можетъ

только тотъ, кто увѣренъ въ своихъ силахъ, увѣренъ и въ самой побѣдѣ.

Огонь австрійцевъ становился безпорядочнѣе. Меньше пуль попадало по гребню Русскаго укрѣпленія и больше свистало по полю, падая гдѣ попало. Самая тишина Русской позиціи ихъ раздражала. Эти пять минутъ отъ выстрѣла до выстрѣла казались вѣчностью, ихъ ждали съ омертвѣлыми лицами и съ дрожащими руками. Принесли въ плоскихъ котелкахъ ароматный кофе, но никто не притронулся къ нему. Настало время обѣдать, но никто не пошелъ за обѣдомъ. Ждали чего то рѣшительнаго и то, что время шло, а ничего рѣшительнаго не было и огонь былъ уныло методиченъ, лишало силъ.

Ровно въ два часа дня, когда зимнее солнце значительно склонилось къ западу и свѣтлый и ясный день сталъ догорать, полковникъ Дорманъ сказалъ по телефону артиллерійскому генералу:

— У меня все готово, можно начинать.

— Начинаю,—отвѣтилъ въ телефонъ спокойный голосъ и даже въ трубкѣ телефона чувствовалась могучая увѣренность въ силѣ своего оружія.

Прошло около двухъ минутъ въ полной тишинѣ. На правомъ нашемъ флангѣ, далеко за Новымъ Корчинымъ тяжело залпомъ, сливаясь въ одинъ звукъ, ударили четыре тяжелыя пушки и сейчасъ же по всему полю раздался непрерывный раскатистый грохотъ тридцати орудій, онъ перебѣжалъ по полю, подобный небесному грому и не успѣло стихнуть эхо его, какъ снова загремѣлъ онъ, раскатываясь шире и громче. Со страшнымъ скрежетомъ, раздвигая морозный воздухъ, неудержимо неслись снаряды къ австрійцамъ и съ неумолимою точностью попадали подъ самые окопы. Гранаты, бросая тучи черной земли и громадные клубы бураго вонючаго дыма, разрывали проволоки, выворачивали колья, или, попавъ въ бруствера, выворачивали доски, били людей, сметали бойницы. Шрап-

нели обвѣсили гирляндами бѣлыхъ дымковъ край укрѣпленія и не успѣлъ вѣтеръ отнести ихъ, какъ новыя стаи вспыхивали передъ бойницами и плыли ликующія и ясныя. Издали казалось, что бѣлымъ дымомъ курилась вся позиція.

Уже никто изъ австрійцевъ не стрѣлялъ. Всѣ забились по своимъ глубокимъ лисьимъ норамъ, ямамъ, выкопаннымъ въ толщѣ земли, или прижались къ угламъ траверсовъ и слушали непрерывный металлическій грохотъ лопающихся снарядовъ, свистъ шрапнельныхъ пуль и вой осколковъ.

Австрійскія батареи отвѣчали съ не меньшею яростью. Но онѣ не знали куда стрѣлять. Линія Русскихъ стрѣлковъ была такъ близка, что австрійцы, боясь поразить своихъ, давали перелеты и били по площадямъ, стараясь помѣшать Русскимъ подвести резервы.

Одинъ часъ и пятнадцать минутъ непрерывно раскатисто гремѣла артиллерія и вдругъ сразу смолкла и наступила тяжелая зловѣщая тишина. Но никто въ австрійскихъ окопахъ ей не повѣрилъ. Такъ же блѣдны были лица, такъ же сидѣли за траверсами, такъ же лежали, не смѣя шелохнуться въ лисьихъ норахъ и изрѣдка шорохомъ неслось тихое и болѣзненное, какъ предсмертный стонъ:

— Jesus Maria.....

Ухо обманывало и въ тишинѣ на Русской позиціи ловило далекій громъ пушекъ, снова начавшейся канонады, вой несущихся снарядовъ и ждало оглушительнаго треска взрывовъ.

Но все было тихо.

И вдругъ отчаянный, какъ вопль умирающаго, раздался дикій крикъ офицера — Hier sind sie! Feuer!

Сотни лицъ высунулись надъ брустверомъ и то, что они увидали, было ужаснѣе всякаго артиллерійскаго огня. Все поле, минуту тому назадъ пустое и мертвое, съ черными бороздами вспаханной

земли, со снѣгомъ, сохранившимся въ глубинѣ ихъ, съ ямами, кустами, все ровное поле было сплошь покрыто сѣрыми шинелями Русскихъ солдатъ. Ихъ казалось безчисленное множество. Надъ ними рвались оранжево бѣлые дымки австрійскихъ шрапнелей, но такъ мало было этихъ дымковъ и такъ много солдатъ. Передніе уже прошли проволоку, которая лежала порѣзанная ножницами и разоренная снарядами. Не больше тридцати шаговъ отдѣляло первую цѣпь отъ укрѣпленія и отчетливо были видны бѣлыя, точно мертвыя лица съ большими горящими ужасомъ глазами и можно было различить офицеровъ, идущихъ впереди такъ же, какъ и солдаты съ винтовками.

Нѣсколько безпорядочныхъ выстрѣловъ раздалось изъ австрійскихъ окоповъ и навстрѣчу имъ грянуло громовое ура!

Оно казалось громче орудійной канонады, оно не походило на крикъ людей, но что то невѣроятно грозное слышалось въ немъ. Отъ него одни люди забыли то, что они люди и стремились только къ убійству, не думая о крови и о смерти, другіе забыли то, что они солдаты, что ихъ долгъ сражаться и думали лишь о томъ, чтобы спасти свою жизнь. Колѣни позорно подгибались, руки бросали винтовки и одни съ поднятыми вверхъ руками умоляли о пощадѣ, другіе, бросая оружіе и шинели, чтобы легче было бѣжать, бѣжали стремглавъ по громадному широкому полю. Огонь австрійской артиллеріи оборвался, артиллеристы дрожащими руками старались нацѣпить пушки на передки и ускакать впереди бѣгущихъ нестройными толпами обезумѣвшихъ отъ ужаса людей.

Надъ всѣмъ громаднымъ полемъ мощно,властно, звѣрски дико, наводя трепетъ на самыя смѣлыя сердца и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣшено радостно гремѣло ура, слышное на многія версты.

Изъ господскаго дома, обращеннаго въ неприступную крѣпость съ неповрежденными проволоч-

ными частоколами, полнаго солдатъ, вышелъ австрійскій офицеръ въ сѣро сизой шинели и высокомъ кепи. Онъ несъ на палкѣ навязанную громадную простыню и самъ отодвинулъ рогатки, перегораживавшія дорогу. Лицо его было бѣло, слезы текли по щекамъ и подбородокъ неестественно прыгалъ.

Навстрѣчу ему бѣжалъ съ толпою солдатъ полковникъ Дорманъ.

Въ подъѣздѣ молодой красивый венгерскій лейтенантъ въ расшитой курткѣ вдругъ порывистымъ движеніемъ выхватилъ изъ кобуры револьверъ, вложилъ его себѣ въ ротъ и выстрѣлилъ. Когда Дорманъ вбѣгалъ въ подъѣздъ, его тѣло лежало поперегъ, изъ развороченной головы текла черная густая кровь и смѣшивалась съ бѣлыми мозгами, выпавшими на камни. На изуродованной щекѣ одинъ глазъ былъ открытъ и что то смѣшливо жалкое было въ еще блестящемъ зрачкѣ.

Зарайцы, Нѣжинцы и Болховцы бѣжали, задыхаясь отъ крика, останавливались, стоя стрѣляли по бѣгущимъ австрійцамъ и снова бѣжали. Они уже не кричали ура, но кто то крикнулъ безумно радостнымъ голосомъ:

— Кавалерію!....

Все поле подхватило этотъ крикъ и ликующимъ стономъ, отдаваясь на многія версты, раздался громкій зовущій кличъ:

— Кавалерію впередъ! Кавалерію впередъ!...

XLIV.

Какъ только прогремѣлъ первый орудійный выстрѣлъ съ нашей стороны и обратился въ грозную канонаду, полковникъ Дорманъ, сидѣвшій въ своемъ расширенномъ и обращенномъ въ маленькую землянку окопѣ за мостомъ, вызвалъ къ себѣ хо

рунжаго Растеряева и сказалъ, глядя на него блестящими восторженными глазами.

— Посылайте за полкомъ. Черезъ два часа у насъ все будетъ кончено.

Растеряевъ отчетливо и точно написалъ донесеніе командиру полка, тщательно проставилъ время и, вложивши въ конвертъ, спустился внизъ къ мосту, гдѣ по очереди дежурили казаки. Одно мгновеніе у него мелькнула въ головѣ мысль, что столь важное донесеніе было бы лучше отвезти ему самому, но страстное желаніе быть свидѣтелемъ самой атаки, удержало его. — Я могу понадобиться здѣсь, какъ проводникъ, — подумалъ онъ. Въ казакахъ онъ не сомнѣвался. Очереднымъ у моста былъ доброволецъ Викторъ Модзалевскій.

— Смотри, Витя, это очень важное и спѣшное донесеніе, — говорилъ Растеряевъ, глядя въ красивые наглые глаза добровольца. — Три креста я поставилъ на конвертѣ для того, что это очень важно.

— Понимаю, — коротко отвѣтилъ Модзалевскій, жадными глазами глядя на маленькій желтый конвертъ. — Духомъ слетаю.

— Поѣзжай къ Алпатову, у него возьми казака и скачите вдвоемъ, чтобы, оборони Богъ, ежели что случится съ однимъ, другой бы доставилъ.

— Понимаю, — снова сказалъ Модзалевскій и побѣжалъ подъ откосъ къ рѣкѣ. Здѣсь былъ небольшой пѣшеходный мостикъ въ три доски съ жиденькими въ одну жердь перильцами. Модзалевскій перебѣжалъ по нему и убѣдившись, что Растеряевъ его больше не видитъ тихо пошелъ къ крайнему двору, гдѣ стояла его лошадь и былъ его подручный глуповатый молодой казакъ, прибывшій въ полкъ съ пополненіемъ въ октябрѣ — Ѳедотовъ.

— И лучшаго изъ гоевъ убей, — думалъ беззаботно Модзалевскій. — Нѣтъ, это мало убить, надо такъ убить, чтобы и смерть была не сладка ему.

Три мѣсяца Модзалевскій болтался при штабѣ полка, всячески угождая адъютанту и Карпову и изучая характеръ командира. Для начала, думалъ онъ, не дурно, потому что Карповъ несомнѣнно былъ лучшій по честности и прямотѣ убѣжденій, а главное по своему громадному вліянію на казаковъ. Такой намъ много можетъ повредить. Была и другая и пожалуй болѣе важная дума въ головѣ Виктора. Онъ чувствовалъ, какъ съ каждымъ боевымъ днемъ таялъ ледъ между казаками полка Карпова и пѣхотой. Пѣхотные офицеры съ уваженіемъ говорили о казакахъ, казаки любовно относились къ пѣхотѣ. Солдаты полупрезрительное казачки, выговаривали уже съ ласковымъ оттѣнкомъ и чаще горделиво называли ихъ наши казаки. Между двумя родами войскъ зарождалась великая душевная христіанская любовь, когда казакъ готовъ былъ отдать свою жизнь за солдата, а солдатъ готовъ былъ пожертвовать своею для казака. Они начинали вѣрить другъ въ друга. Викторъ помнилъ уроки Бурьянова и Стоцкаго о томъ, что между людьми должно быть только страшное звѣриное чувство ненависти и взаимнаго недовѣрія и онъ почувствовалъ, что въ томъ пакетѣ, который онъ теперь повезетъ кроется немало такого, что въ одну минуту можетъ разорить все то, что создавалось мѣсяцами работы и большою кровью.

Онъ зашелъ за домъ, намочилъ конвертъ и легко расклеилъ его.

— Такъ, такъ, — сказалъ онъ прочитавши написанное, досталъ карандашъ, переправилъ цифру 14 на 16; такъ что вышло, что донесеніе послано не въ 2, а въ четыре часа и, раскуривая папироску, сказалъ: — самое что мнѣ теперь нужно.

— Ну, Ѳедотовъ, сказалъ онъ, веди лошадь до нашей избы, а я сейчасъ приду туда.

— А что случилось?, спросилъ. глупо улыбаясь Ѳедотовъ.

— А ничего. Скажи урядику Алпатову, что Витя сейчасъ придетъ и водки и пива принесетъ.

— Вотъ то ладно, сказалъ Ѳедотовъ и затрусилъ съ заводною лошадью къ тому дому на окраинѣ Новаго Корчина, гдѣ помѣщался ихъ постъ.

Викторъ, имѣвшій значительныя деньги понемногу занялъ среди казаковъ сотни и штаба полка положеніе богатаго барчука. Онъ умѣлъ въ нужную минуту выставить водку, или пиво, достать крынку молока и принести ее тогда, когда люди изнемогали отъ голода и жажды.

— Настоящій казакъ, говорили про него.—Умѣетъ разстараться.

Онъ былъ моложе всѣхъ, почти мальчикъ а пожилые урядники и солидные казаки обращались съ нимъ почтительно. Было въ немъ что то, что не позволяло имъ стать за панибрата. Умѣлъ онъ хорошо говорить, умѣлъ будить неясныя волнующія чувства въ казакахъ и заставлять ихъ думать о томъ, о чемъ они никогда не думали.

Урядникъ Алпатовъ изнемогалъ отъ волненія со своими четырьмя казаками, сидя въ небольшой чистой избѣ. По орудійной канонадѣ, по тому, что посадъ еще ночью полный пѣхотой опустѣлъ и только фельдшера и сестры стояли группами на улицахъ подъ домиками, на которыхъ висѣли бѣлые флаги съ краснымъ крестомъ онъ понималъ, что сейчасъ совершится что то важное и великое. Онъ выходилъ изъ избы и съ тоскою думалъ чья возьметъ — наша, или ихъ. —«Это наши» — говорилъ онъ, слушая гулъ пушекъ вправо и влѣво отъ себя. — «А это ихъ заговорили. Не пора ли за полкомъ посылать?»

Пріѣздъ Ѳедотова съ извѣстіемъ, что сейчасъ съ водкой и пивомъ придетъ Витя обрадовалъ и смутилъ его.

— Какъ будто и не время теперь, — сказалъ онъ Ѳедотову и повторилъ и Виктору, когда тотъ нагруженный бутылками входилъ въ избу.

— Ахъ, товарищъ, для сего всегда время.

— А развѣ его благородіе не съ донесеніемъ, — спросилъ Алпатовъ.

— Именно, товарищъ, съ донесеніемъ. Приказано ровно въ четыре часа доставить, никакъ не раньше и не позже.

Викторъ досталъ конвертъ и показалъ подрисованную цифру.

— Странно, кубыть, — сказалъ Алпатовъ, — Растеряевъ обстоятельный такой человѣкъ и вдругъ заблаговременное донесеніе?!

— Хотите распечатаемъ, — предложилъ, нагло глядя на Алпатова, Викторъ.

— Ну, что съ тобою, Витя! Развѣ же можно.

На водку и пиво притащилось еще два телеграфиста изъ сосѣдней избы и фельдшеръ солдатъ.

— За успѣхъ и побѣду, — сказалъ Викторъ поднимая чайную чашку съ водкой. — Славно жарятъ. Товарищи солдаты казацкой водки вамъ нежелательно.

Солдаты конфузливо пододвигались къ столу. Алпатовъ гостепріимно очистилъ имъ мѣсто и заказалъ хозяину поляку приготовить мятку изъ картофеля.

Отвыкшіе за войну отъ водки и пива казаки и солдаты быстро хмѣлѣли. Викторъ самъ ничего не пилъ. Лицо его было блѣдно, какія то думы бродили по ясному бѣлому лбу и хмурились прекрасные глаза.

— Что, товарищи, обратился онъ къ солдатамъ, хороша казацкая водка, а и плетка казацкая не худа?

— Ну, зачѣмъ такое говорить, Витя, — недовольнымъ голосомъ сказалъ Алпатовъ, — кто старое помянетъ тому глазъ вонъ.

— А причемъ тутъ плетка?, спросилъ раскисшій отъ водки и тепла солдатъ телеграфистъ.

— Будто, товарищъ, не помните, — сказалъ подмигивая Викторъ.

— Ну, будя, будя!.. говорилъ, толкая подъ бокъ Виктора, Алпатовъ.

— Нѣтъ, почему, товарищъ... А помните, какъ тогда, когда рабочій хотѣлъ вырваться изъ подъ гнета капитала, а крестьянинъ пошелъ добывать себѣ отъ помѣщика ту землю, которая ему принадлежитъ по праву, казаки стали на сторону насильниковъ бѣднаго народа и кровью и плетьми загнали его въ тенета рабства!

— Ахъ, Витя! — досадливо морщась сказалъ Алпатовъ. — Ну ни къ чему это! Ну развѣ мы виноваты? Ежели приказаніе. Присягу сполнять одинаково должонъ, что казакъ, что солдатъ.

— Нѣтъ, товарищъ, — звойко отчеканивая каждое слово сказалъ Викторъ, — ежели бы тогда въ 1905 году не казаки, совсѣмъ по иному пошла бы жизнь и не было бы ни войны этой, ни этого неравенства.

— Что же, господа казаки, — сказалъ фельдшеръ — малый правильно говоритъ. Видать образованнаго человѣка. Много тогда душегубства надѣлали казаки.

— Да что вы, земляки, — сокрушенно мотая головою сказалъ Алпатовъ. — Ну совсѣмъ же это не такъ. И солдаты шли тогда на усмиреніе и все потому... Ну, словомъ, присяга.

— А все таки вы были всему коноводы, сказалъ фельдшеръ.

— Вы, землякъ, такъ разсудите, вѣдь я тамъ не былъ. Я тогда и въ малолѣткахъ не числился чего же корить. Это, Витя, неправильно совсѣмъ — заговорилъ скромный бѣлокурый казакъ Польшинсковъ.

— Все одно, братъ, или отецъ, сословіе казацкое пошло, сказалъ телеграфистъ.

— Да товарищи! Въ этомъ великій грѣхъ казачества передъ крестьянствомъ... Казачество по-

шло на защиту буржуазіи отъ возставшаго пролетаріата и за то оно получило себѣ въ награду легкую и привольную жизнь, — звонко чеканя слова говорилъ Викторъ. — Смотрите вотъ уже четвертыя сутки непрерывно гремятъ пѣхотныя пушки и льется крестьянская кровь, а казаки сидятъ глубоко въ тылу и въ усъ себѣ не дуютъ. Но будетъ часъ и солдатъ вспомнитъ это и выместитъ свою злобу на казакѣ.

— Ахъ, Витя, — сказалъ Алпатовъ, — ну какой тамъ про-пре-ліятъ, что ты говоришь такое? Будетъ нашъ часъ и придемъ. И какъ еще поможемъ пѣхотѣ.

— Нѣтъ, господа казаки, — сокрушенно мотая головою говорилъ фельдшеръ, — его рѣчь правильная, умная, тяжелая рѣчь. Не люди вы, казаки.

— Какъ не люди!, воскликнулъ Польшинсковъ.

— Такъ, не понятные, не крестьянскіе вы люди. А такъ отчаянные какіе то.

Споръ разгорался сильнѣе. Викторъ отошелъ къ дверямъ, надѣлъ снятую было винтовку и съ улыбкой, скрестивши на груди руки смотрѣлъ какъ начиналась ссора между этими людьми, которые полчаса тому назадъ искренно любили и гордились другъ другомъ. Такъ, такъ, думалъ онъ, поддай, поддай еще. И лучшаго изъ героевъ убей. И лучшихъ казаковъ надо перебить и уничтожить во славу Бурьянова и Стоцкаго и ихъ страшнаго сатанинскаго ученія!

Артиллерійскій огонь, потрясавшій окна вдругъ оборвался, прошла секунда томительнаго затишья. Спорщики примолкли и сидѣли прислушиваясь. И сразу, какъ всплескъ могучаго моря грянуло и широко на нѣсколько верстъ разлилось могучее ура.

— Товарищи!, крикнулъ распахивая двери Викторъ. — Тамъ сейчасъ потоками льется кровь солдатская, крестьянская, рабочая, а казаки спятъ по хатамъ, нажравшись вина!

— Викторъ!, грозно крикнулъ Алпатовъ, сжимая кулаки! Земляки! это измѣна!

— Ѳедотовъ, спокойно сказалъ Викторъ, — намъ пора ѣхать. — Ай-да по конямъ.

И онъ вышелъ изъ избы.

XLV.

Эти дни Карповъ сильно нервничалъ. Онъ мысленно переживалъ всѣ перипетіи страшнаго боя. Каждый день въ опредѣленные часы онъ получалъ отъ Растеряева записки съ описаніемъ обстановки и онъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ пѣхоты.

Въ этотъ день утромъ онъ получилъ извѣстіе, что сегодня между четырнадцатью и шестнадцатью часами произойдетъ бой, а когда выѣзжать о томъ Растеряевъ обѣщалъ прислать дополнительно.

Къ двумъ часамъ дня, къ началу кононады, полкъ былъ посѣдланъ и сотни собраны по дворамъ. Карповъ хотѣлъ идти, но адъютантъ Кумсковъ его удерживалъ.

— Поспѣемъ, господинъ полковникъ, говорилъ онъ. — Нѣтъ хуже, какъ если мы понапрасну опять пріѣдемъ. Люди потеряютъ порывъ и охладѣютъ.

— Вы правы, Георгій Петровичъ, но не случилось ли чего съ Растеряевымъ?

— Самый аккуратный офицеръ, господинъ полковникъ.

— А, если убитъ?

— Тамъ Алпатовъ. Пѣхота прислала бы сказать. Да вѣдь вы знаете пѣхотный бой. Они до утра будутъ вести артиллерійскую подготовку. Я думаю, что сегодня ничего не будетъ. Не такъ то легко взять укрѣпленія.

— Пойдемте на улицу, я не могу сидѣть въ избѣ, сказалъ Карповъ и вышелъ съ адъютантомъ изъ хаты.

Красное солнце опускалось къ горизонту. Громъ пушекъ и грохотъ рвущихся снарядовъ внезапно смолкъ. И вдругъ оттуда, гдѣ въ мутномъ туманномъ маревѣ лиловыми пятнами рисовались деревья господскаго дома послышался неясный гулъ.

— Георгій Петровичъ, что же это?!, — схватывая за руку Кумскова воскликнулъ Карповъ.

Адъютантъ стоялъ блѣдный и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ вдаль.

— Вѣдь это... Ура!.. Вы понимаете? Они атакуютъ... А мы... въ восьми верстахъ. Намъ сію минуту нужно быть тамъ!... Трубачъ!... Трубачъ! труби тревогу...

Черезъ пять минутъ полкъ просторною рысью шелъ по направленію къ Новому Корчину. Но уже темнѣло. Солнце скрылось въ полосѣ тумана и луна высоко висѣла въ небѣ, были обманныя, тусклыя сумерки. Навстрѣчу Карпову скакало два казака. Это были Ѳедотовъ и Модзалевскій. Викторъ передалъ пакетъ съ донесеніемъ Карпову, но тотъ его не сталъ даже читать. По тишинѣ, котсрая наступила кругомъ, тишинѣ побѣды, когда не слышно ни пушечныхъ, ни ружейныхъ выстрѣловъ Карповъ уже помимо всякаго донесенія понималъ, что все кончено и онъ опоздалъ.

— Почему такъ поздно?, крикнулъ онъ на ходу Виктору.

— Не могу знать, громко и отчетливо прокричалъ Викторъ.

Полкъ широкимъ потокомъ, не сокращая рыси спустился къ рѣкѣ и такъ какъ мостъ былъ занятъ толпою плѣнныхъ, которыхъ вели въ посадъ, то Карповъ свернулъ на бродъ и по броду по брюхо лошади перешелъ черезъ рѣку Ниду и поскакалъ къ господскому дому.

Навстрѣчу ему по всему полю шли наши солдаты. Въ подоткнутыхъ спереди шинеляхъ, въ заломленныхъ на затылокъ старыхъ смятыхъ фураж-

кахъ, съ винтовками на плечѣ они имѣли лихой ухарской видъ побѣдителей.

— Эхъ казаки родимые!, кричалъ молодецъ, шедшій навстрѣчу, — что же опять опоздали! Мы пѣшкомъ нагоняемъ, а вы и на коняхъ не можете.

— Казачки, казачки — мало мало батареи не забрали, а вы! Эхъ вы!, говорилъ офицеръ съ краснымъ, возбужденнымъ бѣгомъ лицомъ, обтирая потъ.

— Нагаечники, слышался изъ сумрака злобный голосъ, — имъ мирный народъ усмирять это одно, а воевать.... Ку-у-ды жъ!

Кто то изъ темноты пронзительно свиснулъ и было въ этомъ короткомъ свистѣ столько презрѣнія и оскорбительной досады, что онъ ударилъ Карпова и его казаковъ, какъ жестокій ударъ бича. Карповъ невольно оглянулся и первое, что бросилось ему въ глаза — ликующая, счастливая улыбка, которая плыла по лицу Модзалевскаго и которую онъ никакъ не могъ удержать.

— Ты чему смѣешься, каналья!, крикнулъ Карповъ. Лицо Виктора мгновенно стало серьезнымъ и онъ пробормоталъ — я-то? Я ничего...

Но уже была аллея господскаго дома. Густая толпа солдатъ гомонила по саду.

— Я бѣжалъ за ими, версты двѣ бѣжалъ, — задыхаясь счастливымъ молодымъ голосомъ говорилъ кто то, — ну развѣ догонишь? Они на лошадяхъ, слышь себѣ громыхаютъ рысью. Ну вотъ не догналъ, рукой схватить можно.

— Я его, милый человѣкъ, какъ схвачу за горло, у него и сабля изъ рукъ вонъ выпала. Ну пожалуйте, ваше благородіе, въ плѣну значитъ.

—Онъ въ меня выпалилъ ну во, какъ ты стоишь и — жжи — ничего, промахнулся.

— Я его штыкомъ какъ въ животъ шарахну — — у него глаза ажъ завертѣлись.

— Больно должно быть.

— Эхъ кабы кавалерія подоспѣла всѣхъ бы забрали, а то сколько его убѣжало.

— И пушки увезли. Главное досада, что пушки.

— А меня, братцы, офицеръ спасъ, — говоритъ въ толпѣ второй роты высокій и нескладный Желѣзкинъ. — Ротный нашъ, капитанъ Козловъ. Онъ въ меня штыкомъ, а ротный штыкъ отъ меня отвелъ и штыкъ прямо ему въ грудь. Кровь пошла. Я говорю: — вы ранены за меня. А онъ говоритъ: — ничего тебѣ бы въ животъ, а мнѣ въ грудь — пустяки и упалъ значитъ. Въ вѣкъ не забуду. Умирать буду, а помнить его благородіе Александра Ивановича буду!

Полковникъ Дорманъ, счастливый, сіяющій, насквозь пропитанный запахомъ побѣды встрѣтилъ Карпова у самаго подъѣзда среди труповъ немногихъ австрійскихъ солдатъ, заколотыхъ въ пылу боя.

— Что же вы, — съ горькимъ упрекомъ сказалъ онъ Карпову, — многоуважаемый, опоздали, а? Полторы дивизіи и шесть батарей были ваши. Мои конные ординарцы и то двѣ пушки взяли. Эхъ, вы! Гаврилычи!

Кровь прилила къ лицу Карпова отъ этого оскорбленія, но онъ такъ понималъ Дормана, что ничего не отвѣтилъ.

— Теперь что же? Идите домой. Вы мнѣ больше не нужны. Я здѣсь закапываться буду. Корпусу донесу, что не моя вина, что мы не въ Столинѣ, а здѣсь.

—Я догоню!, сдержанно сказалъ Карповъ.

— Куды! Къ чорту подъ хвостъ догоните. Онъ поди окопался уже.

— Я догоню!, рѣшительно сказалъ Карповъ и повернулъ лошадь.

Злоба кипѣла въ немъ. Онъ ничего не помнилъ, но сознавалъ одно, что оскорблено его родное войско, его прекрасные казаки и оскорблены по его винѣ.

Полкъ собравшійся въ резервную колонну подлѣ господскаго дома ожидалъ его хмурый и недовольный. Казаки сидѣли нахохлившись и опустивши головы. Имъ обидно было и они до глубины сердца чувствовали вину своего командира.

— Третья и четвертая сотни въ лаву на Столинъ, рысью — крикнулъ Карповъ. — Есаулъ Каргальсковъ ведите лаву. Войсковой старшина Коршуновъ идите съ остальными сотнями въ полуверстѣ сзади. Я пойду съ лавой!...

У него уже созрѣлъ свой планъ и планъ его сулилъ ему успѣхъ.

XLVI.

Карповъ ѣхалъ по дорогѣ за серединою разсыпавшихся въ лаву казаковъ и картина будущаго боя отчетливо рисовалась ему.

Тамъ, гдѣ нибудь, въ восьми верстахъ отъ него, толпою, молчаливо нахмурившись, мѣся башмаками глубокую грязь идутъ остатки австрійской дивизіи. Они потрясены боемъ. Усталыя лошади едва вытягиваютъ пушки изъ грязи. Кругомъ холодная, обманчивая въ лунномъ свѣтѣ ночь. Онъ обогнетъ справа лѣсомъ эту колонну и ударитъ на нее въ конномъ строю. Они сдадутся. Они не могутъ не сдаться. Тогда онъ покажетъ, что такое его казаки. Онъ возьметъ плѣнныхъ и пушки не изъ подъ пѣхоты, а самъ въ большомъ и смѣломъ ночномъ бою.

Его ночная конная атака при лунѣ станетъ достояніемъ исторіи и дѣло у посада Столина будутъ также изучать какъ Бегли-Ахметское дѣло, а имя Карпова будетъ навѣки прославлено, какъ имя героя духа, какъ имя великаго кавалерійскаго вождя!

Онъ выпрямлялся въ сѣдлѣ и бодро ѣхалъ по дорогѣ. Брошенныя повозки и кухни, валяющіеся вдоль дороги ранцы показывали ему, что паника и усталость въ рядахъ австрійской пѣхоты были вели-

ки. Въ четырехъ верстахъ отъ Новаго Корчина въ сторонѣ отъ дороги, загрузшія по самыя оси въ болотѣ стояли двѣ пушки съ передками. Должно быть, обезумѣвъ отъ страха бросились обгонять пѣхоту, сорвались съ дороги и погрузли въ болотѣ. Хорошо!, хорошо, думалъ Карповъ и шелъ свободною рысью.

Близка была деревня Хвалибоговице. Здѣсь дорога поднималась на бугоръ.

По бугру вспыхнули яркіе жолтые огоньки и раздалась трескотня ружей. Хвалибоговице было занято непріятелемъ, готовымъ дать отпоръ. Пули щелкали кругомъ. Двѣ лошади въ лавѣ упали, казакъ со стономъ склонился на луку сѣдла. Лава подалась назадъ.

— Стойте! Стойте!, крикнулъ Карповъ. Это его арьергардъ. Тутъ всего какая нибудь рота не больше. Есаулъ Каргальсковъ, отведите немного лаву и ждите. Я обойду ихъ съ остальными сотнями. Георгій Петровичъ поѣдемте со мною, посмотримъ въ чемъ дѣло.

Отъ широкаго грязнаго растоптаннаго отступавшими австрійцами шляха вправо шла чистая узкая упругая полевая дорожка. Сарданапалъ какъ только ступилъ на нее, облегченно фыркнулъ, охотно отвѣтилъ на шпору и пошелъ полевымъ галопомъ къ чернѣвшему въ сторонѣ лѣсу. Кумсковъ, Лукьяновъ, Пастуховъ и Модзалевскій скакали за Карповымъ. Они въѣхали въ темный лѣсъ и невольно перешли на шагъ. Пахло сыростью и прѣлымъ листомъ. Лошади неслышно ступали по мягкой, усѣянной коричневыми листьями дорогѣ, точно крались. Лунный свѣтъ бросалъ серебряные блики на мокрые стволы буковъ и осинъ и блестѣлъ на оставшемся въ глубинѣ лѣса снѣгу. Капель упадала съ деревьевъ и шумѣла по сухому листу и казалось что кто то осторожно подходитъ. Влѣво лѣсъ становился рѣже, начиналась опушка, за ней были холмы и край деревни Хвалибоговице.

Карповъ остановился, слѣзъ съ лошади и пошелъ къ опушкѣ.

Лукьяновъ и Модзалевскій шли слѣдомъ, адъютантъ рядомъ.

Они вышли на край лѣса. Изъ темноты лѣса деревня, озаренная полною луною, казалась совершенно свѣтлою. Каждая хата, огороды поля, журавель колодца были ясно видны на фонѣ серебрящагося неба. Выстрѣлы продолжались и было видно, какъ огни ихъ вспыхивали только влѣво, противъ большой дороги.

— Я такъ и думалъ, сказалъ Карповъ шопотомъ. — Тутъ и роты не будетъ. Скачите къ Коршунову и ведите его этою дорогою сюда. Мы пошлемъ вторую сотню пѣшкомъ въ деревню, а со всѣми остальными на коняхъ въ обходъ. Скажите Каргальскову, чтобы присоединялъ обѣ свои сотни къ полку. Вы понимаете меня?

— Понимаю, понимаю, проговорилъ Кумсковъ. Волненіе командира полка передалось и его адъютанту. Онъ также дрожалъ внутреннею дрожью, какъ дрожалъ и Карповъ.

— Мы покажемъ имъ, что такое донцы! — горделиво сказалъ Карповъ такъ громко что Лукьяновъ и Модзалевскій услыхали его слова.

Кумсковъ побѣжалъ къ лошади, слышно было какъ онъ поскакалъ по дорогѣ и затѣмъ все стихло.

Карповъ стоялъ на опушкѣ, въ пяти шагахъ отъ него былъ его штабъ трубачъ. Модзалевскій отошелъ назадъ.

Вдругъ рѣзкій выстрѣлъ совсѣмъ подлѣ заставилъ Карпова оглянуться. Онъ увидѣлъ, что Лукьяновъ безъ стона свалился какъ снопъ на землю, два раза судорожно дернулась его нога и онъ затихъ. Не успѣлъ Карповъ сообразить откуда и кто стрѣлялъ, какъ яркое пламя выстрѣла метнулось подлѣ него, страшный ударъ въ грудь толкнулъ его и сбилъ съ ногъ и захлебываясь кровью онъ упалъ на землю. Но онъ сознавалъ, что не убитъ. Затылокъ

съ котораго слетѣла папаха явственно ощущалъ холодный и сырой мохъ и онъ царапалъ и щекоталъ его шею. Въ ту же минуту онъ увидалъ надъ собою юное лицо Модзалевскаго и хотѣлъ спросить его. Ему казалось, что Модзалевскій пришелъ къ нему на помощь. Но Модзалевскій смотрѣлъ на него со злобою и ненавистью и медленно вытягивалъ шашку изъ ноженъ. Карповъ пошевелился и потянулся рукою къ револьверу, но въ ту же минуту страшный ударъ по черепу оглушилъ его, красныя искры посыпались изъ глазъ, все завертѣлось подъ нимъ и исчезло сознаніе жизни.

Викторъ толкнулъ Карпова ногой и убѣдился, что онъ мертвъ. Тогда онъ вложилъ шашку въ ножны и быстро побѣжалъ къ деревнѣ, занятой австрійцами.

Пастуховъ, оставшійся на дорогѣ съ четырьмя лошадьми слыхалъ выстрѣлы и не зналъ, что ему дѣлать. Спѣшить на выстрѣлы съ четырьмя лошадьми онъ не могъ, лѣсъ былъ густой и съ ними нельзя было пролѣзть, бросить лошадей онъ не смѣлъ. Смертельно блѣдный, въ страшной томительной тревогѣ онъ повторялъ только «съ нами крестная сила!» тяжело вздыхалъ и отдувался. Но въ лѣсу стало тихо. Никто не кричалъ, не стоналъ, не звалъ на помощь, выстрѣловъ больше не было.

Минутъ черезъ десять неясный гулъ идущей рысью конницы раздался по лѣсу. Коршуновъ и Кумсковъ скакали впереди полка.

— Вотъ здѣсь!, сказалъ Кумсковъ, увидавши Пастухова съ лошадьми.

Коршуновъ остановилъ знакомъ сотни и поѣхалъ черезъ лѣсъ на опушку. На зеленомъ мху, освѣщенные высоко поднявшимся мѣсяцемъ лежало два трупа — командира N—ского Донского полка Павла Николаевича Карпова и его штабъ трубача Лукьянова. Оба были убиты почти въ упоръ, кѣмъ то подкравшимся сзади. Карповъ кромѣ того былъ зарубленъ. Доброволецъ Викторъ Модзалевскій

безъ вѣсти пропалъ. Страшное подлое подозрѣніе закралось въ души казаковъ, что все это дѣло рукъ Виктора. Урядникъ Алпатовъ и казакъ Польшинсковъ были увѣрены въ томъ, что никто другой, а Витя убилъ ихъ командира. Но никто громко не говорилъ объ этомъ. Слишкомъ гнуснымъ, гадкимъ и подлымъ казалось все это дѣло.

Извѣстіе о смерти любимаго командира полка поразило казаковъ, какъ громъ. Бодрость смѣнилась апатіей. У Коршунова не хватило силы воли выполнить планъ Карпова, который ему разсказалъ Кумсковъ. Не даромъ говорится — исторія конницы — исторія ея генераловъ. — Вождь, способный на лихую ночную конную атаку былъ убитъ и его некѣмъ было замѣнить.

Уныло и скучно, безъ трофеевъ, везя убитаго командира возвращался къ пѣхотѣ полкъ Карпова. Съ этого дня его слава померла, онъ сталъ самымъ обыкновеннымъ заурbriднымъ полкомъ.

Бурьяновъ и Стоцкій знали, что дѣлали, когда внушали Виктору завѣтъ Мехильта: — «лучшаго изъ гоевъ умертви, лучшей изъ змѣй раздроби мозгъ».

Викторъ, раздробивши мозгъ Карпова, раздробилъ мозгъ и всего его полка..

XLVII.

Автомобиль Краснаго Креста, на которомъ сидѣлъ Мацневъ, поддерживая лежащаго рядомъ на носилкахъ Саблина дрогнулъ, переѣзжая съ поля черезъ пологую канаву на шоссе и отъ этого толчка Саблинъ очнулся, застоналъ и открылъ глаза.

Автомобиль, выбравшись на ровное мощеное кирпичомъ на ребро стратегическое шоссе, точно обрадовался, заскрипѣлъ рычагомъ передачи и покатилъ мѣрно жужжа.

— Гдѣ я?, — хрипло спросилъ Саблинъ.

— Со мной, милый Саша, — ласково проговорилъ Мацневъ.

Саблинъ поднялъ глаза, узналъ Мацнева и кротко и ясно улыбнулся.

— А, милый философъ, сказалъ онъ. — Вотъ неожиданная встрѣча... Что батарея? — вдругъ тревожно спросилъ онъ. Передъ нимъ стала картина послѣдняго момента атаки.

— Взята, Саша, взята! Ты со своимъ дивизьономъ вписалъ славнѣйшую страницу въ исторію нашего полка, да и не только его, а вообще всей конницы нашей, всей Русской арміи. Четыре пушки! Прислугу наши молодцы порубили. Вы спасли пѣхоту.

Саблинъ слушалъ это со страннымъ равнодушіемъ. Точно Мацневъ разсказывалъ ему о чемъ то давно, давно прошедшемъ, скучномъ и неинтересномъ. Онъ слабо улыбнулся и заставилъ себя усиліемъ воли вспомнить все, что было, но ничего не могъ вспомнить. Была скачка и Діана безъ сѣдока его обогнала подъ солдатскимъ сѣдломъ. Почему Діана была подъ солдатскимъ сѣдломъ?

— А Коля?, вдругъ тревожно спросилъ Саблинъ.

— Ты герой Саша, — не отвѣчая на вопросъ о сынѣ говорилъ Мацневъ. — Ты теперь великій герой. Георгіевскій крестъ обезпеченъ. Князь уже телеграфировалъ Государю о тебѣ. Помнишь я тебѣ всегда говорилъ, что ты въ сорочкѣ родился. Первое дѣло и такое славное дѣло, удивительное дѣло.

Саблинъ слушалъ его и не понималъ. Все то, что говорилъ ему Мацневъ было скучно и навѣвало тоску. Слава, подвигъ, взятая батарея, все это было не главное, не существенное... Коля? Но и вопросъ о Колѣ возникъ какъ то случайно въ связи съ Діаной, осѣдланной солдатскимъ сѣдломъ и значенія не имѣлъ. А что же главное?

Мѣрно журчавшая машина и мягко покачивавшійся на рессорахъ автомобиль мѣшали сосредоточиться въ думахъ. Саблинъ видѣлъ подлѣ своей

головы мягкую бѣлую руку Мацнева съ пальцами, украшенными дорогими перстнями и нѣжное чувство любви къ старому товарищу охватывало его.

— Что я очень тяжело раненъ?, спросилъ Саблинъ и сейчасъ же почувствовалъ, что вотъ это то и есть самое главное, что ему нужно было знать и что его такъ сильно безпокоило.

— Я буду жить?, спросилъ онъ, жадно устремляя глаза на Мацнева и съ тревогою ожидая его отвѣта.

— Ну, конечно. Двѣ шрапнельныя пульки, да какой то осколочекъ тебя повредили, но существеннаго ничего.

— Правда?

— Клянусь Анакреономъ.

У Саблина явилось сильное желаніе поцѣловать красивую холеную бѣлую руку за эти слова. Свое, личное, было ему такъ интересно, что заслоняло все остальное,

— Ты куда меня везешь?

— Прямо въ Варшаву въ лучшій лазаретъ, на попеченіе лучшихъ врачей и Александры Петровны. Помнишь?

Саблинъ поморщился. Теперь легкомысленная Александра Петровна Ростовцева, любительница пикантныхъ разговоровъ и приключеній съ молодыми мущинами, ухаживавшая и навязывавшая себя когда то Саблину была ему непріятна. Онъ зналъ, что и у Мацнева было съ нею какое то особенное и притомъ противуестественное приключеніе.

Мацневъ понялъ его.

— Ты, Саша, не узнаешь ее. Ты знаешь она разошлась съ мужемъ и стала святою. Черная съ бѣлымъ косынка монашескаго образца ей къ лицу. Она работаетъ въ солдатскомъ отдѣленіи и исполняетъ самыя тяжелыя и грубыя работы. Она возвысилась до подвига. А? Кто бы могъ подумать, что Саша Ростовцева будетъ мыть грязныя раны? Ты знаешь она какъ то высосала гной изъ раны и тѣмъ спасла солдата. Ахъ, подвигъ такъ мѣняетъ жен-

щину. У ней лицо — это ея единственный недостатокъ при ея дивной фигурѣ стало прекраснымъ.

Но Саблину было совсѣмъ неинтересно слушать про Александру Петровну.

— Что мнѣ операцію будутъ дѣлать? спросилъ онъ.

— Не знаю, Саша. Ну, если будутъ — самые пустяки...

Мысль объ операціи снова взволновала Саблина. Онъ не слушалъ, что говорилъ Мацневъ. Мѣрный стукъ машины раздражалъ его и усыплялъ, явилось какое то неясное, неопредѣленное, близкое къ бреду состояніе и Саблинъ впалъ въ полузабытье.

Иногда, на нѣсколько секундъ сознаніе возвращалось къ нему. Онъ видѣлъ темный сосновый лѣсъ несшійся навстрѣчу, пухлую бѣлую руку съ перстнями подлѣ лица и снова забывался. Дневной жаръ смѣнила прохлада вечера, потомъ сіяло небо кроткими звѣздами, гдѣ то горѣли огни и красноватое зарево отражалось въ синемъ небѣ. Одно мгновеніе его поразилъ шумъ. Горѣли яркіе фонари. Автомобиль стоялъ, кругомъ возились люди.

— Гдѣ я? — сквозь забытье спросилъ Саблинъ.

— Въ Варшавѣ, отвѣчалъ Мацневъ. — Вотъ мы и пріѣхали.

Во время переноски въ палату Саблинъ почувствовалъ сильную боль въ груди и головѣ и потерялъ сознаніе.

XLVIII

Сознаніе, грезы и пребываніе въ полномъ безпамятствѣ, когда и сновъ не было, смѣняли одно другое въ продолженіе нѣсколько дней. Чаще всего грезилось Саблину, что онъ лежитъ на постели и множество людей окружаютъ его. Они маленькіе въ полъ роста человѣка съ громадными головами и небольшими туловищами вродѣ тѣхъ людей, которыхъ рисуютъ на каррикатурахъ. Ихъ очень много тол-

пится кругомъ Саблина, они приходятъ и уходятъ, наполняютъ комнату и проваливаются куда то, они оживлены и все время разговариваютъ между собою, но голосовъ ихъ не слышно. Они ничего не дѣлаютъ Саблину, но отъ ихъ присутствія Саблину неудобно и онъ не знаетъ, какъ ихъ прогнать. Иногда, сквозь эту толпу маленькихъ, суетливыхъ человѣчковъ, вдругъ протискается большая нормальная фигура, но она похожа на тѣнь. Она что то дѣлаетъ надъ Саблинымъ и послѣ нея человѣчки исчезаютъ, наступаетъ мракъ, спокойствіе и нирвана. А потомъ, черезъ сколько времени Саблинъ не могъ опредѣлить, — опять онъ лежитъ въ низкой тѣсной комнатѣ и маленькіе человѣчки съ большими головами оживленно толкутся вокругъ него, говорятъ, входятъ и выходятъ, проваливаются куда то и такъ мучительно безпокойно отъ нихъ.

Мало по малу тѣ высокія, похожія на тѣни фигуры стали выявляться и пріобрѣтать реальныя формы и Саблинъ сталъ понимать кто онѣ такія. Первымъ онъ узналъ короткаго толстаго человѣка съ рыжими усами и бородой, который трогалъ его холодными чисто вымытыми пальцами и послѣ прикосновеній котораго становилось легко и пріятно въ тѣлѣ. Человѣкъ этотъ одѣтъ въ длинный бѣлый балахонъ съ рукавами, завязанными у кисти. Саблинъ зналъ что это докторъ, знаменитый хирургъ Эвальдъ, дѣлавшій ему операцію. Другая фигура была высокая стройная, одѣтая въ длинную юбку со многими сборками, скрадывающую формы ногъ, въ черную монашескую косынку, изъ подъ которой на лобъ выдвинутъ узкимъ краемъ бѣлый платокъ. Косынка спускается на плечи и доходитъ почти до пояса и оттого не видно очертаній высокой груди. Маленькія руки съ точеными изящными пальцами и нѣжными ладонями, холодныя, сухія осторожно прикасаются къ самымъ больнымъ мѣстамъ и боль утихаетъ. Косынка закрываетъ весь оваль лица и ясно смотрятъ оттуда изъ подъ оза-

боченно нахмуренныхъ бровей большiе сѣрые глаза. Мягкое сiянiе этихъ глазъ скрадываетъ неправильныя черты лица. Саблинъ знаетъ, что это Александра Петровна Ростовцева, другъ графини Палтовой, съ которой онѣ при Саблинѣ говорили, что женщина имѣетъ право такъ же мысленно раздѣвать мущину, какъ это дѣлаютъ мущины съ женщинами. Когда при ней сказали, что кто то имѣлъ интригу съ хорошенькой горничной своей жены, и Ротбекъ, бывшiй тутъ воскликнулъ: «какъ я понимаю его, ихъ Танюша такая конфетка!», Александра Петровна совершенно серьезно сказала что, если мужья могутъ флиртовать съ горничными и увлекаться ими, то нужно предоставить и женамъ право отдаваться лакеямъ и кучерамъ своихъ мужей.

— Твой Иванъ, — сказала она, обращаясь къ Палтовой, un bel homme tout a fait я бы не прочь имѣть съ нимъ романъ.

У нея всегда былъ ésprit mal tourné и въ обществѣ, гдѣ были молодыя барышни ея боялись. Теперь эта самая Александра Петровна сiяла неземною кротостью большихъ сѣрыхъ глазъ и грѣховное улетѣло отъ нея.

Третье лицо Саблинъ долго не могъ признать. Оно появлялось подлѣ него преимущественно ночью, когда ни доктора, ни Александры Петровны, ни служителя, ни няньки не было подлѣ. Стоило Саблину застонать, пошевельнуться, стоило ему подумать о какомъ либо желанiи, какъ, разгоняя бредовый кошмаръ маленькихъ человѣчковъ, являлся къ нему этотъ человѣкъ. Онъ подходилъ, какъ духъ тихо и незамѣтно. Ловкими, сильными руками онъ сразу, какъ никто другой, устраивалъ удобно Саблину, иногда садился подлѣ и клалъ мягкую теплую руку на лобъ и тогда Саблинъ успокаивался, крѣпкiй здоровый сонъ охватывалъ его и онъ засыпалъ до утра, чтобы проснуться окрѣпшимъ. Саблинъ не зналъ, кто этотъ человѣкъ, и спросить не могъ, языкъ еще не повиновался ему.

Но постепенно сильный здоровый организмъ бралъ свое. Кошмары разсѣялись. Опредѣлился и третій и оказался священникомъ N—ского пѣхотнаго полка отцомъ Василіемъ, тяжело раненымъ въ Восточной Пруссіи и теперь поправлявшимся въ лазаретѣ. Онъ съ Саблинымъ вдвоемъ занималъ высокую комнату со стѣнами, окрашенными масляной краской и большимъ восьмистекольнымъ окномъ, за которымъ были деревья сада съ пожелтѣвшею листвою.

Саблинъ проснулся глухою ночью. Подъ синимъ покрываломъ чуть свѣтила на потолкѣ электрическая лампа. Штора была спущена и плоскимъ темнымъ пятномъ лежала на стеклахъ. За окномъ безпокойно билъ по окнамъ дождь и вѣтви деревьевъ стучали въ стекла. Было слышно, какъ непрерывнымъ потокомъ лилась изъ трубы вода въ поставленную кадку. Страшное безпокойство охватило Саблина и сердце его застыло въ какомъ то суровомъ предчувствіи чего то неотвратимаго.

Онъ уже все зналъ. Зналъ, что Колѣ оторвало снарядомъ голову, что Ротбекъ убитъ, что убита почти вся молодежь, которую онъ повелъ въ атаку, а онъ живъ и будетъ жить и будетъ здоровъ.

Георгіевскій крестъ, лично присланный ему Государемъ лежалъ на столикѣ подъ пучкомъ мохнатыхъ хризантемъ. Все это было ненужно, все это подчеркивало черноту и безотрадность его жизни. Первый разъ память вмѣсто яркихъ счастливыхъ моментовъ жизни подставила ему цѣлый рядъ ужасныхъ сценъ. Объясненіе съ княземъ Рѣпнинымъ по поводу Киттн, оскорбленіе Любовина, Распутинъ издѣвающійся надъ Вѣрой, его Коля безъ головы...

Саблинъ безпокойно заерзалъ на постели и застоналъ не отъ физической боли, а отъ нравственнаго страданія.

— Вы не спите, — услышалъ онъ ласковый голосъ. — Вамъ опять больно. Позвольте я вамъ помогу.

Вспыхнула лампочка на столикѣ у отца Василія. Но она тщательно была заслонена отъ Саблина книгою и освѣтила только подушки и часть стѣны у койки священника.

— Нѣтъ, благодарю васъ, — сказалъ Саблинъ.

Священникъ накинулъ на себя сѣрый подрясникъ, выпросталъ волосы, надѣлъ наперсный крестъ на георгіевской свѣжей лентѣ, большимъ гребнемъ расчесалъ волосы и бороду и уютно съежившись сѣлъ подъ лампой и сталъ читать небольшую книгу, въ которой Саблинъ угадалъ Евангеліе.

Саблинъ глядѣлъ на него. Лицо у священника было благообразное, красивое, одухотворенное, съ маленькою курчавою, чуть раздвоенною бородой, такое, какимъ на Русскихъ иконахъ пишутъ ликъ Іисуса Христа. Оно было въ мѣру худощаво и блѣдно, большіе голубовато сѣрые глаза были прикрыты длинными темными рѣсницами. Ему можно было дать и 50 лѣтъ и двадцать пять. Въ темно каштановыхъ густыхъ, волнистыхъ волосахъ пробивалась чуть замѣтная сѣдина, въ углу у глазъ были маленькія морщины и губы, покрытыя усами были тонки и сухи. Ничего тѣлеснаго не было въ немъ, но все было душевное. Чувствовалось, что этотъ человѣкъ умѣлъ страдать за людей и отрѣшиться отъ самого себя.

Саблинъ разглядывалъ его.

Читаетъ евангеліе, подумалъ Саблинъ. Читай, читай, ничего не начитаешь, вздоръ тамъ написанъ. Толковали его каждый по своему и каждый не понималъ. Вонъ Толстой такого нагородилъ. А все потому что никто не хочетъ понять, что и толковать нечего, потому что Бога нѣтъ.

И съ какою то лихорадочною поспѣшною злобою Саблинъ ухватился за эту мысль.

Ну, конечно, думалъ онъ, ибо если бы былъ Богъ развѣ возможна была бы война? Коля съ оторванной головою? За что? Вѣра и Распутинъ? Распу-

тинъ то терзалъ ее тоже во имя Божіе. А Богъ молчалъ.

А Викторъ и смерть Маруси? Застрѣлившійся Корфъ и несчастный Ротбекъ. Что теперь будетъ дѣлать бѣдная Нина Васильевна?!

Іисусъ Христосъ былъ первымъ соціалистомъ и евангеліе, по настоящему, запрещенная книга, а мы ее сами распространяемъ.

Все это чепуха. И какъ просто тогда — когда нѣтъ Бога. Ничего и нѣтъ, и угрызеній совѣсти не нужно, и этой муки сердца и томленій и безсонныхъ ночей и мукъ... Былъ бы исправный желудокъ, а остальное все приложится.

Священникъ поднялъ голову отъ книги, посмотрѣлъ своими синеватыми глазами съ неизмѣримою кротостью на Саблина и сказалъ въ полъ-голоса.

— Рече, безумецъ, въ сердцѣ своемъ: — нѣсть Богъ.

Саблинъ вскочилъ и сѣлъ на постели. Воспаленный блуждающій взглядъ его остановился на спокойномъ лицѣ священника.

— Вы это почему, батюшка?, хрипло спросилъ онъ въ тревогѣ.

— Это я здѣсь прочелъ, — сказалъ спокойно отецъ Василій.

— Но почему вы это вслухъ прочли? Почему вы знали, что я думалъ о томъ, что Бога нѣтъ, — сказалъ Саблинъ.

— Я этого не зналъ и думаю, что вы такъ не думаете.

— Почему?

— Вы образованный и повидимому вѣрующій человѣкъ, сказалъ священникъ. — Ошибаться и за блуждаться всякій можетъ, но не вѣрить не можетъ никто.

— Я вѣрилъ, но я такъ много разъ убѣждался въ ошибочности своей вѣры, что пересталъ вѣрить.

Я искалъ правды въ этой книгѣ — и не нашелъ.

— Что же — это такъ понятно. Вы неумѣли искать. Вонъ соціалисты полагаютъ, что евангеліе одного съ ними толка, а между тѣмъ ученіе Христа діаметрально противоположно ученію соціалистовъ. Христіанство и соціализмъ это два полюса. И то, что вы отметнулись отъ Бога тоже вполнѣ естественно. Вы Его не знаете.

Отецъ Василій помолчалъ немного и продолжалъ:

— Вы много пережили несчастій мірскихъ и искали у Бога мірской помощи и не нашли. Это такъ и должно было быть. Царство Божіе не отъ міра сего.

— О какомъ такомъ Царствіи Божіемъ говорите вы — сказалъ Саблинъ.

— О томъ, о которомъ непрерывно и повсемѣстно молится весь родъ человѣческій: — «да пріидетъ Царствіе Твое»!

— Э, батюшка! Я, какъ себя помню крестился на картинку, обложенную золотомъ и самоцвѣтными камнями и бормоталъ: «да пріидетъ Царствіе твое, да будетъ воля Твоя... Не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго». А вышло что? Вся жизнь и лукавый и искушеніе и гдѣ же воля Божія? Да, извольте, я вамъ разскажу. Вы не спите все равно. Садитесь ко мнѣ и слушайте.

Саблинъ, приподнявшись на подушки, усѣлся на постели и сталъ разсказывать свою жизнь. Выходило такъ, что главное въ его жизни сначала были женщины. Онъ разсказалъ какою страшною драмою оскорбленія, рожденія Виктора и смертью Маруси кончились его увлеченія женщинами. Онъ побѣдилъ бѣса похоти и съумѣлъ въ тонкой и чистой любви къ Вѣрѣ Константиновнѣ и дѣтямъ найдти удовлетвореніе. И что же Богъ далъ ему въ награду за эту побѣду надъ собою? Распутинъ, самоубійство Вѣры Константиновны, поруганной и

опозоренной и трагическая и никому ненужная, безцѣльная смерть сына...

— Но это только часть! Только часть, батюшка, — это личное и этотъ крестъ я бы смогъ нести и справиться съ собою. Я любилъ духовною великою любовью Государя и Государыню, любилъ Русскій народъ и что же, что же вышло!?

Волнуясь и перебивая мысли и воспоминанія, громоздя одну картину надъ другою Саблинъ разсказалъ всю гамму своихъ разочарованій въ Государѣ и въ Русскомъ народѣ, въ которомъ не оказалось героевъ. Онъ говорилъ со слезами и горечью и какъ бы оправдывался въ томъ, что онъ дерзнулъ не вѣрить въ Бога.

— Да, да, все это такъ понятно, сказалъ отецъ Василій. Вы никогда не задумывались надъ евангеліемъ, вы никогда не думали надъ святыми словами Христа: «ищите-же прежде царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ[1])», потому что вы никогда не хотѣли понять, что «Царство Божіе не отъ міра сего», но хотѣли великую проповѣдь Христа насильственно приклеить къ земной жизни, какъ это дѣлаютъ соціалисты. Христіанская религія есть религія внутренныхъ побужденій въ этомъ вся ея страшная сила.

— Я васъ не понимаю, батюшка.

—Да и не вы одинъ, многіе этого не понимаютъ. Многіе думаютъ, что Христосъ пришелъ на землю, чтобы, законодательствовать и ищутъ въ евангеліи какого то устава жизни. Искалъ его и великій писатель нашъ, графъ Левъ Николаевичъ Толстой, и всѣ они забыли, что сказалъ о себѣ Христосъ: — «Не думайте, что я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить»...[2]).

---

1) Евангеліе отъ Матѳея. Глава 6 ст. 33
2) Евангеліе отъ Матѳея Глава 5 ст. 17

— Вы говорите, что то новое. Итакъ новый законъ не исключаетъ стараго? И око за око и кровь за кровь вяжется съ евангеліемъ? Разскажите мнѣ, какъ же это такъ?

— А я васъ не утомлю?

— Нисколько. Мнѣ все равно предстояла безсонная ночь. Можетъ быть вы мнѣ скажете, что либо новое.

— Извольте. Но по нѣкоторымъ вашимъ словамъ я вижу что мнѣ придется начинать издалека.

— Хоть отъ Адама, сказалъ Саблинъ.

XLIX.

— Исторія того, какъ у людей образовалась власть и законъ и почему они образовались изложены въ Библіи, началъ отецъ Василій. Библія разсказываетъ намъ, какъ евреи находились въ Египетскомъ плѣну. Они были рабами. Они повиновались чужимъ законамъ и своего у нихъ не было. Ихъ вывелъ изъ рабства и сдѣлалъ свободными Моисей. Многотысячная толпа оказалась на свободѣ, не стѣсненная никѣмъ и ничѣмъ, въ пустынѣ, гдѣ ее видѣлъ только Богъ. Толпа была разная. Одни нажились у египтянъ, имѣли деньги, гнали съ собою скотъ, сами ѣхали на лошадяхъ, ослахъ и верблюдахъ, на ночь раскидывали палатки, ѣли сытно и пили вино. Другіе шли полунагіе, оборванные, голодные. Одни были молоды, полны силъ и ничего не имѣли, другіе были стары, дряхлы, но имѣли женъ и наложницъ. Это была толпа бѣженцевъ, какъ мы видимъ ее теперь въ Польшѣ. Одни ѣдутъ въ каретахъ и везутъ брильянты и процентныя бумаги, другіе идутъ пѣшкомъ, съ котомкой за плечами и не знаютъ, что будутъ ѣсть завтра. Строгій Египетскій законъ остался за плечами, за Чермнымъ моремъ — впереди была пустыня, манили синѣющія горы. Впереди была свобода. Люди,

Александръ Николаевичъ, порочны по самому рожденію своему. Они завистливы. Они неравны ни по рожденію своему, ни по состоянію своему. Сильный сталъ обижать слабаго, слабый сталъ сопротивляться и мстить. Картина обычная въ люской толпѣ: — отъ мелкой кражи къ организованному грабежу, отъ ѣдкаго обиднаго слова къ убійству, отъ слова ласки къ прелюбодѣянію. Быстро, ничѣмъ не сдерживаемая дошла до этого еврейская толпа. Бога забыли. Да и знали то о Богѣ мало. Сотворили себѣ золотого тельца и поклонялись ему. Одни пьянствовали и предавались неслыханному разврату, другіе тутъ же умирали съ голода и надъ всѣмъ этимъ была только пустыня, синее небо и звѣзды. Судья, авторитетъ — одинъ — Моисей. Къ нему стали приходить обиженные со своими жалобами и онъ судилъ ихъ. Такъ примитивно создалась власть — выборная. Авторитетъ всѣми признанный. Но людей было много. Преступленія множились и Моисея не хватало. Въ эти дни догналъ Моисея въ пустынѣ Іоѳоръ, священникъ Мадіамскій, на дочери котораго Моисей былъ женатъ. Онъ увидѣлъ Моисея, окруженнаго тяжущимися, не имѣющаго ни минуты свободнаго времени и онъ далъ ему совѣтъ назначить изъ лучшихъ людей себѣ помощниковъ. Такъ создалась нормальная власть — не выборная, случайная, но изъ «людей способныхъ, боящихся Бога, людей праведныхъ, ненавидящихъ корысть»[1]). Они были назначены тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками.

Тамъ же въ библіи опредѣлена и сущность власти. Власть названа б р е м е н е м ъ. «И облегчи себя и пусть они несутъ съ тобою бремя»[2]). Бремя власти было роздано многимъ людямъ. Понадобились правила, какъ судить людей, понадобился,

---

1) Исходъ Гл. 18 ст. 21
2) Исходъ Гл. 18 ст. 22

стало быть, законъ. Евреи были у подножія нынѣ потухшаго вулкана — Синайской горы. Возможно, что тогда еще клубился дымомъ ея кратеръ и гудѣла и потрясалась земля. Если и теперь землетрясеніе и изверженіе вулкановъ наводитъ на людей паническій ужасъ, то какъ же должны были бояться этого необъяснимаго таинства тѣ примитивные люди, которые шли съ Моисеемъ. Тамъ Богъ! И туда то за закономъ для людей пошелъ Моисей. Окруженный сѣрнымъ дымомъ изверженія, испуганный и самъ совершающимся кругомъ таинствомъ природы Моисей дошелъ до чрезвычайнаго напряженія творческихъ силъ и создалъ геніальный по краткости кодексъ законовъ... И писали потомъ во всѣ вѣка законы великіе государственные люди, но выше этихъ короткихъ правилъ: — не укради, не убей, не прилюбы сотворы, не послушествуй на друга своего свидѣтельства ложна, чти отца твоего и матерь твою, не пожелай жены ближняго твоего, ни раба его, ни вола его... выше, проще, короче этого никто не придумалъ и не написалъ. Это то, что вырвалось у человѣка въ моментъ дѣйствительнаго вдохновенія, то есть тогда, когда устами человѣка говоритъ Господь Богъ.

Гремѣли и рокотали силы подземнаго изверженія, вспыхивало и въ клубахъ тяжелаго удушливаго дыма металось пламя и голосъ Моисея, говорившаго короткими фразами казался голосомъ невѣдомаго Бога!

Но... прошло обаяніе минуты, стихло изверженіе вулкана, люди отошли отъ страшной горы и снова стала соблазнять жена ближняго, и волъ его, и оселъ его и снова начались раздоры, ссоры и убійства. Люди не могли жить обществомъ въ мирѣ. Понадобился страхъ наказанія. Именемъ Господнимъ были произнесены страшныя слова: — «глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу»[1])

1) Исходъ Гл. 21 ст. 24

— создавалась въ бродячей толпѣ государственность и элементами ея явились судьи и палачи, потому что несовершенно человѣчество и грязны и гадки его помыслы. Но рядомъ съ этимъ суровымъ закономъ Моисей указалъ и другой законъ— законъ любви и прощенія. И напрасно думаютъ что заповѣди любви къ ближнему даны Христомъ. Онѣ были до Христа, но Христосъ возвысилъ ихъ и выдѣлилъ ихъ.

...«Слушай Израиль!» — восклицаетъ Моисей, — «Господь Богъ нашъ, Господь единъ!

«И люби Господа Бога Твоего, всѣмъ сердцемъ «твоимъ, и всею душею твоею, и всею силою твоею».

«И сказалъ Господь Моисею говоря:... «люби ближняго своего, какъ самого себя! Я Господь!»[1])

Вотъ какіе законы засталъ Христосъ, когда пришелъ на землю. И десять заповѣдей, на скрижаляхъ каменныхъ начертанныхъ и «глазъ за глазъ, и руку за руку» и великія заповѣди любви къ Богу и ближнему.

Христосъ призналъ всѣ эти человѣческіе законы какъ необходимые для того, чтобы сгладить неравенство людей, сильнаго и завистливаго сдѣлать не опаснымъ для слабаго и имущаго. Христосъ прямо и откровенно сказалъ: — «не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ, или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить»[2]).

Христосъ исполнялъ Іудейскіе и Римскіе законы и повиновался имъ. Напрасно стараются выставить Христа революціонеромъ, онъ никогда имъ не былъ. Онъ признавалъ законъ со всѣми его несовершенствами, съ тюрьмою, ссылкою, съ самою смертною казнью, потому что люди были несовершенны. Онъ не ходилъ по тюрьмамъ и Онъ, исцѣлявшій больныхъ и воскрешавшій мертвыхъ, никогда не освобождалъ заточенныхъ. Онъ не шелъ

1) Второзаконіе гл. 6 ст. 4 и 5. Левитъ гл. 19 ст. 18
2) Евангеліе отъ Матѳея 5 ст. 17,

противъ закона людского. Онъ, кроткій, простой, незлобный, другъ нищихъ и убогихъ, учитель среди простыхъ рыбаковъ не гнушался властями и не презиралъ ихъ. Онъ воскрешаетъ дочь Іаира, Онъ возлежитъ на богатомъ свадебномъ пирѣ въ Канѣ Галилейской, Онъ сидитъ съ фарисеями и не оскорбляетъ мытарей. Тѣмъ, кто ожидаетъ отъ Него возмущенія противъ властей и противъ богатыхъ, Онъ говоритъ:—«пришелъ Сынъ человѣческій: ѣстъ и пьетъ и говорите: «вотъ человѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ»[1]).

Іисусъ Христосъ нигдѣ не служилъ и ни отъ кого не зависѣлъ. У него не было никакихъ особыхъ, служебныхъ обязанностей, кромѣ одной — слѣдить за храмомъ. Онъ былъ посвященъ храму, какъ членъ общины и на Его обязанности лежало слѣдить за порядкомъ въ храмѣ. Христосъ увидѣлъ зло, творящееся въ храмѣ и Онъ воспротивился этому злу и употребилъ силу, чтобы искоренить это зло.

«... И нашелъ, что въ храмѣ продавали воловъ, овецъ и голубей и сидѣли мѣновщики денегъ.

«И сдѣлавъ бичъ изъ веревокъ, выгналъ изъ храма всѣхъ, также и овецъ и воловъ; и деньги у мѣновщиковъ разсыпалъ, а столы ихъ опрокинулъ.

«И сказалъ продающимъ голубей: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не дѣлайте домомъ торговли»...[2])

— Какъ возмутился бы Христосъ, сказалъ Саблинъ, если бы увидѣлъ въ минуты высочайшаго напряженія молитвы, когда священникъ въ экстазѣ простирается у престола и шепчетъ: «се жертва тайная совершена! Дорvносится».... Изъ алтаря выходитъ староста съ блюдцемъ и за нимъ длинная вереница сборщиковъ съ кружками. Звякаютъ

1) Евангеліе отъ Луки 7 ст. 34
2) Евангеліе отъ Іоанна 2 ст 14—16

мѣдные пятаки и шелестятъ бумажки... А эта стойка прилавокъ въ храмѣ, со свѣчами, просфорами, иконами и правомъ купить особую молитву за живого, или умершаго.

— Да, — сказалъ отецъ Василій, — несовершенствъ много у насъ и намъ нужна плетка... Но не о томъ моя рѣчь. Я хочу вамъ, Александръ Николаевичъ, сказать одно, что Христосъ земного не касался и земнымъ законамъ покорялся и ученіе его глубже, нежели то думаютъ многіе, мнящіе себя знатоками Евангелія...

L.

— Христосъ намъ далъ только одну новую заповѣдь. Эта заповѣдь покрываетъ собою всѣ законы людскіе и тотъ, кто исполнитъ въ полной мѣрѣ эту заповѣдь — тотъ становится выше закона, потому что законъ для него ничто, выше власти, потому что власть безсильна противъ него, выше государства, потому что всѣ законы государственные бьются объ эту заповѣдь Христову, какъ разбивается морской прибой о неприступную скалу.

Отецъ Василій, сказавши это, остановился. Онъ ожидалъ вопроса Саблина, но Саблинъ молчалъ. Опершись локтемъ на подушку онъ смотрѣлъ глубокимъ взоромъ на священника и слушалъ.

— Христосъ зналъ, что въ этой заповѣди весь смыслъ жизни людей и тотъ, кто сумѣетъ исполнить ее, тотъ сможетъ стать счастливымъ на землѣ и пройти жизненный путь внѣ тѣхъ тяжелыхъ огорченій, которыя являются спутниками жизни всякаго не христіанина. Христосъ хотѣлъ, чтобы ученики его поняли это и глубоко усвоили его заповѣдь. Приближались послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа. Онъ зналъ, какъ Богъ, что Ему предстоитъ перенести муки крестной казни и, какъ человѣкъ, въ предвидѣніи смерти страдалъ.

Его душа парила надъ землею, общаясь съ Богомъ и состояніе Его передавалось и Его ученикамъ, которые видѣли, что съ учителемъ ихъ происходитъ что то особенное. Христосъ собралъ учениковъ на послѣднюю общую трапезу. Онъ призвалъ ихъ однихъ, никого постороннихъ не было. Создавалась обстановка интимной близости, глубокаго довѣрія. Тихо мигали свѣтильники. Приближался праздникъ Пасхи и чувствовалось его дыханіе. Такъ недавно еще Христосъ въѣзжалъ въ Іерусалимъ, окруженный толпою народа и крики «Осанна!» раздавались кругомъ. Было ликованіе, бѣлыя одежды, взмахи пальмовыхъ вѣтвей, синее небо, лучи весенняго солнца — и вотъ уже ищутъ убить Христа и одинъ изъ учениковъ предаетъ Его. Бесѣда прерывается частыми паузами. Ученики смотрятъ на Христа и ждутъ, что Онъ имъ скажетъ.

Только что вышелъ Іуда и Симонъ Петръ уже зналъ, что онъ пошелъ предать Христа.

Наступило молчаніе. За дверьми стояла темная ночь.

— «Нынѣ прославился Сынъ человѣческій и «Богъ прославился въ Немъ.

«Если Богъ прославился въ Немъ, то и Богъ «прославитъ Его въ Себѣ и вскорѣ прославитъ Его.

«Дѣти! Не долго уже Мнѣ быть съ вами. Будете «искать Меня, и, какъ сказалъ Я Іудеямъ, что, куда «Я иду, вы не можете придти, такъ и вамъ говорю «теперь»....[1]), сказалъ Христосъ. Ученики не поняли Его словъ, но насторожились

И тутъ Христосъ первый разъ сказалъ, что Онъ даетъ заповѣдь, законъ, правило для людей.

— «Заповѣдь **новую** даю вамъ да «любите другъ друга, какъ Я возлю- «билъ васъ, такъ и вы да любите другъ «друга.

---

1) Евангеліе отъ Іоанна 13 ст. 31, 33

«По тому узнают всѣ, что вы Мои «ученики, если будете имѣть любовь «между собою»[1]).

Вотъ то новое, что принесъ съ собою въ міръ Христосъ. Вотъ единственная заповѣдь Христова — любить другъ друга такъ,какъ Христосъ любилъ людей, то есть, чтобы и оплеваніе, и заушеніе, и самую смерть принять за нихъ.

Сказавши это, Христосъ неудовлетворился, Ему нужно было, чтобы глубоко, глубоко въ сердца Его учениковъ вошло это высокое понятіе не простой любви къ ближнему, какъ самого себя, какъ того требовалъ Моисей, но любви особенной. Христосъ повторяетъ: «если любите Меня, соблюдите Мои заповѣди».[2]) И, какъ будто опасаясь, что ученики Его все еще не поняли, Онъ усиливаетъ требованіе свое, соблюсти то, что Онъ скажетъ.

— «Кто имѣетъ заповѣди Мои и соблюдаетъ «ихъ, тотъ любитъ Меня, а кто любитъ Меня, тотъ «возлюбленъ будетъ Отцомъ Моимъ; и Я возлюблю его и явлюсь ему Самъ».[3])

Ученики Его горѣли любовью къ Нему и Христосъ испытывалъ ихъ, подготовляя ихъ духъ къ воспріятію вѣчной истины. Все больше поднималось настроеніе, настала, наконецъ, минута полнаго духовнаго общенія, сердца учениковъ раскрылись и Христосъ повторяетъ имъ:

— «Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ «васъ.

«Нѣтъ больше той любви, какъ если «кто положитъ душу свою за друзей «своихъ.

1) Тамъ же 34, 35
2) Евангеліе отъ Іоанна гл. 13 ст. 14, 15
3) Тамъ же ст. 21

«Вы друзья Мои, если исполняете «то, что Я заповѣдую вамъ.

«Я уже не называю васъ рабами; «ибо рабъ не знаетъ, что дѣлаетъ го«сподинъ его; но Я назвалъ васъ дру«зьями, потому что сказалъ вамъ все, «что слышалъ отъ Отца Моего»...[1])

Христосъ освободилъ людей отъ рабства внѣшней жизни, пояснивъ имъ, что любовь несетъ свободу.

Третій разъ повторилъ Онъ ученикамъ своимъ:

—«Сіе заповѣдаю вамъ, да любите «другъ друга».[2])

Заповѣдь Христа одна: любовь къ людямъ въ той же сильной степени, доведенной до самоотреченія, какою любилъ Христосъ и самъ людей.

Сердце чисто созижди во мнѣ, Господи!

Христіанская религія состоитъ изъ внутреннихъ благихъ побужденій — и отъ этихъ благихъ побужденій вытекаютъ и соотвѣтствующіе поступки. Христосъ указалъ людямъ въ любви къ ближнему уподобиться Ему. Стать такими, какъ Онъ говорилъ о Себѣ:

— «Пріидите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и «обремененные, и Я успокою васъ.

«Возьмите иго Мое на себя, и научи«тесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ «вашимъ.

«Ибо иго Мое благо и бремя Мое «легко».[3])

Христіанская религія есть религія внутреннихъ побужденій. Тотъ дости-

---

[1]) Отъ Іоанна 15 ст. 12—15.

[2]) Тамъ же, ст. 17.

3) Евангеліе отъ Матѳея 11. ст 28 — 30

гнетъ Царствія Божія, свободы и величайшаго счастія, кто сможетъ такъ очистить сердце свое, чтобы всѣ мысли его были чистыми.

— «Вы слышали, что сказано древнимъ: «не «убивай. кто же убьетъ, подлежитъ суду».

«А Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на «брата своего напрасно, подлежитъ суду; кто же «скажетъ брату своему: «рака», подлежитъ синедріону; а кто скажетъ «безумный», подлежитъ «геённѣ огненной.

«Вы слышали, что сказано древнимъ: не пре«любодѣйствуй».

«А Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на «женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйство«валъ съ нею въ сердцѣ своемъ»...[1])

Вотъ чего требуетъ Христосъ: чистыхъ помысловъ.

— «И кто захочетъ судиться съ тобою и взять «у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

«И кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно по«прище, иди съ нимъ два.

«Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять «отъ тебя не отвращайся».

«..... любите враговъ вашихъ, благословляйте «проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ «васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ «васъ»...[2])

—Понимаете ли вы, что Богъ есть любовь! — воскликнулъ отецъ Василій и его голосъ зазвенѣлъ новыми нотами, какихъ не слыхалъ Саблинъ. Отецъ Василій всталъ и то ходилъ, то останавливался въ глубинѣ комнаты у окна, то подходилъ къ постели Саблина и говорилъ сильно и одушевленно.

— Вы ищете Христа, вы ищете правды Божіей, Царствія Его святого, вы создаете для этого законы,

1) Евангеліе отъ Матѳея 5. ст. 21 — 22, 27 — 28
2) Евангеліе отъ Матѳея 5. ст. 40 — 42 и 44

устраиваете политическія партіи, а между тѣмъ царство Божіе, правда Христова, счастіе и рай земной въ васъ самихъ находится. Только воспримите заповѣдь Христову о любви, только бросьте сѣмя любви въ сердце свое, научитесь любить и оно выраститъ и все объемлетъ. Христосъ уподобилъ царство небесное зерну евкалипта. Видали вы его когда либо? Маленькое оно, ну, какъ пылинка, а выростаетъ изъ него дерево огромадное, прилетаютъ на него птицы небесныя и укрываются въ вѣтвяхъ его.[1]) Зародите внутри себя это чувство любви и вы построите Царство Небесное и вы будете счастливыми и свободными и ни Царь, ни законъ, ни власть вамъ ничто. Все земное отпадетъ отъ васъ, и люди станутъ братьями и нѣтъ господина надъ вами — всѣ равны и свобода, свобода!

«..... вы знаете, что почитающіеся князьями на-«родовъ, господствуютъ надъ ними, и вельможи ихъ «властвуютъ ими», говоритъ Христосъ.

«Но между вами да не будетъ такъ; а кто хо-«четъ быть большимъ между вами, да будетъ вамъ «слугою.

«И кто хочетъ быть первымъ между вами, да «будетъ всѣмъ рабомъ.

«Ибо и Сынъ человѣческій не для того пришелъ, «чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать «душу Свою для искупленія многихъ».[2])

«И познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ «свободными» .... «всякій, дѣлающій грѣхъ, есть «рабъ грѣха»...[3])

Ученый губернаторъ и правитель Римскій Іудеи говоритъ Христу: «Итакъ ты Царь? — Іисусъ отвѣчалъ: «Ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился «и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтель-

1) Евангеліе отъ Матѳея гл. 13. ст. 31 и 32
2) Евангеліе отъ Марка гл. 10 ст. 42 — 45
3) Евангеліе отъ Іоанна гл. 8 ст. 32 и 34

ствовать объ истинѣ; всякій, кто отъ истины, слушаетъ гласа Моего.

Пилатъ сказалъ Ему: *что есть истина?* [1])

Вѣдь тутъ, подумайте, уже и отъ анархіи кое что есть, Христосъ анархистъ! Христіанство сродни анархизму, оно не признаетъ властей!! Вѣдь вотъ до чего можно договориться?... Какъ же это совмѣстить: «воздадите Кесарево Кесареви» и покорность передъ арестомъ и судомъ и слова Христа Пилату: «Ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если «бы не было дано тебѣ свыше»,[2]) то есть обожествленіе власти, признаніе того, что Богъ благословляетъ властителей на ихъ трудъ — съ этими словами о свободѣ и объ этой таинственной *истинѣ*, отъ которой несетъ анархіей.

Да если любовь во мнѣ, что мнѣ царь и начальство? Они хотятъ, чтобы я исполнялъ ихъ законы, а я такъ люблю каждаго изъ нихъ — не потому, что онъ царь, или начальникъ, а потому что онъ мой ближній, что готовъ душу свою отдать за нихъ и отдаю ее чисто, по влеченію сердца! А если и царь христіанинъ и начальникъ христіанинъ — да вѣдь тогда, подумайте, и они готовы отдать душу свою за подданныхъ и за подчиненныхъ. Вотъ вамъ и анархія! Одинъ служитъ, разрываясь на части, а другой рвется передъ служащимъ, чтобы угодить ему... Вы солдатъ и христіанинъ — вы стремитесь такъ служить, что начальникъ не нахвалится вами, но и начальникъ христіанинъ и онъ старается сдѣлать службу вашу такою, чтобы вамъ легко было. Вы горите другъ къ другу любовью и подлинно — *иго мое благо и бремя мое легко*. Когда вы любите, то все, что вамъ указываютъ легко, когда вы любя указываете — какой же это трудъ? Это счастіе, а не трудъ...

---

1) Евангеліе отъ Іоанна гл. 18 ст. 37 и 38
2) Евангеліе отъ Іоанна гл. 18 ст. 11

Война!.. Да если всѣ христіане не по имени, а по духу! Возможна ли война? Да нѣтъ-же! Врагъ васъ такъ любитъ, что готовъ самъ за васъ отдать душу свою, а вы его такъ же любите. Чепуха!, а не война. Понимаете ерунда, нелѣпость, вздоръ! Торжество антимилитаристовъ! Долой оружіе! Пришла пора разоружаться. Аминь...

Восьмичасовой рабочій день... Какая чушь! Да христіанинъ рабочій готовъ душу свою отдать за ближняго, за фабриканта, за капиталиста, онъ не то, что восемь, десять, двадцать часовъ готовъ работать. Но и фабрикантъ капиталистъ христіанинъ — онъ тоже видитъ въ рабочемъ ближняго. Не нужно восьми часовъ, пусть работаютъ семь, шесть часовъ, пусть предпріятіе дастъ полъ процента, никакого процента, идетъ въ убытокъ... Понимаете какое разрѣшеніе вопроса! Столкуются,вѣдь столкуются при любви то? Христіанской любви?

Аграрный вопросъ... Да гдѣ же онъ? Его нѣтъ. Помѣщикъ такъ любитъ крестьянина, что отдаетъ ему землю п о л ю б в и. А крестьянинъ можетъ и не возьметъ этой земли. А помните у гр. Толстого въ «Аннѣ Карениной» Левинъ отдаетъ землю крестьянамъ, а самъ въ сердцѣ то ненавидитъ, презираетъ. Или этотъ Нехлюдовъ въ «Воскресеніи», который не любитъ Катюшу Маслову, а хочетъ жениться на ней насильно, преслѣдуетъ ее и мучитъ себя и ее. Не любя отдаетъ землю крестьянамъ. Фарисей... «уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые «снаружи кажутся красивыми, а внутри полны «костей мертвыхъ и всякой нечистоты.

«Такъ и вы по наружности кажетесь людямъ «праведными, а внутри исполнены лицемѣрія и «беззаконія»...[1])

Праведники ли Левинъ и Нехлюдовъ? — нѣтъ, они обманщики, потому что не по любви дѣлали поступки свои, а лишь по желанію исполнить еванге-

1) Евангеліе отъ Матѳея гл. 23 ст 27 и 28

ліе, не понимая его, какъ не понималъ его гр. Л. Н. Толстой, какъ не понимаютъ его и соціалисты. Они хотятъ навязать его къ жизни, а Христосъ призналъ, что къ жизни ученіе его непримѣнимо. Жизнь сама по себѣ, а Царство Христово само по себѣ. Христіанская вѣра можетъ только смягчить, скрасить жизнь, но сдѣлать ее, такою, какъ надо не можетъ, потому что для этого надо, чтобы всѣ стали христіанами.

Ну возможно ли это?

«Когда выходилъ Христосъ въ путь, подбѣжалъ «нѣкто, палъ предъ нимъ на колѣна, и спросилъ «Его: учитель благій! что мнѣ дѣлать, чтобы наслѣ-«довать жизнь вѣчную?

«Знаешь заповѣди: не прелюбодѣйствуй, не уби-«вай; не кради; не лжесвидѣтельствуй; не обижай; «почитай отца твоего и мать»...[1])

Вотъ чего потребовалъ Христосъ отъ человѣка только соблюденія земныхъ, писаныхъ Моисевыхъ законовъ. По нынѣшнему только выполненія современныхъ законовъ до мелочей — законовъ гражданскихъ и военныхъ и довольно! Христосъ знаетъ насколько несовершенны люди и не требуетъ отъ нихъ подвига. Но тотъ человѣкъ хотѣлъ большаго.

— «Учитель!», — говоритъ онъ, — «все это сохра-«нилъ я отъ юности моей.»

«Іисусъ, взглянувъ на него, полюбилъ его и «сказалъ ему: одного тебѣ не достаетъ: пойди, все, «что имѣешъ, продай и раздай нищимъ; и будешь «имѣть сокровище на небесахъ; и приходи послѣ-«дуй за Мною, взявъ крестъ.

«Онъ же, смутившись отъ сего слова, отошелъ съ «печалью; потому что у него было большое имѣніе

«И посмотрѣвъ вокругъ, Іисусъ говоритъ учени-«камъ своимъ: какъ трудно имѣющимъ богатство «войдти въ царствіе Божіе!

---

1) Евангеліе отъ Марка гл. 10 ст. 17 и 19

«Ученики ужаснулись отъ словъ Его. Но Іисусъ «опять говоритъ имъ въ отвѣтъ: дѣти!. какъ трудно «надѣющимся на богатство войдти въ царство «Божіе.

«Удобнѣе верблюду пройдти сквозь игольныя «уши, нежели богатому войдти въ царствіе Божіе. ......«Истинно говорю вамъ: нѣтъ никого, кто оста- «вилъ бы домъ, или братьевъ, или сестеръ, или от- «ца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради «Меня и Евангелія.

«И не получилъ бы нынѣ, во время сіе, среди «гоненій, во сто кратъ болѣе домовъ, и братьевъ, и «сестеръ, и отцовъ, и матерей, и дѣтей, и земель. а «въ вѣкѣ грядущемъ жизни вѣчной.

«Многіе же будутъ первые послѣдними, и по- «слѣдніе первыми.»[1])

Анархія, Александръ Николаевичъ! Анархія и коммуна! И многіе соблазнились на этомъ. Ахъ,если бы поняли люди, что есть истина? Если бы отыскали они отвѣтъ на недоумѣнный вопросъ Пилата, оставленный Христомъ безъ отвѣта —тогда спала бы пелена съ ихъ глазъ и стало бы ясно все. И христіанство и соціализмъ, и Царство Божіе — и анархія и коммуна и царство тьмы—діавола.

LI.

Христосъ во всей своей земной жизни, во всей своей проповѣди строго раздѣлялъ земное отъ небеснаго, наружное отъ внутренняго, людское отъ Божескаго, здѣшній не совершенный міръ отъ міра нездѣшняго.

......«Вы отъ нижнихъ. Я отъ вышнихъ; вы отъ міра сего. Я не отъ міра сего»[2])

1) Евангеліе отъ Марка гл. 10 ст. 20 — 25 и 29 — 31
2) Евангеліе отъ Іоанна гл. 8 ст. 23

Внизу—борьба за существованіе, за пищу, одежду и кровъ, внизу браки и брачные пиры, похороны и скорбь, болѣзни, зависть, ненависть, преступленія, кровь, — все это чуждо Христу.

Это царство земное съ его царями и начальниками, офицерами и солдатами, кровопролитными войнами, преступленіями и казнями. Земное царство грѣховныхъ людей.

«Ищите же прежде царства Божія и «правды Его, и это все приложится «вамъ».[1])

Отецъ Василій остановился и перевелъ духъ. Онъ, преобразился. Глаза горѣли, какъ уголья. Онъ самъ спрашивалъ и отвѣчалъ, тексты изъ Евангелія смѣшивались съ его рѣчами. Рѣчь его сначала скучная и монотонная, похожая на проповѣдь, оживилась, онъ захватилъ Саблина своими словами и Саблинъ чувствовалъ, какъ трепетъ пробѣгалъ по его жиламъ.

— А гдѣ же оно? Гдѣ это царство Божіе, гдѣ искать то его?

«Не придетъ царствіе Божіе примѣтнымъ обра«зомъ.

«И не скажутъ: «вотъ, оно здѣсь», или: «вотъ, «тамъ». Ибо вотъ, царствіе Божіе внутрь васъ есть».[2])

Это желанія ваши, это помыслы ваши, это побужденія ваши.

......«Изъ сердца исходятъ злые помыслы, убійства, «прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣ«тельства, хуленія»...[3])

Устройте въ сердцѣ вашемъ храмъ Божій, изгоните изъ него всѣ помышленія злыя и вы достигнете въ этомъ мірѣ полнаго блаженства. Пусть

---

1) Евангеліе Матѳея гл 6 ст. 33
2) Евангеліе отъ Луки гл. 17 ст. 21
3) Евангеліе отъ Матѳея гл. 15 ст. 19

сердце станетъ полно благихъ помысловъ и все станетъ ясно.

«Духъ животворитъ: плоть не поль-«зуетъ нимало».[1])

Вотъ, гдѣ истина. Смѣшно и странно искать ее въ мірѣ съ его грѣхами. Какъ отчетливо говоритъ Христосъ: — «царство мое не отъ міра се-«го; еслибы отъ міра сего было царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не «былъ преданъ Іудеямъ; но нынѣ царство Мое не «отсюда»...[2])

На землѣ не можетъ быть Царствія Божія. Самое большее, чего можно достигнуть на землѣ это самому жить по христіански, такъ направить помыслы свои, чтобы любовь руководила всѣми помыслами нашими. Стать христіаниномъ.

«А теперь», пишетъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ св. апостолъ Павелъ, «пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше».[3])

Въ чемъ же заблужденіе соціалистовъ и почему я такъ смѣло противопоставилъ ихъ Христу и сказалъ, что они не за Христа, а противъ Христа? Вѣдь они тоже провозглашаютъ любовь — они говорятъ о братствѣ, о равенствѣ, о свободѣ!

Они хотятъ Царствіе Божіе, которое не отъ міра сего поставить въ міръ сей. Они хотятъ то, что должно появиться, какъ результатъ внутренней работы надъ собою, какъ результатъ христіанской любви поставить въ законъ. Братство и равенство—когда сердце ненавидитъ и ропщетъ! Богъ не создалъ людей равными.

«Большій будетъ въ порабощеніи у меньшаго.

«Іакова Я возлюбилъ, а Исава возненавидѣлъ.

---

1) Евангеліе отъ Іоанна гл. 6 ст. 63

2) Евангеліе отъ Іоанна гл. 18 ст. 36

3) Первое посланіе къ Коринѳянамъ св. ап. Павла. гл. 13, ст. 13.

« Что же скажемъ? Неужели неправда у Бога? «никакъ.

«Ибо онъ говорилъ Моисею: «кого миловать, по-«милую; кого жалѣть, пожалѣю».

«А ты кто, человѣкъ, что споришь съ Богомъ?

«Издѣліе скажетъ ли сдѣлавшему его: «зачѣмъ «ты меня такъ сдѣлалъ?»

«Не властенъ ли горшечникъ надъ глиною, что-«бы изъ той же смѣси сдѣлать одинъ сосудъ для «почетнаго употребленія, а другой для низ-«каго?...[1])

Какъ же мы можемъ навязать равенство насильно людямъ? Какъ же можемъ братство сдѣлать закономъ и освободить людей, иначе какъ черезъ Христа. Какая ерунда получается изъ этого стремленія Царство Божіе извлечь изнутри, взять сверху и спустить внизъ, сдѣлать земнымъ Царствомъ.

Чтобы сдѣлать это пришлось собрать во едино всѣхъ бѣдняковъ и ополчить ихъ на богатыхъ. Соціалисты кликнули кличъ по всему міру: пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь! Для чего? Для борьбы, ибо соціалисты говорятъ: — въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

Аминь! Подлинно хорошее дѣло затѣяли!

Гдѣ же сіи три? Вѣра, надежда, любовь? Вѣра отринута. Люди разочаровались достигнуть внутренняго Царствія Божія, единственнаго дарующаго свободу, они отказались искать истину по пути, торжественно заповѣданному Христомъ, пути любви все двигающей и пошли по пути лжи. Вѣры нѣтъ. Нѣтъ Христа, нѣтъ Бога, нѣтъ и любви. На что же надѣяться. На побѣду въ классовой борьбѣ! Кровь и ненависть внесли соціалисты въ міръ взамѣнъ любви.

Ихъ ученіе отъ міра сего. Изъ низинъ человѣческой души, изъ злобы и зависти поднялось оно

---

1) Посланіе къ Римлянамъ св. ап. Павла, гл. 9. ст. 12— 15 и 20 и 21.

и нѣтъ въ немъ ничего христіанскаго. Ихъ ученіе зло и ненависть. Ненависть всѣхъ ко всѣмъ. Ихъ ученіе темная сила, сила діавола.

Никогда! Никогда ничего не было и нѣтъ въ ученіи Христіанскомъ соціалистическаго и ничего нѣтъ схожаго въ Христѣ съ соціалистами. Христосъ — и Петръ Верховенскій, Христосъ — и Шатовъ. Христосъ — и Ставрогинъ! Жуткія сопоставленія! Христосъ и Ропшинъ, авторъ «Коня блѣднаго» съ его сложными переживаніями во время обдумыванія политическаго преступленія, изготовленія бомбы, подкарауливанія и убійства. Любовь и ненависть.

Да можно ли, скажутъ мнѣ, быть христіаниномъ въ этомъ мірѣ? Можно ли найдти истину и утвердить царство Божіе внутри себя?

Христіанство, или соціализмъ? Любовь, полагающая душу свою за други своя и дарующая истинную свободу или свобода насилія, равенство и братство ненависти, борьба за право?

Что же такое христіанство въ мірѣ семъ?

LII.

Апостолъ Павелъ говоритъ:

»Если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло «мое на сожженіе, а любви не имѣю: нѣтъ мнѣ «въ томъ никакой пользы»...[1])

Слышите, Левъ Николаевичъ? Слышите Левинъ и Нехлюдовъ? Каково было ваше сердце, когда отдавали вы имѣніе свое крестьянамъ и отдавали тѣло свое на сожженіе Катюшѣ Масловой? Вы не были тогда христіанами и не было вамъ отъ того никакой пользы.

1) Первое посланіе св. ап. Павла къ Коринѳянамъ гл. 13 ст. 3

«Любовь,» говоритъ дальше апостолъ Павелъ, «долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится.

«Не безчинствуетъ, не ищетъ своего, «не раздражается, не мыслитъ зла.

«Не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ;

«Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ.[1])

Какая яркая, какая точная программа всей жизни христіанина. Все съ любовью и все черезъ любовь и любовь прежде всего.

Христіанинъ не отказывается отъ земного благополучія, — потому что богатство и дары земли даютъ ему возможность расширить дѣйствующую любовь и больше помогать ближнимъ.

Богъ создалъ землю людямъ, чтобы они питались отъ земли. Онъ сотворилъ животныхъ, чтобы они служили человѣку, онъ создалъ рыбъ, чтобы онѣ кормили его. Земля, дающая хлѣбъ и плоды, питающая скотъ, одѣвающая насъ, производящая тепло и свѣтъ, дающая металлы дана для того, чтобы на ней трудился человѣкъ. Трудъ надъ землею, обработка земли, сборъ урожая полей и садовъ, уходъ за стадомъ, ловля рыбы — вотъ о чемъ говоритъ Христосъ въ притчахъ и уподобленіяхъ своихъ. Земное землѣ. Земной человѣкъ да трудится надъ землею, утучняетъ, орошаетъ ее, собираетъ житницы, бережетъ стада свои, но еще больше бережетъ сердце свое. Трудъ и работа во всѣхъ видахъ благословлены Христомъ и чѣмъ больше труда, чѣмъ больше работы — тѣмъ лучше, тѣмъ больше благословенія Господа, если не забыто главное— чистое побужденіе сердца.

Христосъ не аскетъ, не изувѣръ, но чистый сердцемъ благожелательный человѣкъ, подходящій лю-

---

1) Тамъ же ст. 4—7

бовно и безъ осужденія ко всякому земному человѣку.

Если судьба поставила христіанина начальникомъ, солдатомъ, судьею — онъ стремится къ точному исполненію законовъ, потому что только тогда возможно совмѣстное сожительство людей порочныхъ съ людьми чистыми сердцемъ. Христіанинъ начальникъ борется со зломъ, какъ Христосъ боролся съ тѣми, кто оскверняль храмъ. Но христіанинъ начальникъ борется, не ненавидя сердцемъ совершившаго зло. Простой народъ, Александръ Николаевичъ,солдаты, очень чутко понимаютъ, какъвы наказали провинившагося за поступокъ —со злобою въ сердцѣ, или любя и прощая его сердцемъ, наказали по обязанности. У христіанина вражды нѣтъ ни къ кому — «если врагъ твой голоденъ. «накорми его; если жаждетъ напой его; ибо дѣлая «сіе ты соберешь ему на голову горячіе уголья»...[1]) ......«Начальствующіе» — пишетъ Римлянамъ, — апостолъ Павелъ, «страшны не для добрыхъ дѣлъ но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро и получишь похвалу отъ нея.

«Ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешъ зло — бойся: ибо онъ не напрасно носитъ мечъ; онъ Божій слуга. отмститель въ наказаніе дѣлающему злое.

«И потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти.

«Для сего и подати платите: ибо они Божіи служители, симъ самымъ постоянно занятые.

«Итакъ отдавайте всякому должное: кому подать — подать; кому оброкъ — оброкъ; кому страхъ — страхъ; кому честь — честь.

---

1) Посланіе къ Римлянамъ св. ап. Павла гл. 12 ст. 20.

«Не оставайтесь должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви; ибо любящій другого исполнилъ законъ»...[1])

Христіанинъ никогда не ищетъ власти самъ, онъ не честолюбивъ, но если на него — путемъ ли выборовъ, или назначенія будетъ возложено бремя власти, онъ не потворствуетъ злу, не непротивленствуетъ, но борется со зломъ всѣми законными средствами и если нѣтъ другого пути побѣдить зло, какъ смерть, христіанинъ не остановится и передъ смертною казнью. Христіанское ученіе исключаетъ возможность смертной казни, потому что среди христіанскаго общества царитъ любовь, а гдѣ любовь, тамъ не могутъ быть такіе проступки, которые заставили бы казнить смертью... Но тамъ, гдѣ нѣтъ христіанскихъ понятій, гдѣ люди живутъ не во Христѣ, тамъ приходится спасать малыхъ сихъ отъ соблазна и тамъ начальникъ «не напрасноноситъ мечъ — онъ Божій слуга».

Христіанинъ всегда въ хорошемъ радостномъ настроеніи духа, — его глаза не туманятся злобою, завистью и ненавистью, его помыслы чисты. Больше становится въ государствѣ христіанъ — свѣтлѣе жизнь, отмираютъ суровые законы. Смертная казнь остается лишь на бумагѣ, ее отмѣняютъ, тюрьмы пусты, не слышно про кражи, грабежи и убійства — наступаетъ золотой счастливый вѣкъ — это счастье дало человѣчеству соблюденіе великой религіи Христа.

Христіанство исключаетъ политическія партіи, политическую и классовую борьбу. Побужденіемъ христіанина должна быть любовь. — Политическая партія, напротивъ, въ основу своего существованія ставитъ ненависть. Кто не съ нами, тотъ противъ насъ, говоритъ всякая партія и жизнь людей строится на началахъ, противоположныхъ

1) Посланіе къ Римлянамъ св. апостола Павла гл. 13 ст. 3—8.

христіанству. Политическая партія говоритъ: свобода, равенство и братство — а уже заранѣе стремится къ тому, чтобы уничтожить и подавить свободу противоположной партіи, чтобы стать выше ея и всюду провести своихъ и, говоря о борьбѣ, ненавидитъ брата своего. Гдѣ появляются политическія партіи, тамъ уходитъ Христосъ съ его ученіемъ любви. Тамъ становится діаволъ. Зависть, злоба, кража, убійство съ одной стороны, заставляютъ другую принимать чрезвычайныя мѣры охраны, усиливать полицію, строить тюрьмы, на убійства отвѣчать казнями. Чѣмъ дальше люди уходятъ отъ Христа, тѣмъ невозможнѣе становится жизнь и никакое людское ученіе не замѣнитъ того, что далъ людямъ Христосъ: стремленія къ чистымъ помысламъ.

Ищите прежде всего Царствія Божія и прочее все приложится.

Царствіе же Божіе не отъ міра сего.

Царствіе Божіе внутри васъ.

Земельный, рабочій, половой, военный — всѣ такъ называемые нашими недозрѣлыми философами юнцами проклятые вопросы, всѣ рѣшаются просто: живите во Христѣ. Трудясь надъ землею, создайте внутри себя Царство Божіе, постройте въ сердцѣ своемъ храмъ любви къ ближнему — больше нежели къ себѣ и не станетъ проклятыхъ вопросовъ, но все станетъ ясно. Вотъ что есть — истина.

LIII.

— Ученіе Христа и христіанская церковь, какъ общество вѣрующихъ — это вещи разныя, — тихо и задумчиво проговорилъ отецъ Василій. На этомъ многіе, даже и сильные духомъ люди, каковымъ несомнѣнно былъ гр. Левъ Николаевичъ Толстой, не разъ спотыкались. Церковь — отъ

міра сего, церковь отъ нижнихъ, ученіе же Христово отъ высшихъ, не отъ міра сего.

Отецъ Василій задумался и, наконецъ, проговорилъ: когда всѣ люди станутъ христіанами, тогда и церкви съ ея князьями — епископами и со всѣмъ синклитомъ не станетъ. Но тогда и власти не будетъ... Тогда наступитъ истинное Царствіе Божіе....

Онъ опять помолчалъ.

— Нѣтъ... — сказалъ онъ... — невозможно... не отъ міра сего... А пока міръ во грѣхѣ стоитъ, пока сердце распалено злобою и ненависть къ брату кипитъ въ сердцѣ... нужна она... Сердце Богу сокрушенное и смиренное... И алтарь всесожженій... и золотая мечта — сказка... и шестикрылые серафимы, и таинство, и шопотъ у престола, и воздѣяніе рукъ и одежды, отъ покроя которыхъ пахнетъ вѣками древности и дымъ кадильный... все нужно... Грубо сердце, ожесточили его заботы злыя, колючія, сокрушила его зависть житейская и надо, чтобы ликъ небесный воспѣлъ и возглаголилъ: благослови душе моя, Господи, благословенъ еси Господи! Благослови душе моя Господи! И вся внутренняя моя.... Изъ тьмы вѣковъ глядитъ на васъ со старыхъ иконъ, съ золота иконостаса, съ жеста благословенія, изъ напѣва хора церковнаго великое прошлое. Отецъ, мать, дѣдъ, прадѣдъ, пращуръ — такъ молились и кланялись такъ, и свѣчи возжигали и простирались, касаясь лбомъ холоднаго пола, когда въ сумракѣ алтаря появлялась въ дымѣ кадильномъ чаша и дрожащій голосъ іерея несся, какъ бы изъ глубины тысячелѣтій: всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!...

Здѣсь вся исторія великой Россіи. — Откиньте ее, забудьте подвиги прошлаго — и останется леденящая скука и въ заботахъ житейскихъ завянетъ сердце.

Такими словами молился великій Петръ въ синеглавомъ Троицкомъ соборѣ молодого Петер-

бурга и золото березокъ сверкало кругомъ храма и ревѣли грубые голоса синодскихъ пѣвчихъ «Тебѣ Бога хвалимъ!»

Такъ въ Успенскомъ Соборѣ, монотонно въ унисонъ, мрачно пѣлъ хоръ монаховъ опричниковъ и входилъ, насупивъ брови, безумный Іоаннъ...

Къ этимъ напѣвамъ прислушивались гонцы развѣдчики Владиміра Красное Солнышко, когда въ храмѣ Византійскомъ забыли они, гдѣ находятся — на землѣ, или на небѣ.

Отъ нижнихъ церковь зоветъ ваше сердце къ высшимъ и настраиваетъ васъ къ дѣламъ любви.

Церковь не только національна, она всемірна. Отъ Іоанна Златоуста и Василія Великаго, творцовъ литургій, и до нашихъ дней она неизмѣнна. Отъ нихъ къ апостоламъ, отъ апостоловъ къ Христу. И когда въ замершей тишинѣ мягко говоритъ вамъ хоръ: да пріидетъ Царствіе Твое — вы знаете, что такъ молиться училъ васъ Христосъ.

Уважающее себя государство, любящее гражданъ, стремящееся къ уничтоженію смертной казни, къ христіанской любви и богатой хорошей жизни своихъ гражданъ никогда не отдѣлится отъ церкви. Церковь есть лучшая часть государства.

Государству, разъѣдаемому политическими партіями, церковь опасна. Церковь настраиваетъ на любовь. А можетъ ли монархистъ любить соціалиста и соціалистъ понять монархиста?

Но государство, отдѣлившееся отъ церкви, обрекаетъ подданныхъ своихъ на вѣчную борьбу, на ненависть и взамѣнъ церкви устраиваетъ — митинги, партійную дисциплину, демонстраціи, смертныя казни и избіенія однихъ гражданъ другими.

Церковь съ ея обрядами, молитвы, постановка свѣчей, крестное знаменіе и вздохи, самое таинство — исповѣдь и причащеніе — только богохульство, если нѣтъ великой христіанской любви къ ближнему.

«Ибо», пишетъ Галатамъ апостолъ Павелъ, «весь законъ въ одномъ словѣ заключается: люби ближняго твоего, какъ самаго себя»[1])

«Кто говоритъ: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ; ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ?»[2])

Отецъ Василій замолчалъ. Саблинъ лежалъ на койкѣ, ничего не говоря. Въ комнатѣ было тихо.

— Если бы не было церкви, — сказалъ отецъ Василій, — какъ и откуда люди научились бы кроткому ученію Христа? Религію нельзя преподавать въ гимназіи, или школѣ, какъ философію, или математику. Ее нужно повторять непрерывно, повторять въ обстановкѣ необычной, такой, чтобы била по воображенію и захватывала сердце. Вѣдь и, тѣ кто несетъ намъ ученіе діавольское, проповѣдники ненависти — соціалисты — они тоже ищутъ митинговъ, шумныхъ процессій, пѣнія гимновъ, зовущихъ къ мятежу и убійству. И у нихъ есть свои гражданскія панихиды и демонстраціи, чтобы распалить злобою сердце человѣка, еще кроткое отъ съ дѣтства воспринятаго ученія Христа. И какъ спасетесь вы безъ церкви, откуда узнаете вы истину и откроете внутри себя Царство Божіе, если не возьмете иго Его на себя и не научитесь отъ Него: ибо Онъ кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Его благо и бремя Его легко!...[3])

---

1) Посланіе къ Галатамъ св. ап. Павла гл. 5 ст. 14.

2) Первое посланіе отъ Іоанна гл. 4 ст. 20

3) Толкованіе Евангелія, которое дѣлаетъ Саблину отецъ Василій, взято изъ «Основы христіанской морали», не напечатанной рукописи Р. І. Термена. Р. І. Терменъ по роду службы артиллерійскій офицеръ, въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ работалъ надъ этимъ вопросомъ. Его «Основы христіанской морали» вылились въ слѣдующихъ догматахъ: — христіанская ре-

LIV.

Когда Саблинъ проснулся на другой день, онъ увидалъ, что отца Василія не было; его койка была тщательно прибрана и служитель снималъ съ прута у изголовья написанный мѣломъ скорбный листъ.

— Гдѣ батюшка? Онъ уѣхалъ? — спросилъ Саблинъ.

— Такъ точно. — отвѣчалъ служитель. — Сегодня рано утромъ. Встали, собрались и уѣхали. Прямо на фронтъ.

— Какъ же это такъ? А разрѣшеніе?

— Разрѣшеніе они еще вчера исхлопотали у врача, да сказывали, дѣло у нихъ тутъ какое то незакончено, вотъ до разсвѣта и остались. Очень жалѣли, что вы почивать изволили, а будить не пожелали. Просили вамъ передать этотъ пакетъ.

Саблинъ развернулъ свертокъ и увидалъ небольшое Евангеліе въ мягкомъ черномъ кожаномъ переплетѣ. Саблинъ раскрылъ его и замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста въ немъ были отчеркнуты краснымъ карандашомъ. Книга раскрылась на такомъ мѣстѣ и Саблинъ прочелъ: — ибо кротокъ Я и смиренъ сердцемъ.....

Пришла Александра Петровна. Она принесла букетъ лохматыхъ хризантемъ.

— Вотъ, — сказала она — сожитель вашъ, отецъ Василій, выписался, скоро и вамъ можно на выписку. Какъ я счастлива! Вы оба мои и обоихъ я отстояла отъ смерти.

лигія есть религія внутреннихъ побужденій. Христосъ призналъ и подчинился всѣмъ законамъ человѣческимъ. Насильственно нельзя достигнуть Царства Божія, потому что оно не отъ міра сего и находится внутри насъ, въ нашихъ внутреннихъ побужденіяхъ. Ученіе соціализма, какъ стремящееся насильственно внести въ жизнь христіанскіе догматы, разрушаетъ любовь, а потому несовмѣстимо и даже противоположно христіанству.

Ея глаза сверкали добротою и счастьемъ. Христіанская любовь скрасила угловатыя черты неправильнаго лица и оно казалось прекраснымъ.

Александра Петровна нагнулась къ Саблину. Саблинъ схватилъ ея руку и покрылъ поцѣлуями. Слезы блистали на его глазахъ.

— Вотъ такъ, вотъ такъ, — проговорила тронутая Александра Петровна. — Что же это такое?

Ея рука дрожала.

— Пустите меня. Не надо такъ дѣлать. Не надо, не надо! Это волнуетъ меня, — сказала она.

— А вы не хотите волненій?

— Все это, Александръ Николаевичъ, было и прошло. Я стала другая, да и вы не искренни. Той любви въ васъ нѣтъ. Я обрѣла здѣсь счастье и покой.

— Убіеніе плоти, — сказалъ Саблинъ.

— Нѣтъ. Любовь сердца.

— Вы говорили съ отцомъ Василіемъ?

— Много и долго. То, что онъ мнѣ сказалъ, не было для меня ново. Я бродила подлѣ этого, но искала успокоенія во внѣшнемъ, въ молитвѣ, поклонахъ, въ исповѣди, а отецъ Василій мнѣ указалъ вѣрный путь любви и я пришла этимъ путемъ въ тихую пристань. Я счастлива.

— Вы были сильно несчастливы?

— Очень. Вы знаете, я развелась съ мужемъ. Жоржъ меня бросилъ. У меня ничего и никого не осталось. Но не будемъ говорить обо мнѣ. Я со вчерашняго вечера томлюсь съ однимъ вопросомъ, касающимся васъ и не знаю, какъ къ вамъ подойдти такъ, чтобы отвѣтъ былъ благопріятный.

— Въ чемъ дѣло?

— Я должна васъ поздравить. Вы назначены командиромъ N-скаго гусарскаго полка.

— Вотъ какъ! Благодарю васъ. Откуда вы это узнали?

— Вчера мнѣ принесли телеграмму и письмо изъ Ставки.

— Отъ кого, не секретъ?

— Телеграмма отъ Государыни. Она первая поздравляетъ васъ. Изъ этого я вижу, что она мучается и хочетъ, чтобы вы простили ей.

— Не будемъ говорить объ этомъ, милая Александра Петровна.

— Нѣтъ, Александръ Николаевичъ, именно будемъ. Это малодушіе. Вы должны пощадить ее. Она такъ страдаетъ.

— Зачѣмъ она въ Ставкѣ?

— О, я знаю. Говорятъ, что она ѣздитъ туда со шпіонскими цѣлями. Какъ вамъ не стыдно даже думать объ этомъ! Вы то вѣдь знаете, что это гнусная клевета.

— Хорошо, — сказалъ Саблинъ, — чего же вы отъ меня хотите?

— Я хочу, чтобы вы просто, сердечно отозвались на эту поздравительную телеграмму. Николай Николаевичъ мнѣ пишетъ, что полкъ вамъ даютъ на какіе нибудь два мѣсяца. Вамъ хотятъ непремѣнно дать N-скую кавалерійскую дивизію. Императрица заботится объ этомъ.

— Я этого не ищу. Мнѣ ничего не надо.

— Я понимаю васъ... Но это нужно для Россіи. Надо, чтобы такіе люди, какъ вы, возвышались.

— Что же во мнѣ особеннаго?

— Вы честный и храбрый... И, если второе качество еще бываетъ у нашихъ начальниковъ, то первое такъ рѣдко! Вы то не измѣните Государю даже изъ за Распутина! А послушайте, что кругомъ говорятъ. Война становится все тяжелѣе. У насъ уже нѣтъ ни снарядовъ, ни патроновъ, ни ружей, а конца ей не видно.

— Вернемся къ вашей просьбѣ. Вы знаете какъ мнѣ трудно писать Императрицѣ?

— Если бы было легко, я бы не просила. Я знала бы, что вы и безъ меня напишете.

— Ахъ, зачѣмъ! Зачѣмъ это было! — стономъ вырвалось у Саблина.

— Мы не знаемъ, для чего Господь посылаетъ намъ то, или иное испытанiе.

— Ахъ, Господь! Только не Господь! Не поминайте Имени Его рядомъ съ такимъ ужасомъ.

— Зло можно побѣдить только добромъ. Дiавола отгоните крестнымъ знаменiемъ. Ваша телеграмма будетъ знакомъ милости.

Саблинъ не отвѣчалъ. Александра Петровна сидѣла на стулѣ у его койки и ея большiе сѣрые глаза были съ глубокою любовью устремлены на него. Передъ нимъ проносились послѣднiя три ночи и бесѣда съ отцомъ Василiемъ. Вотъ первый шагъ, первая проба исполнить заповѣдь любви и отвѣтить ласковымъ словомъ тому, кого ненавидишь. Да ненавидишь-ли? Развѣ не любилъ и не жалѣлъ онъ Императрицу? Развѣ онъ не понимаетъ, что такое для нея Распутинъ? Демонъ, овладѣвшiй ею, тяжелый крестъ, наваленный на ея усталыя плечи... Ахъ, если бы она была просто женщина и не была такъ тѣсно связана съ нею судьба Россiи, побѣда, или пораженiе. Къ чему вся эта кровь, къ чему муки его раны, къ чему убитый Коля и милый Ротбекъ, изуродованный снарядомъ, къ чему? Когда надъ всѣмъ этимъ стоитъ грязный развратный мужикъ, надругавшiйся надъ его женою.

— Нѣтъ, — тихо сказалъ онъ, — не могу.

— Вотъ посмотрите, что я написала: — Полковникъ Саблинъ всеподданнѣйше приноситъ вашему императорскому величеству благодарность за милостивое вниманiе. Осчастливленный вашею ласкою на новомъ мѣстѣ съ новыми силами буду стремиться къ побѣдѣ надъ врагомъ и славѣ Русскаго оружiя. Вамъ только подписать.

— Неладно, Александра Петровна. Вы начинаете въ третьемъ лицѣ, а потомъ переходите на первое.

— Простите. Я когда писала, думала о васъ, а писала отъ себя. Но это такъ просто передѣлать.

«Приношу» — и все готово. Подпишите, я сейчасъ пошлю.

«Кто говоритъ: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ: ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ» — подумалъ Саблинъ.

Онъ почувствовалъ, что не можетъ отказаться отъ мысли о Богѣ, не можетъ не вѣрить, не можетъ не искать Царствія Божія прежде всего. Маленькое, какъ пылинка, какъ сѣмя евкалипта зерно любви вошло въ его сердце и уже выростало молодымъ сильнымъ и упругимъ росткомъ. Саблинъ взялъ изъ рукъ Александры Петровны блокъ нотъ и карандашъ и крѣпкимъ рѣзкимъ почеркомъ написалъ: — «Глубоко тронутъ вниманіемъ вашего императорскаго величества и всеподданнѣйше приношу благодарность вамъ, Царица, за ваше поздравленіе. Во главѣ полка буду стремиться къ побѣдѣ и славѣ Россіи, выше которой для меня ничего нѣтъ. Флигель-адъютантъ Полковникъ Саблинъ».

— Пошлите, — рѣзко сказалъ онъ.

Александра Петровна пробѣжала глазами листокъ, нагнулась къ Саблину и горячо поцѣловала его мягкими сочными губами.

— Богъ да хранитъ васъ, — сказала она.

Саблинъ лежалъ съ закрытыми глазами и тяжело дышалъ. Не легко далась ему эта телеграмма.

Черезъ двѣ недѣли Саблинъ, совершенно оправившійся отъ ранъ, ѣхалъ въ армію принимать N-ской гусарскій полкъ. Ранней весною 1915 года онъ уже получилъ бригаду, а лѣтомъ того же года былъ назначенъ, не въ примѣръ прочимъ, начальникомъ N-ской кавалерійской дивизіи.

Ко всѣмъ этимъ назначеніямъ онъ отнесся съ христіанскимъ смиреніемъ, онъ принялъ увеличившуюся власть, какъ бремя и всю силу любви положилъ на улучшеніе частей, которыми онъ командовалъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ бою 11-го сентября 1915 года, подъ Желѣзницей, хорунжій Алексѣй Павловичъ Карповъ былъ раненъ въ грудь изъ пулемета. Онъ былъ всего второй мѣсяцъ въ полку и былъ влюбленъ въ полкъ тою особенною юношескою любовью, которою любить умѣютъ только очень чистые, не знающіе женской любви молодые люди. Все въ полку для него было отлично и онъ одинаково влюбленными глазами смотрѣлъ и на стараго полковника Протопопова, командира полка, и на толстаго и неповоротливаго командира сотни есаула Иванова и на своихъ товарищей офицеровъ и на казаковъ. Все было а д с к и хорошо. Это выраженіе а д с к и хорошо, а д с к и прекрасно у него осталось отъ кадетскаго корпуса и вырывалось непроизвольно, какъ онъ ни слѣдилъ за собою. Онъ былъ совсѣмъ юный, красивый брюнетъ съ чуть потемнѣвшей отъ начавшихъ пробиваться молодыхъ усовъ верхней губою. Онъ былъ выше средняго роста, отлично сложенъ и имѣлъ большіе темные глаза, прикрытые густыми длинными рѣсницами и смотрѣвшіе ясно и чисто.

Бой подъ Желѣзницей былъ первый серьезный бой, въ которомъ онъ участвовалъ. Спѣшенная кавалерія столкнулась съ германской пѣхотой, заняв-

шей укрѣпленную деревню. Былъ ночной штурмъ горящей деревни при лунѣ, по чистому болотному лугу, пересѣченному канавами, была побѣда, отнятые у германцевъ пулеметы, были взяты плѣнные. Карповъ видѣлъ, какъ бѣжали германцы, самъ бѣжалъ за ними, увидалъ нѣмецкаго солдата, лежавшаго съ пулеметомъ, кинулся на него съ казаками Кузнецовымъ, Скачковымъ, Лиховидовымъ и Баранниковымъ, былъ раненъ, перевернулся, чуть не упалъ, но продолжалъ бѣжать, пока не увидалъ, что Баранниковъ ударилъ штыкомъ германца, а Лиховидовъ и Скачковъ схватили пулеметъ. Потомъ Карповъ, обливаясь кровью и сплевывая ее, бѣжалъ по освѣщенной пожарами и полной дыма улицѣ. Кругомъ бѣжали казаки и откуда то взявшіеся гусары, кто то хриплымъ голосомъ кричалъ: — впередъ! впередъ!... Потомъ не стало силы бѣжать и Карповъ сѣлъ на сваленныя на серединѣ дороги бревна и смотрѣлъ широко раскрытыми глазами на то, что происходитъ. Временами онъ не понималъ, дѣйствительно ли онъ видитъ это, или онъ спитъ и его душатъ кошмары.

Онъ сидѣлъ на площади. Напротивъ была часть деревни, еще не охваченная пожаромъ. Здѣсь, отдѣляясь отъ другихъ домовъ, стоялъ небольшой домикъ и на немъ лежалъ германецъ съ пулеметомъ. Полная луна освѣщала его сверху. Зарево пожара бросало на него красные блики. Онъ былъ такъ близокъ къ Карпову, что ему видно было его длинное сухое лицо безъ усовъ и бороды съ каской, накрытой сѣрымъ чахломъ. Домикъ окружили казаки и гусары и кричали германцу, чтобы онъ сдавался, но германецъ старался такъ повернуть пулеметъ, чтобы попасть въ окружавшихъ его людей. Но люди стояли слишкомъ близко къ дому и ему это не удавалось и тогда онъ стрѣлялъ вдоль по улицѣ, по которой все бѣжали казаки и гусары.

— Ишь, чортъ проклятый! — кричалъ кто то изъ казаковъ, окружившихъ германца пулеметчика, —

не сдается, сволочь. Эй ты! Одинъ ты остался! Эйнъ! Эйнъ! Сдавайся камрадъ! Вафенъ нидеръ!

Но германецъ не желалъ сдаваться.

— Митякинъ, полѣзай за имъ, — кричали изъ толпы.

— Полѣзай! Самъ полѣзай. Ишь ловкій какой! Не видишь что-ль, какой онъ! Оголтѣлый. Ему одно смерть. Онъ это понимаетъ. Такъ онъ тебя и допуститъ.

— Чего, казаки, церемонитесь съ нимъ. Поджечь его, такъ живо сдастся, — крикнулъ пробѣгавшій мимо гусаръ.

— И то поджечь. Ну, айда ребята за огнемъ.

Откуда то быстро притащили зажженные соломенные жгуты и запалили хату. Красные языки поползли по темнымъ стѣнамъ, отразились во вдругъ покраснѣвшемъ окошкѣ и весело затрещали по крышѣ.

— Слѣзай, братъ, сгоришь.

Лицо германца выражало нечеловѣческую муку и отчаяніе. Онъ то поднималъ глаза къ небу, будто молился, то снова начиналъ стрѣлять изъ пулемета.

— Ишь какой! Въ огнѣ не горитъ!

— Слѣзетъ.

— Нѣтъ, не слѣзаетъ.

— Отчаянный.

— Братцы, что же это такое! — вскрикнулъ молодой казакъ Митякинъ. — Вѣдь горитъ.

Окружавшіе примолкли и стали расходиться по улицѣ. Пулеметъ замолкъ. Два длинныхъ желтыхъ языка пламени съ легкимъ шумомъ охватили съ двухъ сторонъ германца. Онъ вдругъ поднялся во весь ростъ, поднялъ обѣ руки съ пальцами сжатыми въ кулаки кверху, его лицо, ярко освѣщенное пламенемъ выразило нечеловѣческую муку, но сейчасъ же онъ закрылъ его руками и рухнулъ въ огонь. Не стало видно его. Всюду бѣжали огненныя

струйки и черный и бѣлый дымъ, смѣшиваясь, валилъ къ небу съ острымъ шипѣніемъ.

Карповъ смотрѣлъ, какъ на его глазахъ живьемъ сгоралъ человѣкъ и не могъ шевельнутся. Къ запаху гари, горящей соломы примѣшался ѣдкій запахъ паленаго сукна и жаренаго мяса. Пламя выло и гудѣло въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Карпова и въ этомъ пламени сгоралъ германецъ.

Два казака проходили назадъ. Они тянули за собою пулеметъ.

— Сюда безпремѣнно вернуться надо. Пулеметъ онъ не сгоритъ, останется, все доказательство, что донцы пять пулеметовъ забрали, — говорилъ одинъ.

— Ну и гусары, братъ, ловкіе люди. Мы, гритъ, первые ворвались. На поди, первые. Мы уже давно тутъ.

— Они съ другого конца.

— А германецъ не то, что австріецъ. Отбѣжалъ и залегъ. Ишь садитъ опять.

Они увидали Карпова и подошли къ нему.

— Ваше благородіе, что съ вами? — спросилъ тащившій пулеметъ казакъ.

Карповъ хотѣлъ отвѣтить, но вмѣсто звука голоса подступила изнутри въ горло горячая густая кровь, онъ поперхнулся ею, хотѣлъ поправиться, дернулся всѣмъ тѣломъ и упалъ. Но упавши онъ не потерялъ сознанія. Только все, что происходило, казалось происходящимъ во снѣ.

— Вы ранены. Ишь грѣхъ то какой! Акимцевъ побудь при его благородіи, а я за носилками сбѣгаю живо. Да пулеметъ постереги, а то кабы солдаты не отобрали. Вся дивизія сюда идетъ.

Акимцевъ уложилъ Карпова поудобнѣй и Карповъ видѣлъ ясное небо, на которомъ ярко свѣтила луна. Верстахъ въ трехъ, не переставая стучали выстрѣлы винтовокъ и трещалъ пулеметъ. Ночной бой продолжался, но для Карпова онъ былъ конченъ и Карпову было странно, что то, что тамъ будетъ, его не касается.

Онъ переживалъ то, что было. И то, что было — было адски хорошо. Онъ кинулся въ деревню впереди сотни, на немъ былъ новый китель френчъ и рейтузы галифе и это было адски красиво. И то, что онъ раненъ, тоже адски здорово. О томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть рана, онъ не думалъ. То, что онъ былъ въ сознаніи, его ободряло. Онъ могъ двигать руками и ногами, значитъ руки и ноги цѣлы. Онъ раненъ въ грудь. Пустяки. Онъ думалъ о томъ, какъ придетъ Государь и спроситъ его — вы ранены? — и онъ отвѣтитъ — «пустяшная рана. Не стоитъ безпокоить Ваше Величество». Почему его долженъ спрашивать Государь, онъ не могъ и самъ объяснить себѣ? Откуда возьмется Государь — это было второстепенно. Но весь разговоръ съ нимъ онъ рисовалъ себѣ вполнѣ ясно. Онъ вступалъ постепенно изъ міра дѣйствительности въ міръ грезъ и это было хорошо. Сгоравшій на его глазахъ живьемъ германецъ въ мірѣ дѣйствительности былъ ужасъ, ни съ чѣмъ не сравнимый, въ мірѣ грезъ это было — адски лихо.

Карпову хотѣлось разсказать кому либо со всѣми подробностями о боѣ, съ самаго начала. Съ того момента, какъ на опушку лѣса на громадной лошади пріѣхалъ начальникъ дивизіи и сердитымъ голосомъ выговаривалъ полковнику Протопопову за то, что онъ не идетъ съ полкомъ впередъ и, какъ Протопоповъ вдругъ сдѣлался адски храбрымъ и скомандовалъ полку «слѣзай»..... Но разсказывать было некому. Акимцевъ легъ на дорогу, облокотился о пулеметъ и сейчасъ же заснулъ, а тѣ люди, которые проходили мимо него, шли не останавливаясь и не обращая на него вниманія.

Карповъ грезилъ своими грезами и временами забывался въ тихомъ снѣ.

II.

Пришли санитары съ носилками. Они уложили Карпова и понесли за деревню, гдѣ на песчаной дорогѣ стояли двуколки Краснаго Креста.

— Ну, полна, что-ль. — услышалъ Карповъ голосъ солдата, когда его втиснули въ двуколку.

— Полна, трогай.

Колеса заскрипѣли по песку. Карпову опять захотѣлось разсказать о томъ, какъ онъ велъ себя въ бою. Но въ двуколкѣ было темно и непонятно, что за люди въ ней лежали. У самаго лица Карпова были чьи то тяжелые, облипшіе грязью сапоги, а за ними лежалъ кто то и то стоналъ, то всхлипывалъ, то кричалъ жалобно и протяжно—ой, ой, ой!...

Это тоже походило на кошмаръ.

На грезы походилъ густой сосновый боръ, весь пропитанный серебромъ луннаго свѣта съ блестящей лужайкой, съ какимъ то домомъ съ крылечкомъ, возлѣ котораго суетились сестры въ бѣлыхъ косынкахъ. Одна, въ черной незастегнутой шведской курткѣ съ повязкой съ краснымъ крестомъ на рукавѣ, подошла измученной походкой къ Карпову, нагнулась къ нему и спросила:

— Какъ васъ зовутъ?

Карповъ машинально отвѣтилъ, какъ отвѣчалъ онъ въ дѣтствѣ:

— Алеша.

— Фамилія ваша? — не улыбаясь спросила сестра.

— Карповъ. Хорунжій Карповъ,—отвѣчалъ онъ и хотѣлъ начать разсказывать, но сестру спросили съ крыльца:

— Который это?

— Сто девяносто второй, Соня, — отвѣчала сестра.

— Изваринъ скончался, — сказалъ тотъ же голосъ.

— Боже мой! Это тридцать первый. Скажи Николаю Парамоновичу, чтобы о гробахъ распорядился.

— Успѣемъ ли?

— Ты слыхала приказъ генерала Саблина?

— Слыхала. Господи Боже мой! Силъ нѣтъ. Этотъ куда?

— Въ грудь. Въ сознаніи.

— Тяжелый?

— Надо Софью Львовну спросить.

— Да пусть несутъ въ домъ.

Только теперь Карповъ вполнѣ уяснилъ себѣ, что онъ раненъ, можетъ быть, даже тяжело раненъ, и ему стало жутко.

Небольшая комната была ярко освѣщена висячей керосиновой лампой. Подъ нею стоялъ высокій длинный столъ, накрытый бѣлой простыней. На простынѣ лежалъ совершенно голый человѣкъ. Было видно худощавое грязное тѣло съ выдающимися ребрами и запрокинутая назадъ темная голова съ длинными по казачьи стриженными волосами. Надъ нимъ стояли докторъ въ бѣломъ фартукѣ, молодая сестра и полная женщина, сильная брюнетка съ большими красивыми глазами.

— Софья Львовна, — сказала сестра, сопровождавшая носилки съ Карповымъ. — Офицера принесли.

— Сейчасъ, — отвѣчала полная брюнетка. — положите въ уголъ. Раздѣть надо.

Карпову стало стыдно, когда сестра въ кожаной курткѣ нагнулась къ нему и стала разстегивать ему ремни аммуниціи и пуговицы кителя.

— Я самъ, я самъ, — говорилъ Карповъ. Но руки не повиновались ему и онъ покорялся ловкимъ движеніямъ пальцевъ сестры.

Пришла другая сестра и обѣ начали отмывать залитую кровью грудь Карпова и Карповъ потерялъ сознаніе.

Когда онъ очнулся, онъ увидѣлъ, что онъ лежитъ на полу, на соломѣ. Кругомъ него лежали также на соломѣ раненые солдаты и казаки. Было свѣтло, наступило утро. Сестры и толстая Софья Львовна съ усталыми землистыми лицами продолжали ходить и коротко переговариваться. За окномъ стучалъ молотокъ и слышалось тихое пѣніе двухъ голосовъ. Одинъ пѣлъ вѣрно старческимъ музыкальнымъ теноромъ, другой вторилъ ему, не попадая въ тонъ, сбиваясь и умолкая и потомъ снова пристраиваясь. Пѣли панихиду.

Въ разбитое окно тянуло осеннимъ холодомъ и сыростью. Въ него вмѣстѣ со звуками пѣнія врывался запахъ ладана, можжевельника, моха и хвои и еще какой то противный прѣсный запахъ, который временами заглушалъ всѣ запахи лѣса. Гдѣ то не очень далеко ровно били пушки и слышно было, какъ долго гудѣлъ снарядъ и потомъ, чуть слышно лопался — бумъ, бумъ, бумъ!

Карпову хотѣлось пить и ѣсть. Хотѣлось разсказать подробно, какъ все было. Но сестрамъ было не до него. Онѣ все продолжали возиться около высокаго стола, на которомъ теперь хрипѣлъ и захлебывался, булькая въ горлѣ, солдатъ съ бѣлымъ лицомъ и коротко остриженнымъ затылкомъ. Сестры говорили усталыми голосами и Карпову казалось, что онѣ говорятъ такъ много дней, можетъ быть, недѣль, и что онѣ ничего не понимаютъ кромѣ этихъ бинтовъ изъ марли, окровавленныхъ тряпокъ, ведеръ съ водою и кровью.

— Софья Львовна, надо бы раненымъ чаю согрѣть.

— Скажите Ксеніи.

— Она занята при умирающихъ.

— Ну Олѣ.

— Оля на перевязкахъ.

— А вы не можете?

— Хорошо, я пойду.

Измученная сестра поставила подлѣ Карпова желѣзную кружку съ чаемъ и положила два англійскихъ печенья.

— Сами можете пить? — спросила она. — Я васъ посажу.

Карповъ только теперь замѣтилъ, что вся грудь его забинтована и что на него надѣта чистая рубашка. Сестра посадила его.

— Скажите, пожалуйста, — сказалъ онъ, — какъ бой?

— Продолжается, — сказала сестра.

— Наши наступаютъ?

— Не знаю. Кажется, все на одномъ мѣстѣ.

— Вы знаете, было адски здорово. Нашъ полкъ...

Но сестра отвернулась отъ него.

— Сейчасъ, сейчасъ. Я думала вы спите, сказала она лежавшему рядомъ солдату, попросившему чаю.

Карповъ опять не смогъ разсказать о своемъ боѣ и ему стало грустно.

— Начальникъ дивизіи ѣдетъ, — входя сказала бѣлобрысая сестра съ большими тусклыми, какъ у судака глазами. — Нехорошо, что въ перевязочной раненые лежатъ.

— А что же подѣлаете. Куда ихъ дѣнете, — отвѣчала Софья Львовна. — Ну этотъ кончается. Уносите.

Она взяла полотенце и стала вытирать руки. Въ двери вошелъ красивый моложавый генералъ. Ясными глазами онъ оглянулъ комнату и нахмурился.

— Не успѣваете вывозить, Софья Львовна? — сказалъ онъ.

— Гдѣ же поспѣть, ваше превосходительство, за ночь прошло четыреста восемьдесять шесть человѣкъ.

— Да, горячій бой.

Генералъ подошелъ къ Карпову.

— Офицеръ? — сказалъ онъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство, — стараясь встать отвѣчалъ Карповъ. — Хорунжій Карповъ.

— Помню. У васъ отличный рыжій конь. Первый разъ я вижу такого коня подъ казачьимъ офицеромъ. Куда ранены? Въ грудь?

— Такъ точно.

— Не болитъ?

— Совсѣмъ не больно. Я и не чувствую, гдѣ рана. Только дышать больно, — улыбаясь сказалъ Карповъ.

— Подъ Желѣзницей ранены?

— Въ самой Желѣзницѣ; было адски лихо, ваше превосходительство, я.... пулеметъ.

— Вашъ отецъ командиръ Донского полка, убитъ на рѣкѣ Нидѣ, въ прошломъ году?

— Такъ точно... Я ваше превосходительство, когда вы тамъ на опушкѣ лѣса приказали спѣшиться... я.

— Софья Львовна, — не слушая сказалъ начальникъ дивизіи. — Я сейчасъ пришлю свои автомобили. Отправьте болѣе тяжелыхъ на нихъ. Хорунжаго Карпова отправьте прямо на Сарны. Я дамъ записку на поѣздъ Государыни Императрицы. Варламъ Николаевичъ, напишите — и начальникъ дивизіи, не глядя больше на Карпова, вышелъ изъ дома лѣсника.

III.

Въ поѣздѣ Карпова положили въ офицерскій вагонъ. Рядомъ съ нимъ на желѣзной койкѣ съ пружиннымъ матрацомъ лежалъ, закутавшись въ коричневый халатъ, худощавый человѣкъ, давно небритый съ желтымъ нездоровымъ цвѣтомъ лица. Когда Карпова положили на свободную постель, раненый недружелюбно оглядѣлъ его, а потомъ съ видимымъ отвращеніемъ отвернулся и легъ спиной

къ нему. Рыжій халатъ слѣзъ со спины и сквозь рубашку стали видны худыя выдающіяся лопатки. Поѣздъ стоялъ долго. Сестры разносили обѣдъ. Карпову, трое сутокъ ничего не ѣвшему, подали миску со щами и съ мясомъ и Карповъ съ большимъ аппетитомъ началъ ихъ ѣсть. Грудь болѣла, временами было тяжело дышать, но остальное состояніе здоровья было прекрасно. Карповъ былъ полонъ жизни и ему опять хотѣлось подробно разсказать про Желѣзницкій бой и про свое въ немъ участіе.

— Сестра, а мнѣ? — поворачиваясь на койкѣ хрипло сказалъ его сосѣдъ.

— Вамъ, Верцинскій, нельзя, — сказала сестра, — вы же это знаете. Я вамъ теплаго молока принесу.

— Все нельзя и нельзя, — ворчливо сказалъ Верцинскій. — Вы скажите мнѣ — буду я жить, или нѣтъ?

— Ну, конечно, — сказала сестра, но голосъ ея дрогнулъ и она поспѣшила выйдти изъ отдѣленія.

Карповъ ѣлъ. Верцинскій внимательно его осматривалъ и Карпову становилось непріятно отъ его остраго суроваго взгляда.

— Вы куда ранены? — спросилъ неожиданно Верцинскій.

— Въ грудь, — охотно отвѣтилъ Карповъ.

— Счастливецъ. Что же совсѣмъ уйдете теперь изъ этой мерзости?

Карповъ не понялъ его.

— Я васъ не понимаю. Куда уйду?

— Ну, куда нибудь, въ тылъ. Комендантомъ поѣзда или этапа, словомъ подальше отъ прелести — войны.

— О нѣтъ. Я только немного поправлюсь и опять въ полкъ. Я радъ и не радъ, что меня ранили. Радъ потому, что это доказательство, что я по настоящему былъ въ бою. Меня съ тридцати шаговъ ранили. Я уже шашку вынулъ, чтобы рубить. Не радъ потому, что пришлось покинуть полкъ. Можетъ быть надолго.

— И слава Богу. Что онъ вамъ не надоѣлъ?

— Полкъ? Боже мой. Полкъ для меня все. Тамъ моя семья. Я полусирота. Папу убили въ прошломъ году на войнѣ, мама въ Новочеркасскѣ теперь въ лазаретѣ, сестрою.

— Вы казакъ?

— Да, донской казакъ.

— А!

Верцинскій оглядѣлъ его любопытными злыми глазами. Карповъ примолкъ.

— На военную службу, значитъ, пошли по личному призванію? — спросилъ Верцинскій.

— Да.

— Или папа съ мамой такъ воспитали?

— Я не могу представить себѣ жизнь иначе, какъ на военной службѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я носилъ погоны, шашку и ружье. Первые слова, которые я произнесъ, были слова команды и первая пѣсня, которую я пропѣлъ, была военная казачья пѣсня. А потомъ корпусъ, гдѣ все было адски лихо и наша славная школа.

— Ваша фамилія?

— Хорунжій Карповъ. Мы изъ тѣхъ Карповыхъ, прадѣдъ которыхъ въ 1812 году...

— Простите, мнѣ это не интересно. Вы — человѣкъ въ шорахъ, вотъ какъ Чеховъ описалъ человѣка въ футлярѣ, такъ вы человѣкъ въ шорахъ. Можетъ быть, впрочемъ, вы Чехова не читали?

— Нѣтъ, читалъ. Немного. Не всего.

— Ну, конечно. У насъ съ вами разныя міровоззрѣнія. Васъ вотъ рана ваша радуетъ, а меня моя не только тяготитъ физически, но глубоко оскорбляетъ нравственно, какъ величайшая несправедливость. Я подпоручикъ Верцинскій. Мнѣ тридцать два года, а я все еще только подпоручикъ — это должно вамъ уяснить многое. Ну да я вамъ и самъ это скажу. Военную службу я всегда ненавидѣлъ и презиралъ. Военные мнѣ были отвратительны. Я кончилъ классическую гимназію съ зо-

лотою медалью, я пошелъ на филологическій факультетъ и теперь я преподаватель латинскаго языка и одинъ изъ лучшихъ латинистовъ. Мои изслѣдованія о Сенекѣ переведены на всѣ европейскіе языки. Я стихами, размѣромъ подлинника, перевелъ почти всего Овидія Назона и, если бы я кончилъ эту работу, я сталъ бы европейски извѣстенъ. Чувствуете юноша? Когда настало время отбывать воинскую повинность, я поступилъ вольноопредѣляющимся въ одинъ изъ Петроградскихъ полковъ. Я ничего не дѣлалъ. Я не умѣю снять штыкъ съ винтовки. Меня уважали, какъ ученаго и эксплоатировали, какъ репетитора для командирскихъ дѣтей. Меня уговорили держать для проформы экзаменъ на прапорщика запаса. Да, юноша, я пріобрѣлъ это почетное званіе и съ этимъ званіемъ попалъ на войну офицеромъ и помощникомъ ротнаго командира. Ну, скажите, правдоподобно это! Меня полтора года гоняли по полямъ Галиціи, я долженъ былъ стрѣлять по своимъ братьямъ чехо-словакамъ, я долженъ былъ забыть, что я почти профессоръ латинской литературы и въ довершеніе всего, меня ранили въ животъ. Скажите, юноша, это справедливо? У меня есть семья, жена и дѣти. Двое дѣтей, которыхъ я, конечно, въ погончики не наряжаю и ружей имъ не дарю. Какъ по вашему, за что я пострадалъ? А? Ну говорите же, юноша, вы мнѣ право нравитесь. Въ васъ есть какая то античная красота во взорѣ. Можетъ быть вашими устами я услышу ту правду, которой нѣтъ и умру, менѣе страдая отъ несправедливости. Вотъ, скажите вы мнѣ, юный и прекрасный, какъ греческій богъ, за что я буду умирать?

Карпову было жаль этого нервнаго, озлобленнаго раненаго. Онъ чувствовалъ что то, что онъ можетъ ему сказать, то, что онъ знаетъ и что для него составляетъ все — не удовлетворитъ Верцинскаго, потому что у него другой міръ, такъ отличный отъ того міра, въ которомъ живетъ онъ. Алеша

Карповъ. Но онъ все таки сказалъ, потому что глубоко вѣрилъ въ страшную силу этихъ словъ.

— За вѣру, царя и отечество...

Верцинскій засмѣялся. Сухое лицо его съ длиннымъ острымъ, какъ у хищной птицы носомъ искривилось злобной, полной ненависти улыбкой и стало страшнымъ. Видимо, этотъ смѣхъ вызвалъ въ немъ ощущеніе боли, потому что страданіе было въ его глазахъ.

— Въ Бога я не вѣрю — не сказалъ, а точно выплюнулъ онъ, — я атеистъ. Образованный человѣкъ не можетъ вѣрить въ Бога. Да, ученіе Христа очень высокое философское ученіе, но мы знаемъ философовъ, которые еще глубже брали этотъ вопросъ, нежели Христосъ. Умирать за вѣру? За какую? Православную? Но я крещенъ въ католической вѣрѣ и не исповѣдую никакой. Вы сказали: за царя. Но я соціалъ демократъ, почти анархистъ, я готовъ убить вашего царя, а не умирать за него самъ. Отечество для меня весь міръ. Въ Римѣ я работалъ въ библіотекѣ и тамъ я чувствовалъ себя болѣе на родинѣ, нежели въ Вильно, гдѣ я родился. Для культурнаго человѣка двадцатаго вѣка нѣтъ слова—отечество. Это понятіе дикарей, это понятіе гибнущихъ странъ: Римъ погибъ отъ того, что Римляне стали считать себя выше всѣхъ. Civis romanus звучало слишкомъ гордо. Вотъ нашъ современный писатель Горькій, онъ понялъ, что гордо звучитъ слово — человѣкъ, а не Русскій, или тамъ полякъ. Не понимаете этого, юноша? А?

— Какъ же вы шли тогда въ бой?

— Вотъ въ этомъ то, юноша, вся трагедія и заключается. Вы вотъ лежите здѣсь легко раненый и вы парите отъ счастія. Герой! Ну сознайтесь, что вы чувствуете себя героемъ. А? Тамъ, гдѣ нибудь, поди, и милая дѣвушка есть. Ну, совсѣмъ, какъ на пошлой открыткѣ, или картинкѣ иллюстрированнаго журнала: возвращеніе съ войны. Рука на

перевязи, бѣлая косынка и большіе вдаль устремленные глаза. За вѣру, царя и отечество! Вы — герой! Ну, допустимъ! Какой же я тогда герой! Вѣдь я убѣжать долженъ былъ отъ этого ужаса. А я шелъ съ ними впередъ, перебѣгалъ, ложился, снова вставалъ. Ну скажите, почему и зачѣмъ я это дѣлалъ? А? Я, не вѣрящій въ Бога, не признающій отечества и интернаціоналистъ. Почему?

— Я не знаю, — сказалъ Карповъ. Ему было страшно говорить съ Верцинскимъ. Первый разъ онъ столкнулся такъ близко съ глазу на глазъ съ соціалистомъ. Карповъ смотрѣлъ на него съ испугомъ и любопытствомъ. Его тянуло говорить съ нимъ, холодная жуть сжимала до боли его сердце, а потомъ оно быстро билось. Чуялъ Карповъ, что здѣсь, рядомъ съ нимъ, въ душѣ этого тяжело раненаго, лежитъ холодный ужасъ, отчаяніе и злоба ни съ чѣмъ не сравнимыя, но тянуло къ этому ужасу, какъ тянетъ тихій холодный омутъ въ жаркій день, какъ тянетъ запрещенный плодъ. То, что для Карпова было непреложными истинами, о которыхъ ни думать, ни спорить нельзя было — такъ легко отрицалось и откидывалось этимъ человѣкомъ.

— Вы не знаете, почему, — медленно и злобно проговорилъ Верцинскій. Вотъ въ этомъ весь страшный ужасъ моей жизни и моего умиранія, что и я не знаю почему. Да, слышите, не знаю почему, но я дѣлалъ все, какъ другіе офицеры и я не возмутился, и я не повелъ своихъ солдатъ обратно и я не приказалъ имъ убивать начальниковъ... Я былъ сумасшедшій.

Надвигались осеннія сумерки. Тревожно гудѣли паровозы на запасныхъ путяхъ. Верцинскому дали молоко и онъ выпилъ его черезъ силу медленными глотками. Контуры его тѣла, мягко покрытые коричневымъ халатомъ, мутно рисовались на бѣлой простынѣ. Сухая голова съ выдающимися костями черепа утонула въ подушкѣ. Сталъ болѣе чувство-

ваться непріятный терпкій запахъ гноящейся раны, отъ котораго никуда не уйдешь. Глаза Верцинскаго тревожно блуждали.

— Больно! — простоналъ онъ. Какъ противно и больно тамъ, въ животѣ. Мнѣ кажется, что я ощущаю въ себѣ кишки и всю эту мерзость... Слушайте... Я видѣлъ трупы. Горы труповъ. Я видѣлъ, какъ люди съ бѣлыми сумасшедшими лицами шли по полю, падали, корчились, стонали, кричали, а впереди шли офицеры и кричали: «въ атаку, въ атаку!» И я шелъ. Я ничего не кричалъ. Но мнѣ хотѣлось крикнуть одно: — остановитесь, безумцы! Куда вы идете? На смерть, на раны. Стойте! вы боитесь суда, разстрѣла. Убейте вотъ ихъ — вотъ этихъ офицеровъ, убейте генераловъ и по домамъ! Нѣтъ войны. Намъ, солдатамъ, она не нужна. А мы сила! Я готовъ былъ сказать это, но пуля въ это время меня сразила и я упалъ... Слушайте... Стоитъ только разъ не исполнить приказанія, только всѣмъ, и войны не будетъ. Не будетъ этого ужаса. Война — это рабство. При свободѣ никто не пойдетъ убивать...

Ярко, по всему вагону сразу, вспыхнули электрическія лампочки и весело освѣтили бѣлыя, крашеныя масляной краской стѣны. Вагонъ дрогнулъ, покачнулся. Мимо окна поплыли мутные желтые фонари. поѣздъ тронулся и заскрежетали колеса и скоро стали отбивать проворный ритмичный тактъ и Верцинскому казалось, что колеса все кричатъ: — «смерть идетъ, смерть идетъ», а Карпову, что они говорятъ: — «я герой. Герой, герой, герой»...

Поѣздъ убаюкивалъ и Карповъ спалъ. У него поднялась температура и рана, казавшаяся пустой, стала внушать опасенія. Верцинскій лежалъ въ полузабытьи. Его мысли были ужасны. Онъ сознавалъ, что если бы можно было передать словами все холодное отчаяніе его мыслей — міръ содрогнулся бы отъ того злодѣянія, которое въ немъ совершалось. Но словъ не было. Передать было

невозможно. Да и некому. Этотъ обрубокъ красиваго пушечнаго мяса его не пойметъ. Рожденный ползать, летать не можетъ, думалъ Верцинскій и двое сутокъ пути онъ не разговаривалъ съ Карповымъ и они молчали.

Позднею ночью поѣздъ мягко остановился у Царскосельскаго вокзала. Шелъ дождь. Таинственно темнѣли широкія аллеи улицъ и въ нихъ, уходя вдаль молочными шарами, горѣли электрическіе фонари.

Подъ навѣсомъ суетились санитары. Выносили раненыхъ. Сестра милосердія въ тепломъ пальто, въ косынкѣ, ходила вдоль носилокъ и отдавала распоряженія.

— Сестра Валентина, — услышалъ Карповъ голосъ молодого человѣка въ студенческой фуражкѣ, — Карпова просили къ намъ, тутъ есть записка отъ генерала Саблина, поручаетъ его вашему уходу и если можно, я васъ очень прошу, если мѣсто есть, подпоручика Верцинскаго. Это мой учитель латинскаго языка. Ученый человѣкъ.

— Тяжело раненые?

— Оба тяжело. Карповъ въ грудь, но началось нагноеніе, а Верцинскій въ животъ. Вся надежда на княжну.

— Выходимъ! — бодро отвѣтила та, которую назвали сестрой Валентиной. — ну тащите, господа, что же вы стали! Слыхали, Рита, Саблинъ къ намъ обратился — это хорошая примѣта. Можетъ быть и простилъ.

— Мнѣ писала Александра Петровна изъ Варшавы, что онъ сильно перемѣнился послѣ раненія. Христіаниномъ сталъ, — сказала Рита.

— А Желѣзница то! Рита, я всегда говорила, что Саблинъ — герой и военный человѣкъ; вотъ и не генеральнаго штаба, а какой размахъ у него. Мнѣ старшая сестра писала о немъ, что въ ставкѣ очень довольны имъ. Только что получилъ дивизію и такое великолѣпное дѣло.

— Сестра Валентина, Карпова можно въ каретѣ, а Верцинскаго разрѣшите въ автомобиль... — спросилъ студентъ.

— Хорошо...

IV.

Лазаретъ, въ который отвезли Карпова, былъ особый лазаретъ. Онъ находился подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Императрицы Александры Ѳедоровны и въ уходѣ за ранеными принимали участіе она, и ея дочери, великія княжны Ольга и Татьяна. Императрица не только наблюдала за уходомъ за ранеными, но ухаживала за ними сама, дѣлала перевязки и иногда помогала при операціяхъ. Въ лазаретѣ было запрещено называть ее: «Ваше Императорское Величество», но требовали, чтобы ее называли просто — «старшая сестра». Княженъ тоже называли — «сестра Ольга», «сестра Татьяна».

Въ этотъ лазаретъ ушла Императрица всѣмъ своимъ сердцемъ. Здѣсь она отдыхала отъ мученій душевныхъ, вызванныхъ разладомъ и разочарованіемъ. Она понимала, что продолженіе войны — гибель для Россіи, по крайней мѣрѣ для Россіи императорской, а иною она не могла представить себѣ Россію. Ей рисовался немедленный, сепаратный миръ съ Германіей, миръ, чрезвычайно выгодный для Россіи, съ полученіемъ Константинополя, проливовъ, части Малой Азіи, тѣснѣйшій союзъ съ императоромъ Вильгельмомъ и торжество монархіи. Она это съумѣла бы сдѣлать! Тогда она прославилась бы въ исторіи и всѣ увидали бы, на что она способна. Дальше она мечтала о патріотическомъ воспитаніи народа, сильной Арміи и о блаженномъ вѣкѣ... Она ѣздила въ Ставку, къ своему мужу зондировать почву и тамъ она натыкалась на невѣроятную, непримиримую ненависть къ нѣм-

цамъ, преклоненіе передъ французами и вѣрность во что бы то ни стало своему слову. Человѣкъ, который во внутренней политикѣ не держалъ своего слова и поддавался настроеніямъ и совѣтамъ министровъ и общественныхъ дѣятелей, благоговѣлъ передъ договорами съ Франціей и Англіей и она ничего не могла сдѣлать. Мѣшало и вліяніе матери. Императрица Марія Ѳеодоровна, перенесшая оскорбленія толпы при проѣздѣ въ іюлѣ 1914 года черезъ Берлинъ, не забыла этихъ оскорбленій и поклялась довести дѣло до конца. Александра Ѳедоровна понимала, что народъ не на ея сторонѣ. Смутно, стороною, сильно затушеванные доходили до нея слухи о томъ, что народъ и армія ее не любятъ. Распутина ей не прощали, а съ Распутинымъ она не могла разстаться, потому что Распутинъ заколдовалъ ее. Отъ счастія и благоденствія Распутина зависѣло здоровье и самая жизнь Наслѣдника. Императрица въ это глубоко вѣрила. Удаляли Распутина и Наслѣдникъ заболѣвалъ непонятными болѣзнями, приближали, ласкали его и Наслѣдникъ выздоравливалъ и становился веселъ и бодръ. Распутинъ сталъ необходимою принадлежностью Царскаго дома и сохранить его было нужно во что бы то ни стало. Противъ Распутина были всѣ родственники Государя, вся Царская семья, тѣмъ болѣе его нужно было оберегать и тѣмъ болѣе сближалась съ нимъ Императрица. Ея жизнь стала мучительной и одинокой. Она чувствовала, что отъ Трона всѣ отшатнулись, даже родственники и не хотѣла этому вѣрить. Въ своемъ лазаретѣ она искала утѣшенія, въ немъ она хотѣла самой себѣ доказать, что все, что если и не говорится, то чувствуется кругомъ — неправда. Что народъ и армія ее любятъ и пойдутъ за нею.

Лазаретъ имѣлъ два отдѣленія — офицерское и солдатское. И то и другое были поставлены самымъ лучшимъ образомъ. Лаской и вниманіемъ къ раненымъ Императрица и великія княжны по-

купали себѣ любовь раненыхъ и письма и выраженія благодарности этихъ раненыхъ принимали за общественное мнѣніе, за мысли всей Россіи, всей Арміи.

Раненые возвращались въ полки, полные пріятныхъ воспоминаній о времени, проведенномъ въ лазаретѣ, о ласкахъ и вниманіи Царской Семьи, но въ полкахъ они видѣли холодное, а иногда враждебное отношеніе къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и, боясь заслужить наименованіе Царскаго холопа, они молчали о своей благодарности лазарету и лишь нѣкоторые писали трогательныя письма Императрицѣ и княжнамъ. Эти письма далеко не всегда были искренними, но ими въ лазаретѣ восхищались, въ нихъ видѣли простое, полное благородства сердце Русскаго солдата и по этимъ единичнымъ письмамъ судили о всей Арміи.

Жизнь во дворцѣ была для Императрицы каторгой. Своихъ мученій, своего заискиванья передъ Распутинымъ, своихъ слезъ въ минуты колебаній, своихъ симпатій къ кровному врагу Русскаго народа — нѣмцамъ она уже не могла скрывать отъ окружающихъ. Она навѣщала лазареты, гдѣ были раненые плѣнные германцы. Она себѣ говорила, что это ея долгъ быть милосердной и къ врагу, но эти посѣщенія истолковывались, какъ ея симпатіи къ нѣмцамъ и презрѣніе къ Русскимъ.

Все это видѣли, обо всемъ этомъ толковали придворные лакеи, казаки конвоя, солдаты карауловъ.

Казаковъ конвоя послали на фронтъ, въ одну изъ казачьихъ дивизій и они привезли туда разсказы о непонятномъ поведеніи Императрицы, о Распутинѣ, о явныхъ симпатіяхъ къ нѣмцамъ и эти разсказы безъ остатка съѣли робкія похвалы лазарету Императрицы. Во Дворцѣ Императрица видѣла косые взгляды, подчеркнутое вниманіе, хмурое молчаніе лакеевъ, и казаковъ. Во время поѣздокъ на фронтъ ей было еще тяжелѣе. Ее встрѣчали и провожали, но дѣлали это,

какъ страшно тяжелый долгъ. Нѣкоторые генералы намекали ей, что изъ за ея поѣздки пришлось задержать эшелоны съ войсками и это можетъ нехорошо отразиться на дѣлахъ фронта. До нея доходило, что говорили, что она нарочно ѣздитъ, чтобы мѣшать перевозкамъ и помогать нѣмцамъ. Но ѣздить ей было необходимо. Нужно было вліять на Ники, какъ она называла Государя, хотѣлось видѣть Наслѣдника, который жилъ въ Ставкѣ. Это было мучительно и раздражало ее.

Только въ лазаретѣ она отдыхала. На операціяхъ тяжело раненыхъ, когда, откинувъ брезгливость, она помогала хирургу, у постели умирающихъ, видя страшныя муки молодого тѣла, разстающагося съ жизнью, она забывала свои личныя мученія и находила странное утѣшеніе въ страданіяхъ и мукахъ другихъ людей. Въ лазаретѣ, по вечерамъ, она сидѣла со своими дочерьми въ кругу выздоравливающихъ, устраивали игры, пѣли, играли на фортепьяно — создавалось подобіе семьи и ей казалось, что тутъ эти расшалившіеся офицеры ее понимаютъ и любятъ ее, какъ мать.

Иногда въ играхъ слишкомъ развеселившаяся молодежь переходила грани приличія. Хорошенькихъ княженъ, смѣющихся и раскраснѣвшихся охватывали нескромные взгляды офицеровъ. При игрѣ дольше задерживали въ своей рукѣ пухлыя руки княженъ, касались ихъ колѣнъ, трогали башмаки. Строгая сестра Валентина сказала какъ то объ этомъ Императрицѣ. Императрица отвѣтила не сразу. Скорбныя тѣни пробѣжали по ея прекрасному, но холодному, какъ мраморъ, лицу.

— Оставьте ихъ, сказала она. Пусть хотя немного повеселятся; у нихъ нѣтъ никакихъ радостей.

Сестра Валентина молчала.

— Столько горя, страшнаго горя ожидаетъ ихъ впереди, сказала тихо Императрица и вышла изъ палаты.

V.

Алеша Карповъ былъ юноша девятнадцати лѣтъ, еще не знавшій любви. Онъ не ухаживалъ въ Новочеркасскѣ ни за институтками, ни за гимназистками и для нихъ у него было одно, полное презрѣнія названіе: — дѣвчонки.

Женщину онъ любилъ, какъ рыцарь. И только двѣ женщины, полонили въ это время его умъ и сердце: — одна была мать, которую онъ любилъ чистою святою любовью, другая была, никогда не виданная имъ женщина, женщина, которую онъ зналъ только по портретамъ, женщина сказочно прекрасная, необыкновенная, Царица, за которую онъ долженъ отдать жизнь. О Распутинѣ онъ ничего не слыхалъ. Въ кабинетѣ у отца, а потомъ въ гостиной ихъ Новочеркасскаго дома онъ видѣлъ портретъ прекрасной женщины съ русыми волосами, съ мальчикомъ на рукахъ. Эту женщину окружали четыре дѣвочки. Вся эта семья казалась Алешѣ Карпову особенной семьей, въ которой не было ничего человѣческаго. Божія Матерь съ младенцемъ не казалась женщиной съ женскими страстями, такъ и эта прекрасная женщина, снятая на фотографію въ кругу своей семьи не казалась женщиной, могущей любить, отдаваться страстямъ, быть ласкаемой и ласкать. Это было полу-божество. Царица и царевны были внѣ этого міра. Онѣ принадлежали къ міру сказокъ. На нихъ можно было смотрѣть, отвѣчать механическими, заученными солдатскими отвѣтами на ихъ вопросы, молиться за нихъ и съ молитвою за нихъ умереть. Всѣ онѣ были прекрасны. Онѣ и дѣйствительно были красивы, но если бы онѣ были даже уродливы, все равно, онѣ казались бы Алешѣ Карпову прекрасными, потому что онѣ были изъ міра грезъ, изъ сказки, а не изъ міра дѣйствительнаго. Если бы ему сказали, что онъ можетъ ихъ трогать за руки, что ихъ руки будутъ касаться его тѣла, онъ этому не повѣрилъ бы никогда. И не

страсть, а только стыдъ и страхъ возбудили бы эти прикосновенія. Онъ помнилъ, какъ много разъ разсказалъ его отецъ, какъ онъ христосовался съ Государемъ и поцѣловалъ ручку у матушки Царицы.Подъ образомъ Донскія Божіей Матери и по сейчасъ виситъ большое расписанное цвѣтами фарфоровое яйцо, которое его отцу дала Императрица. И отецъ часто разсказывалъ съ восторженнымъ благоговѣніемъ о томъ, что онъ перечувствовалъ, когда прикладывался къ маленькой надушенной ручкѣ Царицы. Это не была рука женщины,но рука божества...

Сестра Валентина широкими, твердыми шагами подошла къ лежащему на койкѣ въ жару Алешѣ Карпову.

— Ну, какъ вы себя чувствуете? спросила она.

— Ничего. Въ груди болитъ. Дышать трудно.

— Все пройдетъ, сказала Валентина, поправляя подушку. — Сегодня вамъ назначена операція.

Алеша посмотрѣлъ серьезными дѣтскими глазами на сестру Валентину и не испугался.

— Операцію можно сдѣлать подъ хлороформомъ, или безъ хлороформа, какъ вы пожелаете. Надо очистить рану, вотъ и все.

— Я бы хотѣлъ, чтобы безъ хлороформа, сказалъ Алеша, — такъ лучше, я не дѣвочка, чтобы бояться боли.

Сестра Валентина улыбнулась.

— На операціи будетъ ассистировать старшая сестра и помогать сестра Татьяна. Вы знаете кто онѣ такія?

— Нѣтъ.

— Вы знаете, гдѣ вы находитесь? Въ какомъ городѣ?

— Въ Царскомъ Селѣ.

— Да, въ лазаретѣ Государыни Императрицы. Старшая сестра — сама Императрица, сестра Татьяна — великая княжна Татьяна Николаевна и иначе ихъ не приказано называть.

— Въ которомъ часу операція?, еле слышнымъ голосомъ спросилъ Алеша.

— Между десятью и одинадцатью. И пожалуйста, молодой человѣкъ, не волноваться.

— Я и не волнуюсь вовсе, сказалъ Алеша.

Но онъ страшно волновался. И не операція его волновала. О томъ, что будутъ дѣлать съ его раной онъ не думалъ. Онъ не думалъ и о возможныхъ послѣдствіяхъ операціи. Всѣ его мысли были заняты тѣмъ, какъ же это Императрица и Великая Княжна увидятъ его не въ парадной формѣ, а въ лазаретномъ халатѣ, что онѣ будутъ говорить, что онъ скажетъ и его бросало то въ жаръ, то въ холодъ.

Ровно въ одинадцать часовъ въ палату пришло два рослыхъ санитара съ носилками. Они переложили Алешу на носилки и понесли къ операціонной.

Высокая, красивая женщина въ костюмѣ сестры милосердія съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ пятнами выступалъ румянецъ волненія подошла къ Алешѣ и сказала властнымъ голосомъ.

— Раздѣньтесь.

Алеша смотрѣлъ на нее большими красивыми глазами и не шевелился. Онъ узналъ ее. Узналъ ту, портретъ которой висѣлъ у нихъ въ гостиной, на кого смотрѣли, какъ на образъ и за кого молились ежедневно въ семьѣ. Раздѣться при ней было немыслимо.

— Таня, помоги же! — сказала эта волшебная женщина. Тонкіе дѣвичьи пальчики коснулись пуговицы халата. Пахнулъ въ лицо неуловимый ароматъ нѣжныхъ духовъ. Если бы Алешѣ сказали, что это просто хорошіе англійскіе духи, которые всякій можетъ купить — онъ бы не повѣрилъ. Это былъ для него особый царственный запахъ, котораго никто не можетъ имѣть, запахъ сказки. Сказка творилась съ нимъ на яву. Царевна и еще кто то, кажется, сестра Валентина, стащили съ него халатъ, сняли рубашку и нижнее бѣлье и

его внесли въ операціонную, положили на высокій столъ, покрытый бѣлой простыней. Нѣсколько секундъ Императрица и женщина хирургъ внимательно осматривали лежащее передъ ними прекрасное тѣло юноши. Алеша лежалъ передъ ними, не зная, куда дѣвать руки и млѣлъ отъ страшнаго стыда. Такое чувство должна испытывать молодая невинная дѣвушка, когда ее нагую разсматриваетъ мущина. Сердце Алеши колотилось быстро, въ большихъ лучистыхъ глазахъ стояли слезы благоговѣнія и стыда. Онъ переживалъ мучительныя, но и прекрасныя минуты.

— Питаніе хорошее. Операція вполнѣ возможна, — сказала худощавая женщина, доставая инструменты. — Сестра Александра, можетъ быть, вы сами попробуете. Это не трудно.

Рука Царицы, холодная и чистая, коснулась груди Алеши у темно-бураго сосца и чуть надавила возлѣ раны.

— Накройте ноги и животъ, — сказала Императрица.

Алеша перевелъ смущенные глаза въ сторону. Сестра Татьяна неслышными шагами подошла къ нему и чистой простыней закрыла нижнюю половину тѣла.

Это было больше того, что могъ перенести Алеша. Краска стыда залила все его лицо, потомъ быстро отхлынула и онъ потерялъ сознаніе.

VI.

Очнувшись Алеша почувствовалъ, что онъ опять лежитъ въ палатѣ на своей койкѣ. Сознаніе непоправимости того, что было, того остраго стыда, который онъ испыталъ во время операціи прорѣзало его мозги и ему стыдно было открыть глаза. Нѣтъ, никогда, никогда, больше онъ не увидитъ этихъ двухъ женщинъ. Еще съ тѣмъ, что его видѣла Им-

ператрица, онъ мирился, какъ мирился бы съ тѣмъ, что его наготу увидала-бы его мать, но великая княжна! Это было ужасно неудобно! Онъ не запомнилъ и не разсмотрѣлъ ея лица. Вѣрнѣе, онъ видѣлъ не то, что было, а то, что ему хотѣлось видѣть. Молодое, свѣжее лицо Татьяны Николаевны воображенiе его передѣлало въ образъ неизъяснимой красоты и изящества. Встрѣтиться съ нею теперь было невозможно. Какъ посмотритъ она на него, какъ посмотритъ онъ на нее. Она должна брезгать имъ и ей вѣроятно противно смотрѣть на него. Алеша прислушался къ своей ранѣ. Она болѣла менѣе остро. Подъ тугимъ бинтомъ легче дышалось. Не было терпкаго запаха гноя, но чуть слышно пахло аптечнымъ запахомъ свѣжей марли. По тому, что не было жара и холодные и сильные покоились мускулы ногъ, Алеша понималъ, что операцiя вышла удачной и дѣло пойдетъ на поправку. Только дышать еще было тяжело.

Все еще не открывая глазъ, Алеша сталъ припоминать всѣ подробности боя: знамя неяснымъ силуэтомъ рисовавшееся на фонѣ хвойнаго лѣса, болото, освѣщенное луною и вдали красные языки пламени деревни Желѣзницы, только что подожженной ихъ конными батареями. Когда раздалась команда в п е р е д ъ, онъ всталъ первый и пошелъ по болоту. Онъ помнилъ, что было нѣсколько секундъ, когда онъ шелъ совершенно одинъ и только потомъ потянулись за нимъ цѣпи казаковъ и гусаръ. Онъ герой! Но никто не знаетъ о его геройствѣ. О н а не знаетъ, кто онъ такой. Если бы о н а, когда накрывала его простыней, знала, что онъ первый пошелъ, пошелъ тогда, когда никто не хотѣлъ идти, можетъ быть о н а не презирала бы его. Вотъ ей бы онъ все разсказалъ! Но какъ разскажетъ онъ ей, когда ему совѣстно взглянуть въ глаза, когда онъ не знаетъ, какъ и когда онъ увидитъ ее...

Легкiй шумъ въ палатѣ, радостные голоса и шопотъ, заставили Алешу открыть глаза.

На стулъ подлѣ его постели сѣла сестра Татьяна. Онъ сейчасъ же узналъ ее. Но опять онъ не видѣлъ ее такою, какъ она была, худенькой дѣвушкой съ большими добрыми сѣрыми глазами, напоминающими глаза ея отца. Карповъ увидалъ прекрасную царевну сказки, которую обожалъ раньше, нежели увидалъ ее.

Пышная, въ складкахъ, сѣрая юбка легла буфами на стулѣ. Милое лицо съ прядками волосъ, выбивающимися изъ подъ бѣлой косынки, нагнулось къ нему, она поправила подушку и улыбнулась ему конфузливой и вмѣстѣ съ тѣмъ лукавой улыбкой.

— Какъ вы себя чувствуете, Карповъ? — сказала она, называя его по фамиліи, какъ называла она всѣхъ офицеровъ лазарета.

— Отлично. Боль совсѣмъ прошла. Мнѣ такъ хорошо.

— Гдѣ же это васъ такъ ранило? Княжна, — это нашъ хирургъ, сказала мнѣ, что васъ ранили шаговъ съ тридцати. Вы были такъ близко къ непріятелю? Вы видали его лицо?

— Я едва не захватилъ пулеметъ, — задыхаясь отъ счастья сказалъ Карповъ. — Если бы меня не ранили, я бы своими руками его схватилъ. А то меня ранили, я перевернулся, точно кто меня въ бокъ толкнулъ, потомъ побѣжалъ, гляжу, а Баранниковъ уже колетъ германца, а Лиховидовъ и Скачковъ тянутъ пулеметъ. Вы знаете, Ваше Императорское Высочество, германецъ былъ цѣпью прикованъ къ пулемету. Онъ, можетъ быть, и хотѣлъ бы убѣжать, да не могъ.

— Не называйте меня такъ. Зовите меня — сестра Татьяна, — улыбаясь сказала великая княжна.

Алеша смутился.

— Кто такой Баранниковъ? — спросила Татьяна Николаевна, чтобы ободрить Карпова.

— Баранниковъ, это казакъ Усть-Бѣло-Калитвенской станицы. Вотъ молодчина, ей Богу, Ваше Импер.... сестра Татьяна, — быстро поправился Алеша и окончательно смутившись замолчалъ.

— Такъ что же Баранниковъ? сказала княжна.

— Баранниковъ увидалъ, что я раненъ и кричитъ: ничего ваше благородіе, я за васъ его приколю и штыкомъ его прямо въ животъ. Я видалъ. Тотъ такъ и сѣлъ. Адски лихо это вышло. Только это надо сначала разсказать. Очень хорошее дѣло.

— Разскажите сначала, если это вамъ не трудно. Грудь у васъ не болитъ?

Если бы Алешѣ сказали, что отъ его разсказа зависитъ, будетъ онъ жить, или умретъ, онъ и тогда бы разсказалъ, а потомъ умеръ бы со счастливой улыбкой и въ блаженномъ сознаніи, что его Царевна знаетъ о его подвигѣ.

— Видите... Это было 11-го сентября, ночью. Бои шли два мѣсяца. Только не настоящіе. А такъ постреляемъ, тысячи на полторы шаговъ подпустимъ, а потомъ и уходимъ. А тутъ приказали, чтобы назадъ ни шагу. Подвезли патроновъ. А то мы вѣдь почти безъ патроновъ были. Да. Пять сутокъ наша дивизія, еще два казачьихъ полка и три батальона пѣхоты отбивались отъ нѣмцевъ. Повѣрите ли, три раза днемъ, да раза два ночью они въ атаку ходили. Ну только шаговъ на шестьсотъ подойдутъ, а мы ихъ съ пулеметовъ, да изъ винтовокъ ошпаримъ, они и назадъ. На 12 сентября начальникъ дивизіи генералъ Саблинъ...

— Александръ Николаевичъ? — спросила Татьяна Николаевна.

— Такъ точно, Александръ Николаевичъ.

— Я его хорошо знаю. И покойную жену его знала и дѣтей знаю. Сына его убили въ конной атакѣ. Что онъ? Какъ?

— Удивительный человѣкъ. Его солдаты и казаки прямо обожаютъ. Ну, любитъ онъ каждаго! Придешь къ нему задачу получить, разскажетъ

такъ ясно, хорошо, обстоятельно, а потомъ говоритъ, ну идите, съ Богомъ. И такъ это скажетъ, что дѣйствительно будто Богъ помогаетъ. А строгъ. Въ Камень Каширскомъ казаки не нашего полка побаловались. Сапожника ограбили... Полевой судъ. Разстрѣлять приказалъ. И всѣ говорятъ: такъ и надо. Не грабь, казакъ не грабитель. И знаете, сестра Татьяна, у насъ въ дивизіи всегда все есть, обо всемъ онъ подумаетъ и все онъ дѣлаетъ такъ особенно хорошо. Такъ вотъ, приказалъ онъ намъ въ ночь на 12 сентября взять Желѣзницу. Вторая бригада, казаки и гусары въ первую линію. Мы, значитъ, идемъ съ фронта, а гусары съ праваго фланга. Ночи лунныя были. Полная луна. Желѣзница стоитъ среди болотъ, а кругомъ большіе лѣса. Ну, только лѣто сухое было, болота сильно просохли, не только что ходить можно — ѣздить можно, мы бы на коняхъ ее взяли, да были тамъ двѣ болотныя канавы, ни перепрыгнуть, ни перелѣзть ихъ на лошадяхъ никакъ нельзя, черезъ то и приказъ былъ данъ идти пѣшкомъ.

Въ шесть часовъ мы посѣдлали и пошли лѣсомъ на свое мѣсто, гдѣ батареи стояли. Въ девятомъ часу были на мѣстѣ. Ровно въ девять атака назначена. За полчаса артиллерія должна была начать подготовку и зажечь деревню, чтобы намъ его было видно, а онъ, чтобы, значитъ, насъ, со свѣта, не видалъ. Ну, говорю вамъ, все придумано у него было адски хорошо. Артиллерія зажгла деревню почти что въ разъ, съ перваго снаряда. Ну, стрѣляла она у насъ, просто замѣчательно. А мы стоимъ въ лѣсу, на коняхъ. Не слѣзаемъ. Командиръ полка, полковникъ Протопоповъ, старичекъ такой, сидитъ на конѣ возлѣ знамени и пригорюнился. То-ли боится, то-ли еще что — не разберу его. Уже девять часовъ прошло, а онъ ничего, значитъ, не начинаетъ. А луна уже высоко такъ поднялась. Ночь тихая, теплая, свѣтлая. Сосны стоятъ, каждую вѣточку видно. Видно, какъ сквозь деревья луна

пятнами пробиваетъ на землю, на казаковъ, на знамени играетъ. А знамя у насъ новое, въ 1914 году пожаловано. Ликъ Спасителя кротко глядитъ съ него, серебро сверкаетъ... Лошади стоятъ тоже тихо, не вздыхаютъ даже. Вы знаете, Ваше Императорское Высочество, она, лошадь то, понимаетъ войну. Знаетъ, когда можно, когда нельзя. Вѣрите, когда по лѣсной дорожкѣ крались, такъ у меня такое впечатлѣніе было, что лошади точно на цыпочкахъ шли, такъ легко, осторожно. У германца, возлѣ деревни его окопы были, тишина. Наши батареи примолкли. Надо идти. А мы стоимъ. И знаете, я ненавидѣть даже сталъ полка командира, потому что чувствую, что онъ просто трусить, боится идти на штурмъ... И вдругъ видимъ, ѣдетъ Саблинъ, генералъ. Вороная кобыла подъ нимъ, англійскій гунтеръ, я знаю: — Ледой звать, казакъ при немъ нашего полка, со значкомъ, начальникъ штаба, полковникъ Семеновъ, еще ординарцы.

— Полковникъ Протопоповъ, — кричитъ генералъ Саблинъ, а самъ на часы смотритъ. Часы у него на рукѣ были самосвѣтящіе, — что же вы? О чемъ вы думаете? Командиръ нашъ встрепенулся и вижу я, по лицу его вижу, что онъ и непріятеля боится, ну и начальника дивизіи пожалуй еще того болѣе боится. «Смирно!» кричитъ, — «господа офицеры!»

— Пора наступать, полковникъ, — строго такъ говоритъ генералъ Саблинъ. — Командуйте: слѣзай.

И самъ, значитъ, слѣзъ и пошелъ съ начальникомъ штаба впередъ на опушку лѣса.

Спѣшились мы. Раскинулись цѣпью по лѣсу и пошли. Вышли на опушку, залегли. Полежали немного, развѣдчики пошли впередъ. Прошло съ полъ часа, — вернулись. Ну, что? спрашиваемъ ихъ. А вотъ, говорятъ, съ версту не будетъ — его окопы пойдутъ. Проволоки, или чего такого — нѣтъ. Просто въ канавѣ лежитъ. Ну только очень густо. Много ихъ, такъ много, ужасъ. И не спятъ. Разго-

воръ слышенъ. Офицеры ходятъ. И такъ мнѣ страшно стало, Ваше Императорское Высочество...

— Сестра Татьяна, или называйте Татьяна Николаевна, — сказала княжна.

— Слушаюсь, Татьяна Николаевна... Да, и такъ мнѣ стало страшно. Все тутъ вспомнилъ. И маму, и домъ нашъ, и корпусъ, такъ вотъ казалось, что непремѣнно они убьютъ, или въ плѣнъ заберутъ. Шагахъ въ пяти отъ меня командиръ полка лежитъ. «Есаулъ Ивановъ», кричитъ онъ въ полъ голоса, «идите, вамъ наступать, направленіе по четвертой». И называетъ онъ «есаулъ Ивановъ», а не Святославъ Никитичъ, какъ обыкновенно потому, что значитъ хочетъ строгость показать, обозначить, что тутъ, молъ, дѣло важное. Есаулъ Ивановъ толстый такой, неповоротливый, куда ему идти. Лежитъ и сопитъ только. Мнѣ слышно, какъ сопитъ. — «Есаулъ Ивановъ», кричитъ командиръ, «что же вы, я приказываю». А онъ говоритъ: — ладно. У меня жена, дѣти, иди самъ! — да такъ говоритъ, что ей Богу, стыда на немъ нѣтъ, всѣмъ слышно.

— Четвертая встать, — крикнулъ командиръ полка и такимъ визгливымъ, не своимъ голосомъ. — Направленіе на горящую деревню.

Я всталъ и пошелъ. Ноги какъ пудовыя. Земля такая ровная, идти подъ уклонъ, казалось бы легко такъ, а я еле ноги отъ земли отдираю. И чувствую, что одинъ иду. Оглянуться страшно. Понимаю, что, если оглянусь и увижу, что одинъ я, что казаки не пошли — то просто умру со страха. Ну, однако, оглянулся. Вижу, идутъ казаки. Много. Вправо, влѣво, вижу винтовки на перевѣсъ держатъ, тогда уже всѣ у насъ со штыками были, идутъ, согнувшись, какъ тѣни. И такъ мнѣ сразу легко и весело стало и ноги пошли свободно. Мнѣ показалось, что мы очень долго шли. Впереди горѣлъ пожаръ, сверху свѣтила луна и такъ было тихо, что я слышалъ какъ шуршала трава подъ ногами у казаковъ. Вдругъ впереди вспыхнула яр-

кая линія огоньковъ и сильный трескъ ружей оглушилъ насъ. Засвистали и защелкали пули. Мы всѣ легли, какъ подкошенные. Никто и не командовалъ тогда и сами открыли огонь. А близко были — шаговъ не болѣе трехсотъ... Лежимъ. Стрѣляемъ. Раненые появились. Поползли назадъ. Вдругъ вижу выбѣгаетъ впереди насъ казакъ Сережниковъ. Ростомъ косая сажень. Первый силачъ былъ въ пулеметной командѣ. Пулеметъ, какъ игрушку въ рукахъ держитъ. — «Эй вы», кричитъ, — «я пострѣляю его изъ пулемета, а вы, братцы, атакуй!» Тутъ всѣ встали и закричали ура! Бѣжимъ. Вижу нѣмцы отъ насъ бѣгутъ. То то адски весело стало на душѣ. Ну такъ хорошо! Внутри точно праздничные колокола звонятъ. Бѣжимъ. Прыгнули черезъ его окопы. Вижу казаки въ плѣнъ кого то взяли. Ведутъ. Сѣрая безкозырка на немъ, красный узенькій околышъ, идетъ, шатается. Хотѣлъ посмотрѣть, никогда еще не видалъ плѣнныхъ, ну только не до того мнѣ было. Бѣгу впередъ, кричу что то. Вбѣжали мы въ деревню. Вижу посреди улицы окопчикъ сдѣланъ, а за нимъ пулеметъ и каска видна, солдатъ нѣмецкій стрѣляетъ. Я кричу: — Баранниковъ, Скачковъ, на пулеметъ! Тутъ меня, какъ звиздануло въ бокъ! Ну я только пріостановился, а все бѣгу. Взяли пулеметъ. Тогда я сѣлъ. Кровь горломъ пошла. А только я въ полномъ сознаніи былъ...

— Да вы герой, Карповъ!

Это сказала она. Ликующіе звенящіе колокола снова зазвучали торжественнымъ перезвономъ въ душѣ у Карпова и на сердцѣ стало хорошо и тепло. Онъ глядѣлъ на Царевну глазами, въ которыхъ было такое обожаніе, что Татьяна Николаевна смутилась.

— Какъ ваше имя, Карповъ? Я молиться за васъ буду.

— Меня зовутъ Алеша.

— Какъ моего брата. Я буду звать васъ тоже Алешей. Вы позволите? Что съ вами?

Алеша плакалъ слезами радости, слезами неизъяснимаго волненія и счастья.

VII.

Изъ всѣхъ чувствъ любви, чувство первой любви является самымъ сильнымъ и самымъ острымъ. Но особенно мучительнымъ становится оно, когда не только не имѣетъ удовлетворенія, но не имѣетъ даже надежды на взаимность. Такая первая любовь становится уже болѣзнью, притомъ болѣзнью, несущею съ собою сладостныя мученія. Отъ неизъяснимаго счастья, отъ дикой радости отъ какого либо пустяка, отъ поднятаго бантика, подаренной фотографической карточки, отъ которыхъ человѣкъ наполняется радостными надеждами, онъ переходитъ къ мученіямъ, доводящимъ до самоубійства отъ маленькаго невниманія, кокетства съ другимъ, неласковаго слова.

Первая любовь съ ея радостями и страданіями описана многими великими писателями. Писалъ о ней Тургеневъ, гр. Л. Н. Толстой, писалъ Достоевскій, писалъ Гете и любящіе первый разъ молодые люди любятъ перечитывать эти повѣсти, полныя трогательной прелести. Такъ больной какой либо серьезной болѣзнью, любитъ читать въ лѣчебникѣ описаніе симптомовъ своей болѣзни. Первая любовь это та встряска организму, которая дается ему передъ переходомъ къ любви дѣятельной, любви страстной. Не всѣ бываютъ больны первой любовью. Юноши заболѣваютъ этой болѣзнью предпочтительно передъ дѣвушками, но и юноши бываютъ больны тѣ, которые имѣютъ нѣжную душу, чистые и не развращенные. Первая любовь возникаетъ вдругъ, съ перваго взгляда. Вообще любовь слѣпа и не ищетъ совершенства, но первая любовь слѣпа осо-

бенно. Она дорисовываетъ портретъ любимой дѣвушки до своего идеала и надѣляетъ ее всѣми нравственными совершенствами. Первая любовь чиста. Любимое существо надѣляется ею такими совершенствами, что страшно подумать о томъ, чтобы прикоснуться и обладать любимымъ предметомъ. И обладаніе предметомъ первой любви бываетъ или въ бракѣ, или, если любимый предметъ легкомысленная особа, которая сама поможетъ святому чувству любви перейдти въ бурную страсть. Въ страсти сгораетъ первая любовь и какъ лепестки цвѣтка опадаютъ всѣ тѣ украшенія мечты, которыми надѣлена была та, которую любили первою любовью.

Первая любовь свята и фантастична, вмѣстѣ съ тѣмъ она безкорыстна. Пожатіе руки, поцѣлуй, близость на прогулкѣ, во время игры, или танцевъ даютъ большее блаженство, нежели полное обладаніе. Въ неудовлетворенности страсти, въ вѣчномъ ея горѣніи, въ постоянныхъ намекахъ и недомолвкахъ заключается вся особенная мучительная прелесть первой любви. Только при первой любви выплываетъ о н а, какъ вполнѣ цѣлое и дѣлается прекраснымъ все, что касается до н е я. Уродливый циникъ отецъ, толстая корыстолюбивая мать кажутся прекрасными потому только, что это е я отецъ, е я мать.

Платье, которое о н а носитъ, прическа, въ которую о н а закладываетъ свои волосы, бѣлье, выглядывающее изъ подъ юбокъ, чулки, башмаки, касающіеся е я тѣла кажутся особенными и даже снятые и брошенные способны доводить до пароксизма страсти. Въ н е й нѣтъ недостатковъ. О н а много ѣстъ — это отлично; она ничего не ѣстъ и это великолѣпно. О н а глупа — этого не видятъ. о н а умна и старается показать свою ученость и это не раздражаетъ. О н а царитъ не столько во время своего присутствія, сколько тогда, когда она остается въ мечтахъ. Здѣсь о н а надѣляется всѣми

совершенствами физическими и нравственными, здѣсь для нея совершаются самые невозможные подвиги, здѣсь плетется такой причудливый узоръ необыкновенныхъ приключеній, которому позавидовалъ бы романистъ съ большою фантазіей...

Такою первою любовью заболѣлъ Алеша Карповъ едва только Татьяна Николаевна отошла отъ него и скрылась изъ комнаты. Его любовь была особенно сильна потому, что Татьяна Николаевна была прелестное созданіе, обладала чудными волосами, прекрасными глазами и была пропитана святостью своего происхожденія. Она была Царская дочь, царевна. Ни одна грѣховная мысль не вязалась съ нею, надѣяться на возможность сближенія когда бы то ни было — было нельзя и оставалось только молча любить и страдать въ своихъ мечтахъ.

Жаднымъ, взволнованнымъ взглядомъ Алеша проводилъ ее, когда она встала со стула возлѣ кровати и ушла. Все въ ней было великолѣпное и особенное и онъ все охватилъ и запомнилъ. Блестящіе локоны впадающихъ въ каштанъ темныхъ волосъ, вылѣзшіе изъ подъ бѣлой косынки и упавшіе на спину длинными спиралями изливали тончайшій ароматъ и должно быть были нѣжны какъ пухъ. Талія, перехваченная бѣлымъ кушакомъ передника казалась удивительной тонизны, сѣрая юбка падала широкими складками и изъ подъ нея, выглядывали стройныя упругія ноги, блестящія въ шелковомъ чулкѣ. Башмаки на англійскомъ каблукѣ стучали по паркету пола и шла она легко, какъ духъ. Алеша все еще слышалъ тонкій еле уловимый запахъ духовъ. Онъ давно испарился и исчезъ въ хорошо вентилируемой комнатѣ, но ему казалось, что онъ его ощущаетъ.

Въ палатѣ онъ былъ не одинъ. Лежали другіе раненые. Противъ него сидѣлъ пожилой офицеръ въ халатѣ, на который былъ пришпиленъ офицерскій георгіевскій крестъ и нервно курилъ. Желтое лицо его было мрачно и голова непрерывно и независимо

отъ его желанія тряслась. Черезъ двѣ кровати, у самой стѣны скорчившись лежалъ раненый и тихо стоналъ. Въ скорбно иронической улыбкѣ его слишкомъ худого лица съ выдающимися костями черепа Алеша узналъ спутника по вагону, Верцинскаго. Алеша лежалъ съ края, недалеко отъ окна. Онъ повернулся къ окну. Онъ боялся, что кто либо заговоритъ съ нимъ и разсѣетъ прекрасное очарованіе, которое осталось у него послѣ разговора съ княжной. О, какъ хотѣлъ бы онъ теперь быть совершенно одинъ и отдаться въ полной мѣрѣ мечтамъ.

Въ большія стекла оконной рамы были видны раскидистыя липы и бѣлыя березы въ золотомъ уборѣ осени. По блѣдному небу тихо плыли бѣло розовыя облака. Глядѣть на небо, слѣдить за этими облаками было лучше всего. Недалеко возвышался корпусъ трехъ-этажнаго зданія. Изъ трубы на желѣзной крышѣ шелъ дымъ. Вѣтеръ срывалъ его кусками и гналъ, крутя къ небу и обрывки этого дыма испарялись въ синей выси. И такъ же, какъ этотъ дымъ въ мозгу Алеши срывались быстрыя и легкія мечты и испарялись гдѣ то въ прекрасномъ отдаленіи.

Любимая моя!.. Моя любовь... моя милая... Вотъ придешь ты снова ко мнѣ и сядешь на этомъ стулѣ...

Хотѣлось поцѣловать стулъ, на которомъ она сидѣла, но было совѣстно. Алеша положилъ на него руку, но стулъ былъ холодный и солома плетенаго сидѣнья не сохранила теплоты ея тѣла.

Что я скажу тебѣ? Что я попрошу у тебя? Я попрошу тебя дать поцѣловать твою бѣлую руку и я прижму ее къ губамъ, потомъ переверну и буду цѣловать твою маленькую розовую ладонь, всю въ нѣжныхъ складочкахъ и бугоркахъ.

Въ мечтахъ Алеша говорилъ Татьянѣ Николаевнѣ т ы. Въ мечтахъ она любила его такою же святою чистою любовью и давала цѣловать свои руки.

Чѣмъ отплачу я тебѣ за твои ласки? Чѣмъ отвѣчу на твое вниманіе. О! если бы я былъ художникъ — я нарисовалъ бы твое прекрасное лицо и подарилъ бы его тебѣ! Если бы я былъ пѣвецъ—я пѣлъ бы гимны любви тебѣ, моей золотой, но тѣ пѣсни казачьи, что я только и умѣю пѣть — онѣ не для твоихъ золотыхъ ушей!.. О, если бы я могъ быть поэтомъ я написалъ бы въ честь твою чудные стихи, равныхъ которымъ нѣтъ на свѣтѣ. Но я солдатъ и могу отдать тебѣ только свою жизнь...

Алеша мечталъ, какъ онъ со своимъ разъѣздомъ возьметъ въ плѣнъ самого Вильгельма. Что же, развѣ не можетъ это быть? Онъ пробрался глубоко въ тылъ за германскія войска. Съ нимъ Скачковъ, Баранниковъ и Семерниковъ — все лихачи Усть-Бѣло- Калитвенцы, еще семнадцать такихъ же удальцовъ Гундоровцевъ. Ночью прокрались они за сторожевое охраненіе и сдѣлали семьдесятъ верстъ по шоссе. На разсвѣтѣ они напали на нѣмецкую заставу гвардейскаго полка. Перебили сонныхъ германцевъ, одного оставили, допросили. Что за застава? — Тутъ ночуетъ самъ кейзеръ. Казаки переодѣлись въ нѣмецкіе мундиры и сѣли на нѣмецкихъ лошадей. Вотъ мчится автомобиль. Въ немъ знакомая по картинкамъ и каррикатурамъ фигура. Кейзеръ ѣдетъ на позицію. — Стой! Halt! Съ револьверами набрасываются на шофферовъ. Кейзеръ охваченъ могучими руками Семерникова, дежурный флигель адъютантъ связанный лежитъ на днѣ автомобиля. Шофферы, угрожаемые револьверами мчатся къ Русской позиціи. Вывѣшенъ бѣлый флагъ. «Я — хорунжій Карповъ, хитростью взялъ въ плѣнъ императора Вильгельма, доставьте меня въ штабъ арміи.» Тамъ Алеша проситъ какъ милости лично доставить кейзера къ Государю. И вотъ онъ въ Ставкѣ. Выходитъ Государь. Ему уже все извѣстно по телеграфу. Германія проситъ мира и сдается на милость побѣдителя. — Чѣмъ я могу наградить васъ хорунжій?, говоритъ Государь. —

Я отдамъ вамъ полъ-царства и сдѣлаю васъ самымъ приближеннымъ человѣкомъ къ себѣ. Просите, что хотите вы еще въ награду за спасеніе Родины.
— Ваше Величество, твердо говоритъ Алеша.— мнѣ не нужно никакой награды. Я совершилъ этотъ подвигъ чтобы прославить вашу дочь. великую княжну Татьяну Николаевну. Мнѣ ничего не нужно. Наградите только моихъ казаковъ...—Я отдамъ вамъ въ жены мою дочь. Вы достойны ея. Таня. ты согласна?..

Вѣтеръ все рветъ и рветъ клочки бѣлаго дыма надъ трубой и видно, какъ шевелится желѣзный флюгеръ на ней. тихо поворачиваясь. то вправо. то влѣво. Съ березы срываются сухіе желтые листья и летятъ куда то и уносятся въ поля... Летятъ и мечты и уносятся все дальше и сладко сжимается сердце.

VIII.

Этотъ день святой, прекрасный день. Алеша всю жизнь будетъ помнить его. Если бы у него были деньги, онъ купилъ бы маленькое хорошенькое колечко, вродѣ обручальнаго. только съ камнемъ и вырѣзалъ бы на немъ священное число. Двадцать третье сентября. О н а подошла къ нему. и принесла ему цвѣты.

— Ну вотъ. вы пашнька у насъ. сказала она. вамъ можно теперь вставать и ходить.

— Это вамъ я обязанъ. сказалъ онъ пересохшими губами.

— Почему мнѣ.

Въ палатѣ никого кромѣ Верцинскаго не было. Верцинскій лежалъ спиною къ нему. Они были одни.

— Почему... Я не могу вамъ этого сказать. Татьяна Николаевна. Вы на меня разсердитесь.

Она ставила цвѣты въ стаканъ на столикѣ у постели и наливала воду, изъ графина. Она нагнулась

къ нему. Ему снизу было видно ея покраснѣвшее лицо и большіе сѣрые глаза, внимательно слѣдившіе за тѣмъ, чтобы не перелить воду. Пальцы, державшіе графинъ, стали розовыми. Видна была бѣлая шейка и, когда она нагнулась, чуть шелохнулись подъ сѣрою блузкой молодыя дѣвичьи груди. Отъ нея шелъ обычный запахъ ея тонкихъ духовъ.

— На что же я разсержусь?, ставя графинъ на столикъ сказала она. — Развѣ вы хотите обидѣть меня и скажете что либо худое.

— Могу ли я сказать, или сдѣлать, что либо худое для васъ?, съ упрекомъ въ голосѣ сказалъ Алеша.

— Думаю, что нѣтъ. Вы хорошій офицеръ. Вы мнѣ очень нравитесь. Если бы много, очень много было такихъ офицеровъ, какъ вы, мы бы побѣдили нѣмцевъ.

— Мы побѣдимъ, Татьяна Николаевна. Видитъ Богъ мы побѣдимъ ихъ!

— Противные они!, сказала Татьяна Николаевна и лицо ея искривилось гримасой отвращенія.

— Но все таки, что же это такое, чего вы не могли сказать мнѣ? — спросила она.

— Я хотѣлъ васъ попросить о великой милости. Ну, какъ нищему подать.

— Что же вы хотите, становясь серьезной спросила Татьяна Николаевна. Она ожидала просьбы къ ней, какъ къ великой княжнѣ, просьбы исходатайствовать что либо у Государя, помилованія кого либо, денегъ, пособія, награды. Такія просьбы почти всегда бывали неисполнимы и онѣ огорчали.

— Я очень прошу васъ... дайте мнѣ поцѣловать вашу руку. Осчастливьте.

Она засмѣялась короткимъ груднымъ смѣхомъ и протянула пухлую руку всю въ маленькихъ складочкахъ. Алеша схватилъ ее обѣими руками и прижалъ къ своимъ губамъ. Горячія губы обожгли руку великой княжны и мураши побѣжали по ея

тѣлу. Она не отнимала руки. Его горячіе пальцы быстро перевернули пухлую руку и покрывали ладонь горячими поцѣлуями любви. Она взяла руку.

— Ну, довольно, сказала она. Какой вы, чудакъ. И, быстро нагнувшись, она приложила свои полныя нѣжныя губы къ его горячимъ губамъ и сейчасъ же вышла...

Алеша не могъ лежать больше, не могъ думать, не могъ молчать. Ему хотѣлось пѣть, кричать о своемъ счастьи, ходить, прыгать, танцовать. Онъ всталъ и пошелъ по палатѣ.

— Верцинскій! Казиміръ Казиміровичъ, окликнулъ онъ, вы спите?

Острое лицо повернулось къ нему и горящій взоръ остановился на немъ.

— А, это вы, Карповъ. Что такое? Въ чемъ дѣло?

— Я задушить васъ хочу, Казиміръ Казиміровичъ, вы понимаете. Я счастливъ.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю. Только пожалуйста меня не трогайте. Рубцы подживать стали и рана не гноится.

— Казиміръ Казиміровичъ вы знаете, что такое любовь?

Верцинскій внимательно посмотрѣлъ на Алешу.

— Да вы что, юноша, влюблены что ли?

Алеша молча кивнулъ головой.

— Ну, значитъ, пропали. Юноша, только дуракъ можетъ любить въ настоящее время.

— Казиміръ Казиміровичъ, да, нѣтъ... Ну въ самомъ дѣлѣ, неужели вы не знаете, что такое любовь?

— Любовь, или влюбленость, юноша, это различать надо. Вотъ вы, какъ похудѣли. Вы въ грудь ранены. Смотрите еще чахотку наживете.

— Ну, влюбленность, не все ли равно, — весело сказалъ Алеша и сѣлъ на постель Верцинскаго.

IX.

— Влюбленность — это выписыванье на пескѣ вензелей своей возлюбленной, это юноша, чувство глупое и недостойное мущины, сказалъ Верцинскій.

— Скажете тоже! Какъ вамъ не стыдно, Казиміръ Казиміровичъ. И вовсе вы не такой, вы только такъ на себя напускаете.

— Нѣтъ, юноша — локоновъ отъ милыхъ дѣвушекъ никогда не бралъ и на сердцѣ въ видѣ амулета не носилъ, ибо это глупо.

Алеша представилъ себѣ сколько радости ему доставилъ бы локонъ Татьяны Николаевны и блаженно улыбнулся.

— Вижу, юноша, что вы не согласны. Ну что дѣлать. Но предупредить васъ считаю обязаннымъ, ибо можетъ быть, отчасти, благодаря вамъ, попалъ въ этотъ образцовый лазаретъ и на пути къ выздоровленію.

— И не благодарны за это ей, нашей Царицѣ, старшей сестрѣ.

— Нисколько, юноша. Она обязана это сдѣлать, и она и сотой доли своего долга не отдала мнѣ.

— Обязана? Но почему? За что она обязана? А дѣлать самой операцію надо мною? Возиться надъ моимъ тѣломъ, ходить за мной! Тоже обязана!, задыхаясь и торопясь сказалъ Алеша.

— Эхъ юноша! Юноша! Вы слыхали что такое садизмъ?

— Нѣтъ.

— Ну ладно. А о половой психопатіи, или истеріи слыхали?

— Очень мало.

— Всѣ онѣ, и старшая сестра и ея дочери въ лучшемъ случаѣ больныя женщины — истерички.

— Какъ вы можете это говорить!

— Продуктъ вырожденія, юноша.

Алеша молчалъ. Въ его головѣ это не укладывалось. Онъ видѣлъ сильную рослую императрицу,

красавицъ великихъ княженъ и не могъ понять, какъ могутъ онѣ быть продуктомъ вырожденія. Верцинскій точно угадывалъ его мысли.

— Вы не смотрите на то, что онѣ тѣломъ такія здоровыя, сильныя, могучія, хотя Татьяна и тѣломъ худовата. Это бываетъ. Въ здоровомъ тѣлѣ есть такой нервный изломъ и вотъ отъ этого то нервнаго излома и идетъ это все. И лазаретъ съ красивыми юношами офицерами и игры съ ними, а болѣе того Распутинъ.

Это страшное имя было произнесено. Алеша боялся, что съ этимъ грязнымъ именемъ будетъ связана та, кого онъ любилъ больше жизни. О Распутинѣ онъ не зналъ ничего опредѣленнаго, но такъ много уже слыхалъ. Заставить замолчать Верцинскаго, уйдти отъ него онъ уже не могъ. Съ непонятнымъ жуткимъ сладострастіемъ ему хотѣлось слушать все то худое и грязное, что тогда говорилось про Царскую семью.

— Ни меня, продолжалъ Верцинскій, ни штабсъ капитана, вашего сосѣда, у котораго вчера отняли ногу по бедро, а сегодня онъ умеръ, сами не оперировали, даже и не глядѣли на насъ. Мы имъ не интересны. Тутъ смотрятъ и оперируютъ молодыхъ, красивыхъ, которые бьютъ на чувственность, раздражаютъ нервы... Да, это дополненіе къ Распутину, къ той страшной гангренозной язвѣ, которая поразила императорскій домъ, наканунѣ его паденія.

И опять Алеша молчалъ. Онъ хотѣлъ возразить, но чувствовалъ, что то, что онъ скажетъ будетъ шаблонно и ни на чемъ не основано. Верцинскій же говоритъ что то великое и умное, что еще юнкеромъ онъ немного слыхалъ, что чуть чуть слыхалъ въ полку и чего никакъ не понималъ. Для него это все соединялось въ одномъ ужасномъ словѣ: р е в о л ю ц і я и въ этомъ словѣ онъ видѣлъ сейчасъ самое страшное: — угрозу спокойствію Татьяны Николаевны.

Но не слушать онъ не могъ. Зеленоватые глаза Верцинскаго, больные и злобные приковали его къ себѣ, какъ змѣя приковываетъ къ себѣ ядомъ своего взгляда свою жертву.

— Законъ исторіи нельзя миновать. Россійскій императорскій домъ шатался не разъ. Послѣ прославленной и воспѣтой наемными льстецами императрицы Екатерины былъ сумасшедшій Павелъ. Тогда должна была быть Русская революція... Но съ одной стороны Русское общество еще не созрѣло, съ другой, великая французская революція пошла по уродливому пути и вылилась въ Бонапартизмъ; — у насъ дѣло кончилось дворцовымъ переворотомъ и новымъ преклоненіемъ передъ полоумнымъ мистикомъ Александромъ. А тамъ и пошло. Держали народъ въ темнотѣ, ласкали дворянство и держались. Но гнилой плодъ все равно долженъ упасть: — это законы тяготѣнія. Распутинскую язву видятъ всѣ, не видите ее только вы, одурманенный самою глупою болѣзнью — влюбленностью.

— Кто такое Распутинъ? — спросилъ Алеша и самъ испугался своего вопроса. Онъ понялъ, что сейчасъ откроется что то страшное, что то такое, что вывернетъ ему душу на изнанку.

— Распутинъ любовникъ истеричной царицы и купленный императоромъ Вильгельмомъ негодяй, притворяющійся идіотомъ. Распутинъ это альфа и омега надвигающейся Русской революціи, это ея краеугольный камень и послѣдняя капля, переполняющая чашу Русскаго самодержавія. — проговорилъ Верцинскій и, казалось, самъ любовался круглотою своего опредѣленія и туманнымъ парадоксомъ сравненія.

— Но, говорятъ... я читалъ, что это простой мужикъ, — сказалъ Алеша.

— Ну такъ что же, что простой мужикъ.

— Какъ же онъ можетъ приблизиться къ Императрицѣ?

— Э! юноша. У него есть то, что ей нужно. Не безпокойтесь, пожалуйста. И Мессалина искала простыхъ легіонеровъ и гладіаторовъ, а не изнѣженныхъ сенаторовъ и римскихъ всадниковъ.

Алеша молчалъ, поникнувъ головой.

— И потому, юноша, — продолжалъ Берцинскій, — взвѣсьте самого себя и, если чувствуете въ себѣ достаточно силы и пріятности, дерзайте, а не вздыхайте и влюбленность свою отбросьте. Сантименты разводить тутъ нечего. Чѣмъ наглѣе вы будете дѣйствовать, тѣмъ больше шансовъ у васъ на успѣхъ. Помните одно, что на невинность вы не наткнетесь. Распутинъ давно перепортилъ дѣвочекъ.

Алеша не слыхалъ, или сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ послѣднихъ словъ. Онъ сидѣлъ подавленный и тупо глядѣлъ на свѣтлую стѣну, покрашенную масляною краской.

— Какъ же вы говорите, что Распутинъ краеугольный камень Русской революціи. Вы называете его гнилымъ, мерзавцемъ... Но, если на этой мерзости и грязи вы построите Русскую революцію, то, что же она будетъ представлять изъ себя, какъ не ужасную мерзость... И не вѣрю я вамъ!.... — воскликнулъ со слезами въ голосѣ Алеша. И ни въ какую революцію я не вѣрю! Мы, казаки, не допустимъ этого! Какъ не допустили въ 1905 году....

И Алеша быстро отошелъ отъ Верцинскаго, какъ отходятъ отъ гада, отъ змѣи и, подойдя къ своей кровати, рухнулъ на нее и легъ, устремивши пустые глаза въ окно.

Юноша не такъ глупъ, думалъ Верцинскій. Иногда парадоксъ и сравненіе приводятъ къ неожиданному открытію. Распутинъ какъ краеугольный камень революціи не приведетъ ли ее къ гнилому концу? Чортъ знаетъ, въ какой ужасный тупикъ загнана Россія. А впрочемъ — и чортъ съ ней! Туда ей и дорога. Лоскутная страна рабовъ, пьяницъ и сифилитиковъ!

X.

Эту ночь Алеша не спалъ. Голова его пылала, тѣло томило зноемъ страсти. Противъ его воли распаленный мозгъ рисовалъ картины одна ужаснѣе другой. Онъ видѣлъ то, о чемъ никогда не смѣлъ думать. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, укутавшись съ головою въ одѣяло и слезы текли изъ глазъ и рыданія подергивали его тѣло.

Это неправда! Это гнусная клевета. Это выдумка этихъ страшныхъ людей, отъ которыхъ меня всегда предостерегалъ отецъ и воспитатели корпуса. это наглая клевета соціалистовъ.

Но недоступная раньше даже и въ мечтахъ Татьяна Николаевна стала доступной. Уже не необычайные подвиги, не взятіе въ плѣнъ Вильгельма кидали ее въ объятія Алеши, но привлекательность Алеши, какъ мущины. Онъ вспомнилъ, что одна великая княгиня полюбила и вышла замужъ за простого кавалерійскаго офицера, исторія напомнила ему про Потемкина, Орлова и Разумовскаго. «Дерзайте!»—властнымъ приказомъ стучали въ его мозгу слова Верцинскаго и каждый пульсъ его молодого тѣла кричалъ ему, что онъ можетъ дерзать.

Голова горѣла какъ въ жару. Кровь бурлила и тяготило одѣяло, жгла мозги подушка. Онъ скинулъ это все и, распростершись полунагой, отдавался тишинѣ ночи, ловя ея звуки и стараясь разсѣяться и забыться.

Кто то прошелъ на верху, мягко ступая и подъ тяжелымъ корпусомъ чуть скрипѣлъ паркетъ. Стала блѣднѣть и желтѣть опущенная штора и вдругъ погасли синія ночныя электрическія лампочки. Отъ большого окна потянуло утренней свѣжестью и прохладой и неуловимый запахъ осени, прѣлаго листа, холодныхъ росъ и спѣлаго хлѣба, пошелъ отъ него. На дворѣ фырчалъ автомобиль, топотали желѣзными подковами по камню лошади, гремѣла накатываемая телѣга. Жизнь начиналась

въ лазаретѣ. Въ палатѣ было три койки — одна была свободна — умершаго послѣ операціи штабсъ-капитана. Верцинскій спалъ въ углу, закутавшись съ головою въ одѣяло и дыханія его не было слышно.

У Алеши отяжелѣли вѣки, сонъ грузно наполнилъ ихъ и они крѣпко сомкнулись. Благодѣтель сонъ юности сковалъ и разметалъ его члены. Снилось что то невѣроятно прекрасное, мучительно сладкое.

Алеша проснулся. Затекшая голова вспотѣла и сильно билъ въ виски пульсъ. Во всемъ тѣлѣ была истома и не хотѣлось шевелиться. Хотѣлось снова закрыть глаза, чтобы продолжался этотъ волшебный сонъ.

Но надъ нимъ стояла сестра Валентина. Она расправляла на немъ простыню и накрывала его одѣяломъ. Сестра Рита принесла чай съ лимономъ и хлѣбъ съ масломъ. На столикѣ въ стаканѣ увядали прекрасныя хризантемы, принесенныя вчера Татьяной Николаевной. Было мучительно стыдно и вмѣстѣ съ тѣмъ легко и радостно на сердцѣ. Тяжесть спала съ души и хотѣлось смѣяться и обнять весь міръ въ ласковомъ привѣтѣ.

— Ну вотъ вы поправились и вполнѣ оздоровѣли, — привѣтливо улыбаясь сказала сестра Валентина. — Я скажу доктору и вамъ разрѣшатъ прогулки на воздухѣ. А тамъ пошлемъ васъ на мѣсяцъ, или на два въ санаторію въ Крымъ и вы будете снова такъ здоровы, какъ будто бы васъ никто и не ранилъ.

Рита пошла съ подносомъ дальше. Сестра Валентина хотѣла тоже идти, но Алеша удержалъ ее движеніемъ руки.

— Сестра Валентина! Сестра Валентина! — мучительно краснѣя проговорилъ онъ.

— Что, дорогой мой? — сказала ласково сестра Валентина и сѣла на тотъ стулъ, на которомъ вчера сидѣла о н а.

— Сестра Валентина, устройте такъ, чтобы мнѣ отсюда никуда не уѣзжать. Не нужно Крыма. Я поправлюсь здѣсь много лучше. А отсюда прямо на фронтъ и тамъ — умереть...

Алеша замолчалъ. Прекрасное лицо его было взволновано. Большіе глаза смотрѣли съ мольбою въ лицо сестры Валентины.

— Скажите мнѣ, сестра Валентина... Скажите правду. Для меня это такъ важно... Что такое Распутинъ?... И есть ли... Есть ли хотя что либо..... Осмѣлился ли онъ.... И ея императорское высочество великая княжна Татьяна Николаевна.

Лицо сестры Валентины вспыхнуло. Въ карихъ умныхъ глазахъ загорѣлся огонь негодованія.

— Какъ вамъ не стыдно, Карповъ! Вѣрить этой гнусной клеветѣ. Эти прекрасныя дѣвушки, отдавшія свою молодость тяжелой работѣ по уходу за ранеными чисты, какъ первый снѣгъ. Онѣ ненавидятъ Распутина и Распутинъ никогда къ нимъ не приближается. Да и вообще все то, что разсказываютъ про Распутина и его вліяніе на старшую сестру, неправда. Распутинъ застращалъ ее своимъ колдовствомъ и вліяніемъ на здоровье Наслѣдника. Старшая сестра больна отъ этого. Ее пожалѣть надо. Вы, офицеры, должны всѣми силами бороться съ этой страшной клеветой, пущенной нарочно врагами Россіи, чтобы свалить и уничтожить Россію. Карповъ! вотъ идетъ она! Посмотрите въ ея чистые, честные, прекрасные глаза, неужели вы можете повѣрить, что эти глаза могутъ лгать? Къ вамъ идетъ дѣвушка, полная святой чистоты и прекрасной христіанской любви къ ближнему. Ее можно только боготворить!

— Я обожаю ее, — прошепталъ Алеша.

Къ его постели подошла Татьяна Николаевна.

— Татьяна Николаевна, — сказала сестра Валентина. — Мы съ Карповымъ только что говорили о васъ. У васъ еще новый поклонникъ. Вы покоряете сердца нашей Арміи.

— Умереть за васъ, Ваше Императорское Высочество, вотъ это было бы величайшее счастье для меня, — сказалъ Карповъ.

Сестра Валентина встала и на ея мѣсто сѣла Татьяна Николаевна.

Всѣ ночные страхи и думы исчезли при одномъ взглядѣ на Татьяну Николаевну. Честно и прямо смотрѣли ея большіе чуть выпуклые сѣрые глаза и сверкало блескомъ юности молодое лицо съ блѣднымъ румянцемъ; при улыбкѣ сквозь розовыя губы, горѣли чистымъ жемчугомъ прекрасные зубы. Тонкій ароматъ духовъ пьянилъ мозги.

— Карповъ совсѣмъ молодцомъ, Татьяна Николаевна, — сказала Валентина Ивановна. У васъ легкая рука. Всѣ ваши раненые быстро поправляются. Вотъ и Карпову мы сегодня устроимъ ванну и, если врачъ позволитъ и рана не откроется, завтра мы разрѣшимъ ему прогулки и переведемъ въ отдѣленіе для выздоравливающихъ. Благодарите сестру Татьяну, Карповъ. Ваше положеніе передъ операціей мы считали почти безнадежнымъ. Сердце было такъ близко, а нагноеніе остановить казалось невозможнымъ.

— Я не знаю, какъ мнѣ благодарить, — сказалъ Алеша. Что я могу? Я могу только умереть за васъ, сестра Татьяна. И я умру въ бою за васъ.

Онъ смотрѣлъ на Татьяну Николаевну такими влюбленными глазами, что Татьяна Николаевна смутилась.

— Какъ ужасно умеръ Никольскій, — сказала она, указывая глазами на пустую койку. Все не хотѣлъ, чтобы ему ногу отнимали. И вотъ видно, поздно было.

— Что дѣлать, Татьяна Николаевна. Неисповѣдимы пути Божіи. Видно Богу такъ угодно.

— Говорятъ, прекрасный офицеръ. Отличный батарейный командиръ. Осталась семья. Мы были на панихидѣ. У него красавица жена и трое малютокъ дѣтей... Пейте же вашъ чай, Карповъ. Мы

вамъ мѣшаемъ. Я вамъ намажу масло на хлѣбъ. Хорошо?

Бѣлые пальцы ловко намазали булку масломъ. Алеша приподнялся и стыдливо прикрывая свою грудь и шею одѣяломъ, — онъ былъ еще безъ халата,—началъ ѣсть эту булку, какъ какой то священный хлѣбъ.

— Вянутъ мои хризантемы, — поправляя цвѣты сказала Татьяна Николаевна, — ну ничего, я вамъ принесу новыхъ. Какъ хорошо, что васъ скоро переведутъ въ палату для выздоравливающихъ. Тамъ гораздо веселѣе. Ольга будетъ играть на фортепьяно, мы будемъ играть въ рубль. Вы знаете эту игру, Карповъ?

— Нѣтъ, я не знаю, — отвѣчалъ Алеша.

— Это очень просто. Я васъ научу.

Да, все клевета. Это страшная работа бѣсовъ разрушителей Россіи, работа, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ, даже передъ этой невинной красотой. Татьяна Николаевна казалась еще прекраснѣе, еще дороже. Точно онъ потерялъ ее и теперь нашелъ снова. Царевна сказки снова была передъ нимъ. Разговоръ съ Верцинскимъ былъ чудовищный кошмаръ и Верцинскаго онъ ненавидѣлъ теперь всѣми силами своей души. Татьяна Николаевна сидѣла противъ него и ласково болтала и слушала разсказы Алеши про полкъ, про знамя, про казаковъ, про то, какъ страшно идти въ головномъ разъѣздѣ и напряженно ждать глухого стука выстрѣла и свиста пули. Сестра Валентина подняла штору и, стоя у окна, смотрѣла на дворъ, на противоположный флигель госпиталя и забота не сходила съ ея лица. Она напряженно думала о чемъ то.

— Простите, Татьяна Николаевна, — сказала она. — Я пойду. Надо принять и приготовить бѣлье изъ прачешной. Сегодня ожидается поѣздъ съ ранеными юго-западнаго фронта.

— Я пойду съ вами. — сказала Татьяна Николаевна. — До свиданья, Карповъ. Будьте умницей. Знайте. что вы мнѣ дороги.

Она кивнула ему точеной головкой. Онъ не посмѣлъ попросить у нея руки на прощанье и страстнымъ влюбленнымъ взглядомъ провожалъ ее и сестру Валентину, пока онѣ не вышли изъ комнаты. Онѣ проходили мимо Верцинскаго. Верцинскій проснулся. Его худое лицо тонуло въ подушкѣ. Торчалъ какъ у покойника обвостривш1йся носъ и глаза смотрѣли мрачно и злобно.

Татьяна Николаевна прошла мимо, даже не посмотрѣвши на Верцинскаго. Точно догадывалась она о той злобѣ и непримиримой ненависти. которая была къ ней въ этомъ человѣкѣ.

XI.

Въ просторной столовой отдѣленія для выздоравливающихъ собралось человѣкъ двѣнадцать офицеровъ въ чистыхъ изящныхъ халатахъ. была Императрица со всѣми четырьмя дочерьми. сестра Валентина, сестра Рита и еще нѣсколько сестеръ и служащихъ лазарета.

Великая княжна Ольга Николаевна только что окончила играть на рояли и всѣ сидѣли молча, не смѣя хвалить мастерскую игру Государевой дочери.

Былъ октябрьскій вечеръ. За окномъ сыпалъ дождь и иногда съ налетающимъ вѣтромъ барабанилъ по стекламъ. Здѣсь, въ ярко освѣщенной электричествомъ столовой. было тепло и уютно. Служители разнесли чай, хлѣбъ и сласти. Въ углу Карповъ сидѣлъ съ сестрой Ритой Дурново.

Къ сестрѣ Ритѣ его влекло одинаковое страстное чувство обожанія ко всей Царской Семьѣ.

— Нашъ родной прадѣдъ, — говорила высокая и худая съ громадными глазами. умно глядящими изъ подъ тонкихъ бровей Рита Дурново, — былъ

Суворовъ. И у насъ у всѣхъ, у меня, у моихъ сестеръ и братьевъ надъ постелями виситъ послѣднее завѣщаніе Суворова: — «Сіе завѣщаю вамъ: — безпредѣльную преденность Государю Императору и готовность умереть за Царя и Родину».

— Да, выше этого ничего нѣтъ, — сказалъ Алеша. — Знайте, сестра Рита, что я давно таю въ себѣ страстное желаніе умереть на войнѣ. Вы меня поймете, сестра Валентина тоже понимаетъ... Вы услышите скоро, что я убитъ. Тогда скажите Татьянѣ Николаевнѣ, что это я для нея убитъ.

— Вы влюблены въ нее, страстнымъ шопотомъ прошептала Рита.—Какъ я понимаю васъ, Алексѣй Павловичъ! Правда, въ нее нельзя не влюбиться и именно такъ, чтобы умереть за нее. Вѣдь она сама греза. Вы знаете, что я посвятила всю себя имъ. Для меня нѣтъ ничего выше, ничего лучше, какъ имъ служить. Что бы ни было, я останусь имъ вѣрна. Я никогда и нигдѣ ихъ не покину, хотя бы это мнѣ стоило жизни.

— А развѣ что нибудь грозитъ имъ, понижая голосъ почти до шопота, сказалъ Алеша.

— Ахъ, не знаю, не знаю. Но говорятъ. И временами такъ страшно становится отъ этихъ разговоровъ. Скажите, Алексѣй Павловичъ, вы увѣрены въ вѣрности своихъ казаковъ?

— О, да!, сказалъ Карповъ. Вы знаете, сестра Рита, что нашъ казакъ и солдатъ, сколько я понимаю, самъ ничего худого не сдѣлаетъ. Нужны вожаки. Его можетъ повести на хорошее и худое только интеллигенція, только офицеры.

— А какъ офицеры?

Карповъ вспомнилъ Верцинскаго и задумался.

— Я наблюдаю ихъ здѣсь въ лазаретѣ, сказала Рита, кромѣ того у меня шесть братьевъ. Знаете, Алексѣй Павловичъ, страшно становится Все лучшее погибло на поляхъ Пруссіи и Галиціи во имя спасенія Франціи. Вотъ недѣлю тому назадъ мы хоронили штабсъ-капитана Никольскаго. Какой это

былъ офицеръ! И сколько такихъ мы схоронили. У меня братъ офицеръ Лейбъ Гвардіи Егерскаго полка —онъ мнѣ говорилъ. что не узнаетъ полка. Восемьдесятъ процентовъ новыхъ людей, прапорщики ускоренныхъ выпусковъ, изъ студентовъ и гимназистовъ, люди совершенно не имѣющіе гвардейскихъ традицій. И такъ вездѣ! Здѣсь стоятъ запасные батальоны гвардіи; я вижу офицеровъ — я молода, неопытна, но я вижу, что это не то. Какъ позволяютъ они себѣ говорить про священную особу Государя, какъ ведутъ себя въ вагонахъ желѣзной дороги и трамваяхъ. Я гляжу и мнѣ страшно. А что, если это начало конца. О, никогда, никогда, что бы ни случилось я ихъ не покину. Мой прадѣдъ завѣщалъ мнѣ безпредѣльную преданность — и съ нею я и умру.

— Рита, — звонкимъ груднымъ голосомъ сказала Ольга Николаевна, что вы тамъ шепчетесь съ Карповымъ. Идите играть въ рубль.

Раненые и великія княжны сѣли за столъ.

— Карповъ сюда, позвала его Татьяна Николаевна и Алеша почувствовалъ, какъ горячая кровь хлынула по его тѣлу и покраснѣлъ до корня волосъ отъ счастья. Онъ сѣлъ рядомъ съ ней.

У всѣхъ играющихъ руки были подъ столомъ. Одинъ молодой поручикъ гвардейскаго пѣхотнаго полка, раненый въ руку и уже совершенно оправившійся внимательно слѣдилъ за лицами и за движеніями плечъ играющихъ, стараясь угадать у кого изъ нихъ въ рукахъ остановился серебряный рубль. Сидѣвшіе за столомъ нарочно толкали другъ друга, перешептывались, дѣлая видъ, что стараются незамѣтно передать рубль черезъ сосѣда, чтобы ввести въ заблужденіе отгадчика.

— Карповъ у васъ, — крикнулъ отгадчикъ, но Карповъ проворно поднялъ свои руки и показалъ пустыя ладони.

Карповъ зналъ, что рубль давно находится въ мягкихъ и нѣжныхъ пальчикахъ Татьяны Нико-

лаевны и что по молчаливому соглашенію между ними онъ никуда дальше не пойдетъ. Было страшно, если отгадчикъ назоветъ имя Татьяны Николаевны. Тогда для Карпова пропадетъ все обаяніе нагрѣтаго милыми ручками рубля. Оба, — Татьяна Николаевна и Алеша, сидѣли съ сильно бьющимися сердцами и пустая и глупая игра имѣла для нихъ характеръ особаго интереса. Но отгадчикъ подумалъ, что, если онъ былъ близокъ къ тому, чтобы угадать, то теперь рубль уже ушелъ куда либо далеко въ противоположную сторону, онъ оглянулъ столъ, стараясь по веселымъ раскраснѣвшимся лицамъ угадать, у кого притаился рубль.

— Марія Николаевна у васъ! — сказалъ онъ.

Еще дѣвочка, великая княжна Марія Николаевна, весело засмѣялась и протянула почти къ самому лицу отгадчика свои пухлыя ладони.

Алеша держалъ свою руку въ рукѣ Татьяны Николаевны. Горячій рубль лежалъ между его и ея пальцами. Его пальцы касались ея колѣна и чувствовали матерію ея сѣрой юбки. Запахъ нѣжныхъ духовъ былъ подлѣ и пропитывалъ его руку.

— Татьяна Николаевна, — чуть слышно засохшими губами прошепталъ Алеша, — ради Бога никому не передавайте рубля, отдайте его мнѣ навсегда, на память и кончите игру.

Маленькая рука съ рублемъ крѣпко сжала руку Алеши и долго держала такъ въ дружескомъ пожатіи. Карповъ чувствовалъ тонкое біеніе пульса каждаго пальца. Онъ испытывалъ величайшее счастіе.

— Каппель, ну у васъ, — сказалъ отгадчикъ, котораго начинало сердить и утомлять то, что онъ не можетъ напасть на вѣрный слѣдъ.

— Господа, довольно, — капризнымъ тономъ сказала Татьяна Николаевна. Давайте лучше играть въ отгадываніе мыслей — и, говоря это, она еще разъ сжала руку Алеши и оставила въ ней горячій рубль.

Всѣ согласились. Игра дѣйствительно не удавалась. Кто то удерживалъ рубль, а водить пустыми руками, не чувствуя въ нихъ предательскаго рубля было не интересно.

Императрица сидѣла въ углу съ сестрой Валентиной.

— Только здѣсь, среди этой милой молодежи, я и отдыхаю, — сказала она.—Посмотрите, какъ оживилась моя Татьяна. Я давно не видала ее такой. И какъ милъ этотъ Карповъ. Онъ очень воспитанный человѣкъ. Вы мнѣ говорили, сестра Валентина, что его отецъ убитъ на войнѣ, вотъ теперь, недавно.

— Да годъ тому назадъ. Еще года нѣтъ. На рѣкѣ Нидѣ.

— Бѣдный молодой человѣкъ. И сколько, сколько такихъ осиротѣлыхъ семей! Ахъ, сестра Валентина, надо, надо кончить войну. Намъ не подъ силу сражаться съ ними.

Сестра Валентина молчала. Она низко опустила голову на грудь.

— Намъ надо раньше побѣдить, Ваше Императорское Величество, — тихо сказала она и стала теребить край своего бѣлаго передника.

Императрица не отвѣчала. Она встала, за нею поднялась и сестра Валентина. Императрица отправлялась во дворецъ раньше, нежели обыкновенно. Она была разстроена. Сестра Валентина чувствовала себя виноватой въ этомъ, но она не могла поступить иначе, да Императрица ее и не обвиняла. Она понимала ее, но знала, что ее-то никогда и никто не пойметъ.

XII.

Полтора мѣсяца были для Алеши горѣніе на медленномъ огнѣ. Ежедневныя встрѣчи, милыя недомолвки, ласки взглядомъ, пожатіемъ руки, маленькимъ подаркомъ, то цвѣтовъ, то конфетъ, то

книги, то длинный задушевный разговоръ, но разговоръ далекій, чуждый страсти и любви. То о н а разскажетъ ему про свои шалости съ Алексѣемъ, котораго онѣ, всѣ сестры боготворили, или про то, какъ въ недавнюю поѣздку Анастасія Николаевна забралась въ вагонѣ на сѣтку для багажа, укуталась пледомъ, взяла пузырекъ съ водою и капала изъ него на голову старому генералъ-адъютанту, сопровождавшему ихъ, къ великому смущенію ея, Ольги и Маріи, то онъ станетъ разсказывать ей про казаковъ, про жизнь въ станицѣ, про Новочеркасскъ. Казаки въ его описаніи выходили идеальными людьми, сказочными героями, чудо богатырями. Его разсказы были пропитаны любовью, которою горѣло его сердце.

— Какъ я рада, что они такіе, говорила Татьяна Николаевна, а то, говорятъ, что они плохо сражаются и много грабятъ.

Потомъ Алеша разсказывалъ про свой полкъ, про новое синее съ серебромъ знамя, про свою лошадь. Она о б о ж а л а лошадей. Она любила читать книги, гдѣ было написано про лошадей, и, если исторіи были печальныя, она плакала и сердилась на автора. Въ тѣ дни, когда она не могла быть въ лазаретѣ, она посылала ему черезъ сестру Валентину маленькую записку съ милымъ привѣтомъ. На широкомъ листѣ плотной англійской бумаги разгонисто, еще дѣтскимъ почеркомъ, было написано нѣсколько ничего не значущихъ словъ, а внизу стояла подпись: «сестра Татьяна».

Иногда ему удавалось выпросить у нее позволеніе поцѣловать ея руку. Она давала ее, смѣясь, но сейчасъ же отдергивала. Онъ нѣсколько разъ напоминалъ ей про чудный день 23 сентября. Она спросила: «да что было?» Онъ покраснѣлъ и запинаясь сказалъ:

— Я былъ такъ счастливъ тогда. Я думалъ, что умру отъ счастья. Вы поцѣловали меня тогда.

— Ахъ, да, — лицо Татьяны Николаевны стало серьезнымъ. — Мнѣ было тогда такъ жалко васъ, — сказала она.

— Я поклялся въ тотъ день, что я умру за васъ.

Татьяна Николаевна подумала, что на войнѣ офицеры должны умирать, безъ этого не будетъ побѣды. Она серьезно посмотрѣла на Алешу. Ей стало жалко его. Но, это его долгъ, подумала она, и для него это счастье умереть за Родину.

— Старайтесь не думать объ этомъ, — сказала она.

— А вы помните, какъ вы поцѣловали меня, — спросилъ онъ.

Она не помнила. Но она почувствовала, что огорчитъ его, если скажетъ прямо, что не помнила и она сказала: — да, я помню. Вы хорошій, Карповъ. Я хочу, чтобы вы всегда были хорошимъ. Любите меня. Мнѣ сладко и хорошо сознавать, что такіе люди, какъ вы, любятъ меня. Но не думайте о глупостяхъ! Поцѣлуй это глупости! Этого не надо. Но помните о 23 сентября. Всегда помните. Можетъ быть вамъ станетъ когда либо очень трудно, вы вспомните о томъ, что я люблю васъ, что я молюсь за васъ и вамъ станетъ легко.

Каждую субботу онъ ходилъ ко всенощной, а воскресенье къ обѣднѣ въ Ѳедоровскій соборъ. Построенный въ строгомъ стилѣ древнихъ Русскихъ церквей, полный художественной имитаціи, этотъ маленькій соборъ производилъ чарующее впечатлѣніе. Тихо горѣли огоньки въ разноцвѣтныхъ лампадкахъ, придворный хоръ пѣлъ мягко и красиво. На правомъ крылосѣ стояла Императрица съ дочерьми. Карпову сладко было обмѣниваться взглядами съ Татьяной Николаевной и ея сестрами, чувствовать, что онъ узнанъ, что его увидали, что онъ, какъ бы свой. Священникъ, отецъ Александръ Васильевъ, служилъ прекрасно, вдохновенно. Хоръ мягко трепеталъ сдержанными звуками, и тихіе напѣвы какъ бы порхали подъ расписными сводами.

Одѣтые въ темно-малиновые стрѣлецкіе кафтаны въ цвѣтныхъ сапогахъ, служки тихо ходили по церкви. Неподвижными рядами стояли казаки конвоя и солдаты Сводно-гвардейскаго полка. Когда наступалъ моментъ пѣть «Отче нашъ» — пѣли всѣ прихожане. Алеша могучимъ чистымъ баритономъ покрывалъ тихое гудѣніе казачьихъ и солдатскихъ голосовъ и велъ ихъ за собою. Императрица и великія княжны стояли на колѣняхъ, но Алеша чувствовалъ, что его слышатъ и его слушаютъ и голосъ его звенѣлъ полный уже не сдерживаемой мольбы и страсти.

Алеша любилъ чисто. Ни одна грѣховная мысль не прорѣзала его мозги на яву. Она была для него не только возлюбленная, но и Царская дочь, великая княжна, и это усиливало остроту боли и доводило любовь до экстаза.

Онъ сознавалъ, что это сумасшествіе такъ полюбить Татьяну Николаевну. Онъ сознавалъ, что онъ никого уже не полюбитъ больше и что жизнь его загублена, потому что полной взаимности онъ не получитъ никогда. Онъ обрекъ себя на смерть. Въ другое время онъ застрѣлился бы въ одинъ изъ такихъ пароксизмовъ неудовлетворенной страсти — теперь онъ зналъ, что съумѣетъ достойно умереть и спокойно къ этому готовился. То, что онъ сдѣлалъ подъ Желѣзницей, уже не казалось ему геройствомъ. Онъ сдѣлаетъ теперь большее, онъ сдѣлаетъ такое, что или умретъ или явится къ ней съ орденомъ святого Георгія, явится истиннымъ героемъ и, ставши на колѣни передъ Государемъ, будетъ просить руки его дочери на правахъ народнаго героя. Уже и планъ созрѣлъ въ его мозгу: — поступить въ летчики, сдѣлаться этимъ особеннымъ человѣкомъ птицею, который невольно возбуждаетъ восхищеніе и удивленіе всѣхъ людей. О, онъ сумѣетъ и умереть безстрашно, коль скоро это понадобится.

Время шло и незамѣтно подкрался жуткій часъ

разлуки. Онъ ѣхалъ на одинъ день повидаться съ матерью, а потомъ: — на фронтъ, въ свой полкъ.

— Карповъ, — сказала сестра Валентина Алешѣ, когда, отправивъ санитара съ маленькимъ узелкомъ на станцію, онъ собирался уходить и надѣвалъ свою шинель, — сестра Татьяна желаетъ васъ видѣть, пройдите въ пріемную.

Сердце дрогнуло у Карпова, у него потемнѣло въ глазахъ. Онъ бросилъ шинель на койку и пошелъ за сестрой Валентиной.

— Вотъ онъ нашъ бѣглецъ. Все на фронтъ, на фронтъ—и не долечился, какъ слѣдуетъ, сказала сестра Валентина, отворяя дверь и проталкивая Карпова въ пріемную.

Въ пріемной кромѣ Татьяны Николаевны не было никого. Низкое осеннее солнце бросало косые лучи на паркетъ. За окномъ видны были заиндевѣлыя деревья парка, лишь кое гдѣ сохранившія жолтые, красные и коричневые листья. По замерзшему шоссе стучали копыта лошадей.

— Я хотѣла попрощаться съ вами, сказала дрогнувшимъ голосомъ Татьяна Николаевна, — мама приказала вамъ передать ея благословеніе. Сама она не можетъ принять васъ. Она посылаетъ вамъ этотъ крестикъ и евангеліе.

Сѣрые глаза Татьяны Николаевны стали серьезными. Она перекрестила Алешу и надѣла ему крестикъ. Близко около лица были ея руки и голова. Сильно стучало сердце у Алеши. Охватить теперь ее,голубку, сильными руками и прижать къ своему сердцу. Но не посмѣлъ.

Она положила ему руки на плечи и сказала:
— Прощайте, Карповъ. Да хранитъ васъ Богъ — и крѣпко поцѣловала въ губы своими полными нѣжными губами.

Онъ отвѣтилъ на этотъ поцѣлуй поцѣлуемъ страсти. Вся долгая любовь его вылилась въ этомъ безумно счастливомъ поцѣлуѣ. Когда оторвалась она отъ него, она съ испугомъ посмотрѣла на блѣд-

ное лицо, на которомъ, какъ угли горѣли два ставшихъ темными глаза.

— Не забывайте меня,— сказала она и сняла со своего пальчика нарочно приготовленное колечко съ алымъ камнемъ.

— Прочтите, сказала она.

На внутренней сторонѣ кольца было вырѣзано «сестра Татьяна 23 сентября 1915 года».

— Дайте я надѣну.

Она надѣла ему кольцо и протянула руку для поцѣлуя. Онъ впился въ ея руку и она почувствовала, что горячія слезы жгутъ ее. Большой и сильный Алеша рыдалъ, какъ ребенокъ.

— Ну будетъ, будетъ, сказала она, обнимая его и цѣлуя его полные слезами глаза. — Ну, будьте мужчиной.

Она крѣпко пожала руку Алешѣ.

— Прощайте, — сказала она и вышла.

Карповъ, шатаясь подошелъ къ стулу, стоявшему у окна и сѣлъ на него. Слезы текли ручьями по его лицу и зубы стучали. Только теперь онъ понялъ, что никогда, никогда больше не увидитъ онъ этого милаго лица и не услышитъ чарующаго голоса. Никогда. Его ожидаетъ смертъ.....

XIII

Въ гвардейскомъ запасномъ пѣхотномъ полку вывели людей на ученье. Въ казармѣ, гдѣ были помѣщены команды пополненія, не хватало мѣста. Койки были сдвинуты вплотную на подобіе наръ, всѣ корридоры и учебныя и гимнастическія залы были заняты людьми, а потому на занятіе вывели на Морскую улицу, на торцовую мостовую. Старый кадровый унтеръ-офицеръ съ георгіевскимъ крестомъ и два молодыхъ прапорщика ускоренныхъ выпусковъ были приставлены для обученія взвода. Солдаты были одѣты въ шинели и кто въ сапоги,

кто въ австрійскіе щиблеты, всѣ въ сѣрыхъ искусственнаго барашка папахахъ. Была оттепель. моросилъ мелкій, какъ сквозь сито, пронизывающій петербургскій дождь и на торцу было скользко, какъ на ледяномъ каткѣ. Солдаты съ унылыми лицами маршировали, скользили и падали. Ружей на всѣхъ не хватало и тѣ два ружья, которыя были на взводъ, были зажаты въ прицѣльные станки и стояли подъ подъѣздами. Возлѣ нихъ упражнялись по очереди въ прицѣливаніи. Прохожіе мѣшали солдатамъ, солдаты мѣшали прохожимъ. Одни прохожіе умилялись тому, что всѣ Петроградскія улицы загромождены обучающимися солдатами и видѣли въ этомъ мощь Россіи и залогъ ея побѣды надъ Германіей, другіе, напротивъ, возмущались.

— И чего держатъ экую уйму солдатъ въ Петроградѣ. На фронтъ ихъ надо посылать, да тамъ и учить въ полѣ, чтобы они и окапываться умѣли и перебѣжки настоящія дѣлать — а это отданіе то чести, да лѣвой, правой забыть пора, — говорили прохожіе.

Оба прапорщика, забившись подъ ворота высокаго дома, курили папиросы и разговаривали, предоставивъ дѣло обученія унтеръ-офицеру. Надъ всѣмъ батальономъ былъ поставленъ кадровый старый офицеръ, присланный изъ полка съ позиціи, но онъ на занятія не ходилъ. Онъ и самъ хорошенько не зналъ, присланъ ли онъ на очередной отдыхъ отъ трудовъ и ужасовъ войны или присланъ командовать запаснымъ батальономъ.

Второй часъ занимались отданіемъ чести съ остановкой во фронтъ. Взводный Михайловъ пропускалъ мимо себя людей взвода. Онъ требовалъ, чтобы противъ него дѣлали остановку и здоровался отъ имени разныхъ начальствующихъ лицъ.

— Отвѣчай, Рубцовъ, какъ корпусному командиру: «Здорово, братецъ!»

— Здравія желаю ваше высокопревосходительство!

— Нѣ-е.... Форцу настоящаго въ отвѣтѣ не вижу. Корпусный онъ любитъ, чтобы на «ство» было настоящее удареніе. Ты начало проглоти, или скажи скороговоркой, а потомъ и ударь на «ство» отчетливо, по Варшавски. Ну еще разъ — здорово молодецъ!

Прапорщики переглянулись и младшій,—Кнопъ, кончившій четыре курса университета по юридическому факультету, посмотрѣлъ на часы съ браслеткой и сказалъ старшему Харченко: — «не пора ли кончать, довольно ерундой заниматься».

— Пожалуй можно кончить, — отвѣчалъ Харченко.

Харченко былъ гимназистъ, совсѣмъ мальчикъ. Онъ съ трудомъ одолѣлъ семь классовъ гимназіи, а потомъ кинулся на курсы прапорщиковъ, чтобы не идти на войну рядовымъ солдатомъ. У него былъ дѣтскій неустоявшійся характеръ. Здѣсь въ полку онъ командовалъ ротой въ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, но постоянно находился подъ чьимъ нибудь вліяніемъ и кого нибудь боялся. Онъ боялся и благоговѣлъ передъ младшимъ себя прапорщикомъ Кномомъ, потому что тотъ былъ студентомъ и демонстративно носилъ университетскій значекъ, онъ побаивался серьезнаго и угрюмаго унтеръ-офицера Михайлова съ его георгіевскимъ крестомъ, боялся разбитного рядового Коржикова, не признававшаго никакой дисциплины, но больше всего боялся своего батальоннаго командира, молодого изящнаго штабсъ-капитана Савельева, въ прекрасно сшитомъ суконномъ френчѣ, усѣянномъ значками, съ Владимиромъ съ мечами, раненаго въ плечо, заходившаго иногда въ роту и всегда все критиковавшаго.

— Михайловъ, крикнулъ Харченко, кончайте занятія.

Михайловъ собралъ взводъ, назначилъ людей отнести станки и винтовки и вызвалъ Коржикова запѣвать и идти съ пѣснями домой.

Солдаты запѣли пѣсню. Пѣсня была новая. Она звучала придуманнымъ напѣвомъ, какъ гимнъ и не было въ ней Русскаго широкаго размаха, ни въ словахъ, ни въ напѣвѣ. Плаксиво грустно говорилось о покинутой семьѣ, прощались съ домомъ, шли не разить врага и побѣждать его, шли умирать. Шагъ подъ нее выходилъ размѣренный, медленный и короткій. Отъ этой пѣсни съ души рвало, по выраженію Михайлова, но перемѣнить ее онъ не могъ. Ее пѣли вездѣ. Ее придумали и принесли вотъ эти самые прапорщики, которыхъ не любилъ и не уважалъ Михайловъ. «Побѣжишь послѣ такой пѣсни», выговаривалъ онъ какъ-то Коржикову, «развѣ это солдатская пѣсня? Ни Царя, ни отечества въ ней нѣту. Ноги не слышно. Пѣсня должна быть такая, чтобы тебя за душу хватала и впередъ бросала, а то что, слезы однѣ, да «прощай, прощай!»., Ты бы спѣлъ про «пѣсни русскія, живыя, молодецкія, золотыя удалыя, не нѣмецкія!»

— Я такихъ пѣсень, господинъ взводный не знаю. Пойте тогда сами, говорилъ Коржиковъ, принимая почтительную позу передъ Михайловымъ и нагло глядя ему въ глаза.

«Пойте сами»,—вотъ въ этомъ то и загвоздка была, что и Михайловъ и его помощники, кадровые солдаты, были не пѣвуны и насчетъ словъ знали мало. Толкнулись къ прапорщикамъ, но и тѣ въ этомъ дѣлѣ ничего не понимали.

— Ну, погодите вы,—идя за взводомъ съ тоскою думалъ Михайловъ,—погодите вы, ужо я васъ на позиціи!

Но при мысли о позиціи тоска еще сильнѣе сжимала его сердце. — А кто выучитъ тамъ, думалъ онъ съ горечью. Ротнаго, капитана Себрякова, еще въ началѣ войны убили, старшаго субалтерна поручика Синеокова, ухъ вотъ душевный парень былъ,—пятью пулями въ завислинскомъ походѣ уложило, только послѣ пятой и упалъ, а то все шелъ впереди роты, младшаго субалтерна подпо-

ручика Фонштейна въ первомъ же бою, какъ прiѣхалъ изъ училища убили. Да и кто изъ старыхъ господъ офицеровъ остался—никого въ полку нѣтъ. Все новое, молодое и такое неумѣлое. Подойти къ солдату не умѣютъ. Это развѣ модель, чтобы солдатъ волосы, какъ дѣвка чолкой запускалъ? А Коржиковъ носитъ. Прапорщикъ Кнопъ ему разрѣшилъ. И кто такое Кнопъ? Не то нѣмецъ, не то жидъ. Можетъ быть и правда жидъ, а что скубентъ, такъ и не скрываетъ этого. Господи, Твоя воля—полтора часа поучились и уже размокли подъ воротами стоючи. И кто ихъ направитъ! Фельдфебеля Сидора Петровича убили, обоихъ сверхсрочныхъ тяжелымъ снарядомъ пришибло,—продолжалъ тяжкiя думы Михайловъ—развѣ теперь это гвардейскiй полкъ? Срамъ одинъ! Солдаты въ обмоткахъ, ну все одно, какъ австрiецъ рваный!.... А мы то пѣли — «Русскiй Царь живетъ богато, войско водитъ въ сапогахъ, ваша-жъ рать есть оборванцы, ходитъ вовсе безъ чувякъ»... Гвардiя! — Михайловъ презрительно плюнулъ, — одно имя осталось! Какая это гвардiя, когда ни Себрякова, ни Синеокова, ни Фонштейна, ни Сидора Петровича, никого изъ старыхъ солдатъ нѣтъ!? Эти развѣ гвардiя!?

— Иди въ ногу чертовъ песъ!, крикнулъ Михайловъ въ безсильной злобѣ и толкнулъ задняго солдата такъ, что тотъ пошатнулся.

— Михайловъ,—голосомъ класснаго наставника окликнулъ его Кнопъ съ троттуара — попрошу васъ не драться. Оставьте ваши полицейскiя привычки.

Михайловъ тѣ два года, что былъ въ запасѣ, служилъ въ Петроградской полицiи и прежнiе господа одобряли это, говорили ему, что хорошо, что онъ не оставилъ службы и не распустился, а тутъ—на поди!......

По приходѣ въ казарму Харченко и Кнопъ пришли въ канцелярiю и вызвали Михайлова къ

себѣ на совѣтъ. Оба никакъ не могли научиться говорить Михайлову ты. На Харченко такъ дѣйствовала внушительная фигура унтеръ-офицера и его крестъ, Кнопъ говорилъ вы отчасти по убѣжденію, что нельзя никому говорить ты, отчасти изъ презрѣнія къ Михайлову, какъ къ бывшему городовому. Михайлова же это холодное вы оскорбляло.

— Михайловъ, началъ Харченко, мнѣ совсѣмъ не нравится какъ вы ведете занятія во дворѣ. Скажите по совѣсти развѣ это вы видали на войнѣ?

Михайловъ молчалъ, тупо глядя на юное безъ усовъ и бороды лицо прапорщика и заставляя себя видѣть въ немъ офицера и прямого начальника, а не гимназиста, дѣлающаго скандалъ на улицѣ.

— Нѣтъ, вы скажите, Михайловъ, вмѣшался визгливо обрываясь на высокихъ нотахъ Кнопъ, вы скажите — отданіе чести съ остановкой во фронтъ, а? Это что? Или здорованье, какъ корпусной? Это въ область преданій должно отойдти. Это Николаевщина! Или ваши манеры при обращеніи къ солдату. Теперь, Михайловъ, солдатъ образованный, въ нашемъ взводѣ шесть человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, а вы ругаетесь.

— Оставьте, Борисъ Матвѣевичъ, сказалъ Харченко. Вы мнѣ скажите, Михайловъ, что вы дѣлали на войнѣ?

— Стрѣляли. Кололи, били прикладомъ, окапывались.

— Значитъ, что нужно солдату, чтобы умѣть воевать?, мягко спросилъ Харченко.

— Первѣе всего солдатъ должонъ понимать дисциплину, мрачно сказалъ Михайловъ.

— Ну, это хорошо. Не это главное, а по отношенію къ непріятелю, что долженъ дѣлать солдатъ?

— Потому, какъ безъ дисциплины войско становится какъ орда, занимается грабежомъ, бѣжитъ отъ врага,—продолжалъ говорить Михайловъ.

— Все это ладно, но вотъ вы сказали, что надобно, чтобы окапываться, стрѣлять, колоть штыкомъ.—вкрадчиво сказалъ Кнопъ, вотъ этому и надо учить.

— Такъ точно, еще мрачнѣе проговорилъ Михайловъ.

— Ну вотъ, ну вотъ... Сами понимаете. Вотъ и учить этому окапыванію, стрѣльбѣ, колоть, ну, словомъ, военному искусству, а не шагистикѣ, — торжественно сказалъ Кнопъ.

— Ваше благородіе, съ мольбою въ голосѣ, обращаясь къ Харченко сказалъ Михайловъ, — ну какъ же я учить буду окапываться на торцовой мостовой и безъ лопатъ, ну какъ же стрѣлять, или колоть, ежели одна винтовка на весь взводъ.... Я хочу, чтобы дисциплину, а они даже остричь солдата по формѣ не дозволяютъ. Ваше благородіе, что же это! Вѣдь на войну готовимъ!

Харченко былъ смущенъ и молчалъ.

— Хорошо, хорошо, Михайловъ, сказалъ онъ, я поговорю объ этомъ съ командиромъ батальона.

Онъ уже и не радъ былъ, что затѣялъ этотъ разговоръ, но его подбилъ на это Кнопъ.

— Чѣмъ теперь заниматься прикажете?, спросилъ Михайловъ.

— А что тамъ по росписанію?

— Гимнастика на снарядахъ и сокольская.

— Ну вотъ и займитесь.

— Такъ что, ваше благородіе, снаряды поставить негдѣ.

— Ну, какъ же Михайловъ... Ну тогда...

— Можетъ быть дозволите заняться словесностью, уставы подтвердить.

— Ну хорошо... Да...

Въ двери канцеляріи просунулся молодой человѣкъ, красивый, бритый, съ прической съ про-

боромъ и большимъ клокомъ волосъ, выпущеннымъ на лобъ, въ солдатской собственной хорошо сшитой въ сборку суконной рубахѣ и шароварахъ шитыхъ у хорошаго портного и нагло посмотрѣлъ на прапорщиковъ.

— Коржиковъ, что вамъ? спросилъ Харченко.

— Дозвольте поговорить, сказалъ молодой человѣкъ.

— Хорошо. Такъ ступайте Михайловъ. Значитъ займетесь словесностью. Пожалуйте Коржиковъ.

XIV.

Послѣ убійства полковника Карпова Коржиковъ перебѣжалъ къ австрійцамъ и нѣкоторое время служилъ шпіономъ, но затѣмъ онъ снесся съ Бурьяновымъ, съумѣлъ добиться отпуска, проѣхалъ въ Швейцарію, получилъ большія деньги и инструкціи отъ Бурьянова и осенью 1915 года, вмѣстѣ съ Любовинымъ и Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, пробрался снова въ Россію. Въ Петроградѣ Коржиковъ, съ прекраснымъ паспортомъ и лучшими рекомендательными письмами, явился въ день призыва въ воинское присутствіе и попалъ въ гвардейскій запасный полкъ, Любовинъ же и Ѳедоръ Ѳедоровичъ по протекціи одного изъ видныхъ членовъ Государственной думы и члена ихъ партіи поступили въ Земскій союзъ и стали устраивать лазареты и склады на фронтѣ.

Всѣ три получили опредѣленную инструкцію работать на разрушеніе арміи, хотя бы это привело къ побѣдѣ Германіи. Солдаты должны быть развращены и изнѣжены, они должны бояться идти на фронтъ, для этого надо приложить всѣ усилія, чтобы баловать солдатъ въ тылу, въ лазаретахъ и госпиталяхъ, развращать ихъ въ кинематографахъ и театрахъ.

— Пустите въ ходъ все—газеты, книги, проповѣди, театръ, говорилъ, отправляя ихъ Бурьяновъ. Основнымъ мотивомъ должно быть: — на войнѣ единственный страдалецъ и герой — солдатъ, поднимите солдата на необыкновенную высоту и совершенно замолчите работу офицера. Про офицеровъ говорите одно гадкое. Сдѣлайте такъ, чтобы исключительнымъ героемъ явился солдатъ и народъ, а офицеръ былъ ничто.

— Какъ это сдѣлать? спросилъ Бурьянова все время колеблющійся Любовинъ.

— Не безпокойтесь, Викторъ Михайловичъ, въ Россіи сдѣлать это будетъ легче легкаго. Помните, что русская интеллигенція это стадо трусливыхъ барановъ и она сама поможетъ вамъ свалить самое себя. Создайте на помощь интендантству и военно-санитарному вѣдомству союзы городовъ, земскіе, дворянскіе... какіе хотите. Пріютите туда молодежь, не желающую умиратъ, а въ прессѣ и тайно въ полкахъ поднимите шумъ о томъ, что тяжесть войны ложится неравномѣрно между господами и рабочими и крестьянами и указывайте на эту уклоняющуюся молодежь, говорилъ Бурьяновъ. — Помните одно, товарищи, что намъ надо теперь валить уже не Царя и Тронъ, — эти свалятся сами, но намъ надо свалить всю интеллигенцію, доказать народу, что она его обманываетъ и обираетъ, посѣять вражду къ ней и создать солдатскую диктатуру. Чѣмъ глупѣе и хуже будетъ это правительство тѣмъ лучше. Когда все будетъ готово явимся мы и станемъ править по своему. Тогда наступитъ истинный соціализмъ и мы свалимъ капиталистовъ и уничтожимъ имперіалистически-буржуазный строй.

— Когда же начинать? спросилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Теперь уже можно. Война стала достаточно тяжелой. Создайте неслыханный развратъ въ тылу. Развратъ открытый на глазахъ у всѣхъ. Ста-

райтесь пошатнуть вѣру и церковь, обратите вниманіе на духовенство, сдѣлайте изъ солдатъ сознательныхъ рабочихъ, поставьте политику и принадлежность къ политической партіи краеугольнымъ камнемъ, создайте то, чтобы партійность стала порядочностью и вы разрушите огромное царство. Сдѣлайте такъ — чѣмъ хотите: — анекдотами, пѣсеньками, театромъ, — чтобы генераломъ было стыдно быть, а солдатомъ почетно. Играйте на этомъ преклоненіи общества передъ солдатами и постепенно создайте такого солдата, въ которомъ ничего солдатскаго не было бы. Ждите момента. Ждите, когда настанетъ усталость отъ войны и тогда ударьте всѣми силами, по всему фронту и объявите наши лозунги открыто: — долой войну! Миръ хижинамъ, война дворцамъ. Да здравствуетъ пролетаріатъ! — Создайте изъ преступниковъ героевъ и привлеките преступный элементъ на свою сторону.

— А не будетъ это опасно? спросилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Не бойтесь, товарищъ, когда будетъ нужно мы сумѣемъ его уничтожить. Противопоставьте Государю — Государственную Думу и общественныхъ дѣятелей и одновременно посѣйте вражду между общественными дѣятелями и вселите къ нимъ недовѣріе, внушите толпѣ, что солдаты и рабочіе единственные чистые люди въ Россіи и подберите изъ среды ихъ самыхъ развращенныхъ негодяевъ. Товарищи, я чувствую, что насталъ часъ перевернуть весь міръ и создать новую вѣру и новая религія будетъ: — б о л ь ш е в и з м ъ. Да, христіанство отжило свой вѣкъ. Мертвая, холодная любовь должна быть опрокинута и на ея мѣсто надо насадить жестокую, непримиримую ненависть. Посмотримъ, кто побѣдитъ! Чье сердце окажется сильнѣе? Сердце пылающее любовью, или сердце пропитанное страшнымъ ядомъ ненависти. Христіане говорятъ, что у нихъ въ жизни должно

быть три путеводныхъ маяка — вѣра, надежда и любовь и любовь изъ нихъ главная — я же говорю вамъ, что мы должны сѣять: — безвѣріе, отчаяніе и ненависть и ненависть больше всего. Посмотримъ, устоитъ-ли Христосъ? Надругивайтесь надъ церквями, попирайте ногами мощи и иконы, смѣйтесь надъ всѣми завѣтами Христа! Страшнымъ терроромъ, лишеніемъ имущества, земли, домовъ, квартиръ, мебели, движимости, одежды, голодомъ — доведите людей до отчаянія и тогда сѣйте ненависть! Ненависть! Ненависть!

Какъ тогда, полтора года тому назадъ, алые лучи заходящаго солнца освѣщали сѣдую голую голову Бурьянова и снова казалось, что кровью была залита вся его голова. Разныя чувства испытывали три его ученика, которыхъ онъ называлъ своими апостолами.

Любовину было просто страшно. Онъ чувствовалъ, что онъ попалъ въ какой-то омутъ, изъ котораго ему нѣтъ возврата. Саблинъ ему казался святымъ и чистымъ по сравненію съ тѣмъ, что онъ долженъ дѣлать. Но онъ былъ опутанъ кругомъ и съ видомъ обреченнаго на смерть онъ готовился точно и безпрекословно исполнять все, что ему прикажутъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ чувствовалъ, что Бурьяновъ выходитъ изъ предѣловъ программы партіи, начертавшей на знамени своемъ «свобода, равенство, и братство» и относился къ его словамъ критически. Онъ не возражалъ ему только потому, что чувствовалъ, что въ эту торжественную минуту, когда Бурьяновъ парилъ и говорилъ вдохновенно, ему возразить надо было съ еще большимъ вдохновеніемъ, а этого то вдохновенія онъ не чувствовалъ въ себѣ въ данную минуту и потому молчалъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ давно отметнулъ христіанство и не признавалъ его, такъ какъ оно казалось ему слащавымъ и вслѣдствіе того, что оно

по его мнѣнію, несло непротивленіе злу. Θедоръ Θедоровичъ считалъ, что оно поддерживаетъ сильныхъ, но и согласиться съ проповѣдью ненависти онъ не могъ.

Викторъ торжествовалъ. Это было то, что ему было нужно. Послѣ того, какъ лунною зимнею ночью онъ свалилъ выстрѣломъ Лукьянова, а потомъ убилъ полковника Карпова онъ почувствовалъ сладострастную радость въ убійствѣ человѣка. Вотъ былъ, думалъ онъ — Карповъ, Павелъ Николаевичъ, его всѣ любили и уважали и имъ держалось много людей, а вотъ нѣтъ его и не будетъ никогда и это я сдѣлалъ. Я тотъ конь блѣдный, который несетъ смерть и разрушеніе. Я Антихристъ, и буду имъ! Если я не могу быть Христомъ или служителемъ его ангеломъ, я стану служителемъ діавола. И посмотримъ, кто сильнѣе діаволъ или ангелъ? И помимо страшной гордости, которой пылало сердце Коржикова и которую разжигали слова Бурьянова, ученіе учителя ему нравилось потому, что открывало ему путь къ веселой жизни и страшному разврату, что такъ отвѣчало его пылкой и страстной натурѣ.

Поступивъ на службу въ гвардейскій запасный полкъ Коржиковъ весь отдался умной и хитрой подпольной работѣ.

XV.

— Я къ вамъ, ваше благородіе, развязно сказалъ Коржиковъ, становясь у дверей канцеляріи и закладывая руки за спину. — Весь взводъ, можно сказать, уполномочилъ меня жаловаться на аспида. Сами изволили видѣть, какъ онъ сегодня Котова ни за что обругалъ и ударилъ. Мы всѣ къ вамъ, какъ къ образованному человѣку, потому что силъ нѣтъ больше терпѣть.

— Я вамъ обѣщаю, Коржиковъ, что этого больше не будетъ, сказалъ Харченко.

— Ваше благородіе весь взводъ требуетъ, чтобы Михайлова вы наказали.

— Я переговорю объ этомъ съ командиромъ баталіона.

— Еще, ваше благородіе, весь взводъ недоволенъ пищей. За обѣдомъ не всѣмъ хватило мяса. Солдаты просятъ разрѣшить ходить довольствоваться домой. У многихъ здѣсь есть семьи, это ихъ не стѣснитъ.

— Я переговорю съ командиромъ баталіона, устало сказалъ Харченко.

Эти заботы о питаніи роты его тяготили. Довольствіе людей ему не удавалось. Не было опытныхъ артельщиковъ, кашеваровъ, хлѣбопековъ, съ раскладкой онъ никакъ не справлялся Она казалась ему труднѣе таблицы логариѳмовъ. Харченко самъ чувствовалъ, что въ этомъ отношеніи у него неблагополучно, что роту обкрадываютъ неизвѣстные люди: — артельщикъ, кашеваръ, или тѣ, кто приходитъ на кухню, но только у него никогда не хватало порцій, щи были не наваристыя, а каша комкомъ. Хозяйство не ладилось и, какъ помочь этому дѣлу, онъ не зналъ. Теперь онъ смотрѣлъ на Коржикова и думалъ, почему ему обо всемъ этомъ докладываетъ Коржиковъ? Кто онъ такой? Взводный? Отдѣленный? Нѣтъ. Онъ говоритъ по полномочію солдатъ. Правильно это? Допустимо? Съ его точки зрѣнія, гимназиста, съ точки зрѣнія Кнопа, студента юриста, это было вполнѣ допустимо, а какъ посмотритъ штабсъ капитанъ Савельевъ? Коржиковъ одинъ изъ самыхъ молодыхъ солдатъ, разбитной парень, никогда, по заявленію Михайлова, не ночующій въ казармѣ и страшный нахалъ. Почему онъ выбранъ? Да и выбранъ ли?

— Еще, ваше благородіе, товарищи заявляютъ, чтобы имъ разрѣшили ходить въ кинематографы и въ городъ до позднихъ часовъ.

— Этого я не могу разрѣшить, сказалъ Харченко, это запрещено уставомъ внутренней службы.

— Все одно ходятъ, сказалъ Коржиковъ, а уставъ внутренней службы самимъ начальствомъ не соблюдается.

— Какъ такъ?

— Развѣ по уставу дозволено, чтобы люди, какъ свиньи валялись на полу. Наше помѣщеніе разсчитано на сто двадцать коекъ, а насъ помѣщено двѣсти пятьдесятъ. Матрацы не всѣмъ выданы, одѣялъ не хватаетъ. На койкахъ дневальныхъ и караула спятъ чужіе люди. По ночамъ адъ кромѣшный въ казармѣ. Продохнуть нельзя.

Харченко зналъ, что все это правда. Онъ нѣсколько разъ докладывалъ объ этомъ Савельеву, но тотъ только безпомощно махалъ рукой. — Что я могу подѣлать, говорилъ онъ, когда у насъ положено имѣть всего четыре тысячи, а намъ пригнали двѣнадцать тысячъ. Куда я ихъ дѣну? Кухонь не хватаетъ. Я писалъ повсюду — ни откуда нѣтъ отвѣта. До самого министра Поливанова доходилъ — только смѣется. Такъ, молъ, надо.

— Ступайте, Коржиковъ, — сказалъ Кнопъ, — повѣрьте, все будетъ сдѣлано, что можно, что отъ насъ зависитъ. Вамъ надо идти на занятія.

Въ ротѣ, несмотря на холодный, февральскій день, было душно. Пахло кислыми испареніями ношенаго бѣлья и портянокъ. Отъ сырыхъ шинелей и сапогъ въ казармѣ стоялъ туманъ. Она гудѣла сотнями голосовъ и не производила впечатлѣнія казармы солдатъ, но помѣщенія рабочей артели.

Когда прапорщики вошли въ нее, никто имъ не скомандовалъ «смирно». Только при ихъ проходѣ солдаты сторонились и давали дорогу, нѣкоторые, но далеко не всѣ, вставали передъ ними. Это не коробило ни Харченко, ни Кнопа. Имъ непонятна была внѣшняя дисциплина, та солдатчина, которая считалась старыми офицерами необходимо нужной.

Солдаты отвѣчали имъ почтительно, не грубили имъ и этого они считали вполнѣ достаточнымъ. Въ казармѣ кое гдѣ были посторонніе люди. Два молодыхъ матроса сидѣли на койкѣ, окруженные солдатами, подлѣ была разложена карта военныхъ дѣйствій, валялись газеты.

— Вы что же, господа? — спросилъ ихъ Харченко.

— Мы къ товарищамъ пришли, — отвѣчалъ матросъ.

— Это ко мнѣ, ваше благородіе, — сказалъ мальчикъ-охотникъ, знакомый Кнопа.

Харченко ничего не сказалъ. Онъ посмотрѣлъ на солдатъ. Съ возбужденными покраснѣвшими лицами они видимо только что слушали что то очень интересное. И тѣни не было на нихъ той вялости, которая была на лицахъ полъ часа тому назадъ во время ученья.

Харченко и Кнопъ продолжали свой обходъ. Въ углу казармы среди солдатъ сидѣла сестра милосердія и съ нею пожилой, прилично одѣтый штатскій. На вопросъ, что это за люди, блѣдный солдатъ сказалъ, что это сестра, которая его выходила въ госпиталѣ, пришла провѣдать его, а штатскій его отецъ. И опять Харченко молчалъ и не зналъ, какъ ему поступить. Улица лѣзла въ казарму, а казарма выпирала на улицу и ни Харченко, ни Кнопъ не знали, какъ сдѣлать, чтобы не было ни того, ни другого.

Когда Харченко съ Кнопомъ ушли въ отдаленный уголъ казармы, матросъ тщательно разложилъ карту и сталъ на ней показывать солдатамъ.

— Вотъ видите, товарищи, — говорилъ онъ, — наше расположеніе къ ноябрю прошлаго года. Мы, овладѣвши Львовомъ и Сенявой, подходили къ Кракову. Къ Кракову подвезена была тяжелая артиллерія и вотъ въ это самое время въ нашей крѣпости Брестъ происходитъ страшный взрывъ какъ

разъ тѣхъ самыхъ снарядовъ, которые надо везти къ Кракову.

— Что же это, товарищъ, измѣна? — спросилъ молодой солдатъ и сѣрые злобные глаза его устремились на разсказчика.

— Да, товарищъ, измѣна, — спокойно сказалъ матросъ.

Окружавшіе матроса солдаты ахнули и среди нихъ наступило грозное тяжелое молчаніе.

— Куплены были, товарищи, тѣ самые генералы и офицеры, которые должны были спѣшно везти снаряды къ Кракову.

— Господа, значитъ, измѣнили, — со вздохомъ сказалъ солдатъ съ сѣрыми глазами.

— И вотъ, вмѣсто осады Кракова, намъ пришлось отходить. И тутъ оказалось, что у насъ нѣтъ ни снарядовъ, ни патроновъ. Ихъ спѣшно требуютъ, составляютъ экстренные поѣзда, а въ это время по этому самому пути отдается приказъ не пускать ни одного поѣзда, потому что Императрица ѣдетъ въ Могилевъ въ Ставку.

— Это зачѣмъ же? — спросилъ солдатъ съ темной молодою бородкою.

— Навѣстить, значитъ, супруга, соскучилась за имъ, — высказалъ свое предположеніе небольшой разбитной солдатикъ.

Матросъ сдѣлалъ маленькую выдержку въ разсказѣ, переглянулся съ своимъ спутникомъ и тихо и печально сказалъ:

— Нѣтъ, товарищи, по приказу своего любовника Распутина, который получилъ на то указаніе отъ императора Вильгельма.

— Ахъ ты! — вздохомъ пронеслось по толпѣ.

— Что же и онъ, значитъ, продался, — спросилъ опять солдатъ съ синими глазами.

— Продался и онъ, — сказалъ матросъ.

— Всѣ продались, — загудѣли въ солдатской толпѣ, — за что же, товарищи, кровь проливать.

ежели господа кровью этою самою крестьянскою торгуютъ.

— Война, товарищи, пріобрѣла неожиданный оборотъ. Рабочіе и крестьяне нѣмецкіе не хотятъ воевать и они ждутъ, что Русскіе рабочіе и крестьяне протянутъ имъ руку. Война нужна генераламъ и офицерамъ, которые наживаются отъ нея и на вашей крови дѣлаютъ карьеру и поправляютъ свое благосостояніе...

Въ другомъ углу казармы сестра милосердія раздавала солдатамъ сладкіе пирожки и говорила медовымъ голосомъ.

— Кушайте, товарищи, на поминъ души солдатика, что померъ вчера у меня на рукахъ. Такой сердечный былъ солдатикъ, жалостливый, что онъ мнѣ разсказывалъ просто ужасъ одинъ. Въ сраженіи они были. Пули свищутъ, а офицеръ ему и приказываетъ — ложись впереди меня, укрывай меня отъ пуль. Такъ и укрылся солдатикомъ. Ужасъ просто. И офицеръ то былъ пьяный, распьяный.

— Гдѣ только они водку достаютъ! — злобно сказалъ черноусый бравый парень.

— Гдѣ? Господамъ все можно. Имъ запрета нѣтъ, на то господа! — сказалъ другой коренастый солдатъ съ веснушчатымъ лицомъ безъ усовъ и безъ бороды.

Коржиковъ самодовольно похаживалъ, какъ начальникъ по казармѣ, заложивши руки въ карманы. Онъ собиралъ компанію въ кинематографъ и предлагалъ неимѣющимъ денегъ въ долгъ безъ отдачи.

И только въ серединѣ казармы слышалось мѣрное жужжаніе, тамъ сидѣлъ Михайловъ и солдаты повторяли за нимъ то, что онъ, устремивши сѣрые глаза въ потолокъ, говорилъ съ тупою настойчивостью.

— Присяга есть клятва передъ Богомъ и передъ святымъ Его Евангеліемъ, служить честно и нелицемѣрно...

XVI.

— Смиррна! встать! — раздалась громовая команда вскочившаго въ двери унтеръ офицера въ щегольской новенькой шинели, перетянутой бѣлымъ лакированнымъ ремнемъ съ тесакомъ. Это былъ помощникъ дежурнаго по батальону.

Всѣ вскочили. Пожилой господинъ, сестра милосердія, оба матроса исчезли.

Въ казарму торопливыми шагами вошелъ офицеръ лѣтъ двадцати семи, въ чистой солдатской шинели, сшитой изъ тонкаго добротнаго сукна, въ мирнаго покроя, зимней фуражкѣ съ цвѣтнымъ околышемъ. Это былъ штабсъ-капитанъ Савельевъ, командиръ запаснаго батальона.

Онъ недавно женился и теперь смотрѣлъ на свою командировку для командованія запаснымъ батальономъ, какъ на отдыхъ и появлялся въ батальонѣ въ двѣнадцатомъ часу, чтобы дать указанія и творить судъ и расправу. Остальное время онъ проводилъ вмѣстѣ съ своею молодою женою въ вихрѣ Петроградскихъ удовольствій, въ визитахъ, раутахъ, обѣдахъ, бывалъ въ театрахъ, кафе концертахъ, и въ входившихъ тогда въ моду кабарэ.

Отъ всей его фигуры вѣяло молодечествомъ, гвардейской выправкой и изяществомъ. Въ его присутствіи все подтягивалось, головы драли кверху и смотрѣли в е с е л о и б о д р о, какъ училъ Михайловъ.

Дежурный по ротѣ выросъ, какъ изъ подъ земли и громко и отчетливо отрапортовалъ о томъ, что происшествій въ ротѣ не случалось.

— Здорово молодцы! — весело крикнулъ Савельевъ.

Громовой отвѣтъ загремѣлъ въ спертомъ тяжеломъ воздухѣ.

Штабсъ-капитанъ поздоровался съ Харченко и Кнопомъ и, сопровождаемый ими и Михайловымъ, пошелъ по ротѣ.

— Отчего шинели валяются, а не повѣшены, а? — строго спросилъ онъ у Харченко.

— Сейчасъ только пришли съ занятій, не успѣли разобраться, ваше высокоблагородіе, — почтительно проговорилъ шедшій сзади Михайловъ.

Савельевъ привѣтливо обернулся къ нему и сказалъ ласково.

— А, здравствуй Михайловъ.

— Здравія желаю ваше высокоблагородіе, — радостно воскликнулъ Михайловъ.

— Ну, какъ, братецъ, поживаешь? Рана не открылась?

Михайловъ для Савельева и Савельевъ для Михайлова — это были свои. Настоящіе гвардейцы. Знакомые, спаянные совмѣстной службой еще на Мокотовскомъ полѣ. Они понимали другъ друга съ полуслова и для Савельева онъ былъ дороже Харченко и Кнопа, которые не понимали, что такое нога, печатаніе съ носка, что значитъ посадить на мушку и не признавали за всѣмъ этимъ великаго значенія науки, ведущей къ побѣдѣ. Михайловъ все это понималъ и Савельевъ часто думалъ, что лучше для дѣла было бы, если бы Михайловъ былъ офицеромъ и ротнымъ командиромъ, а не эти юные прапорщики, чуждые традицій части.

— Это что такое?, останавливаясь противъ Коржикова, строго спросилъ Савельевъ. — Я васъ спрашиваю, прапорщикъ Харченко, что это солдатъ, или дѣвка? Что за костюмъ? Что за чолка? Это уличная дѣвка какая то.

— Ваше высокоблагородіе, прошу меня не оскорблять, спокойно и громко сказалъ Коржиковъ.

— Что? Молчать! Какъ ты смѣешь! Остричь!

— Прошу не кричать на меня и не оскорблять, снова сказалъ Коржиковъ, но штабсъ капитанъ уже шелъ дальше.

— Это я ему позволилъ, сказалъ прапорщикъ Кнопъ, я думалъ, что это все равно, а ему доставляетъ удовольствіе.

— Вольнодумство и мерзость, проходя въ канцелярію сказалъ Савельевъ. — Какъ можно позволять! И морда наглая. Михайловъ обрати вниманіе на этого негодяя.

— Ваше высокоблагородіе, силъ просто нѣту съ ними. Ежедневно вольные въ казармы ходятъ, милосердныя сестры, кто они такіе, Богъ одинъ знаетъ! Невозможно порядокъ держать. Какъ вечеръ цѣлыми толпами уходятъ и не удержишь. Говоришь имъ — только грубости въ отвѣтъ слышишь, полицейскимъ ругаютъ. Ваше высокоблагородіе, что же это? Вѣдь этого самаго Коржикова суду мало предать, вотъ онъ какой. Это мало сказать негодяй.

— Прапорщикъ Харченко, постройте роту, сказалъ Савельевъ.

Черезъ пять минутъ, когда по затихшему шуму въ ротномъ помѣщеніи и многократно повторенной командѣ р а в н я й с ь и с м и р н о Савельевъ убѣдился, что рота готова, онъ вышелъ въ казарму.

Въ узкомъ проходѣ между койками и окнами въ двѣ шеренги стояли двѣсти пятьдесятъ человѣкъ. По росту, по здоровому сложенію, это была гвардія. Выше средняго роста стройный штабсъ капитанъ Савельевъ былъ на голову ниже правофлангового взвода. Ему жутко и пріятно было проходить вдоль фронта этихъ рослыхъ людей. Но отсутствіе выправки, небрежно одѣтыя, необдернутыя рубахи, не подтянутые пояса, разнообразно остриженные волосы — все это говорило Савельеву, что это далеко еще не солдаты, что почти два мѣсяца обученія прошли безплодно. Когда онъ проходилъ, не всѣ

провожали его глазами. Когда, ставши противъ середины роты, онъ началъ говорить, не всѣ повернули къ нему головы и слушали его не по солдатски. И отъ этого больно сосало сердце и штабсъ капитанъ Савельевъ ощущалъ свое полное безсиліе сдѣлать что либо и что либо перемѣнить одинъ въ этой массѣ людей. У него въ батальонѣ ихъ было двѣнадцать тысячъ человѣкъ и всѣ такіе же, какъ въ ротѣ Харченко!

— Нельзя, братцы, такъ вести себя, какъ вы ведете, говорилъ онъ. — Нельзя! Тамъ идетъ жестокая война. Врагъ одолѣваетъ насъ. На фронтѣ нетерпѣливо ждутъ подкрѣпленій. Какіе вы придете! Что за люди къ вамъ ходятъ? Можетъ быть это нѣмецкіе агенты, шпіоны, которые совращаютъ васъ. Вы должны готовиться къ святому исполненію своего долга...

Онъ говорилъ долго все тоже, что говорилъ и въ другихъ ротахъ. Онъ самъ не вѣрилъ въ то, что говорилъ, потому что зналъ, что рѣчами и убѣжденіемъ нельзя перевернуть людей. Вотъ, если бы ихъ взять отсюда, поставить въ двадцати верстахъ отъ позиціи, вооружить ихъ и по деревнямъ, или въ землянкахъ повести настоящее полевое обученіе — вотъ это было бы дѣло! Хлопотать объ этомъ?

Но тогда исчезнетъ возможность по очереди на четыре мѣсяца отрываться съ войны и жить въ Петроградѣ, въ теплой квартирѣ съ влюбленной въ него молодою женою и посѣщать театры, гдѣ забывать, что изъ ихъ полка восемьдесятъ два процента офицеровъ убито или такъ ранено, что никогда не вернется въ строй и что и его самого вѣроятно ожидаетъ та же участь. Это дѣло начальства: Ему сверху виднѣе. И, если оно находитъ, что можно держать двѣсти тысячъ молодыхъ солдатъ въ Петроградѣ, среди его разврата и обучать ихъ на мостовыхъ безъ ружей, лопатъ, ручныхъ гранатъ и прочаго — это уже его дѣло, а мое дѣло исполнять то, что могу, по мѣрѣ силъ.

Кончивъ свою рѣчь, Савельевъ далъ вольно, но по гулу голосовъ онъ убѣдился, что солдаты роты Харченко не умѣютъ стоять вольно и потому онъ сейчасъ же скомандовалъ смирно. Ему нужно было выбрать парныхъ почетныхъ часовыхъ для благотворительнаго вечера у графини Палтовой и отобрать пѣсенниковъ и артистовъ для этого же вечера.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, записавши фамиліи выбранныхъ людей и приказавши имъ придти сейчасъ же въ помѣщеніе первой роты штабсъ капитанъ Савельевъ удалился изъ роты.

Едва онъ вышелъ, какъ рота, не дожидаясь команды «разойдтись», разошлась по койкамъ и загомонила.

Кто то рѣзко свиснулъ, кто то злобно сказалъ — «вотъ жохъ, туда сюда его мать! Подъ судъ!, Ловко! Имъ солдата всегда подъ судъ, а что генералы и офицеры снаряды крадутъ — это можно.»

Харченко и Кнопу жутко стало оставаться въ ротѣ и они пошли по домамъ.

—По моему, говорилъ, спускаясь по широкой каменной лѣстницѣ казармы, Кнопъ. — онъ совсѣмъ не правъ. Людямъ надо дать свободу. Больше свободы. Вѣдь многіе изъ нихъ не вернутся домой никогда, ну и пусть погуляютъ. И на Коржикова онъ совершенно напрасно кричалъ. Кому мѣшаетъ этотъ клокъ волосъ? А вышло глупо. И я знаю навѣрно, что Коржиковъ не острижется, да и я бы на его мѣстѣ не остригся, вотъ ни за что бы не остригся. Только себя компрометтируетъ... И намъ съ вами лучше не мѣшаться въ это дѣло.

— Вы пойдете на вечеръ графини Палтовой?, спросилъ, чтобы перемѣнить разговоръ Харченко.

— Ну, еще бы, — отвѣчалъ Кнопъ. — Я же тамъ участвую. Какъ разскащикъ. А вы?

— Надо пойдти. Жена командира. Да, говорятъ, и графъ Палтовъ пріѣдетъ. Я вѣдь своего командира еще не видалъ, отвѣчалъ Харченко.

XVII.

Вечеръ—кабарэ при участіи лучшихъ Петроградскихъ артистокъ и артистовъ въ пользу семействъ убитыхъ того гвардейскаго полка, которымъ командовалъ графъ Палтовъ былъ давно и широко задуманъ графиней Натальей Борисовной. Она постаралась къ этому дню собрать возможно больше офицеровъ полка своего мужа, устроивъ имъ отпуски, воспользовавшись тѣмъ, что полкъ стоялъ въ резервѣ. Изъ запаснаго батальона были взяты красивые рослые люди, которые были одѣты въ парадную форму мирнаго времени, въ кивера и мундиры съ лацканами и поставлены шпалерами по обоимъ широкимъ маршамъ мраморной лѣстницы особняка графини. Такъ же, въ старой формѣ, яркой и блестящей, былъ одѣтъ и полный хоръ музыкантовъ полка, нарочно присланный къ запасному батальону. Веселясь въ пользу семействъ убитыхъ на войнѣ солдатъ, дѣлали все возможное, чтобы позабыть объ этой войнѣ и вспомнить старое безмятежное время красивыхъ парадовъ, удивительной выправки солдатъ, лихихъ пѣсень и бравурной музыки.

Ожидалась одна высокопоставленная особа, ожидался лихой начальникъ кавалерійской дивизіи, молодой свитскій генералъ Саблинъ, долженъ былъ быть генералъ Пестрецовъ, и его начальникъ штаба, генералъ Самойловъ, надѣялись видѣть многихъ крупныхъ общественныхъ дѣятелей, генерала Поливанова, члена Государственной Думы четырехъ созывовъ Облѣнисимова.

Должна была танцовать Преображенская, играть румынскій квартетъ Гулеско, Кнопъ разсказывать и пѣть подъ гитару, сама хозяйка, графиня Палтова выступала съ нѣсколькими модными романсами и пѣсеньками легкаго содержанія, обѣщала пріѣхать изъ Москвы Иза Кремеръ.

Несмотря на начинающуюся дороговизну былъ задуманъ роскошный ужинъ, и по особой протекціи добыто шампанское и другія заграничныя вина.

Наталья Борисовна, княгиня Рѣпнина и графиня Валерская, и старый Мацневъ, ставшій предсѣдателемъ отдѣленія «земгора» больше мѣсяца готовили этотъ шикарный вечеръ кабарэ, о которомъ долженъ былъ говорить весь Петроградъ.

Если бы подсчитать все то, что было заплачено художнику за прекрасныя афиши, изображавшія солдатъ въ парадной формѣ, за устройство интимной сцены, ужина, за вина и закуски, плату приглашеннымъ артистамъ и артисткамъ, то на эти деньги можно было бы гораздо лучше обезпечить семьи убитыхъ, нежели на ту прибыль, которая ожидалась отъ небольшого числа зрителей, званыхъ по именнымъ билетамъ, но графиня Палтова знала, что безъ этой приманки ѣдой, выпивкой и весельемъ ей никто не дастъ нужныхъ денегъ, что это такъ принято и вечеръ самъ по по себѣ занималъ ее больше, нежели помощь несчастнымъ солдатскимъ семьямъ.

Вечеръ былъ назначенъ въ восемь часовъ, но съѣзжаться на него начали только къ девяти. Графъ и графиня Палтовы и группа офицеровъ полка встрѣчали гостей на верхней площадкѣ лѣстницы. Графиня Наталья Борисовна имѣла на себѣ дорогой открытый вечерній туалетъ, была причесана у лучшаго парикмахера и выглядѣла прекрасно, сверкая бѣлизною плечъ и шириною красивой груди. Офицеры были въ новомодныхъ френчахъ съ длинными юбками cloche блестящихъ погонахъ, были усѣяны различными значками и орденами. Многіе изъ нихъ были ранены, были съ руками на черныхъ косынкахъ, двое были съ отнятыми ногами на костыляхъ, у одного молодого, очень красиваго поручика, былъ выбитъ глазъ и завязанъ черною повязкой. Каждый изъ этихъ ста-

рыхъ кадровыхъ офицеровъ. могъ разсказать блестящую исторію своего подвига и раненія и поразить слушателей описаніемъ ужасовъ войны. Но этимъ не интересовались, отъ этого бѣжали, хотѣли на время забыть это.

Едва только на первомъ маршѣ показалась высокая сгорбленная, фигура генерала въ защитныхъ погонахъ и съ шашкой на защитномъ ремнѣ, какъ полковой адьютантъ сдѣлалъ знакъ музыкантамъ и оркестръ грянулъ полковой маршъ.

— Счастливъ видѣть васъ въ добромъ здоровьи. — скрипучимъ голосомъ проговорилъ чернобородый генералъ, цѣлуя руку Палтовой. — Вы все хорошѣете. Такъ отдыхаешь у васъ отъ всѣхъ волненій войны.

За нимъ. придерживая георгіевское оружіе, сверкая гергіевскимъ крестомъ на чистомъ кителѣ стараго покроя со свитскими аксельбантами, кажущійся молодымъ отъ короткой стрижки сѣдѣющихъ волосъ и отъ темнаго юнаго загара похудѣвшаго лица, прошелъ въ залу Саблинъ.

Онъ поклонился графинѣ и чернобородому генералу.

— А, Саблинъ, сказалъ тотъ, ласково протягивая широкую руку, — какое чудное дѣло дѣлаетъ графиня! Сколько слезъ бѣдныхъ сиротъ она утретъ этимъ роскошнымъ вечеромъ. Какъ мы отвыкли за эти полтора года отъ блеска. Парадная форма нашихъ славныхъ N-цевъ кажется уже анахронизмомъ.

Генералы и офицеры, бывшіе въ залѣ встали и поклонились вошедшему генералу. Дамы, однѣ сидя, другія стоя съ любопытствомъ разглядывали его въ лорнеты.

— Какъ онъ постарѣлъ, сказала красивая сестра милосердія въ элегантной короткой защитной юбкѣ и платкѣ генералу Самойлову, стоявшему рядомъ съ ней.

— Да не легко дается ему борьба на два фронта. Любовь Матвѣевна.

— А вы считаете, что онъ борется, кокетливо изподлобья глядя на Самойлова сказала сестра.

— Конечно, отвѣчалъ Самойловъ.

— По моему, давно плыветъ по теченію.

— Съ какихъ поръ?

— Съ той самой поры, какъ онъ былъ увѣренъ, что свалилъ Свиньина, а Свиньинъ перебѣжалъ ему дорогу и черезъ императрицу свалилъ его самого.

— Но вѣдь теперь онъ достигъ желаемаго.

— Поздно, Николай Захаровичъ. Онъ достигъ чтобы мстить и я знаю его татарскую натуру, онъ жестоко отомститъ. Это одинъ изъ главныхъ дѣятелей надвигающейся революціи.

— Шшш, Любовь Матвѣевна! Въ салонѣ графини Палтовой, въ присутствіи почти двора и коронованныхъ особъ такія страшныя слова.

— Я говорю то, что всѣ говорятъ. Этотъ раутъ, Николай Захаровичъ — это пиръ во время чумы. Это пиръ Навуходоносора. Мнѣ все кажется, что раздвинется занавѣсъ на сценѣ и вмѣсто милой графини Палтовой за роялемъ, я увижу чью то страшную руку, которая напишетъ: — мене, текелъ, фаресъ...

— И вамъ не страшно?

— И даже очень. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, Николай Захаровичъ, вѣдь это не люди кругомъ, не Русскіе люди, живущіе въ столицѣ во время величайшей войны, а это ходячія партіи. Съ нами и противъ насъ. У каждаго своя платформа и эта платформа для него все.

— Ну, а вы на какой, Любовь Матвѣевна?, улыбаясь спросилъ Самойловъ.

— Я? Моя платформа — живи и жить давай другимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мужъ меня бросилъ, я должна была что либо дѣлать. Я оглянулась — искать друга, добывать разводъ — это всегда ро-

няетъ. Я пошла по другому пути и смотрите, какъ всѣ меня уважаютъ.

— Отъ нихъ же первый есмь азъ. Могу я разсчитывать на вашу благосклонность?

— Если будете паинькой и не будете дѣлать заранѣе масляныхъ глазъ, чего я терпѣть не могу. У меня les affaires sont les affaires!

XVIII

Темносиняя бархатная занавѣсь, украшенная по низу золотымъ меандромъ и бахромою и подвѣшенная на большихъ кольцахъ медленно раздвинулась на двѣ половины, но вмѣсто таинственной руки, которую ожидала Любовь Матвѣевна: на сценѣ появился прапорщикъ Кнопъ. Одѣтый въ шикарный френчъ съ длинной юбкой, въ защитныя шаравары и сапоги съ гетрами, припомаженный и подвитой онъ не походилъ на офицера. Это былъ актеръ, неискусно вырядившійся въ офицерскую форму. Но главное, тутъ, на сценѣ, при свѣтѣ рампы было ясно видно, что это не только не офицеръ, но это развязный и нахальный еврей.

Какъ могъ онъ попасть въ полкъ? Какъ могъ пробраться въ офицеры? Какъ могъ попасть въ нашъ полкъ, думали, глядя на него графъ Палтовъ и другіе кадровые офицеры полка.

Залъ затихъ.

Съ гитарой въ рукахъ, небрежно похаживая вдоль рампы, Кнопъ ожидалъ, когда станетъ совсѣмъ тихо и тогда вмѣстѣ съ трелью гитары и ударами костяшками пальцевъ по декѣ, подобными отдаленному барабанному бою, бросилъ коротко:

— Солдаты идутъ!...

Красиво и талантливо онъ рисовалъ чувства ребенка, дѣвушки, женщины и старика, стоящихъ у окна и глядящихъ на проходящій мимо полкъ.

Искусно поставленный и заглушенный грамофонъ то игралъ все удаляющійся пѣхотный маршъ, то разсыпался трескомъ барабановъ.

— Солдаты идутъ! Солдаты, солдаты, солдаты идутъ, играютъ и поютъ...

Иллюзія была такъ сильна, что многіе поворачивали головы къ задрапированнымъ тяжелыми занавѣсями окнамъ.

Едва онъ кончилъ и раздались рукоплесканія и крики «браво», Саблинъ всталъ и прошелъ въ маленькую гостиную, бывшую сзади зала. Ему тяжело было видѣть все это. Три дня тому назадъ, отбивши спѣшенными частями своей дивизіи страшный штурмъ германской пѣхоты, сопровождавшійся ураганнымъ огнемъ и передавши позицію подошедшей на смѣну армейской пѣхотѣ, онъ отошелъ въ резервъ, на тридцать верстъ въ тылъ. Передъ его глазами все еще стояла послѣдняя картина, которую онъ наблюдалъ. Онъ пропускалъ мимо себя дивизію на переправѣ черезъ рѣку. Рѣка на половину замерзла, но, замерзая, разлилась и неуклюжій мостъ, построенный еще въ сентябрѣ казаками, оказался по серединѣ рѣки. На него въѣзжали по брюхо въ водѣ лошади и съ него съѣзжали въ воду. Дно было вязкое, болотистое и проходившіе полки растоптали, размѣсили и углубили его. Небо было пасмурно, дулъ холодный рѣзкій вѣтеръ и срывалъ снѣжинки. Эскадронъ за эскадрономъ подходили къ мосту. Суровыя худощавыя солдатскія лица хмуро и серьезно смотрѣли внизъ на воду. Наканунѣ здѣсь утонулъ оренбургскій казакъ и свѣжая могила желтымъ глинистымъ бугромъ возвышалась на самомъ берегу. Крестъ безъ надписи стоялъ надъ ней. Собранныя на мундштукахъ рыжія лошади драгунскаго полка, сильно похудѣвшія съ раздуваемой вѣтромъ длинной шерстью, заминались и неохотно вступали въ темную ледяную воду рѣки. По рѣкѣ неслись, кружась, ржавыя льдинки. Лошади то неожиданно проваливались по

брюхо, то шли по мелкому, звеня водой, разбрызгиваемой копытами. Пики мотались со стороны на сторону и ряды разстраивались. Хмурый, на прекрасной чистокровной кобылѣ, стоялъ командиръ полка. Эскадронный командиръ первымъ бухнулся въ воду, а за нимъ пошли его люди. Въ верстѣ, за широкимъ разливомъ рѣки, эскадроны стягивались въ длинныя и узкія змѣйки и уходили за лѣсъ. Саблинъ простоялъ весь день на переправѣ. Артиллерія задержала. Уже ночью при лунѣ перешелъ онъ самъ и рысью, по лѣсной дорогѣ, запорошенной тонкимъ слоемъ снѣга пошелъ, обгоняя послѣднія сотни казачьяго полка, на свой ночлегъ въ убогій домъ священника селенія Озеры. Послѣднимъ его впечатлѣніемъ былъ молодой хорунжій, дежурный по полку, сопровождавшій его вдоль полка по узкой лѣсной дорогѣ и звонко кричавшій казакамъ: — поводъ вправо. Знакомымъ казалось Саблину красивое лицо молодого офицера съ горящими оживленіемъ и какимъ то особеннымъ счастіемъ глазами.

— Какъ ваша фамилія?—спросилъ его Саблинъ.

— Хорунжій Карповъ, — весело отвѣтилъ офицеръ.

— Вы были ранены подъ Желѣзницей?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Уже оправились?

— Совершенно, ваше превосходительство!

Они обгоняли хмурыхъ казаковъ. Всѣ были мрачны, серьезны, голодны и усталы и только этотъ молодой офицеръ былъ счастливъ и радостенъ. Саблинъ внимательно посмотрѣлъ на него и понялъ по его глазамъ, что въ немъ сидятъ — сіи три — вѣра, надежда, любовь — но любовь больше всего.

Потомъ Саблинъ долго ѣхалъ одинъ со старшимъ адъютантомъ, трубачами и вѣстовыми по дорогѣ и, наконецъ, замаячили въ серебристомъ сумракѣ лунной ночи эскадроны гусаръ на сѣрыхъ

дымящихся паромъ лошадяхъ. И опять были крики: п о в о д ъ в п р а в о и хмурыя, серьезныя, голодныя лица.

Шли солдаты...

На другой день, переночевавъ на соломѣ, на полу въ столовой у священника, Саблинъ на автомобилѣ проѣхалъ на желѣзную дорогу и черезъ тридцать шесть часовъ былъ въ Петроградѣ. Его дочь и графиня Палтова упросили его пойти на вечеръ. И вотъ.... с о л д а т ы и д у т ъ....

Саблину слишкомъ вспоминалось, что значитъ идутъ солдаты. Онъ хорошо ихъ видѣлъ и сейчасъ......

XIX.

— А, Александръ Николаевичъ, привѣтствовалъ его Пестрецовъ, сидѣвшій въ углу съ Облѣниссимовымъ и съ подвижнымъ немолодымъ штатскимъ въ черной на глухо застегнутой курткѣ военнаго образца, въ золотыхъ очкахъ и сѣдой небритой щетиной торчащей бородою. Нашъ бравый Румянцевъ! О твоей дивизіи разсказываютъ чудеса. Вы не знакомы?, обратился онъ къ штатскому.

— Александръ Ивановичъ Пучковъ, нашъ магъ и чародѣй. Да, милый Александръ Николаевичъ, то, чего не могли вамъ сдѣлать мы, люди съ военной эрудиціей, то дѣлаютъ теперь вотъ они, коммерческіе люди, люди практической складки, знающіе, что такое общественность. И, если Алексѣй Андреевичъ Поливановъ, нашъ князь Пожарскій, то это Мининъ. Армія спасена! Вы къ веснѣ будете завалены снарядами и патронами. Аэроплановъ будетъ сколько угодно. Все союзники.

— Не одни союзники, Яковъ Петровичъ, мы и свою промышленность широко ставимъ. Теперь нами провозглашенъ девизъ: все для войны!, ти-

химъ вкрадчивымъ голосомъ сказалъ Пучковъ.

— Помогай Богъ, сказалъ Саблинъ.

— Ну что, какъ у тебя на фронтѣ?, спросилъ Облѣниссимовъ, — ты Саша можешь говорить вполнѣ откровенно, все свои, вѣрные люди.

— На фронтѣ настроеніе такое, что если бы тутъ были враги я и передъ ними съ удовольствіемъ бы разсказалъ про него. Дайте намъ ту технику, которую имѣютъ нѣмцы, и прикажите идти на Берлинъ,—сказалъ горячо Саблинъ.

— Хорошо сказано, — сказалъ Пестрецовъ.

— А не увлекаешся ты, Саша?, проговорилъ Облѣниссимовъ.

— Нѣтъ, что же увлекаться. Нашъ солдатъ былъ, есть и, хочу вѣрить, и будетъ первымъ солдатомъ въ мірѣ. Офицеры одинъ восторгъ. У насъ такихъ еврейчиковъ, какъ только что выступалъ нѣтъ.

— Ну какой же онъ еврей, сдержанно сказалъ Пестрецовъ.

— И отчего еврей не можетъ быть офицеромъ? спросилъ Пучковъ.

— Отчего еврей не можетъ быть офицеромъ я, пожалуй, вамъ не сумѣю отвѣтить, но я знаю одно, что ни одинъ офицеръ, не еврей, не способенъ на такую пошлость, какъ этотъ.... Ломаться на сценѣ, какъ послѣдняя дѣвка, въ то время, когда его товарищи сидятъ въ окопахъ. Вы посмотрите на его костюмъ. Вѣдь это костюмъ, а не форма.

— Неисправимъ, сказалъ Облѣниссимовъ. Какъ ты отсталъ Саша! ты не видишь, что тутъ готовится новое и это новое должна сдѣлать армія. Всѣ взоры на нее.

— Ты сказалъ дядя, что здѣсь все свои. Никого кругомъ нѣтъ, всѣ увлечены, если я не ошибаюсь танцами Преображенской, такъ скажи прямо —готовится революція?

— А развѣ не нужна она?, спросилъ Пестрецовъ. Развѣ не дошли не только мы, лучшіе люди, но и простой народъ до рокового сознанія, что она неизбѣжна и необходима.

— Значитъ я не лучшій человѣкъ, сказалъ Саблинъ, потому что я считаю, что пока идетъ война она невозможна...... Да и послѣ...... Къ чему?. . . .

— Но что же дѣлать?, тихо спросилъ Пучковъ.

— Всѣми силами поддерживать тронъ! Я говорилъ это полтора года тому назадъ дядѣ Егору Ивановичу и повторяю и теперь. Назовите меня ретроградомъ, но я считаю, что валить тронъ, во время ужасной войны это такое безуміе!....

Саблинъ не договорилъ. Наступило тяжелое молчаніе. Изъ сосѣдней комнаты сквозь притворенную дверь врывались клочками обрывки музыки и слышался легкій стукъ ножекъ. Танцы продолжались.

— Тронъ валится самъ и поддержать его мы не въ силахъ, сказалъ мягкимъ спокойнымъ голосомъ Пучковъ, но Саблинъ замѣтилъ, что онъ волновался. Мы все сдѣлали. Какой былъ энтузіазмъ въ началѣ, какъ вѣрили въ Царя, какъ шли за нимъ и для него и чѣмъ это кончилось?! Распутинъ обнаглѣлъ, какъ никогда. Вліяніе его и Александры Ѳедоровны стало невозможно и оно идетъ прямо во вредъ Россіи. Вы знаете адмирала Балтова? Онъ сдѣлалъ чудеса въ Севастополѣ. Посылаютъ телеграмму Государю, просятъ о назначеніи его на высокое мѣсто, на которомъ онъ могъ бы все перестроить. Государь согласенъ. Приказъ подписанъ. Она мчится въ Могилевъ и черезъ два часа подписанъ новый приказъ объ удаленіи Балтова изъ Севастополя и о назначеніи его въ тылъ на синекуру.

— Въ угоду нѣмцамъ и по приказу изъ Берлина, вставилъ Пестрецовъ.

— Противъ Государя даже великіе князья. Они пробовали уговаривать Государя, писали ему письмо. Они попали въ опалу. Государь прямо сказалъ, что ему легче выносить Распутина нежели ея истерики, сказалъ Облѣниссимовъ.

— Надо устранить и его и ее отъ управленія, но не колебать принципа монархіи, сказалъ Саблинъ.

— Милый мой, онъ давно поколебленъ. Въ полкахъ открыто говорятъ о связи Царицы съ Распутинымъ и уваженія къ Монарху нѣтъ, сказалъ Облѣниссимовъ.

— Въ какихъ полкахъ? полки высочайше ввѣренной мнѣ дивизіи умрутъ за Государя, каковъ бы онъ ни былъ, сказалъ Саблинъ.

— И отлично. Но Петроградскій гарнизонъ настроенъ иначе. Революціонные лозунги начинаютъ проникать въ солдатскую массу и здѣсь уже на перекличкѣ вы не услышите народнаго гимна Въ ротахъ, если открыто еще и не поютъ, то умѣютъ. пѣть рабочую марсельезу, сказалъ Пучковъ. — Съ этимъ хотите не хотите, а считаться приходится.

— Это результатъ обученія солдатъ на мостовыхъ. Сегодня утромъ, проѣзжая съ вокзала къ себѣ на квартиру, я видѣлъ это безобразіе. Толпу, а не шеренгу солдатъ на улицѣ, винтовку въ станкѣ и рядомъ какихъ то темныхъ личностей съ газетами и листками. Это видимо подготовка республиканскихъ войскъ....

Никто не возразилъ.

— Обучать нужно въ полѣ, сказалъ Саблинъ. Пошлите ихъ къ намъ въ резервы. Мы ихъ обучимъ, не балуя. Я вижу работу тыла даже здѣсь на сегодняшнемъ праздникѣ.

— Ты осуждаешь прелестную Наталью Борисовну?, сказалъ Пестрецовъ.

— Зачѣмъ было ставить этихъ скверно выправленныхъ болвановъ, одѣтыхъ въ кивера и мундиры съ лацканами? Чтобы они видѣли эту

роскошь, этотъ развратъ высшаго круга, этотъ блескъ, вино и явства и потомъ воспоминаніе объ этомъ и сравненія перенесли въ холодные и сырые окопы.

— Точно они не знаютъ, сказалъ Облѣниссимовъ.

— Надо, чтобы они знали другое, сказалъ Саблинъ. Нужно самимъ переродиться. Если все для войны, то долой эту роскошь, театры, балы, вино, концерты, всѣ на работу для фронта!

— Неисправимъ, сказалъ Облѣниссимовъ.

— Фронтъ и тылъ,—сказалъ снисходительно Пучковъ. Ихъ никогда не примиришь.

Въ гостиную вошла графиня Палтова.

— Господа, сказала она, — вотъ это мило! Я сейчасъ выступаю, а вы забились куда то и знать меня не хотите.

— Мы только покурить, графиня, сказалъ, поднимаясь съ кресла, тяжелый Облѣниссимовъ.

— Успѣете курить. Знаю я ваше — курить. Поболтать захотѣли, неисправимый болтунъ. Александръ Николаевичъ, вашу руку, я сейчасъ буду пѣть прелестную вещицу Гуно—«Баркаролла». Послушайте припѣвъ. Совсѣмъ точно волны колышатъ лодку.

И она напѣла Саблину въ полъ-голоса.

Dites la jeune et belle
Ou voulez vous aller
La voile ouvre son aile
La brise va souffler.... eer... eer, eer...

Слышите? Прелестная вещь!

XX.

Громъ апплодисментовъ привѣтствовалъ графиню Палтову едва только она показалась въ залѣ подъ руку съ Саблинымъ. Апплодировали ей, хо-

зяйкѣ дома, апплодировали и Саблину, его георгіевскому кресту и той славѣ, которая шла съ его именемъ.

Какой-то штатскій, въ длинномъ черномъ сюртукѣ съ сухимъ старымъ лицомъ, на которомъ не росла борода вышелъ изъ креселъ и, остановивши Саблина, протянулъ ему пачку сторублевыхъ ассигнацій.

— Ваше превосходительство, проговорилъ онъ, — тутъ десять тысячъ, раздай своимъ орламъ. Право!

Саблинъ не зналъ, что дѣлать. Графиня Палтова выручила его.

— Это нашъ постоянный поставщикъ, Лапинъ, большой патріотъ и благотворитель. Вы мнѣ скажите, что купить для вашихъ солдатъ и я съ вами имъ и пошлю.

— Вотъ спасибо ваше сіятельство, Наталья Борисовна. Такъ и хорошо будетъ.

Оваціи Саблину и графинѣ Палтовой долго не смолкали. У Саблина глаза были полны слезъ отъ вида устремленныхъ на него женскихъ и дѣвичьихъ глазъ и маленькихъ рукъ, что хлопали ему. Онъ видѣлъ среди нихъ милое лицо своей Тани, красное, полное восторга и противъ его воли слезы текли по его лицу . . . .

Это вышло такъ неожиданно!

Графиня Палтова поняла его смущеніе и, покинувъ его, прошла на сцену. Аккомпаніаторъ заигралъ ритурнель. Всѣ стали садиться, въ залѣ наступила тишина.

Когда графиня Палтова кончила пѣть и весь залъ разразился бѣшенымъ хлопаньемъ въ ладоши, а она, смущенная своимъ успѣхомъ, сошла со сцены и, вмѣшавшись въ толпу зрителей, остановилась, разговаривая съ графиней Валерской, Саблинъ воспользовался общимъ движеніемъ, былъ антрактъ, и гости выходили къ чайному буфету и пошелъ къ выходу. Онъ не могъ долѣе оставаться.

Нервы не выдерживали. Онъ рѣшилъ прогуляться и вернуться къ концу ужина за Таней.

— Ну, голоса то у нея никакого, а такъ манера нѣкоторая есть, говорилъ худощавый штатскій, продолжая аплодировать, своему сосѣду, полному господину во фракѣ, съ большимъ бѣлымъ жилетомъ.

— И куда ей за Гуно браться, отвѣчалъ тотъ, — изъ баркароллы у нея такъ ничего и не вышло. Я слышалъ эту вещицу въ исполненіи Бакмансонъ. Вотъ, батенька мой, школа, доложу я вамъ!

— Ей вотъ «Гусаровъ» пѣть, это по ея голосу.

— И то до Вяльцевой далеко.

— По улицѣ пыль поднимая, подъ звуки лихи - ихъ трубачей, — напѣвалъ какой-то интендантскій полковникъ весь сплошь въ защитномъ, даже съ затемненными пуговицами и наткнулся на Саблина, — «извеняюсь, ваше превосходительство», сказалъ онъ, давая дорогу Саблину.

На лѣстницѣ все также, стараясь тянуться, стояли солдаты въ киверахъ Но отъ непривычки ихъ носить, кивера съѣхали на затылокъ, а отъ плохой выправки и запавшихъ грудей на блестящихъ лацканахъ были складки и отъ всей этой прекрасной формы, которую Саблинъ такъ любилъ вѣяло жалкой бутафоріей.

Саблинъ отыскалъ съ помощью солдата свою шинель и вышелъ на улицу.

Былъ одиннадцатый часъ ночи и городъ жилъ лихорадочною жизнью. По улицамъ носились трамваи, переполненные пассажирами и на каждомъ на передней и на задней площадкѣ, на ступенькахъ, держась за поручни висѣли солдаты. Эти солдаты были вездѣ. Они толкались по улицамъ, грызя сѣмечки, они толпами стояли у яркоосвѣщенныхъ, горящихъ разноцвѣтными огнями кабарэ и кинематографовъ. Саблинъ не былъ въ Петроградѣ всего полтора года и онъ не узнавалъ

его. Сколько открылось новыхъ кинематографовъ и маленькихъ театриковъ миніатюръ, гдѣ обѣщали пѣніе, танцы, музыку, фокусы. Откуда явились всѣ эти артисты, кто они? Не изъ Германіи ли?, не шпіоны-ли?

Была почти полночь, а солдаты свободно ходили по городу. Они были трезвы, большинство, если и не становилось во фронтъ Саблину, то все таки отдавало честь и даже притоптывало по гвардейски ногами, но видъ имѣли эти солдаты не только не гвардейскій, но и не солдатскій. Сѣрыя папахи были одѣты небрежно, большинство было безъ поясныхъ ремней, а тѣ, у кого эти поясные ремни были одѣты, имѣли ихъ неподтянутыми, съ пряжками и бляхами сползшими на бокъ. Многіе солдаты ходили съ молодыми штатскими людьми, съ дѣвушками и дѣвушки эти были интеллигентнаго вида.

У одного большого кинематографа на Невскомъ, только что окончился сеансъ и одна толпа входила, другая выходила изъ него.

— Ахъ, товарищи!, восхищенно говорилъ молодой солдатъ, выходя изъ кинематографа и обращаясь къ другимъ солдатамъ, — ну и ловкая жизнь. Вотъ жизнь!

— Что же это возможно, товарищъ, — проговорила маленькая черная женщина, въ платьѣ сестры милосердія, шедшая съ ними. — Тотъ, кто дерзаетъ, тотъ и достигнетъ.

— Все таки преступленіе, сестрица, сказалъ тотъ же молодой солдатъ.

— Ну, какое тамъ преступленіе, презрительно сказала сестра.

Солдатъ увидалъ Саблина и испуганно вытянулся передъ нимъ.

Саблинъ взглянулъ на часы. Было половина одиннадцатаго. Сеансъ окончится около двѣнадцати, а раньше двухъ ночи нечего и думать вытащить отъ графини Палтовой Таню.

Саблинъ вошелъ въ кинематографъ. Онъ шелъ не смотрѣть картину съ заманчивымъ названіемъ: «На жизнь и на смерть! И потупивши взоръ онъ предсталъ передъ ней, какъ герой побѣдитель. И какъ роза предъ нимъ, трепеща и блестя, вновь склонилась она» — сверкавшимъ громадными красными буквами подъ картиной, изображавшей людей въ маскахъ, душащихъ старика. Онъ шелъ смотрѣть толпу и солдатъ.

Впереди него, на третьемъ мѣстѣ, какъ всегда въ кинематографѣ, передъ самымъ экраномъ, сидѣла дешевая публика. Это почти исключительно были солдаты. Они сняли съ себя свои папахи и Саблинъ вмѣсто коротко остриженныхъ, шариками, головъ видѣлъ, то косматые, вихрастые затылки, то тщательно раздѣланные примасленные и припомаженные проборы. Тамъ и тамъ среди солдатскихъ шинелей видиѣлась косынка сестры милосердія, или кокетливая шляпка швейки, или горничной. Несмотря на то, что курить въ кинематографѣ было строго запрещено, кое кто изъ солдатъ тихонько курилъ.

На второмъ мѣстѣ сидѣли молодые элегантные офицеры, штатскіе, дамы. Штатскихъ было очень мало, почти всѣ мущины были одѣты въ защитные френчи или шинели солдатскаго сукна, военнаго и не военнаго покроя. Можно было подумать, что со второго года войны интендантство взяло на себя подрядъ одѣть по военному всю Россію. Одни изъ этихъ молодыхъ людей въ защитномъ имѣли какіе то узенькіе погоны изъ золотой и серебряной рогожки съ зелеными, малиновыми, алыми и черными просвѣтами, другіе были безъ погонъ. Кто они, какого вѣдомства, почему въ формѣ. — Саблинъ не могъ понять. Даже многія женщины были одѣты въ защитной матеріи платья. Здѣсь очень много было сестеръ милосердія. И по ли-

цамъ многихъ, Саблинъ догадался, что это не были сестры милосердія, но лишь носящія форму сестеръ.

На первомъ мѣстѣ публика была старая, не Петроградская, а Петербургская, та, которую хорошо зналъ Саблинъ. Средній обыватель, который раньше наполнялъ Александринскій театръ и ходилъ по клубнымъ сценамъ, устремился теперь въ кинематографы. Но и здѣсь много было защитныхъ френчей и вычурныхъ формъ. Саблинъ не утерпѣлъ и спросилъ у одного изъ молодыхъ людей съ зелеными полосками на серебряной рогожкѣ погона и съ чиномъ коллежскаго совѣтника, въ синесѣрыхъ рейтузахъ Галиффэ и большихъ шпорахъ на рыжихъ сапогахъ, гдѣ онъ служитъ.

— Я въ гидротехническомъ отдѣлѣ Земгора, отвѣтилъ молодой человѣкъ, — по осушкѣ окоповъ отъ сточной воды.

Саблинъ не нашелся, что сказать: такъ поразила его эта особенная дѣятельность молодого человѣка.

Въ кинематографѣ игралъ сокращенный оркестръ какого то гвардейскаго полка. Нечищенныя грязныя трубы отзывали какимъ то захолустьемъ и ихъ странно было видѣть въ рукахъ музыкантовъ съ алыми погонами гвардейскаго полка на рубашкахъ. Турецкій барабанъ часто билъ тактъ. Но очевидно это считалось за особое прибавленіе къ сеансу, потому что, проигравши какую то дребедень, солдаты шумно встали и съ громкимъ разговоромъ ушли изъ театра.

Ближе къ рампѣ придвинули піанино и какой то молодой человѣкъ началъ фантазировать на немъ, дополняя музыкой то, что было на экранѣ.

XXI.

Въ кинематографѣ стало темно. Піанино говорило о тоскѣ, пѣвучій вальсъ съ нарочно замедленнымъ темпомъ срывался съ клавишъ изъ подъ пальцевъ піаниста.

«И въ хижинѣ страдальца цвѣла любовь» — появилась надпись на экранѣ.

Въ маленькой комнаткѣ сидѣла красивая дѣвушка. Она была бѣдно одѣта. Она шила. Она принуждена была шить шелковое и батистовое бѣлье на магазинъ и портить глаза за мелкой строчкой. Въ труды ея рукъ одѣваются другія, которыя не знаютъ труда.

На экранѣ, вмѣсто подвала, появилось роскошное помѣщеніе моднаго магазина бѣлья. Приходили и уходили дѣвушки съ картонками, сдавая свою работу. Онѣ были бѣдно одѣты, у нихъ были плохіе дырявые башмаки, а было холодно и шелъ снѣгъ, который студилъ ихъ ноги.

На экранѣ встала та самая бѣлошвейка, которую изображали въ первой картинѣ. Артистка была снята на улицѣ въ костюмѣ бѣдной дѣвушки, въ оборванной юбкѣ и въ большихъ дырявыхъ башмакахъ. Сыпалъ снѣгъ, проходили прохожіе и заглядывали на нее, а она пожималась, топотала ножками на подъѣздѣ въ ожиданіи, когда ей откроютъ дверь богатаго магазина.

«Тамъ шили приданое» — мелькнула надпись и снова появилась картина большого зала магазина. Прелестныя дѣвушки раздѣвались до бѣлья и примѣряли панталоны и нижнія юбки. Онѣ становились передъ зеркаломъ въ самыхъ рискованныхъ позахъ и любовались собою. Эта картина была полна тонкаго разврата и въ кинематографѣ казалось слышалось сладострастное мычаніе мущинъ и ахи женщинъ.

«Она любила святою первою любовью...

«Но онъ былъ бѣденъ»...

Сказалъ кинематографъ, и на экранѣ вслѣдъ за подписью въ большомъ овалѣ появилось молодое смѣлое лицо съ папироской въ зубахъ, въ мягкой шляпѣ рабочаго, въ старомъ пиджакѣ, одѣтомъ поверхъ блузы и съ руками, заложенными въ карманы.

Піанистъ сталъ играть мотивъ пѣсни «послѣдній нынѣшній денечекъ», а на экранѣ появился текстъ —

«Его хотѣли взять въ солдаты. Его хотѣли заставить убивать своихъ братьевъ. Онъ зналъ, что война это ужасъ. Она помѣшаетъ любви. Почему не берутъ богатыхъ, которые тратятъ деньги на пиры и увеселенія, на игру и женщинъ? Онъ наблюдалъ ихъ жизнь».

На экранѣ плыли изображенія какихъ то парижскихъ кабачковъ, гдѣ пьянствовали и кутили молодые люди, тамъ танцовали канканъ между столиками разряженныя дѣвушки, тамъ играли въ карты на столахъ. Туда, въ этотъ вертепъ, съ улицы, по которой ѣздили кэбы и носились автомобили пьяный офицеръ тащилъ за руку дѣвушку съ кордонкой, ту самую дѣвушку, которая была героиней экрана.

— «Никогда!» — стояло на экранѣ — и молодой человѣкъ хваталъ за грудь офицера и отталкивалъ его отъ дѣвушки. На полотнѣ разыгрывалась грубая сцена драки между офицеромъ и молодымъ оборванцемъ. Съ офицера срывали погоны и такъ толкнули его что съ него свалилось кепи. Собиралась толпа.

— «Онъ оскорбилъ мою невѣсту!» — объясняла надпись на экранѣ и сейчасъ же появился сначала въ большую величину артистъ, герой драмы. Его лицо было искажено гнѣвомъ и негодованіемъ, грудь тяжело дышала. Ротъ часто

открывался, онъ видимо быстро что то говорилъ. Мелькнула перемѣна картины и публика увидѣла опять шумную улицу, толпу, размахивающую руками и палками и офицера, стоящаго среди нея. Но уже бѣжали полисмены.

«Оскорбленіе арміи» — стоялъ короткій заголовокъ и на экранѣ вели героя драмы съ цѣлымъ отрядомъ полицейскихъ. Офицеръ съ оборванными погонами давалъ свою карточку полицейскому сержанту и садился въ кебъ, полицейскіе разгоняли толпу.

Въ третьемъ мѣстѣ, гдѣ сидѣли почти исключительно солдаты шелъ тихій ропотъ негодованія. Картина кинематографа захватывала страшною драмою и симпатіи солдатской массы были на сторонѣ ея героя.

«Несправедливость судьбы ожесточила его сердце» — сказалъ кинематографъ, а передъ зрителемъ поплыли картины тюрьмы, суда. Хорошенькая бѣлошвейка, спасенная имъ, приходила его навѣщать. Ихъ романъ развивался и піанистъ во время сцены ареста настроенный бравурно и взявшій даже нѣсколько тактовъ марсельезы теперь снова наигрывалъ сладкіе вальсы и романсы.

Бѣлошвейка принесла заключенному въ запеченномъ хлѣбѣ пилу и веревку и къ великой радости публики третьяго мѣста онъ бѣжалъ. Было показано, какъ пилилась осторожно съ оглядкой рѣшетка тюрьмы, какъ онъ повисъ надъ бездной, какъ спрыгнулъ, какъ бросился за нимъ часовой, хотѣлъ стрѣлять, приложился — и тутъ, когда всѣ зрители замерли въ кинематографѣ, въ ожиданіи выстрѣла, на экранѣ появилась надпись.

— Онъ узналъ въ бѣгущемъ брата. Брата узналъ онъ въ несчастномъ. Пускай меня судятъ, пускай

убьютъ меня. но я не могу стрѣлять». —

И зрители увидали часового, скорбно облокотившагося на ружье.

Первая картина кончилась. Но Саблинъ не ушелъ изъ кинематографа. Съ сильно бьющимся отъ волненія сердцемъ, съ глазами горящими возмущеніемъ онъ оглядывалъ освѣщенный яркими электрическими лампочками залъ. У входа стоитъ затянутый въ сѣрое пальто полицейскій офицеръ съ тяжелымъ револьверомъ у бедра, два генерала и нѣсколько пожилыхъ офицеровъ сидятъ въ мѣстахъ, сидятъ юнкера, кадеты. И тутъ же на глазахъ у всѣхъ идетъ серьезная глубокая проповѣдь антимилитаризма, идетъ во время войны. Кто разрѣшилъ къ постановкѣ эту фильму? Откуда пришла она къ намъ? Не изъ Германіи ли? Удушливые газы, которыми тогда начали угрожать германцы, вся ихъ тяжелая артиллерія, воздушный и подводный флотъ было ничто въ сравненіи съ этой картиной въ десять тысячъ метровъ длиною. И неужели никто этого не видитъ? Неужели я первый сдѣлалъ это страшное открытіе, думалъ Саблинъ, — неужели этого не видитъ ни Поливановъ, ни Штюрмеръ, ни Протопоповъ, ни Родзянко, ни мой всевѣдущій и вездѣсущій дядюшка Егоръ Ивановичъ?...

XXII.

Вторая картина называлась «Мститель». Передъ зрителями на экранѣ проходили сцены самыхъ необычайныхъ хитро и смѣло задуманныхъ ограбленій. Герой драмы уже былъ главаремъ цѣлой шайки городскихъ громилъ. Начавши съ малаго онъ развилъ свое воровское дѣло въ цѣлое предпріятіе. Въ ихъ распоряженіи былъ таинственный черный автомобиль, который истреблялъ по ночамъ

наиболѣе ревностныхъ агентовъ полиціи и наводилъ панику на жителей громаднаго города.

— «Черный автомобиль носился по городу» — говорила надпись экрана и передъ зрителями были красивыя перспективы улицъ ночного города. Онѣ были почти безлюдны. Проѣзжала изрѣдка каретка ночного извозчика, проходила компанія загулявшихъ кутилъ, шелъ полицейскій патруль, и вдругъ вдали показывался таинственный черный автомобиль. При видѣ его полицейскіе въ паническомъ ужасѣ разбѣгались въ подворотни, патрули торопливо исчезали.

— Шайка мстителя не трогала бѣдныхъ. «Руки вверхъ!» была ея команда и горе тому, кто вздумалъ бы ее не исполнить.

Зритель видѣлъ шикарный игорный домъ. Горы золота и кучи ассигнацій лежали на столахъ, за которыми сидѣли богато одѣтые молодые люди и роскошно одѣтыя дамы. Тутъ же пили шампанское и выигравшіе счастливцы отдыхали на диванахъ въ объятіяхъ женщинъ. И вдругъ въ широко распахнутыя двери врывалась шайка бандитовъ. Всѣ были въ маскахъ, только герой драмы Лео, предводитель шайки, былъ съ открытымъ лицомъ. Всѣ подняли руки вверхъ, кромѣ одного молодого офицера, который, обнаживъ саблю, бросился на бандитовъ, но тутъ же былъ застрѣленъ.

Шайка грабила банки. Въ ея распоряженіи были усовершенствованные кислородные приборы для рѣзанія стали струею горящаго газа.

— Лучшіе химики помогали Лео, въ его борьбѣ съ капиталомъ.

Обыскивались банковскіе сейфы, проникали въ самыя потаенныя хранилища. Лео былъ благороденъ. Грабители хотѣли взять какой то маленькій узелокъ изъ одного сейфа.

— «Товарищи оставьте», гласила надпись, «это всѣ сбереженія бѣдной вдовы

рабочаго, на которыя ей предстоитъ прожить всю ея длинную жизнь. Товарищи оставьте».

На другой день даже полиція умилялась благородствомъ бандитовъ.

Вся фантазія авторовъ Шерлока Хольмса и Пинкертона была перенесена на экранъ. И то, чѣмъ раньше зачитывалась молодежь и въ возможность чего не вѣрила, было инсценировано и все было ясно, просто и красиво.

Третья картина изображала счастливую жизнь Лео и его возлюбленной бѣлошвейки. Счастье было чисто буржуазное. Лео и его нареченная жили въ прекрасномъ особнякѣ, у нихъ были горничныя и лакеи, правда, съ этими горничными и лакеями Лео и его жена обращались просто. Они разговаривали со своими господами сидя, но Лео отлично кушалъ, у него были свои лошади, а когда онъ проѣзжалъ по какому то предмѣстью, рабочіе снимали передъ нимъ шапки.

— «Онъ нашъ. Онъ вышелъ изъ нашей среды, но онъ былъ сильный и съумѣлъ побѣдить», — гласила надпись,— «будемъ же всѣ сильными и тогда побѣдимъ»....

Такова была заключительная вывѣска драмы въ десять тысячъ метровъ при участіи лучшихъ артистовъ экрана.

Саблинъ не уходилъ. Онъ заставилъ себя остаться и посмотрѣть картины кинематографа Патэ, который «все видитъ и все знаетъ». Обрывками, маленькими эпизодическими сценками мелькали передъ нимъ отголоски войны. «Налетъ французскихъ аэроплановъ», «Гидропланы», «Германская пушка большая Берта», «Атака кавалеріи» и сразу послѣ этого чествованіе какого то атамана на Кавказѣ. Пиръ горой, офицеры въ черкескахъ съ эполетами,

лезгинка, пьяные тосты, киданіе на «ура» какого то толстаго генерала и разливанное море вина.

Когда на экранѣ было показано обученіе въ тылу англійской арміи и перебѣгалъ и очень неловко и нехорошо маневрировалъ по плацу, усѣянному камнями батальонъ англичанъ, Саблинъ слышалъ одобряющіе возгласы и сейчасъ же мучительно обидное сравненіе — «это не то, что у насъ. Отданіе чести и остановка во фронтъ»...

Сеансъ кончился. Толпа возбужденная и взвинченная выходила изъ театра на мокрую панель улицы. Дождя не было, но туманъ сѣлъ на землю. Фонари бросали вверхъ странныя темныя тѣни столбами. Шумный городъ имѣлъ необычный видъ. Населеніе его точно удвоилось, слышались голоса на польскомъ языкѣ — это были бѣженцы изъ Польши. Саблинъ вспомнилъ первое свое дѣло, замокъ и графа Ледоховскаго со всѣми его панами и панянками. Онъ шелъ по Невскому глубоко взволнованный. Кинематографъ, а ихъ было сотни и на самомъ Невскомъ, и на Литейномъ и на Загородномъ и на Забалканскомъ и всюду и вездѣ, нагло пестрыми буквами и громадными картинами и плакатами, кричалъ заманчивыя названія и смыслъ ихъ былъ: — пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь! Долой войну! Миръ хижинамъ, война дворцамъ! — Страшная классовая война открыто проповѣдывалась съ экрана и милліоны людей смотрѣли на это, а тѣ, кому нужно было видѣть, не видѣли. Былъ фронтъ, гдѣ терпѣливые, выносливые солдаты шли холодною ночью по полуразрушенному мосту, гдѣ умирали молча, гдѣ раненые, какъ этотъ милый Карповъ, едва оправившись стремились въ свой полкъ, гдѣ мѣсяцами жили въ землянкахъ и прислушивались, гдѣ рвутся снаряды въ окопѣ, или подлѣ, гдѣ молчаливымъ укоромъ стояли нѣмыя безъ надписей могилы съ плохо сколоченными изъ палокъ крестами, гдѣ была глубокая чистая

вѣра въ Бога, надежда на побѣду, на то, что будетъ день, когда побѣдныя знамена, окруженныя потоками войскъ, будутъ возвращаться въ родные города и ихъ встрѣтятъ дѣвушки съ вѣнками цвѣтовъ, съ радостными криками, гдѣ была любовь, выше которой ничего не можетъ быть, любовь, полагающая душу свою за други своя....

Это было три дня тому назадъ. Три дня тому назадъ Саблинъ жилъ святою христіанскою жизнью среди христіанъ. Жилъ на фронтѣ!

Теперь онъ былъ въ тылу. Онъ видѣлъ глубокое равнодушіе къ вѣрѣ. Онъ не слышалъ имени Христа нигдѣ. Онъ видѣлъ храмы, гдѣ проповѣдывалось отчаяніе и ненависть. Что какъ не отчаяніе отъ своего безсилія вызывалъ этотъ простой и казалось бы, такой невинный кинематографъ Патэ. Тамъ, у нѣмцевъ, у французовъ, у англичанъ: — все для войны. Шумными стаями летаютъ аэропланы и кажется съ экрана слышишь гулъ ихъ пропеллеровъ. Тамъ длинная Берта, стрѣляющая на сорокъ верстъ, тамъ разумное полевое обученіе молодыхъ солдатъ, а у насъ чествованіе атамана, лезгинка и пьяные тосты и пьяныя пѣсни. Отчаяніе и ненависть проповѣдывалъ кинематографъ и на Невскомъ, и на Литейномъ, и на Загородномъ, и на Забалканскомъ и всюду и вездѣ. Вонъ съ угла какого то переулка наглыми яркими огнями сквозь туманъ кричитъ онъ хлесткую фразу — только для взрослыхъ. И толпа солдатъ, юныхъ, безусыхъ, толпа мальчишекъ и дѣвочекъ подростковъ выливается изъ его гостепріимныхъ дверей на улицу. Слышны смѣлыя шутки и смѣхъ, въ которомъ нѣтъ стыда. Юноши говорятъ циничные комплименты, а дѣвушки смѣются.

Раньше на всѣхъ этихъ мѣстахъ были синекрасныя вывѣски и горящія золотомъ надписи трактиръ, распивочно и на вынос. Тутъ отравляли тѣло человѣка и лучшіе умы народа, писатели и художники, возстали противъ нихъ. Толстой

и Кившенко одинъ перомъ, другой кистью, описывали весь ужасъ, который несетъ въ народъ эта синекрасная вывѣска съ яркими буквами.

Здѣсь уничтожали, вытравляли душу человѣческую, здѣсь соблазняли малыхъ сихъ, но никто не навѣшивалъ на соблазнителей жернова и не бросалъ его въ морскую пучину, молчали писатели и художники потому, что это было либерально! Это шло подъ лозунгами соціализма и говорить противъ этого было невыгодно!!

И опять, какъ въ ту страшную ночь, когда Саблинъ послѣ разговора съ дядюшкой Егоромъ Ивановичемъ, пришелъ къ сознанію пустоты кругомъ, къ сознанію того, что въ Россіи нѣтъ людей, нѣтъ силы, способной спасти Россію, онъ содрогнулся и низко опустилъ голову.

Но сейчасъ же онъ вспомнилъ фронтъ. Онъ увидалъ хмурое лицо командира драгунскаго полка, стоящаго на переправѣ, онъ увидалъ радостное лицо Карпова, увидалъ своихъ солдатъ и казаковъ и горячая вѣра и могучая любовь согрѣли его сердце.

Офицеры! вотъ кто придетъ и спасетъ Россію. Офицеры, какъ нѣкогда Христосъ, возьмутъ вервіе и выгонять торгующихъ изъ храма! Фронтъ придетъ на мѣсто тыла и разгонитъ тылъ и уничтожитъ эти мѣста, гдѣ совращаютъ душу народную.

Только не было бы поздно. Только не совратился бы и фронтъ отъ этой заразы?

И Саблинъ гадливо отстранился отъ двухъ солдатъ, тащившихъ весело визжавшую дѣвчонку.

XXIII

Когда Саблинъ подходилъ къ дому графини Палтовой онъ нагналъ какого то генерала, шедшаго съ высокой и стройной сестрой милосердія, одѣтой въ модное каракулевое пальто сакъ и въ косынку. Онъ сейчасъ же узналъ Самойлова. Саблинъ хотѣлъ ихъ

обогнать, но они ускорили шаги и Саблинъ невольно слышалъ ихъ веселый громкій разговоръ. Оба были подъ вліяніемъ вина.

— Любовь Матвѣевна, говорилъ Самойловъ. Куда же мы? Намъ надо закончить эту ночь. Я знаю васъ давно, но такою вижу васъ, первый разъ.

— А я вамъ нравлюсь — т а к о ю ?

— Да. Вы мнѣ т а к о ю нужны.

— Почему?

— Потому что, я для этого пріѣхалъ съ позиціи.

— Вотъ какъ!

— Я замѣтилъ, а нашъ милый корпусный врачъ подтвердилъ мнѣ это, что долгое воздержаніе отъ женщинъ дѣйствуетъ на нервы и понижаетъ мужество и храбрость.

— Цѣлое открытіе, сказала съ ироніей Любовь Матвѣевна.

— Но не новое. Древніе знали это и потому то женщины всегда становились добычей побѣдителя.

— Ну, а не древніе?

— Великіе полководцы тоже понимали это. Скобелевъ выписывалъ дѣвицъ въ армію.

— Николай Захаровичъ, вы циникъ.

— Я и не скрываю этого. Притомъ вы же мнѣ сказали, что у васъ les affaires sont les affaires. и я васъ понялъ. На что я могу расчитывать?

— «Но. Николай Захаровичъ». „la plus jolie fille ne peut donner que ce qu'elle a!"

— Вотъ это то мнѣ и надо!

— Какой вы понятливый.

— Всегда этимъ отличался. За это меня и цѣнятъ, какъ начальника штаба, потому что я съ намека усваиваю мысль начальника. Но, однако, куда же мы?

Любовь Матвѣевна стала серьезна и замедлила шаги.

— Куда. Для васъ бездомнаго это вопросъ. Ко мнѣ нельзя. Я живу въ госпиталѣ и иногда очень

рѣдко, ночую у матери. Ни тутъ, ни тамъ намъ нельзя быть такъ поздно. Вы гдѣ остановились?

— Въ Сѣверной гостинницѣ.

— Туда не пустятъ.

— Любовь Матвѣевна вы плохого обо мнѣ мнѣнія, какъ объ офицерѣ генеральнаго штаба я все предусмотрѣлъ. Я прописанъ съ женою и я предупредилъ прислугу, что моя жена пріѣдетъ съ дачи сегодня или завтра ночью.

— Почемъ же вы знали, что я... Что это возможно со мною.

— Я этого не думалъ.

— Значитъ вы думали о другой. О комъ, позвольте спросить? Мнѣ интересно знать, кто моя соперница.

— Я думалъ вообще о женщинѣ. О женщинѣ прекрасной и умной. Я нашелъ гораздо больше, чѣмъ я ожидалъ. Я нашелъ женщину интеллигентную, а женщина интеллигентная въ дѣлѣ любви во много разъ выше простой женщины. Я знаю, что это мнѣ будетъ стоить дороже, но за то и удовольствіе больше.

— Это будетъ стоить вамъ очень дорого и мнѣ даже жалко васъ, Николай Захаровичъ, потому что я ваши достатки знаю. Но разъ уже я съ вами стала откровенна, буду откровенна до конца. Мнѣ надо же жить. Я дама общества, я всюду принята и это меня обязываетъ. Я должна хорошо одѣваться, я должна быть скромна, я не могу дѣлать это часто, я должна очень выбирать. Я знаю, что вы не разболтаете. А между тѣмъ жизнь становится все дороже и дороже. Даже скромный костюмъ сестры милосердія уже стоитъ болѣе сотни рублей, и потому я должна заранѣе предупредить васъ о томъ, что я васъ оберу.

— Однако.

Они остановились. Саблинъ обгонялъ ихъ въ эту минуту и онъ услышалъ отчетливо и рѣзко произнесенное слово —

— Пятьсотъ.

Онъ поклонился Самойлову, Самойловъ поклонился ему. Любовь Матвѣевна засмѣялась нервнымъ смѣхомъ.

Подходя къ подъѣзду дома графини Палтовой Саблинъ оглянулся. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него Самойловъ усаживалъ Любовь Матвѣевну на извозчика.

Развиваетъ въ себѣ храбрость, подумалъ Саблинъ, но сейчасъ же подавилъ въ сердцѣ своемъ осужденіе и постарался отнестись къ этому съ точки зрѣнія христіанской морали.

XXIV

Петроградскій тылъ изумилъ и огорошилъ Саблина. Не то, чтобы Саблинъ ожидалъ увидѣть и услышать что либо иное. Онъ зналъ, что тылъ всегда тылъ, то есть, что въ немъ и должно группироваться все трусливое и малодушное, все жаждущее развлеченій во что бы то ни стало и какою бы то ни было цѣною. Онъ зналъ, что никакая война не въ силахъ измѣнить характера и привычекъ графини Палтовой, а съ нею и всего Петроградскаго свѣта — это его не поражало, но поразила его распущенность гарнизона и его новыхъ офицеровъ.

Душно и противно было въ Петроградѣ несмотря на зиму, снѣгъ и морозы. Скучно несмотря на развлеченія. Даже дочь его не развлекала. Тихая и скромная Таня только что становилась изъ дѣвочки дѣвушкой и уже забиралъ ее мощными сѣтями Петроградскій свѣтъ. Она росла внѣ дома. Была мать — мать умерла, ушла такъ трагически страшно. Былъ братъ, котораго она боготворила и братъ ушелъ, погибъ героемъ въ конной атакѣ. Безъ нужды погибъ. Попалъ въ атаку случайно, любителемъ и убитъ..... Таня осталась одна на попеченіи института и старой, сухой англичанки миссъ Прок-

торъ. Растетъ его дочь — а что въ ея душѣ, что думаетъ она, о чемъ мечтаетъ — кто знаетъ?

Саблинъ торопился — домой, въ дивизію, въ маленькій домикъ священника села Озеры, къ драгунамъ, уланамъ, гусарамъ и казакамъ. Они, которыхъ онъ зналъ менѣе полугода, были ему дороже, съ ними было уютнѣе, чѣмъ въ старой петроградской квартирѣ на Малой Морской, гдѣ такъ много было пережито счастья и горя. Горя, впрочемъ, гораздо больше.

Проснувшись на другое утро послѣ вечера у графини Палтовой Саблинъ долго лежалъ въ постели, постланной ему на диванѣ въ его кабинетѣ. Было девять часовъ утра. Поздно, по понятіямъ Саблина, встававшаго у себя въ семь часовъ и въ восемь уже отправлявшагося на позицію и очень рано по понятіямъ его дома, гдѣ онъ чувствовалъ себя теперь какъ бы въ гостяхъ.

Сѣрый зимній день тихими сумерками колыхался за окномъ, занавѣшеннымъ желтоватою шторою въ мелкихъ складкахъ. Портьеры не были задвинуты и кабинетъ съ наскоро и временно устроенной изъ него спальней казался чужимъ. На письменномъ столѣ стояли кое какія старыя бездѣлушки, но бумаги были убраны, чувствовалось что за нимъ давно никто не работалъ и онъ имѣлъ мертвый покинутый видъ. Противъ дивана висѣлъ большой портретъ Вѣры Константиновны. Кротко и ясно смотрѣли большіе синіе глаза. Слишкомъ большіе, слишкомъ синіе, чтобы лгать. И она не солгала ему. Въ шкапу ея страшный дневникъ, написанный ею передъ самоубійствомъ.

Саблинъ потянулся сильнымъ и крѣпкимъ сорокалѣтнимъ тѣломъ, съ чувствомъ животной радости ощутилъ подъ собою мягкія подушки и тюфячокъ, положенный на пружинный диванъ, чистое свѣжее бѣлье и широко открытыми глазами посмотрѣлъ на портретъ.

Бѣлая роза была приколота въ золотистыхъ волосахъ Вѣры Константиновны, улыбка счастья и довольства застыла на прекрасномъ лицѣ. Но Саблинъ не видѣлъ ее такою, какою она была написана на полотнѣ. Изъ за красокъ смотрѣло на него другое лицо, искаженное нечеловѣческой мукой стыда и отчаянія.

— Простилъ-ли?, спрашивалъ взглядъ синихъ глазъ и жутко становилось отъ полнаго муки вопроса.

Драма вставала передъ нимъ и смотрѣла на него красками портрета.

— Простилъ-ли?

Да, простилъ. Хочу простить. Когда я познalъ всю силу христіанской любви. Кажется.... могу простить.

Онъ отвернулся отъ портрета.

Могу-ли?

Простилъ-ли? Отдохнувшее тѣло жаждетъ женской ласки и любви, а ты ушла, ушла моя Вѣра!!...

Саблинъ съ тоскою и упрекомъ посмотрѣлъ на портретъ. Ему стало жаль себя. Неужели и ему, какъ Самойлову, искать утѣшенія и минутной радости въ объятіяхъ Любовь Матвѣевны, звать ее къ себѣ, раздѣвать ее, на глазахъ у портрета, въ квартирѣ, гдѣ живетъ его дочь?.... Или ѣхать къ Ксеніи Петровнѣ, хорошенькой разведенной тридцатилѣтней дамѣ общества, которая вчера смотрѣла на него въ свой черепаховый лорнетъ большими карими выпуклыми глазами и говорила ему, запинаясь —

— Какъ вы интересны, Александръ Николаевичъ! Я люблю васъ, какъ героя и какъ.... мущину. Пріѣзжайте ко мнѣ завтра въ шесть.

Онъ смотрѣлъ на ея рыжіе крашеные волосы на лицо, тронутое бѣлилами и румянами, на блестящіе зубы, мелькавшіе изъ подъ алыхъ губъ чувственнаго рта и что то старое,—напоминавшее

ему его корнетскіе годы и Китти вставало передъ нимъ.

— Зачѣмъ?, спросилъ онъ ее, а глазами говорилъ ей — ты дразнишь меня?

— Я встрѣчу васъ съ бульоткой чая и бутылкой хорошаго коньяка на шкурахъ бѣлаго медвѣдя въ своемъ любимомъ бѣличьемъ халатѣ, такая мягкая, мягкая....

— А подъ халатикомъ что будетъ?, спросилъ Саблинъ, невольно впадая въ ея игривый тонъ.

Она засмѣялась ему въ лицо и бѣлые зубы плотоядно сверкнули изъ за темно-розовыхъ тонкихъ губъ. Она повернулась къ нему спиной и, оборачивая голову, кинула ему по французски, дразня и маня его.

— Ma peau!....

И пошла, чуть покачивая широкими бедрами....

Саблинъ вздрогнулъ. Вѣра Константиновна смотрѣла на него, улыбаясь синими глазами и точно смѣялась надъ нимъ.

— Простишь-ли?, подумалъ Саблинъ и всѣмъ существомъ своимъ почувствовалъ отвѣтъ: — прощу! прощу!.. Хочу, чтобы ты былъ хоть этимъ счастливъ!

Сытое, холеное животное просыпалось въ Саблинѣ. Сладострастныя грезы томили.

Простишь!—подумалъ онъ. Ты-то простишь, а тѣ. . . .

Поразительно ясно мелькнула передъ нимъ рѣка, покрытая пробитымъ льдомъ, мостъ нелѣпо торчащій посреди нея и сѣрые солдаты, осторожно спускающіеся къ водѣ.... Могила казака. Крестъ изъ двухъ лучинокъ и сѣрыя землистыя лица.... Тамъ на позиціи простятъ ли ему?...

Не довольно ли онъ пожилъ? Китти, Маруся, Вѣра Константиновна.... Были и между. Сытая, праздная жизнь, визиты, рауты, обѣды, балы, красивые маневры, красивые парады, шумное военное поле, трубачи, лихая жизнь—между полемъ и

театромъ, запахъ солдатскаго пота утромъ, а вечеромъ ароматъ духовъ и возбужденныя лица красивыхъ, холеныхъ, красиво причесанныхъ женщинъ.

Не довольно-ли?....

А что же, подумалъ Саблинъ. Развѣ не умѣли мы умирать и драться? Ну что же? Вотъ началась и вотъ уже больше года идетъ великая война. Безъ снарядовъ и патроновъ мы дрались и развѣ въ пѣхотѣ нашей нѣтъ смѣлыхъ Долоховыхъ и терпѣливыхъ Максимъ Максимычей, развѣ въ конницѣ вывѣтрились и вывелись Васьки Денисовы и смѣлые Ростовы, а въ артиллеріи Тушины? Русская армія жива и будетъ жить и побѣждать. Тихій философъ Платонъ Каратаевъ еще стоитъ въ ея рядахъ....

А что, если?....

Если они уже умерли. Эти полтора года войны унесли столько жизней! Сколькихъ похоронили на поляхъ Восточной Пруссіи и Галиціи, столько зарыто въ отрогахъ Карпатскихъ горъ и въ болотахъ Польши.

Но имъ идетъ смѣна.

Смѣна?!....

Саблинъ сказалъ почти въ слухъ это слово и даже сѣлъ на постели, пораженный страшной мыслью. Вчера у графини Палтовой этотъ офицеръ, куплетистъ, которой пѣлъ—с о л д а т ы и д у т ъ... Послѣ ужина они заперлись въ маленькой гостиной графини. Барышень прогнали танцовать. Были дамы, генералы и много новыхъ, новаго типа офицеровъ. И этотъ.... офицеръ тоже..... во френчѣ, въ сѣрыхъ галиффэ и въ гетрахъ, подъ гитару, говорилъ куплеты, гдѣ въ каждомъ словѣ, въ каждомъ звукѣ былъ грязный циничный намекъ. Его слушали..... Дамы общества и эта молодежь....

Саблинъ смотрѣлъ на нихъ. Погоны, знакомые значки родныхъ гвардейскихъ полковъ и училищъ, но между ними новыя не офицерскія лица....

Одинъ задѣлъ неловко даму—

— Извеняюсь, нагло сказалъ онъ.

Трое сидѣли на стульяхъ въ то время, когда дамамъ не хватило мѣста и онѣ стояли. Одинъ закурилъ папиросу, ни у кого не спросивши, ни у дамъ, ни у старшихъ. Саблинъ оглядывалъ ихъ. Они всѣ были трезвы, но въ нихъ была непринужденность, свобода, почти наглость дѣйствій, движеній и поступковъ.

Саблинъ давно зналъ, что офицеры дѣлятся на цѣлый рядъ разновидностей? Есть офицеры гвардіи и арміи, у каждаго рода войскъ свои типичныя особенности, — но всѣ старые офицеры отличались рыцарскою вѣжливостью, вниманіемъ къ дамамъ. Въ нихъ не было свободы. Были между ними бурбоны, были нахалы, но хамовъ не было. Отъ многихъ изъ этихъ новыхъ вѣяло именно хамствомъ, подчеркнутой свободой отъ всѣхъ предразсудковъ и условностей.

Мы, — думалъ Саблинъ, — про себя и себѣ подобныхъ, мы могли увлекаться Китти, могли губить невинныхъ дѣвушекъ, какъ я погубилъ Марусю, мы пьянствовали, развратничали, но у насъ было свое божество, своя вѣра, свои идеалы и отъ насъ вѣяло нашимъ высокимъ девизомъ: за вѣру, Царя и отечество. Мы не могли насмѣяться надъ вѣрой, не могли осудить Царя и не любить отечество. И мы могли умирать спокойно... Мы измѣнить не можемъ.

Эти... Есть ли у нихъ вѣра? Я не говорю о глубокой вѣрѣ, нѣтъ, есть ли у нихъ хотя наружная вѣра, состоящая въ умѣньи стоять въ церкви, въ постановленьи свѣчекъ, прикладываніи къ иконамъ, есть ли у нихъ, хотя бы цѣни вѣры и религіи?

Царя они не любятъ. А Родину?

Это были новые офицеры съ новыми понятіями. Да, среди нихъ еще были люди стараго вида это тѣ, кто вышелъ изъ лицея, училища правовѣдѣнія, изъ кадетъ, — эти держались особо, ста-

рались не смѣшиваться съ толпою, но масса, но большинство были новые и какіе странные.

Саблинъ долго подбиралъ имъ названіе, долго искалъ, какъ опредѣлить ихъ однимъ словомъ и и вдругъ это слово мелькнуло у него въ головѣ и такъ поразило его, что холодъ побѣжалъ по его жиламъ.

Революціонные офицеры...

Но неужели правда, что будетъ то, что какъ будто бы носится въ воздухѣ, о чемъ ему вчера намекнули дядя Облѣниссимовъ, Самойловъ, Пестрецовъ и многіе другіе. Будетъ революція!

Рѣшеніе уѣхать обратно, на позицію, крѣпло въ немъ. Одѣвшись онъ позвонилъ. Послѣ долгаго ожиданія въ дверь постучали и вошла горничная его дочери, Паша. Хорошенькое лицо ея еще было красно отъ сна, она была наскоро, но по модѣ причесана и одѣта нарядно и богато. Она смотрѣла на Саблина вызывающе и нагло.

— Барышня встала? спросилъ Саблинъ.

— Татьяна Александровна еще спитъ, — отвѣчала Паша.

Саблинъ смотрѣлъ на нее. Паша смотрѣла на него и первый смутился Саблинъ.

— Хорошо, сказалъ онъ. Дайте мнѣ сюда чаю. И принесите мой чемоданъ. Я сегодня уѣзжаю.

XXV.

Весь день Саблинъ провелъ съ дочерью. Онъ пошелъ съ нею гулять по любимымъ улицамъ Петрограда. Его поразило обиліе вещей въ магазинахъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Бриллiанты, самоцвѣтные камни, золото, сверкали повсюду и повидимому, несмотря на безумныя цѣны, находили сбытъ. Саблинъ изучалъ дочь и былъ ею доволенъ.

— Таня, зайдемъ въ магазинъ, я хочу купить тебѣ на память эти сережки съ бирюзою. Онѣ такъ пойдутъ къ тебѣ, — сказалъ онъ, останавливаясь у витрины ювелира.

Дѣвушка улыбнулась блѣдной улыбкой.

— Нѣтъ, папа, сказала она. Ты не покупай мнѣ теперь. Мнѣ совѣстно носить такія вещи во время войны.

— Тебѣ понравилось вчера у Натальи Борисовны? спросилъ онъ.

— И да и нѣтъ... сказала Таня. Мнѣ было неудобно. Вѣдь столько страданія кругомъ изъ за войны, что странно веселиться. Мнѣ, папа, не понравилось какъ вели себя многіе офицеры. Правда, папа, они не похожи на офицеровъ?

Саблинъ не отвѣчалъ.

— Папа, — тихо сказала Таня, когда они, молча прошли всю Морскую. — Папа ты будешь представляться Императрицѣ?

— Нѣтъ, — сухо отвѣчалъ Саблинъ, — я сегодня уѣзжаю къ дивизіи. Мнѣ надо... А почему ты это спрашиваешь?

— На прошлой недѣлѣ великая княжна Ольга Николаевна спрашивала меня, почему ты ни разу не былъ въ отпуску, даже послѣ раненія. Она сказала, что Императрица тебя такъ любитъ и до сихъ поръ не можетъ забыть маму.

— Таня, — сказалъ Саблинъ, сжимая руку своей дочери, — никогда не говори мнѣ о императрицѣ и о матери одновременно. Ты не должна знать...

— Нѣтъ я знаю. — спокойно сказала Таня.

— Что ты знаешь?, — спросилъ Саблинъ и почувствовалъ, какъ волосы зашевелились у него подъ фуражкой.

— Императрица много зла сдѣлала мамѣ. — прошептала Таня.

— Какого зла? — спросилъ Саблинъ.

— Я не знаю. Но императрица сказала: — я виновата передъ вашей мамой, но я надѣюсь, что т а м ъ она меня простила.

— Таня, я тебя прошу, не говори, пожалуйста, никогда объ этомъ.

— Слушаю, папа. Но императрицу надо простить. Она такъ несчастна. Ее нужно любить.

Они прошли мимо массивной гранитной ограды сада у Зимняго Дворца и вышли на набережную. Бѣлыя тучи, застилавшія утромъ небо, раздвинулись и разошлись и блѣдно-голубое небо открылось надъ Петропавловскимъ соборомъ. Ширь Невы покрытой снѣгомъ сверкала передъ ними. У крѣпости стрѣлялъ пулеметъ. Солдаты на льду учились стрѣльбѣ. Вправо стоялъ холодный и заиндевѣлый Зимній дворецъ и странными казались на немъ вывѣски Краснаго Креста. Вся красота набережной открылась вдругъ подъ лучами блѣднаго зимняго солнца и захолонуло сердце у Саблина отъ охватившаго его восторга передъ дивнымъ видомъ царственной Невы. Должно быть и Таня испытывала тотъ же восторгъ.

— Папа, сказала она, сильно сжимая его руку своей маленькой ручкой въ шерстяной теплой перчаткѣ. — Папа, неужели нѣмцы возьмутъ Петроградъ?!

— Что ты, родная моя, — сказалъ Саблинъ. Да развѣ же это возможно?

— Папа, мнѣ вдругъ представилось, что чужіе завладѣютъ нашимъ городомъ, что они разрушатъ и пожгутъ прекрасныя зданія дворцовъ, разорятъ Эрмитажъ, вывезутъ картины и намъ нельзя будетъ жить въ немъ. Папа, скажи, что это невозможно.

— Ну, конечно же невозможно, — сказалъ Саблинъ, но голосъ его звучалъ нетвердо.

— Ты не допустишь до этого! — сказала Таня и съ гордостью посмотрѣла на отца и на георгіевскую ленточку, нашитую въ петлицу его пальто.

А Саблину пришло въ это время на умъ опять это странное дикое слово: — революціонные офицеры!...

Но вѣдь надо же, подумалъ онъ, чтобы у этихъ революціонныхъ офицеровъ были и революціонные вожди, революціонные генералы...

XXVI

Поѣздъ на С. отходилъ вечеромъ. Таня съ Нашей пріѣхали провожать Саблина. Справа съ дачной платформы отходилъ поѣздъ на Царское Село и тамъ видны были богато одѣтыя гусарскія и стрѣлковыя дамы и съ ними офицеры, кто въ защитныхъ, кто въ мирнаго времени яркихъ цвѣтныхъ фуражкахъ. Придворный лакей провожалъ какую то даму и несъ сзади нея большой пакетъ. Жизнь шла все такая же яркая, пестрая, шумная, веселая и не замѣчали того, что было на войнѣ. Не видѣли крови и кровь сама вопіяла къ небу.

Купе международнаго вагона было залито электрическимъ свѣтомъ. Вѣжливый проводникъ почтительно пропустилъ Саблина и сказалъ ему: — до Царскаго одни изволите ѣхать, а въ Царскомъ еще пассажиръ сядетъ.

Все равно, подумалъ Саблинъ. Непонятная тоска сжимала сердце. Неужели предчувствіе, думалъ онъ, крестя Таню, неужели я болѣе никогда не увижу эту милую чистую дѣвушку.

Онъ долго стоялъ на площадкѣ и смотрѣлъ на Таню, быстро шедшую за вагономъ, глядѣвшую полными слезъ глазами и махавшую платкомъ.

Нѣтъ, думалъ онъ. Это мнѣ такъ показалось. Никакой революціи. Вѣдь въ сущности все идетъ хорошо. По старому. И эти Распутины, Варнаввы, Штюрмеры — это только ѣдкій привкусъ и больше ничего. Это нервы расходились въ тылу — на фронтѣ лучше будетъ. Если и есть революціонные

офицеры, то ихъ мало. Они потонутъ въ нашей массѣ и революціонныхъ генераловъ нѣтъ и не можетъ быть.

Поѣздъ остановился у Царскаго. Чей то женскій голосъ, весело кричалъ у самаго окна: — «до свиданія! до свишвеція. И поскорѣе пріѣзжайте! Кончайте вашу несносную войну. Довольно, будетъ».

Голосъ былъ знакомый.

Саблинъ приложился къ окну, закрывая ладонями лицо отъ свѣта и увидалъ сестру милосердія весело прощавшуюся съ генераломъ. Генералъ былъ Самойловъ, сестра — Любовь Матвѣевна.

Черезъ минуту, когда поѣздъ тронулся, въ купе вошелъ красный отъ мороза Самойловъ.

— А, ваше превосходительство, — привѣтствовалъ онъ Саблина, — вотъ пріятный сюрпризъ. До Могилева, значитъ, вмѣстѣ. Поболтаемъ. Ну какъ вы нашли нашъ тылъ?

— Ужасенъ.

— Ну . . . . Что вы?! . . . Идетъ работа . . . Да ... Великая, большая работа.

— Въ чемъ вы ее видите?, спросилъ Саблинъ.

— Въ подготовкѣ революціи — шопотомъ сказалъ Самойловъ.

Саблинъ отшатнулся отъ него.

— Что испугались, ваше превосходительство. Я такъ и зналъ. Васъ слово пугаетъ. Понимаю. Конечно страшно. Вы бывшій флигель-адъютантъ, генералъ свиты Его Величества, гвардейскій офицеръ и вдругъ слышите такія слова и отъ кого же? отъ стараго, заслуженнаго генерала, ѣдущаго въ Ставку . . . А вы привыкайте . . .

— Во время войны, сказалъ Саблинъ.

— Вотъ и ловлю васъ. Значитъ, не во время войны, уже можно. — улыбаясь проговорилъ Самойловъ.

— Нѣтъ, я этого не говорилъ, горячо возразилъ Саблинъ — и никогда этого не скажу.

— Будто, хитро сощуривая глаза сказалъ Самойловъ.

— Ну, а ежели я вамъ скажу, что иначе насъ ожидаетъ сепаратный миръ — не произнесъ, а еле слышно какъ бы продохнулъ Самойловъ.

Саблинъ отвѣтилъ не сразу.

— Что же . . . , спокойно началъ онъ. — Сепаратный миръ, если посмотрѣть на него съ Русской точки зрѣнія это уже не такая плохая штука. Народъ усталъ отъ войны. Настоящая армія погибла на поляхъ сраженія. Лучшее офицерство полегло. Пополненія приходятъ все хуже и хуже. Армія постепенно обращается въ милицію. Положимъ, что у противника положеніе приблизительно такое же. Сепаратный миръ мы заключимъ, конечно, не даромъ. Надо полагать, что онъ разрѣшитъ всѣ тѣ вопросы, которые давно тяжелымъ бременемъ нависли надъ Россіей и прежде всего Балканскій вопросъ.

— Да, Константинополь и проливы останутся за нами, — вставилъ Самойловъ, — съ удивленіемъ слушавшій спокойную рѣчь Саблина.

— Вотъ видите. Навѣрно и Персидскій вопросъ вырѣшится не худо.

— Наше вліяніе въ Малой Азіи окрѣпнетъ и гавань въ Персидскомъ заливѣ обезпечена — проговорилъ Самойловъ.

— Ну вотъ видите. Внѣшне Россія достигнетъ такого могущества, о какомъ и мечтать не могла раньше. Смотрите дальше. Народныя массы устали отъ войны. Надвигается дороговизна, а съ нею и голодъ. Войскамъ война надоѣла. Всѣ данныя къ тому, что мы совсѣмъ завязнемъ въ окопахъ и перейдемъ къ позиціонной войнѣ. Миръ будетъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ массами, если его подкрѣпить еще хорошимъ манифестомъ о землѣ, такъ молъ и такъ, «россійское побѣдоносное воин-

ство, кровью своею заслужившее передъ Нами имѣетъ разсчитывать, чтобы и Мы не забыли заслугъ въ вѣрности Намъ на поляхъ сраженія показанныхъ. Слѣдуя примѣру дѣда Нашего» — и т. д. и т. д. . . Вы понимаете, какъ укрѣпится въ народѣ любовь и уваженіе къ Царю. А если интеллигенціи нашей кинуть хотя бы и куцую конституцію, да подкупить хорошенько прессу, — такое славословіе начнется. И, согласитесь, Николай Захаровичъ, что во всей исторіи Россіи это будетъ первый случай, когда мы повоюемъ для себя. Не за болгаръ, не за австрійцевъ, пруссаковъ, или французовъ, а для себя. Да благодарное потомство памятникъ поставитъ такому императору и назоветъ его не только миротворцемъ, но и мудрымъ.

— Но . . . измѣнить своему слову! Предать союзниковъ! Вы говорите страшныя вещи. Вы говорите то, что говоритъ Штюрмеръ.

— Значитъ онъ не такой глупый парень, какъ о немъ говорятъ. Вы говорите: измѣнить союзникамъ. Кому? Англіи и Франціи? Ну а они не измѣнятъ намъ, пожалѣютъ насъ, если намъ плохо будетъ? Не наша ли интеллигенція такъ осуждаетъ и Павла и Александра I, и Николая I, и Александра II., за то, что Россія играла роль какого то европейскаго жандарма. За кого только не лилась кровь русскаго солдата! Какіе троны не укрѣпляла она! Не нашимъ ли солдатамъ обязанъ Францъ-Іосифъ своимъ престоломъ и за то добро, которое ему сдѣлала Россія онъ точно мстилъ ей и мститъ теперь. Не будетъ ли того же и съ Франціей и Англіей? Политика сердца плохая политика, но къ сожалѣнію это именно Русская политика. Какъ думаете вы, съ какимъ чувствомъ пойдутъ въ бой Русскіе солдаты, если я скажу имъ, что они идутъ умирать за Англію? Вы свалите тронъ во имя вѣрности союзникамъ, но ар-

мія не пойдетъ умирать за интересы британскаго народа.

— О, Александръ Николаевичъ! Вы проглядѣли въ Петроградѣ главное. Новаго солдата и офицера.

— Напротивъ. Ихъ то я больше всего и наблюдалъ. И я вамъ охарактеризовалъ свои наблюденія банальнымъ словомъ—ужасъ.

— Да, вамъ не понравилась ихъ стрижка волосъ, ихъ свободная дисциплина, ихъ, можетъ быть, нѣкоторыя неряшливость въ одеждѣ, въ отданіи чести. Внѣшней дисциплины въ нихъ мало, это правда. Но мы готовимъ, Александръ Николаевичъ, сознательнаго солдата,— сказалъ Самойловъ.

— Это не будетъ нескромнымъ съ моей стороны, если я спрошу у васъ, кто это мы.

— Мы?—отвѣчалъ Самойловъ, — это тѣ военные, которые видятъ, что правительство идетъ по ложному пути, которые сознали, что старая система войны приведетъ насъ къ пораженію и мы ищемъ новыхъ путей. Фамилій я вамъ называть не буду. Но, зная вашу любовь къ военному дѣлу, я думаю, что и вы тоже принадлежите къ н а м ъ....

— Новыхъ путей въ военной наукѣ я не ищу. Я вѣрю въ нее. Для меня завѣты нашихъ великихъ полководцевъ святы. Съ ними я всегда побѣждалъ и надѣюсь побѣждать и впредь,—сухо, съ достоинствомъ сказалъ Саблинъ.

— Но, ваше превосходительство,—накладывая свою полную руку съ опухшими мягкими пальцами на маленькую породистую загорѣлую отъ солнца и мороза руку Саблина, сказалъ Самойловъ — вы не станете отрицать завѣта Суворова, что всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ.

— Всегда это не только исповѣдывалъ, но и проводилъ въ жизнь,—еще суше проговорилъ Саблинъ.

— Вотъ видите,—вкрадчиво, точно протискиваясь въ душу Саблина заговорилъ Самойловъ. — Мы готовимъ сознательнаго солдата, то есть такого, который могъ бы разбираться во всей сложной политической обстановкѣ. Солдата, способнаго на критику и анализъ.

— Иными словами вы хотите внести въ армію политику?—съ негодованіемъ воскликнулъ Саблинъ.

— Ну... Немножко политики. Намъ нужно, чтобы армія поняла, что Распутины не олицетворяютъ Русскую монархію, что Варнаввы, Штюрмеры, Сухомлиновы недопустимы. Намъ нужна сила, чтобы сломить упрямство. Можетъ быть:— маленькій дворцовый переворотъ.

— Съумѣете ли вы остановиться на этомъ?.... Оставьте меня. Мнѣ страшно слышать все, что вы говорите. И съ такими мыслями вы ѣдете въ ставку! Боже, Боже, что же это такое!?

— Въ ставку я вызванъ, какъ мужъ совѣта,— не безъ комичнаго достоинства сказалъ Самойловъ.

— Я долженъ донести на васъ!,—сказалъ Саблинъ.

— Доносите. Но знайте, что насъ много и насъ вы не перевѣшаете всѣхъ. Мы сильные міра сего, съ нами не только высшее командованіе, но и великіе князья. А кто съ вами?

— Солдаты!—горячо воскликнулъ Саблинъ.

Самойловъ скривилъ лицо въ презрительную усмѣшку.

— Вы имъ вѣрите? Стадо барановъ, подкупный низкій Русскій черный народъ, который пойдетъ за тѣмъ, кто покажетъ ему лучшую приманку, кто больше посулитъ,—сказалъ вставая Самойловъ. — Вы пойдете обѣдать? Тутъ вагонъ ресторанъ есть.

Саблинъ смотрѣлъ на него съ ненавистью.

— Нѣтъ—коротко сказалъ онъ. — Я пообѣдалъ дома.

— Какъ хотите,—потягиваясь проговорилъ Самойловъ. А я такъ много любилъ эти дни, что чувствую теперь страшный аппетитъ.

И нагнувши свою лысую голову, поросшую по краямъ, какъ бахромою косичками жидкихъ сѣдыхъ волосъ и поеживаясь плотными плечами Самойловъ спокойно вышелъ изъ купэ.

Саблинъ откинулся на подушки вагона. Онъ былъ голоденъ. Дома онъ не только не обѣдалъ, но и не завтракалъ. Онъ не поспѣлъ за спѣшными сборами въ дорогу. Но мысль о томъ, что придется сидѣть съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ и, быть можетъ, продолжать тяжелый разговоръ лишила его аппетита. Нѣтъ, ни за что! Я ненавижу его! Революціонный генералъ. Они появились въ Россіи, какъ грибы на болотѣ эти вожди революціонныхъ офицеровъ, революціонные генералы. —подумалъ Саблинъ.

Боже, Боже! Давно ли восхищенный Твоимъ кроткимъ ученіемъ я далъ завѣтъ чистой христіанской любви и вотъ уже сколькихъ я ненавижу! Я не могу простить императрицѣ, я ненавижу Распутина, я ненавижу этотъ новый типъ сознательнаго офицера и солдата, я ненавижу революціоннаго генерала Самойлова. Вмѣсто любви — ненависть, но что же дѣлать мнѣ? Любить ненавидящихъ насъ, но если они ненавидятъ не меня, а Родину, ненавидятъ Тебя, распятаго за насъ! Гдѣ найдешь отвѣтъ и поученіе на всѣ вопросы?

Саблинъ вытащилъ изъ дорожнаго чемодана Евангеліе развернулъ его на первой попавшейся страницѣ и первое что бросилось ему въ глаза слова Христа:—

— Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ!

Саблинъ задумался и поникъ головою. Значитъ нѣтъ свободной воли у людей—значитъ все, что теперь происходитъ, это—Твоя великая воля. Тобой установлено, Тобой предначертано.

Но тогда—нѣтъ преступленій. И убійство не грѣхъ.

Мысль входила въ лабиринтъ противорѣчій и упиралась въ тупики безнадежности.

Самойловъ засталъ Саблина за чтеніемъ Евангелія. Оно скосилъ глаза на книгу, чуть замѣтно презрительно улыбнулся и шумно сталъ раздѣваться. Онъ позвалъ сопровождавшаго его деньщика и заставилъ его стягивать сапоги и рейтузы и желчно ругался, когда тотъ въ тѣснотѣ вагона неловко брался за его платье.

— Дуракъ, штрипку оборвешь!... Болванъ! не тяни за шпору, выше берись. Эк-кая дубина!

Онъ вытянулся подъ одѣяломъ, демонстративно взялъ изъ сѣтки жолтую книжечку веселаго французскаго романа и, нервно разрѣзая большимъ холенымъ ногтемъ страницы сталъ просматривать ее.

Самойловъ чувствовалъ себя молодымъ, бодрымъ и прекраснымъ. Онъ создавалъ новую Россію и ему казалось, что и самъ онъ становился новымъ и не чувствовалъ бремени своихъ пятидесяти шести лѣтъ.

Они не говорили больше ни слова до самаго Могилева и Самойловъ вышелъ, не прощаясь съ Саблинымъ. И когда онъ вышелъ Саблинъ вздохнулъ полною грудью и ему показалось, что самый воздухъ въ купэ сталъ легче и чище.

XXVII.

Поѣздъ, на которомъ ѣхалъ Саблинъ сильно запоздалъ и только въ третьемъ часу ночи прибылъ въ С.

Въ Петроградѣ была суровая зима, блѣдное солнце не грѣло, а еще болѣе холодило гранитъ обледенѣлой набережной и желѣзныя рѣшетки садовъ, а здѣсь даже ночью чуялось легкое дуно-

венье весны. Было около пяти градусовъ мороза. но воздухъ былъ такъ чистъ и нѣженъ, что казалось, что вотъ вотъ начнетъ таять и двинетъ сразу южная весна,

На станціи было темно. Тускло горѣвшіе керосиновые фонари бросали пучки свѣта на грязную истоптанную деревянную платформу, а кругомъ былъ черный мракъ. По ту сторону путей на синемъ воздушномъ небѣ тянулись вѣтви большихъ раскидистыхъ акацій и деревья таинственно, по весеннему шумѣли, качая черными вѣтвями. Невдалекѣ протяжно свистѣлъ паровозъ, настойчиво требуя себѣ пятый путь, но стрѣлочникъ спалъ и онъ повторялъ свои свистки надтреснутымъ. точно простуженнымъ голосомъ.

Пассажировъ сошло немного. Это были солдаты, возвращавшіеся изъ отпуска или изъ командировокъ. Они вздѣвали за плечи свои мѣшки и увязки и, хрипло, заспанными голосами, переговаривались.

Саблина встрѣтили его любимый ординарецъ, гусаръ, унтеръ-офицеръ Шаповаловъ, деньщикъ— гвардеецъ, вышедшій съ нимъ изъ Петрограда и ставшій какъ бы членомъ семьи—Семенъ и шофферъ его автомобиля важный солидный Петровъ, до войны служившій шофферомъ у одного Петроградскаго богача. Они всѣ искренно обрадовались Саблину.

— Съ пріѣздомъ, ваше превосходительство,— говорилъ Семенъ, входя въ вагонъ и снимая сильными руками съ сѣтки чемоданы. — Мы васъ и не ждали такъ рано. Мало отдохнуть изволили. Какъ здоровье ея превосходительства Татьяны Александровны? А миссъ все у васъ? И Паша та же? Ну той что толстая она, безчувственная...

— У насъ что? отвѣчая на вопросы спросилъ Саблинъ.

— Все по хорошему. Мирно. Тихо. Леда по васъ соскучилась. ждетъ проѣздки. Флорестана вчора подковали. Въ акуратъ шесть недѣль вышло.

Шаповаловъ, возьмите несессеръ, а я чемоданчикъ потащу. Шаповаловъ, ожидавшій на платформѣ, громко отвѣчалъ на привѣтствіе и сообщалъ новости о жизни всей дивизіи.

— Ротмистру Михайличенко Анна второй степени съ мечами вышла за Желѣзницкій бой и хорунжему Карпову егорьевское оружіе присудили. Третьяго дня изъ штаба Арміи прислали. А тутъ ваша телеграмма подошла, что вы обратно ѣдете. Начальникъ штаба приказалъ васъ обождать. На завтра къ тремъ часамъ ихъ вызываютъ. И трубачей къ обѣду заказали отъ уланскаго полка. Матушка пирогъ спечь обѣщали.

Словно въ семью въѣзжалъ Саблинъ. Въ Петроградскомъ домѣ ему не было такъ уютно, радостно и тепло, какъ здѣсь среди этихъ людей.

Петровъ въ отличной шубѣ съ алыми погонами шелъ сзади и докладывалъ ему о дорогѣ.

— Дорога отличная. И снѣгу не такъ, чтобы много было. Только въ Боровомъ немного застрѣвали, какъ сюда ѣхали... А воду брать будемъ на мельницѣ. Тамъ не замерзло. Часамъ къ девяти подоспѣете.

На площадкѣ, въ которую упирались темныя улицы мѣстечка съ деревянными двухъ-этажными домами, погруженными въ предъутренній сонъ, стоялъ любимый Саблинымъ сильный и грубый «Русско-балтійскій». Яркіе фонари бросали длинные снопы свѣта на дорогу и упирались въ домъ, освѣщая окно, плотно затянутое спущенной бѣлой шторой. Мужицкія сани дожидались кого то и маленькая лохматая гнѣдая лошаденка, накрытая рогожей, пугливо косилась глазами, казавшимися огненными рубинами въ лучахъ автомобильныхъ фонарей. Поляковъ, помощникъ шоффера, въ такой же шубѣ, какъ и Петровъ вытянулся навстрѣчу Саблину.

— Здравія желаю ваше превосходительство, — отвѣчалъ онъ. — Заводить прикажете?

— Да, ѣдемъ, — сказалъ Саблинъ.

Онъ любовно смотрѣлъ на освѣщенный верхнимъ фонарикомъ дивизіонный флачекъ синій съ желтымъ и со ставшей ему родною цифрой номера дивизіи и на возившагося на четверенькахъ у ключа Полякова и чувствовалъ, какъ холодная ненависть сходила съ его сердца и братская чистая христіанская любовь горячимъ ключемъ заливала его.

Онъ сѣлъ въ автомобиль. Шаповаловъ и Семенъ заботливо укутали его ноги бараньимъ мѣхомъ. Автомобиль фырчалъ и нервно трясся.

— Можно ѣхать? оглядываясь спросилъ Петровъ.

— Да, трогай, отвѣчалъ, радостно набирая свѣжій ночной воздухъ, Саблинъ.

Скрипнуло желѣзо рычага. Петровъ сильно и увѣренно надавилъ педаль и небрежно рукою въ кожаной перчаткѣ взялся за руль. Автомобиль вздрогнулъ и мягко тронулся по бѣлому укатанному снѣгу. Лошаденка въ саняхъ затряслась всѣмъ тѣломъ, быстро переступая съ ноги на ногу и притворяясь, что хочетъ понести, но едва автомобиль прокатилъ мимо и все погрузилось въ сонную тьму, она успокоилась, тяжело вздохнула и принялась ѣсть брошенное у ея ногъ сѣно.

Какъ въ волшебной сказкѣ, въ темнотѣ ночи, вырисовывались вдругъ освѣщенные огнями фонарей выступъ дома, сѣрое крылечко въ три ступени, надпись на вывѣскѣ, вдругъ появится далекая мельница - вѣтрякъ на горѣ, покрытой снѣгомъ, рядъ низкихъ ветлъ на греблѣ, блеснетъ камень или придорожный крестъ. Выдвинется темная каплличка и въ ней гипсовая раскрашенная Богоматерь, увѣшанная увядшими цвѣтами и выцвѣтшими лентами и снова пустынныя поля, покрытыя тонкимъ слоемъ снѣга и точно разлинованныя старыми бороздами пахоты.

Тихій лѣсъ надвинулся незамѣтно. Стало теплѣе, уютнѣе. Пахнуло сыростью, гдѣ то шумѣла вода. Автомобиль стоялъ на плотинѣ у мельницы. Машина не стучала больше. Всѣ люди молчали и видно было, какъ внизу у темной воды возился съ парусиновымъ ведромъ Поляковъ.

Звѣзды мигали на небѣ. Подъ мѣхомъ было тепло. Саблину не хотѣлось спать и хотѣлось, «чтобы вѣчно, вѣчно такъ было».

Шумъ лѣниво льющихся подо льдомъ струй не нарушалъ, но лишь подчеркивалъ ночную тишину.

Автомобиль свѣтилъ дорогу и темный боръ, дружно сдвинувшійся по обѣимъ сторонамъ широкаго шоссе. Было такъ мирно и тихо кругомъ, что странно было думать, что ѣдешь на войну, на позицію.

Потомъ опять долго шумѣлъ автомобиль и мягко подбрасывалъ на ухабахъ. Шаповаловъ и Семенъ, сидѣвшіе на переднихъ мѣстахъ привставали, вглядывались въ лѣсъ и озабоченно переговаривались съ Петровымъ.

— А вы не проѣхали, Аѳанасій Павловичъ, — спрашивалъ Шаповаловъ.

— Нѣтъ. Еще фабрики не было. Вотъ слѣва фабрика будетъ. Тамъ и поворотъ.

Свѣтало. Звѣзды одна за другой погасали. И только утренняя звѣзда долго горѣла въ позеленѣвшемъ небѣ и становилась больше и ярче. Подъ нею небо розовѣло, желтѣло и вдругъ полились оттуда, изъ за снѣжной равнины огненно-красные лучи.

Солнце всходило.

Стало холоднѣе. Но такая радость была разлита въ зимней природѣ, такою бодростью былъ пропитанъ воздухъ, что Саблинъ снялъ сѣрую папаху, и дышалъ полной грудью, отдаваясь радости бытія и отгоняя прочь всѣ черныя мысли...

По узкому проселку между сдвинувшихся ясеней молодого лѣса, по бревенчатой греблѣ надъ болотомъ выѣхали изъ лѣса и попали въ широкое раздолье невысокихъ холмовъ, ложбинъ и балокъ. Вѣтряныя мельницы весело махали крыльями навстрѣчу автомобилю.

— Ишь поляки то, — сказалъ Ѳедоръ — и въ воскресенье мелютъ, что значитъ нужда въ хлѣбѣ.

Автомобиль поднялся на холмъ, стала видна широкая даль, опушенная по краямъ темными лѣсами.

Село Озеры разбѣжалось маленькими сѣрыми хатками по склонамъ холма и обступило замерзшее озеро. Тамъ, гдѣ вѣтеръ сдулъ снѣгъ, озеро сверкало зеленымъ изумрудомъ и горѣло на солнцѣ. Крошечная блѣдно голубая церьковь, окруженная деревьями стояла у берега. Улицы селенія расходились во всѣ стороны, узкія и кривыя. То и дѣло встрѣчались солдаты въ короткихъ полушубкахъ на распашку, въ папахахъ сдвинутыхъ на затылокъ, съ румяными свѣжими лицами. Они вели рослыхъ гнѣдыхъ лошадей, должно быть, съ уборки по дворамъ. Они подтягивались при видѣ автомобиля, короче брали лошадей и радостно смотрѣли на Саблина. Они любили своего начальника дивизіи тою безотчетною любовью, которою любилъ Русскій солдатъ смѣлыхъ и твердыхъ, не заносчивыхъ и не гордыхъ начальниковъ.

XXVIII.

Въ штабѣ его ждали съ чаемъ. Маленькій на кривыхъ ногахъ, рыжеватый бойкій полковникъ Варламъ Николаевичъ Семеновъ, его начальникъ штаба, капитанъ Давыденко, черный и стройный, щеголяющій своими длинными усами, толстый врачъ Успенскій и два молодыхъ ординарца кор-

неты Павловъ и фонъ Даль, выстроились въ столовой. Тамъ же были и хозяева дома, молодой священникъ и его смазливая жена, предметъ общаго поклоненія и ухаживанія.

— Ну, что, батюшка, совсѣмъ успокоились? спросилъ священника Саблинъ. Священникъ все боялся, что Русскія войска еще отступятъ, отдадуть село Озеры нѣмцамъ и ему придется бѣжать. Онъ насмотрѣлся на бѣженцевъ за годъ и не могъ безъ ужаса думать, что ему нужно будетъ покидать свое молодое хозяйство.

— Начинаю вѣру имѣть, ваше превосходительство. Кажись прочно стали. Я и солдатиковъ распрашивалъ — говорятъ: стоимъ твердо. Вотъ какъ со снарядами? Тамъ бы не подвели?

— Могу васъ порадовать. Снарядами, патронами и даже оружіемъ къ веснѣ будемъ завалены.

— Съ весною, можетъ быть, и въ наступленіе? — робко спросилъ священникъ.

— Да навѣрно такъ.

— Вотъ хорошо-бы. И Ковель забрали-бъ, и Холмъ, и Владиміръ-Волынскій, а тамъ поди и Варшаву.

— Тамъ видно будетъ. А вы матушка какъ?

— Я что? — смущаясь и краснѣя до ушей и улыбаясь милой улыбкой, сознающей силу своей красоты и все таки боящейся начальства женщины, отвѣчала попадья. — Я храбрѣе отца. Я и то его уговорила. Безъ васъ ѣздили въ Домбровицу, у пана сѣмена купили на посѣвъ. Свою пшеничку хотимъ посѣять. Огородныхъ сѣмянъ тоже взяли. Нынче, благодаря милости вашей, навозу много у насъ, огороды хорошо будетъ раздѣлать. Я ужъ такъ вѣрую, что не отступите, какъ на каменную стѣну надѣюсь; а ужъ если прогоните такъ, что пушекъ не станетъ слышно, да раненыхъ возить перестануть! Вотъ славно то будетъ. И о войнѣ позабуду.

— Да вы и такъ, Александра Петровна не очень то о ней помните. Безъ васъ, ваше превосходитель-

ство. Александра Петровна какими пирогами насъ угощала, какіе вареники съ вишневымъ вареньемъ дѣлала! Пальчики оближете, а ей ручки золотыя расцѣлуете, — сказалъ начальникъ штаба.

Попадья зарумянилась.

— Ну что ужъ, гдѣ ужъ, намъ ужъ! Скажете тоже. Они все смѣются съ меня. Вотъ, погодите, лѣтомъ, Богъ дастъ, я вамъ вареники со свѣжимъ вишеньемъ подамъ. Отецъ, помнишь, какъ на свадьбу подавали, — обратилась она за поддержкой и помощью къ мужу.

— Э что, Александра Петровна, загадывать на лѣто, — сказалъ Давыденко. Лѣтомъ мы въ Берлинѣ уже будемъ.

— Да, Александра Петровна съ нами поѣдетъ, — сказалъ начальникъ штаба,— Тихонъ Ивановичъ ее сестрою милосердія беретъ.

Всѣ засмѣялись. Толстый врачъ Тихонъ Ивановичъ Успенскій былъ женоненавистникъ.

Сѣли за длинный столъ, накрытый розовой въ бѣлыхъ узорахъ плотною скатертью, на которой шумѣлъ, пуская густые пары къ низкому потолку большой мѣдный самоваръ и гдѣ стояли сливки, свѣжее, въ ручную сбитое масло и разныя домашнія булочки и печенья. Въ маленькія окна, сквозь кисейныя занавѣски и круглыя пестрыя листья герани глядѣлась зима, замерзшее озеро, холмы въ отдаленіи и темный сосновый боръ. За боромъ, верстахъ въ тридцати была позиція...

Канарейка и чижикъ въ желѣзной клѣткѣ заливались веселыми пѣснями и вся обстановка звала къ чистой и святой христіанской любви.

Изъ угла, гдѣ свѣтила лампада, мягко и кротко смотрѣлъ Христосъ и точно радовался видѣть довольство и свѣтлое счастье людей и слушать ихъ веселую полную шутокъ болтовню.

— Вы не разсердились, ваше превосходительство, сказалъ Саблину Семеновъ, — что я на сегодня вызвалъ награждаемыхъ орденами и георгіевскихъ

кавалеровъ. Всего пятьдесятъ два человѣка. Можетъ быть вы устали съ дороги и вамъ хотѣлось бы отдохнуть?

— Пустяки какіе, Варламъ Николаевичъ,—послѣ чая съѣздимъ съ вами верхомъ къ корпусному командиру, а къ часу я думаю и обратно. Успѣю и отдохнуть. Что же Карпову и шашку прислали?

— Какое! — съ негодованіемъ воскликнулъ Давыденко. — Такіе жмоты въ штабѣ арміи! Только маленькій крестикъ и темлякъ. А вѣдь, поди, деньги на всю шашку выписали.

— Мошенство, — вздохнулъ толстый Успенскій.

— Экая досада, — сказалъ Саблинъ. — Мнѣ такъ хотѣлось дать ему хорошую шашку съ клинкомъ хорошимъ. Чтобы память осталась: Потомъ онъ сыну, а тотъ внуку передалъ бы. Хорошій офицеръ! И отецъ былъ отличный офицеръ. Къ георгіевскому кресту былъ представленъ, да не дождался, бѣдняга, на Нидѣ убитъ.

— Дѣло поправимое, — сказалъ Давыденко, — если ваше превосходительство разрѣшите произвести маленькіе депансы.

— А какъ? Хотѣлось бы сегодня. А вѣдь такъ скоро не выпишемъ ни откуда.

— Я достану.

— Ну? — сказалъ Саблинъ.

— Тутъ, въ штабѣ Кубанскаго полка, верстахъ въ двадцати отсюда на прошлой недѣлѣ продавали вещи убитаго есаула и въ томъ числѣ отличную кавказскую шашку. Настоящая гурда. Клинокъ темный, съ золотою турецкою надписью, отдѣлана — заглядѣнье! — серебро съ золотомъ и чернью — простота и художественность рисунка удивительныя. Назначили цѣну триста рублей. Сами знаете— такія деньги не всякій осилитъ. Шашка осталась непроданной. Разрѣшите послать вашъ автомобиль, а деньги мы какъ нибудь изъ хозяйственныхъ суммъ выведемъ.

— Зачѣмъ такъ, — сказалъ Саблинъ, вынимая бумажникъ,— порадовать молодого достойнаго офицера мнѣ доставитъ громадное удовольствіе. Я плачу. Вы только постарайтесь мнѣ и бѣленькій крестикъ въ нее вставить.

— Будетъ сдѣлано. Шофферъ Петровъ отличный слесарь. Къ тремъ часамъ такъ отдѣлаемъ, — у Александры Петровны бархатную подушку съ ея диванчика попросимъ и на подушкѣ поднесемъ.

— Спасибо, Михаилъ Ивановичъ. Такъ постарайтесь.

— Будетъ исполнено, ваше превосходительство, — отвѣчалъ вытягиваясь капитанъ.

XXIX.

Послѣ чая Саблинъ, съ начальникомъ штаба собрались ѣхать верхомъ въ штабъ корпуса.

На улицѣ, за палисадникомъ поповскаго дома, бравый вѣстовой гусаръ въ короткомъ полушубкѣ и краповыхъ чакчирахъ въ ярко начищенныхъ сапогахъ до самаго колѣна, держалъ подъ уздцы вороную рослую лошадь. Сытая кобыла нервно рыла тоненькой точеною ногой снѣгъ, вздыхала и слегка пофыркивала, косясь на крыльцо, откуда долженъ былъ выйдти ея хозяинъ. Блестящая тонкая шерсть была ровно приглажена и на солнцѣ отливала въ синеву. Коротко, по рѣпицу остриженный хвостъ нервно взмахивалъ вправо и влѣво, отмахиваясь отъ воображаемыхъ мухъ или съ силой билъ по крупу. Леда знала, что она хороша, что она любима своимъ господиномъ, что впереди хорошая прогулка по мягкой усыпанной снѣгомъ дорогѣ, сладкій запахъ хвойнаго лѣса и солнце, а послѣ теплый сарай поповской усадьбы, обильный кормъ и радостная встрѣча съ ея старымъ другомъ Флорестаномъ и отъ того все существо ея было наполнено радостнымъ волненіемъ, сердце мощно билось и

наполняло жилы горячею кровью. Она косилась на крыльцо, сердясь на хозяина, что онъ не идетъ и поглядывала на стоявшую поодаль группу изъ трехъ лошадей — начальника штаба и двухъ вѣстовыхъ. Она ихъ всѣхъ знала и всѣхъ цѣнила по своему.

Толстаго и лѣниваго Бригадира, казенно-офицерскаго коня Семенова она глубоко презирала за его лѣнь, за то, что онъ конь, за то, что онъ не понималъ и не могъ оцѣнить всей ея кобыльей прелести и кокетства. Голубка — сѣрая кобыла вѣстового, съ которой ей часами приходилось стоять рядомъ, была ея повѣренной въ лошадиныхъ тайнахъ. Она, то объѣдала ее, выбирая лучшія травки изъ подкинутаго имъ обѣимъ снопка сѣна, то отдавала ей гордо свой недожеванный овесъ. На, молъ, ѣшь, Богъ съ тобой! Кобылу Бочку вѣстового Семенова, она также презирала, какъ и Бригадира уже за одно то, что она покорно ходила за Бригадиромъ и стояла рядомъ съ нимъ.

Леда слышала сквозь двѣ двери голосъ своего хозяина и то прижимала тонкія блестящія душистыя шелковой шерсткой покрытыя уши къ темени, то косилась ими на двери и выворачивала темный агатовый глазъ такъ, что бѣлокъ показывался съ краю и тяжело вздыхала.

И чего томитъ! И чего тамъ болтаютъ, — думала она. Скорѣе, скорѣе бы!

Но вотъ онъ вышелъ. Она еще не увидала его, но всѣмъ существомъ своимъ почувствовала его приближеніе. Она нервно вздрогнула, перестала копать снѣгъ и замерла, въ сладостномъ ожиданіи.

— Леда! Леда моя!, услышала она ласковый голосъ и тихо откликнулась сдержаннымъ ржаніемъ.

— Ишь, отвѣчаетъ! Узнала, — сказалъ вѣстовой Ферапонтовъ. Леда разсердилась на него. Не мѣшай мнѣ, — будто сказала она и ударила гнѣвно задней ногой о землю.

Мягкая, такъ хорошо знакомая рука потрепала ее по шеѣ и по щекѣ и поднесла ко рту кусокъ сахара. Но Леда не взяла сахаръ. Она вся отдалась волнующему чувству душевной любви, она отбросила сахаръ и сладостно нюхала руку своего хозяина, своего господина, своего Бога!

— Ишь ты и сахаръ не ѣстъ, — сказалъ Ферапонтовъ, баловница! А узнала, ей Богу, узнала. Соскучилась за вами.

Вотъ натянулось лѣвое путлище, коснулось бока колѣно и сразу пріятная тяжесть легла на сѣдло и Леда почувствовала свободу. Ей хотѣлось прыгнуть, затанцовать, подбросить задомъ, взвизгнуть, и поскакать, задравши хвостъ, но мягкое нажатіе на нижнюю челюсть желѣза мундштука и прикосновеніе сапогъ къ бокамъ сказали ей: — «нельзя». Она перебрала всѣми четырьмя ногами, точно не зная съ какой начать и пошла широко шагая, поднявши голову и шумно вбирая теплѣющій подъ солнцемъ воздухъ.

Радость движенія, радость жизни охватили ея простое существо и передались такими же простыми ощущеніями животнаго счастья, сладостнымъ сознаніемъ свободы, силы и могущества и Саблину.

Играючи она неслась широкою рысью и какъ бы говорила всѣмъ: — и лошадямъ ее сопровождавшимъ, и маленькимъ воробушкамъ и бѣлкѣ пугливо вскочившей на елку и смотрѣвшей оттуда любопытными черными глазами: — «смотрите, какая я, смотрите, какъ я могу» — и со стороны казалось, что она совсѣмъ не касается земли своими тонкими напруженными, какъ струна ногами.

— Какая красавица ваша Леда!, — сказалъ Семеновъ, — все любуюсь на нее и не могу налюбоваться.

— Неправда ли, ласково сказалъ Саблинъ и потрепалъ Леду по шеѣ.

Леда согнула крутую шею, скосила глазъ и подъ нажатіемъ мундштука пошла шагомъ. Она поняла похвалу, поняла ласку и гордая и счастливая, вытянувши шею на отданныхъ поводьяхъ шла, себя не чувствуя отъ охватившаго ее восторга сознанія, что она любима своимъ богомъ...

— Я очень радъ, что вамъ удастся порадовать Карпова, — сказалъ Семеновъ. — Я съ нимъ безъ васъ ближе познакомился. Прелестный юноша.

— Хорошій офицеръ, — сказалъ Саблинъ.

— Его мечта умереть на войнѣ. Вы знаете онъ былъ въ лазаретѣ Императрицы и очарованъ. Мнѣ кажется бѣдняга безумно влюбился въ великую княжну Татьяну Николаевну.

— Ну, это не страшно, сказалъ Саблинъ.

— Онъ грезитъ умереть героемъ и чтобы только ее о томъ увѣдомили.

— Мальчишество, — сказалъ Саблинъ.

— И право, ваше превосходительство, есть много хорошаго въ этомъ мальчишествѣ. Вѣдь сколько ихъ убито, сколько умерло по лазаретамъ съ пустымъ сердцемъ. А этотъ умретъ съ сердцемъ полнымъ счастья и любви.

— Зачѣмъ такъ? Можетъ еще насъ съ вами переживетъ.

— Охъ, ваше превосходительство. Сколько ихъ убито. Помните Сережина.

— Гусаръ?

— Гусарикъ... Такъ его сестры въ корпусной летучкѣ звали. Вѣдь красоты неописанной былъ юноша. Что за брови, что за усики, пѣлъ — божественно! И, помните сестру Ксенію — француженку. Ну, любовь между ними была, чистая, святая.... Даже о помолвкѣ и свадьбѣ думать не смѣли. Каждый ниже себя считалъ. Тогда въ разъѣздѣ, у Камень - Каширскаго рота германцевъ отрѣзала ему путь. «Ребята! за мной!» — въ шашки врубился въ роту, выскочилъ и всѣхъ людей вывелъ. Но у самаго двѣ пули въ животѣ. Какъ онъ доѣхалъ —

чудо. Привезли въ летучку. Ну, Ксенія надъ нимъ. Я былъ тогда въ лазаретѣ. Посмотрѣлъ на насъ, на Ксенію. Страдалъ, должно быть, ужасно. — «Какъ хорошо умирать!», сказалъ, вытянулся, закрылъ глаза и умеръ. Вотъ такой же и Карповъ. Эти молодчики не только не скажутъ, но и не подумаютъ, что живому псу лучше, нежели мертвому льву.

— А есть такіе, что говорятъ такъ? спросилъ Саблинъ.

— Было немного. Становится больше. А вѣдь Карповъ... Да ему теперь что нибудь отчаянное поручить. Только осчастливите!

— Какая хорошая дорога, думала Леда, идя по широкой аллеѣ между двухъ канавъ, обсаженныхъ громадными липами. Солнце пригрѣло и снѣгъ таялъ. Черная, блестящая и жирная земля обнажилась на колеяхъ.

«Тутъ бы галопомъ хорошо! Ну, милый! галопомъ»....

Саблинъ понялъ ея просьбу, онъ подобралъ поводья, разобралъ по полевому и не успѣлъ приложить шенкеля, какъ Леда радостно свернулась упругимъ комкомъ, отдѣлилась отъ земли и пошла, далеко выбрасывая правую ногу и подставляя лѣвую красивымъ и легкимъ галопомъ. Она прибавила ходу, на нее не разсердились.

Вотъ хорошо-то!, думала она, косясь на тяжело скакавшаго рядомъ Бригадира и все прибавляла и прибавляла хода. Хвостъ ея вытянулся въ одну линію съ крупомъ и красивымъ опахаломъ свѣшивались съ него блестящіе волосы.

Такъ и дошли они всѣ, возбужденные быстрымъ ходомъ, счастливые и взволнованные, полевымъ галопомъ до самаго господскаго дома, гдѣ помѣщался командиръ корпуса.

XXX.

— У комкора начдивъ 177 и комъ 709 полка, сказалъ румяный, завитой офицеръ ординарецъ въ изящно сшитомъ френчѣ, пропуская Саблина и Семенова въ темную гостиную, уставленную богатою старинною мебелью. — Впрочемъ я доложу-съ...

Онъ вышелъ и сейчасъ же вернулся. Ему доставляло удовольствіе говорить входившими тогда въ моду сокращенными выраженіями вмѣсто «командиръ корпуса» — «комкоръ», вмѣсто «начальникъ дивизіи» — «начдивъ».

— Комкоръ васъ проситъ, — сказалъ онъ.

Саблинъ прошелъ въ небольшой кабинетъ, гдѣ сидѣлъ знакомый ему по Петрограду генералъ-лейтенантъ Зиновьевъ и какой то мрачнаго вида пѣхотный полковникъ. Командиръ корпуса, старый генералъ отъ инфантеріи Лоссовскій, всталъ ему навстрѣчу.

— Какъ скоро вернулись, — сказалъ онъ. — Не понравилось, поди, въ тылу! Но, какъ я счастливъ! Вы очень и очень кстати. Давайте посовѣтуйте намъ. Я съ Леонидомъ Леонидовичемъ никакъ не согласенъ. Вы знакомы? Начальникъ кавалерійской дивизіи генералъ маіоръ Саблинъ. Нашъ Мюратъ...

— Какъ же, — сладко улыбаясь сказалъ Зиновьевъ.— Имѣли удовольствіе встрѣчаться въ Петроградскомъ округѣ. — Я думаю, обратился онъ къ корпусному командиру — генералъ могъ бы намъ помочь.

— Вотъ видите, Александръ Николаевичъ, — показывая широкимъ жестомъ на карту сказалъ Лоссовскій, — у насъ тутъ разногласіе. И опять я слышу тѣ слова, которыя я терпѣть не могу слышать и которыхъ я не долженъ слышать: Это невозможно. Позвольте, господа, на войнѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Тамъ, гдѣ люди

готовы отдать жизнь, тамъ не можетъ быть ничего невозможнаго. Да-съ — онъ надулъ крупныя пухлыя губы и разгладилъ свои усы съ подъусниками. — Поди Суворову Багратіонъ не говорилъ, что эт-та невозможно. Русскому солдату, милый полковникъ, все возможно. Все. Дѣло только въ процентѣ потерь. Только въ процентѣ! А на войнѣ, не безъ урона. Да-съ . . .

— Но, если ваше высокопревосходительство, процентъ потерь будетъ равенъ ста — ничего не выйдетъ, — сказалъ почтительно, но грубоватымъ тономъ командиръ полка.

Лоссовскій пожалъ широкими плечами.

— Тутъ дѣло все въ томъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Саблину, что намъ надо подыскать Петровскаго солдата, знаете того богатыря, которому Петръ Великій въ спорѣ съ нѣмецкимъ королемъ Фридрихомъ о дисциплинѣ приказалъ прыгать въ окно. Надо отыскать офицера, который смѣло и не задумываясь пошелъ бы на вѣрную смерть. И вотъ полковникъ Сонинъ такого у себя въ полку, а Леонидъ Леонидовичъ у себя въ дивизіи не находятъ-съ. А? Какъ вамъ это покажется?

— Мнѣ это не вполнѣ понятно ваше высокопревосходительство, сказалъ Саблинъ.

— Извольте, я вамъ объясню. Глядите на карту.

Лоссовскій пододвинулъ Саблину громадный планъ склеенный изъ многихъ листовъ, на которомъ до мельчайшихъ подробностей было изображено расположеніе нашихъ и нѣмецкихъ войскъ. Двѣ зубчатыя линіи, извилистая и ломаная — красная и черная, сходились и расходились, закрывая собою контуры лѣсовъ, болотъ, деревень. — Съ первымъ дуновеніемъ весны, какъ пишутъ въ хорошихъ романахъ, мы переходимъ въ наступленіе, — тихо и таинственно заговорилъ Лоссовскій. Это, конечно, секретъ полишинеля. Объ этомъ говорятъ всѣ жиды мѣстечка Рафаловки и пишутъ

нѣмецкіе и Русскіе военные обозрѣватели. Командармъ возложилъ прорывъ позиціи на мой корпусъ. Ну меня еще усилятъ. Вы понимаете, что надо сдѣлать загодя кое какія работы, подготовить новыя позиціи для батарей, срепетировать, такъ сказать, всю пьесу, чтобы долбануть безъ отказа. Я хочу прорывъ на узкомъ фронтѣ и сейчасъ же въ этотъ прорывъ, еще теплый — кавалерію — двѣ, три дивизіи, васъ въ томъ числѣ. Ну вотъ, милый Александръ Николаевичъ, разсмотрите на картѣ и скажите, гдѣ бы вы нанесли ударъ и гдѣ повели демонстрацію.

— Мѣста и позиція мнѣ хорошо знакомы, сказалъ Саблинъ. — Я дрался съ дивизіей здѣсь осенью, я закрѣпился на ней и передалъ позицію пѣхотѣ.

— Ну вотъ и отлично. Такъ гдѣ же?

Саблинъ долго вглядывался въ карту и, наконецъ, сказалъ: — ударъ я нанесъ бы у Костюхновки, демонстрацію у Вольки Галузійской.

— Ну вотъ, что я говорилъ, — съ торжествомъ обратился Лоссовскій къ Зиновьеву.

— Его превосходительство такъ говоритъ потому, что не знаетъ обстоятельствъ, — хриплымъ простуженнымъ басомъ сказалъ командиръ пѣхотнаго полка. Тутъ есть одно роковое обстоятельство. У Костюхновки, сами изволите видѣть, наши и непріятельскіе окопы сходятся вплотную. Тутъ такъ называемое «орлиное гнѣздо». Между нами и ими всего тридцать шаговъ. Солдаты свободно переговариваются между собою изъ окопа въ окопъ. Тутъ не то, что выйдти невозможно безнаказанно, но посмотрѣть въ бойницу стального щита нельзя. Ухлопаютъ.

— Ухлопаютъ перваго, а передъ вторымъ, передъ цѣпью растеряются и сдадутъ, — сказалъ Лоссовскій.

— Ну, конечно-же, подтвердилъ и Саблинъ. — Сами посудите — здѣсь тридцать шаговъ. Мгно-

веніе и уже пошла штыковая работа. Позицію занимаетъ польская бригада Пильсудскаго. Да никогда поляки не выдержатъ удара. Вы только къ проволокѣ подойдете — они уже бѣгутъ. А тамъ, гдѣ вы хотите — густой болотистый лѣсъ. Артиллерійская подготовка невозможна. Проволочныя загражденія въ три полосы и всѣ съ фланговымъ обстрѣломъ изъ пулеметовъ, укрѣпленія глубокія, мѣстами бетонированы и занимаетъ ихъ венгерская спѣшенная кавалерія. Этихъ то мы знаемъ! Умѣютъ умирать. Да и идти придется три версты. Сколько дойдетъ? Тутъ вы навѣрняка положите двадцать, тридцать человѣкъ, а тамъ, пока вы дойдете, вы потеряете сотни людей.

— Ваше превосходительство, — сказалъ командиръ пѣхотнаго полка — въ этомъ у насъ и споръ. Тутъ цѣлая, изволите видѣть, психологія. Навѣрняка. Навѣрняка то никто и не идетъ. Тамъ каждый думаетъ, — ну убьютъ кого нибудь. Да, можетъ быть, не меня, а другого кого то. А тутъ именно меня. Это вѣдь, какъ самоубійствомъ кончить, подъ поѣздъ что-ли на рельсы броситься. Никто не хочетъ — навѣрняка-то. Въ этомъ и вся штука. Я уже говорилъ не разъ. Хотѣли мы тутъ сами поляковъ ликвидировать, фронтъ выравнять, ну, вызывалъ охотниковъ. Навѣрняка то никто и не идетъ. Что ему георгіевскій крестъ, когда онъ его навѣрняка не увидитъ. Одинъ штабсъ-капитанъ, пьяница притомъ, согласился было. Я, говоритъ, пойду. Въ пьяномъ видѣ, понимаете. А потомъ раздумалъ. У меня, говоритъ, жена и дѣти, вѣдь уже навѣрное вдовою, да сиротами будутъ. Другой тоже вызвался. Подпоручикъ одинъ. Порохомъ мы его зовемъ. Смѣльчага, знаете, феноменальный. Ночью караулъ непріятельскій снять, въ бою на батарею броситься первый человѣкъ. Три раза раненъ. Одного глаза нѣтъ. Кажется уже калѣка. Совсѣмъ было сговорили. Тебѣ, молъ, все равно. Все одно безпутной

головы не сносить. Согласился было, а потомъ и на отказъ. Нѣтъ, говоритъ, навѣрняка не пойду. Нехорошо испытывать Бога. Будь хотя одинъ шансъ пошелъ бы, а, когда никакой надежды нѣтъ — не могу.

— Тутъ, ваше высокопревосходительство, — сказалъ Зиновьевъ, — надо свѣжихъ людей, которые всѣхъ подробностей бы не знали. Вотъ если бы, скажемъ, наканунѣ штурма Александръ Николаевичъ своихъ бы молодцовъ прислалъ. Между казаками навѣрно есть такіе отчаянные, что и навѣрняка пойдутъ. Въ свою судьбу вѣрятъ. Я помню у Лабунскихъ лѣсовъ въ августѣ 1914 года замялась моя пѣхота. А рядомъ казаки были. Чаща непроходимая. Орѣшникъ такъ разросся, что прямо джунгли какія то. А оттуда австрійцы такъ и садятъ. Казаки пришли. Спѣшились, перекрестились — и айда — такъ и ухнули въ лѣсъ. А за ними моя пѣхота. Въ два часа лѣсъ покончили. Плѣнныхъ больше шестисотъ набрали. Такъ и тутъ бы. Свѣжаго кого нибудь. Кто не былъ бы подъ гипнозомъ страха. Вѣдь сидятъ мои люди здѣсь всю зиму и дня не проходитъ, чтобы кого нибудь не убили и все въ Орлиномъ гнѣздѣ! Каждые поль мѣсяца я новую роту ставлю и каждую недѣлю пять — десять человѣкъ въ этой ротѣ ухлопаютъ. Вся дивизія «Орлиное гнѣздо» знаетъ.

— Что вы скажете, Александръ Николаевичъ, сказалъ Лоссовскій. — Мысль не плоха. А, подумайте-ка? Примѣните кого изъ своихъ. Кого, можетъ быть, и не жалко.

Саблинъ долго молчалъ.

— Нѣтъ. Всѣхъ жалко, — сказалъ онъ. Я понимаю — послать на подвигъ, когда есть хотя одинъ шансъ, что посланный уцѣлѣетъ это одно и послать, когда нѣтъ ни одного шанса — это уже другое. Посылаешь эскадронъ въ атаку, знаешь, что половина не вернется, но вѣдь не знаешь, кто

именно ляжетъ — а тутъ послать и знать, что эти погибнутъ... Но я понимаю, что все таки это надо сдѣлать.

— Сдѣлайте, Александръ Николаевичъ. Я на вашу славную дивизію надѣюсь, — сказалъ Лоссовскій. — Подберите что ли какого негодяя, котораго все равно суду предать надо и разстрѣлять, георгіевскій крестъ ему авансомъ и вдовѣ тысячу рублей. А? Что? Правда?

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, — серьезно въ глубокомъ раздумьи, какъ бы и не самъ говорилъ, а кто то другой сказалъ это, произнесъ съ разстановкой и чуть заикаясь отъ охватившаго его волненія Саблинъ. — чистое дѣло, святое дѣло надо дѣлать и чистыми безвинными руками — я найду вамъ человѣка. вы только скажите мнѣ когда, и позвольте съѣздить самому и осмотрѣть обстановку.

— Не угодно ли въ первую лунную ночь пожаловать ко мнѣ въ домъ лѣсника, вмѣстѣ и поѣдемъ. Днемъ то туда не пройдешь. На выборъ бьютъ по дорогѣ. Мѣсто открытое. Я позвоню вамъ по телефону, — сказалъ Сонинъ.

— Хорошо. Я осмотрю все самъ и найду офицера! — сказалъ вставая, чтобы откланяться корпусному командиру Саблинъ.

— Спасибо. Александръ Николаевичъ, — пожимая руку Саблину сказалъ Лоссовскій и признательно большими выпуклыми сѣрыми глазами. въ которые навернулась слеза, посмотрѣлъ въ самую душу Саблину.

— Свой долгъ исполнимъ, — сказалъ Саблинъ и, поклонившись Зиновьеву и Сонину. вышелъ изъ кабинета командира корпуса.

XXXI.

Назадъ въ свой штабъ, къ великому негодованію Леды, Саблинъ ѣхалъ шагомъ и маленькою рысью, не торопясь и не позволяя ей прибавлять хода. Стало совсѣмъ по весеннему тепло. Солнце съ голубого яснаго неба свѣтило ярко и ожили ручьи въ лѣсу, сливаясь въ придорожныя канавы и напѣвая сереброголосыми струями ликующій весенній гимнъ. Тамъ, гдѣ на пути туда были темныя пятна жирной земли среди бѣлаго снѣга — тамъ были теперь большія лужи и снѣгъ отошелъ далеко отъ нихъ и сталъ рыхлый и ноздреватый. Въ шинели было жарко. Лобъ намокалъ подъ папахой. Лѣсъ былъ полонъ таинственныхъ шороховъ, будто готовился къ весеннему маскараду и искалъ и сзывалъ могучіе соки земли. Съ вѣтвей шла капель, шуршащая по старымъ листьямъ и тихо раздвигающая невидимыми ручьями мохъ, птицы перекликались звончѣе и выбѣжавшій на дорогу сѣрый пушистый заяцъ не бросился опрометью назадъ, но привсталъ на заднія лапки и сталъ внимательно вглядываться въ приближавшихся лошадей. Леда удивилась его нахальству и вся насторожившись напружинила спину, готовясь прыгнуть отъ притворнаго испуга. Семеновъ не выдержалъ и крикнулъ на весь лѣсъ такое „тю!“, что лѣсъ задрожалъ и цѣлый пластъ снѣга упалъ съ сосѣдней елки, а заяцъ исчезъ моментально въ лѣсу. И долго ему чудился страшный окрикъ и на всемъ скаку онъ выдѣлывалъ забавные прыжки, выметывая таинственныя петли.

Къ штабу подъѣзжали въ третьемъ часу.

— Вамъ и отдохнуть не придется, ваше превосходительство, — сказалъ Семеновъ, стэкомъ показывая Саблину на выстраивавшихся вдоль поповскаго палисадника гусаръ и казаковъ георгіевскихъ кавалеровъ и на хоръ трубачей, разбиравшій инструменты.

— Ничего. Я себя отлично чувствую. Прогулка освѣжила меня. — отвѣчалъ Саблинъ.

Весь домикъ священника былъ перевернутъ кверху дномъ. Изъ столовой въ гостиную широко, на обѣ половинки, распахнули двери и сквозь обѣ комнаты протянули длинный обѣденный столъ. Собрали всю посуду, какую могли найти въ селѣ и столъ былъ накрытъ на двадцать приборовъ. Давыденко, любитель выпить, воспользовался поѣздкой къ кавказцамъ, у которыхъ всегда какимъ то чудомъ было вино и привезъ маленькія бутылочки Сараджіевскаго коньяка и толстыя темныя бутылки кахетинскаго бѣлаго и краснаго.

Скатерти были разноцвѣтныя, посуда разнокалиберная — не всѣмъ хватило салфетокъ и рюмокъ, но столъ былъ убранъ вѣтками елокъ и сосенъ букетами стоявшими посерединѣ, а съ потолка свѣшивались три большихъ клубка зеленой омелы, усѣянной бѣлыми ягодами.

Ординарцы постарались придать обѣду торжественный видъ. Старалась и матушка, запершаяся на кухнѣ съ Семеномъ и помощникомъ шоффера Поляковымъ. Генералъ первый разъ обѣдалъ у нея и надо было ему хорошенько угодить.

Всѣ офицеры штаба, командиры гусарскаго и донского полковъ, отъ которыхъ были награждаемые люди, командиръ артиллерійскаго дивизьона, ротмистръ Михайличенко и хорунжій Карповъ были приглашены на обѣдъ. Батюшка въ парадной лиловой рясѣ похаживалъ вдоль стола, потирая руки и устанавливая стулья.

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, — говорилъ онъ, улыбаясь радостной улыбкой и косясь на бутылки. — Прямо пиръ Валтасара у меня. Уму неподобно. Прощенья просимъ.

Трубачи встрѣтили Саблина маршемъ того гвардейскаго полка, въ которомъ онъ провелъ двадцать лѣтъ своей жизни и который былъ связанъ для него со столькими жгучими, сладкими и

тяжелыми воспоминаніями... Этотъ маршъ слыхалъ онъ, когда впервые вышелъ въ полкъ и взволнованный счастьемъ свободы пріѣхалъ въ собраніе полка... Этотъ маршъ сыграли ему и Вѣрѣ Константиновнѣ трубачи, когда послѣ вѣнчанія вышли они изъ церкви... Подъ звуки этого марша повезутъ хоронить его тѣло.

Такъ вѣрилъ Саблинъ и иначе не могъ себѣ представить своихъ похоронъ.

Со звуками этого марша сливались въ его воспоминаніяхъ громовое ура и осіянный вѣчнымъ солнцемъ ликъ вѣнценоснаго вождя Россійской Арміи Государя Императора.

Всякій разъ, какъ Саблинъ слышалъ мощные аккорды своего полкового марша сердце тѣснилось волненіемъ и глаза туманились слезою.

Саблинъ слѣзъ съ лошади, потрепалъ ее по шеѣ и далъ ей сахару. Онъ обошелъ фронтъ людей и поздоровался съ ними. Все знакомые, бодрые люди, герои Желѣзницы. Отдохнувшіе въ тылу солдаты были румяны и глаза ихъ блестѣли отъ сытой спокойной жизни. У казаковъ кудри вились и отливали металломъ. Люди были красавцы, молодецъ къ молодцу, высокіе стройные, большинство сѣроглазые или съ голубыми глазами смѣло и радостно смотрѣвшими на Саблина. При отвѣтѣ ровные, крѣпкіе зубы ярко блестѣли изъ подъ усовъ.

Какъ хороши наши солдаты!, — подумалъ Саблинъ. Лучше и красивѣе нѣтъ на свѣтѣ.

— Герои Желѣзницы, сказалъ онъ, становясь противъ фронта — именемъ Государя Императора поздравляю васъ георгіевскими кавалерами...Вы.....

Саблинъ хотѣлъ продолжать, но дружный громовой отвѣтъ — «покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство!» прервалъ его.

— Носите эти кресты съ честью!, — говорилъ Саблинъ. Помните, что этотъ крестъ святого вели-

комученика Георгія обязываетъ васъ и въ бою и въ мирной жизни вести себя такъ, какъ надлежитъ вести георгіевскому кавалеру. Вы должны быть образцомъ для другихъ людей своего взвода храбрости и честнаго исполненія долга передъ царемъ и Родиной. И, когда придете вы въ родныя села и деревни, каждый и тамъ будетъ смотрѣть на васъ, какъ на кавалера и вы должны вести себя честно, быть трезвыми и разумными работниками на счастіе Россіи и на радость нашему великому Царю . . .

— Постараемся, ваше превосходительство — крикнули дружно солдаты.

Саблинъ пошелъ къ правому флангу. На флангѣ гусаръ стоялъ командиръ полка и рядомъ съ нимъ лихой длинноусый ротмистръ Михайличенко, командовавшій эскадрономъ гусаръ, ворвавшихся въ Желѣзницу. Капитанъ Давыденко подалъ Саблину коробочку съ орденомъ.

— Именемъ Государя Императора поздравляю васъ, ротмистръ, — съ орденомъ Святыя Анны второй степени съ мечами.

Онъ подалъ коробочку ротмистру и протянулъ ему свою руку для пожатія.

— Покорно благодарю ваше превосходительство, — отчетливо, по солдатски, отчеканилъ ротмистръ крѣпко, до боли, сжимая руку Саблина. Одну секунду они смотрѣли въ глаза другъ другу и Саблинъ понялъ, что этотъ немолодой уже ротмистръ, — и Саблинъ зналъ это, — очень неглупый и образованный человѣкъ, философъ, отличный семьянинъ, мужъ прекрасной піянистки, и отецъ четырехъ дѣтей, — этотъ ротмистръ, не колеблясь въ эту минуту пойдетъ на смерть, увѣчье и смертныя муки . . . За кусочекъ золота, покрытаго эмалью на алой лентѣ. Онъ зналъ, что сегодня будетъ послана отъ него въ семью радостная телеграмма и немолодая и некрасивая мадамъ Михайличенко будетъ плакать слезами радости.

Какъ это непонятно, подумалъ Саблинъ и странное волненіе охватило его самого. Дальше стояли солдаты. Саблинъ каждому подавалъ георгіевскій крестъ съ продернутою ленточкою и каждому говорилъ одну и ту же стереотипную фразу: — «именемъ Государя Императора награждаю тебя георгіевскимъ крестомъ!»

Солдаты неловко брали крестъ, большинство крестилось и цѣловало его. Сзади командиръ полка съ ординарцемъ Саблина, корнетомъ фонъ Даль суетились, прикалывая ленточки съ крестами къ шинелямъ. И опять Саблинъ видѣлъ взволнованныя лица, слезы на глазахъ и радостное возбужденіе.

Много ли надо человѣку, — думалъ Саблинъ,— грубо отштампованный кусочекъ бѣлаго металла и клочекъ черножелтаго шолка, а сколько радости, сколько готовности умереть за это! Немногаго стоитъ жизнь человѣка!

На правомъ флангѣ казаковъ стоялъ полковникъ Протопоповъ, командиръ полка и рядомъ съ нимъ хорунжій Карповъ. Едва только Саблинъ взглянулъ въ большіе ясные, лучистые глаза Карпова, опушенные длинными изогнутыми рѣсницами, какъ ему вспомнился Облонскій въ Аннѣ Карениной и его восклицаніе при встрѣчѣ съ Левинымъ — « узнаю коней ретивыхъ по какимъ то ихъ таврамъ, юношей влюбленныхъ узнаю по ихъ глазамъ».

Такою радостью и вмѣстѣ съ тѣмъ смертельною тоскою были наполнены эти чистые большіе глаза юноши, такъ ясно смотрѣли изъ нихъ: и счастіе любить и грезить о возлюбленной и отчаяніе отъ сознанія полной безнадежности любви, что Саблину даже жутко стало. Такъ смотрѣть долженъ былъ Вертеръ, такъ смотрятъ . . . . . . — самоубійцы . . .

Давыденко исполнилъ свое обѣщаніе. Онъ подалъ Саблину не только прекрасную кавказскую,

всю въ серебрѣ и золотѣ шашку. но у головки эфеса скромно блисталъ искусно вдѣланный въ нее бѣленькій крестикъ и георгіевскій новенькій темлякъ былъ ловко по кавказски ввязанъ на шейку эфеса. Тонкая безъ украшеній, щегольская джигитская портупея черной кавказской сыромяти была надѣта на кольца. Шашка лежала на подушкѣ малиноваго бархата съ вышитой шерстью пестрой собачкой, не совсѣмъ гармонировавшей съ положеннымъ на нее оружіемъ.

— Именемъ Государя Императора, и по постановленію Георгіевской Думы, я счастливъ, хорунжій Карповъ, передать вамъ это оружіе храбрыхъ. Пусть изъ рода въ родъ передается оно у васъ, какъ память о вашемъ славномъ подвигѣ.

Лицо Карпова, похудѣвшее отъ раны, покрылось румянцемъ и дрогнувшимъ голосомъ Карповъ поблагодарилъ Саблина.

— Хотите я пошлю ей телеграмму — сказалъ Саблинъ.

— Кому? чуть слышно спросилъ Карповъ.

— Татьянѣ Николаевнѣ, — такъ тихо, что Карповъ только по движенію губъ догадался, о комъ говоритъ ему его генералъ, сказалъ Саблинъ.

— О да, если можно, — заливаясь краской до самыхъ волосъ проговорилъ Карповъ.

— Ну конечно. А вы напишите письмо.

Ординарецъ, уланъ Павловъ, надѣвалъ на смущеннаго Карпова новую шашку, снимая его старую, простую. Саблинъ подходилъ къ правофланговому казаку, застывшему въ напряженной позѣ съ повернутой направо головой.

Этотъ юноша, думалъ Саблинъ, — умретъ съ наслажденіемъ и совершитъ какой угодно подвигъ. Онъ пойдетъ впередъ даже и тогда, когда будетъ знать, что его навѣрное ожидаетъ смерть.

Но могу-ли я послать его? . . .

И уже дрогнувшимъ голосомъ Саблинъ сказалъ казаку: — именемъ Государя Императора награждаю тебя этимъ георгіевскимъ крестомъ.

Рука его дрожала, когда онъ передавалъ крестъ.

XXXII.

Обѣдъ удался на славу. Пирогъ, который торжественно принесла сама матушка Александра Петровна, прекрасно зарумянился и хрустящая темная корочка, посыпанная поджаренными сухарями мѣстами поднялась большими черными пузырями.

— Не осудите пожалуйста, — говорила красная отъ плиты и волненія попадья еще болѣе хорошенькая съ выбившимися на лобъ русыми вьющимися кудрями и полными бѣлыми руками обнаженными по локоть.

За окномъ играли трубачи. Пѣвучіе аккорды «Жизни за царя» напоминали Маріинскій театръ и уносили изъ крошечныхъ комнатъ, гдѣ канарейка и чижикъ старались перекричать и трубачей и гостей, въ далекій Петроградъ.

Шли тосты. За Государя Императора, покрытый громовымъ ура и мощными звуками торжественнаго Русскаго гимна, за новыхъ кавалеровъ, перемежаемый маршами полковъ гусарскаго и донского, за славу, за побѣду, за начальника дивизіи, за командировъ полковъ, за господъ офицеровъ, за солдатъ и казаковъ, за вѣрныхъ боевыхъ товарищей, конскій составъ дивизіи, за прелестную радушную хозяйку....

Офицеры, отвыкшіе отъ вина, хмѣлѣли быстро. Протопоповъ, командиръ донского полка, сидѣвшій по лѣвую руку Саблина приставалъ, прося разрѣшенія вызвать по тревогѣ пѣсенниковъ, послушать пѣсни казачьи.

— Вѣдь онъ у насъ, ваше превосходительство, первый пѣвунъ въ полку, — говорилъ онъ про Карпова, — такой баритонъ, что просто въ оперу, на сцену надо бы. Вы его никогда не слыхали?

— Нѣтъ никогда, — сухо отвѣтилъ Саблинъ.

— Вотъ и послушали-бы. Влюбитесь въ него и безъ того прекраснаго казака. Единственный сынъ у матери.

Слушай, слушай, — говорилъ Саблину внутренній голосъ мучителя совѣсти, — съумѣй оцѣнить, съумѣй полюбить всею душою этого юношу и тогда отдай, тогда принеси въ жертву, ибо жертва нужна. Вѣдь пошлешь его на смерть, на вѣрную смерть, пошлешь? Когда настанетъ нужный часъ отдашь приказаніе и голосъ не дрогнетъ и не смутишься, потому что ты солдатъ. Но развѣ есть грѣхъ? Гдѣ больше грѣхъ? Послать, любя больше самого себя, послать на смерть, плача и рыдая и болѣя сердцемъ, или по злобѣ отправить того, кого не любишь, кто противенъ тѣлесно, кто нравственно возмутилъ душу. Если жертва нужна она должна быть дана отъ всего сердца...

— Далеко вѣдь Семенъ Ивановичъ, сказалъ Саблинъ, гоня желаніе увидѣть Карпова во всемъ его блескѣ. Когда еще пріѣдутъ. Темно станетъ. Не стоитъ.

— И что за далеко, — отвѣчалъ Протопоповъ, которому хотѣлось щегольнуть передъ начальникомъ дивизіи исполнительностью казаковъ своего полка, быстротою сбора и отличными голосами. — Семи верстъ отсюда не будетъ. Духомъ прискачутъ. По телефону только сказать.

— Ну, какъ знаете, сказалъ Саблинъ.

— Я распоряжусь, — сказалъ Давыденко, слушавшій разговоръ начальника дивизіи. — Которой сотни пѣсенниковъ?, спросилъ онъ у Протопопова.

— Да четвертой что-ли, небрежно сказалъ Протопоповъ, зная что четвертой сотни пѣсенники лучшіе въ полку, что они уже подготовлены къ

выѣзду и лошади на всякій случай посѣдланы и сами они собраны на штабномъ дворѣ. Онъ уже предвкушалъ удовольствіе удивить начальника дивизіи и всѣхъ гостей. Только продудитъ телефонъ и черезъ двадцать минутъ уже готово — и пѣсенники на мѣстахъ. Пусть-ка кто другой такъ сдѣлаетъ!

— Четвертой . . . Вѣдь и кавалеръ то молодой самъ четвертой, — повторилъ онъ еще разъ.

Давыденко пошелъ на телефонъ.

На другомъ концѣ стола подвыпившій Семеновъ раскрылъ окно, чтобы слышнѣе были трубачи и улыбаясь краснымъ веселымъ лицомъ подпѣвалъ куплеты, подмигивая попадьѣ.

— Это барышни всѣ обожаютъ.....

Это барышни всѣ обожа-а-а-ютъ! — Александра Петровна, а вы обожаете и теперь.

— Что то, Варлаамъ Николаевичъ, я не пойму въ толкъ о чемъ такомъ вы намекаете.

— А вы поймите, Александра Петровна, слышите какъ трубачи уланы выговариваютъ—слушайте, и дождавшись повторенія мотива онъ и съ нимъ входившій съ телефона Давыденко и фонъ Даль уже втроемъ пристроились.

– Это барышни всѣ обожа - аютъ ...

Въ открытое окно врывался холодный, но пахнущій весною воздухъ, слышалось въ перерывахъ игры трубачей ржаніе и взвизгиваніе лошадей, наполнявшихъ дворъ и говоръ кавалеровъ — гусаръ и казаковъ, только что пообѣдавшихъ въ ригѣ и выходившихъ теперь на дворъ, чтобы ѣхать по домамъ.

Трубачи по настроенію обѣдавшихъ почувствовали, что вино уже подѣйствовало и смѣнили серьезный репертуаръ модными легкими пѣсеньками, маршами и отрывками изъ опретокъ.

Офицеры имъ вторили, напѣвая безцеремонно за столомъ.

Впрочемъ обѣдъ уже былъ конченъ. Саблинъ разрѣшилъ курить и самъ, чтобы не стѣснять вышелъ изъ за стола и сѣлъ у окна. Подали чай, печенье, карамель, сухари и коржики изготовленія матушки.

Короткій зимній день догоралъ. Румяное солнце спускалось къ темной полосѣ лѣсовъ и молодой мѣсяцъ красивымъ рогомъ показался на поблѣднѣвшемъ небѣ, когда подъѣхали казачьи пѣсенники. Съ лошадей валилъ густой паръ. Казаки постарались и примчались въ двадцать минутъ. Солидный вахмистръ ввелъ ихъ во дворъ и скомандовалъ «смирно». Саблинъ поздоровался съ ними.

— Разрѣшите начинать? спросилъ вахмистръ.

— Начинайте.

Чтобы распѣться они спѣли свою походную старую пѣсню — не концертную, какъ говорилъ вахмистръ, не разъ слыхавшій пѣніе войскового хора.

— Хорунжій Карповъ идите пѣть, — начальническимъ голосомъ сказалъ Протопоповъ, когда казаки кончили первую пѣсню.

Карповъ, которому давно хотѣлось показаться передъ казаками въ своей новой «шикарной» шашкѣ съ георгіевскимъ темлякомъ не заставилъ повторять приказаніе и въ одномъ кителѣ выскочилъ на дворъ.

Если бы она меня теперь видала! подумалъ онъ, охорашиваясь передъ хоромъ и сверкая изъ подъ красивой серебристаго мѣха папахи сплющенной по кабардински и заломленной на затылокъ такъ, что непонятно было на чемъ она держится своими ясными глазами. — А д с к и лихо было бы е й пропѣть.

Онъ ощупалъ на пальцѣ е я кольцо. Казаки сдержанными голосами поздравляли его съ Монаршею милостью.

— Заслужили ваше благородіе, хороша штука, — говорили они въ полъ голоса.

Саблинъ и многіе гости вышли на крыльцо. Морозъ еще не могъ осилить разогрѣтаго солнцемъ воздуха, на землѣ была жидкая грязь, не скованная ледкомъ.

— Начинайте, Карповъ, — сказалъ Протопоповъ.

Карповъ взялъ у вахмистра плеть, чтобы ею дирижировать хоромъ, сталъ въ позу, закрылъ на минуту глаза и подумалъ — это я тебѣ... это я вамъ ваше императорское высочество пою...

Самый титулъ ему нравился. Чаровала сказочная недоступность его предмета и до жути хотѣлось умереть со славой.

Онъ запѣлъ, создавая въ умѣ картину, которая теперь влекла его, дразнила и казалась великимъ счастьемъ.

— Черный воронъ, что ты вьешься,
Надъ моею головой,

Не пропѣлъ, а прокричалъ онъ музыкальнымъ стономъ героическаго отчаянія смерти, такъ пропѣлъ, что холодокъ мурашками пробѣжалъ по жиламъ Саблина и послушный хоръ сейчасъ же вступилъ мягкими согласными аккордами

— Ты добычи не дождешься, —

говорилъ на фонѣ ихъ голосовъ голосъ Карпова, уже смягченный и умиротворенный

— Черный воронъ, — я не твой.

И опять стономъ воскликнулъ голосъ какъ бы уносящійся въ жалобѣ къ небу.

— Ты лети-ка, черный воронъ,
Къ намъ на славный тихій Донъ,

и хоръ проговорилъ, уже не покрываемый голосомъ запѣвалы сдержанно и грустно

— Отнеси ты, черный воронъ,
Отцу, матери поклонъ.

Красивая пѣсня гармонировала съ грустью пейзажа умирающаго дня и съ общей обстановкой близкаго тыла съ возможностью ежеминутно быть вызваннымъ на позицію и быть убитымъ и брошеннымъ на съѣденіе воронамъ. Каждое слово имѣло смыслъ. понимаемый этими людьми видавшими и смерть товарищей и раны. Важный штабъ трубачъ Уланскаго полка, полякъ, окончившій Варшавскую консерваторію съ видомъ знатока и цѣнителя подошелъ къ хору и, наклонивъ голову на бокъ, слушалъ съ подчеркнутымъ вниманіемъ.

— Хорошо поютъ казаки. сказалъ онъ сосѣду эсъ-ному корнету. котораго считалъ достойнымъ своего вниманія, какъ хорошаго музыканта.

Пѣсня кончилась. Молчаливая грусть была лучшимъ одобреніемъ пѣвцамъ.

— Конь боевой — сказалъ Протопоповъ, стоявшій рядомъ съ Саблинымъ съ видомъ импрессаріо на удавшемся концертѣ.

Карповъ переставилъ руками двухъ казаковъ, мѣшавшихъ ему пѣть и ставши лицомъ къ крыльцу на мгновеніе задумался. Онъ искалъ въ умѣ картины полной теплыхъ душевныхъ тоновъ. нарисовать которую ему хотѣлось.

— Конь боево-ой съ походнымъ вьюкомъ
У церкви ржетъ, кого то ждетъ,

пропѣлъ онъ сильнымъ баритономъ и хоръ вступилъ за нимъ, мягко дорисовывая картину станичной жизни.

Въ оградѣ бабка плачетъ съ внукомъ,
Молодка горьки слезы льетъ...
— А изъ дверей святого храма,

снова пропѣлъ Карповъ,

Казакъ въ доспѣхахъ боевыхъ,
— Идетъ къ коню изъ церкви прямо
Идетъ въ кругу своихъ родныхъ.

Картина стараго, но все повторяющагося изъ рода въ родъ семейнаго ритуала проводовъ на

службу рисовалась широкими мазками и будила лучшія чувства.

— Мы послужи - и - ли Государю,
Теперь и твой чередъ служить

говорилъ Карповъ мягкимъ за душу хватающимъ голосомъ и хоръ продолжалъ: —

— Ну, поцѣлуй-же женку Варю
И Богъ тебя благословитъ....

Саблинъ вспомнилъ свои юные годы, когда онъ самъ пѣлъ съ солдатами. Жизнь захватила его грязными лапами и пронесла сквозь страшныя пучины оскорбленій, униженій и подлости. Наружно яркая, блестящая, жизнь при дворѣ, а внутри темная и страшная. Ну, развѣ не лучше тогда было умереть, тогда, когда могъ онъ пѣть съ Любовинымъ и былъ если и не чистымъ юношей, то все таки былъ безупречно честнымъ офицеромъ.... Не лучше развѣ, если и Карповъ умретъ теперь, когда столько силы и правды въ его голосѣ, когда ни одной подлости еще онъ не совершилъ? Пусть лучше будетъ мертвымъ львомъ, нежели живымъ псомъ!

— Гдѣ научились вы этой прекрасной пѣснѣ?, спросилъ Саблинъ у Карпова, когда длинная полная благородной любви къ Родинѣ пѣсня замерла въ торжественныхъ аккордахъ.

— Въ Донскомъ императора Александра III кадетскомъ корпусѣ,—сказалъ Карповъ.

— Хорошая, славная пѣсня...., сказалъ задумчиво Саблинъ, — прекрасная пѣсня.

Ему стало холодно и онъ вошелъ въ хату. Деньщики прибирали столъ и снимали скатерти залитыя виномъ. Въ окно было видно, какъ догоралъ закатъ. Мягкая грусть щемила сердце.

Ну какая тутъ можетъ быть революція, измѣна царю, дворцовый переворотъ, —думалъ Саблинъ, сравнивая свои Петроградскія впечатлѣнія съ тѣмъ, что онъ только что пережилъ и пере-

чувствовалъ. Никакіе кинематографы, никакая пропаганда не совратятъ этихъ людей. Развѣ возможно съ вѣрою креститься и цѣловать георгіевскій крестъ, развѣ возможно такъ пѣть и потомъ идти и убивать Царя?!.. Нѣтъ Русскій народъ никогда не рѣшится на это!

А, если.... Если у него вынутъ вѣру въ Бога? — тихо сказалъ кто то внутри него и холодъ побѣжалъ отъ этихъ словъ по спинѣ и по ногамъ. — Если ему докажутъ что Бога нѣтъ..... Докажутъ.... Отсутствіемъ Божьяго гнѣва, тѣмъ, что Богъ не защититъ и не поможетъ. Надругательствомъ надъ святынями, надъ мощами, надъ храмомъ. Вѣдь русскій народъ дикъ и суевѣренъ и если огонь съ неба не опалитъ осквернителя храма — Богъ исчезнетъ, осквернитель станетъ Богомъ и тогда..... Все позволено!

Какой вздоръ!—тогда.... тогда поведутъ народъ на подвигъ вотъ эти самые святые юноши!

Но ты убьешь ихъ раньше, нежели ихъ часъ настанетъ.....

Господи! Господи! яви мнѣ свое милосердіе. Господи, если Ты еси, помоги мнѣ.

Если Ты еси,—но вѣдь это уже сомнѣніе, а можетъ ли сомнѣвающійся молить о чудѣ, просить о пощадѣ?

Господи! Прости и помоги! Помоги маловѣру.

Какъ въ туманѣ, машинально, привычными словами, которыхъ самъ за внутреннею душевною работою не слышалъ Саблинъ поблагодарилъ трубачей и пѣсенниковъ, далъ имъ наградныя деньги и отпустилъ ихъ.

Праздникъ кончился. Саблинъ вошелъ въ кабинетъ священника, гдѣ была готова ему походная койка и заперъ двери. Хотѣлось остаться одному.

Синее небо съ загоравшимися звѣздами глядѣло въ оконце, стояла одинокая маленькая церковка на берегу озера и на образкѣ надъ дверьми ея

тихо отразилась луна. Была печальная прелесть въ этомъ уголкѣ замерзшаго озера.

А по ту сторону дома еще шелъ шумъ жизни. Съ бубномъ и присвистомъ весело пѣли уѣзжающіе пѣсенники и ихъ перебивали трубачи, уходившіе по другой дорогѣ. И долго слышались то звуки бодрой веселой пѣсни казачьей—

„Донцы пѣсню поютъ
Черезъ рѣку Вислу—ю
На коняхъ плывутъ"

— то напѣвы трубачей.—

„По улицѣ пыль поднимая,
Подъ звуки лихи—ихъ трубачей....

XXXIII.

Дней черезъ десять послѣ этого праздника, утромъ Саблина вызвали къ телефону изъ штаба корпуса.

— Съ вами сейчасъ будутъ говорить начальникъ 177-й пѣхотной дивизіи, сказалъ телефонистъ. — Соединяю.

Но говорилъ не начальникъ дивизіи, а Сонинъ, командиръ того пѣхотнаго полка, на участкѣ котораго было знаменитое «Орлиное гнѣздо». Онъ докладывалъ, что луна настолько хорошо свѣтитъ, что есть полная возможность осмотрѣть и правильно оцѣнить позицію у Костюхновки и если его превосходительство не передумалъ, не пріѣдетъ ли онъ сегодня къ восьми часамъ и они вмѣстѣ пройдутъ въ «Орлиное гнѣздо».

— Хорошо, я пріѣду, — сказалъ Саблинъ.

Дорога уже сильно размокла, снѣгъ почти весь сошелъ и Саблинъ выѣхалъ заблаговременно. Въ ясныхъ сумеркахъ онъ одинъ, безъ ординарцевъ, никому не сказавши, куда онъ ѣдетъ, покатилъ на автомобилѣ изъ селенія Озеры. Дорога была ему знакомая. Зимою онъ шелъ по

ней, смѣненный съ позиціи. Но теперь онъ видѣлъ много перемѣнъ. Густой красивый лѣсъ, которымъ онъ такъ любовался подъ Рафаловкой былъ почти весь вырубленъ, за то болотистая грязная дорога была нагачена широкою отлично раздѣланною гатью. У самой рѣки былъ устроенъ землянточный городъ и порѣдѣвшій лѣсъ кишѣлъ пѣхотою, какъ муравьями. Слышался грубый здоровый смѣхъ, визжала гармоника, солдаты шли, звеня котелками, къ краснѣвшимъ вдоль задней линейки кухнямъ. Лѣсъ рубили, не подъ корень, а какъ удобнѣе—въ ростъ человѣка и оставшіеся высокіе пеньки торчали нелѣпымъ частоколомъ вдоль землянокъ. Моста, по которому тогда съ такимъ трудомъ переходила дивизія Саблина уже не было. Вмѣсто него былъ новенькій щеголевато сдѣланный длинный, почти на версту мостъ, покрывавшій все займище рѣки, устроенный понтоннымъ батальономъ. Невдалекѣ отъ него виднѣлся другой, а еще дальше—третій мостъ. Весь берегъ рѣки былъ изрытъ глубокими, отдѣланными деревомъ окопами, здѣсь была разработанная инженерами тыловая позиція корпуса.

Густая сѣть проволочныхъ загражденій спускалась въ воду и уже была залита вздувавшейся рѣкою.

Часовой — ополченецъ остановилъ у моста автомобиль, спросилъ пропускъ и пропустилъ, удостовѣрившись, что ѣдетъ «начальство». Саблина удивило, что проходившихъ одновременно солдатъ и съ ними какихъ то евреевъ съ булками часовой не опрашивалъ.

Значитъ опрашиваетъ только «начальство» - подумалъ Саблинъ.

Деревня Рудка-Червоная, въ которой когда то стояли драгуны дивизіи Саблина болѣе чѣмъ на половину выгорѣла. Печально торчали обгорѣлыя печи съ трубами и обуглившіяся деревья небольшихъ садиковъ. Въ оставшейся части деревни

стояли обозы. При свѣтѣ поднявшейся луны Саблинъ увидѣлъ длинныя коновязи и за ними ряды парныхъ повозокъ и двуколокъ.

И тутъ все полно было солдатами. У крайней хаты, которую тогда занималъ командиръ драгунскаго полка болталась бѣлая тряпка съ краснымъ крестомъ. Здѣсь сидѣли сестры на заваленкѣ, подлѣ нихъ стояли какія то фигуры въ рыжихъ халатахъ и слышался смѣхъ.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ Саблинъ къ позиціи, тѣмъ меньше становилось войскъ и цѣлѣе лѣсъ. Гать по болоту стала уже, была небрежно сдѣлана, работали на спѣхъ, можетъ быть, подъ огнемъ. Позиціи за лѣсомъ еще не было видно, но она уже чувствовалась постоянными каждыя полъ минуты повторяющимися выстрѣлами.

Та—пу!.... Та—пу!... звучали выстрѣлы австрійцевъ и очень рѣдко раздавался имъ въ отвѣтъ нашъ выстрѣлъ и казался совсѣмъ близкимъ, громкимъ эхомъ прокатываясь по всему лѣсу...., а потомъ опять - далекіе двойные: та—пу!.... та—пу!...

Влѣво, у самой дороги, прикрытая еловыми вѣтвями, маскированная отъ аэроплановъ стояла батарея. Немного поодаль въ лѣсу тянулись коновязи, были устроены землянки и желтымъ свѣтомъ горѣлъ огонекъ. Автомобиль остановился, помощникъ шоффера пошелъ распрашивать о дорогѣ.

— Первый свертокъ налѣво, сказалъ онъ, возвращаясь. — Тамъ указатель есть.

И дѣйствительно у перваго свертка былъ столбъ, на столбѣ доска, на которой крупными буквами безъ «ъ» и «ѣ» было написано «к дому лесника». Проѣхали еще съ полъ версты и оказались на небольшой лѣсной прогалинѣ. Она была такъ же изрыта землянками и нѣсколько повозокъ стояло на ней. Въ полуразрушенномъ домикѣ свѣтились окна, стоялъ денежный ящикъ и ходилъ часовой

въ старой шинели. На шумъ автомобиля съ фонаремъ въ рукѣ вышелъ хозяинъ полковникъ Сонинъ.

— Сюда ваше превосходительство, пожалуйте,— говорилъ онъ, присвѣчивая фонаремъ. — Тутъ только осторожно, одной ступеньки не хватаетъ.

Черезъ разбитое крылечко Саблинъ прошелъ въ узкія темныя сѣни и изъ нихъ въ маленькую комнату, служившую и спальней и столовой и рабочимъ кабинетомъ. Вдоль стѣнъ стояло три койки и четвертая постель была послана прямо на полу, по срединѣ былъ грубо сколоченный изъ необтесанныхъ досокъ столъ и скамейки, впрочемъ было и нѣкоторое подобіе кресла изъ чурбана съ прибитыми къ нему спинкой и ручками изъ толстыхъ и кривыхъ сучьевъ. На столѣ стояла маленькая жестяная лампочка и ярко горѣла широко пущеннымъ пламенемъ. Было душно и жарко. Хозяева пили чай. Большой синій эмалированный чайникъ, кружки облупившіяся и почернѣвшія и ломти чернаго хлѣба валялись на столѣ. Три офицера встали при входѣ Саблина.

— Мой адъютантъ; ординарецъ Пышкинъ; казначей — быстро и небрежно, какъ лицъ нестоющихъ особаго вниманія представилъ Сонинъ.

Адъютантъ былъ долговязый малый изъ «кадровыхъ» офицеровъ. На немъ былъ китель стараго покроя, усѣянный значками, съ покоробившимися сѣрыми защитными погонами и старыми почернѣвшими аксельбантами. Лицо было худое, острое, безъ усовъ и бороды и глаза сѣрые и печальные носили въ себѣ безпокойство и тревогу. Длинная фигура его хранила слѣды старой выправки и на поклонъ Саблина онъ отвѣтилъ не безъ граціи, даже попытался шпорой звякнуть и руку подалъ умѣло, привычнымъ жестомъ.

Ординарецъ Пышкинъ, молодой человѣкъ съ широко вылупленными сѣрыми бараньими глазами на кругломъ румяномъ безбородомъ и безбровомъ лицѣ смотрѣлъ на Саблина, какъ ребе-

нокъ смотритъ на игрушку; онъ неловко протянулъ мягкую потную правую руку и не зналъ куда дѣвать лѣвую.

Казначей былъ изъ нижнихъ чиновъ. У него была строгая солдатская осанка, рыжіе усы надъ очень тонкими блѣдными губами и скуластое, худое съ нездоровою кожею лицо. Все говорило, что это былъ бравый исполнительный унтеръ офицеръ изъ нестроевыхъ, какой нибудь каптенармусъ, или писарь, который и въ церкви прислуживаетъ и мастеръ дешево дрова купить и солдатъ благодѣтельствуетъ тайно продаваемой водкой. Сѣрые глаза изъ подъ рыжихъ рѣсницъ смотрѣли остро и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не выражали. Онъ подалъ руку дощечкой съ плотно сжатыми прямыми пальцами и такъ и не согнулъ ее въ рукѣ Саблина.

И Пышкинъ и казначей были въ рубахахъ безъ ремней съ защитными погонами, на которыхъ химическимъ карандашомъ были нарисованы полоска, звѣздочка и номеръ полка.

— Чайку не прикажете, предложилъ Сонинъ такимъ тономъ, что заранѣе предвидѣлъ отказъ.— Мы въ ожиданіи васъ баловались немного.

Саблинъ отказался.

— А то лучше пойдемте, пока луна высоко свѣтитъ, а вернемся, поужинаемъ и чаю настоящаго напьемся, сказалъ Сонинъ.

— Мнѣ прикажете идти? спросилъ адъютантъ.

— Нѣтъ, оставайтесь. Пышкинъ пойдетъ.

Пышкинъ съ видимымъ неудовольствіемъ сталъ одѣваться.

Всѣ трое сѣли въ автомобиль и проѣхали около двухъ верстъ къ перекрестку дорогъ, гдѣ Сонинъ приказалъ остановиться.

— Вотъ и Костюхновская дорога, сказалъ Сонинъ, вылѣзая изъ автомобиля. — Тутъ уже пѣшкомъ придется. Вамъ ничего? Немного. Версты двѣ.

— Я съ удовольствіемъ пройдусь, сказалъ Саблинъ.

Они вышли на опушку.

— Изволите видѣть — какая позиція, — сказалъ Сонинъ, останавливая Саблина.

XXXIV.

Большой высокій мѣшаный лѣсъ обрывался темною стѣною и тянулся вправо и влѣво отъ широкой песчаной дороги. Шаговъ на тридцать отъ него отбѣжали и росли маленькія елочки, сосны и можжевельникъ. Дальше до песчаныхъ бугровъ тянулось ровное поле. Оно теперь искрилось и сверкало подъ лучами луннаго свѣта. Верстахъ въ двухъ были опять небольшіе перелѣски и надъ ними непрерывно взметывались бѣлыя свѣтящіяся ракеты. Вылетитъ, оставляя яркую полосу одна, вспыхнетъ синеватымъ, неземнымъ свѣтомъ и начнетъ тихо падать на землю. И не упала одна, какъ взлетаетъ рядомъ другая и падаетъ печальная, таинственная, точно живая. На много верстъ вправо была видна позиція и она вся была покрыта этими тихо порхающими синеватыми огоньками.

И безъ того таинственная и страшная непереступимая «его» позиція отъ этихъ огней становилась еще таинственнѣе и непонятнѣе.

Иногда гдѣ то бухали пушки, сверкалъ желтымъ сполохомъ, какъ далекая молнія, отражаясь въ синемъ небѣ огонь выстрѣла. Полета снаряда не было слышно и вдругъ недалеко надъ самымъ лѣсомъ яркимъ огнемъ вспыхивалъ разрывъ и долго гудѣлъ и эхомъ отдавался гулъ лопнувшей шрапнели.

— Всю ночь палитъ, а чего и самъ не знаетъ, — сказалъ Сонинъ.

Луна серебристымъ измѣнчивымъ обманнымъ свѣтомъ усугубляла таинственность этого поля, жившаго своею ночною жизнью. Вправо и влѣво тарахтѣли колеса и звенѣло желѣзо — это ѣхали кухни, торопясь за ночь накормить людей.

— Идемте, сказалъ Саблинъ.

— Идемте, отвѣчалъ Сонинъ. — Вы, Пышкинъ пріотстаньте, чтобы мишени большой не дѣлать.

— А что?, спросилъ Саблинъ.

Сонинъ не отвѣтилъ. Маленькая пулька пропѣла неподалеку и щелкнула гдѣ то въ землю.

— Всю ночь стрѣляетъ по дорогѣ. На авось...., сказалъ Сонинъ. — Никого, однако, не убилъ.

Выстрѣлы не переставали и пѣніе пуль, а по мѣрѣ того, какъ они подходили къ холмамъ и чмоканіе пуль становилось чаще.

— Дураки эти поляки и австрійцы, — говорилъ раздраженно Сонинъ. — Ну можно ли ночью попасть! Онъ можетъ быть и видитъ, да никогда не попадетъ.

Пуля чмокнула въ песокъ совсѣмъ близко.

— Однако пойдемте немного стороной отъ дороги и разойдемся, — сказалъ Сонинъ, — теперь вѣдь не больше шестисотъ шаговъ осталось.

Они подходили къ длинному песчаному бугру. Онъ тянулся поперегъ дороги и уже было видно, что онъ весь изрытъ маленькими землянками и подлѣ нихъ ходили, какъ тѣни люди и слышались сдержанные голоса.

Это было мертвое пространство, недоступное для пуль и здѣсь на клочкѣ земли въ двѣсти шаговъ длиною и сорокъ шириною жили, ѣли, спали, разговаривали, думали сто пятьдесятъ человѣкъ — двѣ недѣли — отъ смѣны и до смѣны. Въ сторонѣ были видны небольшіе холмики и надъ ними кресты. Могилы убитыхъ.

Песчаный холмъ поднимался стѣною и по окраинѣ его зубцами были поставлены стальные щиты. За ними лежали часовые.

— Вотъ мы и въ Орлиномъ гнѣздѣ, — сказалъ Сонинъ. Лежавшіе, сидѣвшіе и ходившіе люди смотрѣли на нихъ, какъ на выходцевъ съ того свѣта. Отъ одного къ другому шелъ шопотъ— «командиръ полка» — «полка командиръ» — «ротному сказать».

Но ротный командиръ, вѣроятно, предупрежденный по телефону выходилъ изъ крошечной землянки. Это былъ мальчикъ. Такой же юный, какъ Карповъ, но безъ воинственнаго задора, безъ страсти войны. Бѣлобрысый, бѣлокурый, толстогубый онъ былъ неловко одѣтъ въ навачённую шинель, дѣлавшую его толстымъ и неуклюжимъ и въ защитную амуницію. Сѣрая шапка искусственнаго барана кругло, какъ то по бабьему была надѣта на его голову. Глаза выражали испугъ и тоску и лицо было блѣдное и смятенное.

Онъ пошелъ съ рапортомъ къ командиру полка, Сонинъ указалъ ему на Саблина и юноша окончательно растерялся. Называя Саблина то «ваше превосходительство», то «господинъ полковникъ», юноша доложилъ ему, что на фортѣ № 14 находится 9-ая рота 709 пѣхотнаго Тьмутараканскаго полка, что въ ней одинъ офицеръ и 127 рядовыхъ солдатъ, что происшествій никакихъ не случилось кромѣ того, что полъ-часа тому назадъ изъ бомбомета ранило шесть человѣкъ и одного убили на поваль у бойницы ружейною пулею.

— Опять подглядывали въ щиты, — недовольно сказалъ Сонинъ. Я вамъ сколько разъ говорилъ, чтобы не смѣли смотрѣть.

— Господи!, господинъ полковникъ, да развѣ же я имъ не говорю! Тянетъ ихъ... Понимаете, какъ прорубь тянетъ, или омутъ... И меня, знаете, тянетъ, — со слезами въ голосѣ говорилъ юноша.

— Это кого убило то?, спросилъ Сонинъ.

— Овечкина.

— Это который Овечкинъ?

— Изъ октябрьскаго пополненія.

— Дурной онъ, ваше высокоблагородіе; почтительно заговорилъ — выставляясь сзади ротнаго повидимому фельдфебель. Саблинъ обернулся. И точно это былъ фельдфебель, пришедшій выручать своего ротнаго командира.

Фельдфебель былъ маленькій, кряжистый, приземистый человѣкъ лѣтъ сорока, черноусый, чернобровый, ладный, ловкій, типичный Русскій солдатъ смѣтливый, смѣлый и разумный.

— Загляну, да загляну, — передразнивалъ онъ Овечкина, — и ничто мнѣ не будетъ, — вотъ и заглянулъ. Лежитъ дуракомъ, якъ падаль!

И онъ указалъ на лежавшій неподалеку трупъ.

Сонинъ подошелъ къ убитому, снялъ шапку и перекрестился.

Трупъ солдата, еще теплый и гибкій лежалъ на пескѣ на спинѣ. Кто то сложилъ ему на груди бѣлыя восковыя руки. Лицо было страшное, съ разбитымъ глазомъ и развороченнымъ черепомъ, все залитое черною кровью.

— Разрывною должно быть, сказалъ Сонинъ.

Два солдата, стоя на колѣняхъ рыли малыми носимыми лопатами неглубокую могилу въ пескѣ.

— Хоронить здѣсь будете?, спросилъ Сонинъ.

— Здѣсь. Куда таскать! Онъ и ночью бьетъ непрерывно, — отвѣчалъ фельдфебель — вотъ съ ранеными и то не знаю какъ? Дождусь, когда луна зайдетъ. По темнотѣ лучше. Да кабы кричать не стали. Онъ и на крикъ палитъ. А ему что. Все одно — померъ.

— Копайте только глубже, сказалъ Сонинъ.

Сонину, фельдфебелю и солдатамъ, рывшимъ могилу — все это было такъ просто и ясно. Возить мертваго: —рисковать живыми. Мертвый уже никому не нуженъ: онъ обуза для роты на ея боевомъ посту и отъ него надо отдѣлаться поскорѣе. Саблинъ взглянулъ на командира роты. Этотъ видимо и думалъ и чувствовалъ иначе. Лицо его

было зеленовато бѣлымъ, холодный ужасъ застылъ въ добрыхъ дѣтскихъ выпуклыхъ глазахъ и подбородокъ его прыгалъ отъ ужаса.

— Что молодой человѣкъ, боитесь, — ласково отечески сказалъ ему Саблинъ, взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону отъ трупа.

Эта ласка чужого незнакомаго человѣка такъ тронула юношу, что онъ вдругъ расплакался, сдерживая вырывавшіяся рыданія.

— Бою-усь...., говорилъ онъ сквозь слезы. — я и покойниковъ боюсь. И смерти боюсь. А меня тянетъ. Вотъ, какъ его тянуло. Я понимаю его. Удержаться нельзя. Вѣдь это такъ просто, подошелъ къ щиту, отодвинулъ задвижку и заглянулъ . . . а тамъ . . . тамъ . . . смерть . . . Какъ же это можно? Я шестой день здѣсь и это уже четвертый . . . такъ . . . Страшно. Ночью они мнѣ снятся.

— Вамъ надо успокоиться, отдохнуть, — сказалъ Саблинъ. Вы гдѣ учились?

— Въ коммерческомъ я кончалъ. Тутъ на курсы стали записывать. Солдатомъ я не хотѣлъ идти, я и пошелъ.

— Давно на войнѣ?

— Второй мѣсяцъ.

— Кто ваши родители?

— Купцы. Въ Апраксиномъ у насъ магазинъ. Зайчиковы мы, можетъ быть, изволили слыхать,— успокаиваясь говорилъ ротный.

— Ну вотъ и все Орлиное гнѣздо, — сказалъ Сонинъ. — Видали? Я вамъ говорю — навѣрняка. Пойдемте обратно.

XXXV.

Но Саблину этого было мало.

По песчаной осыпи холма онъ подошелъ къ стальнымъ щитамъ, неровнымъ рядомъ установленнымъ вдоль хребта. Припикни и слушая землю лежалъ не шевелясь подъ ними часовой.

Да, тянуло . . . Саблинъ и самъ испыталъ это чувство, какъ и его потянуло подойти, взяться за стальную пуговку и откинуть окошечко, закрывавшее пазъ и посмотрѣть на смерть.

Сонинъ оставался внизу.

Саблинъ медленно, нагнувшись проходилъ позади щитовъ и вдругъ увидалъ небольшую щелку между ними. Онъ легъ на землю, подползъ къ щели и приникъ къ ней жаднымъ глазомъ.

Луна ярко свѣтила. Передъ нимъ былъ хаосъ. Два песчаныхъ хребта, параллельныхъ другъ другу отдѣлялись неширокою прогалиною. Вся она была завалена рогатками, оплетенными колючей проволокой, небрежно наспѣхъ, видно въ тѣ немногія минуты, когда шла штыковая свалка, вбитыми кольями, кое какъ опутанными проволокой. Два трупа, высохшихъ и жолтыхъ съ большими черными глазными впадинами лежали здѣсь давно, съ самой осени. Валялись кровавыя черныя тряпки, обрывки шинелей, чьи то сапоги, жестянки отъ консервовъ и неразорвавшаяся бомба бомбомета. Напротивъ, — не болѣе какъ въ двадцати пяти шагахъ, зубцами торчали желѣзные щиты. Оттуда съ легкимъ шипѣніемъ взметнулась брошенная вверхъ ракета и лопнувши залила всю эту страшную картину мертвымъ синимъ свѣтомъ. И всѣ эти предметы — не жизненные, не обычные, безобразные — трупы людей, придавленные рогатками съ проволокой, колья, жестянки освѣтились мертвымъ колеблющимся порхающимъ свѣтомъ и стали казаться кошмарнымъ, дикимъ сномъ. Покойники какъ будто шевелились и странныя тѣни коробили ихъ страшныя иссохшія лица.....

Сильно билось у Саблина сердце и ему казалось, что въ тактъ его сердцу тамъ, по ту сторону страшной ложбины бьется чье то чужое страшное сердце врага.

Томила жуткая тоска. Хотѣлось вскочить и бѣжать подальше отъ этого клочка земли, освѣщеннаго порхающимъ синимъ свѣтомъ, бѣжать отъ... войны.

Вся война олицетворилась въ этомъ десяткѣ квадратныхъ саженей песка, въ ямѣ съ трупами и безпорядочнымъ хаосомъ рогатокъ, кольевъ и проволоки.

Перебѣжать этотъ клочекъ земли — и непріятель.

Но перебѣжать невозможно.

Отчего?

И вдругъ съ холоднымъ разсчетомъ военнаго человѣка, понимающаго войну Саблинъ сталъ соображать, что именно здѣсь легче всего перебѣжать къ непріятелю. Эти рогатки даже и рѣзать не надо. Если одѣть саперныя кожанныя рукавицы, которыя одѣваютъ, когда оплетаютъ проволокой — то можно просто откинуть рогатку, бросить ручныя гранаты, а тамъ прикладами свалить щиты.

Да, это возможно, — подумалъ онъ. Погибнетъ только первый, котораго увидятъ еще смѣлыми, не затуманенными ужасомъ глазами, а остальные сдѣлаютъ свое дѣло.

Но первый погибнетъ навѣрняка.

И этотъ первый будетъ Карповъ?, спросилъ онъ самъ себя. И не отвѣтивъ, подавилъ вздохъ и сталъ медленно сползать, отодвигаясь отъ страшной щели.

Ему казалось, что онъ пролежалъ такъ одну секунду.

— Долго же вы разглядывали тамъ сказалъ ожидавшій внизу Сонинъ. — Ну, что?

Но Саблинъ не отвѣчалъ. Онъ весь трясся внутреннею дрожью и боялся голосомъ обнаружить свое волненіе. Онъ сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ вопроса и пошелъ медленно къ землянкѣ ротнаго командира. Сонинъ и Зайчиковъ съ фельдфебелемъ шли за нимъ.

— Можно заглянуть къ вамъ?, спросилъ, наконецъ, усиліемъ воли овладѣвши собою, Саблинъ у молодого ротнаго.

— Ахъ пожалуйста...., сконфуженно отвѣтилъ Зайчиковъ.

Пять узкихъ ступенекъ вели въ землянку. Она была мала и тѣсна какъ гробъ. И когда вошелъ одинъ — другому не было мѣста. Вдоль стѣны на земляномъ выступѣ, покрытомъ еловыми вѣтвями была послана постель. Подлѣ былъ небольшой столикъ. На немъ горѣла свѣча. На столѣ стоялъ портретъ женщины въ черномъ кружевномъ чепцѣ съ простымъ миловиднымъ лицомъ. валялись иллюстрированные, измятые, зачитанные журналы «Огонекъ», «Солнце Россіи» и лежало маленькое евангеліе.

Зайчиковъ заглядывалъ сверху.

— Это матушка моя, — сказалъ онъ глухимъ печальнымъ голосомъ, уловивши взглядъ Саблина, устремленный на портретъ. — Вотъ и вся наша жизнь, добавилъ онъ.

Пахло земляною сыростью и хвоею. Пахло могилою.

Да, подумалъ Саблинъ, — нелегко прожить такъ двѣ недѣли, особенно, когда каждая бойница тянетъ приподнять завѣсу и узнать, что по ту сторону жизни.

Онъ попрощался съ Зайчиковымъ и пошелъ съ Сонинымъ назадъ.

Теперь онъ не замѣчалъ уже свиста пуль и только когда одна чмокнула подлѣ самыхъ его ногъ онъ сказалъ нервно — «ишь проклятая!».

Въ домѣ лѣсника было прибрано. Столъ былъ накрытъ на два прибора, стояли чистые стаканы, было положено на тарелку печенье и откупорена жестянка сардинокъ и маринованная лососина. За дверью возился казначей и оттуда пахло жареной курицей.

Заспанный адъютантъ съ высохшимъ безразличнымъ — лицомъ доложилъ: — «а въ Орлиномъ гнѣздѣ опять одного убило».

— Знаю-съ, сказалъ командиръ полка, — Овечкина.

— Нѣтъ. Безъ васъ уже. Ротнаго — Зайчикова прапорщика.

— К-какъ?, въ голосъ спросили Саблинъ и Сонинъ.

Обычно какъ. Не утерпѣлъ. Вы уѣхали, подошелъ къ щиту, открылъ задвижку и сталъ смотрѣть. Фельдфебель говоритъ, минуты двѣ смотрѣлъ.

— Ахъ ты! Царство ему небесное! Этакій право!, — говорилъ крестясь Сонинъ. — Кого же мы назначимъ вмѣсто него.

— Больше некого, какъ Верцинскаго, сказалъ адьютантъ.

— Ну что вы! Верцинскаго, съ возмущеніемъ возразилъ Сонинъ.

— А что думаете, господинъ полковникъ, такіе то лучше выдерживаютъ. Этотъ по крайности не заглянетъ, куда не надо. Да и не кого больше.

— Простите. ваше превосходительство, не угодно-ли откушать, — обернулся Сонинъ къ Саблину. — Казначе-ей. — крикнулъ онъ. — что курица готова?

— Сейчасъ, отвѣчалъ голосъ за дверью.

— На всѣ руки онъ у насъ, — сказалъ про казначея Сонинъ. — А гдѣ Пышкинъ?, вдругъ вспомнилъ онъ.

— Полъ-часа. какъ пришелъ. отвѣчалъ адьютантъ.

— Ишь, каналья, увильнулъ таки опять. Экій трусишка. Маменькинъ сынокъ знаете. Навязали мнѣ. Родственничекъ. — Садитесь, пожалуйста, ваше превосходительство. Сейчасъ и водочки достанемъ.

Но Саблинъ на отрѣзъ отказался отъ ужина. Хотѣлось быть одному. Нервы шалили.

XXXVI

Когда проѣхали мимо батарей и стали уже выѣзжать къ опушкѣ лѣса щелкнула покрышка у шины и автомобиль остановился.

— Я говорилъ, такъ не обойдемся, ворчалъ Петровъ. — Ишь ты подлюга, заяцъ, дорогу перебѣжалъ.... Одну минуту ваше превосходительство шину перемѣнимъ.

— Я пройдусь немного, сказалъ Саблинъ и вышелъ изъ автомобиля.

Нервы сильно шалили и внутренняя дрожь не умолкала.

Полная и красная луна спускалась къ закату. Маленькія елочки, причудливые кусты можжевельника казались таинственными. Саблинъ шелъ ровнымъ широкимъ шагомъ, заложивши руки за спину и обрывки мыслей неслись у него въ головѣ. Зайчиковъ съ круглымъ лицомъ и выпуклыми сѣрыми наивными глазами не шелъ у него изъ ума.

Ротный командиръ....... криво усмѣхнувшись подумалъ Саблинъ. Властитель и отвѣтчикъ за полтораста человѣкъ крестьянъ, сдѣланныхъ солдатами. Этотъ робкій ребенокъ на страшномъ посту, въ тридцати шагахъ отъ непріятеля, гдѣ каждую ночь можно ожидать штурма и прорыва позиціи и... крушенія цѣлаго фронта. Цѣлый фронтъ держится на прапорщикѣ Зайчиковѣ, который боится покойниковъ и непріятеля, который плачетъ, какъ ребенокъ и котораго тянетъ посмотрѣть на смерть и приподнять завѣсу будущаго.

— И котораго уже нѣтъ больше, — сказалъ кто то у дороги блѣднымъ, грустнымъ голосомъ.

Саблинъ вздрогнулъ, поднялъ голову и тревожно оглянулся. Влѣво у дороги, среди мелкихъ

елочекъ и кустовъ можжевельника была солдатская безъимянная могила. Такихъ могилъ было много въ этомъ лѣсу, гдѣ всю осень шли постоянные бои. Саблинъ замѣтилъ ее и тогда, когда они ѣхали къ дому лѣсника. Небольшой крестъ изъ двухъ стволовъ молодыхъ елокъ связанныхъ колючей проволокой, какъ терновымъ вѣнкомъ. Наверху истлѣвшая солдатская фуражка.... Теперь у этого креста обнявши его сидѣлъ кто то и смотрѣлъ на Саблина неподвижнымъ бѣлымъ лицомъ. Правая сторона лица была залита чѣмъ то чернымъ. Мѣсяцъ спускаясь смотрѣлъ прямо въ лицо этому странному видѣнію и мелкія тучки тянувшіяся по небу то бросали тѣни, то снова открывали его. Саблинъ не сомнѣвался, что это былъ Зайчиковъ. Какъ могъ трупъ Зайчикова оказаться сидящимъ теперь у креста одинокой могилы, какъ могъ убитый Зайчиковъ говорить? — на этомъ Саблинъ въ эту минуту не останавливался. Но онъ и потомъ, уже въ спокойномъ состояніи духа былъ увѣренъ, что это былъ Зайчиковъ и что онъ разговаривалъ въ лѣсу съ нимъ.

— Вы убили его. За что? Зачѣмъ? Вы и другого хотите убить. Для чего? Мало вамъ вашей славы?

— Какъ я убилъ Зайчикова? — подумалъ Саблинъ.

— Вы приласкали его. Вы заглянули къ нему въ душу. А развѣ можно н а т а к о м ъ м ѣ с т ѣ открывать душу, — говорилъ тотъ, кто казался Зайчиковымъ. — Душа и улетѣла. Эхъ вы, психологъ! Сонинъ со своею грубостью лучше понимаетъ что надо дѣлать. А вы, взяли да по больному мѣсту и шарахнули. На мать посмотрѣли. Развѣ можно мать напомнить, когда человѣкъ у омута стоитъ и давно въ него броситься собирается.

— Карпова пошлешь?

— Пошлю, если нужно будетъ. — подумалъ Саблинъ.

— Смотри посылать будешь—о смерти, о матери, о ней ни гу-гу. Посылать будешь на вѣрную смерть, а такъ говори, что и смерти не будетъ. Просто лихость одна, ну и какъ всегда на войнѣ, конечно, и опасность есть, но чтобы вѣра была. Понялъ? Безъ вѣры не посылай. Нельзя. Жестоко...

Голосъ становился все дальше и дальше. Зайчиковъ чуть шевелился около креста, точно хотѣлъ опереться и встать.

Страшная мысль пронизала мозги Саблина.

Вдругъ встанетъ и бросится на него. Ужасъ приковалъ его къ мѣсту. Онъ почувствовалъ, что ни бѣжать, ни сопротивляться не можетъ и холодный потъ показался по тѣлу. Было тихо въ лѣсу. Луна, теперь чистая отъ тучъ свѣтила прямо въ лицо мертвецу и Саблину казалось, что невыносимая ненависть исказила его черты и не помня себя отъ ужаса Саблинъ закричалъ дикимъ голосомъ и упалъ на песокъ дороги.

Недалекій шумъ машины заставилъ его очнуться. Онъ лежалъ уже въ яркой полосѣ свѣта автомобильныхъ фонарей. Все тѣло было разбито и Саблинъ съ трудомъ всталъ. Сейчасъ же вспомнилъ крестъ и Зайчикова и пересиливъ страшное волненіе, заставилъ себя посмотрѣть на могилу.

На крестѣ висѣла незамѣченная имъ раньше старая, ставшая черной отъ времени и сырости солдатская шинель. Она была освѣщена теперь яркимъ свѣтомъ ацетиленовыхъ фонарей. Ее то и принялъ при лунномъ освѣщеніи Саблинъ за призракъ убитаго Зайчикова.

Ему было не смѣшно. Онъ понялъ, что нервы шалили.

— Упали, ваше превосходительство, — открывая дверцу автомобиля спросилъ участливо Поляковъ.

— Нѣтъ? а что? — безпокойно спросилъ Саблинъ.

— Видать было — вы лежали на дорогѣ. Мы уже обезпокоились, думали не дай Богъ, не случилось ли что. Ишь лѣсъ то какой страшный.

— Нѣтъ. Я ничего, — не своимъ голосомъ сказалъ Саблинъ, — но Поляковъ видѣлъ по его блѣдному лицу и блуждающимъ глазамъ, что онъ не въ себѣ.

— И могила безъименная тутъ, — сказалъ Поляковъ испуганно. — Наше мѣсто свято! Страшное мѣсто.

— Пустое болтаешь, — сказалъ Саблинъ, садясь въ автомобиль.

Всю дорогу онъ молчалъ. Уже позднею ночью, безъ луны онъ вернулся домой. Звѣзды кротко мигали надъ озеромъ. Ледъ таинственно трещалъ, сковываемый передъ утреннимъ морозомъ, въ подклѣтяхъ хрипло пѣли первые пѣтухи. Саблинъ чувствовалъ себя больнымъ и разбитымъ.

Нервы шалятъ, думалъ онъ, сѣрый и грустный входя утромъ въ общую штабную столовую, гдѣ докторъ Успенскій пилъ чай. — Рано я вернулся. надо было пожить въ тылу, отдохнуть.

Мелькнулъ передъ нимъ шумный Петроградъ, ученья войскъ на улицахъ, вечеръ у графини Палтовой, кинематографъ.... Нѣтъ, нѣтъ. только не тамъ. — Спросить Успенскаго? Можетъ быть надо бромъ принимать?

Саблинъ посмотрѣлъ на толстаго доктора, сосредоточенно дувшаго на блюдечко съ чаемъ, увидалъ сытое розовое лицо, заплывшіе жиромъ равнодушные глаза и понялъ, что этотъ человѣкъ никогда не пойметъ ничего душевнаго.

Бромъ принимать?

Нѣтъ не бромъ принимать — а надо измѣнить всю эту жизнь, добиться побѣды и черезъ нее мира — тогда все хорошо будетъ.

Побѣды во что бы то ни стало!

Даже жертвуя Карповымъ?....

Не только Карповымъ, но кѣмъ угодно и самимъ собою, — подумалъ онъ, но на душѣ все такъ же было смутно, сердце било тревогу и умъ жаждалъ сильныхъ ощущеній. Для того, чтобы жить, сталъ нуженъ доппингъ.

Другіе пьютъ въ такихъ случаяхъ, впрыскиваютъ морфій, или нюхаютъ кокаинъ. Саблинъ не дѣлалъ ни того, ни другого. Онъ сталъ искать сильныхъ ощущеній, острыхъ волнующихъ разговоровъ, споровъ и встрѣчъ.

XXXVII.

Въ концѣ апрѣля мѣсяца N-скій армейскій корпусъ сдѣлалъ перегруппировку для перехода въ наступленіе. Дивизію Саблина перевели ближе къ рѣкѣ и поставили биваками въ лѣсахъ въ ожиданіи прорыва и атаки. По сосредоточенію резервовъ Саблинъ понялъ, что жертва Карпова будетъ не нужна, мнѣніе Зиновьева восторжествовало, Костюхновку оставили въ покоѣ — прорывъ намѣчали у Вольки Галузійской.

Трое сутокъ подрядъ днемъ и ночью долбили наши тяжелыя и легкія пушки позицію непріятеля, засыпая лѣса металломъ, срывая деревья, взрывая цѣлыя площади земли. Непріятель отвѣчалъ тѣмъ же. Онъ собиралъ послѣдніе резервы и съ лихорадочною поспѣшностью гналъ ихъ на фронтъ, готовясь парализовать прорывъ. На четвертыя сутки длинныя густыя цѣпи солдатъ поднялись изъ окоповъ и сѣрые люди перешли грань таинственнаго и пошли къ окопамъ непріятеля. Они шли по густому лѣсу, продираясь сквозь чащу молодой зелени и невидимые пулеметы и ружья косили ихъ ряды и цѣпи становились рѣже и жиже. Многіе незамѣтно, въ лѣсу, поворачивали и разбредались и когда дошли до проволокъ — людей было слишкомъ мало, чтобы кинуться на штурмъ. 175-ая и 180-ая дивизіи

остановились и стали окапываться. Въ порывѣ атаки образовался перерывъ и атака захлеснулась. Венгерская спѣшенная кавалерія и германскій ландверъ, быстро подвезенный изъ подъ Вердена, отбили Русскую атаку. На пятый день было приказано для того, чтобы не нести напрасныхъ потерь, отойдти въ исходное положеніе.

Растрепанныя дивизіи уходили въ тѣ самые окопы, которые они занимали зимою, въ опостылѣвшія землянки, свозили туда своихъ убитыхъ и сзади ихъ позицій выросли кладбища съ сотнями новыхъ крестовъ. Потери обѣихъ дивизій были громадны и превышали половину состава. Три командира полка были убиты, четыре ранены, почти всѣ офицеры погибли. Нужны были новыя пополненія, надо было отвести части въ тылъ, но сдѣлать этого было нельзя. Все было брошено на фронтъ, Русская армія спасала Верденъ, спасала Парижъ. Русскіе офицеры и солдаты умирали въ лѣсахъ Полѣсья и Волыни для того, чтобы ихъ союзники французы могли устоять на берегахъ Рейна.

Страшное лѣто 1916 года наступало.

Въ маѣ мѣсяцѣ корпусъ Лоссовскаго сдѣлалъ новую перегруппировку, къ нему подошли еще двѣ казачьихъ дивизіи. Высшее командованіе требовало прорыва непріятельскаго фронта во что бы то ни стало. Лоссовскій намѣтилъ прорывъ у Костюхновки и сообщилъ Саблину, что онъ надѣется на то, что онъ дастъ офицера и 10 молодцовъ для того, чтобы увлечь пѣхоту.

— Вы понимаете, — говорилъ онъ, пожимая руку Саблину, вызванному въ штабъ корпуса — что послѣ нашей неудачи въ апрѣлѣ — это особенно намъ необходимо. Ахъ, зачѣмъ мы тогда васъ не послушали! Да смутило, что вѣдь вы одинъ среди насъ были не генеральнаго штаба. Такъ пришлете кого надо?

— Долгъ исполню, — сказалъ Саблинъ и сумрачный вернулся на свой бивуакъ.

XXXVIII.

Вся дивизія стояла въ тѣсномъ, сосредоточенномъ порядкѣ по лѣснымъ прогалинамъ и въ самомъ лѣсу. Непріятельскіе аэропланы каждое утро цѣлыми эскадрильями налетали на нее и сбрасывали бомбы. Все сходило благополучно, если не считать, что одною бомбою, упавшею какъ разъ въ середину коновязи уланскаго полка ранило тридцать человѣкъ и убило и покалѣчило семьдесятъ лошадей. Стали рыть землянки и крыть ихъ лѣсомъ и землей, чтобы найдти защиту отъ воздушнаго врага.

Близость рѣшительнаго боя и побѣды — а въ ней почему то никто не сомнѣвался, возбуждала людей и кавалерія, собранная въ резервы, жила шумною жизнью. Лишь только смеркалось повсюду загорались веселые огни костровъ, собирались пѣсенники и трубачи и лѣсъ наполнялся гомономъ людскихъ голосовъ и ржаніемъ коней и создавалась атмосфера исключительнаго возбужденнаго все забывающаго веселья. Особенно шумно жили кавказскіе казаки. Уже съ семи часовъ вечера гремѣлъ тулумбасъ, пищала зурна и веселые голоса беззаботно пѣли:

— Можетъ завтра въ эту пору
Насъ на ружьяхъ понесутъ
И ужъ водки послѣ боя
Намъ понюхать не дадутъ,
Пей, друзья, покуда пьется
Горе жизни забывай,
На Кавказѣ такъ ведется
Пей, ума не пропивай!
Тара-ри-рай, Та-ра-ра-рай
Тари-ри-рай — та-ри-рай —
На Кавказѣ такъ ведется —
Пей! — Ума не пропивай!!

Вдругъ вскакивалъ казакъ и пускался лихою лезгинкою по мягкому мху. Кругъ раздвигался, начинали хлопать въ ладоши, казакъ выхватывалъ кинжалъ, бралъ еще другой у товарища и гордо выступалъ, играя острыми лезвеями и то подбрасывая ихъ, то втыкая въ землю и перебирая между ними ногами. Иногда лезгинка сопровождалась стрѣльбою въ землю изъ револьвера. Ранили при этомъ въ плечо доктора — что за бѣда! — лезгинка и пѣсни не утихали.

Кругомъ толпилась сѣрая угрюмая пѣхота.

Солдаты смотрѣли на порхающіе въ танцѣ лезгинки полы черкесокъ, на красные штаны подъ ними и алые башлыки, на бритыя на голо головы съ папахами чернаго курпея на затылкахъ, на оживленные, черные, югомъ прожженные глаза и дивились на нихъ.

— Не люди, а черти, ишь ты какіе! — говорилъ широкій скуластый солдатъ съ лицомъ, обросшимъ густою рыжею бородою, крестьянинъ, призванный изъ запаса. — Вѣдь создастъ же Господь!

— Нагаечники! — презрительно сплевывая сѣмечки возразилъ худощавый и блѣдный солдатъ съ сѣрыми злыми, страдающими глазами. — Имъ только бы пить да пѣсни горланить. Безсознательный народъ.

— А, что, паря, поди доставалось, — подмигнулъ ему сосѣдъ, бойкій солдатъ въ опрятно одѣтой рубахѣ. — Вѣрно нагайкой то полоснули, когда забастовки дѣлалъ.

— Молчи, фараонъ, — злобно сказалъ блѣдный солдатъ и пошелъ вонъ изъ толпы.

— Ты, поругайся, сволочь, я тебѣ покажу, холера несчастная! — сказалъ бойкій солдатъ.

— Вы сами, товарищъ, его задѣли, — замѣтилъ смуглый солдатъ грузинскаго типа.

— Эки право люди. Завтра на штурмъ идти, на смерть, а они лаются. Ну люди! Имъ бы рубаху чистую одѣть, да Богу молиться, а они что заду-

мали, — сказалъ рыжебородый и обратился къ подошедшему офицеру.

— Что, ваше благородіе, да нѣшто казаки люди?

— Ну, конечно, люди, — отвѣчалъ тотъ улыбаясь, — такіе же крестьяне, какъ и вы. Только земли у нихъ много.

— Скажи пожалуйста. А почему земли у нихъ много?

— Навоевали, вотъ и много, — отвѣчалъ прапорщикъ.

— То то они съ войны и веселятся. Имъ что. Ихъ и пуля не беретъ. Ишь и защитнаго не носятъ.

— Имъ на коняхъ то все одно.

— Они и пѣшкомъ такъ идутъ.

— Черти, право слово. Вѣдь родятся же такіе.

— Посторонись, пѣхота! — раздались сзади голоса и расталкивая толпу прошли къ пѣсенникамъ казачьи офицеры съ бутылками и стаканами вина.

— Ишь ты, какіе! Гоголи! И пьютъ съ казаками вмѣстѣ. Не жеманятся. Чудной народъ . . . . .

. . . .

У Саблина была небольшая землянка. Ее строили зимой для командира пѣхотнаго полка. Она имѣла дощатый полъ и стѣны ея были тоже обшиты досками. Маленькое окно въ четыре стекла въ уровень съ землею пропускало въ нее тусклый свѣтъ. Въ ней была разставлена койка Саблина, былъ столъ для бумагъ и ящикъ отъ консервовъ служилъ ему вмѣсто стула. Гулъ и шумъ биваковъ, пѣсни и музыка глухо проникали въ это подземное жилище, придавленное низкой крышей, съ пасыпанной на нее на аршинъ землей и въ ней было тихо, какъ въ могилѣ.

Саблинъ сидѣлъ на ящикѣ, упершись спиною въ столъ и смотрѣлъ на маленькій образъ Спасителя, поставленный имъ въ головахъ постели. Это былъ очень дорогой и богато украшенный золотомъ и самоцвѣтными камнями образъ, которымъ когда то дѣдъ и бабка Саблина благословили на бракъ

его отца и мать и этимъ же образомъ благословляли и его и Вѣру Константиновну. Темный ликъ Спаса Нерукотвореннаго кротко смотрѣлъ изъ вѣнчика. Отсвѣтъ догорающаго весенняго дня ложился и бродилъ по нему тихими тѣнями.

— Свѣте тихій святыя славы Отца Небеснаго, — думалъ Саблинъ, глядя на образъ умиленными глазами.

— Свѣте тихій, — задумчиво повторилъ онъ. —Подлинно тихій свѣтъ и кроткая любовь и правда идутъ отъ Тебя. Скажи мнѣ правду... Правъ-ли я?

Онъ только что отпустилъ Карпова. Онъ еще ощущалъ стройную фигуру юноши на вытяжку стоявшаго у двери. Онъ помнилъ каждое свое слово и въ его ушахъ звучалъ каждый солдатски точный заученный отвѣтъ Карпова.

— Отберите десять молодцовъ казаковъ, на все готовыхъ, — сказалъ Саблинъ. — Командиръ полка предупрежденъ. Явитесь съ ними ко мнѣ въ двадцать часовъ. Костюхновку знаете?

— Такъ точно, ваше превосходительство. — спокойно и отчетливо сказалъ Карповъ.

— Орлиное гнѣздо?

— Знаю. Найду.

— Мнѣ подвигъ нуженъ, хорунжій Карповъ! — сказалъ Саблинъ.

— Я все исполню. — еще спокойнѣе сказалъ Карповъ.

Саблинъ на картѣ показалъ расположеніе частей.

Карповъ вынулъ изъ полевой сумки свою карту и зарисовалъ окопы на ней.

— Нужно увлечь пѣхоту... Пойдите, посмотрите обстановку... Это пустяки... Двадцать пять шаговъ... Рогатки откинуть можно... Возьмите въ конно-саперной командѣ кожаныя рукавицы... Ручныя гранаты возьмите... Понимаете...

— Понимаю, ваше превосходительство.

— Въ отверстія щитовъ не смотрите. Онѣ всѣ пристрѣляны изъ наведенныхъ пулеметовъ и винтовокъ. Но тамъ въ лѣвой сторонѣ есть щель между щитами. Вы увидите. Подползите къ ней и разсмотрите обстановку. Тамъ съ осени лежатъ два трупа. Сгнили теперь должно быть. Я зимою видѣлъ. Тогда видѣлъ.... Надъ ними рогатка — не привязанная. Ее отпихнуть — и ура! — Щиты прикладомъ свалите, или перепрыгнуть можно... Пѣхота за вами. Тьмутараканскій полкъ... Понимаете?... Подвигъ... Георгіевскій крестъ.

— Все будетъ точно исполнено, ваше превосходительство.

Саблинъ молчалъ.

— Могу я идти? — спросилъ Карповъ.

— Да... Идите пожалуйста.

Разъ — два, — Карповъ повернулся отчетливо на лѣвомъ каблукѣ и на правомъ носкѣ, щелкнулъ шпорою, открылъ дверь и вышелъ.

XXXIX.

Пока дверь была открыта, въ нее слышенъ былъ пѣвучій вальсъ, который играли неподалеку трубачи. Потомъ все стихло...

— Свѣте тихій святыя славы Отца Небеснаго, святаго блаженнаго Іисусе Христе — какъ же это такъ? Развѣ можно это? Можно — дерзать? Или мнѣ все позволено? И власть надъ жизнью и смертью дана мнѣ? подумалъ Саблинъ, обращаясь къ образу.

И долго ждалъ отвѣта. Вдругъ вспомнилъ бесѣду со священникомъ въ госпиталѣ и, казалось, услышалъ тихія слова, полныя безграничной печали: — «ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше».... Такъ

сказалъ Христосъ Пилату. Такъ говоритъ теперь Христосъ ему за Карпова.

— Но вѣдь, Господи, я на вѣрную смерть, на вѣрную посылаю его?... Значитъ можно... убійство. Значитъ, мнѣ дана власть судить и рѣшать.... Но, если найдутся и другіе, которые тоже будутъ считать, что имъ дано судить и рѣшать, что тогда? И почему я могу, а другіе нѣтъ?

А ты знаешь, что посылаешь на вѣрную смерть? Тебѣ дано это знать?

Господи! — въ невыразимой мукѣ воскликнулъ Саблинъ и, подойдя къ образу, опустился на колѣни и доставъ изъ подъ подушки евангеліе, сталъ перелистывать его, отыскивая тѣ мѣста, которыя давно поразили его и въ которыхъ онъ искалъ отвѣта на вопросы смятенной измученной души.

Вотъ сотникъ проситъ Христа войдти въ домъ его и исцѣлить его разслабленнаго и страдающаго слугу и говоритъ Христу: — «скажи только слово, и выздоровѣетъ слуга мой. Ибо я и подвластный человѣкъ, но, имѣя у себя въ подчиненіи воиновъ, говорю одному: «пойди», и идетъ; и другому: «приди» и приходитъ; и слугѣ моему: «сдѣлай то» и дѣлаетъ»....

И Христосъ не возмутился, но исполнилъ просьбу сотника.

.....«И поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ за Меня, для свидѣтельства передъ ними и язычниками.

«Когда же будутъ предавать васъ, не заботьтесь, какъ или что сказать; ибо въ тотъ часъ дано будетъ вамъ что сказать.

«Ибо не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить за васъ.

«Предастъ же братъ брата на смерть, и отецъ сына, и возстанутъ дѣти на родителей и умертвятъ ихъ».

«И будете ненавидимы всѣми за имя Мое; претерпѣвый же до конца спасется». (Матѳ. Гл. 10 ст. 18—22).

..... «Ученикъ не выше учителя, и слуга не выше господина своего (Матѳ. Гл. 10 ст. 24).

Пальцы проворно перелистывали страницы евангелія и смятенный умъ бился среди недосказанныхъ, не понятныхъ мыслей, но чувствовалъ Саблинъ одно: — нѣту свободной воли и кто то невидимый руководитъ дѣлами, поступками и даже мыслями людей. Дѣлаетъ какъ Ему надо.

«Не двѣ ли малыя птицы продаются за ассарій? И ни одна изъ нихъ не упадетъ на землю безъ воли Отца вашего.

«У васъ же и волосы на головѣ всѣ сочтены».

«Не бойтесь же: вы лучше многихъ малыхъ птицъ». (Матѳ. 10 ст. 29—31.)

Карповъ прекрасный въ своей духовной чистой любви, у котораго глаза излучаютъ вдохновенную любовь къ Богу, Престолу и Родинѣ, былъ дорогъ Саблину.

Въ эти часы Саблинъ любилъ Карпова, какъ сына.

«Онъ сказалъ имъ: — и такъ отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу» — (Луки гл. 20 ст. 25).

А если это жизнь? И жизнь отдать? Какъ отдать, когда не знаешь, что по ту сторону ея, что тамъ?

А вдругъ ничего.

И это ничего я даю Карпову вмѣсто прекраснаго міра, вмѣсто пѣсень съ казаками, великолѣпной чистой любви и всей красоты жизни.

Два трупа подъ рогаткой..... Темныя лица, провалившіеся глаза, черными впадинами глядящіе недоумѣнно на свѣтъ и обрывки шинелей и рубахъ на почернѣвшемъ и изсохшемъ тѣлѣ. Лежатъ съ осени. И что имъ красота и ужасъ міра, что имъ страхъ и радости? Бѣдный Зайчиковъ.

Гдѣ онъ? И отъ него съ его робостью и тихимъ умомъ тоже ничего не осталось. Вѣра? Николай... Маруся... Ушли и нѣтъ ихъ. И вѣсточки не подали. Н и ч е г о я даю ему вмѣсто яркой, — пускай даже тяжелой жизни, — но жизни... Жизни!!!

Гдѣ это? У Достоевскаго. Раскольниковъ думаетъ, что если бы весь міръ былъ бы только скала, на которой можно поставить ступню и тогда стоило бы жить.... Такая жажда жизни. И я отнимаю эту жизнь.

Но сколько ихъ? Сколько прекрасныхъ юношей убито за время войны. Прошлый мѣсяцъ неудавшееся наступленіе стоило 112 жизней офицеровъ и 7.325 солдатскихъ жизней и ничего не добились . . . А тутъ онъ одинъ. Его прекрасною жизнью я спасаю тысячи людскихъ жизней.

Кто знаетъ?

А ты знаешь, что Карповъ будетъ убитъ? Что тамъ н а в ѣ р н о е?

«Не двѣ ли малыя птицы продаются за ассарій? И ни одна изъ нихъ не упадетъ на землю б е з ъ в о л и Отца вашего»...

Ты знаешь эту волю? Можетъ быть именно тамъ и есть спасеніе. И подвигъ и спасеніе, а гдѣ нибудь въ тылу, на спокойномъ бивакѣ въ сладкомъ утреннемъ снѣ какая либо бомба съ аэроплана... И смерть — глупая смерть безъ пользы для дѣла, безъ нужды, безъ оправданія и подвига!

Если бы ты зналъ, если бы тебѣ дано было знать судьбы и в о л ю, можетъ быть, все шло бы иначе, но тебѣ ничего не дано, а потому молчи и дѣлай.

И скажу слугѣ моему; «сдѣлай то» и дѣлаетъ».

Въ дверь постучали.

— Кто тамъ?, воскликнулъ Саблинъ, пряча подъ подушку евангеліе.

— Ординарецъ Дубинскій.

— Что надо?

— Хорунжій Карповъ съ казаками ожидаютъ. Восемь часовъ уже.

— А — хорошо.

Вдругъ полная увѣренность охватила всю его душу, что съ Карповымъ ничего не случится, что поляки бѣгутъ изъ окоповъ раньше, что они промахнутся и онъ увидитъ ихъ завтра всѣхъ живыми, бодрыми и счастливыми. — Я подарю ему свой георгіевскій крестъ.

Благодарными, счастливыми глазами посмотрѣлъ Саблинъ на образъ Спасителя, еле виднѣвшійся въ потемнѣвшей землянкѣ и сталъ подниматься изъ нея.

Былъ ясный вечеръ. Тихій свѣтъ былъ разлитъ по лѣсу. Въ двадцати шагахъ отъ землянки на песчаной дорогѣ стояло шестнадцать конныхъ казаковъ и офицеръ. Впереди десять удальцовъ, рѣшившихся идти на подвигъ, немного поодаль шесть коноводовъ. Лица казаковъ были тщательно вымыты, а волосы завиты кольцами. Новыя рубахи и шаравары съ алыми лампасами были одѣты на нихъ и сапоги ярко начищены. Они сознательно шли на послѣдній смотръ въ своей жизни — на смотръ смерти. Но смотрѣли они бодро, серьезно и весело. А стоявшій на правомъ флангѣ ихъ на прекрасномъ рыжемъ конѣ Карповъ — тотъ сіялъ отъ восторга и былъ преисполненъ важности возложеннаго на него предпріятія.

— Здорово молодцы, донцы! — сказалъ бодрымъ голосомъ Саблинъ.

Казаки дружно отвѣтили.

— Ну... помогите пѣхотѣ. Съ Богомъ, да хранитъ васъ Господь! Ровно въ одинадцать начинаете, крикнулъ имъ Саблинъ.

— Постар-р-раемся ваше превосходительство, крикнули казаки и стали проѣзжать мимо по три на торопящихся, жмущихся другъ къ

другу, храпящихъ и фыркающихъ коняхъ, прядущихъ длинными острыми ушами.

Карповъ подъѣхалъ къ Саблину. Саблинъ вздрогнулъ отъ охватившаго его тайнаго предчувствія чего то мучительнаго и тяжелаго. Съ тоскою посмотрѣлъ онъ на молодого офицера. Но лицо его было полно спокойной, твердой рѣшимости и того дисциплинированнаго сознанія важности каждой мелочи при исполненіи своего долга, которое прививается годами муштровки въ корпусѣ и училищѣ.

— Позвольте часы свѣрить, ваше превосходительство, — просто сказалъ Карповъ.

Саблинъ облегченно вздохнулъ.

— Шесть минутъ девятаго, сказалъ онъ.

Карповъ взглянулъ на свои часы браслетъ.

— Есть!, сказалъ онъ, сдавилъ лошадь шенкелями и въ три могучихъ скачка догналъ голову своего малаго отряда.

Саблинъ круто повернулся и шатаясь прошелъ въ свою землянку. Онъ захлопнулъ двери, бросился на койку. Тихо и темно стало въ землянкѣ, какъ въ могилѣ.

Саблинъ долго лежалъ ничкомъ, уткнувшись въ подушку. Потомъ медленно повернулся. Голова пылала. Четыре стекла узкаго оконца, всѣ въ рядъ, мутно рисовались. Заглушенная землею чуть слышна была музыка. Саблинъ прислушался, приподнялъ голову, прислушался еще и еще разъ.

... Это барышни всѣ обожа-ютъ...

играли трубачи.

Встали и поплыли прекрасные, но мучительные образы . . . Озеры . . . Праздникъ у батюшки на квартирѣ. Пѣсенники и стройный юноша съ красивымъ баритономъ.

.. Это барышни всѣ обожа-аютъ!...

Я, кажется, съума схожу, — подумалъ Саблинъ, — снова уткнулся лицомъ въ подушку и весь сосредоточился въ горячей молитвѣ: — т и х о м у с в ѣ т у .... Свѣту тихому — потому что бушевалъ мучительный огонь въ его душѣ и возставалъ онъ весь противъ Бога, говоря, если нѣтъ у меня свобо ной воли, если Ты все взялъ на себя, такъ зачѣмъ же Ты уничтожаешь все лучшее, красивое, чистое, святое и оставляешь одну мерзость на землѣ. — Ну, — возьми меня, меня возьми съ моими грѣхами и заблужденіями, но его спаси и сохрани!

Темно, какъ въ могилѣ и сыро, какъ въ могилѣ было въ одинокой землянкѣ и тихій свѣтъ не сходилъ въ нее и не успокаивалъ смятеннаго духа ропщущаго на Бога человѣка.

XL.

Карповъ приникъ къ щели между щитами. Пять минутъ тому назадъ убило Лиховидова — его любимца, ухаря казака, лучшаго пѣсенника въ полку, кавалера трехъ степеней георгіевскаго креста. Пошелъ за четвертымъ. Золотымъ съ бантомъ. Убило глупо. Зря, безъ пользы для дѣла.

Когда пришли въ «Орлиное гнѣздо» распросили пѣхоту объ обстановкѣ. Ротный командиръ къ нимъ не вышелъ.

— Онъ въ землянкѣ сидитъ. И не выйдетъ. Какъ три дня тому назадъ на позицію заступили забился въ землянку и не выходитъ. Боится, докладывалъ фельдфебель.

Солдаты радостно обступили казаковъ. Точно эти десять человѣкъ, прибывшіе для того, чтобы первыми броситься на штурмъ были заколдованы отъ пуль. Смотрѣли они весело, щеголями были одѣты и распоряжались разумно и удивительно спокойно. Они сняли шашки — чтобы подъ нога-

ми не болтались и не мѣшали идти, составили ихъ кустикомъ.

— П о с л ѣ возьмемъ, когда дѣло кончимъ.

Они не сомнѣвались въ томъ, что это п о с л ѣ будетъ и что они вернутся. А между тѣмъ готовились на вѣрную смерть, потому что всѣ понадѣвали чистыя рубахи.

Они приготовили ручныя гранаты, распредѣлили между собою кто и что будетъ дѣлать, каждый подглядѣлъ въ щелку и намѣтилъ свой путь.

— Ну, пѣхота, только гляди не запаздывай, выручай!

И та самая пѣхота, которая часъ тому назадъ въ душѣ рѣшила не подниматься на штурмъ весело отвѣчала.

— Ня бось, не подгадимъ. Мы тоже съ усами. Тьмутараканскіе свое дѣло знаютъ. Мы еще въ Мазурскихъ болотахъ учены.

— То-то, говорилъ имъ Карповъ — первый я, потомъ они, а слѣдомъ вы — поняли черти?

— Ишь самъ чортъ, — говорилъ смѣясь мрачный запасный дядя — мы то! Еще кабы не упрядили тебя!

— Вотъ это офицеръ. Это можно сказать. Съ такимъ на штурму одно единое удовольствіе.

— Истинный Богъ.

— А кто ротный вашъ?, спросилъ Карповъ.

— Да Вярцинскій, поручикъ, Онъ ранетый. Никчемушный человѣкъ. Такъ званіе одно — отвѣчалъ старый дядя, вдругъ почувствовавшій себя рядомъ съ казаками героемъ.

Верцинскій... Ну, хорошо, подумалъ Карповъ, П о с л ѣ мы поговоримъ. И пусть увидитъ онъ. что значитъ святая чистая любовь и на какіе подвиги она толкаетъ!

— Въ щелку гляди подглядывай — говорили казакамъ солдаты — потому онъ объ ей не дога-

дался еще, а въ щитъ и думать не моги подсмотрѣть, потому — капутъ. Убьетъ навѣрняка.

— Навѣрняка, сказалъ Лиховидовъ. — Ну это, братцы, еще ничего неизвѣстно. Коли храбрость имѣешь такъ и то пустое. Такъ не убьетъ.

Не успѣлъ Карповъ сказать что либо. какъ Лиховидовъ былъ у щита.

— Лиховидовъ, что Бога испытываешь?, грѣхъ! — сказалъ урядникъ Земсковъ.

Но Лиховидова уже несла какая то сила покуражиться надъ смертью передъ пѣхотой. Рѣшительнымъ движеніемъ онъ откинулъ задвижку щита и прильнулъ къ нему всѣмъ лицомъ. И сейчасъ же рѣзко, властно щелкнулъ выстрѣлъ по ту сторону окопа и Лиховидовъ упалъ съ пробитой головой.

— Эхъ Лиховидовъ, Лиховидовъ, — сокрушенно говорили казаки, относя трупъ въ сторону и накрывая его солдатскою шинелью — зря погибъ мальчикъ. Мало насъ, а еще меньше осталось.

И тутъ же увѣренно сказали.

— П о с л ѣ его съ собою заберемъ, похоронять будемъ какъ слѣдуетъ.

Съ удивленіемъ смотрѣла на нихъ пѣхота. Эти люди шли на вѣрную смерть и ни минуты не думали о смерти, такъ были увѣрены, что и п о с л ѣ будетъ.

Карповъ, лежа, изучалъ мѣстность. Ночь была темная. Луна еще не поднялась и ея большой красивый шаръ только началъ краемъ показываться изъ за горизонта, но часто свѣтили ракеты. Непріятель чуялъ опасность и сыпалъ ими одна за другою и весь промежутокъ между его и нашими окопами былъ освѣщенъ синимъ, мертвымъ, тихо порхающимъ измѣнчивымъ свѣтомъ. Все было отчетливо видно. Тѣ трупы, про которые говорилъ Саблинъ,разложились и распались. Видны были темнокоричневые черепа, грудныя клѣтки и кости ногъ. накрытыя какимъ то полуистлѣвшимъ тряпьемъ.

Рогатка стояла на нихъ, но она была привязана къ колу и отшвырнуть ее было не легко. Но можно перепрыгнуть — подумалъ Карповъ и сталъ разсчитывать высоту ея.

О томъ, что онъ будетъ убитъ, онъ совсѣмъ не думалъ. Не могъ себѣ даже этого представить. Подвигъ рисовался ему во всей его живой, но не мертвой красотѣ. «Прорывъ непріятельскаго фронтя удался, благодаря удивительному подвигу хорунжаго Донского полка Карпова — первымъ бросившагося на штурмъ съ ручною гранатою» — читалъ онъ мысленно фразу въ реляціи.

И она прочтетъ.

Онъ допускалъ, что будетъ раненъ, даже тяжело, мучительно раненъ. Это даже хорошо. Опять лазаретъ и... она. Но убитъ?... Это не входило въ его молодую мысль.

Онъ разсчитывалъ каждый свой шагъ. Въ лѣвой рукѣ винтовка, въ правой граната. Шашка подвязана за спиною. Онъ не хотѣлъ съ нею разставаться. Ему казалось, что она принесетъ ему счастье. Перепрыгну рогатку — пріостановлюсь, бросаю гранату, сейчасъ же срываю вторую съ пояса и бросаю. Передамъ винтовку въ правую руку и впередъ... И что Богъ дастъ.

Богу онъ не молился. Ротъ пересохъ. Слова молитвъ исчезли изъ памяти, ураганъ мыслей перебивалъ ихъ. Она надъ всѣмъ стояла. Онъ видѣлъ ее, какъ живую. Мягкость ея теплыхъ губъ онъ ощущалъ на устахъ своихъ. Поцѣлуй Царской дочери томилъ и сжигалъ его до тла.

Карповъ назначилъ каждому казаку, что дѣлать, сговорился съ пѣхотой и лежалъ теперь съ часами въ рукахъ и ждалъ.

Уже часъ, какъ гремѣли по всему фронту пушки канонады, а онъ ничего не слыхалъ. Ему казалось, что было тихо на мокромъ пескѣ, за щитами. Онъ посмотрѣлъ подлѣ. Молодая травка выбивалась мягкими иголками. И такъ травкѣ об-

радовался. Такою удивительно красивой показалась она ему при свѣтѣ мѣсяца и ракетъ.

— Какъ хорошъ Божій міръ, — подумалъ онъ и вздохнулъ. — Какъ прекрасна жизнь!

Каждымъ мускуломъ своимъ, каждымъ нервомъ, каждою жилкою испытывалъ онъ радость бытія. Онъ посмотрѣлъ на небо.

И небо было прекрасно съ серебрянымъ кружевомъ тучъ, то обвисавшихъ въ тихомъ хороводѣ вокругъ мѣсяца, то вдругъ удалявшихся отъ него и стыдливо млѣвшихъ между чуть сверкающихъ робкихъ звѣздъ.

Ахъ! хорошо! хорошо! — подумалъ онъ и вдругъ тревожно посмотрѣлъ на часы.

Было безъ одной минуты одинадцать.

Казаки напряженно лежали рядомъ. Сзади готовая стояла рота, батальонный резервъ незамѣтно надвинулся и намѣчался въ туманной низинѣ длинными ровными цѣпями.

И вдругъ стало страшно, мучительно страшно. Все тѣло обмякло. Кровь перестала течь по жиламъ и мускулы стали дряблыми. Карповъ понялъ, что тамъ смерть... Смерть и больше ничего. Грязный черепъ и безобразная клѣтка реберъ на кривыхъ позвонкахъ.

И понялъ, что не пойдетъ. Ни за что не пойдетъ. Не можетъ идти.

За что?

Вотъ, когда онъ захотѣлъ молиться. Но молиться не могъ.

— Господи помилуй, еле прошепталъ онъ побѣлѣвшими губами и впалъ, какъ бы въ забытье.

— Ваше благородіе... Пора!... — тихо, но повелительно проговорилъ Земсковъ.

— Пора? — переспросилъ совершенно сухими бѣлыми губами Карповъ и всталъ.

Но идти не могъ.

Тогда вдругъ сорвалъ со своего пальца ея кольцо и со злобой кинулъ туда — къ непріятелю и подумалъ — п о с л ѣ найду.

Съ бѣлымъ лицомъ и большими ничего не видящими пустыми глазами ринулся черезъ щиты внизъ.

Онъ ничего не кричалъ, но за нимъ бросились съ крикомъ ура казаки, это ура подхватила пѣхота бѣшенымъ ревомъ и оно стало слышнымъ далеко, на нѣсколько верстъ.

И оно сказало дивизіи Саблина, тревожно слушавшей на бивакахъ и Лоссовскому, сидѣвшему въ блиндажѣ наблюдательнаго пункта и прислушивавшемуся къ музыкѣ боя: — треску ружей и пулеметовъ и частымъ залпамъ орудійныхъ батарей: оно все шире и шире разливавшееся среди ночи сказало съ неотразимою ясностью всѣмъ — что непріятельская позиція прорвана и Тьмутараканскій полкъ занялъ уже Костюхновку...

XLI.

— Вставать, вставать, ребятежь! Сѣдлай коней! — кричали дежурные по бивакамъ всѣхъ трехъ конныхъ дивизій.

Этотъ крикъ говорилъ о побѣдѣ пѣхоты.

Большинство солдатъ не спало, но лишь лежало подъ шинелями и бурками, стараясь согрѣться и уйдти отъ холода ночи и заботныхъ мыслей. Они вскакивали и высовывали на холодъ ночи свои то косматыя, то шарикомъ остриженныя, то бритыя головы.

Разбуженныя лошади ржали на коновязяхъ и нервно фыркали. Раздавались звуки затиранія ихъ спинъ пучками сѣна и соломы и тяжкіе вздохи при накладываніи сѣделъ и затягиваніи подпругъ. Отъ биваковъ отдѣлялись взводы и шли за знаменами къ землянкамъ командировъ полковъ. Въ

Донскомъ полку адъютантъ со знаменнымъ урядникомъ развязывали тесемки чехла и обнажали знамя.

При свѣтѣ луны показалось на темно-синей парчѣ полотнища блѣдное изображенiе нерукотвореннаго Спаса и ярко заблисталъ съ обратной стороны громадный серебромъ шитый вензель Государя.

Эскадроны и сотни выстраивались, пулеметныя команды, тарахтя колесами по лѣснымъ кочкамъ и корнямъ, рысью заѣзжали за притихшiе ряды солдатъ и казаковъ.

— Ваше превосходительство, — спускаясь въ землянку къ Саблину сказалъ Семеновъ, — дивизiя готова, прикажете выступать.

Онъ не сомнѣвался, что Саблинъ бодрствуетъ, что ему извѣстно все то, что было уже извѣстно каждому рядовому его дивизiи.

Но въ землянкѣ было тихо и ровное дыханiе слышалось съ койки Саблина. Семеновъ чиркнулъ спичку и зажегъ свѣчу. Саблинъ лежалъ одѣтый на койкѣ и крѣпко спалъ. Онъ не слыхалъ словъ Семенова.

— Ваше превосходительство,—громче и настойчивѣе сказалъ Семеновъ, — проснитесь, пора!

Саблинъ открылъ мутные глаза, постепенно сознанiе вернулось ему и онъ тревожно вскочилъ и сѣлъ на койкѣ.

— Ну говорите, въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ.

— Сейчасъ изъ штаба армiи передали, что прорывъ позицiи у Костюхновки удался. Костюхновка нами занята, взято много плѣнныхъ, орудiя, пулеметы, непрiятель бѣжитъ. Кавалерiю приказано бросить въ прорывъ. Наша дивизiя назначена въ авангардъ.

— А что Карповъ? — хотѣлъ спросить Саблинъ. И не посмѣлъ спросить.

— Какой полкъ прикажете въ головной отрядъ? — спросилъ Семеновъ.

Саблинъ, не отвѣчая, сталъ надѣвать шинель и амуницію. Вошедшій деньщикъ помогалъ ему.

— Папиросы дай... Спички.

Семеновъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Онъ не узнавалъ Саблина.

— Тутъ все приберешь... Повьючите... Чай подъ рукою, чтобы былъ.... Коньякъ приготовь. Понялъ?

Онъ поднялъ лицо, посмотрѣлъ прямо въ глаза Семенову, прочелъ въ его глазахъ смущеніе и вдругъ сразу, какъ бы стряхнулся и сталъ тѣмъ старымъ Саблинымъ, котораго такъ любилъ Семеновъ.

— Идемте, — сказалъ онъ... — Въ авангардъ пойдутъ уланы. Командиры полковъ собраны?

— Ожидаютъ.

— Ну, идемте.

Былъ третій часъ ночи и луна стояла высоко надъ лѣсомъ, когда мимо Саблина потянулись легкіе ряды уланъ на гнѣдыхъ большихъ лошадяхъ. Надъ караковымъ четвертомъ эскадрономъ тихо колыхался штандартъ. Солдаты проходили молчаливо и при лунномъ свѣтѣ ихъ лица казались блѣдными. Защитныя фуражки были глубоко надвинуты на уши и подбородные ремешки опущены. Командиръ полка; полковникъ Карпинскій, стоялъ сзади Саблина на нервной чистокровной кобылѣ и ожидалъ, когда пройдетъ полкъ.

— Ну съ Богомъ, — сказалъ Саблинъ. Я иду слѣдомъ за вами.

Карпинскій поскакалъ догонять голову своего полка, а Саблинъ дождался гусарскаго полка и пошелъ впереди него.

До позиціи шли спокойно. Поле битвы было тихо. Ружейной стрѣльбы не было слышно, ракетъ не было видно и только гдѣ то далеко били пушки.

Дошли до опушки лѣса, слѣзли, оправились и рысью пошли по той самой Костюхновской дорогѣ, по которой первый разъ ходилъ съ Сонинымъ въ Орлиное гнѣздо Саблинъ. Они обогнали сначала

длинную колонну звенящихъ и горящихъ красными огнями топокъ кухонь, потомъ легкую батарею тихо подвигавшуюся впередъ.

Орлиное гнѣздо оставалось вправо, Костюхновская дорога шла лѣвѣе его.

Начинало свѣтать. Въ блѣдномъ сумракѣ утра стали обрисовываться холмы непріятелской позиціи, показались проволочныя загражденія, въ нихъ уже были прорублены проходы, уланы поспѣшно забрасывали землею траншеи, чтобы идти дальше. Дорога спускалась къ тому, что на планѣ было обозначено: Костюхновскій господскій домъ. Онъ былъ сожженъ еще прошлымъ лѣтомъ. Густо разрослись кусты сада и изъ зеленой чащи торчали потемнѣвшія трубы и каменныя стѣны нижняго этажа. У самой дороги былъ устроенъ перевязочный пунктъ. Раненые солдаты, одни тихо лежали на землѣ, другіе сидѣли, передавая впечатлѣнія ночи. Въ сторонѣ, накрытые широкимъ палаточнымъ полотномъ лежали убитые.

И опять у Саблина не хватило духа спросить про Карпова. Онъ неподвижнымъ взглядомъ смотрѣлъ на полотнище и, казалось, хотѣлъ проникнуть и разсмотрѣть, что подъ нимъ. Ему хотѣлось вѣрить, что Карповъ живъ и онъ боялся узнать роковую правду...

Въ полуверстѣ, за окопами, у непріятеля былъ построенъ цѣлый городокъ. За нимъ сосредоточивалась наша пѣхота. Громадная толпа венгерцевъ въ темно-коричневыхъ кавалерійскихъ шинеляхъ стояла здѣсь, окруженная нашими солдатами. Это былъ 6-й гонведный полкъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ цѣликомъ съ командиромъ полка и со всѣми офицерами. Обходная колонна зашла ему въ тылъ, обороняться не было возможности. Въ сторонѣ отъ нихъ стояли австрійскія пушки и толпа любопытныхъ разглядывала ихъ.

Запахъ побѣды чувствовался повсюду. Онъ передавалъ людямъ то особенное возбужденное на-

строеніе, которое заставляетъ ихъ забывать все и дѣлаетъ ихъ счастливыми.

Саблинъ подгонялъ свою дивизію. Онъ былъ недоволенъ. Все дѣло было сдѣлано пѣхотой, — они пришли, какъ будто бы и поздно. а между тѣмъ Карпинскій съ уланами перешелъ на шагъ и, наконецъ, и вовсе остановился.

— Чортъ его знаетъ, чего онъ тамъ? — нетерпѣливо сказалъ Саблинъ и полевымъ галопомъ поскакалъ обгонять задніе уланскіе эскадроны. Уланы стояли по три на дорогѣ и весело разговаривали.

— Видалъ пушки ихнія. Взяли?

— Наши уже ежели пойдутъ, все заберутъ....

— А убитыхъ стра-асть.

— Ну нашихъ не такъ много.

— Нѣтъ — ихнихъ: окопъ такъ и заваленъ имъ.

— Пропустите начальника дивизіи.

— Дорогу начальнику дивизіи! Поводъ права! Права поводъ!

Лошади заторопились и задѣвая ногами за ноги уланъ Саблинъ протискался къ мосту, переѣхалъ черезъ маленькую болотистую заросшую травою и молодымъ камышомъ рѣчку и выбрался на чистое.

Здѣсь стоялъ Карпинскій и разговаривалъ съ пѣхотнымъ офицеромъ. Немного впереди, по берегу рѣки вправо и влѣво лежала цѣпь.

Тылъ кончался, начиналось опять то страшное пространство между и м ъ и н а м и, которое такъ трудно было перейдти.

— Въ чемъ дѣло полковникъ Карпинскій — спросилъ Саблинъ, стараясь быть спокойнымъ, но чувствуя, какъ сердце начинаетъ быстро колотиться и кровь приливаетъ къ лицу.

Карпинскій, сухощавый блондинъ съ бритыми усами съ пенсне безъ оправы на носу повернулъ къ Саблину свое лицо и, беря руку подъ козырекъ, медленно и отчетливо произнесъ: — узнаю обстановку ваше превосходительство.

Пѣхотный офицеръ быстро подошелъ къ Саблину и сталъ докладывать.

XLII.

Это былъ высокій и худощавый человѣкъ лѣтъ тридцати пяти. У него было загорѣлое, темное, какъ бываетъ у крестьянъ лицо, покрытое сѣтью маленькихъ морщинъ, русые усы и небольшая аккуратно подстриженная бородка. Онъ былъ весь изъ мускуловъ и теперь, освѣщенный лучами всходившаго солнца казался выкованнымъ изъ бронзы. Почти по грудь онъ былъ мокръ и шаравары и рубаха ставшіе черными отъ воды и ила облѣпили его тѣло. Въ рукахъ у него была винтовка, на поясѣ патронташъ. Сѣрые глаза внимательно, печально и равнодушно смотрѣли на холеную сытую, сверкающую шелковистою шерстью Леду, на аккуратное, хорошо начищенное оголовье и чистое сѣдло и какъ будто сравнивали лошадь съ собою.

— Противникъ, ваше превосходительство, — началъ пѣхотный капитанъ, — накапливается въ двухъ верстахъ отсюда по опушкѣ лѣса. Это германская пѣхота, — съ уваженіемъ подчеркивая слово германская, сказалъ онъ. Тамъ уже около батальона. Можетъ быть и больше. Здѣсь, и не больше, какъ въ верстѣ отсюда, вправо у деревни Летичовки еще стоитъ его тяжелая батарея. Очевидно не успѣли увезти. Ее прикрываютъ германцы, занявшіе деревню. Батарея тоже германская. Я и говорю полковнику, что дальше ему идти нельзя, надо отойдти и ждать.

— Вы говорите, — нервно, подрагивая мускулами лица, сказалъ Саблинъ: — батарея и прикрытіе. Есть окопы? Проволока?

— Нѣтъ, чистое мѣсто. Батарея за домами, люди въ домахъ.

— Накопилось около батальона?

— Да, думаю, что если и больше, то немного. Они почти бѣгомъ пришли съ желѣзнодорожной станцiи. Крестьянинъ прибѣгалъ, докладывалъ.

— А тамъ вправо и влѣво что?

— Не могу знать. По словамъ крестьянина тамъ все бѣжитъ и германцы оборачиваютъ ихъ назадъ... Я думаю черезъ часъ они предпримутъ контръ-атаку и послалъ за подкрѣпленiемъ. Въ моей ротѣ всего шестьдесятъ человѣкъ.

Лицо Саблина передернуло. Оно сейчасъ же и застыло въ твердой окаменѣлой рѣшимости.

— Уланы впередъ! — крикнулъ онъ. — Дозорные галопомъ вправо и влѣво.

Карпинскiй чуть замѣтно пожалъ плечами и, осадивши лошадь, пропустилъ кинувшихся исполнять приказанiе начальника дивизiи уланъ, поскакавшихъ на крутой обрывистый берегъ рѣки.

Красное солнце загорѣлось багровымъ шаромъ надъ недальнимъ лѣсомъ и бросило кровавые лучи на высокiй столбъ пыли, поднявшiйся надъ головнымъ эскадрономъ. И сейчасъ же яркое пламя и бѣлое облачко показалось надъ эскадрономъ и глухой ударъ тяжелой пушки гулкимъ двойнымъ звукомъ выстрѣла и разрыва прокатился по долинѣ рѣки. За первымъ второй, третiй, батарея перешла на бѣглый огонь, одновременно затрещали винтовки и пули стали свистать и щелкать возлѣ поднимавшихся на берегъ эскадроновъ.

Полковникъ Карпинскiй выскочилъ за ними. Лицо его было болѣзненно блѣдно, глаза изъ подъ стеколъ пенсне сверкали.

Саблинъ оставался внизу, пропуская спѣшившiе впередъ взволнованные боемъ эскадроны уланъ. Когда послѣднiе прошли, онъ выѣхалъ самъ и посмотрѣлъ на дорогу.

Несмотря на сильный огонь батареи и стрѣльбу прикрытiя, несмотря на то, что уже въ сторонѣ были видны спѣшенные уланы, подъ которыми убило лошадей и тамъ и тамъ лежали убитые люди,

Карпинскій продолжалъ идти рысью въ колоннѣ. поднимая жестокую пыль. Эта пыль его и спасала. Противникъ давалъ перелеты, такъ какъ стрѣлялъ по пыли, а не по эскадронамъ.

— Что же онъ медлитъ! — воскликнулъ гнѣвно Саблинъ, и хотѣлъ уже посылать ординарца, но въ это время два среднихъ эскадрона — второй и третій вдругъ рѣзко повернули лицомъ на батарею и разсыпаясь вѣеромъ по песчаному полю жалко запаханному и не снятому еще съ прошлаго лѣта, понеслись къ деревнѣ, откуда не переставая била батарея. За ними, такъ же разсыпаясь, стали готовиться къ атакѣ остальные эскадроны и все поле покрылось скачущими гнѣдыми лошадьми, пулеметная команда ускакала за ними.

Саблинъ вздохнулъ и остановилъ свою лошадь на дорогѣ. Онъ былъ съ начальникомъ штаба, ординарцами и трубачами. По усилившейся тамъ, куда поскакали уланы, ружейной стрѣльбѣ, смолкшему грохоту пушекъ, лихому нѣсколько жидкому противъ пѣхотнаго «ура» и вдругъ наступившей затѣмъ тишинѣ, онъ понялъ, что атака удалась и, должно быть, батарея уже взята. Онъ хотѣлъ скакать туда, но взволнованный крикъ Семенова заставилъ его обернуться. Слѣва и сзади, и не такъ далеко, бѣжали къ нему, разсыпаясь на бѣгу, германскіе солдаты. Отчетливо были видны ихъ низкія. каски, ранцы и короткія сѣрыя фигуры. Пули стали щелкать совсѣмъ близко и взволнованные ординарцы шарахнулись въ сторону. Германцы хотѣли отрѣзать отъ рѣки Саблина и забѣжать въ тылъ уланскому полку. Но въ эту минуту на край дороги отъ рѣки показалась рослая широкая сѣрая кобыла командира гусарскаго полка барона Вебера и его холеная фигура съ длинными свѣтло русыми усами. За нимъ, круто подобравши своихъ сытыхъ лошадей ѣхали его два трубача и адьютантъ.

— Гусары! крикнулъ Саблинъ, — атакуйте пѣхоту.

Веберъ обернулся назадъ, пріостановилъ свою лошадь, вынулъ широкій палашъ шашки изъ ножонъ и ожидалъ первые ряды.

— Первый эскадронъ вправо по эшелонно, — скомандовалъ онъ . — Строй полуэскадроны! — и указалъ на германцевъ.

Адьютантъ поскакалъ съ приказаніемъ второму эскадрону пристраиваться полевымъ галопомъ лѣвѣе перваго.

Германцы остановились и открыли бѣшеный огонь по гусарамъ. Пули стали такъ часто свистать и выть, поле клубилось дымками пыли, отъ падавшихъ пуль, какъ бы отъ крупнаго дождя, вдругъ упавшаго на сухую землю, что казалось, что все погибнетъ въ этомъ смертоносномъ свинцевомъ смерчѣ. Тяжело падали сѣрыя лошади, пытались подняться и валились снова, а подлѣ прыгали гусары, стараясь высвободить придавленную ногу, — но масса шла уже впередъ, скакали лошади, вытянувши хвосты и потрясая серебряными гривами и надъ ихъ головами сверкали и горѣли нестерпимымъ блескомъ узкія полоски стали шашекъ.

— Сдавайтесь! — кричали гусары. Но выстрѣлы не смолкали и тяжелые палаши шашекъ молотили черепа и пики пронизывали груди и доходили до самыхъ ранцевъ и падали неестественно согнувшись люди. Поле стихало.

Саблинъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, придерживая взволнованную атакой Леду, и ждалъ. что будетъ дальше.

Къ нему подскакалъ гусарскій подпрапорщикъ. Это былъ бравый богатырь солдатъ. Вся грудь его лошади была залита темно красною кровью, по шашкѣ густилась и текла кровь смѣшавшаяся съ пескомъ. Лицо его было бѣлое. какъ полотно, глаза горѣли, какъ угли. Онъ былъ взволнованъ и счастливъ.

Счастливъ! — Саблинъ отлично запомнилъ его лицо. Оно было счастливо. Оно горѣло отвагой и счастіемъ,

— Четырнадцать зарубилъ, ваше превосходительство, — салютуя окровавленной шашкой и круто останавливая свою разгоряченную лошадь, воскликнулъ онъ.

— Молодецъ, сказалъ Саблинъ.

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

— А кровь это не ваша? Не ранены?

— Никакъ нѣтъ! Его это кровь, — гордо отвѣчалъ подпрапоршикъ, — лошадь маленько штыкомъ царапнули. И то не бѣда! — И онъ засмѣялся и было что то невыразимо жесткое въ оскаленныхъ подъ гусарскими усами зубахъ.

Саблинъ тронулъ лошадь и поѣхалъ шагомъ по полю къ деревнѣ, которую атаковали уланы. Поле было пустое. Видны были дорожки примятой прошлогодней пшеницы, низкой и сѣро-желтой. Ни людей, ни лошадей здѣсь не было убито. Атака шла безъ потерь. Деревенская улица была окопана двумя канавами съ крутыми отвѣсными берегами. И вдоль той и другой и на самой дорогѣ лежали убитые лошади и люди. Они еще не успѣли потерять своей живой красоты и ихъ раскиданныя тѣла въ синихъ съ бѣлыми кантами рейтузахъ, ихъ рубахи, подтянутыя бѣлыми ремнями амуниціи еще не облегли по мертвому ихъ тѣла. Ихъ было много. Особенно лошадей. Большія темногнѣдыя тѣла неподвижно лежали подлѣ канавы, выпятивши животы и откинувши черные хвосты. Саблину ихъ почему то стало особенно жаль.

Семеновъ считалъ тѣла.

— Сколько насчитали?, блѣднымъ, усталымъ голосомъ спросилъ Саблинъ.

— Лошадей тридцать четыре, уланъ пока шестнадцать, отвѣчалъ Семеновъ.

Саблинъ перепрыгнулъ канавы и выѣхалъ за деревню. Въ четырехстахъ шагахъ за нею толпились спѣшенные уланы, въ резервной колоннѣ стояло два собравшихся эскадрона и два уходили въ разсыпную къ лѣсу.

Полковникъ Карпинскій увидалъ Саблина и галопомъ поскакалъ къ нему. Его лицо сіяло счастьемъ.

— Ваше превосходительство, доложилъ онъ, салютуя обнаженной шашкой, — N-скіе уланы счастливы поднести вашему превосходительству четыре тяжелыя пушки, съ шестнадцатью лошадьми и сорокъ плѣнныхъ германцевъ, взятыхъ въ конной атакѣ. Атаку, какъ изволили видѣть, я велъ лично, — значительно добавилъ онъ.

— Потери полка?, устало спросилъ Саблинъ.

— Пустячокъ! Восемнадцать убитыхъ и девять раненыхъ. Лошадей пятьдесятъ одна.... Кабы не канавы совсѣмъ потерь бы не было. Изъ оконъ домовъ билъ по намъ — сказалъ Карпинскій довольнымъ голосомъ.

— Поздравляю васъ, полковникъ. Развѣдка выслана?

— Пошла, ваше превосходительство,

— Трубите сборъ!*)

*) Описаніе взятія конной атакой тяжелой батареи и уничтоженія въ конной же атакѣ батальона германцевъ не есть вымыселъ автора, какъ вообще нигдѣ, гдѣ дѣло касается описанія боевыхъ дѣйствій авторъ не фантазировалъ. Случай, описанный здѣсь имѣлъ мѣсто въ концѣ мая 1916 года, когда при прорывѣ XII армейскимъ корпусомъ позицій противника у Рафаловки, 16-ая кавалерійская дивизія была брошена въ прорывъ и при обстоятельствахъ, тождественныхъ описаннымъ, чему авторъ былъ свидѣтелемъ, 17-й уланскій Новомиргородскій полкъ взялъ тяжелую батарею, а 17-й гусарскій Черниговскій полкъ атаковалъ батальонъ германской пѣхоты, спѣшившій на выручку и весь его изрубилъ. Потери полковъ, обстановка атаки взяты авторомъ совершенно точно, но, конечно, герой романа Саблинъ никакого отношенія не имѣетъ къ лихому начальнику 16-ой кавалерійской дивизіи.

XLIII.

Саблинъ собиралъ всю дивизію у Летичовкѣ для того, чтобы дать ей дальнѣйшую задачу. Онъ былъ доволенъ... Но прежняго ликующаго звенящаго счастья и упоенія побѣдой не было. Онъ зналъ, что за это дѣло и онъ вѣроятно получитъ большую награду, можетъ быть даже орденъ святого Георгія третьей степени, но на этотъ разъ не было счастья ожидаемой награды и упоенія добычей и плѣнными.

Кругомъ все ликовало. Полки рысью съѣзжались на огромное поле, еще покрытое свѣжими трупами, сзади звенѣли конныя батареи и всѣ люди до послѣдняго рядового, были въ радостно приподнятомъ настроеніи. О потеряхъ не думали, ими, какъ будто гордились. Если бы не было потерь — побѣда потеряла бы свой вкусъ и ароматъ, стала бы блѣдной и вялой.

Скоро четыре квадрата — рыжій, гнѣдой, сѣрый и рыже-гнѣдой установились на полѣ и Саблинъ поѣхалъ поздравить дивизію съ побѣдой и трофеями и поблагодарить храбрыхъ.

Потомъ онъ вызвалъ командировъ полковъ. Онъ указалъ задачу — идти дальше, искать исчезнувшаго и затихшаго противника и сталъ спрашивать о потеряхъ.

— Потерь не было — какимъ то грустнымъ тономъ сказалъ командиръ драгунскаго полка, какъ будто бы сожалѣя объ этомъ. — Полкъ въ бою не участвовалъ.

— Убиты ротмистръ Молодкинъ и поручикъ Затеплинскій, ранены корнеты Фуфаевскій и Лотовъ. Убито 18 уланъ и ранено 9. Лошадей 52. — доложилъ, щеголяя круглыми знаменательными цифрами полковникъ Карпинскій. — Всѣ при атакѣ батареи. А т а к у я в е л ъ л и ч н о — и онъ осадилъ свою лошадь, давая мѣсто гусарскому полковнику.

— Убиты ротмистры баронъ Холенъ и Спокойскій — оба эскадронныхъ командира, поручики Сѣнцовъ и Юзефовичъ, корнеты Никольскій и Ротовъ, ранены прапорщикъ Ленскій и подпрапорщикъ Лосевъ, гусаръ убито 56 и ранено 86, лошадей 112 — порублено и поколото германской пѣхоты болѣе шестисотъ...—доложилъ баронъ Веберъ.

За нимъ выдвинулся полковникъ Протопоповъ.

— Полкъ въ атакѣ не участвовалъ, — спокойно сказалъ онъ. Убиты: хорунжій Карповъ и 10 казаковъ въ штурмѣ пѣшкомъ непріятельской позиціи съ Тьмутараканскимъ полкомъ. — безразличнымъ тономъ доложилъ онъ.

— Какъ? Убиты? — спросилъ Саблинъ.

— Хорунжій Карповъ пятью пулями — двѣ въ голову, одна въ животъ и двѣ въ ноги — на самомъ гребнѣ нашего укрѣпленія, пять казаковъ у проволоки и четыре штыками въ непріятельскомъ окопѣ. Я заѣзжалъ, всѣхъ осматривалъ.

— Царство имъ небесное. — тихо сказалъ Саблинъ.

Пелена грусти надвигалась на него, но грустить и задумываться было нельзя. Едва началъ выдвигаться головной драгунскій полкъ, какъ за Саблинымъ пріѣхалъ ординарецъ командира корпуса. Генералъ Лоссовскій вызывалъ его къ себѣ. Онъ былъ по близости, въ городкѣ польскихъ легіонеровъ. Саблинъ нехотя поѣхалъ.

У просторнаго барака стояли автомобили и осѣдланныя лошади. Внутри за накрытымъ столомъ уставленнымъ посудой и разными явствами, взятыми изъ польской добычи, сидѣлъ командиръ корпуса со штабомъ, начальникъ дивизіи и пѣхотные командиры полковъ. Пили чай.

Лоссовскій всталъ навстрѣчу Саблину.

— Поздравляю, поздравляю, дорогой Александръ Николаевичъ. — громко, ликующимъ голосомъ, воскликнулъ онъ, сердечно обнимая Саблина. — Вамъ, милый другъ, мы обязаны этимъ прорывомъ и всею

побѣдою. Костюхновка себя оправдала! И подумайте — безъ потерь. Семенъ Дмитричъ, что потеряла 177-ая дивизія? — обратился онъ къ Зиновьеву.

— 6 офицеровъ и 165 солдатъ убитыхъ и раненыхъ.

— А, каково! Вотъ это дѣло! Однихъ плѣнныхъ взято восемь тысячъ, да еще и не всѣ сосчитаны. Гдѣ ваши молодцы?

— Они направлены мною, согласно съ задачей на Манюровку, отвѣчалъ Саблинъ.

— Далеко отошли?

— Нѣтъ, тутъ еще.

— Пошлите остановить ихъ. Я поѣду поблагодарить. Вѣдь тяжелую батарею захватили. Орлы! — батюшка мой, орлы! Ну, да иначе и быть не могло!

XLIV.

Вечеромъ того же дня Саблинъ, сидя въ небольшомъ уютно обставленномъ баракѣ венгерскаго полковника, занятомъ теперь для него и его штаба, порывистымъ нервнымъ почеркомъ писалъ письмо великой княжнѣ Татьянѣ Николаевнѣ. Онъ картинно и, стараясь быть понятымъ барышней и почти дѣвочкой, описывалъ всю сложность обстановки боя, необходимость жертвы, важность и величіе подвига хорунжаго Карпова, пошедшаго на вѣрную смерть и писалъ:

— «Этотъ юноша, горя безпредѣльною преданностью къ августѣйшему Родителю вашему и нѣжною преисполненной благодарности любовью къ вамъ, ваше императорское высочество, за ваше полное самопожертвованія, ухаживаніе за нимъ въ лазаретѣ Ея Величества, рѣшилъ отдать жизнь свою ради васъ. Посланный мною на штурмъ, онъ просилъ передать вамъ, Татьяна Николаевна, что онъ счастливъ умереть за васъ съ вашимъ именемъ на

устахъ. Онъ убитъ пятью пулями, когда первый бросился на непріятельское укрѣпленіе»...

Написавши эти слова, Саблинъ отбросилъ перо и глубоко задумался...

По существу онъ убитъ, ничего не сдѣлавъ.

Въ чемъ его подвигъ, да и вообще, что такое — подвигъ?

Подвигъ-ли въ томъ, чтобы въ пылу и опьяненіи боя, не помня самого себя зарубить четырнадцать человѣкъ, какъ зарубилъ ихъ тотъ восторженный подпрапорщикъ, который весь въ крови подскакалъ къ Саблину послѣ конной атаки гусаръ?

Или подвигъ совершенъ этимъ прекраснымъ юношей, который поднялся, чтобы перейдти страшную грань и не перейдя ее, былъ сраженъ пятью пулями. Чувствовалъ ли онъ всѣ пять? Или первая же свалила его замертво и онъ уже ничего не чувствовалъ?...

Или подвигъ совершилъ, какъ о томъ настаиваетъ онъ самъ, полковникъ Карпинскій, который противъ своей воли, блѣдный и видимо сильно душевно потрясенный, кинулся позади своихъ эскадроновъ на батарею и получитъ за то георгіевскій крестъ?

Или подвигъ въ этихъ мукахъ душевныхъ, въ этомъ страданіи за всѣхъ нихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, дорогихъ и милыхъ, и безразличныхъ, которые пали сегодня по его волѣ, по его приказу?

Но развѣ Карповъ пошелъ и убитъ по его приказу? Развѣ въ прорывъ, а слѣдовательно и въ атаки на батарею и германскую пѣхоту войска были двинуты по его волѣ? Это воля командира корпуса Лоссовского, это воля командующаго Арміей, главнокомандующаго фронтомъ, воля Верховнаго Вождя Россійскихъ армій Государя Императора и онъ эту волю исполнилъ и подвигъ не на немъ, исполнителѣ, и муки, и страданія, и жалость къ погибшимъ не его, а Государевы...

Но Государь ли виновенъ въ этомъ? Развѣ не вынудили его обстоятельства. Необходимость спасти Францію, ослабить во что бы то ни стало атаки германцевъ на Верденъ, побудили предпринять этотъ прорывъ во имя спасенія союзника и значитъ всѣмъ руководила какая то чужая сила обстоятельствъ, рокъ, судьба...

То есть — Господь!

Но — да будетъ воля Твоя! И воля Господня свершилась. И результатъ этой воли рядъ подвиговъ, рядъ смертей и рядъ тяжкихъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій. Человѣкъ — это песчинка, гонимая бурей, которая не знаетъ куда упадетъ.

Пусть, сверкая хищными зубами изъ подъ нависшихъ усовъ разсказываетъ гусарскій подпрапорщикъ о томъ, какъ онъ четырнадцать зарубилъ, и пусть ужасаются одни, видя въ немъ страшнаго убійцу и восхищаются другіе, называя его героемъ — онъ былъ не больше, какъ молнія, поражающая человѣка въ степи, или паровозъ наѣхавшій на упавшаго подъ рельсы. И подвигъ его и вина его сомнительны.

Пусть носитъ горделиво бѣленькій крестъ полковникъ Карпинскій и кричитъ всюду и вездѣ о своей лихой конной атакѣ — ничего бы онъ не сдѣлалъ, если бы не дано было ему это свыше.

И Карповъ, и я, и Лоссовскій, и Государь — нѣтъ у насъ ни подвига, ни страданій и мукъ, нѣтъ и вины, потому что воля наша несвободна и неисповѣдимы пути Божіи.

Саблинъ, то продолжалъ писать письмо, напишетъ два слова, задумается, чуть не часъ сидитъ, устремивши взглядъ на пламя свѣчи, потомъ встанетъ и долго ходитъ по полу барака, сдѣланному изъ тонкихъ сосновыхъ стволовъ. Зарождалась въ немъ мука ужасная, колебалась вѣра въ Христа, въ подлинность и точность того ученія, въ которое онъ такъ увѣровалъ всего полтора года тому назадъ.

Онъ останавливался у низкаго, въ уровень съ землею окна и говорилъ самъ себѣ:

— Ну, хорошо: — вѣра, надежда и любовь. И любовь это главное. Вѣру я понимаю, я вѣрую, что все, что происходитъ, идетъ отъ Господа, надежда? — такъ, — я надѣюсь на то, что воля Господня помилуетъ меня и все будетъ сдѣлано къ лучшему. Но, только что значитъ—къ лучшему? Чтобы быть сытымъ, возиться съ женщинами, наслаждаться хорошимъ климатомъ, не знать денежныхъ заботъ, чувствовать свое тѣло холенымъ и сильнымъ. Надѣяться, что Богъ продлитъ земную жизнь, или надѣяться на воскресеніе мертвыхъ и будущую жизнь? Тупикъ! Тупикъ! — какъ мышь въ ловушкѣ мечусь я по клѣткѣ и всюду нахожу прутья рѣшотки.

Онъ остановился.

Но вѣдь тогда, въ Батумѣ, гуляя съ профессоромъ мы рѣшили, что удовлетвореніе жизни въ работѣ, а счастье въ творчествѣ. Надежда на творчество. Взятыя дивизіей тяжелыя пушки, прорывъ фронта у Костюхновки и то, что я сижу въ чьемъ то чужомъ, чужими руками построенномъ баракѣ, жгу чужія свѣчи и ѣмъ чужія галеты, вся эта п о б ѣ д а — это творчество? Это разрушеніе, но не творчество! Ну, допустимъ, что это — творчество разрушенія и я счастливъ. Значитъ надѣяться на творчество: — на войнѣ на побѣды... Такъ такъ — это душевное сочетать съ тѣлеснымъ. Освобожденіе Родины отъ вражескаго нашествія, спасеніе Франціи, съ орденомъ святого Георгія 3-й степени, — видѣть въ этомъ счастіе и надѣяться на это счастіе. Ну, надежду я понимаю, но любовь, — любовь!!!

Христіанская любовь, дѣятельная, дѣйствующая, любовь сердца, но не похоти, любовь къ ненавидящимъ насъ, помощь ближнему, по любви отдача всего своего достоянія неимущимъ, что это, если наша воля не свободна? Значитъ ни подвига, ни жертвы, ни вины, ни страданія, ни позора, ни муки

совѣсти, ни любви, ибо это все не отъ меня, но только исполненіе предначертаннаго.

Онъ снова началъ ходить взадъ и впередъ.

Нѣтъ — такъ нельзя. Воля, но воля до извѣстной степени. Воля свободна, но пути неисповѣдимы. Я хочу, но не могу. Я хочу не посылать Карпова, потому что я его полюбилъ и мнѣ его жалко, но я не могу не послать его, потому что обстоятельства такъ сложились и я посылаю его и потомъ мучаюсь и страдаю и это... подвигъ.

Карповъ хотѣлъ совершить подвигъ, но его воля не совпала съ волею Божества. Я противъ своей воли послалъ его и онъ... Онъ умеръ, не совершивъ подвига. Потому что, падая на своемъ окопѣ, онъ не зналъ, что казаки и пѣхота ринулись впередъ и довершили то, что началъ онъ и чего никогда безъ него не сдѣлали бы, но умеръ онъ въ отчаяніи. За что?

И опять тупикъ?

Но, Господи! Я не понимаю — за что же Карповъ такъ сильно пострадалъ? Невинный, красивый, благородный, молодой, и тѣломъ и душою прекрасный онъ лишенъ лучшаго, что есть, жизни.

Мука исказила лицо Саблина.

Онъ остановился у окна, за которымъ уже начинался блѣдный день и, глядя на лѣсъ позлащенный косыми лучами утренняго солнца, онъ повторялъ одну молитву: — Господи помоги моему невѣрію.

Христіанская религія поблекла.... А что если, весь холодѣя, въ ужасѣ нестерпимомъ, думалъ онъ, глядя на сосны и ели густого и темнаго лѣса, — что если истина не въ Христѣ.... Вѣдь сколько народа поклоняется Буддѣ, сколько людей стало атеистами, сколько народа считаетъ, что истина въ соціализмѣ — а я?... Я знаю только христіанство.

Да и знаю ли?

А, если Бога нѣтъ?

Розовый лучъ проникъ, скользя по землѣ въ окно низкаго бревенчатаго барака. Пылинки заигра-

ли цвѣтами радуги въ немъ и желто-золотые квадраты упали на полъ. На окнѣ въ деревянныхъ ящикахъ посажены были растенія и тянулись къ свѣту едва распустившіеся цвѣты зелено-оранжевой резеды и сочные бѣлые и лиловые левкои. За окномъ, въ лучѣ солнца жолтая бабочка наслаждалась, купаясь въ золотыхъ искоркахъ, природа просыпалась отъ сна. Невдалекѣ трубачъ игралъ утреннюю зорю и съ коновязей ему отвѣчали проснувшіяся лошади дружнымъ ржаніемъ. Весь міръ оживалъ послѣ ночи, міръ великолѣпный и сложный, міръ, котораго придумать нельзя никакому ученому.

Сомнѣнія проходили. Вѣра въ существованіе Бога возрождалась. Но тянуло заглянуть и по ту сторону.

— Я знаю, я слышалъ — подумалъ Саблинъ, только вѣру и вѣрующихъ людей. Я читалъ и вдумывался только въ евангеліе. Духа свѣтлаго я знаю... Но есть, или долженъ быть духъ тьмы. Его ученія я не знаю. А что, если познать истину, можно только черезъ сопоставленіе христіанскаго ученія съ ученіемъ враждебнымъ, чуждымъ христіанству, съ ученіемъ соціализма?

Омутъ тянетъ. Какъ потянуло Зайчикова — такъ и меня потянетъ.

Но знать — это не колебаться.

Очень долго мысль отсутствовала. Саблинъ былъ въ оцѣпененіи, глаза видѣли, ухо слышало, онъ чувствовалъ біеніе каждаго мельчайшаго пульса своей крови, но мысли не было.

И вдругъ она пришла къ нему острая, жестокая, ясная и безпощадная.

Знать нельзя. Можно только: вѣрить.

Саблинъ сѣлъ за письменный столъ, перечелъ письмо великой княжнѣ, написалъ записку сестрѣ Валентинѣ, съ которой былъ знакомъ, съ просьбою передать письмо по назначенію, запечаталъ кон-

вертъ и вышелъ на воздухъ, чтобы позвать ординарца.

Надо вѣрить — повторялъ онъ себѣ.

Не могу только вѣрить!

Встрѣтившій его у штабного барака Семеновъ удивился, какъ осунулся и постарѣлъ Саблинъ. Въ темныхъ волосахъ сильно пробилась сѣдина.

— Да, подумалъ онъ, — слава и побѣды даромъ не даются.

XLV.

— Татьяна Николаевна, вамъ письмо, — сказала сестра Валентина, останавливая великую княжну въ той самой пріемной лазарета, гдѣ Татьяна Николаевна осенью одѣла колечко на палецъ Карпова.

— Отъ кого? — спросила Татьяна Николаевна и ея сѣрые большіе глаза съ любопытствомъ устремились въ каріе глаза сестры Валентины.

— Отъ Саблина. Не ожидали?

— Да. А вѣдь онъ герой, Валентина Ивановна. Опять атаковалъ въ конномъ строю и тяжелыя пушки взялъ. Какъ жаль, что онъ теперь избѣгаетъ папу и маму. Сторонится насъ. И все изъ за этого проклятаго Григорія. Давайте, прочтемъ вмѣстѣ.

Онѣ сѣли на стульяхъ у окна, раскрытаго настежъ. Іюньское солнце ярко свѣтило, было тепло и радостно въ это лѣтнее утро.

— Вы знаете — поднимая на сестру Валентину глаза, сказала великая княжна, — генералъ Саблинъ пишетъ, что Карповъ убитъ. Карповъ, который лежалъ въ нашемъ лазаретѣ, умеръ героемъ за меня. Я не помню совсѣмъ этого Карпова.

-- Ну, развѣ?... Съ маленькими черными усами. Онъ писалъ вамъ великимъ постомъ, что получилъ георгіевское оружіе.

— Ахъ тотъ!... Зайчикъ!... Я его зайчикомъ прозвала. Такой онъ былъ робкій и славный. Точно и

правда пушистенькій. Я ему колечко подарила, а мама евангеліе. Но, Валентина Ивановна, онъ вѣдь былъ холостой и навѣрно у него не было дѣтей.

— Да, конечно же холостой. Я его отлично помню. Совсѣмъ еще юноша, чистый, какъ ребенокъ...

— Это хорошо, что убило его, а не кого либо такого, у кого осталась семья. Несчастныя, голодныя дѣти. Правда, Валентина Ивановна, для государства лучше, если гибнутъ холостые?

— Всегда тяжело, когда убьютъ кого либо, — съ подавленнымъ вздохомъ сказала сестра Валентина. — А молодыхъ мнѣ особенно жалко. Вся жизнь ихъ впереди. Онъ такъ былъ преданъ вамъ и Государю. Такіе люди, Татьяна Николаевна, особенно дороги теперь.

Татьяна Николаевна испуганно посмотрѣла на сестру Валентину.

Эти дни такъ много смутнаго и недоговореннаго и во дворцѣ, и въ ставкѣ, и въ лазаретѣ.

— Вы не помните его имени, сестра Валентина, —робко спросила великая княжна, — я хочу записать его въ свое поминаніе.

— Алексѣй, — сухо сказала сестра Валентина, встала со стула и пошла изъ комнаты.

Татьяна Николаевна посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, потомъ взглянула въ окно и вдругъ побѣжала изъ пріемной. Надо письмо показать мамѣ и Ольгѣ, и Маріи съ Настасьей. Все таки это хорошо, что офицеры такъ умираютъ. Это показываетъ, что они вѣрноподданные! — думала она, сбѣгая по лѣстницѣ въ столовую, гдѣ должна была быть въ эти часы Императрица и сестра Ольга.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Такъ кончился «романъ» молодого Алеши Карпова.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Въ октябрѣ 1916 года Саблинъ, совершенно неожиданно для себя, былъ назначенъ командиромъ N-скаго армейскаго корпуса. Это назначеніе его нисколько не устраивало. Онъ отлично сжился и полюбилъ свою дивизію. О командованіи корпусомъ онъ не мечталъ и если когда думалъ о повышеніи, то считалъ, что онъ можетъ командовать только кавалерійскимъ корпусомъ. Когда онъ получилъ телеграмму о назначеніи, онъ принялъ ее со смиреніемъ истиннаго христіанина. Радоваться было нечему. Корпусъ былъ только что сформированный изъ двухъ новыхъ дивизій съ новыми полками, безъ именъ, безъ традицій, безъ завѣтовъ прошлаго. Генералъ Пестрецовъ, командовавшій арміей, сообщая о назначеніи Саблина писалъ ему: — «не огорчайся такимъ назначеніемъ, Саша. Не диво командовать и отличаться со старыми хорошими частями. Въ тебя мы вѣримъ. Ты вдохнешь въ эти молодыя части свой бодрый кавалерійскій духъ и ты сотворишь съ ними чудеса. Обрати только вниманіе на офицерскій составъ. Въ 819-мъ пѣхотномъ Захолустномъ полку былъ случай отказа идти на позицію подъ вліяніемъ агитаціи прапорщиковъ. За то 812-мъ Морочненскимъ полкомъ ко-

мандуетъ подполковникъ Козловъ, герой Ново-Корчинскаго дѣла и на смотру у меня онъ показалъ полкъ молодецки. Твой корпусъ пока безъ сапогъ и полушубковъ и безъ своей артиллеріи, но какъ нибудь справимся. Когда будешь ѣхать принимать корпусъ заѣзжай ко мнѣ, покалякаемъ. Конечно ѣхать ко мнѣ крюкъ, я живу далеко отъ позиціи, но резервная дивизія твоя стоитъ и не такъ далеко отъ меня. Пріѣзжай прямо къ обѣду. Въ любой день, но лучше въ воскресенье. Тогда у меня музыканты играютъ, а вечеромъ концертъ и спектакль. Жду. Храни тебя Господь. Твой Пестрецовъ».

Съ грустью простился Саблинъ со своими лихими полками, съ которыми онъ такъ много пережилъ. Вспомнилъ Желѣзницкое дѣло, прорывъ у Костюхновки, вспомнилъ всѣхъ тѣхъ, которые съ беззавѣтною удалью шли впередъ, вспомнилъ убитыхъ и такъ дорогихъ ему драгунъ, уланъ, гусаръ и казаковъ. Прослушалъ трогательныя рѣчи командировъ полковъ и сопровождаемый громкимъ ура солдатъ и казаковъ поѣхалъ на автомобилѣ въ штабъ арміи, отправивъ лошадей, вьюки и вещи свои къ резервной дивизіи.

Сердце щемило. Ему казалось, что и люди его здѣсь любили, что они поняли его и онъ съ ними былъ одно цѣлое. Что ожидало его впереди? Но Саблинъ вѣрилъ въ Русскаго офицера и солдата и ѣхалъ, обдумывая планъ, какъ воспитать и обучить свой корпусъ.

Не желая огорчать командующаго арміей онъ подогналъ свой пріѣздъ къ 12 часамъ дня. Шикарный молодой адъютантъ встрѣтилъ его въ прихожей большого господскаго дома и сказалъ, что онъ доложитъ.

— Командармъ сейчасъ говоритъ по телефону съ Главкозапомъ, — проговорилъ онъ на томъ нелѣпомъ разговорномъ кодѣ, который въ то время усиленно культивировался молодыми офицерами

генеральнаго штаба. — Но я очень прошу васъ пройдите въ гостиную, супруга Командарма просила доложить когда вы прiѣдете.

Саблинъ снялъ шинель и прошелъ за адъютантомъ въ гостиную. День былъ хмурый, дождливый. Въ гостиной съ тяжелыми портьерами и занавѣсками изъ расшитаго тюля было полутемно. На полу поверхъ ковровъ лежали волчьи, медвѣжьи и рысьи шкуры, трофеи охоты хозяина помѣстья. Мебель была старая. Но въ затхлое помѣщичье гнѣздо ворвалось и что то свѣжее Петербургское. У оконъ стояли корзины съ блѣдными оранжерейными ландышами и бѣлыми гiацинтами. Сладкiй запахъ цвѣтовъ заглушалъ запахъ пыли и затхлости стараго польскаго дома.

Въ короткомъ, едва закрывающемъ колѣни платьѣ, изъ подъ котораго видны были щегольскiе высокiе сапожки на высокомъ каблукѣ, въ роскошномъ соболѣ, накинутомъ на плечи, сiяя радостной улыбкой свѣже вымытаго лица вошла въ гостиную Нина Николаевна Пестрецова. Ея фоксъ, позванивая бубенцами ее сопровождалъ. Она прищурила глаза съ подведенными рѣсницами, приложила къ нимъ черепаховый лорнетъ и, улыбаясь выхоленнымъ, полнымъ лицомъ женщины подходящей къ сорока годамъ заговорила быстро и весело, подавая небольшую сильно надушенную руку для поцѣлуя.

— Генералъ Саблинъ, конечно? О, я такъ давно жаждала познакомиться съ вами. Я такъ много про васъ слышала. Всѣ безъ ума отъ васъ. И графиня Палтова, и бѣдная Женя Ротбекъ и Скальскiе и Масальскiе. Особенно Женя Ротбекъ... О! мнѣ такъ описывали васъ. И герой, и красавецъ. Un vrais gentil'homme Правда! Романами Дюма — père'а отъ васъ должно вѣять. А Саша Ростовцева! она молится на васъ, какъ на святого. Не удивляйтесь, что я васъ такъ встрѣчаю. Я только что изъ Петрограда. Тамъ какая то манiя вами. Я заряжена вами.

Пріѣзжаю, а мой Jakob говоритъ мнѣ: — представь: — Саблинъ получилъ у меня корпусъ и будетъ на дняхъ. Провидѣніе, monsieur Саблинъ. Вы вѣрите въ мистицизмъ, въ эти . . . . какъ ихъ . . . флюиды... и потомъ, ахъ я все забываю эти страшныя названія. Знаете маленькія такія. Они мнѣ. какъ лягушки почему то представляются... какъ они... мальвы... нарвы... лярвы... да лярвы. Я ихъ ужасно боюсь... Садитесь. Jakob сейчасъ придетъ. Онъ на аппаратѣ. Ахъ онъ такъ занятъ.... Вотъ вы какой.

Саблинъ, выросшій въ свѣтѣ, чувствовалъ себя теперь огорошеннымъ. Онъ какъ будто одичалъ за войну и не успѣвалъ вставить слова въ болтовню Пестрецовой.

— Вы давно были въ Петроградѣ? спросила садясь Нина Николаевна.

— Уже скоро годъ, что я не уѣзжалъ съ фронта.

— О! Ужасно. Это совсѣмъ, какъ мой мужъ. Но у него я. Я создаю ему и на войнѣ семейную обстановку. Мы устроили въ корпусную летучку старшей сестрою Любовь Матвѣевну Рокову... О, не судите ее строго. Tout comprendre c'est tout pardonner. Надо знать ея исторію. C'est un vrais ange У насъ такъ мило по вечерамъ: Мы провели свое электричество въ домъ, намъ командиръ телеграфной роты устроилъ, и каждый день или тихій бриджъ, или, зажасымъ свѣтъ и вокругъ столика съ блюдечкомъ, вызываемъ духовъ. Мнѣ кажется я разъ видала этого... Лярва, — содрогаясь сказала Нина Николаевна. — Какіе вопросы мы задаемъ!! И о войнѣ, и о побѣдѣ, и о Распутинѣ, и о революціи. Да mon general надо думать и объ этомъ,и къ этому надо быть готовымъ. Какіе планы! Какіе люди! Здѣсь у насъ представитель Земгора бываетъ, онъ кадетъ по партіи, но монархистъ по убѣжденію, что онъ разсказываетъ! Вы послушайте его! Онъ къ вамъ пріѣдетъ. Онъ здѣсь по осушкѣ окоповъ отъ сточной воды, въ гидроуланахъ, какъ ихъ называютъ. И съ нимъ ко-

манда — шестьдесять человѣкъ. Все цвѣтъ общества! Ахъ какая молодежь! Какіе таланты. По воскресеньямъ у насъ маленькія soirées musicales — поемъ, играемъ. Вы знаете, теперь въ солдаты забрали массу артистовъ, по повинности. Мы съ Jakob'омъ ихъ тщательно выуживаемъ и сейчасъ зачисляемъ въ комендантскую роту и вся рота у насъ сплошной артистъ. Наши воскресенья c'est delicieux. Совсѣмъ модный Петроградскій cabaret. Ну вотъ и Jakob Какъ я рада. что познакомилась съ вами. Говорите о дѣлѣ. и ровно въ часъ обѣдъ въ интимномъ кругу: вы, я. Jakob, Любовь Матвѣевна и Самойловъ. Нашъ старый вѣрный циникъ Самойловъ! Ho quel ésprit! . . .

Она выпорхнула изъ гостиной и дала возможность Саблину вытянуться и произнести условную фразу представленія командующему арміей.

— Ну, какъ я радъ, — сказалъ Пестрецовъ. Садись, милый Саша. Нина уже разсказала тебѣ, какой бедламъ творится у насъ.

II.

За тѣ десять мѣсяцевъ, что Саблинъ не видалъ Пестрецова, тотъ сильно постарѣлъ и подался. Вмѣсто мужественной плотности явилась обрюзглая, одутловатая полнота. Усы были сбриты и круглое лицо. полное морщинъ, казалось хитрымъ и лукавымъ, какъ у ксендза.

— Радъ я, Саша, что ты попалъ ко мнѣ, — сказалъ, усаживаясь Пестрецовъ, — и жаль мнѣ тебя, — ибо болото. И мѣстность — болото, и люди — болото. Чортъ его знаетъ, что такое произошло. Помнишь, когда въ японскую войну Куропаткинъ отъ маневренной войны перешелъ къ окопному сидѣнію, всѣ возставали противъ него и первый великій князь Николай Николаевичъ осудилъ его. Куропаткинская стратегія, а теперь мы сами зако-

пались и носа сунуть никуда не можемъ. Отъ моря и до моря сплошной окопъ. Ужасъ одинъ.

— Но почему это такъ произошло? — спросилъ Саблинъ.

—Все французы. Мы помѣшались на западномъ фронтѣ. Фошъ для насъ все. Петенъ и Жоффръ, — это милый мой, Наполеоны и геніи. Кому какое дѣло, что тамъ фронтъ всего 400 километровъ и по три дивизіи стоятъ въ затылокъ одна другой, а пушки не то что вытянулись въ рядъ, а въ три ряда стоятъ непрерывно. Тамъ море стали и свинца. Оттуда насъ засыпаютъ инструкціями, переводами, описаніями, наставленіями: Учитесь, Русскіе дикари, какъ надо. Тамъ—желѣзо и бетонъ. Глубокія подземныя галлереи, цѣлые города съ водопроводами и канализаціей, съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ желѣзными койками. Грузовые автомобили непрерывными колоннами тянутся и везутъ туда снаряды и продовольствіе и оттуда раненыхъ. Тамъ каждые двѣ недѣли смѣна, путешествіе въ тылъ. Тамъ мертвая война и это вызвано короткимъ фронтомъ, близостью такихъ чувствительныхъ мѣстъ, какъ Парижъ, великолѣпною техникою и массою войскъ, которыхъ некуда дѣвать. Тамъ долбятъ мѣсяцами одну точку, чтобы сдѣлать прорывъ и податься на четыре километра. У насъ все наоборотъ. Громадное пространство, на которомъ можно замотать, окружить и уничтожить любую армію, фронтъ на двѣ съ лишнимъ тысячи верстъ, на который даже и проволоки не хватаетъ, отсутствіе артиллеріи и все таки французская тактика и Фошъ, Фошъ! Ахъ не къ добру это!

— Но развѣ нельзя бороться? — спросилъ Саблинъ.

— Бороться? Какъ? Писать доклады, проекты? Все кладется подъ сукно. Меня забросалъ своими проектами одинъ начальникъ казачьей дивизіи. Тутъ и «конница при прорывѣ укрѣпленной позиціи», и «о сосредоточеніи кавалеріи на Югѣ и на-

воднеіи ею Венгерской долины», и «созданіе казачьей Арміи для завоеванія Малой Азіи и захвата Константинополя со стороны Скутари». И, знаешь, не глупо. Я имъ и хода не давалъ.

Пестрецовъ понизилъ тонъ.

— Саша, развѣ мы можемъ побѣдить? Хотятъ англичане нашей побѣды? Наша побѣда — это рѣшеніе восточнаго вопроса въ нашу пользу. Это православный крестъ на святой Софіи и свободный выходъ нашего южнаго хлѣба въ Средиземноморскіе порты.

— И слава Богу.

— А англійскіе банки? А значеніе Англіи на востокѣ? Никогда англичане этого не позволятъ. И вотъ насъ закопали въ болота и учатъ по Фошевской указкѣ. Мы создаемъ новыя части, не считаясь съ тѣмъ, какого онѣ качества.

— И мой корпусъ такой?

— Да, такой. Твои начальники дивизій — одинъ тридцать лѣтъ сидѣлъ въ кадетскомъ корпусѣ, отличный воспитатель, ученый математикъ, написавшій какое то изслѣдованіе о какихъ то кривыхъ, но болѣющій медвѣжьею болѣзнью отъ звуковъ пушечной стрѣльбы. Другой просидѣлъ всю жизнь въ Главномъ Штабѣ и настолько потерялъ понятіе о фронтѣ, что полкъ принимаетъ за дивизію. Оба совершенно растеряны и не знаютъ съ чего начать. Это верхи! Теперь внизу — то новое Поливановско-Гучково-Думское изобрѣтеніе, — что всякій интеллигентный юноша можетъ быть офицеромъ. Эти студенты и гимназисты, прошедшіе четырехъ мѣсячные курсы. Милый другъ — это ужасно! Это офицерье, а не офицеры! Прежде всего полное отрицаніе войны , полное непріятіе и непониманіе дисциплины. Лучшіе: — съ мѣста влюбляются въ солдата и потворствуютъ ему во всемъ и плачутъ надъ нимъ, худшіе: — стремятся сохранить свою шкуру отъ пораненія. Они совершенно не пони-

мают, что имъ дѣлать и какъ подойти къ солдату. Ну да увидишь, увидишь....

— Ваше высокопревосходительство, я почитаю тебя, какъ человѣка высокаго ума, скажи что же тогда надо дѣлать?

— А вотъ, милый Саша, — годъ тому назадъ, Самойловъ мнѣ говорилъ надо миръ заключить сепаратный, и я — старый дуракъ, возмутился и не согласился съ нимъ, а теперь вижу — надо плыть по теченію. Наверху — мистика. Вѣра въ Божественный промыселъ и..... въ Распутина. Посерединѣ глубокое недовольство и желаніе перемѣны — хотя бы и революціи.

— Во время войны?

— Съ этимъ не считаются. Все недовольное группируется около Земгора и подлѣ боевой арміи растетъ какая то новая политическая армія и кто ее знаетъ для чего. Стали совать къ намъ свой носъ новыя лица, — сегодня съ банями, завтра съ подарками, тамъ съ лазаретами. Пріѣжаютъ и ужасаются тому, что у насъ творится. Все плохо. Въ окопахъ вода, — мы вамъ выкачаемъ. И дѣйствительно пришлютъ команду — отлично одѣтую, молодую, бравую и раздѣлаютъ версту фронта, а сто сорокъ по прежнему плывутъ въ грязи. Людей вши ѣдятъ— пришлемъ баню. И пришлютъ. Тысячу человѣкъ вымоютъ и выстираютъ имъ бѣлье, а сто тысячъ по прежнему со вшами. На станціи питательные пункты, съ семгой и свѣжей икрой, тамъ гдѣ либо летучка на кровныхъ лошадяхъ съ нарядными сестрами, въ тылу лазаретъ на сто кроватей съ Рентгеновскими лучами, зубоврачебный кабинетъ и все чисто, красиво, богато и ласково. Реклама! Понимаешь, Саша, — такъ выходитъ — вотъ взялась общественность и какъ хорошо! Лампа Геліосъ, грамофонъ играетъ, конденсированное молоко, молодые люди во френчахъ—а вонъ тамъ, гдѣ правительство — тамъ по прежнему сальныя свѣчи, грязныя палаты, голодное брюхо и

санитары изъ раненыхъ категорійныхъ солдатъ. И сѣрая скотинка понимать это начинаетъ. Ловкость рукъ большая. Солдату невдомекъ, что одни на всѣхъ, а другіе на нѣкоторыхъ, что у однихъ штаты и смѣта, а для другихъ законъ не писанъ.

— Но почему нельзя бороться?

— Да, какъ? За ними Дума, пресса, народъ, осиное гнѣздо журналистовъ, ну и не трогаютъ.

— А вы главкосѣвы, главкозапы, командармы — вы начальники?

— Молчимъ, Саша, и ждемъ. Въ бриджъ играемъ, по воскресеньямъ молодые люди во френчахъ придутъ и такихъ Румынъ на скрипкѣ, окаринѣ и фортепіано изобразятъ, что ай люли малина! Всѣ съ женами, — и я съ женой. Любовь Матвѣевна здѣсь принята, какъ своя, а вѣдь ты знаешь, кто она стала? Коли пятисотъ рублей не жалко, скажи когда, и пріѣдетъ на позицію и переночуетъ въ землянкѣ. Это называется: поѣхать сдѣлать вспрыскиваніе. Кругомъ развратъ небывалый. Въ Петроградѣ такъ веселятся, какъ никогда. Что же я то сдѣлаю? Ну да вотъ ты молодой, энергичный, посмотрю я на тебя, что ты сдѣлаешь!

— Пугаешь ты меня, ваше высокопревосходительство.

— Ахъ, Саша. А до чего я напуганъ! Повѣришь, временами сижу и думаю: — да есть война, или это такъ только кажется. Вотъ сейчасъ докладываютъ мнѣ, что ты пріѣхалъ. А я на Юзѣ разговоромъ важнымъ занятъ. Кошкинъ, членъ Думы, сюда ѣдетъ, такъ чтобы принять его хорошо... А утромъ тамъ гдѣ то поискъ былъ. Раненые, убитые, плѣнныхъ взяли, установили, что 269-й пѣхотный полкъ все на томъ же мѣстѣ стоитъ. Никому это и не интересно. Донесеніе перервали. Кошкинъ ѣдетъ... Покажите ему баню Солигаличскаго полка... А? Чѣмъ мы славимся. Что поискъ! — баня. Кошкинъ!! — Это важнѣе.

Въ гостиную просунулся адъютантъ.

— Ваше высокопревосходительство, — сказалъ онъ, — Нина Николаевна проситъ кушать.

— Ну, пойдемъ Саша. Можетъ хочешь руки помыть, а то пойдемъ. Нина не любитъ, чтобы опаздывали.

III.

Въ самомъ тяжеломъ настроеніи ѣхалъ Саблинъ изъ штаба арміи къ своему корпусу. — Посмотрю, увижу, — думалъ онъ. Буду работать, вѣдь люди тѣ же, что были въ нашемъ полку, что были и въ дивизіи, неужели не смогу воспитать ихъ? То, что онъ видѣлъ по пути, было безотрадно. Стояла грязь по деревнямъ и вдоль избъ повсюду толпились солдаты. Въ грязныхъ, старыхъ, непригнанныхъ шинеляхъ, большинство безъ погонъ, оборванные, въ небрежно одѣтыхъ искусственнаго сѣраго барашка папахахъ, въ лаптяхъ, опоркахъ, башмакахъ, очень рѣдко въ сапогахъ, они съ удивленіемъ поглядывали на автомобиль Саблина, пыхтѣвшій въ грязи, не отдавали чести, а если и отдавали, то такъ, что лучше бы и совсѣмъ не отдавали. Это были люди его корпуса. Саблина поразило то, что они были двухъ возрастовъ — или очень молодые — лѣтъ около 20—23, или уже старше 30-ти — середины не было. Саблинъ понялъ, что середина — выбита, уничтожена, настоящихъ солдатъ въ Россіи не осталось, остался сырой матерьялъ, изъ котораго можно сдѣлать солдата и остались тѣ, кто уцѣлѣлъ по обозамъ, за легкимъ раненіемъ, или просто удравши съ поля сраженія. Саблинъ ѣхалъ полтора дня съ остановками и въ какіе бы часы дня онъ ни проѣзжалъ черезъ деревни, полныя солдатъ, онъ нигдѣ не видѣлъ строевыхъ ученій, или какихъ бы то ни было занятій. Вездѣ была одна и та же картина. Подлѣ избъ кучки солдатъ. Лущатъ сѣмечки, пересмѣиваются, или просто сидятъ на за-

валинкѣ съ хмурыми сѣрыми лицами, какъ инвалидная команда.

Въ Заставце, гдѣ былъ расположенъ штабъ 205-й дивизіи, той самой, которой командовалъ генералъ, просидѣвшій тридцать лѣтъ на стулѣ въ Главномъ Штабѣ и который не могъ отличить полка отъ дивизіи, и по образному выраженію Самойлова не могъ распознать фокса отъ мопса, Саблинъ смотрѣлъ полки, расположенные въ резервѣ и бесѣдовалъ съ полковыми командирами.

Полки не произвели на него впечатлѣнія войска. Безъ музыкантовъ, безъ знаменъ, они стояли сѣрыми громадами на тяжеломъ черномъ паровомъ полѣ. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ нимъ Саблинъ, тѣмъ больше замѣчалъ тѣ признаки, по которымъ старый фронтовикъ судитъ о дисциплинѣ и боеспособности части. Неаккуратная одежда, неоднообразно одѣтыя папахи, отсутствіе стойки и выправки, безразличныя тупыя лица. Въ первой ротѣ одинъ солдатъ держалъ «на караулъ» — стволомъ отъ себя, Саблинъ показалъ рукой командиру роты, тотъ не замѣтилъ и засуетился, не зная и не видя въ чемъ дѣло. Ротный былъ юноша съ широкимъ круглымъ лицомъ, узкими глазами и стрижеными усами. Поправилъ самъ командиръ полка. Оказалось, что и въ другихъ ротахъ было то же самое. Не знали даже ружейныхъ пріемовъ. Когда Саблинъ потребовалъ, чтобы мимо него прошли церемоніальнымъ маршемъ, начальникъ дивизіи долго совѣщался съ командирами полковъ. Онъ не могъ сдвинуть съ мѣста эту массу въ двѣнадцать тысячъ людей. Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда командъ, ему удалось перестроить резервныя колонны и роты пошли медленнымъ тяжелымъ шагомъ по блестящей жирной землѣ. Люди скользили и падали. Шеренги разравнивались. Шедшіе въ лаптяхъ теряли лапти. Винтовки лежали на плечѣ плоско. Видно не привыкли ихъ носить. У многихъ винтовокъ не было ружейныхъ ремней и ихъ замѣняли

веревки. За рѣдкимъ исключеніемъ офицеры не умѣли салютовать. Внѣшнести не было. Но за этимъ отсутствіемъ внѣшнести Саблинъ замѣчалъ и болѣе существенное. Люди запыхались, пройдя нѣсколько шаговъ по грязному полю, въ рядахъ былъ разговоръ. А, если придется вести обходное движеніе на нѣсколько верстъ, — думалъ Саблинъ, — дойдутъ ли? Онъ вспомнилъ все то, что писали многіе военные и съ именами противъ музыкантовъ и барабанщиковъ, противъ церемоніальнаго марша и муштры и теперь видѣлъ плоды ихъ работы. Но снимать жатву придется Саблину, который все время былъ ихъ противникомъ.

Саблинъ вспомнилъ уроки тактики и стратегіи. «Арміи», — говорилъ съ каѳедры профессоръ — «разбитыя на поляхъ сраженія — разбиты задолго до самаго сраженія». Саблину казалось, что онъ видитъ такую армію, обреченную на гибель.

Послѣ смотра, въ большой комнатѣ гминнаго управленія, собрались начальникъ дивизіи со штабомъ и полковые командиры. Полковые командиры трое были старые полковники, одинъ молодой офицеръ генеральнаго штаба. Каждый изъ трехъ годился въ отцы своему корпусному командиру. Годы тяжелой жизни и рядъ пороковъ изрыли ихъ хмурыя обросшія клочками сѣдыхъ волосъ лица. Командиръ 817-го полка, полковникъ Пастуховъ, до войны былъ двадцать лѣтъ становымъ приставомъ и большимъ поклонникомъ Бахуса, командиръ 818-го полка командовалъ батальономъ въ Среднеазіатскомъ захолустьи и никогда не видалъ своего батальона, который стоялъ по постамъ на границѣ, командиръ 819-го полка имѣлъ за плечами лѣтъ 26, былъ изъ молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба и хотѣлъ создать новую тактику и новую систему обученія, наконецъ, командиръ 820-го полка былъ старый кадровый батальонный командиръ, но онъ былъ толстъ и страдалъ такой одышкой и такъ громко дышалъ, что Саблину

приходилось повышать голосъ, чтобы заглушать его сипѣніе.

Саблинъ разнесъ ихъ. Они выслушали молча, сокрушенно, все то, что онъ говорилъ и ничего не сказали.

— Я требую, — говорилъ Саблинъ послѣ нѣкоторой паузы, — непрерывнаго обученія людей. Я требую гимнастики, чтобы развить тѣла солдатъ и подготовить къ быстрымъ и ловкимъ движеніямъ. я требую работы штыкомъ по чучеламъ, я требую ротныхъ, батальонныхъ и полковыхъ ученій и маневровъ, умѣнья работать на всякой мѣстности и во всякое время года... То, что я видѣлъ — срамъ.

— Позвольте вамъ доложить, ваше превосходительство, — захрипѣлъ толстый командиръ 820-го полка.

— Что вы можете сказать? — спросилъ его Саблинъ.

— То, что вы изволили сказать, совершенно вѣрно. Я, какъ старый капитанъ и ротный командиръ славнаго Закатальскаго полка, вполнѣ понимаю васъ, но привести въ исполненіе ваши указанія полагаю невозможнымъ. И вотъ почему. Эти два года войны я былъ по немощи своей смотрителемъ госпиталя. Много раненыхъ солдатиковъ прошло черезъ мои руки. Я думаю тысячъ до четырехъ. И я съ ними говорилъ и сестры мнѣ то же самое разсказывали. Нашъ солдатъ, особенно побывавшій въ госпиталѣ, питаетъ отвращеніе ко всякимъ занятіямъ. Не желаемъ, — говорятъ, — больше учиться, маршировать, честь отдавать, ружейные пріемы дѣлать и все тутъ. А ежели, говорятъ, заставлять станутъ, — мы офицеровъ перебьемъ. Такое настроеніе. Какъ я съ такимъ настроеніемъ выведу роты на ученья? Кто учить будетъ? Офицеровъ настоящихъ нѣтъ. Все пошли — верхи хватать.

— Ваше превосходительство, — сказалъ туркестанецъ. Вотъ вамъ примѣръ. Надо учить гранаты

метать. Офицеры и солдаты согласны этому обучаться. А гимнастикѣ не согласны. Теперь изволите видѣть — сами они, какъ верблюды неуклюжіе, пальцы имъ не повинуются. Взялъ такой дядя гранату, вертѣлъ, вертѣлъ — она и разорвалась у него... Руку оторвала. Тогда и съ гранатами перестали заниматься.

— Все оттого происходитъ, если позволите мнѣ мое глупое мнѣніе сказать, — сказалъ Пастуховъ и отъ волненія его темнокрасный бугристый носъ сталъ совершенно сизымъ, — все оттого, что водки нѣтъ. Раньше бывало,—я въ Бѣлгорайскомъ полку службу началъ, — чуть что, — по чаркѣ водки! Молодцы ребята! — и «рады стараться» и все такое. Рота, я доложу вамъ, у меня была такая, что всѣ въ зависть входили, когда ее видали. Меня и звали — поручикъ-дьяволъ. Ей Богу — правда. А все — чарка водки. Все она милая, вдохновительница. А теперь чѣмъ его приманешь? Скажешь—спасибо — онъ и отвѣчать не хочетъ, — крикнетъ: — р-ра! а дальше и не идетъ. Голоса безъ водки нѣтъ.

Пастуховъ сконфузился вдругъ и замолчалъ.

— Ваше превосходительство, — звонко и молодо заговорилъ офицеръ ускореннаго выпуска генеральнаго штаба. — Воспитывать нужно, бесѣдовать. Когда солдатъ пойметъ все великое значеніе войны — онъ станетъ львомъ. Когда мы строили тутъ окопы, я разсказывалъ своимъ людямъ о геройской оборонѣ французами Вердена, я чертилъ имъ форты, показывалъ рисунки — и, можете себѣ представить, мои солдаты, сами, по своему почину назвали наши укрѣпленія — фортъ Мортоммъ, и фортъ Верденъ, а третій фортъ маршала Фоша. Они вдохновлялись бесѣдами. Ихъ глаза горѣли и они работали съ удивительнымъ усердіемъ. Не ружейными пріемами, не гимнастикой мы покоримъ солдата, а его воспитаніемъ. А душа у него, смѣю завѣрить удивительная. Чуткая и ко всему покорная душа.

— Я не сомнѣваюсь въ прекрасныхъ качествахъ Русской души, — сказалъ Саблинъ, — но я знаю одно, что воспоминаніе, муштра, обученіе владѣнію оружіемъ и маневръ должны составлять правильный квадратъ и одно дополнять другое и я требую, господа, исполненія моихъ указаній.

— Не извольте безпокоиться, суетливо заговорилъ начальникъ дивизіи. Все будетъ исполнено. Я съ Григоріемъ Петровичемъ, — онъ кивнулъ на своего начальника штаба, — составлю росписаньице и все какъ слѣдуетъ поведемъ. Не извольте безпокоиться, все будетъ исправно.

— А вы, полковникъ, — обратился Саблинъ къ молодому командиру полка, вѣроятно знаете, какое громадное воспитательное значеніе имѣетъ музыка и пѣніе. Похвастайтесь мнѣ своими пѣсенниками. У васъ вѣдь есть таковые?

— Какъ же. Въ каждой ротѣ.

— Позовите сюда самыхъ лучшихъ.

IV.

Послѣ обѣда пришли пѣсенники и офицеры 819-го полка. Саблинъ вышелъ на крыльцо. Погода прояснивала. Красная полоса заката горѣла надъ недалекимъ густымъ и темнымъ лѣсомъ. Пѣсенники толпились на дворѣ гминнаго управленія. Саблинъ замѣтилъ, что это все была молодежь. Съ пѣсенниками пѣло нѣсколько прапорщиковъ. Три изъ нихъ привлекли вниманіе Саблина. Первый былъ красивый стройный юноша съ тонкимъ прямымъ носомъ и черными хищными глазами. Усы были сбриты и большой чувственный ротъ показывалъ бѣлые крѣпкіе зубы. Сильная воля, рѣшимость, мужество были въ каждой его ухваткѣ, въ каждомъ жестѣ. Изъ подъ сплюснутой спереди папахи хорошаго дорогого мѣха, запрокинутой на затылокъ, выбивались на лобъ подвитою чолкою

черные густые волосы. Лицо было красиво, но въ красотѣ были и непріятныя черточки: — оно отталкивало слишкомъ чувственнымъ выраженіемъ рта, грубостью чертъ и вся фигура была грубо жестокая, животная.

Саблинъ спросилъ у командира полка кто этотъ прапорщикъ.

— Это Осетровъ. Сынъ богатаго извозопромышленника и кулака. Говорятъ отецъ его конокрадствомъ занимался и, кажется, не гнушался и убійствомъ. Лихой парень. А? Красавецъ. Я бы его адъютантомъ сдѣлалъ, да уже больно крѣпколобъ и мало грамотенъ. А ѣздитъ, рубитъ, стрѣляетъ — картина. Настоящій разбойникъ.

Другой, пришедшій съ хорошей большой гармоникой былъ юноша съ круглымъ какъ блинъ широкимъ скуластымъ лицомъ и узкими монгольскими глазами. Его лицо улыбалось тупою животною улыбкой.

— А гармонистъ? — спросилъ Саблинъ.

— Гайдукъ, латышъ, сынъ кулака. Онъ коммерческое училище кончалъ, да потомъ увлекся военной службой. Выпить можетъ бочку. Руками подковы гнетъ.

Подлѣ нихъ, оглядывая ихъ страстными мечтательными глазами стоялъ третій. Тонкое, худое блѣдное лицо съ большими синими глазами, обведенными глубокой синевой, было полно тоски. Худыя руки съ длинными пальцами были украшены перстнями и золотая браслетка болталась у запястья. Онъ одѣтъ былъ изысканно тонко и ломался кошачьими движеніями, подражая женщинѣ.

— Вотъ этотъ бѣлобрысый, что на дѣвку похожъ, — сказалъ командиръ полка, — это Шлоссбергъ, сынъ петербургскаго адвоката. По моему онъ ненормальный, истерикъ. Но какой голосъ! Какая манера пѣть! Онъ уже кончалъ консерваторію и участвовалъ въ спектакляхъ. Мы ихъ зовемъ три Аякса. Неразлучны. И вотъ уже Шлоссбергъ то

младенецъ среди чертей — тѣ два лихачи, ухари, кумиры солдатъ, а этотъ стихи пишетъ, рыдаетъ надъ убитымъ солдатомъ и... кажется морфиноманъ.

— Да, пріятная компанія, — оглядывая ихъ сказалъ Саблинъ. — Въ нихъ офицерскаго, кромѣ погонъ и кокардъ ничего.

— Ничего и нѣтъ, — прохрипѣлъ Пастуховъ. — И представьте, больше половины такихъ. Хороши тѣ, которые изъ корпусовъ вышли, въ нихъ манера есть, а это ломаки какіе то.

— Командармъ смотрѣлъ ихъ, такъ офицерьемъ назвалъ, — сказалъ начальникъ дивизіи, не умѣвшій отличить фокса отъ мопса.

— Революціонные офицеры, — сказалъ полковникъ генеральнаго штаба и самъ былъ не радъ, что это сказалъ, такъ остро и внимательно посмотрѣлъ на него Саблинъ, точно хотѣлъ въ самую душу его проникнуть.

Съ хоромъ не пришли ни фельдфебель, ни старые унтеръ офицеры. Несмотря на присутствіе начальства и командира корпуса, пѣсенники пересмѣивались, иные продолжали лущить сѣмечки и вся ватага ихъ походила на толпу разгульныхъ деревенскихъ парней, пришедшихъ на господскій дворъ, на компанію мастеровыхъ, или рабочихъ, но не на солдатъ. У многихъ на шинеляхъ не было погонъ, у кого обоихъ, у кого одного. Видно отличіемъ этимъ не гордились, не щеголяли номеромъ своего полка и его именемъ.

Осетровъ распихалъ руками солдатъ по голосамъ и сталъ передъ ними. Гайдукъ съ гармоникой пристроился рядомъ, усѣвшись на большомъ чурбанѣ, нѣжный Шлоссбергъ сталъ поодаль. Осетровъ обвелъ хоръ глазами и сильнымъ, мощнымъ голосомъ завелъ.

Изъ за острова на стряжень,
На просторъ рѣчной волны!

Хоръ не особенно дружно подхватилъ.

Выплываютъ расписные
Стеньки Разина челны.

Много разъ слыхалъ Саблинъ эту пѣсню, давно ставшую модною въ полкахъ, но такого исполненія не слыхалъ. Оно было грубое. Въ хорѣ не было главнаго: — гармоніи. Пѣвцы не пѣли, а кричали, мало было хорошихъ голосовъ, но они жили этою пѣснею, они упивались всѣмъ ея дикимъ смысломъ и на ихъ лицахъ отражалось каждое слово пѣсни. Лицо Осетрова горѣло разгуломъ сладострастнаго могущества.

Мощнымъ взмахомъ поднимаетъ,
Онъ красавицу княжну
И за бортъ ее бросаетъ
Въ набѣжавшую волну!

Пѣлъ хоръ и на лицахъ Осетрова, Гайдука, солдатъ играла одна и та же звѣриная усмѣшка самодовольства и злобы. Кажется, каждый изъ нихъ всѣми фибрами души переживалъ сладостныя минуты торжества разгульнаго атамана и мечталъ подражать ему и такъ же какъ и онъ играть и жизнью, и честью, и счастьемъ, — все отдавая на потѣху.

Передъ середину хора вышелъ Шлоссбергъ. Онъ поклонился, какъ кланяются артисты, выходя на эстраду передъ Саблинымъ и сказалъ два слова Гайдуку. Гармонія застонала въ сильныхъ рукахъ Гайдука. Шлоссбергъ устремилъ мечтательные глаза вдаль, лицо его прониклось выраженіемъ глубокой скорби и не сильнымъ баритономъ хорошо поставленнаго голоса онъ началъ:

Какъ король шелъ на войну
Въ чужедальнюю страну
Заиграли трубы мѣдныя
На потѣхи на побѣдныя!

И, сбавивъ тона и опустивъ красивую голову. Шлоссбергъ полнымъ печали голосомъ продолжалъ:

А какъ Стахъ шелъ на войну
Въ чужедальнюю страну:

Зашумѣла рожь по полюшку
На кручину, на недолюшку.

Свищутъ пули на войнѣ...
Ходитъ смерть въ дыму, въ огнѣ.

Тѣшатъ взоръ вожди отважные,
Стонутъ ратники сермяжные.

Конченъ бой. Труба гремитъ.
Съ тяжкой раной Стахъ лежитъ.

А король стезей кровавою
Возвращается со славою!....

И едва кончилъ Шлоссбергъ, какъ Гайдукъ, протянувши печальный аккордъ, вдругъ искривилъ свое полное лицо въ ликующую животную усмѣшку, весело перебралъ гармоникой и громкимъ и зычнымъ голосомъ, потрясшимъ весь дворъ, выкрикнулъ могуче, звѣрино, радостно:

Э-эхъ! Ээхъ! Ээхъ!
Эхъ, жилъ бы, да былъ бы,
Пилъ бы, да ѣлъ бы,
Не работалъ никогда!
Жралъ бы, игралъ бы
Былъ бы веселъ завсегда!

Хоръ подхватилъ ликующими голосами

Жилъ бы, да былъ бы,
Пилъ бы, да ѣлъ бы
Не работалъ никогда.

Два парня выскочили впередъ и размахивая руками стали отплясывать Русскую, отъ которой

пахнуло фабричнымъ кварталомъ и иноземнымъ мателотомъ.

Горло сдавило Саблину отъ всего того, что онъ увидалъ и услыхалъ и глухимъ голосомъ онъ сказалъ: «Господа пожалуйте въ избу. Прапорщики Осетровъ, Гайдукъ и Шлоссбергъ попрошу васъ сюда».

Хоръ затихъ, по тону голоса Саблина, по его мрачному недовольному лицу всѣ поняли, что чѣмъ то не угодили корпусному командиру. Офицеры затопотали ногами по крыльцу гминнаго правленія, стѣснились въ дверяхъ и вошли, неловко толкаясь.

— Станьте. господа, по полкамъ. — строго сказалъ Саблинъ.

Пастуховъ сокрушенно вздыхалъ и не зналъ. куда спрятать свой красный носъ, толстякъ прерывисто громко сопѣлъ, набирая воздухъ. полковникъ генеральнаго штаба придалъ независимый видъ своему холеному лицу и подправилъ свои небольшіе стриженые усы, начальникъ дивизіи сталъ на правомъ флангѣ, комично вытянувшись и всѣмъ видомъ своимъ говоря: — «вотъ видите. до чего вы довели! Разсердили его превосходительство. А я не виноватъ. Я старался и буду стараться. Что прикажете, то и сдѣлаю. Только прикажите!»

— Господа! — сказалъ Саблинъ и голосъ его звенѣлъ отъ негодованія. — Я запрещаю, слышите, категорически, воспрещаю пѣть эти и имъ подобныя пѣсни. Откуда вы набрали это все?

— Ваше превосходительство, — волнуясь заговорилъ командиръ полка, отъ котораго были пѣсенники. — Это все очень извѣстныя народныя пѣсни, и народныя частушки. Это творчество Русскаго народа...

— Такъ вотъ э т о творчество я вамъ и запрещаю пѣть.

— Что же тогда пѣть? — пробормоталъ удивленный полковникъ генеральнаго штаба.

— Ну что притворяетесь, что не знаете! «Полтавскій бой», «Бородино», «Что за пѣсни, вотъ такъ пѣсни распѣваетъ наша Русь», «Раздайтесь напѣвы побѣды», будто не пѣли въ корпусѣ и училищѣ хорошихъ пѣсень, будто не видали пѣсенниковъ. А эту развращающую душу солдата грязь потрудитесь изъять изъ обращенія. И вы, ваше превосходительство, благоволите наблюсти мнѣ за тѣмъ, чтобы репертуаръ вашихъ пѣсенниковъ былъ патріотическій и возвышающій душу, а не роняющій высокое имя солдата... Жралъ бы, игралъ бы! — Чортъ знаетъ, чего не придумаютъ! Какіе идеалы!

Саблинъ круто повернулся и вышелъ. Автомобиль уже былъ поданъ. Петровъ зналъ своего генерала и зналъ, что онъ ни минуты не останется тамъ, гдѣ ушелъ не поблагодаривши солдатъ.

Едва автомобиль завернулъ за уголъ улицы селенія, командиръ полка, отъ котораго были пѣсенники, сказалъ громко.

— Ну гусь! Настоящій гвардейскій гусь. Реакціонный генералъ. Молчать и не пущать!

— Оставьте, Михаилъ Ивановичъ,—сокрушенно сказалъ начальникъ дивизіи. — ну въ самомъ дѣлѣ что это за пѣсни?

— Современныя пѣсни ваше превосходительство,сказалъ Шлосбергъ. — Теперешній солдатъ не станетъ пѣть той дребедени, которую назвалъ командиръ корпуса. Онъ переросъ все это. У него свои пѣсенники, свои душевные запросы и переживанія и мы, офицеры, въ тяжелое время войны должны слѣдить за сложными изгибами его смятенной души.

— Плевицкая «Стеньку Разина» передъ Государемъ пѣла и Государь одобрялъ, а его превосходительству не понравилось.

— Оставьте, Михаилъ Ивановичъ. Видите, мы у праздника. Тошно и безъ васъ. Извольте теперь занятія придумать, да въ жизнь провести. Онъ

вѣдь провѣритъ. Я слыхалъ про него.

— Да какія же занятія, ваше превосходительство. Что же, вы хотите ожесточить солдатъ передъ боемъ?, сказалъ полковникъ.

— Но, господа, что нибудь, да надо дѣлать. А этихъ пѣсенъ, господа, чтобы при немъ не пѣли.

— Понимаю, — улыбаясь сказалъ Осетровъ.

Саблинъ въ это время ѣхалъ по длинной гати въ густомъ лѣсу и пожимался какъ отъ холода въ теплой шинели. Тошно было у него на душѣ.

....Жралъ-бы, игралъ бы — не работалъ никогда! — думалъ онъ. Это завѣтъ солдату, присягнувшему терпѣть и холодъ и голодъ. Да присягали ли эти молодцы? Оборванные, безъ погонъ. Господи! И никто не видитъ. Надо будетъ просить смѣнить всѣхъ командировъ. Всѣхъ долой — къ чертямъ! И офицеровъ этихъ! Пусть пришлютъ лучше унтеръ офицеровъ, храбрыхъ да честныхъ, чѣмъ эти три Аякса-альфонсъ, сутенеръ и гермафродитъ. А хорошо поетъ, каналья, съ надрывомъ. Надо будетъ его къ Пестрецову отправить, пусть Нину Николаевну услаждаетъ. Шлоссбергъ! Да уже не жидъ-ли? Нѣтъ не похожъ на жида. На позицію. — туда, гдѣ свищутъ пули, гдѣ ходитъ смерть въ печальномъ саванѣ, гдѣ лица серьезныя и скорбныя, глаза изъ которыхъ глядится безсмертная душа! Посмотрю, что тамъ! А тамъ частою смѣною воспитаю солдатъ и въ самомъ бою. Господи! съ мольбою произнесъ Саблинъ — намъ надо наступленіе, горячіе бои, побѣда, или... или миръ, иначе мы погибли!...

V

Маленькій рыжій, кривоногій Давыдовъ, начальникъ штаба корпуса, движеніемъ руки остановилъ шоффера и сказалъ Саблину: — надо остановиться. Дальше нельзя ѣхать.

Кругомъ все говорило, что они подъѣхали къ той страшной полосѣ, гдѣ кончается мирная и беззаботная жизнь и начинается поле опасности. Въ туманномъ воздухѣ ранняго осенняго утра была глубокая мертвая тишина. Тамъ, откуда они выѣхали полчаса тому назадъ, еще въ темнотѣ была жизнь и движеніе. Кто то пѣлъ заунывно тачая сапоги, кто то хрипло ругался и по деревнѣ пѣли пѣтухи и басомъ лаяли по осеннему собаки. Здѣсь все вымерло. Деревня стояла пустая. Избушки съ разбитыми окнами и снятыми съ петель дверями смотрѣли точно покойники съ провалившимися глазами. Онѣ прерывались пожарищами. Лежали груды пепла и торчали печальныя березы съ черными обуглившимися вѣтвями. Большое зданіе не то школы, не то управленія было безъ оконъ и крыльцо было разобрано на дрова. Подлѣ него, чуть приподнимаясь надъ землею, была большая землянка съ насыпанною на потолкѣ на аршинъ землею.

— Что хватаетъ развѣ?, спросилъ Саблинъ начальника штаба, глядя на землянку и тотъ сразу понялъ о чемъ онъ говоритъ.

— Теперь нѣтъ. А раньше хваталъ. Аэропланами одолѣваетъ. Больше отъ нихъ прячемся.

— Здѣсь кто же?

— Резервная рота. Зайдете?

— На обратномъ пути, если успѣю.

Такъ было тихо кругомъ, что не вѣрилось, чтобы въ землянкахъ могли быть люди.

— Спятъ должно быть, — сказалъ Давыдовъ. — Ночью то боятся. Все газовъ ждутъ. Пойдемте ваше превосходительство, тутъ версты полторы придется идти.

За краемъ деревни шла на западъ прямая давно неѣзженная дорога. Вѣтеръ и дожди сравняли ея колеи. Бурая трава поросла по ней. Кругомъ были пустыри, необработанныя и неснятыя поля, побитыя осенними морозами, комья черной

земли, частыя черныя воронки, затянутыя водою, тамъ и тамъ едва замѣтный холмикъ земли и крестъ изъ двухъ палокъ, безъ надписи, безъ имени.

— Слѣды августовскихъ и сентябрьскихъ боевъ, — сказалъ Давыдовъ. — Этакое сумасшествіе было такъ наступать. Положилъ тутъ народу N-скій армейскій корпусъ! Мы пришли почти мѣсяцъ спустя, покойнички еще валялись. Хоронили, какъ могли. Вѣдь это болото. Окопаться невозможно. Вода. А видите сколько воронокъ кругомъ дороги. Все сдавилось на дорогу инстинктивно. А онъ тяжелой артиллеріей билъ.

Дорога спустилась къ мосту черезъ широкую канаву, потомъ стала медленно подниматься на песчаные бугры.

— Вотъ и деревня Шпелеври, сказалъ Давыдовъ, показывая на пустое мѣсто.

— Гдѣ? спросилъ Саблинъ, который не увидалъ никакого признака деревни.

— Здѣсь. Ее всю растащили по окопамъ. Тамъ каждая доска, каждый кирпичъ дороги. Вѣдь сюда не подвезешь. Пожалуйте сюда.

Среди песковъ, кое гдѣ поросшихъ голыми кустами тальника торчалъ изъ земли косой сѣрый дрючокъ и къ нему была прибита доска, на которой чернильнымъ карандашомъ крупно было написано: «участокъ 812-го полка». Подлѣ этого мѣста начиналась постепенно углублявшаяся въ песокъ канава — ходъ сообщенія къ окопамъ. Саблинъ, а за нимъ Давыдовъ вошли въ него и было время — съ сильнымъ свистомъ и клокотаніемъ пролетѣлъ снарядъ и паммъ! разорвалась бѣлымъ дымкомъ германская шрапнель и свиснули гдѣ то сзади и вверху пули.

— Видитъ, — сказалъ Давыдовъ. — Препротивное, знаете, чувство. Идешь. Пустыня, а кто то на тебя смотритъ, примѣчаетъ, видитъ. У нихъ этотъ входъ съ шара отмѣченъ и видѣнъ.

Привязной шаръ, длинной сѣрой колбасой висѣлъ далеко подъ горизонтомъ. Горизонтъ упирался въ пески. Саблинъ и Давыдовъ все глубже уходили подъ землю и скоро шли въ канавѣ выше ихъ роста и только тусклое сѣрое осеннее небо было видно надъ ними. Канава съ осыпающимися песчаными боками смѣнилась плетенкой изъ ивы, прикрывшей бока, стало пахнуть землею, сыростью и человѣческими отбросами.

— Да, сокрушенно говорилъ Давыдовъ, то и дѣло переступая черезъ слѣды нарушенія порядка службы во окопахъ, — не понимаетъ нашъ солдатъ своей пользы и не соблюдаетъ чистоты. Ему все равно гдѣ, лишь бы его видно не было, а тамъ хотя на парадномъ крыльцѣ и замѣтьте — это лучшій полкъ. Свиньи, прямо свиньи. Въ австрійскихъ, или германскихъ окопахъ я ничего подобнаго не видалъ.

— А устроены ли у васъ хорошо мѣста?, спросилъ Саблинъ.

— Ну не такъ, чтобы очень.

— Въ этомъ весь и секретъ. Не браните мнѣ, Сергѣй Петровичъ, Русскаго народа. Мы начальники виноваты. Если онъ скотъ, то мы должны быть пастухами при этомъ скотѣ и учить его уму разуму, а то мы хотимъ сами учиться у этого скота. Народъ-богоносецъ! Жралъ-бы — игралъ-бы, не работалъ никогда!...

Они прошли уже около полуверсты по ходу сообщенія, который то шелъ прямо, то дѣлалъ изгибъ, или огибалъ траверсы. Наконецъ ходъ уперся въ поперечный ходъ, на стѣнахъ изъ плетня были прибиты доски и на нихъ чернилами, печатными буквами, было написано, направо — «на фортъ Мортоммъ», на лѣво «на фортъ Верденъ». Вдоль ходовъ была сдѣлана ступенька и самый ходъ былъ приспособленъ для стрѣльбы.

— Куда желаете? На Мортоммѣ 13-ая рота — это укрѣпленіе, передѣланное изъ австрійскаго

форта, — оно ближайшее къ непріятелю. Оттуда весь Любатовъ, какъ на ладони видѣнъ. Простымъ глазомъ видно, какъ нѣмцы ходятъ, оттуда можно пройдти и за рѣку на нашъ плацъ-д'армъ. Жалкое мѣсто, а бригаду съѣдаетъ.

Саблинъ повернулъ направо. Чаще стали попадаться отвѣтвленія и доски съ надписями. «Вода», «на кухню 13-й роты 812-го полка». «Къ командиру полка». — У этого отвѣтвленія на ходу сообщенія появилась высокая фигура затянутая въ солдатскую шинель. Значитъ подумалъ Саблинъ, и тутъ кто то слѣдилъ невидимо за нами и кто то далъ знать о нашемъ приходѣ. Это хорошо. Худощавый подполковникъ съ узкимъ лицомъ безъ усовъ и бороды подходилъ къ Саблину, держа руку у края папахи. Сзади него шелъ солдатъ съ винтовкой въ рукахъ. Это былъ командиръ полка подполковникъ Козловъ.

Онъ отрапортовалъ Саблину и спокойно и вѣжливо сказалъ ему.

— Ваше превосходительство, пустить васъ въ передовую линію не могу и долженъ просить васъ вернуться обратно или обождать, пока не принесутъ противогазы. — Желѣзкинъ, обернулся онъ къ солдату, сбѣгай въ цейхгаузъ и принеси два противогаза.

Саблинъ покраснѣлъ, но промолчалъ и укоризненно посмотрѣлъ на Давыдова.

— Вы правы, полковникъ, сказалъ онъ. Я обожду. А у васъ запасъ есть?

— 20 процентовъ, согласно приказа, держу. Нашъ солдатъ не опрятенъ и не бережливъ. Пока самъ газа не испытаетъ не пойметъ, что противогазъ такъ же нуженъ, какъ ружье и лопата. Старый солдатъ ружье уважалъ, а нынѣшніи и къ нему равнодушенъ.

— Вы давно на службѣ?

— Юнкеромъ рядового званія съ 1906 года.

— А гдѣ служили?

— Все время въ Зарайскомъ пѣхотномъ полку.

— Тамъ получили и георгіевскій крестъ?

— Такъ точно. За штурмъ укрѣпленной позиціи у посада Новый Корчинъ.

— Я слыхалъ про это дѣло. Удивительно чистое дѣло.

— Солдатъ былъ другой, ваше превосходительство, — съ тѣмъ солдатомъ и не такія дѣла можно было дѣлать.

Саблинъ смотрѣлъ въ лицо Козлова и чѣмъ больше вглядывался въ его печальные сине сѣрые глаза тѣмъ болѣе оно ему нравилось. Въ немъ отражалась тоска и сильная душевная мука такъ знакомая Саблину по личнымъ переживаніямъ. Мука не о себѣ, не о своемъ, а объ общемъ, государственномъ, Россійскомъ.

Желѣзкинъ принесъ противогазы.

— На фортъ Мортоммъ? Къ тринадцатой ротѣ?, спросилъ Козловъ. Саблинъ отвѣтилъ утвердительно. Онъ пошелъ впереди, за нимъ Козловъ. Ходъ сообщенія сейчасъ же и уперся въ отлично отдѣланное укрѣпленіе. Двѣ ступеньки вели къ банкету. На банкетѣ, тянувшемся шаговъ на триста и разсчитанномъ на роту былъ одинъ человѣкъ — часовой. Онъ стоялъ оперишсь локтями о край бруствера и внимательно смотрѣлъ въ бойницу. Это былъ такой же молодой солдатъ, какихъ видѣлъ Саблинъ среди пѣсенниковъ, но волосы у него были острижены подъ гребенку, папаха одѣта слегка на правый бокъ, шинель пригнана, на погонахъ защитнаго цвѣта, аккуратно, по трафарету, былъ напечатанъ номеръ полка. Патронныя сумки, противогазъ и ручная граната были пригнаны, ремень стягивалъ талью, часовой производилъ впечатлѣніе солдата. Саблинъ поднялся на банкетъ и сталъ у бойницы рядомъ съ часовымъ. Часовой не шелохнулся. Мѣстность полого спускалась къ неширокой рѣкѣ, поросшей по берегамъ потемнѣвшими камышами. Въ тридцати шагахъ отъ укрѣ-

пленія частымъ переплетомъ въ восемь рядовъ толстыхъ кольевъ шло проволочное загражденіе, еще дальше шагахъ въ шестидесяти тянулась вторая полоса проволоки. Отъ нашихъ укрѣпленій до рѣки былъ только песокъ, изрытый снарядами и поросшій мѣстами сухою травой. Ни одного предмета не было между. За рѣкою берегъ круто поднимался и по нему лѣпились домики. Нѣсколько поодаль отъ селенія, въ чащѣ темнаго сада безъ листьевъ, просвѣчивалъ двухъэтажный бѣлый господскій домъ. Никого не было видно на томъ берегу. Казалось селеніе вымерло. Не вѣрилось, что тамъ сосредоточенъ цѣлый полкъ германской пѣхоты. Саблинъ взялъ бинокль. Въ бинокль чуть намѣтились узкія полоски окоповъ и ходовъ сообщенія. Два человѣка вышли изъ деревни и пошли по дорогѣ вдоль рѣки и странно было думать, что это непріятель, что имъ нельзя закричать, замахать платкомъ, но можно поставить прицѣлъ, выстрѣлить и убить. Они прошли по дорогѣ, свернули отъ рѣки и пошли отъ окоповъ. До нихъ было меньше версты.

— Не стрѣляете? — спросилъ Саблинъ.

— Нѣтъ. Ни къ чему, отвѣчалъ Козловъ. Дарюмъ тратишь патроны. И они не стрѣляютъ. Тутъ вѣдь нѣмцы, а не австрійцы. Другой разъ два, три дня такая тишина стоитъ, что можно подумать, что они ушли.

— Что видалъ? — спросилъ Саблинъ часового.

— Тихо, — отвѣчалъ тотъ. — А вчора ночью музыка у него играла, чудно. Темно все, зги не видать. И музыка играетъ, печально такъ. Праздникъ что ли какой у него.

— А кто командуетъ ротой, — спросилъ, спускаясь съ банкета Саблинъ.

— Капитанъ Верцинскій, — отвѣчалъ Козловъ.

Саблину показалось, что онъ гдѣ то слышалъ эту фамилію.

— Что за человѣкъ?

— Онъ сумасшедшій, ваше превосходительство, — отвѣчалъ Козловъ.

— Какъ же вы держите такого?

— Тутъ такія обстоятельства, что онъ намъ еще и нуженъ. Когда N-скій корпусъ бралъ эти укрѣпленія у австрійцевъ, на этомъ самомъ форту произошла не совсѣмъ обычная даже и на войнѣ драма. Въ блиндажѣ ротнаго командира роскошно, кстати сказать, обставленномъ, было найдено два трупа. На широкой, пружинной кровати, принесенной изъ господскаго дома, среди обстановки изящной спальни, лежалъ молодой венгерскій офицеръ и рядомъ съ нимъ молодая женщина. По обстановкѣ можно было догадаться, что офицеръ застрѣлилъ женщину, а потомъ застрѣлился самъ. Кровь и мозги изъ раздробленныхъ череповъ забрызгали стѣны, обшитыя досками. На войнѣ не привыкать къ трупамъ. Часто приходится сутками лежать среди убитыхъ и солдатъ нашъ не брезгливъ къ нимъ, но почему то эти произвели особенно тяжелое впечатлѣніе и создалась легенда, что ночью въ окопѣ слышны стоны, что пытались соскоблить кровь съ досокъ, а она снова проступала еще болѣе яркими пятнами, что снимали со стѣны ея портретъ, а онъ появлялся снова, что ночью кто то ходитъ по блиндажу. Словомъ — бѣсовское мѣсто. Никто не соглашался жить въ блиндажѣ несмотря на всю роскошь его обстановки. Блиндажа чурались и на самомъ форту создалось тревожное настроеніе. Спереди непріятель, а сзади бѣсовскія силы — согласитесь, что увѣренности въ томъ, что при такихъ условіяхъ удержатъ фортъ у полкового командира быть не могло. Вотъ тутъ мнѣ Верцинскій и пригодился. Онъ ни въ Бога, ни въ черта не вѣритъ, завалился на этой самой кровати, накрылся одѣяломъ съ пятнами крови и хоть бы что. А солдатъ это ободрило. Онъ георгіевскій кавалеръ, хотя и говоритъ, что по недоразумѣнію, ну да кто его знаетъ. Говорятъ у Костюхновки прорывъ по-

зиціи сдѣлала этою весною его рота — ну, значитъ, ему и книги въ руки. Роту его держитъ въ полномъ порядкѣ подпоручикъ Ермоловъ, дивный юноша.

— Интересный должно быть типъ вашъ Верцинскій, — сказалъ Саблинъ.

— А вотъ мы и у него.

Окопъ четырьмя ступенями спускался внизъ на площадку, обращенную къ непріятелю. На ней какъ колонны стояли большія бревна, подпиравшія тяжелый потолокъ изъ накатника, накрытаго на сажень землею и бревнами. Въ глубинѣ навѣса виднѣлась дверь и два окна. Въ окна мерцалъ красный огонекъ свѣчи. Саблинъ открылъ дверь и не совсѣмъ обычное на войнѣ зрѣлище представилось ему.

VI.

Комната, въ которую вошелъ Саблинъ, походила болѣе на пещеру, нежели на комнату. Вышиною около четырехъ аршинъ она имѣла приблизительно столько же въ глубину и ширину. Большую часть ея занимала кровать, стоявшая въ особой нишѣ и безпорядочно накрытая смятымъ, пестрымъ тряпьемъ. Прямо противъ двери былъ письменный столъ и подлѣ него два большихъ глубокихъ кресла. Съ одного, при ихъ входѣ, медленно поднялся худощавый человѣкъ средняго роста, на которомъ, какъ халатъ висѣла смятая солдатская шинель, безъ клапана. Лицо его было освѣщено снизу свѣчою, бросавшею бѣглыя тѣни на него. Оно было болѣзненно худощаво, изрыто глубокими морщинами страданія и поросло неопрятною клочковатою бородою. Бѣлесые глаза его напомнили Саблину глаза Распутина. Но въ нихъ не было только той зоркости и проницательности, которая отличала глаза Распутина, напротивъ вѣки растерянно мигали и онъ не понималъ, кто пришелъ къ нему и не зналъ, что ему дѣлать.

— Капитанъ Верцинскій, — сказалъ ему Козловъ, — рапортуйте же. Новый корпусный командиръ у насъ.

Фигура пошатнулась, медленно выдвинулась изъ за стола, подошла къ Саблину и стала въ тусклый свѣтъ растворенной двери. Но вмѣсто рапорта, капитанъ Верцинскій тускло проговорилъ:

— Казиміръ Казиміровичъ Верцинскій — и протянулъ вялую большую руку.

Саблинъ невольно принялъ ее и вглядѣлся въ лицо Верцинскаго. Что то знакомое показалось ему въ сивыхъ волосахъ жидкими прядями висѣвшихъ вдоль высохшаго черепа, въ остромъ лицѣ, изъ котораго злобно смотрѣли скучные свѣтлые глаза.

— Мы съ вами нигдѣ раньше не встрѣчались? — сказалъ Саблинъ.

— Какъ-же! — и нѣчто похожее на улыбку скривило лицо Верцинскаго. — Лѣтъ двадцать тому назадъ у товарища Мартовой.

Краска бросилась въ лицо Саблину. Ему показалось, что въ этомъ страшномъ человѣкѣ судьба готовитъ ему ударъ по самому больному мѣсту — исторіи увлеченія Марусей.

— Помните гимназиста, съ бѣлыми волосами, который на васъ нападалъ за вашъ милитаризмъ. Вы-то тогда и вниманія на меня не обратили. Фамиліей моей не поинтересовались. Вашъ интересъ тогдашній былъ намъ ясенъ. Ну а я то къ вамъ очень присматривался. Другой планеты человѣкъ.

Какъ то сразу этотъ человѣкъ себя такъ поставилъ, что рухнули перегородки дисциплины и чинопочитанія, не было блестящаго свитскаго генерала, командира корпуса и захудалаго израненнаго капитана, изъ штатскихъ чиновниковъ, но стали два человѣка, связанные общею тайною.

— Текущая война васъ вѣроятно совершенно излѣчила отъ вашихъ антимилитаристическихъ заблужденій, — сказалъ Саблинъ, собираясь выйдти и кончить разговоръ, который начиналъ его волно-

вать, какъ нѣкогда волновали споры на вечеринкахъ у Вари Мартовой.

— Совсѣмъ даже напротивъ. Ничего подобнаго. Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь въ правотѣ нашихъ мнѣній и въ вашихъ заблужденіяхъ. Война поставила именно тотъ штрихъ на нашемъ ученіи, котораго намъ недоставало.

— Мы объ этомъ съ вами когда либо поговоримъ, — стремясь къ выходу сказалъ Саблинъ.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ. Милости просимъ сюда какъ нибудь ночью. Здѣсь особенно хорошо. Тихо, какъ въ могилѣ. Иногда проносятся надъ головою его чемоданы. Онъ вѣдь это мѣсто знаетъ. Точно поѣздъ гудитъ надъ головой. Куда то шлепнетъ! Какого русачка идіота обратитъ въ лепешку за вѣру, Царя и отечество. Приходите, милости просимъ.

Было что то жуткое въ его пригласительномъ жестѣ, которымъ онъ, одновременно приглашая Саблина, запахивалъ полы своей шинели.

Онъ не пошелъ провожать Саблина по своему форту, онъ не считалъ это нужнымъ. Вмѣсто него у дверей выросъ славный веселый юноша съ розовымъ безусымъ лицомъ и четко отчеканивая каждое слово, отрапортовалъ: «ваше превосходительство на форту Мортоммъ 13-й роты 812-го пѣхотнаго Морочненскаго полка, офицеровъ 2, рядовыхъ 112, со стороны непріятеля ничего не замѣчено».

Саблинъ подалъ ему руку. Офицеръ поклонился и отчетливо представился: — подпоручикъ Ермоловъ.

— Вы изъ какихъ Ермоловыхъ? — спросилъ Саблинъ.

— Мой отецъ помѣщикъ Ставропольской губерніи.

— Давно на фронтѣ?

— Четвертый мѣсяцъ.

Рота уже была имъ разбужена и стояла на нижней ступенькѣ блиндажа. Молодыя и старыя

лица внимательно смотрѣли на Саблина и въ нихъ была осмысленность и пониманіе обстановки.

— Что же вы дѣлаете, чтобы люди не скучали? — спросилъ Саблинъ у Ермолова.

— На балалайкахъ играемъ. Намъ изъ Земгора балалайки подарили, пѣсни поемъ, читаемъ, вотъ книгъ немного мало, а просилъ прислать — прислали все неподходящее. Имъ читать нельзя. Брошюры разныя, да еще Горькаго сочиненія, Андреева — совсѣмъ нельзя имъ читать. Надо бы бодрое что. Мы не скучаемъ.

Саблинъ кончалъ обходъ форта. Доска на краю его указывала путь къ 14-й ротѣ на фортъ маршала Фоша.

— Пойдемте, — сказалъ онъ Козлову. — До свиданія милый поручикъ. Храни васъ Господь!

Саблину хотѣлось перекрестить и поцѣловать этого юношу, такъ непохожаго на видѣнныхъ имъ въ тылу трехъ аяксовъ.

— Славный, славный офицеръ, — говорилъ сзади него Козловъ. — Вся рота на немъ.

— Такъ для чего же вы этого сумасшедшаго то держите?

— Нельзя безъ него. Для авторитета. Вѣдь Ермоловъ мальчикъ. Иной разъ заколеблется рота, онъ юркнетъ къ Верцинскому, помолчитъ съ нимъ полъ часа и выйдетъ къ ротѣ: — ничего не подѣлаешь, говоритъ, командиръ роты такъ приказалъ. Злющій, презлющій сидитъ. Ну и смирятся. Верцинскій то имъ не понятенъ, что у него на умѣ. Съ чертями знается. Ну и боятся его. Политика, ваше превосходительство, стала нужна, вотъ что худо. Солдатъ не тотъ и офицеръ новый. Вотъ и 14-ая рота.

Худощавый чернобородый капитанъ подходилъ къ Саблину съ рапортомъ.

VII.

Саблина тянуло къ Верцинскому на его страшный фортъ Мортоммъ, въ его блиндажъ-землянку, полную кровавыхъ воспоминаній и привидѣній и именно ночью тянуло, одного. Это тоже было своего рода сумасшествіе ѣздить по ночамъ одному безъ Давыдова и адъютанта на позицію. Онъ доѣзжалъ на автомобилѣ съ погашенными огнями почти до самаго Шпелеври. Здѣсь онъ выходилъ и говорилъ шофферу: — «подать утромъ въ Бережницу, къ резервной ротѣ» и шелъ въ окопы. Ночью окопы жили. Пахло по ходамъ сообщенія щами и солдатомъ и вдоль окопа по бойницамъ стояли и сидѣли люди. Часто били пушки. На той сторонѣ вспыхивали ракеты и оттуда чудился гомонъ людей. Потомъ вдругъ стихало и изъ далекаго тыла слышался быстро приближающійся тяжелый рокотъ большого снаряда. Казалось, что видно, какъ онъ летѣлъ. Вдругъ гдѣ либо, совсѣмъ неожиданно и не тамъ гдѣ думали, зашуршитъ и завизжитъ воздухъ, все освѣщая вспыхнетъ яркое пламя, раздастся страшный оглушающій грохотъ и завоютъ осколки, разлетаясь кругомъ. Потомъ наступитъ мучительная тишина. Ухо прислушивается, не слышно ли стоновъ, не кричитъ ли кто либо жуткимъ голосомъ «носилки!». Пахнетъ какою то химіей. Не порохомъ, но ѣдкимъ запахомъ кислоты. Тихо все. Потомъ раздастся чей то голосъ — «куда попало?» И послышится отвѣтъ: — «немного не дохватило до командирской землянки».

Послѣ этого царитъ жуткая тишина. Солдаты боятся сидѣть въ землянкахъ и жмутся подлѣ брустверовъ и траверсовъ. Кто либо тихо вздохнетъ и скажетъ задумчиво: — «такъ то вотъ Павлиновскіе сидѣли въ землянкѣ, а оно ударило. Не то восемь, не то шестнадцать человѣкъ положило. И не нашли».

И больше всего смущало людей то, что были люди и ничего не осталось, чтобы похоронить.

Ночью мерещатся газы. Особливо подъ утро. Вдругъ гдѣ то на флангѣ печально зазвонитъ чугунная доска, завторитъ другая, раздадутся выстрѣлы и люди тревожно хватаются за маски и начинаютъ надѣвать ихъ и кажутся уже не солдатами, а страшными демонами, ходящими подъ землей. Выбѣжитъ впередъ химическая команда, пойдутъ тяжелыя минуты. Шибко бьется сердце и не знаешь, почему оно бьется, потому ли, что волненіе охватило или это уже газъ начинаетъ отравлять .Сквозь мутные очки противогаза все кажется необычнымъ и чудятся у кольевъ какія то темныя фигуры.

— Снимай маски! Никакихъ газовъ!

Ложная тревога. Туманъ поднялся съ рѣки. Скоро разсвѣтъ.

Утромъ по всему фронту поднимается пальба. Грохочутъ пушки и въ блѣдной синевѣ неба часто бѣлыми зайчиками, цѣлыми стайками рвутся шрапнели. Летятъ аэропланы. Одинъ, другой, третій, четвертый, пятый. Къ грохоту нашихъ пушекъ начинаютъ примѣшиваться тяжелые глухіе удары взрывовъ большихъ бомбъ, бросаемыхъ съ аэроплановъ. Теперь и бруствера и траверсы не спасутъ. Все прячется по землянкамъ, подъ блиндажи и только часовые стоятъ у брустверовъ, смотрятъ впередъ и творятъ молитву.

Часамъ къ восьми, когда окончательно разсвѣтетъ, все стихаетъ. Въ землянкахъ крѣпко спитъ наволновавшійся за ночь народъ, гуще становится воздухъ.и душнѣе въ темныхъ норахъ. Кто либо откроетъ дверь и свѣжій осенній воздухъ остановится, не дерзая войдти въ землянку. Густой паръ повалитъ изъ нее и еще крѣпче заснутъ люди, наполняя окопъ переливами густого могучаго храпа. Экъ —

ихъ! — скажетъ часовой и славно зѣвнетъ и потянется.

Эта тревога ночью, игра на жизнь и смерть, на случайное попаданіе снаряда въ землянку развлекали Саблина. Пребываніе ночью въ одной обстановкѣ тревоги съ солдатами, давало ему оправданіе передъ совѣстью за Карпова, за все то, что онъ сдѣлалъ, какъ начальникъ. Оно оправдывало его генеральскіе погоны и давало ему право приказывать и диктовать свою волю солдатамъ. Козловъ, Верцинскій, Ермоловъ и ихъ солдаты привыкли къ нему и называли Саблина почтительно — нашъ генералъ. Онъ въ ихъ понятіи выдвинулся, выросъ надъ цѣлыми десятками другихъ генераловъ, ему вѣрили, его любили.

Наверху, напротивъ, его осуждали. Давыдовъ и начальники дивизій усматривали въ этомъ упрекъ себѣ, а сами не хотѣли ни рисковать ночными сидѣніями, ни лишать себя комфортабельнаго сна по избамъ. И опять, какъ тогда, когда корнетомъ Саблинъ началъ дѣлать именно свое дѣло, про него говорили, что онъ выслуживается, что онъ не въ мѣру старается, такъ и теперь считали, что это только битье на популярность, исканіе извѣстности. «Въ Скобелева играетъ!» — «Чудной», говорили про Саблина.

Но кромѣ острыхъ впечатлѣній непосредственной близости къ непріятелю Саблина тянуло на фортъ Мортомъ еще щекочущее нервы ощущеніе бесѣды съ Верцинскимъ. Онъ зашелъ къ нему первый разъ, какъ бы случайно, отвѣчая на его приглашеніе, усматривая въ немъ вызовъ своей храбрости и желая показать блѣдному гимназисту въ синемъ мундирѣ съ истертыми до желтизны бѣлыми пуговицами, что корнетъ Саблинъ ничего не боится. Ему хотѣлось показать свое превосходство праваго надъ лѣвымъ и только, но разговоръ увлекъ его и заволновалъ.

XVIII.

Въ землянкѣ такъ же, какъ днемъ горѣла одинокая свѣча. Въ глубокомъ креслѣ, устремивши бѣлые глаза на постель и на темныя пятна на доскахъ, надъ которыми въ рамкѣ висѣла большая фотографическая карточка красивой брюнетки въ бальномъ платьѣ съ локонами надъ ушами, передъ желѣзной кружкой, стоявшей подлѣ книги, все въ той же шинели, похожей на халатъ, сидѣлъ Верцинскій. Онъ посмотрѣлъ на входившаго Саблина и лицо его не выразило удивленія. Онъ нехотя приподнялся и вмѣсто рапорта и титулованія, просто сказалъ:

— Хотите чаю? Въ чайникѣ есть, еще горячій.

Саблинъ отказался и молча сѣлъ въ кресло сбоку Верцинскаго, лицомъ къ двери. Онъ только что простился съ провожавшими его командиромъ полка и подпоручикомъ Ермоловымъ, которымъ сказалъ, что хочетъ поближе испытать, насколько ненормаленъ Верцинскій, котораго онъ знаетъ съ дѣтства.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Пламя свѣчи, взволновавшееся при открываніи и запираніи двери, успокоилось и горѣло ровнымъ красножолтымъ языкомъ. Глаза Саблина привыкали къ темнотѣ и онъ разбиралъ уже темныя пятна крови на серебристо-сѣромъ шелковомъ стеганомъ одѣялѣ и черныя пятна крови на доскахъ землянки лѣвѣе портрета. Онъ посмотрѣлъ на портретъ. Венгерка была богато одѣта, съ обнаженными плечами, красивыя полныя руки были украшены браслетами.

— Какъ вы думаете, кто была она? Невѣста, неудачно пріѣхавшая навѣстить жениха и попавшая въ моментъ штурма, жена, любовница, или просто искательница приключеній, пріѣхавшая утѣшить своего стараго любовника? — спросилъ Верцинскій, поймавши взглядъ Саблина.

Саблинъ не отвѣчалъ.

— Во всякомъ случаѣ, можно сказать, попала не кстати, — сказалъ Верцинскій.

— Какъ она такъ попалась?, — спросилъ Саблинъ.

— Наши прорвали фронтъ верстахъ въ десяти лѣвѣе. Венгерцы ничего не знали. Въ прорывъ бросились Забайкальскіе казаки. Началась паника. Всѣ сдались. Ну что тутъ было — кто знаетъ. Побоялся ли онъ, что ее замучаютъ казаки по праву побѣдителя, или, можетъ быть, никто не долженъ былъ знать, что она была у него, но только онъ застрѣлилъ ее, а потомъ и себя прикончилъ.

— Я понимаю его, — сказалъ Саблинъ.

— Ну еще бы — многозначительно сказалъ Верцинскій и цинично хихикнулъ.

Саблина передернуло.

— Почему вы такъ сказали? — спросилъ онъ.

— Какъ такъ?

— Нехорошо.

— Ахъ нѣтъ. Вотъ это напрасно. Въ этомъ дѣлѣ я всегда былъ, есть и буду на вашей сторонѣ, вы поступили по праву.

— О какомъ дѣлѣ вы говорите? — холодѣя сказалъ Саблинъ.

— О товарищѣ Маріи Любовиной, — просто сказалъ Верцинскій.

— Что вы знаете? — притворно небрежно проговорилъ Саблинъ.

— Мнѣ везетъ на любовныя исторіи, — сказалъ Верцинскій, — можетъ быть потому, что я на нихъ неспособенъ. Я товарища Коржикова и все знаю. Мнѣ же пришлось наблюдать драму хорунжаго Карпова. Чудакъ влюбился въ лазаретѣ въ великую княжну Татьяну Николаевну и погибъ съ ея именемъ на устахъ, на Костюхновкѣ. Онъ погибъ, а я ношу георгіевскій крестъ, который мнѣ совсѣмъ не къ лицу и на который я никакого права не имѣю... Такова справедливость. Теперь мой «комполка» Козловъ, идеальнѣйшая личность, старается, тя-

нется, но влюбленъ въ свою жену и, замѣтьте, у меня есть всѣ данныя, что она ему измѣняетъ съ какимъ либо шалопаемъ, который за его счетъ срываетъ цвѣты удовольствія. И опять, замѣтьте, — любовь всегда такова, кто любитъ, тотъ и наказанъ. Не отдавайся беззавѣтно этому чувству. Но вы то не виноваты, повторяю вамъ. Вы не любили. Вы рвали цвѣты удовольствія и вы были правы. Тутъ была тактическая ошибка и такъ ли, этакъ ли, товарищъ Любовина должна была погибнуть. Если бы она не умерла, можетъ быть, намъ пришлось бы ее ликвидировать.

— Я васъ не понимаю, — сказалъ Саблинъ, чувствуя, какъ страшная сила тянетъ его остаться здѣсь и бередить больныя раны и узнавать то, чего совсѣмъ не нужно было знать.

— Обстановка то какая, — опять хихикая сказалъ Верцинскій. — Любовь и смерть. Ложе, на которомъ сплетались въ сладострастныхъ изгибахъ любви два молодыхъ и сильныхъ тѣла и кровь, и мозги, и вся грязь, и непристойность смерти. Впрочемъ: — и любовь, если посмотрѣть на нее философически холодно — тоже только грязь и непристойность. Одно не лучше другого.

— Я хотѣлъ бы, чтобы вы пояснили свои загадочныя слова относительно Маріи Михайловны Любовиной. сказалъ Саблинъ.

— Извольте. Но раньше дайте и мнѣ немножко порадоваться. Обстановочка меня захватываетъ. Черноокая красавица изъ пятенъ крови и мозговъ подмигиваетъ намъ, — вы, — все еще красавецъ, про васъ сказали какъ то солдаты: — ангелъ небесный — и я.... Я! Мефистофель! Чортъ, дьяволъ, исчадіе сатаны. Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!

Верцинскій засмѣялся и его морщинистое лицо искривилось въ ужасную усмѣшку. Ротъ открылся, рѣдкіе гнилые зубы торчали изъ него. Саблину страшенъ сталъ его смѣхъ. Чего я съ нимъ сижу, чего вожусь, — подумалъ онъ. Сумасшед-

шій. Но сумасшедшій этотъ зналъ тайну, которую унесла въ могилу Маруся и Саблинъ хотѣлъ открыть и узнать ея тайну.

— Вы знаете, что такое партія?, спросилъ вдругъ Верцинскій и лицо его стало серьезно. Я то не принадлежу ни къ какой партіи. Я, дорогой мой, выше всего этого. Я — Діогенъ въ капитанскомъ чинѣ. А? «Его благородіе Діогенъ» — Ловко? Діогенъ, командующій ротой. О масонахъ, поди, тоже слыхали? Эхъ! Всѣ вы что то слыхали, никто толкомъ не знаетъ, и всѣ трепещутъ, ибо тайна. Въ древности былъ храмъ и въ храмѣ былъ алтарь, занавѣшенный тяжелой занавѣсью. Жрецы молились и кланялись и приходили толпы вѣрующихъ и обожающихъ только потому, что никто не зналъ, что за занавѣсью. Нашелся дерзновенный, подкрался ночью, усыпилъ стражу, отдернулъ занавѣсь и заглянулъ туда. И тамъ ничего не было. Пыль, мусоръ, паутина, затхлость. И этому молились! Люди прожили двадцать вѣковъ, а умнѣе не стали. Желѣзная маска! ахъ какъ интересно! Масоны! Третій интернаціоналъ, Сіонскіе протоколы, Агасѳеръ, Люциферъ. Адонирамъ! Боже, что за прелесть!! Гюисмансъ, Черная месса. Липнемъ отъ волненія, руки холодѣютъ отъ любопытства. Знать бы! А знать нельзя. Если узнаете, то выйдетъ: пыль, мусоръ и нечистоты. И всякій знаетъ. что такъ оно и есть, но сознаться боится.

Саблину показалось, что Верцинскій потерялъ нить разговора и онъ напомнилъ ему.

— Какое же отношеніе имѣетъ все то, что вы говорите къ Любовиной?

— Гмъ... Да. Математически, какъ безконечно большая величина къ величинѣ безконечно малой. Но, чтобы вычислить эту малую мы должны заняться большой. Итакъ, слушайте, я набросаю вамъ маленькими штришками эволюцію нѣкоторой партіи, какъ образчикъ людского тупоумія. Здѣсь это умѣстно. Ну чѣмъ не храмъ у меня? Посмо-

трите на постель. А одѣяло: — потоки крови, мозговъ. И страсти потоки! Все засохло, шелушится и только смердитъ. Фотографія смѣется. Вы скажете, что когда то безсмертная душа смотрѣла черезъ ясные глаза въ аппаратъ и солнце, — властитель міра, запечатлѣло лицо на бумагѣ. А вотъ гдѣ же она? Гдѣ?..... Слышите... гудитъ....

Будто поѣздъ желѣзной дороги стремительно несся по воздуху. Лицо Верцинскаго поблѣднѣло. Животный страхъ появился въ его бѣлыхъ глазахъ и онъ, открывши ротъ и трясясь всѣмъ тѣломъ мелкой лихорадочной дрожью, ждалъ и слушалъ, гдѣ упадетъ снарядъ. Тяжело ухнуло гдѣ то влѣво, далеко и нѣсколько секундъ былъ слышенъ звонъ и стрекотаніе въ воздухѣ летящихъ осколковъ и ш-шлепъ, ш-шлепъ, шлепъ — ударяли они по песку.

— Охъ! не люблю!, сказалъ Верцинскій и лукаво пальцемъ погрозилъ портрету. — Все она посылаетъ.

— Слушайте, сказалъ Саблинъ, или вы знаете что либо о Любовиной, чего я не знаю и тогда вы скажете мнѣ, или вы ничего не знаете и тогда я уйду. Мнѣ нечего здѣсь дальше дѣлать.

— А страшно? Сознайтесь, что страшно. Страшно и.... тянетъ. И снаряды и событія здѣсь бывшія. Мистика. Всѣ вы немного мистики. Вотъ такъ и Распутинъ тянетъ.

— Что Распутинъ? Онъ то причемъ?

— А тоже алтарь за занавѣсью. Тайна. И всѣ тянутся узнать эту тайну, поднять занавѣсъ. А поднимутъ и сами не рады. Пустота, мусоръ, козломъ воняетъ и еше чортъ знаетъ что.

— Да вы что про Распутина знаете?

— Знаю и про Распутина. И про Распутина разскажу. Только все по порядку.

— Ну чортъ съ вами. Разсказывайте.

— А вы чорта не поминайте здѣсь. Не къ мѣсту это. Ну слушайте. Сперва о безконечно большихъ

величинахъ. Есть въ мірѣ семьдесятъ мудрецовъ, которые правятъ всѣмъ міромъ. И что занятно, никто не знаетъ кто они такіе? Вудро Вильсонъ, Пуанкарэ, Ллойдъ Джорджъ, Бьюкененъ — нѣтъ, это только маріонетки. Этихъ семидесяти никто не знаетъ, и гдѣ они не знаютъ. Что ловко пущено? 70 Сіонскихъ мудрецовъ.

— Что же они. Жиды?

— Я же вамъ говорю: никто не знаетъ. И вотъ они правятъ всѣмъ міромъ и дѣлаютъ политику. Эта война — это ихъ работа. Она имъ нужна. Ну, скажите, можетъ ли быть что либо болѣе нелѣпое, нежели эта война для Россіи. Мы боремся за Англію. Мы поссорились съ Германіей, съ которой мы тѣсно связаны не только торговыми и земельными, но и кровными интересами и воюемъ за Англію, которая всегда ненавидѣла, презирала и угнетала насъ. Мы — и никто другой, какъ Николай II и дворянство, — и вы въ томъ числѣ, усиленно уничтожаемъ то, на что опираемся. Мы поссорились съ Балтійцами, составлявшими прочнѣйшую опору трона, мы разорили польское шляхетство, которое тяготѣло, если не къ Россіи прямо, то къ трону и мы потеряли польскую корону. А? Ну не ловко ли пущено? Генералъ Саблинъ, — Я васъ спрашиваю, сколько легло вашихъ доблестныхъ товарищей, которые искренно были преданы трону? А? Сколько вы загубили и кто пришелъ имъ на смѣну? Я... Я... Я... слышите я!!! Ха-ха-ха!

— Послушайте, Казиміръ Казиміровичъ, — я бы просилъ васъ бросить эти сказки и политику и просто сказать мнѣ, почему погибла Любовина. — сказалъ Саблинъ.

— А будто не знаете? А про Распутина не хотите? Я и про Распутина знаю. Такъ вотъ война нелѣпость, — а вы третій годъ съ идіотскимъ упорствомъ ведете ее. По волѣ семидесяти неизвѣстныхъ, никому невѣдомыхъ мудрецовъ.... Но мудрецы то за занавѣской и, можетъ быть, если приподнять

эту самую занавѣску тамъ окажутся не мудрецы. а подлецы, воры, негодяи и мерзавцы.... Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!

— Нельзя ли покороче!

— Слушаюсь. Дальше то проще будетъ. Дальше партія и члены ея связанные партійной дисциплиной.

— Какая партія?

— А не все ли равно. Лишь бы борющаяся противъ существующаго порядка и все. Ну такъ вотъ видите Коржиковъ, другъ Маріи Любовиной, былъ въ партіи и цѣль партіи была разрушить армію. Помните нашъ антимилитаризмъ. Рѣшили, что хорошо было бы залучить васъ въ партію, ну и послали Любовину. Ужели не ясно?

Саблинъ молчалъ. Какъ все это было просто и какъ онъ тогда ничего не понялъ и ни о чемъ не догадался.

— Да... А вы оказались сильнѣе. Понимаете, тутъ вотъ эта то самая подлая любовь затесалась и товарищъ Любовина все позабыла и партійную дисциплину и программу партіи и на все стала смотрѣть вашими глазами. При ея то красотѣ, при ея характерѣ и умѣ, вы, я думаю, сами понимаете, какой это ударъ для партіи. Если бы она не умерла родами — ее пришлось бы убить. Партія безпощадна съ ренегатами.

— Ну, а Распутинъ?, вяло спросилъ Саблинъ.

— О Распутинѣ разговоръ длинный. Въ немъ много есть и мистическаго. Но извольте. До утра далеко. А я по ночамъ все одно никогда не сплю. Нервы!....

IX

— Весь цивилизованный міръ держится на христіанской религіи — началъ Верцинскій и лицо его стало серьезнымъ. Вѣра, надежда и любовь. И

пока есть любовь между людьми они свободны и никакимъ семидесяти мудрецамъ ихъ не поработить. Значитъ: первая задача смѣнить любовь ненавистью, а для этого разрушить вѣру. Вы навѣрное слыхали, какъ наши юноши и дѣвушки, сплетясь въ хороводъ пѣли звучными молодыми голосами: — «отречемся отъ прежняго міра, отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ». Ну вотъ и начали отрекаться. Прежде всего забросили евангеліе. Евангеліе нужно только для тѣхъ, кто хочетъ изучить философію, Платонъ, Сократъ и Христосъ: — просто. А остальнымъ ни къ чему оно. Христіанство — пережитокъ язычества. Устами величайшаго писателя и кумира молодежи, Толстого, была осмѣяна литургія. На богослуженіе стали смотрѣть, какъ на забавную комедію, стали ходить, какъ пошли бы посмотрѣть пляски шамановъ, танцы дервишей и тому подобное. Вотъ тутъ то и понадобился Распутинъ. И, если бы его не было, — его пришлось бы изобрѣсти. Что такое христіанство? Распутинъ. Что такое Царь? — Распутинъ, что такое Русскій народъ? — Распутинъ. Нѣтъ, каково придумано то!

— Да, придумано ли?

— А семьдесятъ мудрецовъ? А таинственная занавѣсь.... Вы думаете, надо убить Распутина. Попробуйте. Вы не способны на убійство. Ну вотъ вы, — воинъ, герой, георгіевскій кавалеръ, раненый — вы убили кого нибудь? Если кто либо изъ васъ въ пылу боя двинетъ кого либо прикладомъ, или застрѣлитъ изъ револьвера — о сколько потомъ терзаній, мукъ, истерики! Убилъ человѣка, ужасъ! Вспомните у Достоевскаго — Раскольниковъ и убійство старухи процентщицы и Лизаветы. Вѣдь горѣлъ потомъ человѣкъ. И Сонечкѣ Мармеладовой молился и за Сонечкою пошелъ и каялся и томился. Нѣтъ, вы не убьете. Убить можемъ м ы. Но намъ нѣтъ смысла убивать Распутина, потому что онъ намъ нуженъ. Мы возвыси-

лись до убійства? Да, — не унизились, не пали, какъ сказали бы вы, а возвысились.... Когда мясникъ бьетъ скотину и брыжжетъ кровь, когда онъ свѣжуетъ ее, обдирая шкуру, вы спокойны, вы сладострастно вдыхаете запахъ парного мяса. Бифштексы, ростбифы грезятся вамъ. Вы хладнокровно проходите мимо окровавленныхъ тушъ, мимо бѣлыхъ, какъ покойники мороженыхъ свиней.... Ну, еще шагъ. Перейдите черту и такъ же спокойно убейте человѣка. Станьте подлѣ, возьмите, вытяните руку съ револьверомъ и — готово. Трупъ. Но на трупѣ есть одежда, можетъ быть, есть деньги. А развѣ самый трупъ нельзя утилизировать. Нельзя попробовать человѣческое мясо. А? Васъ коробитъ, что то не хочется. Ну, кормить звѣрей, собакъ. Наконецъ, утилизировать кожу, кости, волосы?

— Оставьте, Казиміръ Казиміровичъ, — сказалъ Саблинъ.

— Вамъ претитъ? Какъ же хотите вы убить Распутина? Нѣтъ уже рѣшились, такъ и всѣ послѣдствія возьмите на себя. И пять пудовъ мяса раздѣлайте. А мы можемъ. Я не знаю, читали ли вы, какъ одинъ инженеръ — убилъ съ цѣлью ограбленія человѣка, а потомъ раздѣлалъ трупъ, какъ мясную тушу и по фунтамъ разбросалъ и разослалъ повсюду. Возвысился же человѣкъ!

— Какой нибудь сумасшедшій,—сказалъ Саблинъ.

— Нѣтъ, не сумасшедшій, а сильный человѣкъ. Вотъ еще, когда я былъ раненъ, а потомъ лечился въ прошломъ году я видѣлъ не то у Александра, не то у Кнопа, на Невскомъ, выставлены хорошенькіе такіе кошельки и на нихъ надпись — «изъ человѣческой кожи». Кто ихъ знаетъ изъ чего они сдѣланы, надо полагать не изъ человѣческой кожи. Полиція бы не позволила. Но публика жадно смотрѣла на нихъ и покупала. . . А веревка повѣшеннаго и счастье игрока? А во-

ровская свѣча изъ человѣческаго сала? Чувствуете. скользимъ мы по чему то страшному. Нѣкій вельможа и богачъ былъ влюбленъ въ танцовщицу и когда она въ молодые годы умерла, онъ положилъ ее въ цвѣтахъ въ гробъ, поставилъ ее въ своемъ домѣ, въ залѣ и никуда не давалъ хоронить... Такъ и стоитъ она у него... А помните заключительную сцену идіота и Рогожина надъ трупомъ... Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!

— Это садизмъ.

— Милый мой, а если въ этомъ садизмѣ я воспитаю молодежь. А? Создамъ этихъ смѣлыхъ людей. Будемъ, какъ боги! И въ море, въ синее море въ распахнутой студенческой шинели и въ шубкѣ, съ муфтой на рукѣ, сплетясь руками! Какой просторъ! И алое знамя революціи и задорные звуки шалящей марсельезы! Но слушайте, слушайте! — Бога нѣтъ, евангелія никто не читаетъ и не знаетъ. Помнятъ его только какіе то старички, надъ которыми всѣ смѣются. Убійство не преступленіе. Любовь — есть просто животный актъ безъ всякихъ прелюдій. Собственность — воровство. А?, Все позволено, все можно... А. Какой просторъ! Въ шинели и шубкѣ въ холодное синее, неизвѣстное безбрежное море!

— Вы говорите ерунду.

— Я... Нѣтъ, ваше превосходительство, уже только не я. Это говорите вы — интеллигенція. Такъ чего же вы хотите отъ народа? Слава, честь — вздоръ... Долой георгіевскіе кресты. Я былъ въ лазаретѣ. Солдатъ, солдатикъ, матросикъ — герой, кумиръ изысканныхъ дамъ. Подвигъ солдата, геройство солдата! Офицера замолчали, генераловъ критиковали и оплевывали. Герой войны солдатъ. Герой міра — народъ... Исторія? — не нужно ее. Наука? — къ чорту. Грамотности не надо. Сидятъ академики и профессора, слышите:—академики и какъ Павелъ Ивановъ, мечтаютъ слопать букву «ять»! Сегодня вы: — «ваше превосходительство»,

я сдѣлаю одинъ шагъ, назову васъ «господинъ генералъ», а тамъ ахну по имени отчеству, а тамъ — «товарищъ», а тамъ возьму за горло и стану душить. Сегодня я не отдамъ вамъ честь — а завтра исколочу въ темномъ корридорѣ,

— Вы заговариваетесь, глубокоуважаемый, сказалъ вставая Саблинъ. Верцинскій тоже всталъ и задулъ свѣчу. Въ небольшія окна сталъ входить мутный свѣтъ. День наступалъ.

— Что же это будетъ, — сказалъ Саблинъ. — Стадо скотовъ? Каменный вѣкъ вернется?

— Да, — отвѣчалъ холодно и жестко, отчеканивая каждое слово Верцинскій, — да — это будетъ стадо. Панургово стадо, которымъ легко будетъ править тѣмъ семидесяти, что сидятъ наверху. Это будутъ рабы ихъ. Они будутъ цѣловать ихъ пятки и восторженно выть за каждую подачку. Имъ будетъ казаться, что они свободны, потому что ничего сдерживающаго, ничего возвышающаго не будетъ. Вѣра, надежда, любовь, слава, честь, честность, неприкосновенность личности, собственность: — они будутъ свободны отъ всего этого. Они не будутъ знать своего прошлаго, не будутъ думать о будущемъ. Они будутъ жить настоящей минутой.

— Они погибнутъ.

— Можетъ быть. Но это будетъ новый міръ, такъ непохожій на старый...

Саблинъ взялся за дверь.

— То, что вы говорили мнѣ — было безуміе.

— Только правда. Пойдемте. Наступаетъ заря и я покажу вамъ еще правду во всей ея пошлости. У нашего полкового командира есть жена Зоя. Онъ зоветъ ее Зорькой. Вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ ни на одно письмо его она не отвѣчаетъ. Я имѣю свѣдѣнія, что она окружена людьми новыхъ понятій и принциповъ и на краю бездны, если уже не свалилась въ нее. А онъ молится на нее. Каждую утреннюю зарю, передъ тѣмъ, какъ ухо-

дить въ свою землянку, чтобы спасаться отъ аэроплановъ онъ выходитъ изъ окопа и долго стоитъ на верху и смотритъ, какъ загорается золотомъ небо на востокѣ. Онъ молится своей Зорькѣ, онъ молится Богу, чтобы было письмо, чтобы Богъ сохранилъ его Зорьку... Ха — ха-ха... Хи-хи-хи... Чудакъ!!

Саблинъ уже не слушалъ Верцинскаго. Онъ вышелъ изъ землянки и пошелъ по окопу. Окопъ былъ пустъ. Небо было ясное, морозное, блѣдно голубое, можно было ожидать налета аэроплановъ и всѣ люди попрятались въ блиндажахъ. Но было еще тихо. Верцинскій шелъ за Саблинымъ.

— Не провожайте меня, нервно сказалъ Саблинъ. Верцинскій ему былъ противенъ.

— Я не провожаю васъ. Я иду за нуждою, — сказалъ Верцинскій.

— Скотина, — подумалъ Саблинъ и поежился плечами.

— Нѣтъ, ну смотрите пожалуйста, не говорилъ ли я вамъ,.. вправо, вправо, — зашепталъ хихикая Верцинскій.

Саблинъ невольно посмотрѣлъ. На скатѣ холма неподвижно стояла одинокая стройная фигура. Они были такъ близки отъ нея, что Саблинъ отчетливо видѣлъ блѣдное, тонкое лицо съ мукой любви устремленное на востокъ. Ему казалось, что онъ слышитъ, какъ Козловъ шепчетъ: — «Зорька! Зорька моя! Гдѣ ты!,..»

— Какъ вамъ это нравится! Какъ вы назовете это?...

— Любовь! — подумалъ Саблинъ, восторженно глядя на Козлова и ускорилъ шаги, точно старался убѣжать отъ злобно хихикавшаго сзади Верцинскаго, безцеремонно остановившагося у траверса.

— Любовь, — почти громко сказалъ Саблинъ, и сердце его захолонуло. И онъ уже отчетливо и

громко проговорилъ самъ себѣ съ нѣжностью и сладкою радостью за другого:

— Любовь!...

X

Послѣ объявленія войны Зоя Николаевна Козлова не осталась въ томъ городѣ, гдѣ стоялъ полкъ ея мужа, но также, какъ и большинство семействъ уѣхала изъ казармъ и поѣхала въ Петроградъ. Отецъ и мать ея умерли. Въ Петроградѣ у ней никого не было кромѣ блѣдныхъ, но сладкихъ институтскихъ воспоминаніи и надеждъ встрѣтить кого либо изъ прежнихъ подругъ. За два мѣсяца до начала войны умерла ея тетка и оставила ей въ Петроградѣ небольшое наслѣдство изъ квартирной обстановки на пять комнатъ и капиталъ въ пять тысячъ серіями Государственнаго банка.

Для Козловыхъ, жившихъ на жалованье, это было цѣлое состояніе и Зоя Николаевна со страстью принялась устраивать свое столичное гнѣздо. У нея была мечта, по окончаніи войны, которая по ея мнѣнію, не могла долго продолжаться, уговорить мужа устроиться въ Главномъ Штабѣ, Интендантствѣ, или по Военно-Учебному Вѣдомству и зажить веселой столичной жизнью. Этого требовало и грядущее воспитаніе и образованіе маленькой Вали. Ей удалось найдти квартиру изъ пяти крошечныхъ комнатъ на Пушкинской улицѣ и первые мѣсяцы войны она занялась ея устройствомъ. Она наняла горничную Таню, молодое красивое легкомысленное существо, наряжавшееся въ изящные чепчики и передники и скоро ставшее наперсницей Зои Николаевны. Отъ Александра Ивановича письма приходили часто и были нѣжныя и трогательныя, она писала ему каждый день, заботы о маленькой Валѣ и ея гардеробѣ

поглощали много времени, вечера она коротала или одна въ театрѣ, или вдвоемъ съ Таней въ кинематографѣ. У ней явилась страсть къ кинематографу и она внимательно слѣдила за каждымъ новымъ фильмомъ.

Но она была всегда одна и это начало ей прискучивать. Квартира была убрана, какъ бомбоньерка. Надъ большимъ зеркаломъ волнами къ туалетному столику свѣшивался розовый газъ, спальня веселая свѣтлая пахла нѣжными духами. Въ гостиной по стѣнамъ были наколоты японскіе круглые вѣера, стоялъ рояль и на немъ толпились фотографіи и фарфоровыя бездѣлушки, на стѣнахъ висѣли гравюры, изображавшія Мадонну съ ангелами, стадо овецъ въ горахъ, швейцарскую деревню съ водопадами. Мебель была старинная, добротная, цѣльнаго орѣха, она обтянула ее свѣтлымъ рипсомъ съ розовыми мелкими цвѣточками, наставила вазъ съ искусственными пальмами и стало очень хорошо и красиво. Чтобы не скучать, по совѣту своего мужа, она устроила себѣ росписаніе занятій, играла на фортепьяно и пѣла, читала по французски, рисовала, занималась и гуляла съ Валей, таская ее передъ собою въ розовой колясочкѣ, ходила по театрамъ, но одна и одна, а это кому не надоѣстъ. Ей казалось, что она начинаетъ старѣться, что ея молодость загублена, что ея жизнь скучна, она задумывалась, искала, были ли радости въ ея жизни и не находила. Она садилась передъ зеркаломъ и внимательно разглядывала себя и задавала вопросы. Нѣтъ ли морщинъ? нѣтъ ли сѣдыхъ волосъ? Но морщинъ не было. На нее изъ зеркала смотрѣло молодое лицо вполнѣ созрѣвшей двадцати семилѣтней женщины, начинающей полнѣть отъ бездѣлья и скуки, отъ долгаго валянья въ постели. Свѣтло каштановые волосы красивыми природными завитками падали на чистый бѣлый лобъ, спускались на уши, на плечи, а дай только имъ волю широ-

кими блестящими волнами закрывали ей полъ спины. Лобъ былъ бѣлый, чистый, немного узкій, но красивой формы. Тонкія темныя брови были надъ очень большими, сѣрыми блестящими, со слезою глазами. Они у ней были на мокромъ мѣстѣ. Плакала она всегда много и охотно и по всякому поводу. Отъ радости, отъ счастья, отъ печали; тронетъ ее пьеса, поразитъ ее сцена въ кинематографѣ — слезы сейчасъ же появлялись въ углахъ ея прекрасныхъ глазъ, вѣки розовѣли и прозрачная капля катилась къ углу рта. Носъ былъ въ мѣру крупный, бѣлый, чистый, припухшій на концѣ, но красиваго капризнаго рисунка. Губы полныя, блѣдно розовыя чуть опускались книзу по угламъ и придавали лицу милокапризное выраженіе беззащитности и робости. Щеки были полныя, розовыя, уши маленькія, зубы безъ малѣйшаго дефекта, ровные и такіе красивые, что многіе думали, что они искусственные. Руки и грудь полныя, бѣлыя, пухлыя.

Строго критикуя себя Зоя Николаевна рѣшила, что она, конечно, не красавица, но очень хорошенькая. Она вспоминала, какъ влюблялись въ нее въ институтѣ, какъ висли на ней маленькія дѣвчонки, писали ей стихи, какъ подруги ее называли: «милкой», «плаксой», «pleurnicheuse», но любили обидѣть ее, довести до слезъ, чтобы потомъ цѣловать ее. Она была очень женственна, очень женщина и вкусы у нея были женскіе. Она любила сладкое, сентиментальные, или какъ говорили въ институтѣ «сердцещипательные» романы, мелодрамы и танцы. Танцы были ея слабость.

Разглядывая себя въ зеркало она вспоминала своего Александра Ивановича. Онъ былъ на двѣнадцать лѣтъ старше ея. Онъ женился на ней, когда ей было 23 года и она начала бояться остаться старой дѣвой. Любила ли она его? Бракъ былъ по любви, но анализируя теперь въ одиночествѣ свое чувство Зоя Николаевна приходила

къ убѣжденію, что она безпредѣльно уважала своего мужа, очень боялась его и только послѣ этихъ двухъ чувствъ — любила его. Онъ былъ физически силенъ, могъ смять и стиснуть ее такъ, что у ней духъ захватитъ и слезы выступятъ на глазахъ, послѣ его объятій у ней всегда оставалось чувство боли и синяки на рукахъ. Его страсть пугала ее. Она чувствовала себя передъ нимъ маленькой и глупенькой и, если бы не безконечное благоговѣніе его передъ нею, готовность для нея на все, она боялась бы его. И теперь, въ письмахъ, онъ давалъ ей совѣты, какъ отецъ и у нея къ нему чувство любви было не страстное, а почтительное. Александра Ивановича очень любилъ и уважалъ покойный отецъ Зои Николаевны и внушилъ и ей это уваженіе. Александръ Ивановичъ всегда аттестовался ея отцомъ какъ образцовый офицеръ, молодчина во всѣхъ отношеніяхъ и она благоговѣла передъ нимъ.

Но, особенно первое время послѣ брака, она, воспитанная въ институтѣ, далекая отъ жизни не понимала его интересовъ, его преклоненія передъ службой, часто осуждала его и плакала. На нее найдетъ сентиментальный стихъ, ей хочется тихо сидѣть на берегу гремящаго ручья, подъ густою липою и молчать въ созвучіи однотонно бьющихся сердецъ, обмѣниваясь рѣдкими пустыми на видъ, но полными глубокаго внутренняго значенія словами. — «Какъ тихо!», скажетъ она и цѣлая картина давнишняго, можетъ быть, никогда не бывшаго тихаго счастья понесется передъ нею. — «Правда, милый, это уже когда то было?» — «Что было?» — спроситъ онъ такъ просто, что ея сердце наполнится тоскою и ей станетъ печально на душѣ. Она чувствуетъ, что онъ не понимаетъ и никогда не пойметъ ее и все таки говоритъ: — «Это было очень давно. Можетъ быть нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Только это было не въ Россіи, а въ Англіи. Вотъ также, помнишь, мы

сидѣли подъ громаднымъ деревомъ, не то дубомъ, не то каштаномъ»... Она поднимала глаза и мечтательно смотрѣла вдаль. — «Нѣтъ, помню отлично, это былъ каштанъ. Да, конечно, каштанъ. Вправо бродили бараны съ густою шерстью цвѣта поджаренныхъ сливокъ съ ванилью. Меланхоличное побрякиванiе ихъ большихъ колокольцевъ смѣшивалось съ тихими руладами пастушьей свирѣли, а въ воздухѣ было такъ же тихо. Ты помнишь?»

— Ахъ ты, милая моя мечтательница, — говорилъ Александръ Ивановичъ, со вкусомъ цѣлуя ея пухлую руку. — Прости меня, но фельдфебель меня ждетъ, мнѣ надо идти распорядиться. Онъ вскакивалъ на свои стройныя упругiя ноги и уходилъ, оставляя ее одну.

«Да, онъ красивъ, — думала она. — Но онъ совсѣмъ, совсѣмъ другой, онъ никакъ меня не понимаетъ. И любитъ, но не понимаетъ.

Онъ грубый какъ и всѣ мужчины грубы. — И она плакала, сама не зная очемъ. Онъ всегда оказывался занятъ, у него всегда являлось дѣло именно тогда, когда ей такъ хотѣлось бы помечтать, побыть вдвоемъ, поиграть, попѣть, потанцовать и она оставалась одна.

Своего ребенка, маленькую Валю, она любила, но вѣдь нельзя же было всю жизнь отдать ему, когда онъ ничего еще не понимаетъ, не говоритъ и только плачетъ. Но она была хорошею матерью, она сама кормила его и возилась съ нимъ сколько могла.

Александръ Ивановичъ, какъ она и ожидала отъ него, оказался героемъ. Онъ получилъ георгiевскiй крестъ, онъ былъ раненъ штыкомъ въ грудь и остался въ строю. Самъ онъ объ этомъ не писалъ. Но его товарищи по полку писали ей восторженныя письма о немъ, писали, что онъ былъ раненъ потому, что своею грудью прикрылъ солдата. Радостное и горделивое чувство, вызванное

этими письмами у Зои Николаевны было отравлено чувствомъ досады: — „все для другихъ, думала она, — все для службы, а обо мнѣ и о Валѣ въ эту минуту и не подумалъ!“....

Ее тѣшило, что ея мужъ двигался по службѣ. Въ 1915 году она стала уже подполковницей и батальонной командиршей, правда какого то неслыханнаго Морочненскаго полка, чуть не отъ морошки происходящаго, но все таки полка.

Какой то это полкъ, думала она. Каковы то офицеры? Навѣрно есть хоръ музыкантовъ, адъютантъ и собраніе. Ей рисовалось, какъ она будетъ входить подъ руку съ Александромъ Ивановичемъ и музыканты будутъ играть встрѣчный маршъ, а офицеры вставать и вытягиваться. Мать командирша! Ей хотѣлось поскорѣе увидѣть всѣхъ этихъ милыхъ веселыхъ поручиковъ и подпоручиковъ въ защитнаго цвѣта мундирахъ съ алыми лацканами и въ эполетахъ, какъ она видѣла послѣдній разъ на Пасху въ ихъ полку. Да это было хорошо. Мать командирша! Слеза умиленія скатывалась изъ ея глазъ и тихо текла по щекѣ къ розовому красиво опущенному печальному рту.

XI.

Петроградъ мѣнялся на глазахъ Зои Николаевны. Онъ становился люднѣе и шумнѣе. На улицахъ появились новыя лица: — это были бѣженцы, поляки изъ Варшавы и другихъ городовъ Привислянскаго края. Кругомъ слышна была польская рѣчь, въ трамваѣ стало невозможнымъ получить мѣсто, билеты въ театры стало трудно доставать, въ кинематографахъ было полно.

Всѣ одѣвались въ защитные френчи англійскаго фасона, въ галиффе, всѣ становились военными, милитаризовались. Почтенный докторъ, профессоръ, человѣкъ самыхъ мирныхъ убѣжденій

вдругъ появлялся въ высокихъ сапогахъ съ грозно звенящими шпорами и съ тяжелой шашкой на боку; театры были полны молодыми людьми въ защитномъ платьѣ и можно было подумать. что весь Петроградъ вотъ вотъ устремится на фронтъ и сядетъ въ окопы. На улицахъ висѣли воинственные плакаты, возвѣщавшіе о военномъ займѣ, были нарисованы солдаты, снаряды, патроны. По улицамъ часто провозили пушки, привязанныя къ ломовымъ подводамъ, везли снаряды, проводили толпы плѣнныхъ. Часто можно было видѣть одного или нѣсколькихъ раненыхъ солдатъ въ сопровожденіи кокетливо одѣтой сестры милосердія, они ходили по улицамъ, дѣлали покупки, посѣщали музеи, церкви, соборы, бывали въ театрахъ и кинематографахъ. Городъ шумѣлъ и жилъ, или притворялся, что жилъ войной. Всѣ что то дѣлали и гдѣ то служили и эта служба не только занимала ихъ, но и давала различныя блага земныя въ видѣ казеннаго обмундированія, пайка, хлѣба, муки, крупы, консервовъ, которыхъ уже иногда не доставало на фронтѣ, но которыя можно было получать въ Петроградѣ по особымъ карточкамъ и запискамъ.

И женщины всѣ что либо дѣлали въ Петроградѣ, помогали дѣлу войны. Появились женщины извозчики, женщины трамвайные кондуктора, женщины дворники и швейцары, смѣнившія своихъ мужей, ушедшихъ на войну. Жены офицеровъ тоже мобилизовались. Онѣ пошли въ сестры милосердія, работали въ различныхъ складахъ, мастерскихъ, фабрикахъ, снаряжали патроны, шили рубашки и кальсоны для раненыхъ, запаковывали „подарки" которыми Петроградъ и другіе города забрасывали армію.

Одна Зоя Николаевна ничего не дѣлала. Она уподобилась щепкѣ, прижатой бурнымъ потокомъ къ камню. Кругомъ несутся другія щепки, цѣлыя бревна, деревья, куда то стремятся, бьются о камни,

а она стоитъ неподвижно въ тихой заводи, остановленной камнемъ воды. Она и хотѣла бы что либо дѣлать, тоже помогать этому общему дѣлу войны, но она не знала какъ и куда толкнуться. Она сунулась въ ближайшій лазаретъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, какъ сестры милосердія, какой то сердитый врачъ въ бѣломъ фартукѣ мрачными, усталыми глазами посмотрѣлъ на ея прелестное личико, готовое заплакать, на ея дорогую котиковую шубку и кокетливую шляпку и спросилъ ее: — была ли она на курсахъ сестеръ милосердія? Она и не подозрѣвала, что этому надо учиться. Она думала, что достаточно только быть доброй внимательной, любить солдатиковъ и больше ничего не нужно. Она отвѣтила отрицательно. — Ну такъ мнѣ съ вами и разговаривать нечего, — сказалъ врачъ, поворачивая ей широкую спину. Изъ корридора неслись раздирающіе душу стоны и пахло очень нехорошо. Слезы потекли по лицу Зои Николаевны. Она подумала — „ахъ, какъ всѣ мужчины грубы" — и побѣжала вонъ изъ лазарета.

Она ходила къ зимнему дворцу — тамъ тоже шла какая то работа. Но когда она увидѣла громадныя двери высокаго подъѣзда, важнаго величественнаго швейцара, увидѣла, какъ подкатывали къ нему автомобили съ богато одѣтыми дамами и собственные экипажи она побоялась входить. Ей было жутко знакомиться со всѣми этими аристократками и она прошла мимо.

Было горько, что она „мать командирша" жена героя войны, ничего не могла дѣлать для войны и была какъ бы чужая на этой войнѣ, гдѣ ея мужъ уже пролилъ свою кровь.

Но она была одна въ Петроградѣ у ней не было здѣсь ни родныхъ, ни знакомыхъ, а если и были — она не знала ихъ адресовъ, не знала куда толкнуться. Она пошла даже однажды въ институтъ, думая тамъ найти совѣтъ и помощь. Но

въ институтѣ все были чужіе люди. Швейцаръ былъ новый, а не старикъ Илья Григорьевичъ, ни начальница, ни классныя дамы не остались на прежнихъ мѣстахъ. Отъ большого вестибюля съ прямыми колоннами пахнуло на Зою Николаевну такою тюрьмою, что вернувшись въ этотъ день домой она такъ рѣшительно почувствовала свое полное одиночество, что горько расплакалась и проплакала до позднихъ часовъ. Ей было жаль себя. Она рѣшила ѣхать, не дожидаясь разрѣшенія на фронтъ, къ мужу, бросить ребенка, бросить все.

Но на другой день Богъ сжалился надъ нею и послалъ перемѣну въ ея жизни.

XII.

Прокатавши свою маленькую Валю, Зоя Николаевна послѣ обѣда, часовъ около четырехъ вышла побродить по Невскому проспекту и сдѣлать кое какія покупки. Былъ прекрасный августовскій день. Надъ Невскимъ ярко сіяло веселое солнце. Торопливо неслись трамваи, увѣшанные гирляндами солдатъ въ сѣрыхъ шинеляхъ, облѣпившихъ площадки и ступеньки, висѣвшихъ на тормозахъ, проѣзжали рѣдкіе извозчики и съ гудками проносились автомобили. Столица жила шумною кипучею жизнью. Зоя Николаевна шла, разсѣянно глядя по сторонамъ и остро чувствуя свое одиночество въ этой толпѣ.

— Зоря, ты? — вдругъ услышала она восторженный молодой голосъ, — и хорошенькая дѣвушка въ костюмѣ сестры милосердія, съ короткой юбкой едва закрывавшей колѣни и въ высокихъ желтыхъ ботинкахъ быстро подошла къ Зоѣ Николаевнѣ.

— Ужели не узнаешь? Ниночка Бергъ... Ну да, я выросла. А ты... Ты такая же милка и pleurnicheuse.

У Зои Николаевны дѣйствительно показались слезы волненія и радости на глазахъ.

— Боже мой! Ниночка! Но какъ ты выросла. Вѣдь я тебя знала совсѣмъ маленькой, а теперь...

— А теперь я выросла. Что же тутъ необыкновеннаго. Девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались.

— Ахъ, да. Правда девять. Я и не замѣтила. Но какъ ты меня узнала?

— А ты совсѣмъ не перемѣнилась. Только пополнѣла немного, похорошѣла страсть. Мущинки должно быть липнутъ къ тебѣ. Сознайся, ты пожирательница сердецъ? Да? Ты замужемъ?

— Да, я замужемъ. И у меня есть славная милая дѣвочка Валя. А ты?

— Нѣтъ я не удосужилась. Все это пустяки. Теперь жизнь пойдетъ по новому и это станетъ совершенно не нужно.

— Что же ты дѣлаешь?

— Я была на высшихъ женскихъ курсахъ. Бросила. Поступила въ консерваторію. Надоѣло. Такая рутина, такъ давятъ настоящій талантъ, сушатъ бюрократизмомъ, что я ушла. Теперь я на драматическихъ курсахъ. Я поэтесса. Мой сборникъ сонетовъ, мои поэзы и пѣсни «о лужѣ» напечатаны.

— Пѣсни о лужѣ?, переспросила Зоя Николаевна. Ей показалось, что она ослышалась.

— Да. Пѣсни о лужѣ. Лужа это Россія. Это аллегорія. Это политическій сборникъ. Я даже боялась, что его запретятъ. Пришлось подмасливать кое кого. А гдѣ твой мужъ?

— На войнѣ.

— Онъ докторъ, надѣюсь.

— Почему? Онъ офицеръ.

— Кадровый?

— Я не понимаю.

— То есть старо-режимный. Корпусъ, училище, святая, непоколебимая вѣра въ Бога, преданность

къ Государю. любовь къ родинѣ. весь этотъ ужасъ.

— Что ты говоришь, милая Ниночка. Какой ужасъ? Это такъ и должно быть. За что же умирать, за что же сражаться! А помнишь институтъ.

— Ахъ институтъ!. со злобою сказала Нина.

Она просунула свою маленькую ручку подъ локоть Зои Николаевны и пошла съ ней въ ногу мѣрно раскачиваясь.

— Милая моя, ты ничего не знаешь. Ты живешь завѣтами старины, ты не видишь, что дѣлается кругомъ. Гдѣ твои мысли?

— Я думаю, какъ у всѣхъ: — на войнѣ. — отвѣчала Зоя Николаевна.

— Какъ у всѣхъ. Вотъ то. чего не должно быть. Созидается великая новая Россія. Не тамъ. въ холодныхъ окопахъ. а здѣсь, гдѣ все громче и властнѣе раздается слово народа, на котораго уже вѣетъ грядущей свободой. Оглянись кругомъ. Какіе теперь стали офицеры и солдаты! Ты посмотри уже солдатчиной отъ него не несетъ на сто верстъ, это не рабъ Царя и произвола, это не опричникъ, но свободный гражданинъ! Гдѣ же ты жила эти два года, что проглядѣла эту эволюцію войска. Вѣдь это наша работа. работа революціонной молодежи.

— Я жила въ Петроградѣ, но была совершенно одна.

— И ни съ кѣмъ не видалась.

— Ни съ кѣмъ.

— Если бы я не знала тебя раньше. я бы тебѣ не повѣрила. Куда ты идешь?

— Домой. Зайди ко мнѣ. Хочешь? Мы напьемся чаю. Поговоримъ. Ты разскажешь мнѣ. Я жила какъ въ тюрьмѣ, какъ въ одиночномъ заключеніи. Я и правда ничего не знаю.

Ниночка согласилась. Ей показывали Валю, но она не выразила особаго восторга увидать маленькое существо, копошащееся въ пеленкахъ.

— Растетъ будущая гражданка,— сказала Ниночка. Зоря, съумѣй воспитать ее въ понятіяхъ истинной свободы и любви къ человѣчеству.

Она отвернулась отъ заплакавшей Вали и прошла въ столовую, гдѣ охотно принялась за чай. Зоя Николаевна должна была подробно разсказать всю свою жизнь. Ниночка слушала ее, какъ докторъ слушаетъ больного, разсказывающаго исторію своей болѣзни, иногда она прерывала Зою Николаевну вопросами, которые заставляли ее мучительно краснѣть.

— Зачѣмъ тебѣ это знать. Ты дѣвушка, — сказала она, наконецъ.

— Зоря, я знаю, что ты не осудишь меня и поймешь. Я не дѣвушка.

— Ты замужемъ, воскликнула Зоя Николаевна, ты нарочно обманула меня.

— Нѣтъ. Я отдалась свободной любви. Сначала это былъ студентъ. Ахъ, какъ онъ любилъ меня. Теперь это офицеръ, но офицеръ новый. Онъ бывшій юристъ.

— Ниночка. Какъ же это!, чуть не плача воскликнула Зоя Николаевна. — Какъ же это возможно. А твои родители?

— Я давно оставила своихъ родителей. Ахъ, милка! Ты это сразу не поймешь. Тебѣ надо отрѣшиться отъ буржуазныхъ предразсудковъ, уяснить полностью значеніе гражданской свободы и только тогда ты поймешь.

— Но какъ же! Какъ же не вѣнчаясь. Одинъ. потомъ другой. Вѣдь это кошмаръ какой то.

Ниночка весело, непринужденно расхохоталась, вскочила изъ за стола, схватила обѣими руками за щеки Зою Николаевну, расцѣловала ее въ губы, въ глаза и въ носъ, подняла со стула, откинулась на два шага назадъ, стала въ трагическую позу, сложивъ руки на груди и опустивъ хорошенькую головку на грудь и изподлобья глядя на Зою Николаевну, сказала полнымъ драматизма голосомъ:

— Ну что же? Презираешь? Презирай! Гони меня вонъ!

Зоя Николаевна совсѣмъ растерялась.

— Ахъ что ты, Ниночка! Да развѣ я могу презирать или осуждать?

— Ты безъ грѣха, кидай въ меня камень — мрачнымъ контральто проговорила Ниночка и увидавши, что Зоя Николаевна готова въ серьезъ расплакаться, она обняла ее, расцѣловала снова и взявши за талью, повлекла въ гостиную.

— Играешь? — говорила она,—рисуешь, поешь?

— Ахъ, все надоѣло. Не для кого. Завоешь иной разъ отъ скуки, а не запоешь, — печально сказала Зоя Николаевна.

— А у тебя отлично. Такъ тихо, хорошо, на незамѣтномъ мѣстѣ. Можно ходить къ тебѣ, учить тебя?

— Ради Бога! Какъ я буду счастлива, если ты будешь у меня часто, часто бывать. Хочешь, каждый день. Приходи завтра обѣдать, или еще лучше завтракать, а потомъ обѣдать — на цѣлый день.

— А его можно привести? Онъ мущина ничего себѣ. Сейчасъ онъ въ гвардейскомъ запасномъ батальонѣ работаетъ. Офицерикъ хоть куда.

— Пожалуйста, — смущенно проговорила Зоя Николаевна.

— Только ты, ради Бога, никому не говори. И мужу не пиши.

— У меня отъ него нѣтъ секретовъ.

— А это пусть будетъ секретъ. До поры, до времени. Хорошо?

Зоя Николаевна подумала, что Ниночка не хочетъ, чтобы ея мужъ зналъ о ея романѣ и согласилась.

— Ну вотъ, милка! — воскликнула Ниночка. — Славная ты душа. Хочешь я его сейчасъ вызову. Славно проведемъ время.

— Ну какъ же такъ... Безъ визита.

— Нѣтъ, это ты Зоря, забудь. Никакихъ визитовъ. Никакѣйшихъ. Это пережитокъ негоднаго прошлаго, феодализма, рыцарства, отрыжка крѣпостного права, китайскія церемоніи. Товарищъ Борисъ этого не признаетъ. Придетъ и зачаруетъ. Онъ говоритъ: — заслушаешься, поетъ: — ротъ разинешь, а станетъ шутить: — отъ хохота умрешь. Изъ него прекрасный артистъ conferancier бы вышелъ, но онъ партійный работникъ и весь ушелъ въ работу партіи. Право я позвоню ему. У тебя есть телефонъ?

— Нѣтъ. Для чего мнѣ телефонъ. Съ кѣмъ бы я стала разговаривать, когда я одна одинешенька въ Петроградѣ.

— Ахъ, какъ же это безъ телефона. Придется поставить. Я хочу тебя увлечь, мой милый мотылекъ въ самое пламя революціонной борьбы.

Ниночка отошла къ окну, стала подъ искусственной пальмой, сложила на груди руки, какъ на молитву и вдохновенно произнесла: —

Проклялъ рабскія цѣпи рабочій народъ,
Онъ зажегъ негасимое пламя,
Поруганію смѣло царизмъ предаетъ
Всюду поднято красное знамя!

— Слыхала ты это Зоря! Молилась съ нимъ, съ народомъ нашимъ, видала юныя лица рабочей молодежи, вдохновенно повторяющей за тобою слова стиха—молитвы.

Подымайтесь, весенніе всходы!
Поднялися они — и двуглавый орелъ
Напрягаетъ послѣднія силы;
Чтобъ остался въ странѣ роковой произволъ
Чтобъ царилъ самодержецъ постылый!

— Пѣсня двуглаваго орла спѣта, скоро встанетъ надъ народными массами, надъ тѣсными рядами

солдатъ—гражданъ торжествующее красное знамя. Ты помнишь у Горькаго въ пѣснѣ о Буревѣстникѣ: «Буря! Скоро грянетъ буря! Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ пророкъ побѣды: — пусть сильнѣе грянетъ буря!»... Вотъ этихъ буревѣстниковъ я приведу къ тебѣ, моя милка, я приведу къ тебѣ борцовъ за красное знамя и, когда ты почувствуешь дуновеніе весны, запахъ свободы — мечты о прежнемъ разлетятся передъ тобою въ прахъ, какъ карточный домикъ и ты вкусишь плоды познанія добра и зла и ты поймешь тогда, что все прошлое — чепуха. Тогда ты и меня поймешь, милка, и не осудишь.

— О что съ тобою, Ниночка, но развѣ я могу тебя осуждать. Да, Боже мой, никогда, никогда, я ни слова не скажу противъ тебя, я такъ тебѣ благодарна, что ты меня учишь. Я проглядѣла многое.

— Ты не видала новой жизни! — сказала Ниночка. — И я тебя научу ей. Ты скоро ее увидишь.

XIII.

На другой день Ниночка пришла вечеромъ съ офицеромъ. Это былъ плотный человѣкъ съ густыми слегка вьющимися рыжеватыми волосами, бритый, какъ актеръ, съ масляными наглыми глазами. На немъ былъ хорошо сшитый френчъ, короткіе шаравары галиффэ, башмаки и обмотки, стягивавшія жирныя икры до колѣна. Онъ былъ лоснящійся, сальный и черезчуръ ласковый. Зоѣ Николаевнѣ онъ не понравился.

— Ну вотъ, Зоря, я и привела тебѣ товарища Бориса. Честь имѣю представить — подпоручикъ Борисъ Матвѣевичъ Кнопъ. А зови его просто товарищемъ Борисомъ.

— Ну зачѣмъ же такъ сразу, — сказалъ Кнопъ. Пусть милая барынька привыкнетъ сначала къ намъ, узнаетъ, полюбитъ, пойметъ.

Онъ почтительно склонился передъ Зоей Николаевной и поцѣловалъ ей руку. Зоя Николаевна не могла не замѣтить, что у него хорошія манеры, что руки у него выхоленныя, на пальцахъ дорогіе перстни и розовые ногти отточены и отполированы какъ у свѣтской дамы. Отъ него пахло духами. Зоя Николаевна не знала о чемъ говорить и терялась, отвыкнувъ отъ мужского общества.

Кнопъ, по ея предложенію, сѣлъ въ кресло и просилъ разрѣшенія закурить.

— Волнуешься, Боря, — сказала Ниночка, хлопая по рукѣ Кнопа. — Куришь. Первый признакъ, что волнуешься.

— Уже больно красива, барынька, — сказалъ Кнопъ. Я не ожидалъ. Трудно очень начать, когда не знаешь истинное credo субъекта, съ которымъ приходится говорить.

— Ея credo, — смѣясь сказала Ниночка — Kaiser, Kirche, Kinder, Kleider und Küche — дальше этого милую Зорюшку никто ничему не училъ. Институтъ. Папа бригадный генералъ въ глухомъ богоспасаемомъ городѣ Глуповѣ и мужъ— капитанъ лихой ротный командиръ, георгіевскій кавалеръ — слуга Царю — отецъ солдатамъ.

— Что же, — сказалъ Кнопъ. — все это очень хорошо. Нетронутая натура, не переболѣвшая — это куда воспріимчивѣе будетъ, нежели человѣкъ сомнѣвающійся и уже боровшійся. Что вы знаете, милая барынька?—обратился Кнопъ къ Зоѣ Николаевнѣ.

Зоя Николаевна пожала плечами. Ей было непріятно, что ее такъ спрашивали, точно учитель на экзаменѣ, или священникъ на исповѣди. Но Кнопъ устремилъ на нее умные каріе глаза и въ нихъ она увидала ласку и любовь и сердце у нее затрепетало. Онъ ей показался истиннымъ другомъ и настоящимъ товарищемъ.

— Болѣете ли вы за нашу многострадальную родину? — вкрадчиво сказалъ Кнопъ.

Зоя Николаевна молчала. Слеза невольно скоплялась въ углу вѣка и отъ этого ея прекрасные большіе глаза блестѣли. Углы рта опускались, она готова была заплакать. Кнопъ понялъ ея душевное состояніе и заговорилъ самъ. Онъ говорилъ красиво, образно, мягкій баритонъ его журчалъ и переливался, то усиливаясь, то спадая почти до шопота.

— Идетъ война, — говорилъ Кнопъ. — Вотъ уже третій годъ идетъ страшная губительная, небывалая по жестокости война и конца ей не видно. Милліоны жертвъ, милліоны голодающихъ вдовъ, брошенныхъ дѣтей, раззоренная до тла страна. Тамъ, на фронтѣ плохо одѣтые, босые, голодающіе солдаты, проклинающіе свою долю и готовые возстать противъ офицеровъ, которые ихъ гонятъ на убой.

— Александръ Ивановичъ мнѣ писалъ, — робко перебила Кнопа Зоя Николаевна, — что они хорошо одѣты, сыты и ни въ чемъ не нуждаются. Особенно, когда онъ былъ въ Зарайскомъ полку. Да и теперь, принявши новый полкъ онъ мнѣ писалъ, что ему удалось все получить и очень хорошо одѣть солдатъ. Онъ даже просилъ ничего, кромѣ табаку и папиросъ ему не посылать, потому что всѣ эти подарки, разные шарфы и фуфайки солдату некуда дѣвать, онъ ихъ продаетъ и это развращаетъ солдата.

— Вашъ мужъ, — сказалъ Кнопъ, должно быть особенный человѣкъ. Такихъ офицеровъ, какъ онъ мало. Почти нѣтъ. То, что мнѣ приходится слышать съ фронта, совершенно противоположно. Солдатъ изнемогъ въ борьбѣ.

— Значитъ, нуженъ миръ? — спросила Зоя Николаевна.

— Миръ теперь невозможенъ. Мы не можемъ измѣнить союзникамъ, и союзники не могутъ заключить миръ, не разгромивши Германію. Нужна побѣда.

— Ахъ, они такъ стараются! — воскликнула Зоя Николаевна.

— Но они никогда не побѣдятъ, пока старый отжившій міръ не уступитъ мѣсто новому. Идея монархіи отжила свой вѣкъ и монархъ уже не нуженъ народу. Монархъ безконечно скомпрометтированъ въ глазахъ народа. Распутинъ съ его страшнымъ вліяніемъ на дѣла войны и государства. Александра Ѳедоровна, тяготѣющая къ Германіи, — невозможныя назначенія, ведущія армію къ пораженію: — все это показываетъ, что старый міръ готовъ рушиться и на смѣну ему идетъ новый прекрасный міръ.

— Что же это будетъ?

— Это будетъ вѣчный миръ, свобода, равенство и братство людей. Развѣ можемъ мы жить, если мы люди, если только бьется въ насъ человѣческое сердце, развѣ можемъ мы жить, когда знаемъ, что наши братья томятся по каторгамъ, что Нерчински и Зерентуи переполнены интеллигентными умными людьми, вся вина которыхъ только въ томъ, что они, страдая за народъ, хотѣли протянуть руку гибнущему брату! Какъ можемъ мы спать спокойно на мягкихъ постеляхъ, когда дикіе жандармы въ это время въ поѣздномъ купэ безнаказанно насилуютъ дѣвушку, обвиненную въ политическомъ преступленіи. Можемъ ли мы ѣсть и пить, когда разстрѣлы идутъ по темнымъ закоулкамъ крѣпостей и висѣлицы ставятъ на разсвѣтѣ въ тюремныхъ задворкахъ. Свободы личности, неприкосновенности жилища жаждемъ мы. А гдѣ онѣ? Поймите слова нечитаннаго вами и не печатаннаго здѣсь поэта:

Арестованъ! — ворвались ночью гурьбой.
И въ столахъ и въ шкапахъ перерыли,
Если бъ можно они бы нахальной рукой
Даже сердце и душу раскрыли....

Жандармъ, полицейскій и дворникъ, звонъ цѣпей и кандалы на каждое свободное слово, на каждую мысль, направленную на защиту страдающаго брата! Возможно ли это!? Думали ли вы, Зоя Николаевна, что всѣ эти юноши, дѣвушки, чистыя Русскія дѣвушки, прекрасные юноши, которые отреклись отъ уюта и комфорта богатой жизни и ушли отъ родителей, чтобы говорить свободное слово, что они негодяи и преступники?! Писаревы, Добролюбовы и Герцены достойны ссылки, изгнанія и тюрьмы? А тѣ, которые хотѣли слабыми силами выразить всю мощь народнаго гнѣва, тѣ, кто шелъ, чтобы кровью крикнуть о возмущеніи народа — всѣ эти Рысаковы, Желябовы, Перовскія, Гельфманъ, Каляевы, лейтенанты Шмидты, Маруси Спиридоновы — что же, ужели они достойны висѣлицы за то, что мстили за поруганныя права и боролись за свободу? Ужели думаете вы, что ихъ имена забыты нами? Что мы не помнимъ ихъ окровавленныхъ могилъ, что мы забыли ихъ въ ссылкѣ? Они не за себя легли въ раннюю могилу, но за насъ. Ваша подруга шутя, конечно, сказала о васъ, что Kaiser, Kirche, Kinder, Kleider und Küche составляютъ весь интересъ вашей жизни. Это потому, что вы не слыхали другихъ святыхъ словъ. Братство, равенство, свобода. Свобода личности, свобода слова, свобода печати, свобода собраній, стачекъ, неприкосновенность личности и жилища — развѣ все это не выше всего. Идетъ, Зоя Николаевна, новая, молодая Россія и мы хотѣли бы, чтобы вы не отстали отъ насъ. Тѣсно, сплоченными молодыми рядами мы пойдемъ къ святой свободѣ и скоро будетъ день, когда ружья и пушки откажутся стрѣлять по своимъ братьямъ.

Кноцъ подошелъ къ роялю и сѣлъ на табуретъ. Онъ взялъ нѣсколько мощныхъ аккордовъ марсельезы.

— Какая музыка! Какая сила! Какая мощь! А?

Мы марсельезы гимнъ старинный

— запѣлъ онъ пріятнымъ баритономъ. —

На новый ладъ теперь споемъ —
И пусть трепещутъ исполины
Передъ проснувшимся врагомъ!
Пусть въ пѣснѣ мощной и свободной
Ихъ поразитъ, какъ грозный бичъ,
Могучій зовъ, побѣдный кличъ,
Великій кличъ международный:
Пролетаріи всѣхъ странъ,
Соединяйтесь въ дружный станъ!
На бой, на бой
На смертный бой
Вставай, народъ — титанъ!

— Вы должны разучить слова этого гимна свободы. Мы пойдемъ съ вами дружными рядами и мы завоюемъ свободу!

— Война, — тихо сказала Зоя Николаевна и умолкла.

У нея была зеленая десятиверстная карта, купленная ею въ магазинѣ Главнаго Штаба. На ней краснымъ и синимъ карандашомъ она отмѣчала по газетамъ и письмамъ Александра Ивановича тѣ мѣста, гдѣ были бои. Всѣ эти Бережницы, Любашевы, Рудки Червище, Воли Снятыцки, ей были родными и знакомыми. Тамъ была таинственная, невѣдомая война, о которой она имѣла смутное представленіе по газетамъ и иллюстрированнымъ прибавленіямъ. Тамъ былъ ужасъ и смерть, но тамъ были вожделѣнія ея, всѣ воздыханія и молитвы.

— Война, — сказалъ Кнопъ, — не тамъ, а здѣсь. Будетъ побѣда здѣсь и тамъ все полетитъ къ чорту и свободный народъ сокрушитъ врага и

прогонитъ его далеко за предѣлы Русской земли. Да и что такое — предѣлы Русской земли? Никакихъ границъ, никакихъ предѣловъ, никакихъ таможенъ не будетъ знать грядущее братство народовъ!

Кнопъ говорилъ и за чаемъ и послѣ чая. Онъ говорилъ почти все время одинъ. Онъ не давалъ возражать себѣ. Да и могла ли Зоя Николаевна что либо возразить, когда все было такъ прекрасно? Но ей было все таки горько. Подвигъ ея мужа, его георгіевскій крестъ, то, что она, Зоя Николаевна, мать командирша, что ея Александра Ивановича и ее будутъ встрѣчать въ собраніи полковымъ маршемъ музыканты и дежурный офицеръ подходить съ рапортомъ, этого какъ будто въ будущей новой Россіи не предполагалось. И она не могла себѣ представить, что же будетъ тогда на мѣстѣ Морочненскаго полка и ея Александра Ивановича? Выходило какъ будто пустое мѣсто. Шумливо и сумбурно подъ дребезжащіе звуки марсельезы, по чужому звучавшей для нея, выявлялась какая то громадная толпа какихъ то пролетаріевъ и въ ней безъ остатка тонула личность ея Александра Ивановича, ея самой, Вали, значеніе подвига и святость креста. И объять этого она не могла. Ей хотѣлось задать множество вопросовъ, самыхъ мелкихъ, но и самыхъ важныхъ для нея. Будетъ ли она «барыня» и будетъ ли ей служить ея милая Таня? Можно ли будетъ ходить въ церковь и на Рождество устраивать елку для Вали и самой смотрѣть мокрыми отъ слезъ глазами на ея огоньки и вспоминать прошлое? Будутъ ли вербы и свѣчки, съ которыми такъ пріятно возвращаться домой, закрывая ихъ бумагой, или ладонью отъ вѣтра, будетъ ли Пасха, яйца и христосованье и окорокъ на столѣ? Какъ будто бы все это отметалось и тонуло въ необъятно широкой любви и свободѣ, но безъ этого какъ будто новая Россія рисовалась какой то, правда,

пестрой, кричащей яркими красками, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ плоской.

Но спросить объ этомъ она не смѣла, а Кнопъ все говорилъ и говорилъ.

Когда въ первомъ часу ночи онъ уходилъ, Ниночка безцеремонно выпроводила его впередъ, а сама осталась на минуту въ прихожей обмѣняться впечатлѣніями со своею подругой.

— Ну, какъ Зорюшка, тебѣ понравился мой Боря.

— Ахъ очень, — печально отвѣтила Зоя Николаевна.

— Не правда ли, какой онъ умный человѣкъ. Я считаю его геніальнымъ.

— Да. Конечно. Но я многаго не поняла.

— Сразу и не поймешь. Это не дается сразу. Мы будемъ часто ходить и тогда постепенно все тебѣ станетъ ясно. Въ октябрѣ на пулеметные курсы въ Ораніенбаумъ пріѣзжаютъ три его товарища — Осстровъ, Гайдукъ и Шлоссбергъ — вотъ теплые ребята! Я непремѣнно приведу ихъ къ тебѣ. Кнопъ — это теорія и ученость — а эти — мы ихъ Атосъ, Портосъ и Арамисъ прозвали — эти практики. И какая сила! Настоящіе богатыри разбойники. Ну да двое то первыхъ изъ народа. Черноземная сила. Но прелесть какіе ребята! Такъ ты довольна?

— Ахъ, очень! — сквозь слезы отвѣчала Зоя Николаевна, провожая подругу.

XIV.

Ниночка бывала у Зои Николаевны каждый день и почти всегда ее сопровождалъ Кнопъ. Они вмѣстѣ обѣдали, ходили въ кинематографы и по театрамъ, пили чай съ закуской и Кнопъ развивалъ Зою Николаевну, открывая передъ нею тѣ широкія перспективы, которыя будутъ въ новой свободной

соціалъ-демократической Россіи. По его словамъ царство Божіе, великая правда спускалась на землю и на землѣ наступалъ рай. Зоя Николаевна, слушая его, восхищалась. Не будетъ смертной казни, не будетъ тюрьмы и ссылки, всѣ будутъ счастливы, не будетъ обиженныхъ и обездоленныхъ. Какъ это будетъ дивно хорошо! Но, оставаясь одна и перебирая въ мысляхъ своихъ все то, что говорили Кнопъ и Ниночка, старавшаяся по мѣрѣ силъ развить подругу, Зоя Николаевна открывала много такихъ подробностей въ будущемъ раю, съ которыми никакъ не мирилось ея сердце. Неужели, думала она, я такъ устарѣла, стала такъ буржуазна, такъ далеко отошла отъ народа, что уже не могу отстать отъ пережитковъ старины и понять всю прелесть и красоту соціалъ-демократическаго рая.

Былъ праздникъ, крѣпкій осенній воздухъ хватилъ неожиданный октябрьскій морозъ, гулко звенѣлъ благовѣстъ, въ открытую форточку гостиной доносились могучіе удары колоколовъ Знаменской церкви, имъ справа отвѣчала менѣе слышная, заглушенная шумомъ города Владимірская и издалека, тая въ прозрачной синевѣ блѣднаго неба звучалъ Казанскій звонъ. Этотъ благовѣстъ поднималъ со дна сердца волнующія воспоминанія. Такъ же прислушивалась она къ колоколамъ и въ институтѣ, когда вдругъ открывали окна и несла свой благовѣстъ Знаменская, а ей отвѣчала Владимірская и все покрывалъ Казанскій соборъ. А какъ это было хорошо на Пасху!

Въ новой Россіи этого какъ будто и не должно было быть. Кнопъ касался этого вопроса осторожно. Ниночка на прямо поставленный вопросъ о церкви отвѣчала смѣясь: — «лучше безъ поповъ. Что попы! только обираютъ и обманываютъ народъ». Зоя Николаевна вспоминала восторженно-умиленное чувство, которое охватывало ее передъ причастіемъ, чувство душевной чистоты и устре-

мленія ввысь послѣ причастія, бѣлыя одежды, изящную прическу, чай не во время, предупредительность къ причастницѣ, Христовой невѣстѣ, домашнихъ и ей до боли становилось жаль всего этого. У Кнопа выходило такъ, что церковь останется, но кто хочетъ, — ходитъ и вѣруетъ, а кто не хочетъ никто не препятствуетъ. Таинство не таинство, а просто свое удовольствіе и богослуженіе въ храмѣ ничѣмъ не разнится по смыслу отъ театральнаго представленія. Дѣтей закону Божьему учить не предполагалось, но кто хочетъ могъ приглашать къ себѣ на домъ священника и пусть тотъ учитъ. Свобода!... Зоя Николаевна знала, что въ людяхъ очень быстро и легко развивается злое начало и единственное средство борьбы съ нимъ— страхъ Божій, умиленіе сердца, любовь христіанская — все то, что дастъ вѣра и молитва. Думая о Валѣ она уже рисовала себѣ картины, какъ первыми словами, которыя она выучитъ будутъ слова молитвы. Ей рисовалась ихъ уютная столовая съ образомъ въ углу, Александръ Ивановичъ за столомъ, она, какой либо гость, старый хорошій другъ, минута затишья. Всѣ погружаются въ глубокое созерцаніе и становятся за спинками стульевъ, прислуга съ миской супа тоже застываетъ неподвижно у двери и дѣтскій слабо звенящій голосокъ сосредоточенно читающій глядя на образъ: — Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ!, звучитъ въ умиленной тишинѣ.

Этого не будетъ.

По Кнопу и по Ниночкѣ выходило такъ, что это не нужно и, если гдѣ это и будетъ, то на это будутъ смотрѣть съ легкой усмѣшкой, какъ на прихоть, какъ на блажь, на странность.

Не нравилось это Зоѣ Николаевнѣ.

Кнопъ и Ниночка напирали на то, что Государь очень много сдѣлалъ зла Россіи, что вообще Цари мучили и тиранили народъ и не только они сами, но самая память о нихъ, даже описа-

ніе ихъ дѣйствій и подвиговъ, исторія, должны быть уничтожены и вытравлены изъ народной памяти. Государя они называли не иначе какъ «тиранъ», «Николашка кровавый» и изъ подъ полы показывали ей ужасныя каррикатуры преимущественно нѣмецкаго изготовленія.

Зоя Николаевна совсѣмъ не знала Государя, но она отлично помнила ту суматоху, которая поднялась въ институтѣ, когда туда пріѣхалъ Императоръ съ Императрицей. Ее тогда охватило такое волненіе, что она даже не видала ясно ихъ лицъ. Что то свѣтлое, сіяющее, непохожее на людей проходило по заламъ, кто то говорилъ стихи, весь институтъ колыхаясь, какъ море бѣлыми передниками присѣдалъ въ почтительномъ глубокомъ реверансѣ. Зоя Николаевна, воспитанница шестого класса танцовала характерную венгерку съ воспитанницей Сѣдовой и сама себя не помнила отъ счастья и волненія. Когда Государь уѣзжалъ, барышни вытащили у него изъ кармана платокъ, изъ за этого платка была страшная драка, потомъ этотъ платокъ разорвали на части и у Зои Николаевны и до сихъ поръ хранится въ шкатулкѣ съ ея подвѣнечными флеръ д' оранжами, вѣнчальными свѣчами, воскомъ съ волосами ея Вали, взятыми при ея крещеніи маленькій кусочекъ батиста отъ Государева платка.

Все, что случалось въ жизни ея отца, а теперь ея мужа, хорошаго, случалось Монаршею милостью. Вотъ и недавно, когда Александръ Ивановичъ получилъ Морочненскій полкъ, Таня и кухарка поздравляли Зою Николаевну съ Монаршею милостью и Таня заказала въ булочной большой крендель съ ванилью и изюмомъ и подала его къ чаю по случаю — Монаршей милости.

Безъ слезъ на глазахъ и умиленія въ сердцѣ Зоя Николаевна не могла слушать Русскаго гимна и все, что касалось Государя и Россіи было для нея свято.

Въ новой Россіи этого не будетъ. Вмѣсто Государя будетъ народъ. Самъ народъ, говорилъ Кнопъ, черезъ своихъ избранниковъ будетъ вершить всѣ свои дѣла. Кнопъ много объяснялъ ей о великомъ значеніи прямого, равнаго, тайнаго и всеобщаго голосованія и называлъ его священной четырехвосткой.

Оставшись одна Зоя Николаевна достала небольшой ученическій атласъ, развернула карту Россійской имперіи и, сморщивъ бѣлый лобъ и нахмуривъ брови углубилась въ воспоминанія институтской географіи. Географію она любила и по географіи у нея всегда было двѣнадцать. Она смотрѣла на большія зеленыя пространства, по которымъ змѣились черныя рѣки, гдѣ не было желѣзныхъ дорогъ и очень рѣдко видиѣлись надписи странныхъ, не виданныхъ городовъ. Якутскъ Енотаевскъ, Колымскъ, Петропавловскъ, Гижига — читала она. Она спускалась ниже къ скромному блѣдно-желтому пятну, окруженному коричневыми горами, читала названія Пржевальскъ, Джаркентъ, Кокчетавъ и думала какъ тамъ будутъ избирать и какъ оттуда на оленяхъ, на собакахъ, на лошадяхъ, черезъ лѣса и горы, черезъ тайги и тундры, черезъ пустыни и степи поѣдутъ всѣ эти самоѣды, якуты, буряты, киргизы и будутъ вершить вмѣсто Государя дѣла Россіи...

И Таня будетъ вершить и ихъ денщикъ Ибрагимка татаринъ, косолапый, всему смѣявшійся и ничего не понимавшій, котораго Зоя Николаевна и за человѣка не считала.

— Что же, если выберутъ, — сказалъ Кнопъ.

Онъ говорилъ ей о Думѣ. Она вспоминала картинки засѣданій Думы, вспоминала свои впечатлѣнія о посѣщеніи Думы и рослую осанистую фигуру съ барскими широкими жестами Родзянки.

Государь, или Родзянко?...

Ну, конечно, Государь. Родзянко былъ человѣкъ, а Государь...

Но она не смѣла сказать всего того, что думала Кнопу. Она чувствовала, что у Кнопа, какъ и у всѣхъ, кто съ нимъ развита такая страшная ненависть и злоба къ Государю, что говорить объ этомъ не стоило. Но странно было думать, что якуты, буряты, самоѣды, Таня и Ибрагимъ вмѣстѣ съ Родзянкой будутъ рѣшать всѣ Русскія дѣла, объявлять войны, заключать миръ, посылать посольства. Да станутъ ли съ ними еще и разговаривать то тамъ, въ Европѣ?, думала Зоя Николаевна, но молчала.

Дальше, по разсказамъ Кнопа, выходило совсѣмъ чудесное, какъ въ сказкѣ. Войско и полиція, судъ и тюрьмы уничтожались за ненадобностью. Главная причина всѣхъ человѣческихъ преступленій — деньги отмѣнялись. Все, что нужно человѣку для жизни — пища, одежда, жилище, все это будетъ общее и будетъ выдаваться людямъ по мѣрѣ надобности безплатно.

Будетъ ли это хорошо, думала Зоя Николаевна. Вотъ ввели карточки на сахаръ, на муку, въ интендантскомъ складѣ выдаютъ по квитанціямъ крупу и консервы и не даромъ, а за деньги и то сколько мучиться приходится, стоя въ очередяхъ и, переходя отъ барышни къ чиновнику и отъ чиновника къ прикащику. Нѣтъ раньше было куда проще,—зашелъ, взялъ и заплатилъ. Она высказала свои сомнѣнія на счетъ практичности такой системы Кнопу, но тотъ пожалъ плечами, сказалъ: — «обывательская психологія» и сталъ длинно и подробно разсказывать ей объ обмѣнѣ труда на продукты. Трудъ писателя, чиновника, художника, актера приравнивался къ труду сапожника, землепашца, скотовода, высчитывался и какъ то волшебно обращался въ право на комнату, на постель, на одѣяло, на кусокъ хлѣба, обѣдъ въ общей столовой, бутылку пива, кресло въ театрѣ.

Въ воображеніи Зои Николаевны появлялись не единичные люди, или индивидуумы, какъ говорилъ Кнопъ, а какія то коллективныя личности, табуны, стада людей, которыя что то дѣлали, а больше вмѣстѣ ѣли и сидѣли по театрамъ. Было необычно, нежизненно, отзывало плохой фантазіей Уэльса, а въ общемъ было непонятно.

— Но, если я не хочу быть вмѣстѣ, въ общей столовой, если я хочу быть у себя за столомъ, чтобы Таня мнѣ служила и сидѣть со своею посудою и ѣсть то, что я хочу.

— Этого уже нельзя будетъ, милая барынька, — говорилъ Кнопъ и на лицѣ его было написано: ежели бы ты не была такая хорошенькая, я бы съ тобою и разговаривать не сталъ. — Равенство требуетъ отмѣны собственности.

Зоя Николаевна думала, слушая его, какая же это свобода, когда ничего своего не имѣй.

Но, когда затронули вопросы любви, Зоя Николаевна пришла въ ужасъ. Этотъ деликатный вопросъ Кнопъ поручилъ Ниночкѣ. Но только Ниночка начала говорить, какъ Зоя Николаевна заплакала и замахала руками.

— Это какія то собачьи понятія, — воскликнула она. — И не говори, милая Ниночка, родная моя, не говори. Мнѣ просто гадко это слушать Это и вообще то гадость, а такъ, какъ ты говоришь, съ любымъ мущиной, хоть на полъ часа. Нѣтъ, нѣтъ, оставь! А дѣти! Какъ же дѣти!, съ отчаяніемъ закричала она и ставши пунцово красной убѣжала въ другую комнату.

— Ахъ, какъ сильны буржуазные предразсудки!, вздыхая говорилъ Кнопъ, когда Ниночка разсказала ему о результатѣ своего разговора о свободной любви.

Соціалъ-демократическій рай новой Россіи казался Зоѣ Николаевнѣ далеко не раемъ, а грязной толпой, мечущейся безпорядочно отъ удовольствія къ удовольствію и не сдержанной никакимъ тру-

домъ. Все было смутно и неясно и прозрѣвать она стала только тогда, когда къ ней однажды вечеромъ нагрянули вмѣстѣ съ Кнопомъ и Ниночкой веселая шумная компанія Осетрова, Гайдука и Шлоссберга и съ ними какая то странная дѣвица, брезгливо свысока протянувшая Зоѣ Николаевнѣ холодную мокрую руку, устремившая на нее большіе свѣтлые русалочьи глаза и назвавшая себя «товарищъ Дженни».

XV.

Всѣ три офицера были одѣты изысканно хорошо и богато, но каждый имѣлъ свое cachet въ одеждѣ и манерахъ.

Осетровъ въ прекрасно сшитой защитнаго тонкаго сукна рубахѣ, въ широкихъ Русскихъ шараварахъ и высокихъ хорошей дорогой шагрени сапогахъ, съ клокомъ волосъ на лбу, съ ухватками деревенскаго парня, походилъ на ухаря купца, разгулявшагося купчика вдругъ наполнившаго маленькую гостиную Зои Николаевны шумомъ трескомъ, говоромъ, широкими жестами и разгуломъ Волжскаго разбойника. Говорилъ онъ громко, съ прибаутками, громко хохоталъ, сверкая бѣлыми зубами и очаровалъ прежде всего Таню, не спускавшую съ него восхищенныхъ глазъ. На лицѣ и въ жестахъ у него сквозило: — все могу!, все позволено, все куплю.

Гайдукъ былъ въ модномъ френчѣ, штанахъ галифф, утрированно широкихъ у бедръ, башмакахъ и обмоткахъ. Вся его фигура квадратная, точно составленная изъ геометрическихъ линій давила своею опредѣленностью. Онъ почти ничего не говорилъ и какъ только познакомился съ Зоей Николаевной устремилъ на нее тяжелый неподвижный взглядъ. Широкое круглое, бритое лицо его лоснилось отъ пота и у ушей и на вискахъ на

немъ были прыщи и черные угри. На большомъ пухломъ ртѣ играла сладострастная улыбка и обнажала два ряда рѣдкихъ, мелкихъ, желтыхъ зубовъ.

Шлоссбергъ одѣтый во френчъ, имѣлъ подъ нимъ рубашку со штатскими высокими крахмальными воротниками, подпиравшими его подбородокъ. На немъ были длинные брюки и штатскіе ботинки на шнуркахъ. Онъ одинъ былъ безъ ремня на френчѣ, висѣвшемъ на немъ свободно, какъ штатскій костюмъ. Голое синевато бѣлое лицо его съ глубокими синяками подъ глазами было нездорово. Взглядъ былъ тусклый и усталый, движенія медленныя, лѣнивыя. Онъ протянулъ руку съ длинными тонкими пальцами и холеными отшлифованными ногтями Зоѣ Николаевнѣ жестомъ короля, ожидающаго, что у него поцѣлуютъ руку. Волосы блѣдно желтаго цвѣта были тщательно разобраны проборомъ и примаслены. На лбу и на затылкѣ уже была лысина.

Товарищъ Дженни была одѣта въ мужскую рубашку съ галстухомъ ярко краснаго цвѣта зашпиленнымъ булавкой съ Адамовой головой. Поверхъ рубашки былъ пиджакъ синяго тонкаго сукна. Такая же юбка охватывала ея узкія бедра и доходила немного ниже колѣна. Дальше были высокіе желтые сапожки на шнуркахъ. Она была бы красива со своими обезцвѣченными водородомъ свѣтло желтыми волосами, съ большими задумчивыми, загадочными глазами, если бы черты лица не были грубы и тяжелы и само лицо не было мертвенно блѣдно нездоровою блѣдностью бѣлокровія. Она смотрѣла то на того, то на другого изъ гостей пристальнымъ печальнымъ взглядомъ и вдругъ разражалась веселымъ истеричнымъ смѣхомъ. Тогда лицо ея оживало.

Зоя Николаевна при видѣ стольких незнакомыхъ мущинъ совершенно потерялась, но гости не смущались. Они вошли въ ея квартиру, какъ

въ свою собственную и Гайдукъ, ни у кого не спрашивая позволенія, закурилъ толстую папиросу.

— Не удивляйтесь нашей безцеремонности, — мягко сказалъ Шлоссбергъ, обращаясь къ Зоѣ Николаевнѣ. Война насъ сдѣлала такими. Мы привыкли жать, гдѣ не сѣяли.

— Подъ каждымъ дерева листомъ ей былъ готовъ, и столъ. и домъ, — развязно сказалъ Осетровъ. Товарищу Ниночкѣ привѣтъ. Какъ ваша муза? Нащелкали что либо?

— Немного есть, отвѣчала Ниночка.

— Прочтете?

— Это уже, какъ хозяйка, сказала Ниночка.

— Коммуна, Ниночка, коммуна! Давайте выберемъ предсѣдателя, если хотите, но не хозяйка. Гдѣ хозяйка тамъ есть работники. А мы не работники. Аминь! «Быть по сему!», «прочелъ съ удовольствіемъ» — какъ говоритъ Николашка кровавый — сказалъ Осетровъ.

— Пожалуйста читай, Ниночка, сказала Зоя Николаевна.

— Просимъ, просимъ!

— Нѣтъ, я не буду первая. Пусть Шлоссбергъ прочтетъ что нибудь хорошее.

Шлоссбергъ не отказывался. Онъ подошелъ къ роялю и товарищъ Дженни покорно пошла за нимъ и сѣла на табуретъ. Она взяла нѣсколько печальныхъ аккордовъ похороннаго марша, потомъ смолкла и рѣдкими торжественными аккордами сопровождала слова Шлоссберга, говорившаго какъ актеръ мелодекламаторъ.

Какъ ударъ громовой, всенародная казнь
Надъ безумнымъ злодѣемъ свершилась:
То она изъ ступеней отъ трона царя
Съ грознымъ трескомъ долой отвалилась...

Дженни ушла въ басовой ключъ и мягко торжественно звучали ея аккорды.

Мраченъ царь... Думу крѣпкую думаетъ онъ
Кто осмѣлился стать судіею
Надъ тобою, надъ вѣрнымъ слугою моимъ
Надъ любимцемъ возвышеннымъ мною

Шлоссбергъ рисовалъ грозную картину видѣній Царя, нарисованную Ольхинымъ въ его стихотвореніи «На смерть Мезенцева».

Царь стоитъ и не вѣритъ смущеннымъ очамъ:
Какъ на гласъ неземного велѣнья,
Поднялись и проносятся мимо него
Рой за роемъ живыя видѣнья.

Измождены, избиты, въ тяжелыхъ цѣпяхъ,
Кто съ простреленной грудью, кто связанъ,
Кто въ зіяющихъ ранахъ на вспухшихъ спинахъ,
Будто только что плетью наказанъ.

Тутъ и лапоть крестьянскій и черный сюртукъ,
Женскій локонъ, солдатикъ въ мундирѣ,
И съ веревкой на шеѣ удавленный трупъ,
И поэтъ заморенный въ Сибири.

Всѣ притихли. У Зои Николаевны глаза были полны слезъ и она чувствовала, какъ колебалась ея любовь къ Государю и слова М о н а р ш а я м и л о с т ь теряли свое обаяніе.

Шлоссбергъ долго читалъ среди затихшихъ гостей, аккорды слились въ жгучую мелодію, мелодія загремѣла угрозой и бунтомъ и пылко и гнѣвно уже не говорилъ, а кричалъ слова мести Шлоссбергъ:

— «И виситъ эта туча, и будто бы ждетъ,
Словно крылья орелъ расправляетъ,
Но ударитъ твой часъ, — грозовая стрѣла,
Какъ архангела мечъ засверкаетъ.
Каждый стонъ, каждый вздохъ, пролитая слеза
Въ огнедышащій змѣй обратится,
И въ давно зачерствѣлое сердце твое
Милліонами зубьевъ вонзится!

Шлоссбергъ понизилъ свой голосъ почти до шопота, Дженни подъ сурдинку играла похоронный маршъ.

Полумракъ, тишина,.... пышный гробъ и налой,
Образа съ восковыми свѣчами,
И покойникъ съ суровымъ холоднымъ лицомъ,
Съ искаженными смертью чертами.

Нѣсколько секундъ въ гостиной царила тишина. Умиралъ звенящій аккордъ и тяжело дышалъ вспотѣвшій, взволнованный Шлоссбергъ,

— Здорово! — сказалъ Осетровъ.

— Да! Эт-то талантище! Эт-то писатель, — проговорилъ молчавшій пока Гайдукъ.

— Товарищи, сказалъ Кнопъ, а какъ у васъ въ пулеметномъ полку, насчетъ пѣсень и литературы?

— Идеть — сказалъ Осетровъ, произнося по мужицки и д е т ъ. — Тутъ легко. Народъ сознательный, ну и начальство растеряно. Рабочую марсельезу разучили, «Вы жертвою пали»—поемъ, — «ночь темна» знаемъ, тутъ можно, а вотъ въ полку — египетскія казни пошли. Саблинъ генералъ корпусъ принялъ и пошло. Цензура, все запрещено, только «громъ побѣды раздавайся» и ной. Ну генералъ! И молодой совсѣмъ, а такой аспидъ. Занятія завелъ.

— Какія же занятія?, спросилъ Кнопъ.

— Да разныя. Укрѣпленія въ тылу построилъ, проволокою окуталъ, теперь атаковать заставляетъ, проволоку рѣзать, рвы прыгать, ручныя гранаты бросать. А то еще музыкантовъ завелъ, гимнастику всѣмъ полкомъ подъ музыку заставляетъ дѣлать. Бѣгать по часамъ заставляетъ. Самъ ночью въ окопахъ сидитъ, а утромъ къ резервной дивизіи катитъ, на занятія, значитъ. Двухъ командировъ полковъ прогналъ, новыхъ поставилъ. Тянутъ солдата. Всѣхъ остригъ, даже офицеровъ, вшей уничто-

жилъ, честь отдавать заставилъ. Самъ двужильный и другихъ тянетъ.

— Ну, а солдаты какъ къ этому?, спросилъ Кнопъ.

— Не одобряютъ. Погоди, говорятъ, дай срокъ мы раздѣлаемся съ тобой. Намъ, говорятъ, этого не надо, мы воевать не хотимъ.

— Непріятіе войны?, сказалъ Кнопъ.

— Надоѣло. Окопы замучили. Кабы война настоящая, а то только такъ. Томленіе одно. Газовъ страсть боятся.

— Гмъ, гмъ, — сказалъ Кнопъ. — Воевать все таки придется.

— А нельзя пошабашить, спросилъ Гайдукъ.— Ежели революція и все такое.

— Нельзя. О н и требуютъ. И деньги на революцію давали съ тѣмъ, чтобы никакого мира. Такъ и пропаганду вести приказывали — революція молъ, долой Царя, устройство демократическаго образа правленія и — сейчасъ продолженіе войны — въ полномъ согласіи съ союзниками.

— Трудно это будетъ, — сказалъ Осетровъ.

— Какъ рабочіе?, спросилъ Гайдукъ.

— Тамъ все готово. Наши на мѣстахъ и каждую минуту готовы стать къ власти.

— Помните, товарищъ, наши требованія — сейчасъ же демократизація арміи, комитеты, выборное начало при назначеніи на командныя должности, отмѣна дисциплинарной власти, отмѣна отданія чести...

— Понимаю, понимаю, — торопливо сказалъ Кнопъ. Droit de soldat. Декларація правъ солдата. На это идутъ. Согласны. П. немного артачится, а Г. идетъ. Онъ теперь подъ подозрѣніемъ. Въ Кисловодскъ удралъ. Но вы то увѣрены, что изберутъ кого надо?

— Боимся, чтобы не Саблина, сказалъ Шлоссбергъ.

— Какъ такъ? Вѣдь вотъ товарищъ Осетровъ говоритъ, что его ругаютъ, — сказалъ Кнопъ.

— А вотъ, подите, товарищъ, — поймите психологію солдата. Онъ де кормить сталъ хорошо, полушубки досталъ, сапоги — и уже многіе за него и про занятія молчатъ.

— Спровоцировать придется, сказалъ Кнопъ.— Задержать транспорты съ продовольствіемъ. Пищу испортить.

— Не учите. Сами понимаемъ, сказалъ Гайдукъ.

Всѣ замолчали. Дѣловой разговоръ кончился, Ниночка горѣла желаніемъ прочитать свои стихи, и не смѣла начать. Зоя Николаевна попросила пить чай.

XVI.

Послѣ чая стало шумнѣе.

— Я все таки, товарищъ Борисъ, не понимаю ни кубизма, ни декадентства этого самаго, — говорилъ Осетровъ. — Ну къ чему оно? Какое отношеніе до революціи.

— А мозги на бекрень свернуть. Эхъ, товарищъ, мы такъ старательно захаяли все старое, что надо дать все новое съ иголочки, чтобы ничѣмъ этого стараго не напоминало. Если бы можно, надо было бы новый языкъ изобрѣсти вмѣсто Русскаго. Посмотритъ нашъ дикарь на эти пестрые кубы, цилиндры, конусы вонзающіеся куда то, на эту яркую желтую краску изъ которой торчитъ глазъ, вылупитъ глаза и смотритъ, какъ баранъ на новыя ворота. Это вотъ картина! Да что простой народъ — я одного интеллигента нашелъ, художественнаго критика, который тоже что то находилъ, какого то новаго откровенія въ искусствѣ кубистовъ искалъ. Нѣтъ, товарищъ, вся та белиберда, которую преподносятъ теперь поэты, она

уже потому хороша, что никакъ не похожа на старое. Слова пошли новыя... Я бы и буквы придумалъ другія. Новая Россія и все по новому.

— Боюсь не угожу вамъ своими стихами, — сказала Ниночка. — Они проникнуты старымъ настроеніемъ и старой музыкою слова.

— Прочти ихъ намъ, Нина, — сказалъ Кнопъ.

— Мы слушаемъ, — сказалъ Осетровъ, не сводя горячаго страстнаго взгляда съ Зои Николаевны.

Ниночка встала съ кресла, отошла въ уголъ комнаты и устремила мечтательные глаза вдаль.

— Ну! — сказалъ Осетровъ.

— Погодите. Я создаю настроеніе. Молчите пожалуйста. Я поймаю минуту, когда начинать.

Всѣ притихли. За двѣ комнаты въ спальной тихо, точно жалуясь кому то, плакала маленькая Валя.

— Ты точно насъ на фотографію снять хочешь, — сказала Зоя Николаевна.

Ниночка болѣзненно сморщилась и погрозила ей пальцемъ.

— Есть!, наконецъ, сказала она. Звучнымъ груднымъ контральто, растягивая слова, она начала:

Бѣлоствольныя березы
У заснувшаго пруда
Тихо дремлютъ, видя грезы
Подъ напѣвы соловья
Бѣлоствольныя березы
У заснувшаго пруда
Разскажите ваши грезы...
Ими полонъ былъ и я.

— Браво!, воскликнулъ Шлоссбергъ.

— А не украла, Ниночка,? сказалъ Кнопъ. — Съ тобою бываетъ.

— Нѣтъ, покраснѣвши сказала Ниночка. — Я немного взяла мотивъ знаете этого стараго, дѣтскаго

Au clair de la lune
Mon ami Pierrot
Donne moi ta plume
Pour ècrire un mot.

Я такъ люблю примитивы. Ты, Боря, ко мнѣ всегда придираешься. Читай твой гимнъ товарищу Нинѣ.

— Извольте, развязно сказалъ Кнопъ.

Я иду въ пустынѣ жалкой,
Воспѣвая красоту.
Жизнь мнѣ мнится приживалкой
Глупой,хищной, черной галкой
Устремленной въ высоту.

Я иду... Кругомъ тѣснины,
Рвы, могилы, скалы, горки.
Я пою красоты Нины,
Синихъ глазъ ея глубины.
Жизнь мнѣ кажется не горькой.

Я иду. А солнце вянетъ,
Лѣсъ закатомъ окораля,
Въ мысляхъ Нина, точно фея
Лиловѣя, голубѣя
Вѣчно милая мнѣ краля!

— Это мнѣ? Спасибо Боря, сказала Ниночка.

— Прелестно, задумчиво проговорила Зоя Николаевна.

— Неправда ли, сколько настроенія, — заговорилъ самъ Кнопъ. — И какъ удалось мнѣ это; — —«лѣсъ, закатомъ окораля» — это уже новое. Каждое новое слово мнѣ кажется важнымъ достиженіемъ будущаго. Напримѣръ я придумалъ слово — «остулиться» — вмѣсто сѣсть. Неправда ли хорошо. Я остулился — то есть сѣлъ на стулъ.

— Ну... Я отабуретился.

— Ловко.

— Шлоссбергъ, прочти твой гимнъ свободѣ, отъ товарищей пулеметчиковъ, проговорилъ Гайдукъ.

— Это гимнъ будущаго, — сказалъ Шлоссбергъ, выступая опять вмѣстѣ съ Дженни.

Лихая ночь.
Въ окопѣ снѣгъ.
Уйди ты прочь
Проклятый человѣкъ!
Пулеметъ.
По всей Россіи,
Трещитъ пулеметъ.
Въ немъ наша сила!
Насилье сломила
Свободу онъ дастъ!
Никогда не продастъ.
Кого побьетъ — тотъ не встанетъ!

Ахъ, слушать васъ уши вянутъ
Ну что за чушь
Вы порете не стихами
А просто глупыми словами
Безъ склада и лада
Безъ риѳмы!
Такъ говоритъ буржуй
Въ немъ сидитъ старый режимъ.
Но ихъ! мы!

Мы можемъ,
Всѣхъ сгложемъ,
Возьмемъ силою
И удачею.
Плевать намъ на всѣ науки
Попадись намъ въ руки
Хоть Толстой, хоть самъ Пушкинъ
Мы слопаемъ ихъ, какъ пампушки.
Пулеметъ! Пулеметъ!
Онъ стрѣляетъ и по лежачему
И въ летъ!

— Прекрасно! Прекрасно! заговориль Кнопъ. Извиняюсь, товарищъ, но мнѣ кажется вамъ придется перемѣнить одно мѣсто.

— Какое?, недовольно спросилъ Шлоссбергъ.

— Вы говорите: — самъ Пушкинъ. Этимъ вы оказываете уваженіе Пушкину, а между тѣмъ вы знаете кто такое былъ Пушкинъ и каково къ нему отношеніе нашей партіи. Чего стоятъ его стихи!

— Да, это пожалуй, сказалъ Шлоссбергъ. Вы правы. Но общій ритмъ стихотворенія, я нахожу мнѣ удался, товарищъ Ниночка, не правда ли въ немъ много настроенія.

— Да, хорошо, задумчиво проговорила Ниночка.

XVII.

Зоѣ Николаевнѣ порою казалось, что кругомъ нея сумасшедшіе люди, что она попала въ домъ умалишенныхъ. Они бывали часто. Они безцеремонно приносили съ собою вино, водку и закуски и часовъ около двѣнадцадти шли въ столовую, пили и шумѣли. Что могла она сдѣлать? Она говорила Ниночкѣ, что это ей не нравится, что ея домъ не кабакъ, что съ какой стати они тратятъ деньги, что если она захочетъ, она сама ихъ угоститъ.

— Милка моя. Неужели ты не понимаешь, что это коммуна! Въ этомъ наша сила, въ этомъ все счастье будущей жизни, въ которой не должно быть никакого стѣсненія! Ты замѣтила, — Осетровъ въ тебя влюбился съ перваго взгляда. Тебѣ подвезло. Онъ красавчикъ и богатенькій. У его отца несмотря на войну пятьдесятъ запряжекъ осталось. А у него такой характеръ, что если онъ вздумаетъ закуралесить такъ такого навертитъ, что просто ужасъ. Онъ тебѣ понравился?

— Да, онъ красивый, но у него страшные глаза.

— Ты говоришь это такъ холодно. Ты знаешь какъ онъ въ тебя влюбленъ. Когда онъ говоритъ о тебѣ, онъ скрежещетъ зубами и выворачиваетъ глаза, ты должна быть его.

— Что ты говоришь, Ниночка!

— Ты должна отдаться ему. Подумай: — видный партiйный работникъ, вождь будущаго движенiя и такой красавчикъ. Тебѣ везетъ.

— Нина, строго сказала Зоя Николаевна.—Я тебя очень попрошу никогда не говори мнѣ ничего такого. Понимаешь. Это нехорошо. Это гадко Нина, — со слезами воскликнула она. — Это пошло! И устрой такъ, чтобы господинъ Осетровъ у меня больше не бывалъ.

Ниночкѣ пришлось утѣшать Зою Николаевну. Какъ то Зоя Николаевна позавидовала сапожкамъ Ниночки. На другой день, въ неурочное время послѣ завтрака къ ней явился Осетровъ со свертномъ. Она хотѣла отказать ему и не могла. Когда она вышла въ гостиную онъ развернулъ свертокъ и вынулъ прелестные высокiе сапожки.

— Это я вамъ, Зоя Николаевна. Примите отъ меня презентъ. Осчастливьте! Вы хотѣли.

— Нѣтъ, Михаилъ Сергѣевичъ. Ни за что. Развѣ можно дѣлать такiе подарки. Уберите ихъ. Оставьте меня.

— Зоя Николаевна, ну только примѣрить. По ногѣ ли я вамъ купилъ. Угадалъ ли я размѣръ.

Онъ стоялъ противъ нея и держалъ лакированные черные высокiе сапоги на своей рукѣ. Глаза его горѣли страстью. На лбу у волосъ выступили капли пота. Широкая грудь тяжело дышала. Но во взглядѣ она усмотрѣла робость. Руки его дрожали. Сапожки были восхитительны и Зоя Николаевна безпомощно сѣла въ кресло. Онъ понялъ это, какъ разрѣшенiе примѣрить сапоги и кинулся къ ея ногамъ. Дрожащими руками онъ сталъ разшнуровывать ботинки и снявши ихъ натянулъ до самаго колѣна сапожки.

— Ну какъ? Хорошо? Пройдитесь,— умолялъ онъ не вставая съ колѣнъ.

Зоя Николаевна прошлась. Сапоги сидѣли отлично. Маленькая ножка была какъ облитая тон-

кою кожею. Зоя Николаевна не могла скрыть что сапоги ей очень понравились.

— Ну теперь давайте, я сама сниму и уходите съ ними, ради Бога! Какой вы сумашедшій! Она сѣла въ кресло. Онъ кинулся къ ней и сталъ покрывать жадными поцѣлуями ея ноги все выше и выше поднимая юбки. Зоя Николаевна опѣшила отъ такой наглости и чуть не лишилась чувства отъ страха.

— Вы.... Вы.... негодяй!.... Вы съ ума сошли! вскакивая закричала она. — Идите... Идите вонъ!

— Прелестный тигренокъ! Ты будешь моя! Что хочешь возьми! Всего меня возьми? Но отдайся, отдайся мнѣ, воскликнулъ Осетровъ.

Онъ хотѣлъ охватить ее руками, но она выскользнула отъ него, опрометью бросилась въ спальню и заперлась на ключъ.

— Зоя, — крикнулъ онъ, — пусти! Я съ ума сойду, Зоя. Лучше покончимъ добромъ.

Она молчала.

— Зоя! Я такого натворю. Мнѣ все равно. Я отпѣтый. На смерть и на казнь иду Передъ смертью дай счастьемъ упиться.

Ни звука.

Онъ ломился въ дверь. Пришла Таня. Должно быть Зоя Николаевна ее вызвала изнутри звонкомъ.

— Уходите, Михаилъ Сергѣевичъ, полноте скандалить, сказала смѣясь Таня.— Ну что вы въ самомъ дѣлѣ задумали. Жена полковника и на войнѣ. Генеральская дочка, а вы такое задумали прости Господи. Ну развѣ можно. Въ благородномъ семействѣ.

— Таня!, съ мольбою сказалъ Осетровъ.— Пойми меня. Хочу!

— Ну уходите, Михаилъ Сергѣевичъ, будетъ скандалить.

— Я съума сойду, Таня!

Его дикіе воспаленные глаза устремились въ каріе глазки Тани и встрѣтили въ нихъ любовь и

сочувствіе. Какая то искра проскочила изъ глазъ Тани въ его глаза и обратно, еще и еще и Таня вдругъ поблѣднѣла и стала тяжело дышать.

— Озолочу, Таня!

— Не надо, Михаилъ Сергѣевичъ,— отходя сказала Таня и остановилась въ дверяхъ.

Осетровъ медленно послѣдовалъ за нею. Его руки сжимались въ кулаки. Онъ ощущалъ всѣмъ тѣломъ чувство бѣглыхъ поцѣлуевъ по стройнымъ нѣжнымъ ногамъ Зои Николаевны. Онъ почти не помнилъ себя.

Таня побѣжала въ свою комнату -и оставила дверь открытою. Осетровъ пошелъ, крадучись за нею.

— Озолочу! — сказалъ онъ, самъ не понимая того, что говоритъ. Таня, блѣдная, тяжело дышащая стояла у окна, спиною къ свѣту.

Осетровъ подошелъ къ ней, охватилъ за талью и губами встрѣтилъ ея ищущія поцѣлуя губы.

— А! пролетарка!, прохрипѣлъ онъ. — Будь какъ она ! Запрись. Откажись! Подлая кровь!...— и онъ тяжело повалилъ ее на кровать.

XVIII.

Семь дней Осетровъ не показывался къ Зоѣ Николаевнѣ. По намекамъ его товарищей Зоя Николаевна могла понять, что онъ кутилъ и шатался по такимъ мѣстамъ, которыя при всей свободѣ обращенія Кнопъ не назвалъ. Ниночка сжала руки Зои Николаевны и сказала ей съ горькимъ упрекомъ:— ахъ что ты надѣлала Зорюшка! Осетровъ кутитъ седьмую ночь съ самыми послѣдними женщинами. Погибъ мальчишечка совсѣмъ.

На восьмой день Осетровъ появился какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ почтительно поцѣловалъ руку Зои Николаевны. Онъ былъ тщательно выбритъ, надушенъ. Лицо его осунулось и поблѣднѣло, вѣки глазъ набрякли и опухли, взглядъ былъ тяжелый.

— А, сказалъ Гайдукъ, — пожаловали — и запѣлъ:

Только ночь съ ней провозжался
Самъ на утро — бабой сталъ!

— Оставь, сурово сказалъ Осетровъ. Помни уговоръ!

Вечеръ шелъ какъ всегда. Говорили о политикѣ, о Распутинѣ, о неизбѣжности революціи, о тяжести войны, Ниночка декламировала, потомъ заставили танцовать Дженни съ Зоей Николаевной модный уанъ-степъ. Зоя Николаевна разошлась, расшалилась, происшествіе недѣлю тому назадъ стало казаться ей не кошмаромъ, а забавнымъ приключеніемъ. Она прошла въ свою комнату, обула высокіе сапожки, подарокъ Осетрова и вышла въ гостиную.

— Ниночка, сказала она, — давай венгерку.

Танцовала она отлично. Та скромность, съ которою она танцовала, классическія па, которыя она дѣлала увлекали всѣхъ больше нежели разнузданныя движенія Дженни, танцовавшей потомъ со Шлоссбергомъ дикій матросскій танецъ.

Глаза у Осетрова разгорѣлись, лицо стало краснымъ и онъ дико озирался. За ужиномъ онъ много пилъ водки и коньяку. Послѣ ужина онъ вышелъ въ гостиную и остановившись у рояля безъ аккомпанимента запѣлъ сильнымъ полнымъ страсти голосомъ.

Этотъ ропотъ и насмѣшки
Слышитъ грозный атаманъ,
И онъ мощною рукою
Обнялъ персіанки станъ.
Брови черныя сошлися,
Надвигается гроза
Буйной страстью налилися
Атамановы глаза.
Волга, Волга, мать родная,

Волга Русская рѣка!
Не видала-ль ты подарка
Отъ донского казака!

Эхъ товарищи! Было времячко! Золотое времячко! Княжнами владѣли... А не то что тьфу! Генеральская дочка! Что намъ генералы. Плевать..., и онъ выругался сквернымъ Русскимъ словомъ.

Онъ помолчалъ и дико оглянулся кругомъ. Всѣ примолкли. — Я говорю — плевать. Ерунда! Вздоръ! Къ чортовой матери.

— Эхъ Миша! Былъ ты коммунистъ. А сталъ буржуй! — сказалъ Кнопъ съ упрекомъ.

— Ну, довольно!, строго сказалъ Осетровъ. — Въ чемъ свобода, товарищъ Кнопъ? Хочу — могу! Не такъ ли — а? Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое? А? Эхъ вы, голодранцы, мелкія душонки. Вы только на слова горазды. Царизмъ! Красное знамя! А красное знамя подъ тюфякомъ держите! Смѣлости нѣтъ ни у кого. Интеллигенція заѣла. Права ищете. Хочу, вотъ мое право!

— Дерзай, сказалъ нагло подмигивая Гайдукъ.

— Вы мѣшаете, — глухо проговорилъ, опуская красивую голову Осетровъ.

— Уйдемте, товарищи, что въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ Шлоссбергъ. — Человѣкъ съ ума спятилъ.

Ниночка истерично смѣялась. Дженни въ упоръ смотрѣла, не мигая въ глаза Зои Николаевны и ея лицо было мертвенно блѣдно. Кнопъ пожимался, онъ чѣмъ то былъ очень недоволенъ. Всѣ суетились съ какими то гаденькими, пошлыми улыбками, и одѣвались въ прихожей. Осетровъ оставался одинъ въ гостиной все въ той же горделиво презрительной позѣ со скрещенными на груди руками. Зоя Николаевна растерянно смотрѣла на всѣхъ. Она одна еще ничего не понимала. Ей казалось, что что то худое всѣ дѣлаютъ и торопятся это сдѣлать скорѣе. Она видѣла, какъ Гайдукъ что то шепнулъ Танѣ, подававшей ему пальто и Таня сей-

часъ же ушла и вернулась блѣдная въ большомъ платкѣ и пальто.

— До свиданья, Зорюшка. И будь умницей. Вѣрь, что такъ надо, — сказала Ниночка и поцѣловала Зою Николаевну. — Вамъ надо объясниться.

Всѣ ушли и со всѣми ушла и Таня. Всѣ предали Зою Николаевну во власть этого страшнаго человѣка. Зоя Николаевна рѣшила бѣжать въ спальню и запереться. Не сломаетъ же онъ двери? Но Осетровъ какъ будто понялъ ея мысли. Онъ быстро подошелъ къ ней и схватилъ ея похолодѣвшія руки. Она устремила на него умоляющіе глаза.

— Михаилъ Сергѣевичъ, прошептала она, — пустите меня. Вы не сдѣлаете этого.

— Нѣтъ. Сдѣлаю, — тихо сказалъ Осетровъ, еще ниже опуская голову.

— Вѣдь это не любовь, — сказала Зоя Николаевна. Это насиліе. Это подлость.

— Вы знаете, что ни любви, ни подлости я не признаю, сказалъ Осетровъ, пристально глядя въ покрытые слезами глаза Зои Николаевны.

— Пустите меня!, прошептала Зоя Николаевна. Ну, миленькій, хорошій, пустите!

— Зоя Николаевна, я все таки былъ честенъ. По вашему... По прописной буржуазной морали былъ честенъ. Я хотѣлъ оставить васъ и забыть. Не могу. Пришелъ, чтобы проститься навсегда. А вотъ затанцовали вы венгерку — и всего меня взяли.

— Пустите!

— Зоя Николаевна! Я вѣдь новый человѣкъ и то, что было и то что будетъ ни во что считаю. Мнѣ и человѣка убить все одно, что вошь раздавить. Безъ предразсудковъ, значитъ. Бороться будете,— задушу и мертвую возьму. Мнѣ все одно, — тихо, но настойчиво сказалъ Осетровъ и перехватилъ руками за талью Зою Николаевну.

— Эхъ, полюбилась ты мнѣ! Генеральская дочь!, сказалъ Осетровъ, легко поднимая Зою Николаевну отъ земли. Перышко!

Онъ понесъ ее въ спальню, склоняясь своимъ разгорѣвшимся красивымъ лицомъ къ ея лицу. Въ темныхъ глазахъ его лучилась безконечная любовь — любовь звѣря.

Зоя Николаевна затихла, по силѣ рукъ его понявши, что борьба безполезна.

Разбуженный тяжелыми шагами ребенокъ спавшій въ колыбели проснулся и заплакалъ.

— Ребенка постыдитесь, прошептала Зоя Николаевна какъ бы въ забытьи.

— Плевать!, сказалъ сердито Осетровъ и бросилъ свою ношу на постель.

— О Боже!, воскликнула, ломая руки Зоя Николаевна. — И никого! Никого! Никто не спасетъ!

Она потеряла возможность бороться и только въ полузабытьи отворачивалась отъ его поцѣлуевъ и шептала задушеннымъ голосомъ: — не надо! не надо! . . . .

XIX.

13 декабря вечеромъ Саблинъ получилъ приказъ Государя Императора Арміямъ и Флоту, въ которомъ говорилось о задачахъ и цѣляхъ войны. Онъ читалъ и перечитывалъ его. Въ красивыхъ благородныхъ формахъ стараго Русскаго языка было сказано о твердомъ рѣшеніи Государя въ единеніи съ народомъ продолжать войну до полной побѣды надъ врагомъ и о завѣтныхъ Русскихъ цѣляхъ этой войны:—о Константинополѣ, на которомъ долженъ снова возсіять православный Русскій крестъ, о проливахъ, передаваемыхъ Россіи и о полномъ отдѣленіи Польши отъ Россіи и созданіи изъ нея свободнаго государства.

Этотъ приказъ былъ отвѣтомъ на рѣчь Милюкова, сказанную въ Думѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ и въ тысячахъ экземпляровъ распространенную по фронту, это былъ благородный призывъ къ наступленію

и побѣдѣ. Саблинъ такъ и понялъ этотъ приказъ. Онъ зналъ, что въ сосѣднемъ корпусѣ шили бѣлые балахоны, чтобы можно было зимою ночью незамѣтно рѣзать проволоку.

Вотъ это, подумалъ Саблинъ, дѣйствительно повѣяло весною! Онъ рѣшилъ самъ прочесть этотъ приказъ въ резервной дивизіи при возможно болѣе торжественной обстановкѣ и объяснить все значеніе его солдатамъ. Въ резервѣ стояла уже не та дивизія, которою командовалъ генералъ, не могшій отличить фокса отъ мопса, но та, которою командовалъ тихій старичекъ, бывшій директоръ кадетскаго корпуса и въ которой первымъ полкомъ командовалъ подполковникъ Козловъ.

Утромъ, 14-го декабря, дивизія собралась на обширной лѣсной прогалинѣ, окруженной землянками полковъ. Ночью нападалъ густой рыхлый мягкій снѣгъ, въ лѣсу было тихо и говоръ строившихся людей и крики командъ гулко раздавались по лѣсу. 812-й полкъ былъ отлично одѣтъ въ новыя прекрасно пригнанныя шинели и втягивался на свое мѣсто, блестя штыками, туго подтянутыхъ ружей. Другіе полки за три мѣсяца управленія корпусомъ Саблина тоже пріодѣлись и подтянулись. Въ двухъ полкахъ уже появилась музыка и музыканты продували свои трубы и согрѣвали въ перчаткахъ мундштуки.

Саблинъ въ сопровожденіи Давыдова и двухъ своихъ ординарцевъ гусара и казака, красивымъ свободнымъ галопомъ, ловко сидя на крупной разжирѣвшей и игравшей на первомъ снѣгу вороной Ледѣ подскакалъ къ правому флангу взявшаго на караулъ Морочненскаго полка и поздоровался съ нимъ. Могучій крикъ четырехъ тысячъ человѣкъ привѣтствовалъ его. Саблинъ, счастливый и довольный, шагомъ объѣхалъ полки. Его радовала выправка солдатъ, отчетливость пріема, когда брали на караулъ и съ «на караулъ» къ ногѣ, и болѣе или менѣе чистая и однообразная одежда. Только

одного человѣка въ 814 полку Саблинъ нашелъ безъ погонъ, сдержался и лишь показалъ на него пальцемъ командиру полка. Разрумянившіеся на морозѣ, согрѣвшіеся ходьбою по глубокому снѣгу люди смотрѣли весело. Ихъ заинтересовало, почему вмѣсто обычныхъ занятій ихъ собрали всѣхъ вмѣстѣ для какого то объявленія и у многихъ была затаенная мысль: — уже не вышло ли какъ нибудь замиренія.

Саблинъ читалъ приказъ по полкамъ. Онъ хотѣлъ, чтобы каждый солдатъ ясно слышалъ и понялъ каждое слово Государево.

Первый полкъ, дрогнувъ два раза, взялъ «на караулъ» и замеръ. Саблинъ въѣхавъ въ середину батальоновъ отчетливо, чеканя слово за словомъ читалъ приказъ Императора Арміямъ. Когда онъ кончилъ, онъ приказалъ взять «къ ногѣ» и сталъ говорить о значеніи для Россіи Константинополя и проливовъ, а самъ вглядывался въ лица и хотѣлъ прочесть тѣ мысли и ощущенія, которыя бродили въ нихъ.

— Вы всѣ земледѣльцы, — говорилъ Саблинъ. — Никто изъ васъ, имѣя амбаръ съ хлѣбомъ, не будетъ отдавать ключъ отъ этого амбара въ сосѣднюю деревню, но будетъ имѣть его при себѣ. А у насъ въ матушкѣ Россіи такъ было. Житница наша, — югъ Россіи, богатая хлѣбомъ, полная элеваторовъ и хлѣбныхъ ссыпокъ, была закрыта на ключъ турками. Захотятъ турки выпустить нашъ хлѣбъ на заграничный рынокъ — пропустятъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы, а не захотятъ — и нашъ хлѣбъ будетъ гнить по амбарамъ, а мы не получимъ ни желѣза, ни машинъ, ни косъ, ни плуговъ, ни матеріи, ни чаю, ни кофе. Наши Государи давно стремились для блага народа исправить это. Много войнъ вели мы съ турками. 38 лѣтъ тому назадъ едва не вошли въ Константинополь... Ну... — Саблинъ запнулся, вспомнивъ, что нехорошо обвинять теперешняго союзника. — Не судилъ видно

Богъ! Не удалось Царю Мученику, Царю Освободителю завершить славное царство свое этою побѣдою и Русскому народу отдать ключи отъ его житницы... Теперь настаетъ это время. Черное море подлинно станетъ Русскимъ моремъ. Наши сыновья и внуки прославятъ насъ за этотъ щедрый подарокъ. Заботясь о Русскомъ народѣ нашъ Государь не забылъ и великихъ страданій Польши. Кровь и разореніе Польскаго Края несутъ ему ту свободу, къ которой польскій народъ стремился давно. Запомните, братцы, этотъ великій день, заучите слова приказа Царева, и, если кому придется помирать, то умирай, братъ, спокойно, ибо за правое дѣло, за святое дѣло помираешь. Благословятъ тебя сыны и внуки твои изъ рода въ родъ. Изъ Константинополя, изъ стараго греческаго Царьграда пришла къ намъ святая вѣра православная. Но не святой крестъ, но турецкій полумѣсяцъ горитъ и сверкаетъ надъ великолѣпнымъ Софійскимъ соборомъ. Пойдемъ, братцы, и возстановимъ по слову Цареву святой крестъ на его старомъ мѣстѣ!

Саблинъ повторялъ эту рѣчь во всѣхъ четырехъ полкахъ дивизіи. На него смотрѣли солдатскія лица, онъ слышалъ тихіе вздохи, но за всѣмъ тѣмъ ему казалось, что и приказъ и его слова дошли до солдатъ и стали имъ понятными. Завоевать, забрать себѣ, улучшить свою и своихъ дѣтей жизнь — это было понятно для каждаго. И проливы были понятны и ясны и поставить крестъ на Софіи хотѣлось, и Польшу было жалко — все казалось правильнымъ и яснымъ, но яснѣе всего было то, что ночью напалъ снѣгъ, отъ котораго сразу стало какъ то теплѣе, роднѣе и уютнѣе въ чужомъ лѣсу, что погода была тихая, генералъ сидѣлъ на красивой лошади и красиво и ясно говорилъ звучныя бодрящія слова. Объѣхавъ полки, Саблинъ выскочилъ эффектно, чортомъ, по кавалерійски передъ середину дивизіи, и самъ громко скомандовалъ: — дивизія шай на краулъ! Слуша-ай!...

Полки вздрогнули и ощетинились штыками.

— Державному Вождю Русской Арміи могучее лихое Русское ура!

Два хора вразбродъ, но торжественно заиграли гимнъ и шестнадцать тысячъ человѣкъ заревѣли могучими голосами такъ, что снѣгъ посыпался съ мохнатыхъ елей, толпившихся на опушкѣ. Едва стихли голоса, какъ на правомъ флангѣ въ Морочненскомъ полку кто то молодо и звонко крикнулъ ура и снова загорѣлось могучее ура, поднялись трубы и загремѣлъ заглушенный криками людей властный и могучій Русскій гимнъ. И еще и еще разъ кричали ура. Когда кончили и взяли «къ ногѣ», то сами удивлялись силѣ своего крика и были взволнованы и возбуждены.

Саблинъ пропускалъ мимо себя полки. Музыка гремѣла, кое гдѣ пѣли пѣсенники и люди шли по снѣгу въ колоннахъ по отдѣленіямъ и казалось не было конца этимъ длиннымъ и узкимъ сѣрымъ колоннамъ.

По мѣрѣ того, какъ уходили полки и площадка пустѣла и на ней оставалось только затоптанное ногами почернѣвшее мѣсто, настроеніе у Саблина мѣнялись. Грусть и тоска закрадывались ему въ сердце. Далеко до Константинополя! И правда ли въ этихъ словахъ приказа, которыя казались ему еще минуту тому назадъ святыми. Не обманываетъ ли онъ снова, какъ столько разъ обманывалъ, какъ обманулъ и тогда, 17-го октября 1905 года? Не ставитъ ли въ неловкое тяжелое положеніе генераловъ и офицеровъ? Позволитъ ли Англія исполнить эти, какъ говорилось въ приказѣ, завѣтныя цѣли войны? А Распутинъ? Въ рѣчи Милюкова не мало говорилось о Распутинѣ, отчего же вмѣстѣ съ этимъ приказомъ не пришло извѣстіе объ арестѣ, или хотя объ удаленіи Распутина? Приказъ написанъ подъ вліяніемъ какого то хорошаго, любящаго Россію человѣка, понимающаго ея задачи, а завтра придетъ человѣкъ, не любящій Россію, не понимающіи ее.

придетъ лордъ Бьюкенэнъ, которому этотъ приказъ поперегъ горла сталъ, придетъ Распутинъ и конецъ всему.

Да, конечно, ничего и нѣтъ, думалъ Саблинъ, щурясь отъ солнца, сверкавшаго на снѣгу. Это обманъ. Такой приказъ долженъ заканчиваться приказаніемъ арміямъ выйдти изъ своего инертнаго позиціоннаго состоянія и начать зимнее наступленіе, выгнать нѣмцевъ изъ насиженныхъ теплыхъ траншей и вернуть Варшаву освобождаемой Польшѣ. Этого нѣтъ. Все обманъ. Обманъ, Распутинъ и какъ справедливо говорилъ Пестрецовъ — указка Фоша и англичанъ. Имъ то менѣе чѣмъ кому либо интересно, чтобы проливы были Русскіе!

Рота за ротой, подходя къ своимъ землянкамъ, брали «къ ногѣ» и съ шумомъ и говоромъ разбѣгались по нимъ, снося ружья.

— Землякъ, а землякъ! Пантюховъ, слышь что-ль, что говорилъ командиръ корпуса, мириться что-ль Турція пожелала? А?

— Какое мириться. Сказано потоль воевать будемъ, пока не заберемъ самого Царьграда.

— Эх-ма! Ковеля отнять не можемъ. Ку-у-ды жъ Царьградъ! Это и нивѣсть гдѣ будетъ.

— Слыхалъ хлѣбъ продавать будутъ съ юга Россіи, такъ чтобы свободнѣе.

— Прода-ва-ать? Хлѣ-ѣ-бъ! Вона що еще. А намъ замѣсто двухъ съ половиной фунтовъ по два отпускать стали. Какое же тутъ продавать. Неладно придумали.

— Товарищи — это все иностранные капиталисты затѣяли. Для чего намъ эти самые проливы! Польша освободиться хочетъ, пусть сама и освобождается.

— Сказывали казаки десять лѣтъ будемъ воевать, вотъ тебѣ и крышка.

— Пусть казаки и воюютъ, а у насъ дома жены плачутъ.

Около офицеровъ толпились солдаты. Ермоловъ горячо и страстно говорилъ о величiи Россiи, въ другой ротѣ молодой прапорщикъ, уныло читая приказъ, розданный въ роты, говорилъ съ тоскою: — много еще крови пролить придется. а будетъ ли толкъ, кто его знаетъ.

Но въ общемъ приказъ, гимнъ, крики ура, рѣчь Саблина возбудили какiя то надежды, желанiя и стремленiя, и солдаты оживленно стали толковать о томъ, что къ Рождеству Ковель и Владимiръ Волынскiй будутъ заняты нами. Кто то уже слышалъ, что на югѣ наши перешли въ наступленiе и не то 30, не то сорокъ тысячъ австрiйцевъ забрали въ плѣнъ.

Приказъ создалъ порывъ. А порывъ, какъ учитъ тактика — не терпитъ перерыва.

XX.

Дома Саблинъ нашелъ весьма спѣшный пакетъ, привезенный ему мотоциклистомъ изъ штаба Армiи. Самъ мотоциклистъ мокрый отъ пота и усталый — онъ изъ за снѣга ѣхалъ всю ночь тѣ тридцать верстъ, что отдѣляли штабъ армiи отъ штаба корпуса, въ шведской курткѣ, стоялъ на дворѣ крошечной халупы, въ которой Саблинъ жилъ вмѣстѣ съ Давыдовымъ.

— Ваше превосходительство живете не такъ, какъ наши, — фамильярно улыбаясь сказалъ мотоциклистъ, интеллигентный солдатъ. — У насъ въ такой халупѣ, да никакой писарь не согласится жить. Всѣмъ подавай господскiе дома, да электричество.

Саблинъ ничего не сказалъ и принявъ пакетъ сталъ расписываться въ книгѣ.

— Ваше превосходительство, вы не слыхали, правда или нѣтъ, сказываютъ, Распутина убили.

— Я ничего не слыхалъ. — сказалъ Саблинъ и подумалъ, что, значитъ не ему одному пришла въ голову та же мысль, что благородный приказъ Государя самъ собою исключалъ Распутина.

— У насъ въ штабѣ тоже ничего не слыхали. Я у товарища на радіо справлялся и тамъ ничего нѣтъ. А только говорятъ.

— Вы студентъ? — спросилъ Саблинъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство, — отвѣчалъ вытягиваясь мотоциклистъ. — Я могу ѣхать?

— Погодите. Я скажу, чтобы васъ чаемъ напоили и накормили. Дорога тяжелая.

— Покорно благодарю. Не надѣюсь до ночи вернуться.

Саблинъ приказалъ адъютанту позаботиться о мотоциклистѣ студентѣ, а самъ, согнувшись въ низкихъ дверяхъ, прошелъ въ крошечную халупу съ землянымъ поломъ и сталъ разсматривать пакетъ.

Первая была частная телеграмма изъ Петрограда.

— «Пріѣзжай немедленно. Очень нуженъ общій совѣтъ. Событія чрезвычайной важности. Подробности у тебя на квартирѣ. Рѣпнинъ, Мацневъ, Гриценко.»

Саблинъ поморщился. Послѣ приказа, по смыслу котораго выходило, что скоро должно быть наступленіе, послѣ того, какъ онъ увидалъ результаты работы своей надъ корпусомъ, его совсѣмъ не устраивала поѣздка въ Петроградъ, но было очевидно, что тѣ, кто вызывали его, предусмотрѣли характеръ Саблина и его нелюбовь къ отпускамъ. Изъ штаба Арміи была прислана телеграмма, которой Саблинъ былъ назначенъ членомъ Петроградской Георгіевской Думы и долженъ былъ немедленно пріѣхать на засѣданія, которыя начинались 17-го декабря. Самойловъ позаботился о Саблинѣ и вмѣстѣ съ телеграммой прислалъ предписаніе

и всѣ удостовѣренія для проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Саблинъ подалъ эти бумаги Давыдову.

— Вамъ придется сейчасъ же и ѣхать. Иначе опоздаете. — сказалъ Давыдовъ.

— Когда идетъ поѣздъ?

— По узкоколейкѣ отходитъ въ три часа. Но я вамъ не совѣтую ѣхать. Только намучаетесь. Поѣзжайте прямо автомобилемъ на Сарны. Если вы въ три часа выѣдете, вы къ десяти будете, а поѣздъ идетъ въ половинѣ двѣнадцатаго, да еще и опаздываетъ.

Саблинъ отдалъ нужныя распоряженія, написалъ приказъ и въ сумеркахъ зимняго дня сѣлъ въ автомобиль и по мягкой усыпанной снѣгомъ дорогѣ поѣхалъ на Сарны.

Черезъ сутки онъ былъ въ Петроградѣ.

XXI.

Саблинъ поѣхалъ черезъ Москву и раннимъ утромъ пріѣхалъ на Николаевскій вокзалъ. Было еще темно. На вокзалѣ горѣли фонари, но на улицахъ они были погашены и мягкій туманный сумракъ лежалъ надъ городомъ. Въ немъ тонули дали Невскаго проспекта. Адмиралтейства не было видно. Саблинъ отправилъ съ посыльнымъ небольшой сундучокъ къ себѣ на квартиру, а самъ пошелъ пѣшкомъ по Невскому проспекту. Ему не хотѣлось идти домой. Дѣла, по которымъ его вызывали Рѣпнинъ и Мацневъ съ Гриценкой, не могли начаться раньше полудня, впереди было длинное скучное утро, которое некуда дѣвать. Хотѣлось промяться и инкогнито погулять по родному, горячо любимому городу. Впереди было масса дѣла — поѣздка на кладбище, на могилу Вѣры Константиновны, къ Ротбекъ, къ графинѣ Палтовой, таинственное дѣло Рѣпнина, представленіе предсѣдателю Думы, явка военному министру — сейчасъ до один-

надцати часовъ было нечего дѣлать. Саблинъ въ Любани напился чаю и теперь жаждалъ движенія. Онъ шелъ въ солдатской шинели не со свитскими, а съ защитными погонами, на которыхъ римскими цифрами былъ поставленъ номеръ его корпуса.

На Невскомъ было безлюдно. Саблинъ замѣтилъ, что панели не были отчищены отъ снѣга, лишь кое гдѣ дворники работали со скребками, песку не было посыпано. Городовые стояли на улицахъ не въ своихъ черныхъ, а въ солдатскихъ шинеляхъ и были хуже одѣты чѣмъ обыкновенно. Нѣкоторые магазины были закрыты, у другихъ, несмотря на ранній часъ, длинной вереницей какъ у театральной кассы, одинъ за другимъ стояли люди. Это были тѣ хвосты за продовольствіемъ, о которыхъ слыхалъ Саблинъ, но которыхъ онъ еще никогда не видалъ.

Саблинъ около года не былъ въ Петербургѣ и не могъ не замѣтить въ немъ перемѣнъ, но чувство его къ нему оставалось неизмѣнно. Каждая тумба, каждый кіоскъ, фонарь, вывѣска, домъ были ему родными. Каждый неодушевленный петербургскій предметъ онъ привѣтствовалъ мысленно теплыми ласковыми словами. Фруктовый магазинъ Соловьева, рыбная торговля Баракова, Милютины ряды. Семга, паюсная и свѣжая икра, громадные балыки, яблоки, груши, ананасы, — все такъ же аппетитно, заманчиво, лежало за зеркальными стеклами, только цѣны казались громадными. Свѣжая икра стоила десять рублей, фунтъ семги восемь. На углахъ стояли газетчики, извощики, правда болѣе рѣдкіе чѣмъ обыкновенно, стояли вдоль панелей, ихъ большія лошади были накрыты сѣрыми попонками и сами они похлопывали рукавицами.

Нѣтъ, хорошо! — думалъ Саблинъ. — Хорошо въ Петроградѣ. Онъ съ удовольствіемъ подумалъ о своей квартирѣ, о мягкой кровати, о ваннѣ, объ электрическомъ свѣтѣ и теплѣ.

Да, — подумалъ онъ, — это не то, что крошечная халупа въ Заставце, земляной полъ, собачій холодъ и раздражающее присутствіе Давыдова.

Онъ вышелъ къ Казанскому Собору. Сѣрая громада простирала къ Саблину каменныя руки. Колонны казались сѣдыми отъ облѣпившаго ихъ инея. Цвѣтники были завалены снѣгомъ и изъ него жалкими прутиками торчали вѣтки мелкаго кустарника. Двери собора были открыты. Кончилась ранняя обѣдня и нѣсколько человѣкъ спускалось по широкимъ ступенямъ. Саблинъ свернулъ влѣво и пошелъ въ соборъ. Казанскій соборъ напоминалъ ему дѣтство. Взрослымъ, офицеромъ, онъ почти никогда не бывалъ въ немъ. Онъ вошелъ въ сумрачную тишину собора. У чудотворной иконы горѣли свѣчи. нѣсколько лампадъ тускло свѣтилось у иконостаса, да отражались огни въ гладкой приземистой рѣшеткѣ изъ серебра, подарка Донскихъ казаковъ. — Что то подарятъ они теперь, — подумалъ Саблинъ и вспомнилъ молодого Карпова.

Саблинъ купилъ свѣчку и пошелъ къ иконѣ Казанской Божіей матери.

Онъ тихо шелъ по скользкимъ плитамъ. Въ углу собора два человѣка, изъ причта, о чемъ то спорили сдержанными голосами и гулкое эхо разносило звуки ихъ голосовъ по собору, заглушая шаги Саблина.

У самой иконы неподвижно распростершись лежала женщина въ дорогой котиковой шубкѣ. Саблинъ остановился. Женщина плакала. Онъ слышалъ тихія всхлипыванія печальнаго плача и видѣлъ, какъ судорожно дергались ея плечи. Вѣроятно получила тяжелое извѣстіе съ войны, — подумалъ Саблинъ. Онъ хотѣлъ отойдти, уйдти, не мѣшать чужому горю. Но въ эту минуту женщина, всхлипнувъ еще разъ, вдругъ выпрямилась, поднялась съ колѣнъ и обернулась.

Саблинъ увидѣлъ блѣдное лицо. Нестерпимая мука отчаянія смотрѣла изъ громадныхъ пустыхъ

залитыхъ слезами сѣрыхъ глазъ. Эти глаза скользнули безразлично по лицу Саблина и остановились на его погонахъ. Что то поразило въ нихъ эту женщину и она схватилась за грудь и пошатнулась. Она непремѣнно упала бы навзничь на камни, если бы Саблинъ не подхватилъ и не поддержалъ ее.

— Спасибо... Спасибо большое вамъ, — проговорила она, задыхаясь отъ слезъ... — Благодарю васъ. Я теперь дойду одна. Благодарю васъ.

— Позвольте я вамъ помогу. Вамъ надо отдохнуть. Посидѣть.

— Нѣтъ, это пройдетъ. Это такъ только. Меня поразило. Корпусъ, гдѣ служитъ мой мужъ. Вы одного съ нимъ корпуса.

— Я командиръ этого корпуса, — мягко сказалъ Саблинъ, давая тѣмъ понять, что если дѣло касалось ея мужа, то онъ можетъ ей помочь.

— Ахъ, генералъ Саблинъ! — воскликнула она.

— А что случилось съ вашимъ мужемъ? У насъ въ корпусѣ эти дни не было потерь въ офицерскомъ составѣ. Кто вашъ мужъ?

— Подполковникъ Козловъ, — прошептала женщина.

Ясный разсвѣтъ надъ окопами у Шпелеври и золотистая заря на востокѣ вдругъ вспомнились Саблину. Вотъ она Зорька! Та самая Зорька, о которой молился такъ страстно Козловъ.

— Я видалъ вашего мужа третьяго дня утромъ. Онъ былъ въ отличномъ здоровьи. Его полкъ лучшій въ корпусѣ. Онъ стоитъ въ полной безопасности въ резервѣ и будетъ такъ стоять еще двѣнадцать дней. Съ вашимъ мужемъ ничего не могло случиться.

Саблинъ наблюдалъ молодую женщину. Извѣстіе о мужѣ не порадовало и не огорчило ее. Все та же мука неисходнаго горя была у нея въ глазахъ. Она снова начала плакать.

— Я знаю... я знаю, — сказала она. — Я имѣла письмо. Нѣтъ, но тутъ со мной! Ахъ! спасите, спа-

сите меня. Я такъ не хочу умирать. Вѣдь я молода еще.

Саблинъ подумалъ, не отравилась ли она, такъ искажалось мукою ея лицо.

— Что же съ вами случилось. Я готовъ вамъ помочь и я помогу вамъ всѣмъ, чѣмъ только могу.

Она посмотрѣла на него какъ будто хотѣла высмотрѣть его душу, узнать, можно-ли довѣриться ему, не обманетъ ли, не предастъ ли и онъ ее, какъ обманула и предала подруга дѣтства Ниночка.

— Тутъ совершенно особыя обстоятельства. И я не знаю, какъ сказать вамъ. Меня спасти нельзя. Ахъ, да и чѣмъ вы можете помочь мнѣ! — съ отчаяніемъ сказала Зоя Николаевна.

— Я думаю, что, какъ бы велико ваше горе ни было, Господь сможетъ и помочь вамъ и утѣшить, тихо сказалъ Саблинъ.

— Поѣдемте ко мнѣ, — прошептала Зоя Николаевна. Научите меня. Что же дѣлать, ахъ, что дѣлать!

Женщина, говорившая съ Саблинымъ была интересна. Слезы, безпорядочная прическа, блѣдныя щеки, воспаленныя вѣки большихъ блестящихъ глазъ къ ней шли и она своею хрупкою женственностью влекла къ себѣ и именно потому, что она начала нравиться Саблину, онъ не хотѣлъ ѣхать къ ней. Богъ ее знаетъ кто она? Вспомнились циничные намеки Верцинскаго. Что, если она только ловкая искательница приключеній? Хорошъ будетъ онъ въ девять часовъ утра на квартирѣ жены своего полкового командира. Онъ снова посмотрѣлъ на нее, готовый отказаться, но такое искреннее отчаяніе было въ глазахъ молодой женщины, что Саблинъ рѣшился довести начатое дѣло до конца и чѣмъ только можно, помочь ей.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — поѣдемте.

XXII.

Горничная удивленными глазами смотрѣла на Саблина, принимая отъ него шинель. Она заглянула въ гостиную и спросила Зою Николаевну: — чай прикажете подать?

— Да, устройте въ столовой, — сказала Зоя Николаевна и сѣла на диванъ подлѣ кресла, въ которое попросила сѣсть Саблина.

Улица, квартира съ маленькими комнатами, кокетливо одѣтая хорошенькая горничная, вѣера по стѣнамъ, пальмы, фотографіи, гравюры, напомнили Саблину многое изъ его холостой жизни и онъ невольно насторожился. Не для забавнаго же приключенія пришелъ онъ сюда.

— Я васъ слушаю, — сказалъ онъ.

Зоя Николаевна схватила его руку. Горячія слезы быстро закапали у нея изъ глазъ. Она нервно всхлипывала.

— Ну, успокойтесь, успокойтесь... Зоя... Зоя... простите не знаю, какъ васъ по батюшкѣ.

— Николаевна, — чуть слышно сказала Зоя Николаевна.

— Выпейте воды.

Саблинъ прошелъ въ столовую, гдѣ Таня накрывала скатертью столъ и досталъ стаканъ съ водою.

Зоя Николаевна нервно отпила. Ея зубы стучали по стеклу стакана. Нѣтъ, подумалъ Саблинъ, такъ притворяться не сможетъ и опытная актриса.

— Я хотѣла... умереть..., съ тоскою сказала Зоя Николаевна и подняла глаза на Саблина. — Я должна умереть. Я не спала сегодня всю ночь и все продумала. Я пошла помолиться Казанской Божіе матери и рѣшила: помолюсь, а потомъ пойду и брошусь въ Фонтанку... Я и прорубь присмотрѣла у Аничкова моста. Стала молиться. Нагнулась къ полу... Ахъ! ну такъ жить хочется!

Она разрыдалась и схватила руку Саблина, точно искала въ его твердой рукѣ помощи.

— Знаю, что жить уже нельзя, все кончено, а ну такъ захотѣлось жить. Кругомъ народъ ходитъ, толкаютъ меня, а я стою на колѣняхъ и молюсь, молюсь о чудѣ... Пусть все что было — будетъ сномъ. Кошмаромъ тяжелымъ. И вотъ, проснусь и опять все по старому. Тишина. Одиночество. Прогулка утромъ съ Валей, а вечеромъ письмо Александру Ивановичу, мужу... И чтобы ничего этого не было. Молюсь и знаю, что этого нельзя, что этого не будетъ, чувствую, что тотъ ужасъ, что былъ, — былъ. А молюсь... Ну, говорю, пусть будетъ что было. А только не умирать. Вѣдь я еще молодая. Я такъ мало жила и уже этотъ ужасъ.

— Но зачѣмъ вамъ умирать? Нѣтъ такого горя, которое нельзя было бы залѣчить и забыть. У васъ вся жизнь впереди, — сказалъ Саблинъ

— Вотъ я такъ и молилась. Молилась и знала что нельзя. О чудѣ молилась, а уже какое чудо, когда говорятъ, что Бога нѣтъ и Божія матерь мифъ одинъ... Да, молюсь я о чудѣ, — почти спокойно сказала она—и чувствую, что уже рѣшилась я умереть. Все продумала. Какъ подойду къ проруби, какъ сниму шубку, шубки мнѣ жалко стало. Намокнетъ вѣдь, испортится. Пусть Валя носитъ. Я и билетъ такой изнутри приколола, чтобы шубку, значитъ, Валѣ отдали. Потомъ нагнусь сразу надъ рѣшеткой, зажмурюсь и перекинусь туда. И стала я твердая, какъ окаменѣлая. Понимаю, значитъ, что другого исхода нѣтъ. Поднялась я съ колѣнъ, чтобы идти, значитъ, кончать. Рѣшилась... И вдругъ вижу погоны и номеръ корпуса Александра Ивановича. Я даже не повѣрила, что это живой человѣкъ стоитъ. Подумала: — видѣніе!

Она перевела духъ и отпила воды. Слезы высохли. Прекрасные глаза смотрѣли рѣшительно, волосы выбились изъ подъ шляпки, красивыми локонами закрывали виски и падали на глаза. Они мѣшали ей и она капризно встряхивала головою и это движеніе было инстинктивно кокетливо.

— Вы не вѣрили въ чудо, — мягко сказалъ Саблинъ. А развѣ не чудо, что я пришелъ именно въ этотъ часъ въ соборъ и принесъ вамъ извѣстіе о вашемъ мужѣ? Святая цѣлительница скорбей нашихъ знаетъ, какъ незамѣтнымъ образомъ творить чудеса и спасать погибающихъ.

По мѣрѣ того, какъ Саблинъ говорилъ, лицо Зои Николаевны искажалось отъ внутренней боли. Большіе сѣрые глаза снова наполнились слезами и она заплакала безутѣшно, со стономъ, какъ плачутъ маленькія дѣти.

— А какъ же этотъ ужасъ! Вѣдь придетъ вечеромъ онъ, а завтра другой. Вѣдь я больна уже! Вѣдь они, подлецы, заразили меня. Я вчера у доктора была. Докторъ говоритъ и вылѣчить нельзя. Дурная болѣзнь... Что же будетъ?... Я одна. Кто мнѣ поможетъ? Они приходятъ толпою, пьютъ, шумятъ, а потомъ одинъ остается со мною, дѣлаетъ что хочетъ. Противно, гадко! А что я могу сдѣлать. Жаловаться. Мужу сказать? Развѣ можно т а к о е мужу сказать. Александръ Ивановичъ и меня и себя убьетъ. Защиты нигдѣ никакой. Сты-ы-дно. Одинъ взялъ, надругался, другому сказалъ. Приходитъ другой. латышъ, уродъ страшный. Я его видѣть не могу. Грозится: мужу написать, все объявить. Что я могу дѣлать?... Я покориться должна. А мнѣ противно это все. Каждый день! Я не привыкла къ этому. Я генеральская дочь. А тутъ заболѣла. Я и не знала, что такія болѣзни бываютъ. Ну что же скажите, мнѣ осталось, какъ не смерть!.. — воскликнула она, падая заплаканнымъ лицомъ Саблину на руку и упираясь всхлипывающимъ ртомъ въ нее. — А умирать не хочу!... Не хо-чу! — совсѣмъ по дѣтски закричала она.

Нѣсколько минутъ она плакала, не въ силахъ будучи успокоиться и говорить. Саблинъ опять давалъ ей воды. Передъ нимъ раскрылась цѣлая драма и драма сложная, современная. Онъ сразу понялъ, что тутъ не могло быть рѣчи ни о какой

любви или увлеченіи, а просто наивность, доведенная до глупости и слабость, которою воспользовались какіе то наглые предпріимчивые люди. Кто были они — не все ли равно для дѣла. Они исковеркали счастливую жизнь молодой женщины и довели ее до такого состоянія, что, пожалуй, и правда ей остается одно: — покончить съ собою.

— Они говорили, — злобно сказала Зоя Николаевна, глядя мокрыми глазами на Саблина, что это свобода. Это жизнь по новому. Я, — рѣшительно сказала она, — такъ жить не могу. Сегодня вечеромъ придетъ онъ. Что я сдѣлаю? Я не могу бороться. Онъ сильнѣе меня. Хорошо... Я уйду... уйду... И ночью... ночью... все таки брошусь въ прорубь.... Ахъ не спасла меня Богородица — недостойная, значитъ, я!

— Постойте, проговорилъ Саблинъ. Онъ самъ еще не зналъ, что сказать и что придумать для нея. Постойте. Ничего этого не нужно. Никто къ вамъ не придетъ. Да... Никого не пустятъ. Вы говорите — вечеромъ. А съ четырехъ часовъ у васъ уже будетъ дежурить въ прихожей до утра мой человѣкъ Тимофей, здоровый отставной солдатъ, старикъ... И никого не пуститъ. Очень просто. Мужъ, скажетъ, пріѣхалъ. Вы спокойно проспите эту ночьку... Да... А завтра.... Завтра я увезу васъ въ санаторію, въ Финляндію. И это вздоръ, что вылѣчить нельзя. И отлично васъ вылѣчатъ и все позабудется. А вы вотъ что, Зоя Николаевна, вы мнѣ завтра письмо передадите для вашего мужа. Хорошее такое письмо. Но въ немъ, въ этомъ письмѣ, чтобы ни слова про ваше несчастіе не было... У васъ де открылось воспаленіе легкаго... Можетъ быть, чахотка. Вы поѣхали лечиться и слышите, слышите, — убѣдительно заговорилъ Саблинъ, переживая въ душѣ свою драму и драму Вѣры Константиновны, — никогда, никогда вы ему не скажете и ни одним словомъ не покажете, вздохомъ не выдадите, что это было! Пусть это будетъ вашъ крестъ, но его вы не убьете,

потому что вы и сами не знаете, какъ онъ васъ любитъ.

— Знаю, — тихо проговорила Зоя Николаевна. — Но развѣ можно теперь жить?

— Можно. Можно. Война продлится долго и вы успѣете поправиться. А тамъ вы зачаруете вашего мужа. И счастье вернется къ вамъ.

Зоя Николаевна посмотрѣла большими глазами въ самую глубину глазъ Саблина схватила его руку и поднесла къ губамъ. Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

XXIII.

Дома Саблинъ нашелъ записку отъ Мацнева съ указаніемъ адреса, куда долженъ былъ онъ явиться къ 10 часамъ вечера и постучать особымъ образомъ. Саблинъ поморщился. — Чортъ знаетъ, что такое, — проворчалъ онъ. — Бульварнымъ романомъ все это отзываетъ. Понсонъ ди Терайльщина какая то!

Онъ съѣздилъ въ институтъ къ Танѣ, съѣздилъ къ извѣстному врачу, переговорилъ съ нимъ относительно Зои Николаевны, снесся по телефону съ санаторіей въ Райволовѣ, заказалъ комнату, обѣщавши самъ пріѣхать на другой день съ больною, отправилъ своего стараго лакея Тимофея на Пушкинскую, успѣлъ побывать у предсѣдателя Георгіевской Думы, и въ 10 часовъ вечера былъ на условленномъ мѣстѣ.

Всѣ эти хлопоты утомили его, но онъ дѣлалъ ихъ охотно. И потому еще онъ дѣлалъ ихъ охотно, что деликатность положенія Зои Николаевны, невольно набрасывала тѣнь на него. Жертва оказывалась не такою маленькой, какъ казалось, но во имя христіанской любви Саблинъ рѣшилъ довести начатое дѣло до конца и дѣйствительно спасти Зою Николаевну. Посвятить въ ея драму онъ счелъ

нужнымъ Мацнева, чтобы Мацневъ могъ бы наблюсти и помочь ей, когда Саблинъ уѣдетъ на фронтъ. Въ глубокой порядочности Мацнева Саблинъ былъ увѣренъ.

Когда онъ постучалъ костяшками пальцевъ въ дверь какой то незнакомой квартиры въ концѣ Сергіевской онъ услышалъ за дверью шорохъ и голосъ Мацнева. Мацневъ спросилъ — кто тамъ.

— Это я, Иванъ Сергѣевичъ, — сказалъ Саблинъ.

— Кто вы?

— Да, Саблинъ. Не слышишь развѣ?

— Мало ли Саблиныхъ на свѣтѣ. Какъ зовутъ?, допрашивалъ Мацневъ.

— Александръ Николаевичъ. Вотъ ерунда. Иванъ Сергѣевичъ, сознайся, что это глупо.

— Ничего не глупо. Какая твоя была первая любовь?

— Китти, со смѣхомъ сказалъ Саблинъ.

Дверь открылась и Саблинъ очутился въ объятіяхъ стараго философа.

— Ну здраствуй, здраствуй, дружище, — говорилъ Мацневъ, — и не сердись милый Саша. Мы живемъ въ такіе дни, когда приходится Пинкертона изучать для того, чтобы не попасть въ просакъ.

Мацневъ прочно заложилъ дверь на крюкъ, надѣлъ цѣпочку, повернулъ ключъ и сказалъ:

— Вотъ такъ то будетъ ладно. Всѣ въ сборѣ.

— Что это за квартира?, спросилъ Саблинъ.

— Это? — пѣвицы Моргенштернъ. Помнишь Гриценкиной пассіи. Только ея нѣтъ, и прислуги нѣтъ. Мы одни.

Онъ провелъ въ небольшую кокетливо убранную гостиную, гдѣ съ негармонировавшими съ ея убранствомъ серьезными лицами сидѣли Рѣпнинъ и Гриценко. Въ гостиной былъ полумракъ. Единственная зажженная лампа была накрыта темнолиловымъ шелковымъ абажуромъ съ желтыми кружевами по краямъ и бросала свѣтъ только на столъ.

Обмѣнявшись незначительными фразами о здоровьѣ, о службѣ, всѣ сѣли.

— Приступимъ, сказалъ Гриценко, обращаясь къ князю Рѣпнину.

— Александръ Николаевичъ, — сказалъ Рѣпнинъ. — Мы пригласили тебя, чтобы вмѣстѣ поговорить.... посовѣтоваться... обсудить одно очень щекотливое и очень тяжелое дѣло, которое надо сдѣлать во имя спасенія Россіи и Государя. Согласенъ ли ты заранѣе, быть съ нами. Довѣряешь ли ты намъ, своимъ старымъ полковымъ товарищамъ?

— Я вамъ безусловно вѣрю. Я знаю, что вы не пойдете противъ Государя Императора, какъ и я никогда ему не измѣню.

— Спасибо, Саша, — сказалъ Мацневъ.

— Тебѣ извѣстенъ послѣдній приказъ Государя Арміямъ и флоту?, сказалъ Рѣпнинъ.

— Я читалъ его третьяго дня полкамъ своего корпуса и онъ былъ покрытъ восторженными криками ура.

— За этимъ приказомъ, какъ логическое его послѣдствіе должно было послѣдовать распоряженіе объ удаленіи, можетъ быть, даже о заточеніи въ монастырь Распутина и удаленіе отъ дѣлъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, — продолжалъ тихимъ голосомъ князь Рѣпнинъ. — Этого не послѣдовало. Это другой вопросъ насколько основательны обвиненія императрицы въ сношеніяхъ и симпатіяхъ къ нѣмцамъ. Я то отлично знаю, что это неправда. Императрица ненавидитъ Императора Вильгельма за тѣ униженія, которыя ей пришлось вынести, когда бѣдною невѣстою она была прислана на смотрины императору Александру III и отослана обратно, какъ неподходящая. По настоянію Вильгельма она вернулась и стала Русской царицей. Она горда, самолюбива, такіе удары самолюбію женщина не прощаетъ. Ну! — это все равно. Народъ считаетъ ее виновницей всего. Народъ волнуется. Мы наканунѣ революціи. Работаютъ

партіи. Умѣренныя партіи хотятъ только дворцоваго переворота, темныя бѣсовскія силы подняли голову и хотятъ сверженія императора съ престола. Революція, смута, безпорядки нужны нашимъ врагамъ — потому что тогда Германія надѣется выйдти побѣдительницей въ борьбѣ съ нами. Смута нужна и нашимъ союзникамъ, потому что иначе Русскій народъ и Армія исполнятъ приказъ своего Государя, проливы будутъ наши и наступитъ золотой вѣкъ Россійской Имперіи, славянскіе ручьи сольются въ Русскомъ морѣ, домашній споръ славянъ между собою будетъ оконченъ. Англія не хочетъ этого допустить. Я имѣю свѣдѣніе, что страсти народныя разжигаются англійскимъ золотомъ. Мы, господа, наканунѣ ужасныхъ событій и мы должны сдѣлать за Государя то, чего онъ не рѣшился сдѣлать: мы должны удалить Распутина.

— Какъ же это сдѣлать?, спросилъ Саблинъ.

— Убить, еле слышно проговорилъ князь Рѣпнинъ. Уже все сдѣлано, все подготовлено. Эту миссію взяли на себя..., князь Рѣпнинъ нагнулся къ уху Саблина и прошепталъ ему нѣсколько словъ.

— Не можетъ этого быть!, воскликнулъ Саблинъ. — Нѣтъ, господа. Оставьте. Остановите ихъ! Это безуміе. Никогда эти руки не обагрялись кровью. Они не смогутъ, просто физически не съумѣютъ убить. Я не знаю третье лицо, но тѣ двое, прекрасныхъ юноши, отпрыски лучшихъ нашихъ фамилій — и убійство!

Саблинъ вспомнилъ свои ночныя бесѣды съ Верцинскимъ и онъ не могъ не согласиться, что Верцинскій былъ правъ. Возвыситься, или унизиться — вопросъ не въ выраженіи, а въ самомъ смыслѣ — до убійства можетъ не всякій. И н а м ъ это не дано. Саблинъ вспомнилъ разсужденія Верцинскаго о пяти пудахъ человѣческаго мяса, которыя куда то надо дѣвать, иначе оно начнетъ вонять, разлагаясь и онъ не могъ себѣ представить, какъ тѣ лица, которыхъ назвалъ Рѣпнинъ, это сдѣлаютъ.

Одинъ молодой человѣкъ, блѣдный, болѣзненный вдумчивый, прекрасный, родственникъ Государя съ тонкими пальцами блѣдной красивой руки, слабый физически, другой, аристократъ, талантливый, способный, человѣкъ ума и сердца и третій, третьяго Саблинъ мало зналъ — истерическій крикунъ, газетчикъ, писатель, политикъ, трибунъ, но никогда не убійца.

Саблинъ высказалъ свои соображенія.

— Неужели, закончилъ онъ свою сильную горячую рѣчь, вы не могли найдти наемнаго убійцу.

— Милый Саша, сказалъ Мацневъ. Все обдумано. Тутъ не годится наемный убійца. Э, что! Два раза пробовали и ничего не выходило. Ты пойми, Саша, это бѣсовская сила. И съ бѣсомъ бороться могутъ только тѣ люди, которые не боятся его бѣсовскихъ чаръ, для которыхъ онъ только грязный, трусливый мужикъ.

— Ахъ, они не смогутъ!.. Не съумѣютъ. Убить человѣка! Хотя бы и гада... Не такъ, господа, это просто! А потомъ... Куда дѣвать трупъ? Вѣдь его нельзя оставить. Изъ него святого сдѣлаютъ. Мощи приготовятъ. Нѣтъ, господа. Да и какъ же это!.. Гдѣ? Онъ вѣдь тоже не такой простакъ чтобы пойдти въ засаду, его охраняетъ тайная полиція. Нѣтъ, господа, боюсь, что только хуже будетъ. Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ.

— Все организовано, сказалъ Рѣпнинъ. Мы трое просимъ и тебя, должны быть въ резервѣ на случей, если понадобится еще помощь, или надо будетъ заметать слѣды. Можемъ мы разсчитывать на тебя.

— Ну, конечно же можете, сказалъ Саблинъ. Когда? Гдѣ? Я весь къ вашимъ услугамъ.

— Завтра ночью. Онъ обѣщалъ пріѣхать въ домъ на Мойкѣ, гдѣ ему обѣщано свиданіе съ одной дамой свѣта, которой онъ давно домогается. Тамъ и будетъ все сдѣлано. Мы должны дежурить здѣсь.

— О Господи!. какая грязь. воскликнулъ Саблинъ. Сводничество, западня, обманъ и убійство!

— Да, милый Саша, убійство не красивая штука, сказалъ Мацневъ морщась, — но Распутинъ не такой человѣкъ, котораго можно вызвать на дуель и ухлопать изъ пистолета, подставивъ ему свой бокъ съ благородною отвагой. То, что убійство будетъ совершено этими людьми подниметъ ихъ въ глазахъ народа, оправдаетъ убійство въ глазахъ Государя и поможетъ совершить слѣдующій шагъ удалить отъ дѣлъ Императрицу.

— А, если все выйдетъ на оборотъ. Ахъ, господа, господа, не за свое дѣло мы взялись. Какія бы цѣли ни были — способы не благородны и не красивы, а мы созданы для красивыхъ дѣлъ!. воскликнулъ Саблинъ.

— Александръ Николаевичъ, — настойчиво сказалъ князь Рѣпнинъ. — Мы долго думали Иного выхода нѣтъ. Теперь не такое время, чтобы плыть по теченію. До завтра, въ это же время и здѣсь. Постучать и общій пароль — месть.

XXIV.

Домой Саблинъ вернулся около 12-ти часовъ ночи. Онъ мечталъ о ваннѣ и снѣ. Завтра было полно заботъ и хлопотъ, надо было отдохнуть. Но въ этотъ суетливый день все дѣлалось не такъ, какъ онъ хотѣлъ. Въ кабинетѣ былъ свѣтъ и едва Саблинъ вошелъ въ него, какъ тяжелая массивная фигура дяди Егора Ивановича Облѣниссимова поднялась ему на встрѣчу и сдавила его въ объятіяхъ.

— Наконецъ-то! Дождался таки. Я уже боялся, что такъ и не дождусь. Пять разъ днемъ звонилъ по телефону и все нѣтъ и нѣтъ. Какъ неожиданно ты пріѣхалъ. Вотъ уже именно Провидѣніе тебя послало сюда въ самую кипѣнь событій. Утромъ иду и вижу, онъ съ какой то прехорошенькой растрепой

плетется на извощикѣ черезъ Владимірскій. Я въ Думу шелъ. Хоть бы посмотрѣлъ на меня. Шалунъ, ваше превосходительство! Ну да пора. Не вѣкъ же трауръ носить. Ты вѣдь юноша! А посѣдѣлъ... Ишь виски то — боберъ камчатскій.

— Дядя. Если бы вы знали обстоятельства, при которыхъ мнѣ пришлось отвозить эту совершенно мнѣ чужую и незнакомую женщину надо думать вы не стали бы такъ говорить, — сказалъ Саблинъ. У него на языкѣ было сказать — оставьте меня. Я усталъ и жажду отдыха, но привычный тактъ свѣтскаго человѣка и радушнаго хозяина взялъ верхъ надъ усталостью и Саблинъ проговорилъ:

— Ну что же мы стоимъ. Садитесь разсказывайте, какъ вы теперь воюете на внутреннемъ фронтѣ тогда, когда мы перестали воевать на внѣшнемъ.

— Да, Саша, воюемъ и побѣда близка. Союзники на нашей сторонѣ, — сказалъ, грузно опускаясь въ кресло, Облѣниссимовъ.

— Я сегодня это слышу уже второй разъ. Правда намеками. Союзники хотятъ революціи? Союзники хотятъ разложенія арміи наканунѣ наступленія и побѣды? Мы у себя въ окопахъ всегда думали, что если, не дай Богъ, будетъ революція то это Made in Germany для лучшаго нашего сокрушенія и уничтоженія. Но не союзники. Имъ то это невыгодно.

— Саша мы поставили лозунгами дня: — безъ революціи не можетъ быть побѣды. Сначала революція, удаленіе съ Престола Николая и Александры Θедоровны, созывъ Учредительнаго Собранія, а тогда побѣда. Мы знаемъ настроенія арміи. Армія не вѣритъ Государю, она не можетъ драться и побѣждать подъ лозунгами «за вѣру, царя и отечество». Двуглавый орелъ отжилъ свой вѣкъ — ему пора и на покой. Подъ красными знаменами революціи пойдемъ мы и побѣдимъ...

— Неправда! Это клевета на армію, на офицера и солдата. Еще третьяго дня неумолкая гре-

мѣлъ гимнъ у меня въ окопахъ и ура потрясало лѣсъ за здравіе обожаемаго верховнаго вождя Россійской Арміи! — воскликнулъ Саблинъ.

— Саша, это только изъ подъ палки. Это инерція, которую преодолѣть придется и съ которой придется бороться.

— Приказъ Государя о завѣтныхъ цѣляхъ войны, Русскія цѣли войны такъ ободрили и порадовали всѣхъ понимающихъ обстановку. Вожди воспрянули духомъ, а сѣрая масса пойдетъ куда ей укажутъ.

— Русскія цѣли!, воскликнулъ вставая и начиная ходить по комнатѣ Оллѣниссимовъ. — Ты сказалъ: — Русскія цѣли! Въ міровой войнѣ не можетъ быть Р у с с к и х ъ цѣлей, но цѣли общія, поставленныя въ полномъ согласіи съ союзниками. Мы ведемъ не самостоятельную войну. Мы не должны забывать, что финансируетъ насъ Франція, и Англія посылаетъ намъ снаряженіе!

— Егоръ Ивановичъ, — тоже вставая, въ глубокомъ возбужденіи проговорилъ Саблинъ. — Ты помнишъ то, что ты говорилъ давно въ дни глубокаго мира, когда ты и тебѣ подобные доказывали, что войнъ больше не будетъ. Ты помнишь, какою грязью, клеветою и бранью обливали вы блаженную память Императоровъ Павла, Александра I и Николая I за то, что они посылали войска въ Западную Европу для борьбы съ революціей и Наполеономъ, вы называли Россію ж а н д а р м о м ъ Европы, при этомъ слову жандармъ вы придавали с в о е специфическое значеніе, гадкое значеніе. Теперь вы хотите сдѣлать изъ Россіи и ея Арміи городового, или какъ вы называете н а г а е ч н и к а, поставленнаго на защиту иностраннаго капитала. Какое дѣло Россіи до того побѣдитъ Англійская или Германская индустрія, будетъ на сохѣ, чашкѣ, сукнѣ, которое купитъ мужикъ какой либо Пермской или Вятской губерніи написано made in Germany, или made in England—

мы должны стремится къ тому, чтобы на каждой вещи было одинаковое клеймо: „Россійское издѣліе“!! Къ этому стремится Государь и это стемленіе народу понятно, но... устраивать революцію, свергать Государя въ ту великую минуту, когда онъ торжественно заязилъ, что мы воюемъ за Русскіе интересы — это преступленіе, которому нѣтъ имени. Какъ только Армія пойметъ, что ея цѣли уничтожить Германію во имя возвеличенія Англіи и удовлетворенія національнаго самолюбія и безопасности Франціи, Армія откажется воевать. Русскій солдатъ никакой злобы не питаетъ къ нѣмцамъ, каждую минуту онъ готовъ протянуть руку примиренія нѣмцу, но и онъ понимаетъ, что если нѣмецъ мѣшаетъ ему жить, если нѣмецъ вошелъ въ его земли, его надо выгнать. Слова Государя: — „я не положу оружія до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ нѣмецъ находится на Русской землѣ“ понятны каждому. Они понятны и нѣмцамъ. Когда нѣмцы узнаютъ, что Россія борется за свои завѣтныя цѣли, а не во имя ея уничтоженія они перестанутъ оказывать намъ сопротивленіе...

— Вотъ и договорился до того, что насъ такъ пугаетъ, что заставило насъ обратиться въ заговорщиковъ, тайно собираться и думать какъ все это устроить. Миръ. Если нѣмцы уйдутъ за Калишъ, если Россія займетъ Константинополь — то есть дойдетъ до завершенія задачи, поставленной Государемъ, то будетъ миръ. Вы не пойдете на Берлинъ?

— Цѣли не вижу.

— А уничтоженіе германскаго имперіализма?

— Онъ намъ не мѣшаетъ. Онъ помогаетъ намъ обуздывать еще болѣе злостный капиталистическій имперіализмъ Англіи.

— Саша! Саша! Кто же нашъ врагъ!?, — воскликнулъ Облѣниссимовъ, круто останавливаясь передъ стоявшимъ у письменнаго стола Саблинымъ

и пронизая его выпуклыми блестящими глазами.

— Англія — твердо и ясно выговорилъ Саблинъ. Облѣниссимовъ отшатнулся отъ него и, нѣсколько мгновеній тяжело дыша, шевелилъ губами, но не произносилъ ни слова.

— Хорошъ! наконецъ вырвалось у него. Хорошъ. Вотъ такъ же думаютъ и въ Царскомъ. Если бы я тебя не зналъ съ колыбели я бы подумалъ, что ты съ нѣмцами за одно. Хорошъ! Ну, Саша, я все таки тебѣ доскажу то, зачѣмъ пришелъ. Не обижайся на меня. Англія видитъ это настроеніе и въ Государѣ и въ окружающихъ его. Она не вѣритъ ему больше и она желаетъ его устраненія.

— Но надѣюсь, что вы найдете, — если намъ не удастся помѣшать вамъ, культурный способъ этого переворота во славу Англіи, — сказалъ опуская голову Саблинъ.

— Да. Клянусь! Клянусь, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ его головы. Царское достоинство есть достоинство Россіи и ея революціи. Русскій великій народъ съумѣетъ показать міру образецъ гуманности, просвѣщенія и благородства. Мы ничего не имѣемъ противъ Царя, мы только персонально противъ Николая II и дворцовой камарильи, всѣхъ тѣхъ, кого мы считаемъ темными силами.

— А если темныя силы тѣмъ или инымъ способомъ будутъ удалены отъ Государя? — сказалъ Саблинъ.

— Это ускоритъ развязку, — отвѣтилъ Облѣниссимовъ. — Имѣй въ виду съ нами всѣ главнокомандующіе. Одинъ Эвертъ еще колеблется.

— Кого же вы приготовили на смѣну правительству, которое вы свергнуть предполагаете. Не останетесь ли вы, какъ тогда передъ войною, когда мы говорили съ тобою, безъ людей.

— О, не безпокойся. Люди намѣчены. Все прекраснѣйшіе люди, гуманные и глубоко преданные союзникамъ.

— Я думалъ — ты скажешь Россіи!, съ упрекомъ и ироніей въ голосѣ сказалъ Саблинъ. Облѣниссимовъ не понялъ ироніи.

— Нѣтъ, союзникамъ, — твердо выговорилъ онъ. — Что Россія! Россія безъ Европы ноль. Кто это? Достоевскій что ли сказалъ: у Русскаго человѣка два отечества: — Россія и Европа.

— Да, трудно, все съ тою же ироніей проговорилъ Саблинъ, — трудно Русскому государственному человѣку прожить безъ указки Бисмарка, Биконсфильда, Пуанкарэ, Клемансо и Бьюкенена. Своего не признаемъ, будь онъ хотя семи пядей во лбу. Да и какъ жить безъ Парижа, Монте-Карло, Ниццы и безъ англійскаго снобизма. Погибнемъ. Мужичье!, дикари!

— Святая Русь! — поднимая палецъ къ верху и опять останавливаясь противъ Саблина сказалъ Облѣниссимовъ. — Святая Русь! Ребенокъ среди націй.

— Съ англійской миссъ и бонною француженкой.

— А что же, хорошо. Культура. Худому не научатъ. Я увѣрую, Саша, въ святую Русь только тогда, когда въ каждой избѣ Русской будетъ не уголъ съ лубочными иконами, а электричество и ватеръ клозетъ. А до тѣхъ поръ и бонна и миссъ!... Ну, ты вѣрно спать хочешь. Addio. А, какъ хорошо! Addio... Au revoir... Good night.

— Спокойной ночи — не хуже и много значительнѣе, сказалъ Саблинъ, провожая дядю въ переднюю.

XXV.

Что же, думалъ, засыпая Саблинъ, — я донести обязанъ о томъ, что творится. На него донести? На Облѣниссимова, Бьюкенена, Рѣпнина, на Главнокомандующихъ, кромѣ Эверта, которые со-

гласны свергать Государя. Пусть допросятъ ихъ, пусть пытаютъ, пусть узнаютъ имена истинныхъ виновниковъ и казнятъ ихъ, какъ предателей, какъ казнили Мясоѣдова за старые мелкіе грѣхи. Но, кому сказать? Военному министру Шуваеву? Какъ онъ посмѣетъ разоблачать главнокомандующихъ? Да этотъ старый, честный военный - чиновникъ умретъ отъ страха и только будетъ шопотомъ умолять меня: — «молчите, молчите. Никому не говорите. Кшъ. Шшъ»...

Сказать самому Государю? Саблинъ вспомнилъ свою попытку переговорить съ Государемъ, такъ нелѣпо остановленную Распутинымъ и покачалъ головою. Государь и Самодержецъ! Самодержецъ силенъ своими боярами, своими генералами, а эти бояре измѣнили ему раньше, нежели возсталъ народъ. Бѣдный Государь! Если раскрыть ему все то, что только что изъ намековъ Рѣпнина и разговора съ Облѣниссимовымъ узналъ Саблинъ, онъ безконечно растеряется и что онъ можетъ сдѣлать, на кого положиться, кому повѣрить. Весь верхъ Россіи, вся ея интеллигенція были противъ Государя, а народъ настолько теменъ, что искать вождей въ народѣ было нечего. Вождей не было! А народъ безъ вождей — слѣпое стадо,

Молчать и дѣлать свое маленькое дѣло. Командовать корпусомъ и готовить его къ наступленію и побѣдѣ.

Во имя чего?

Во имя ли завѣтныхъ цѣлей, провозглашенныхъ Государемъ, за крестъ ли на Святой Софіи, за Польшу ли, изъ рукъ Россіи получающую свободу, какъ получили нѣкогда Сербія и Болгарія, или за уничтоженіе Германіи и міровое торжество Англіи.

Все горе Саблина было въ томъ, что онъ не былъ согласенъ съ Достоевскимъ и считалъ, что у него одно отечество: — Россія. Ее онъ любилъ превыше всего. За нее онъ готовъ былъ умереть

и если бы ему сказали, что для блага Россіи должна погибнуть вся Европа — онъ не колеблясь сказалъ бы: — и пусть гибнетъ! Жива бы была только Россія!

Саблинъ чувствовалъ, что совершается обратное: — гибнетъ Россія во имя спасенія Европы и не могъ помѣшать этому.

Доносить онъ не станетъ. И не столько потому, что доносить некому и безполезно, сколько потому, что доносъ ему такъ же противенъ, какъ убійство. Они смогли бы и донести, когда признали бы это нужнымъ. Мы этого не можемъ. Мы старые дворяне. Мы уже не холопы царскіе, готовые на все, даже на низость, мы прикоснулись къ Западно-европейскому рыцарству и восприняли его утонченную культуру, такъ непригодную для тяжелой современности.

Подъ утро онъ заснулъ, но проснулся рано. Надо было ѣхать отвозить Зою Николаевну съ ребенкомъ, ликвидировать ея квартиру, ставить мебель на складъ, отдавать распоряженія. Часовъ до трехъ по его разсчету онъ долженъ былъ быть занятъ окончаніемъ этого дѣла. Послѣ хотѣлъ пріѣхать къ Танѣ, которой почти не видалъ. Нужно было поспѣть и на кладбище.

Петербургская жизнь захватила его и закрутила своею сложностью. Было восемь часовъ утра, Саблинъ собирался выходить, когда зазвонилъ телефонъ.

— Кто у телефона?, спросилъ Саблинъ.

— Алексѣй Андреевичъ Поливановъ. Знаю, что вы заняты, — говорилъ знакомый Саблину скрипучій голосъ бывшаго военнаго министра, — знаю, что вы ненадолго здѣсь и все таки прошу васъ пожаловать ко мнѣ къ пяти часамъ. Если, конечно, не боитесь своей репутаціи навѣстить опальнаго человѣка.

Саблинъ готовъ былъ отказаться, но послѣ этихъ словъ онъ поспѣшно отвѣтилъ:

— Слушаю ваше высокопревосходительство, буду непремѣнно.

XXVI.

Саблинъ былъ давно знакомъ съ Поливановымъ, встрѣчаясь съ нимъ въ Петербургскомъ военномъ свѣтѣ, но друженъ съ нимъ никогда не былъ. Онъ наблюдалъ Поливанова со стороны, послѣдніе годы передъ войною, часто видался съ нимъ и откровенно высказывалъ свои мысли объ арміи. Онъ уважалъ Поливанова, одно время онъ хотѣлъ стать посредникомъ между Государемъ, который не любилъ Поливанова и Поливановымъ, который не уважалъ Государя. Это заставило его изучить характеръ Поливанова, и, изучивши отказаться отъ этой мысли, какъ не выполнимой.

Молодые годы Поливанова прошли въ дни славной эпохи преобразованій, когда въ Россіи по настоящему вѣяло весною, когда по слову Царскому были освобождены крѣпостные, устраивался гласный судъ присяжныхъ и провозглашенъ былъ принципъ общеобязательности воинской повинности. Поливановъ учился и росъ, какъ офицеръ подъ вліяніемъ Милютина, передъ которымъ благоговѣлъ.

Про себя Поливановъ часто и не безъ гордости говорилъ, что онъ не Русскій, а татаринъ. Что онъ Пеглеванъ-паша-Пеглевановъ, а не Поливановъ. Говорилъ онъ это, щуря свои острые маленькіе глазки и усмѣхаясь ему одному присущей хитрой усмѣшкой, давая понять собесѣднику, что онъ Русскихъ считаетъ ниже татаръ, какъ націю порабощенную татарами. Со всѣмъ тѣмъ Поливановъ горячо любилъ Россію, стремился къ ея славѣ, но Европу и даже Азію предпочиталъ Россіи.

Основной чертой его характера было личное честолюбіе. Онъ росъ въ средѣ, которая была вы-

ше его по происхожденію, по связямъ, по богатству и онъ хотѣлъ не только сравняться со всѣми тѣми, съ кѣмъ видался, съ Милютинами, Рихтерами, Драгомировыми, но стать выше ихъ. Данныя для этого у него были: — умъ и упорство въ трудѣ. Онъ мечталъ о блестящей придворной и строевой карьерѣ. Онъ поступилъ въ Л. Гв. Гренадерскій полкъ тогда, въ концѣ семидесятыхъ годовъ — любимый полкъ Государя. Онъ мечталъ быть, — и по многимъ даннымъ, — зналъ, что онъ и будетъ, флигель-адъютантомъ Государя.

Началась Русско-Турецкая война. Обуреваемый желаніемъ отличиться Поливановъ, не дожидаясь похода всей гвардіи, отвѣчая порыву охватившему тогда молодежь, пошелъ на войну въ сводно-гвардейскомъ отрядѣ и въ первомъ же дѣлѣ, при переправѣ черезъ Дунай, находясь въ передовой цѣпи охотниковъ былъ тяжело раненъ пулей въ шею.

Вмѣсто флигель адъютантства, широкой карьеры, славы, почестей, георгіевскаго креста, котораго онъ считалъ себя вполнѣ достойнымъ, вмѣсто блеска и счастья, — лазаретная койка, мучительная рана, тяжкія страданія и сознаніе, что на всю жизнь придется остаться калѣкой съ искривленной шеей и негоднымъ для строевой службы — единственной службы, которую Поливановъ считалъ достойной настоящаго офицера.

Его товарищи лейбъ-гренадеры участвовали въ походѣ гвардіи за Балканы и получили и отличія и награды и обогнали Поливанова, который не могъ не сознавать, что онъ сдѣлалъ больше ихъ, потому что по доброй волѣ пошелъ на войну, былъ храбрѣе ихъ, что и доказалъ своею раною и черезъ рану остался позади ихъ.

Явилось очень тяжелое разочарованіе въ жизни и въ справедливости судьбы и Государя. Заговорила зависть. Другого съ менѣе сильнымъ харак-

теромъ, быть можетъ, такая затрещина судьбы свалила бы, но не Поливанова.

Поливановъ сѣлъ за книгу. Онъ блестяще окончилъ Академію Генеральнаго Штаба и сейчасъ же по окончаніи поступилъ въ Инженерную Академію, которую также прекрасно кончилъ. Отказавшись отъ строевой карьеры онъ сталъ готовить себя къ военно-административной дѣятельности и запасался умственнымъ багажемъ, чтобы выявить себя во всю, когда придетъ настоящій часъ.

Было тихое царствованіе Императора Александра III. Россія застыла въ величавой мощи. Крупная фигура Царя, его простой Русскій умъ, давили Европу и она благоговѣла передъ Россіей. Царь создавалъ Франко-Русскій союзъ, Россія становилась загадкой и въ неразгаданности ея видѣли ея силу. Русскій Царь могъ позволить сказать Европѣ: — «Когда Русскій Царь ловитъ рыбу — Европа можетъ подождать».

Это были годы использованія реформъ Александра II. Жили на капиталъ, накопленный въ дни славныхъ реформъ. Жалованье платили золотомъ и серебромъ, экономили во всемъ, но высоко держали знамя Россіи. Былъ вѣкъ умѣренности и аккуратности. Во главѣ военнаго министерства стоялъ Петръ Семеновичъ Ванновскій, во главѣ министерства народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ и жизнь текла тихая и ровная безъ событій.

Поливанову мѣста не было. Ему оставалось читать лекціи, да сидѣть на стулѣ въ Главномъ Штабѣ, отсиживая положенные часы. Таланты были не нужны. Требовались только работники, какъ колесики громаднаго механизма. Талантъ былъ одинъ: — Александръ III. Воля была одна: — Государева воля.

Было тихо.

И скучно, добавляли люди революціонной складки ума, а къ числу такихъ несомнѣнно при-

надлежалъ Поливановъ. Онъ былъ революціонеръ Божіею милостію, революціонеръ отъ рожденія, человѣкъ, въ которомъ все бродило и кипѣло жаждою крупной дѣятельности широкихъ реформъ и преобразованій. Онъ видѣлъ ошибки Ванновскаго, онъ не могъ примириться съ работою Делянова, но пока долженъ былъ ограничиваться чтеніемъ лекцій Военной Администраціи и думами...

Съ новымъ царствованіемъ явились новые люди. Военнымъ министромъ сталъ Куропаткинъ, назначившій Поливанова главнымъ редакторомъ газеты «Русскій Инвалидъ» и журнала «Военный Сборникъ».

Газетка была маленькая, захудалая, безъ читателей. Печатались въ ней приказы о производствѣ, назначеніяхъ и наградахъ, помѣщались сухія казенныя, по трафарету составленныя, описанія парадовъ, смотровъ и маневровъ, которыя никто не читалъ и статьи техническаго или военно историческаго содержанія. И газета и журналъ были узко — казенными и въ нарождавшейся тогда Русской прессѣ съ ними не считались. Но для Поливанова это было поле дѣятельности. Въ какой нибудь годъ онъ такъ расширилъ „Инвалидъ" такъ углубилъ его программу, что съ нимъ стали считаться въ Русской и заграничной прессѣ.

Ставши редакторомъ „Русскаго Инвалида" Поливановъ не только вывелъ въ люди газету, но и самъ лично вошелъ въ кругъ Русскихъ газетныхъ дѣятелей. Поливановъ сталъ мостомъ между военной кастой и общественными дѣятелями. Та внутренняя политика, которая нарождалась въ тѣ дни въ Русской прессѣ стала отражаться и въ „Русскомъ Инвалидѣ". Съ назначеніемъ Куропаткина главнокомандующимъ Манджурской Арміей, а Сахарова военнымъ министромъ прошли счастливые дни „Русскаго Инвалида", а съ нимъ вмѣстѣ и Поливанова. Сахаровъ былъ человѣкомъ старой школы, боявшимся вольнаго духа, который

завелъ въ „Инвалидѣ" Поливановъ. Поливанову пришлось сдать свое мѣсто спокойному, холодному, узкому и при томъ глухому Макшееву, а самому засѣсть на невидномъ мѣстѣ въ крѣпостномъ комитетѣ. Это время относительной свободы Поливановъ использовалъ на закрѣпленіе за собою симпатій въ общественныхъ кругахъ. Съ появленіемъ Думы всѣ члены Думы опирались въ своихъ сужденіяхъ по военнымъ вопросамъ на мнѣніяхъ и указаніяхъ Поливанова. Поливановъ сталъ неизмѣннымъ докладчикомъ передъ военной комиссіей Думы. Онъ съумѣлъ завоевать симпатіи даже самыхъ лѣвыхъ круговъ. Простой въ обращеніи, умный, хитрый, вкрадчивый, широко образованный, умѣвшій красиво, просто и образно говорить Поливановъ черезъ Думу проводилъ все то, что считалъ нужнымъ для Россійской Арміи. Здѣсь онъ сошелся съ А. И. Гучковымъ. Въ лицѣ Гучкова Поливановъ нашелъ ревностнаго помощника. Гучковъ — штатскій человѣкъ поразилъ Поливанова своими богатыми познаніями военнаго дѣла, въ особенности технической его стороны. Поливановъ и Гучковъ черезъ Думу подняли первыми вопросы о техническомъ преобразованіи Арміи. Авіація, тяжелая артиллерія въ полѣ, вопросы дислокаціи, наконецъ, борьба за крѣпости все это было дѣломъ ихъ рукъ.

При томъ отношеніи къ Думѣ, которое было у Государя, Поливановъ терялъ въ глазахъ Государя. Государь не довѣрялъ ему. Онъ для Государя былъ не *нашъ*, а *ихъ*, думскій. Но онъ былъ необходимъ. Онъ былъ сдѣланъ помощникомъ военного министра Сухомлинова. Военный министръ и его помощникъ распредѣлили роли между собою. Сухомлиновъ взялъ на себя представительство, пріемы, ревизіи — на Поливанова легла канцелярія. Но Поливановъ съумѣлъ использовать свое положеніе на пользу Россіи и, если Русская армія встрѣтила въ 1914 году австро

германцевъ съ пулеметами, пушками, стальными никами, превосходно снабженная и обмундированная, если она въ первый же годъ войны заняла всю Галицію и овладѣла Львовомъ, Перемышлемъ и Сенявой — она была обязана этимъ Поливанову и Гучкову.

Государь это зналъ. Въ частыя отлучки Сухомлинова Поливановъ являлся докладчикомъ передъ Государемъ и Государь не могъ не видѣть широкихъ знаній Поливанова и его умѣнья влiять на Думу и Государь цѣнилъ Поливанова, но полюбить его не могъ. Государь чувствовалъ въ Поливановѣ врага самодержавія, конституціоналиста, представителя той „интеллигенціи", сторонника той демократіи, къ которымъ Государь и его окружающіе относились съ пренебреженіемъ и гадливостью. Но особенно не взлюбила Поливанова Императрица и Поливановъ отвѣтилъ ей тѣмъ же. Незадолго до войны были раскрыты некрасивыя продѣлки Сухомлинова. Пресса заговорила объ этимъ. Сухомлиновъ былъ близокъ къ удаленію. Никто не сомнѣвался, что его мѣсто займетъ Поливановъ. Поливановъ уже принималъ поздравленія и докладывалъ Государю, какъ военный министръ, но Сухомлиновъ поѣхалъ къ Императрицѣ, произошелъ разговоръ между нею и Государемъ и Поливановъ не только не былъ назначенъ министромъ, но Государь избѣгалъ встрѣчъ съ нимъ. Холодокъ обратился въ непріязнь и Поливановъ глубоко огорченный отвѣтилъ тайною ненавистью.

Началась война. Раскрыты были связи Мясоѣдова съ императоромъ Вильгельмомъ, Мясоѣдовъ былъ преданъ суду, Сухомлиновъ удаленъ съ поста военнаго министра и, — никого не было другого, — на этотъ постъ былъ назначенъ Поливановъ.

Армія оказалась безъ снарядовъ и безъ винтовокъ, война разсчитанная на четыре, шесть мѣсяцевъ поглотила все безъ остатка. Поливановъ и

Гучковъ привлекли къ работѣ всѣ общественныя силы страны, подняли земство, города, сдѣлали громадные заказы въ Америкѣ и Армія къ концу 1916 года стала на ноги. Технически она стала такъ же сильна, какъ была сильна германская армія, но нравственно она разлагалась. Гучковъ и дѣятели Думы проводили ту идею, что образованная штатская молодежь можетъ быть послѣ небольшой военной подготовки офицерами, указывали на примѣры Англіи и Америки — Поливановъ, кончившій кадетскій корпусъ и училище, прошедшій двѣ Академіи пошелъ на это и Армія стала наполняться молодежью, не проникнутой ни военнымъ духомъ ни патріотизмомъ, ни преданностью Монарху. Армія шаталась. Создались пункты для обвиненія Поливанова, воздѣйствовали на Императрицу. Поливанова выставили передъ Государемъ едва не демагогомъ и Поливановъ въ зенитѣ своей славы, въ размахѣ дѣятельности былъ сведенъ на скромную роль члена Государственнаго Совѣта а его мѣсто занялъ интендантъ Шуваевъ, безличный, скромный и бездарный, всѣ достоинства котораго заключались въ его честности и пунктуальности, доведенной до смѣшного.

Это былъ послѣдній ударъ для Поливанова. Онъ не былъ ни генераломъ свиты, онъ не былъ генералъ адъютантомъ тогда, когда младшіе его и менѣе даровитые легко получали Царскіе вензеля на погоны. Онъ, про котораго говорили, что онъ спасъ Россію, былъ затертъ и отставленъ отъ работы въ тѣ дни, когда ожидалась развязка всей компаніи, когда близилась побѣда и пахло лаврами побѣдителей.

Поливановъ уѣхалъ на отдыхъ въ Кисловодскъ и тамъ часто видѣлся съ Гучковымъ.

Ѣдкое чувство горечи разъѣдало его. Онъ отдалъ все службѣ. У него была единственная горячая привязанность — его сынъ. Сынъ только передъ войною окончилъ Академію, но остался въ

строю и выступилъ въ походъ командиромъ роты Л. Гв. Гренадерскаго полка. Саблинъ былъ хорошо знакомъ съ нимъ. Это былъ рослый румяный красавецъ, умный любящій родителей юноша. Въ первомъ бою онъ былъ убитъ на поваль во главѣ своей роты.

Поливановъ любилъ искусства, но служба отнимала у него все время и онъ не могъ увлечься ими, Поливановъ любилъ природу и цѣлые мѣсяцы проводилъ въ кабинетѣ, не видя солнечнаго свѣта.

Въ Кисловодскѣ, одинокій, вдвоемъ съ женою онъ оказался свободнымъ и среди чарующей природы. Солнце, несмотря на ноябрь, свѣтило по лѣтнему, горы сверкали прозрачными красками. Эльбрусъ ежедневно показывалъ свою волшебную шапку на фонѣ фіолетовыхъ горъ — но Поливановъ не наслаждался. Та всепрощающая христіанская любовь, которая единственно даетъ счастье человѣку и открываетъ ему красоты міра ушла изъ его сердца и замѣнилась ненавистью. Въ его душѣ не было покоя. Она была мятежна. Гуляя вдвоемъ съ Гучковымъ они составляли планы удаленія Государя съ Престола и уже не Государственное, не Россійское руководило ими и подсказывало имъ рѣшенія, но свое, — личное.

XXVII.

Въ пятомъ часу дня Саблинъ на извощикѣ подъѣхалъ къ высокому дому на Каменноостровскомъ проспектѣ, гдѣ скромно, на частной квартирѣ, жилъ Поливановъ и поднялся на четвертый этажъ. Квартира была небольшая. Скученно стояла въ гостиной та самая мебель, которую Саблинъ привыкъ видѣть широко раскинутой по громадному залу казенной квартиры, тѣсно висѣли ласковые Русскіе пейзажи, которые Поливановъ любовно собиралъ всю свою жизнь и на которыхъ его глазъ

отдыхалъ тогда, когда онъ былъ лишенъ возможности пользоваться природой. Все говорило о прошломъ, о конченномъ, о жизни ушедшей въ воспоминанія.

Лакей, высокій лейбъ гренадеръ, бывшій деньщикъ Саши, убитаго сына Поливанова, попросилъ пройдти въ столовую. Поливановъ съ женою и гостемъ, молодымъ штатскимъ пили пятичасовой чай.

— Здраствуйте, дорогой Александръ Николаевичъ, — отчетливо выговаривая каждую букву, ласково сказалъ Поливановъ, поднимаясь навстрѣчу Саблину.

Онъ постарѣлъ. Волосъ стало меньше и сѣдые прядки пробивались черезъ черные пучки висѣвшіе на вискахъ и затылкѣ, лицо пожелтѣло и осунулось, сильнѣе стала замѣтна кривизна раненой шеи и частое подергиваніе лица, но, Саблинъ это сразу подмѣтилъ, — онъ не обрюзгъ, не опустился и изъ подъ нависшихъ бровей и прищуренныхъ вѣкъ молодо и остро сверкали глаза, съ иронической усмѣшкой пронизывая гостя.

Поливановъ представилъ молодого человѣка, какъ представителя какого то отдѣла торгово-промышленнаго комитета. Молодой человѣкъ сталъ прощаться.

— Куда вы торопитесь, сказалъ. — пристально смотря въ глаза молодому человѣку, Поливановъ, вы намъ не помѣшаете. У насъ секретовъ нѣтъ. Я отставной и никому не нужный человѣкъ, вотъ радъ повидать стараго пріятеля.

Но молодой человѣкъ рѣшительно откланялся и вышелъ.

Поливановъ сѣлъ напротивъ Саблина и пристально смотрѣлъ на него, улыбаясь глазами. Онъ какъ будто спрашивалъ Саблина — съ нами вы теперь или все еще съ ними?

— Ну вотъ, Александръ Николаевичъ, — сказалъ онъ, — вы должны быть теперь довольны.

Снарядами вы завалены. Теперь уже ничто не помѣшаетъ вамъ наступать.

— Хвостъ вытащишь, носъ завязнетъ, — сказалъ Саблинъ. — Снарядовъ и патроновъ стало много, но довольствіе войска стало хуже. Рыбные консервы, мясо козловъ, да еще мороженыхъ, это не питаніе. Хлѣбная дача уменьшена, при томъ, что солдатъ сталъ слабѣе воспитанъ становится трудно управлять войсками.

— Значитъ, сказалъ Поливановъ, — армія недовольна питаніемъ?

Саблину показалось, что Поливанова это обрадовало.

— Это не совсѣмъ такъ, ваше высокопревосходительство, сказалъ онъ. — Какъ можетъ армія быть довольна, или недовольна. Солдатъ присягалъ терпѣть холодъ, голодъ и всякія муки, безропотно переносить лишенія.

— Теорія, милый Александръ Николаевичъ, — перебилъ его Поливановъ. — Это было тогда, когда солдатъ служилъ двадцать лѣтъ и всѣ двадцать лѣтъ проводилъ въ походахъ и муштрѣ. И тогда грабили, мародерствовали и тогда бунтовались и даже Суворову приходилось считаться съ психологіей солдата. Но тогда армія въ 200.000 считалась громадной арміей. У насъ, Александръ Николаевичъ, семь мильоновъ поставлено подъ ружье. Семь мильоновъ! Извольте накормить эту массу, извольте поставить на нее офицеровъ. Откуда ихъ взять?

— Офицерскій составъ сталъ очень плохъ. Маршевыя роты приходятъ совершенно сырыми и необученными, приходится обучать въ окопахъ — это возможно лишь при блестящемъ офицерскомъ составѣ.

— Да вѣдь у васъ лучшая молодежь. Поди половина окончила университетъ, сказалъ Поливановъ.

— Но они не военные.

—Храбрости нельзя научиться, съ нею надо родиться. И развѣ мало храбрецовъ среди этихъ юношей?

— Есть храбрость и храбрость. Храбрость порыва у нихъ есть, у многихъ, но той стойкости, разсудительности, спокойствія, терпѣнія, которыя даются только знаніемъ у нихъ нѣтъ. Они много разсуждаютъ. Это, молъ, нужно, этого не надо, это прихоть начальника, того не исполнятъ, другого не сдѣлаютъ.

— Чести не отдаютъ, это вѣрно, — сказалъ Поливановъ. — Да, конечно, они многаго не понимаютъ, но, милый Александръ Николаевичъ, мы ведемъ войну народную. Извѣстная демократизація должна быть допущена. У васъ уже не солдаты, но народъ. Безъ сочувствія массъ мы ничего не сдѣлаемъ. Какъ хотите вы побѣдить когда у васъ и Распутинъ и женское вліяніе, и нѣтъ устойчивости ни въ чемъ. Народъ не вѣритъ вамъ, генераламъ, потому что онъ не вѣритъ Государю. Государь и Верховный Главнокомандующій — это немыслимо. У него нѣтъ нужныхъ для этого талантовъ и настойчивости. Вы сами знаете, что ordre contre ordre — desordre — а въ Ставкѣ перемѣнчивы, какъ Петроградская погода. Если вы хотите побѣдить вы должны понять, что надо идти съ народомъ, а не съ Монархомъ.

— Но Монархъ и народъ одно цѣлое.

— Было такъ. Было такъ, что прежде Монархъ, а потомъ народъ. Теперь стало наоборотъ — впереди народъ, а потомъ Монархъ.

— Я не могу себѣ представить, чтобы стадо правило пастухомъ, — сдержанно сказалъ Саблинъ.

— Но и въ стадѣ есть передовые бараны, которые ведутъ все стадо и безъ нихъ стадо опрокинетъ пастуха — парировалъ, ядовито усмѣхаясь тонкою усмѣшкой, Поливановъ и сейчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

— Вы знаете, сказалъ онъ, съ какими трудами доставляютъ вамъ винтовки. Англійскія суда останавливаются далеко въ Бѣломъ морѣ, тамъ, гдѣ оно не замерзло. Къ нимъ подъѣзжаютъ на саняхъ. И тамъ при страшномъ морозѣ на леденящемъ вѣтру въ ручную таскаютъ ящики съ винтовками, передаютъ на льдины, оттуда на сани и гужомъ везутъ въ Архангельскъ. Мильоны чудныхъ американскихъ винтовокъ. Все это сдѣлала общественность. Военная бюрократія никогда не рѣшилась бы на это. Я иногда думаю, что штатскій военный министръ былъ бы лучше военнаго. Онъ меньше связанъ тѣми условіями, у него меньше протекціи, меньше зависимости отъ людей своей касты.

— Но у него нѣтъ знаній, сказалъ Саблинъ.

— Вы думаете, что военныя знанія такъ трудно пріобрѣсти?

— Я думаю, что знать начальниковъ и умѣть ихъ выбрать можно только живя среди нихъ. Иначе придется полагаться на совѣтниковъ, а это разовьетъ наушничество и еще худшій протекціонизмъ. Я не знаю, какъ это можетъ быть. Исторія намъ не даетъ такихъ примѣровъ.

— Напротивъ. Очень много. Генералы Наполеоновской эпохи, генералы Американскихъ войнъ и буры. Кадетскій корпусъ убиваетъ волю — самое нужное качество для вождя. Я бы допустилъ иногда въ войскахъ и выборное начало, — и опять Поливановъ хитро уставился на Саблина и Саблинъ не могъ понять, говоритъ онъ это серьезно, или нарочно пытаетъ его.

— Выберутъ того, кто съумѣетъ подкупить, сказалъ онъ.

— Я слыхалъ, что васъ очень любятъ. Неужели вы думаете, что корпусъ, или ваша дивизія васъ не выбрали бы своимъ начальникомъ.

— Я не знаю. Я какъ то никогда не думалъ объ этомъ.

— Подумайте, смѣясь сказалъ Поливановъ, — этотъ вопросъ лѣтъ десять тому назадъ поднимался въ военной литературѣ и онъ вполнѣ въ духѣ Русскаго народа. Артель крѣпка своимъ выборнымъ старостою, ватага молодцовъ своимъ атаманомъ. Это такъ подкупило бы массы.

И выговоривъ это, Поливановъ опять хитро посмотрѣлъ на Саблина, какъ будто спрашивая его, что клюнуло или нѣтъ, какъ ты, голубчикъ, на это смотришь, но замѣтивъ, что лицо Саблина нахмурилось, Поливановъ опять заговорилъ о постороннемъ.

— Вы посѣтите театры. Надо немного и развлечься. Мы не ходимъ изъ за траура, но намъ очень хвалили «Романъ» съ Грановской въ главной роли и «Флавія Тессини» на Александринской сценѣ. Вы увидите новое искусство и новыя настроенія.

— Я поклонникъ стараго, — сказалъ Саблинъ и поднялся прощаться, считая, что дѣловой разговоръ конченъ.

Возвращаясь домой Саблинъ перебиралъ въ мозгу своемъ разговоръ съ Поливановымъ и чувствовалъ, что вызовъ его и разговоръ были не спроста. Испытывали его и узнавали черезъ него настроенія арміи и фронта. Хорошо, онъ попалъ на меня, подумалъ Саблинъ, а попади онъ на Пестрецова, или на моихъ милѣйшихъ начальниковъ дивизій, что бы они ему наговорили? Тотъ то, что фокса отъ мопса отличить не можетъ поди-ка предложитъ ему и себя и дивизію въ полное распоряженіе: — чего изволите и что прикажете.

Ночью Саблинъ, скрѣпя сердце поѣхалъ на квартиру Гриценко. Было тошно и противно. Точно какая то грязь помимо его воли засасывала его и увлекала въ болотную, черную пучину.

XXVIII.

Всю ночь играли въ карты. Сначала въ бриджъ, потомъ, шутя въ макао по пятачку очко. Гриценко угощалъ виномъ и холодными закусками и самъ пытался поставить самоваръ. Но не было растопокъ и онъ только надымилъ щепками и поранилъ себѣ руку тяпкой, которою кололъ лучины отъ полѣньевъ на кухнѣ. Мацневъ въ два часа ночи поѣхалъ на развѣдку и вернулся въ шесть часовъ утра блѣдный возбужденный и взволнованный.

— Слава Богу!, сказалъ онъ. — Все кончено. Но какъ ты былъ правъ вчера Саша! Какъ это все оказалось сложно, трудно и все вышло не такъ, какъ мы думали.

— Но все таки вышло? Кончено?, спросилъ Рѣпнинъ.

— Его нѣтъ. Убитъ и уничтоженъ. Будемъ надѣяться, что навсегда, — сказалъ тяжело дыша Мацневъ и началъ разсказывать все то, что онъ узналъ.

— Они думали, что онъ не пріѣдетъ. Догадался, пронюхалъ. Отрицать, вѣдь, нельзя, что у него есть какое то внутреннее чутье. Бѣсовскія силы ему таки помогаютъ. Онъ пріѣхалъ очень подозрительный. Принялъ его младшій въ подвальномъ этажѣ, который нарочно для этого отдѣлали. Менѣе примѣтно. Онъ вошелъ, окинулъ подозрительно обстановку и сразу спросилъ: — а гдѣ же она?

— Наверху, съ гостями. Сейчасъ выйдетъ. Не можетъ же она такъ прямо придти сюда. Будетъ замѣтно, сказалъ младшій.

Онъ недовольно потрясъ головою, но согласился.

На столѣ было приготовлено вино и маленькія бушэ. Ядъ былъ въ винѣ. Онъ на отрѣзъ отказался пить. Любимое его вино, любимыя сладости, а не пьетъ и не ѣстъ.

— Не хочу, говоритъ онъ капризно. Пусть она придетъ. Вмѣстѣ будемъ. Почему — тихо кругомъ.

— Гости тамъ? Танцуютъ? А музыки не слышно, будто никого нѣтъ.

И сталъ онъ подозрительный.

Вы знаете, что тамъ никого и не было. Тамъ былъ только старшій и членъ Думы. — Я не буду называть ихъ, стѣны слышатъ.

Распутинъ сѣлъ за столикъ въ углу. Въ большомъ подвалѣ, убранномъ какъ кабинетъ, уставленномъ тахтами и креслами былъ полумракъ. Тускло горѣли въ углу лампочки, своды тяжело нависли. Мнѣ младшій потомъ разсказывалъ, что жуть стала прохватывать его. Средневѣковьемъ какимъ то повѣяло. Низкіе потолки, своды, Распутинъ въ своемъ характерномъ костюмѣ, тонкомъ архалукѣ изъ за ворота котораго видна вышитая императрицей шелковая рубашка, на столѣ граненые графины, рюмки, стаканчики и въ нихъ ядъ. Тутъ же его любимыя пирожныя и въ нихъ тоже ядъ.

Жутко. У Распутина глаза горѣли какъ угли и сладострастная дрожь прохватывала его. Время шло. Разговоръ увядалъ. Вы понимаете, господа, говорить имъ не очемъ. Распутинъ сталъ подозрѣвать неладное.

— Ты-бы, говоритъ онъ младшему, — сходилъ что ль милой, за ею то. Что не идетъ? Скажи, другъ ждетъ. Хорошій другъ.

— Хорошо, сказалъ младшій, я пойду, а вы Григорій Ефимовичъ и правда что не пьете? Выпить надо для куражу.

— Что куражъ? Я и такъ хорошъ.

Однако взялъ рюмку и выпилъ. Медленно, смакуя, до дна...

Поймите, господа, состояніе младшаго. Въ винѣ была замѣшана сильная доза страшнаго яда. Слона убить можно. Дѣйствіе моментальное. Въ пирожкахъ такой же ядъ. Выпилъ... и ничего...

— Что-то, говоритъ, — горькая она у тебя, сегодня, — взялъ пирожное и ѣстъ. Младшій отлично

замѣтилъ — съ ядомъ взялъ, отравленную ѣстъ и ничего. Усмѣхается, глядитъ своими страшными глазами съ бѣлыми обводами и говоритъ младшему.

— Шалунишка ты. Что же прелестница? Коли она не идетъ, я самъ туда пойду. Танцуютъ, говоришь. Я эфто люблю, когда танцуютъ. Бабья то много поди? Посмотрю. Это хорошо.

— Постойте, Григорій Ефимовичъ, — лучше я схожу за ней, сказалъ младшій и почувствовалъ, что у него уже нѣтъ силъ больше держаться. Что же въ самомъ дѣлѣ? Нечистая сила въ немъ? Когда и ядъ не беретъ его. Мнѣ младшій говорилъ: — знаете, я уже самъ вѣровать сталъ въ него. Дьяволъ, или кто, но кто то сидитъ въ немъ и наши человѣческія силы для него ничто. Младшій еще разъ посмотрѣлъ на Распутина. Не поблѣднѣлъ, нѣтъ, такой же сидитъ, крючковатые пальцы впились въ валикъ кресла, наливаетъ одной рукою еще вина. Пьетъ... И опять такъ же спокоенъ. Младшій вышелъ. Старшій и членъ Думы ждали его на темной лѣстницѣ.

— Ну что?, спросилъ членъ Думы. — Выпилъ?

— Выпилъ.

— Кончено?

— Нѣтъ, ничего, здоровъ.

— Что же это такое? Вы, спрашиваетъ онъ у члена думы, — пробовали ядъ?

— Нѣтъ, не пробовалъ, но тотъ, кто давалъ его мнѣ ручался, что дѣйствіе моментальное.

— Можетъ быть уже умеръ?

— Да нѣтъ-же.

— Пойдите, посмотрите.

— Нѣтъ, господа, я не могу больше. Не вѣрилъ въ нечистую силу, а теперь вѣровать начинаю. Кто онъ такое въ самомъ дѣлѣ?

— Ну, господа, я пойду.

— Пойдемте вмѣстѣ.

Старшій вынулъ револьверъ и началъ спускаться внизъ. Въ это время дверь отворилась и на лѣстницу вышелъ Распутинъ.

Въ полосѣ свѣта отъ растворенной двери онъ увидѣлъ всѣхъ трехъ и видимо понялъ въ чемъ дѣло. Онъ бросился къ выходной двери.

— Уйдетъ вѣдь, крикнулъ съ отчаяніемъ членъ Думы.

Старшій выстрѣлилъ изъ револьвера — Распутинъ повернулъ въ дверь кабинета, пробѣжалъ два шага, захрипѣлъ и упалъ.

— Ну, теперь, готовъ, сказалъ членъ Думы. Надо идти за автомобилемъ и уносить его.

Младшій трясся, какъ въ лихорадкѣ. Для дѣла онъ уже былъ совершенно конченъ. Ему посовѣтовали идти на верхъ, лечь и успокоиться. Сдѣлаютъ и безъ него. Членъ думы вышелъ во дворъ, дверь осталась открытой, холодъ повѣялъ на лѣстницу. Старшій пошелъ заглянуть въ кабинетъ. Я не понимаю, какъ онъ тогда съума не сошелъ! Убитый Распутинъ, котораго они считали уже мертвымъ, сидѣлъ на коврѣ, опираясь въ него руками. Онъ былъ блѣденъ. Волосы растрепаны, глаза дико поворачивались, озирая комнату. Онъ увидѣлъ старшаго и сталъ подниматься на ноги.

— А! закричалъ онъ. — Все ей разскажу. Хозяйкѣ! Разскажу, что ты меня убилъ, и вдругъ всталъ и бѣгомъ, какъ волкъ, согнувшись побѣжалъ мимо старшаго и выбѣжалъ на крыльцо.

Старшій бросился за нимъ и наткнулся на входившаго члена Думы.

— Распутинъ убѣжалъ, — сказалъ онъ.

— Что съ вами. Убитый?

— Какое! Живехонекъ... Да вонъ онъ!

По снѣгу было видно, какъ какая то темная тѣнь быстро кралась скачками вдоль стѣны дома, направляясь къ воротамъ. Членъ Думы бросился за нимъ. У него былъ великолѣпный американскій револьверъ. Онъ нацѣлился и выстрѣлилъ одинъ и

другой разъ. Распутинъ споткнулся и упалъ. Членъ думы подбѣжалъ къ нему. Теперь уже не было сомнѣнія — онъ былъ убитъ...

— Выстрѣлы были слышны на дворѣ, — сказалъ старшій. — Въ кабинетѣ на коврѣ кровь. Сейчасъ могутъ придти люди.

— Ничего, скажемъ, что собаку убили, сказалъ членъ Думы.

Позвали собаку и въ домѣ пристрѣлили ее, какъ вещественное доказательство причины стрѣльбы. Но, понимаете господа, тревога уже поднялась. Полиція и дворники насторожились, а впереди еще цѣлое путешествіе и возня съ тяжелымъ трупомъ!

Подали автомобиль и сейчасъ же къ нему подошелъ городовой. Членъ думы рѣшилъ играть ва-банкъ. Онъ подошелъ къ городовому и сказалъ ему:

— Ты знаешь меня?

Тотъ взглянулъ и узналъ.

— Я членъ думы. Такой то. Правый. Преданъ Государю. Я убилъ Распутина.

— Слава Христу! Ужели такъ!, воскликнулъ городовой.

Психологическій моментъ, господа! Имъ надо было воспользоваться. Подошелъ какой то солдатъ. Онъ сталъ распрашивать городового о причинахъ стрѣльбы. Членъ думы опять подошелъ къ нему.

— Я убилъ Распутина, сказалъ онъ. Хорошо я сдѣлалъ?

— Куда же лучше!, сказалъ солдатъ. — Давно пора такъ сдѣлать.

— Помогите, товарищи, намъ его положить на автомобиль и вывезти.

— Съ удовольствіемъ.

И такъ — тайна перестала быть тайной. Членъ думы все взялъ на себя, при помощи городового и солдата они перенесли тѣло Распутина и положили въ автомобиль. За шоффера сидѣлъ N. N.

Было два часа ночи, когда они помчались по Мойкѣ. Ночью порошилъ снѣгъ и автомобиль

оставлялъ за собою свѣжій слѣдъ. Поѣхали на острова.

— Мнѣ кажется онъ шевелится, сказалъ спутникъ члена думы.

— Нѣтъ ничего. Мертвъ.

Закутанный своею дорогою шубой и ковромъ Распутинъ тяжело лежалъ у нихъ въ ногахъ.

Доѣхали до моста и до намѣченной полыньи. Никого. Легкій туманъ поднимался съ рѣки. Долго возились, не въ силахъ будучи поднять тѣло на перила. На той сторонѣ моста замаячила черная фигура. Не то сторожъ, не то городовой показался тамъ, разбуженный шумомъ автомобиля. Но въ эту минуту тѣло перекинули и оно звонко ударилось объ воду и пошло ко дну.

Кончено! — сказалъ тяжело вздыхая Мацневъ.

— Но что пережили участники этого страшнаго дѣла, сказалъ Рѣпнинъ.

— Я боюсь, сказалъ Гриценко, что далеко еще не все кончено. Мы про него еще услышимъ. Если бы онъ исчезъ совершенно. Но онъ убитъ. Извѣстно кто его убійцы, извѣстно, гдѣ находится его трупъ. Нева не сохранитъ кровавой тайны и мы еще про него услышимъ.

Саблинъ молчалъ. Его давилъ этотъ разсказъ. Онъ какъ будто и самъ сталъ соучастникомъ этого дѣла, какъ неискусно сдѣланнаго. Точно онъ заснулъ и во снѣ его мучилъ кошмаръ.

XXIX.

Недѣля прошла въ работахъ. Шли засѣданія Георгіевской Думы, Саблинъ ѣздилъ въ Райволово навѣщать Зою Николаевну, переговорилъ съ врачомъ, убѣдился въ томъ, что она написала и начала постоянно писать мужу, бывалъ въ институтѣ, былъ даже на «Флавіи Тессини».

Онъ зналъ изъ газетъ, изъ разсказовъ, изъ сплетень о томъ страшномъ горѣ и отчаяніи, въ которое

была повергнута Императрица. Онъ зналъ, что она искренно вѣрила въ Распутина и видѣла въ немъ пророка и святого. Онъ предсказалъ, что съ его смертью погибнетъ весь родъ Романовыхъ и императрица вѣрила, что это такъ и будетъ. Событія надвигались грозныя, страшныя, о надвигающейся революціи говорили уже не тайно и прямо говорили о томъ, какія части надежны и какія ненадежны и на повѣрку выходило, что надежныхъ частей не было.

Саблинъ зналъ, что розыски тѣла Распутина велись лично министромъ внутреннихъ дѣлъ Протопоповымъ, что разсказъ городового о стрѣльбѣ, о томъ что на Мойкѣ господа убили собаку, кровь на снѣгу у воротъ — уже раннимъ утромъ навели на слѣдъ таинственнаго автомобиля, по которому легко добрались до проруби. Тяжелая глубокая калоша Распутина, спавшая съ ноги и забытая на снѣгу показала мѣсто, гдѣ его сняли, а лоскутки шерсти его шубы указали и мѣсто, гдѣ его сбросили. Были спущены водолазы и тѣло Распутина было найдено со всѣми слѣдами убійства.

Саблинъ, читая въ газетахъ подробные протоколы розыска, которыми щеголяла сыскная полиція, разыгрывавшая изъ себя ловкаго Шерлока Хольмса, готовъ былъ рвать на себѣ волосы, такъ грубо было сдѣлано это убійство.

Нѣтъ о н и - б ы такъ не убили! Ихъ не нашли бы такъ легко! Они не забыли бы калошу и не стали хвастать передъ городовымъ и солдатомъ. А н а м ъ уже ежели надо было убивать, то убивать открыто, при всѣхъ. Встать, сказать за что убиваю, бросить нѣсколько жгучихъ жесткихъ словъ, вынуть револьверъ и уложить безъ отказа. А то: — ядъ, который не дѣйствуетъ, пуля, которая не беретъ и трупъ, котораго скрыть не могутъ.

Облѣниссимовъ носился по городу, всюду крича о подробностяхъ дѣла, путая правду съ собственнымъ вымысломъ. Онъ окончательно сталъ

революціонеромъ и мечталъ о роли по крайней мѣрѣ Мирабо. Красный цвѣтокъ не вынимался изъ его петлицы пиджака.

— Саша, говорилъ онъ, уже не потаясь, не являясь ночью, на разъигрывая изъ себя Никодима, но за завтракомъ, или за обѣдомъ, не стѣсняясь прислуги, въ ресторанѣ, тамъ, гдѣ ему удавалось поймать Саблина. — Теперь, Саша, крышка! Дьяволъ онъ, или нѣтъ, но Романовымъ конецъ. Конецъ Распутину — конецъ и Романовымъ. Теперь революція и народоправство и Россійская республика! Дожилъ и я до этого великаго дня!

— Дядя, говорилъ Саблинъ, какъ поворачивается у тебя языкъ это говорить. Ты дворянинъ?

— Гражданинъ, Саша! Это куда выше! Въ Россіи... Ахъ и великая сила у нашего народа. И умъ, и юморъ и мягкость языка поразительная. Выхожу я, Саша, изъ театра, а ко мнѣ подходитъ, знаешь, этакая фея Невскаго проспекта, мы ихъ въ дни моей молодости горизонталочками называли — и говоритъ мнѣ: — «товарищъ, одолжи, цѣлковый на извощика». Саша! пойми! Т о в а р и щ ъ! Эврика! Вонъ оно то слово, тотъ ключъ къ народному сердцу, который теперь найденъ. Мы всѣ товарищи!

— Товарищъ по корпусу, по гимназіи? По чему торавищи? Слово товарищъ старо, оно имѣетъ строго опредѣленное значеніе.

— Товарищъ по партіи!

— Дядя, вернемся къ тому, что ты началъ? Ты радъ тому, что какія то глупыя бредни предсказываютъ гибель Романовыхъ? Что они тебѣ сдѣлали? Не они ли пожаловали твоихъ предковъ Спасскимъ, благодаря которому ты и образованъ, и сытъ, и одѣтъ, и богатъ, и вліятеленъ. Такъ ты платишь имъ за все то добро, которое они тебѣ сдѣлали.

— Саша! Я не эгоистъ. Я думаю о Россіи.

— О Россіи. Никогда, дядя, вставая и краснѣя до корня волосъ заговорилъ Саблинъ, — никогда не смѣй мнѣ говорить такъ о Романовыхъ и Россіи.

Слышишь, не смѣй мнѣ повторять нелѣпыя сплетни о Россійскихъ государяхъ. Вспомни исторію. Михаилъ Өедоровичъ принялъ царство воровъ и и разбойниковъ. Вся Россія была крошечный лоскутокъ земли безъ выхода къ морю, кругомъ враги, внутри мятежи, разбои и голодъ, равнаго которому не было. Человѣческое мясо ѣли въ Москвѣ. Безъ казны, безъ арміи, безъ честныхъ служилыхъ людей....

— Я это знаю. Что ты мнѣ повторяешь уроки исторіи, — сказалъ Облѣниссимовъ.

— Ахъ знаешь! Михаилъ Өедоровичъ...

— Русскій народъ, перебилъ Облѣниссимовъ.

— Нѣтъ, Михаилъ Өедоровичъ, потому что Русскій народъ только и умѣлъ метаться отъ одного Лжедимитрія къ другому, отъ Тушинскаго вора къ польскому королевичу.

— Что ты кричишь, Саша.

— Я не кричу, а мнѣ стыдно за васъ! Что же и Петръ, и Екатерина, и Александръ вамъ ничто? Меньшиковыхъ, Потемкиныхъ, Суворовыхъ, Кутузовыхъ не было? Былъ народъ? И вы хотите, чтобы все это кончилось, чтобы... Ну кто же станетъ править ста двадцатью мильонами разноплеменнаго народа, далеко между собою несогласнаго? Кто же, президентъ!?

— Съ тобою, Саша, говорить нельзя. Ты кричишь. Ты повторяешь азбучныя истины.

— Если ты ихъ забылъ дядя.

— Все потому, что ты не въ партіи.

— А что важнѣе партія, или Россія?

— Саша. Ты политически необразованъ и на войнѣ ты огрубѣлъ. Какія манеры....

— Товарищъ! Еще чего не доставало! Какой тутъ аристократизмъ? Товарищъ! Партія или Россія? Я тебѣ спрашиваю.

— Саша оставь! Devant les doméstiques.

— Ахъ такъ! Теперь вамъ и доместики пригодились. Ну, такъ не смѣй мнѣ, дядя, ни слова говорить о Государѣ! Какой онъ ни на есть онъ мой Государь, и она императрица и тотъ, кто имъ измѣнитъ, подлецъ будетъ!

— Прощай, Саша. Тебѣ успокоиться надо. У тебя нервы на войнѣ разошлись. Никто объ измѣнѣ не говоритъ... А, если онъ самъ измѣнитъ?

— Что-о?

— Ну, Богъ съ тобой, я ухожу!...

На смѣну Облѣниссимову пришелъ Мацневъ. Онъ длинно и таинственно, запершись въ кабинетѣ у Саблина и сидя подъ портретомъ Вѣры Константиновны, разсказывалъ о томъ, какъ трупъ Распутина тайно перевезли въ Чесменскую богадѣльню за Московской заставой, положили тамъ въ часовнѣ, какъ Протопоповъ надѣлъ на него вышитую императрицей рубашку, а неприкрытое ей тѣло и лицо намазалъ фосфоромъ. Какъ туда ночью въ каретѣ одна пріѣхала Императрица, вошла въ полутемную часовню и увидала свѣтящійся трупъ. Она склонилась передъ нимъ на колѣни, а Протопоповъ трясясь проговорилъ.

— Онъ воскреснетъ! Вы увидите! Онъ воскреснетъ.

Съ императрицей сдѣлался глубокій обморокъ. Трупъ Распутина перевезли въ Царское село и похоронили, украсивъ могилу цвѣтами. Императрица ходитъ на могилу пѣшкомъ, молится и ждетъ чудеснаго воскресенія. Неизвѣстныя лица крадутъ по ночамъ цвѣты и пакостятъ могилу. Къ могилѣ поставлены часовые... Какъ у Христа!!...

— Милый Саша, — говорилъ Мацневъ, глядя усталыми воспаленными глазами въ глаза Саблину. Онъ сталъ такъ непохожъ на стараго циника Мацнева, который говорилъ: «бей ворону, бей сороку».

— Милый Саша! Она сошла съума! Они всѣ тамъ сошли съ ума. Тамъ говорятъ: — такъ было и съ

Христомъ! Его гнали и мучили, Его убили и Онъ воскресъ. Воскреснетъ и Распутинъ. Питиримъ и Варнава готовы сдѣлать изъ него святого. Подумай: Христосъ и Распутинъ! Милый Саша я сѣлъ за библію. Вѣдь это Содомъ и Гоморра, а не Россія! А что, если гнѣвъ Божій ударитъ на насъ... Виновныхъ сослали въ Персію. Тамъ, говорятъ, климатъ, котораго они не перенесутъ. Жена младшаго хотѣла ѣхать съ мужемъ. Ей не разрѣшили. Какая жестокость! Милый Саша! Что же это такое? Ты моложе меня, но я, — всегда бывшій наставникомъ твоимъ, я теряюсь. Уже не правды я ищу. Но что же? За кѣмъ мнѣ идти? За ними, которые вѣрятъ въ святость Распутина или за тѣми, кто убилъ Распутина и кто помчался теперь на фронтъ съ клятвою потребовать отреченія Государя отъ Престола въ пользу сына и регентства Николая Николаевича. Я и имена ихъ всѣхъ знаю. Да! Саша! Милый Саша! Ты какъ поступишь?

Вѣра Константиновна кроткими синими глазами смотрѣла съ полотна портрета. Въ тумбѣ стола за семью печатями и съ надписью, «не распечатывая положить со мною въ гробъ», лежитъ ея тайна. Простилъ онъ ей? Если бы простилъ не несъ бы съ собою въ гробъ ея дневникъ-исповѣдь, не шелъ бы въ царство тѣней со страшнымъ напоминаніемъ великаго ужаса! Значитъ не простилъ и Императрицѣ и есть случай и ей отомстить.

Заговоръ принимаетъ большіе размѣры. Въ немъ Поливановъ, Гучковъ, въ немъ Пуришкевичъ, въ немъ Рузскій и Алексѣевъ, онъ уже выходитъ за предѣлы охраннаго отдѣленія и само министерство внутреннихъ дѣлъ пасуетъ передъ нимъ.

Мацневъ, старый циникъ, но благороднѣйшая личность, Мацневъ растерянъ.

Упиться местью? Вѣра, отомстить за тебя и простить и сжечь твой страшный дневникъ. Саб-

линъ снова посмотрѣлъ на портретъ, въ ея синіе твердые стальные глаза.

Развѣ есть въ ея дневникѣ хотя слово упрека по адресу Императрицы?

Саблинъ вспомнилъ отца Василія и твердо глядя на Мацнева сказалъ.

— Нѣтъ, Иванъ Сергѣевичъ, ни ты, ни я — мы не измѣнимъ Государю. Никто изъ нашего полка не пойдетъ противъ Государя Императора.

— А какъ же Распутинъ?

— Это ихъ семейное дѣло. Это болѣзнь. Истерія. Мы не можемъ судить Государя по сплетнямъ, но лишь по дѣламъ его. А дѣла его: — это чудесный приказъ о завѣтныхъ цѣляхъ войны. Его мы и исполнимъ!....

XXX.

Въ серединѣ января 1917 года Саблинъ вернулся на позицію. Маленькая халупа съ подслѣповатымъ окномъ приняла его, какъ родного, Въ ней, казалось, была мирная пристань, убѣжище отъ всего того грязнаго и страшнаго что дѣлалось въ эти дни въ Петроградѣ. Полки своего корпуса Саблинъ нашелъ распустившимися, но, главное, что его безпокоило это совершенно разстроившееся довольствіе корпуса. Онъ призвалъ интенданта и послѣ долгой бесѣды съ нимъ выяснилъ, что съ продовольствіемъ выходитъ заминка въ центрѣ.

— Если позволите, сказалъ интендантъ, мы достанемъ все, что нужно, черезъ земскій и городской союзы. У нихъ на складахъ все въ изобиліи. Вамъ только написать письмо и они охотно дадутъ. У нихъ даже бѣлая мука есть.

— Какъ же это такъ, почтеннѣйшій, спросилъ Саблинъ, а у васъ нѣтъ?

— Потому то у насъ и нѣтъ, что у нихъ есть. Они все изъ подъ носа скупаютъ, не стѣсняясь

справочной цѣной. Теперь все въ рукахъ ихъ. Захотятъ: — завалятъ армію хлѣбомъ, не захотятъ: и у насъ и по фунту не хватитъ. .

Странно это все, подумалъ Саблинъ. Въ продовольствіи, этомъ важномъ факторѣ войны и побѣды хозяевами являлись не главнокомандующіе арміями, не начальники, не тѣ, кто велъ войну, а разные «милостивые государи», какъ ихъ называлъ Мацневъ, общественные дѣятели, представители партій, борющихся противъ правительства.

Саблинъ отдалъ приказъ расширить корпусные склады и всякими правдами и неправдами пополнить ихъ такъ, чтобы въ дѣлѣ продовольствія совершенно ни отъ кого не зависѣть. Онъ разослалъ по окрестностямъ дивизіонныхъ интендантовъ и завѣдующихъ хозяйствомъ и скупалъ все, что можно было скупить. Его агенты повсюду сталкивались съ агентами земгора, который выросъ въ громадную организацію и рядомъ съ нимъ стоялъ Военный торгово-промышленный комитетъ — мощная организація, захватившая все довольствіе арміи въ руки. Склады комитета ломились отъ предметовъ снабженія, на фронтъ же снаряженіе отпускалось очень скупо.

Бывая въ штабѣ арміи, у Пестрецова и Самсонова, бесѣдуя съ своими полковыми командирами и офицерами, разговаривая съ солдатами Саблинъ убѣдился въ томъ, что во всей арміи было глубокое убѣжденіе въ то, что на дняхъ начнется наступленіе на всѣхъ фронтахъ, какъ Русскомъ — восточномъ, такъ и Союзническомъ — западномъ. Указывали и время этого наступленія — между 20 февраля и 1 марта, указывали и цѣли. Всѣ, до солдатъ включительно, знали, что до весенней распутицы, рѣшено занять Ковель, Владиміръ-Волынскій и Пинскъ, захватить Львовъ. Потомъ на время распутицы предполагалась передышка, перегруппировка, подвозъ снарядовъ и въ мартѣ, или апрѣлѣ — движеніе съ цѣлью овладѣть Бре-

стомъ, Влодавой и Варшавой. лѣтомъ предполагали быть на границѣ и, если нужно, то и заграницей. Въ арміи были увѣрены въ успѣхѣ наступленія. Солдаты чувствовали свою мощь. Въ артиллеріи на позиціи, въ бомбовыхъ погребахъ лежало по 2000 снарядовъ на орудіе, тыловые парки и склады были полны снарядами, сзади частей, занимавшихъ позицію, въ ближайшемъ тылу, все переполнено было новыми частями, пріѣзжающіе изъ отпуска разсказывали о громадныхъ гарнизонахъ, сосредоточенныхъ въ Петроградѣ, Москвѣ и во всѣхъ большихъ городахъ. На фронтѣ не сомнѣвались, что все это будетъ двинуто для удара и должно непремѣнно сокрушить врага.

Саблинъ спрашивалъ Пестрецова есть ли данныя для этихъ слуховъ? Пестрецовъ отвѣчалъ откровенно:

— Прямого приказа, или директивы арміямъ нѣтъ. Но послѣ приказа Государя это такъ естественно. Кончить войну надо. Мы и такъ изъ за союзниковъ перетянули ее. Рубежи намѣчены правильно и твоя ближайшая задача — Камень-Каширскій и Большая Глуша.

Саблинъ озаботился заготовкой бѣлыхъ балахоновъ для того, чтобы наступать по снѣгу и усилилъ занятія штурмами позицій. Онъ присматривался къ солдатамъ, входилъ въ самую толщу ихъ, разговаривая съ кѣмъ либо онъ не слушалъ его казенные отвѣты, а прислушивался къ тому, что говорила толпа кругомъ него. Ночью, въ окопахъ, услышавъ гдѣ либо разговоръ онъ подкрадывался и подслушивалъ, что говорятъ о наступленіи и о войнѣ. Онъ бесѣдовалъ съ Верцинскимъ и Ермоловымъ, говорилъ съ Козловымъ. Верцинскій и Ермоловъ разными словами и различными выраженіями одинаково характеризовали настроеніе солдатской массы въ связи со слухами о наступленіи.

Оно было двоякое. Меньшинство: — старые кадровые солдаты, запасные недальнихъ сроковъ стояли за наступленіе, считали его неизбѣжнымъ, считали, что безъ побѣды не можетъ быть мира, а мира они хотѣли жадно. Въ нихъ сильно говорила гордость Русскимъ именемъ, своимъ мундиромъ и они не сомнѣвались въ побѣдѣ и въ томъ, что лѣтомъ наступленіе завершится полнымъ разгромомъ германской арміи.

Изъ распросовъ очередныхъ, такъ называемыхъ контрольныхъ, плѣнныхъ Саблинъ узнавалъ, что нѣмцы знаютъ о готовящемся наступленіи и что они очень боятся его. Уже отданы распоряженія объ эвакуаціи Ковеля, если бы это понадобилось.

Большинство Русскихъ солдатъ относилось къ наступленію инертно. Они жаждали мира, но воевать и добиваться мира побѣдою они не хотѣли. Они хотѣли, чтобы миръ — явился такъ. Какъ такъ они не объясняли, но часто говорили:—это отъ Государя зависитъ, сказываютъ германъ то очень мириться хочетъ, ему только предложи онъ согласится. — Для чего воевать!, кабы гроза была нашей губерніи, а то дойди-ка до Уфимской! Тамъ я бы ему показалъ.— Воюемъ братцы, не для себя, а для французовъ. Французъ сказываютъ жидокъ сталъ, ему помощъ нужна.— А на кой лядъ намъ французъ этотъ самый!

Но всего тяжелѣе было настроеніе нѣкоторой части офицеровъ. Это были, или старые, почтенные капитаны и полковники, освоившіеся съ пребываніемъ въ отставкѣ и запасѣ, пригрѣвшіеся на тыловыхъ должностяхъ, привыкшіе думать, что опасность непосредственнаго боя для нихъ миновала и теперь при громадномъ увеличеніи арміи оказавшіеся въ роли полковыхъ и батальонныхъ командировъ. Они съумѣли и на позиціи угрѣться. Построили себѣ блиндажи и отсиживались въ нихъ, попивая кофей, куря до одурѣнія и избѣгая въ тяжелыя минуты бомбардировокъ вылѣ-

зать изъ блиндажа. Для нихъ мысль о наступленіи и переходъ къ полному случайностей полевому бою — были ножъ острый. Но что думали дѣлать въ этомъ случаѣ, они не говорили и сурово молчали. Саблинъ приглядывался къ нимъ и думалъ, что вѣрнѣе всего за нѣсколько дней до наступленія они двинутъ тяжелую артиллерію своихъ застарѣлыхъ ревматизмовъ, прострѣловъ и удушій, всѣ окажутся больными сердцемъ и благополучно перекочуютъ въ лазареты и госпитали. Саблинъ намѣчалъ имъ замѣстителей и исподволь подготовлялъ ихъ.

Другая категорія были тѣ прапорщики, которые пошли въ военныя училища и на курсы только для того, чтобы въ офицерскомъ званіи подвергаться меньшей опасности, нежели солдатомъ, а въ солдаты ихъ непремѣнно взяли бы. При окопной войнѣ они этого достигли. У нихъ были прочные блиндажи и они могли, пользуясь трудностью наблюденія за ними отсиживаться въ нихъ. но полевая война требовала ихъ передъ взводы и передъ роты, въ прорывѣ имъ пришлось бы первыми кинуться на проволоку. Это ихъ не устраивало и они тихо, осторожно, но вели разлагающую пропаганду среди солдатъ. Они не говорили противъ наступленія, но они говорили о невозможности наступленія, они говорили о безцѣльности войны и о томъ. что ее и дѣйствительно можно кончить такъ. Войну хотѣлъ вести Государь, потому что она давала ему славу и генералы, потому что они получили за нее большія деньги, ордена и отличія и она имъ была выгодна. Выходило незамѣтно такъ, что если бы Государя и генераловъ не стало, то и войны не было бы. Часто среди солдатъ они проводили такую мысль: — простому народу, крестьянамъ и рабочимъ война не нужна. Германскій крестьянинъ и рабочій легко можетъ столковаться съ Русскимъ крестьяниномъ и рабочимъ. но мѣшаютъ этому капита-

листы, которымъ война даетъ наживаться. Эта проповѣдь была ужасна. Саблинъ собиралъ офицеровъ, бесѣдовалъ съ ними, перетасовывалъ ихъ, но чувствовалъ, что убѣдить человѣка молодого, полнаго силъ въ томъ, что онъ долженъ пойдти на вѣрную смерть не такъ то легко. Саблинъ вспоминалъ Хорунжаго Карпова. Но развѣ онъ убѣждалъ его въ томъ, что ему нужно пойдти у Костюхновки впереди всѣхъ? Онъ приказалъ ему и тотъ только сказалъ:— слушаюсь и исполнилъ.

Нужна муштра. Саблинъ тянулъ офицеровъ и требовалъ строгой исполнительности.

Повидимому и наверху производились тѣ же наблюденія и то, что видѣлъ Саблинъ видѣли и другіе начальники. Изъ Ставки пришло приказаніе о формированіи особыхъ ударныхъ частей изъ лучшихъ офицеровъ и солдатъ для нанесенія перваго удара и для увлеченія за собою остальныхъ. Саблинъ не могъ согласиться съ этимъ. Да, такая мѣра давала вѣрный успѣхъ въ наступленіи, но за то она уничтожала все лучшее и въ командномъ составѣ и въ рядахъ, а съ кѣмъ же развивать наступленіе и заканчивать войну? Саблинъ не выдѣлялъ ударныхъ батальоновъ, но назначилъ таковыми первые батальоны полковъ, слегка подобралъ ихъ и велъ съ ними спеціальныя занятія.

26-го февраля Саблинъ по телефону получилъ условное приказаніе о томъ, что начало наступленія назначено на 28-е февраля, а вслѣдъ затѣмъ и болѣе подробный приказъ о томъ, что онъ долженъ исполнить.

XXXI.

Была тихая лунная ночь. Было темно, снѣгъ днемъ тронуло и ночью онъ не подмерзъ, но лежалъ такой же рыхлый и ноздреватый. Саблинъ съ начальниками дивизій и со штабомъ пріѣхалъ къ 9-ти часамъ вечера на спеціально построенную въ тылу

позицію, подобную германской, окруженную двѣнадцатью рядами проволоки. Эту позицію должны были взять незамѣтно, одѣтые въ бѣлые балахоны первые батальоны полковъ, собранные отъ нея въ верстѣ, то есть въ такомъ разстояніи, въ какомъ находились и наши настоящія позиціи. Офицеры съ сигнальными ракетами были размѣщены по позиціи. Они должны были начать бросать ихъ, когда они увидятъ, или услышать наступающія части.

Въ ударныхъ батальонахъ люди были разставлены согласно съ тѣми задачами, которыя на нихъ возлагались. Одни прорѣзали верхнюю проволоку и широко шагая шли дальше, другіе подрѣзали проволоку ниже, третьи съ гранатами бросались въ укрѣпленіе и выбивали людей изъ блиндажей — они назывались чистильщиками траншей, четвертые переходили окопы и устремлялись на подходящіе резервы, пятые перекапывали окопы для себя, шестые шли вправо, седьмые влѣво, расширяя прорывъ, каждый человѣкъ зналъ свою роль, какъ актеръ знаетъ пьесу и это была генеральная ихъ репетиція.

Саблинъ и всѣ окружающіе его знали точно часъ и мѣсто, куда должны были наступать ударные батальоны. Знали его офицеры и солдаты, сидѣвшіе въ учебномъ окопѣ. Маневръ начинался по провѣреннымъ часамъ въ 9½ часовъ вечера.

— Пошли, сказалъ Давыдовъ, глядя на свои часы браслетъ со свѣтящимися стрѣлками.

Всѣ затихли.

Ночь была тихая. На горизонтѣ, гдѣ была позиція вспыхивали рѣдкія ракеты и падали таинственными зелеными звѣздочками, порхая въ воздухѣ. На песчаномъ бугрѣ, покрытомъ снѣгомъ, окруженномъ лѣсомъ было тихо. Слышно было какъ внизу, подъ снѣгомъ журчала вода, да сзади вздыхали лошади и иногда односложными словами переговаривались вѣстовые.

Впереди снѣгъ сливался съ ночнымъ туманомъ и образовывалъ въ серебристомъ сіяніи мѣсяца сплошную массу, въ которой слабо намѣчались темные колья и переплетъ проволочнаго загражденія.

Нѣсколько разъ ухо, казалось улавливало шорохъ ногъ, но всякій разъ обманывалось. Тамъ, гдѣ двигалось три съ лишнимъ тысячи человѣкъ было тихо.

Ночь, пустынное, глухое мѣсто среди большихъ лѣсовъ, напряженное ожиданіе, сознаніе, что это предтеча чего то великаго, страшнаго, и крайне нужнаго нервировали офицеровъ и солдатъ и они всматривались вдаль и поглядывали на часы. Но впереди также клубился серебристой ватой туманъ и единственнымъ звукомъ, доносившимся оттуда, было тихое журчаніе ручейка, пробившагося изъ подъ снѣга и падавшаго въ какую то ямку.

— Уже пятнадцать минутъ идутъ, сказалъ Давыдовъ.

— Пошли-ли?, — сказалъ Саблинъ. — Поняли ли они , что ровно въ половина девятаго наступать?

— Ну, какъ же! Съ ними Козловъ.

Опять стали слушать.

— Кажется идутъ.

Вспыхнула и взметнулась одна, другая ракета.

— Вонъ видите идутъ.

— Гдѣ, гдѣ?

— Да вонъ же бѣлыя фигуры, какъ въ саванахъ.

— Не вижу.

— Сколько ихъ!

— Нажмите секундомѣръ.

Громовое ура раздалось кругомъ и въ то же мгновеніе безконечные ряды солдатъ въ бѣлыхъ халатахъ и капюшонахъ, какъ стая призраковъ появились на укрѣпленіи.

— Сколько прошло времени отъ того момента, какъ подошли къ проволокѣ до того, когда ворвались въ укрѣпленіе?, спросилъ Саблинъ.

— Полторы минуты, ваше превосходительство. молодцовато отвѣтилъ молодой капитанъ. старшій адъютантъ штаба корпуса.

— Это великолѣпно.

— Главное, стрѣлять было бы невозможно, такъ сливаются бѣлыя фигуры со снѣгомъ.

— Штабъ горнистъ, труби отбой, — сказалъ Саблинъ.

Сиплые звуки мѣдной трубы прорѣзали ночной воздухъ, крики ура стали погасать и люди въ бѣлыхъ саванахъ строились въ колонны за укрѣпленіемъ. Они тяжело дышали послѣ бѣга, были оживлены и шутки слышались въ ихъ рядахъ.

— Ловко, — говорилъ одинъ солдатъ другому — сказываютъ насъ совсѣмъ не видать и не слыхать было.

— Ужъ и крались же мы. Я ногу поставлю и жду пока не окрѣпнетъ, другую ставить.

— И прожекторомъ не усмотришь. Чудно! Всѣ бѣлые!

— Ротный Ермоловъ сказывалъ на штурму пойдемъ и лица мѣломъ намажемъ, чтобы ничего, значитъ, не видать.

— А я бы углемъ. Страшнѣе. Будто черти.

Раздалась команда «смирно» Саблинъ подъѣхалъ къ сводному полку.

Онъ горячо благодарилъ солдатъ за блестящій маневръ и предсказывалъ имъ, что они будутъ имѣть полный успѣхъ въ дѣлѣ, если такъ же пойдутъ. Онъ ничего не говорилъ, когда пойдутъ въ наступленіе, но всѣ уже знали, что это будетъ послѣ—завтра.

XXXII.

28-го февраля Саблинъ утромъ объѣхалъ всѣ батальоны, назначенные въ прорывъ и долго бесѣдовалъ съ Козловымъ и батальонными командирами. Онъ видѣлъ полную увѣренность въ успѣхѣ.

— Люди, ваше превосходительство, хотятъ поскорѣе бы началось, сказалъ пожилой капитанъ.

— А не сробѣютъ?

— Думаю, что нѣтъ. Увлеченія много. И робкихъ заразили. Говорятъ прямо: — 1-го марта къ ночи въ Ковелѣ будемъ.

— Кавалерія будетъ, сказалъ Саблинъ.

— И мы не отстанемъ, — сказалъ Козловъ.

Онъ провожалъ Саблина къ автомобилю.

— Имѣете письма отъ супруги?, спросилъ Саблинъ.

Козловъ просіялъ.

— Почти каждую недѣлю письмо привозятъ изъ штаба. Пишетъ каждый день. Я уже не знаю какъ и благодарить ваше превосходительство, что вы такое участіе въ ней приняли. Чахотки, слава Богу, не оказалось, одно воспаленіе легкихъ. Поправляется совсѣмъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу, сказалъ Саблинъ, невольно опуская глаза. — Въ десять я буду у васъ въ Шпелеври и ровно въ два мы начнемъ.

— Понимаю, сказалъ Козловъ.

Саблинъ около двухъ часовъ дня вернулся въ штабъ, онъ хотѣлъ пообѣдать и прилечь отдохнуть въ предвидѣніи безсонной ночи. Давыдовъ доложилъ ему, что его ожидаетъ Командармъ на прямомъ проводѣ. Саблинъ пошелъ черезъ улицу въ халупу, гдѣ помѣщался аппаратъ Юза.

Долго не могли наладить и урегулировать аппаратъ, наконецъ, изъ несвязныхъ буквъ стала отбиваться четкая лента. Пошли такъ сердившіе Саблина не нужные вопросы. — Кто у аппарата? — У аппарата Саблинъ. — Здраствуйте, у аппарата Наштармъ, — что означало, что у аппарата былъ начальникъ штаба Арміи генералъ Самойловъ.

— Наступленіе приказано отложить, выстукивалъ по лентѣ аппаратъ. — Поисковъ развѣдчиковъ не дѣлать.

— Отложить невозможно, отвѣчалъ по аппарату Саблинъ, — все готово. Люди рвутся въ бой, всякая перемѣна погаситъ порывъ и вмѣсто побѣды дастъ неудачу. Что случилось?

— Категорическое приказаніе Главкозапа. Отложено на всемъ фронтѣ.

— Они съума сошли. Стоитъ теплая погода. Снѣгъ быстро таетъ. Скоро будетъ такая грязь, что до полной весны нельзя будетъ работать.

— Я передаю вамъ приказъ Главкозапа и ставки. Наступленіе отставлено. Причины неизвѣстны. Никуда не отлучайтесь. Будьте готовы каждую минуту подойдти къ аппарату. До свиданья. Генералъ Самойловъ.

Аппаратъ остановился.

— Все?, спросилъ Саблинъ у чиновника юзиста.

— Все-съ, отвѣчалъ вставая съ табурета чиновникъ. Это былъ типичный старый телеграфистъ. Онъ строго посмотрѣлъ на солдата, сидѣвшаго у аппарата Морзе и сказалъ:

— Вислентьевъ, выйдите на минуту.

Солдатъ всталъ, улыбнулся и вышелъ.

— Ваше превосходительство, — сказалъ шопотомъ чиновникъ, — позвольте вамъ доложить. Они почему то скрываютъ. Въ Петроградѣ большіе безпорядки. Солдаты взбунтовались. Что тамъ сейчасъ никто не знаетъ. Можетъ быть революція уже.

— Вы откуда знаете?, спросилъ вспыхнувъ Саблинъ.

— Мнѣ товарищъ по проводу передалъ изъ Ставки.

— Не можетъ быть, — сказалъ Саблинъ.

— Не могу знать, ваше превосходительство, а только товарищъ мнѣ всегда вѣрно передавалъ. Государь будто изъ Ставки уѣхалъ.

— Молчите покамѣстъ!

— Какъ рыба, ваше превосходительство!

Саблинъ передалъ въ полки приказъ объ отмѣнѣ наступленія и всюду онъ вызвалъ чувство недоумѣнія и огорченія. День, который Саблинъ думалъ провести въ волненіи предстоящаго ночного боя оказался пустымъ. Волноваться было не о чемъ и Саблинъ съ нахмуреннымъ лицомъ вернулся въ халупу и сталъ ходить взадъ и впередъ по маленькой комнатѣ съ землянымъ поломъ.

Вотъ оно, началось,—думалъ онъ. Началось то, о чемъ такъ давно, такъ долго и упорно мечтала наша интеллигенція. Туманъ французской революціи всегда висѣлъ надъ нами и наши передовые люди мечтали о своихъ Мирабо, Дантонахъ, Маратахъ, Робеспьерахъ, ну и конечно — Наполеонахъ! Нѣтъ такого артиллерійскаго поручика, который хотя разъ не помечталъ бы стать Наполеономъ и выкативши пушку на площадь, кого либо разогнать. Что то тамъ въ Петроградѣ?!

Русская революція! Но развѣ не поднимали красное знамя мятежа Разинъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, Булавинъ при Петрѣ, Пугачевъ при Екатеринѣ, развѣ не трепетало оно, поднятое Гапономъ и Шмидтомъ, еще такъ недавно надъ нестройными толпами народа по всей Россіи. Во что же выливалась она? — въ разгромы культуры, иллюминаціи помѣщичьихъ усадебъ, выпусканіе кишекъ племенному скоту, подрѣзываніе жилъ жеребцамъ, битье зеркалъ, разрываніе дорогихъ картинъ и уничтоженіе накопленнаго богатства. Разбой, а не революція... Но, тогда руководили революціей простые, дикіе, неграмотные казаки, попъ Гапонъ, рабочіе, а теперь во главѣ революціоннаго движенія стала, сколько можно догадываться, Государственная Дума... Посмотримъ, справится ли она? Саблинъ вспомнилъ анекдотъ о словахъ императора Вильгельма, сказанныхъ будто бы по поводу того, что кто то назвалъ императора Николая II неумнымъ человѣкомъ — Я не считаю его неумнымъ, потому что для того чтобы двадцать лѣтъ править такимъ

дикимъ народомъ, какъ Русскій, надо имѣть много ума.

Но революція Саблину рисовалась только въ видѣ безпорядковъ. Можетъ быть очень крупныхъ, явно нежелательныхъ во время войны, но только безпорядковъ. Вѣдь не измѣнятъ же Государю осыпанные его милостями главнокомандующіе фронтами генералъ адьютанты Рузскій, Эвертъ, Брусиловъ, Щербачевъ? Есть вѣрные полки. Взять хотя бы его бывшую кавалерійскую дивизію, конные корпуса — да они сметутъ Петроградскій гарнизонъ развращенныхъ и трусливыхъ солдатъ такъ, что отъ него ничего не останется. И Думу разогнать не долго. Повѣсили Мясоѣдова, могутъ повѣсить и другихъ...

И вдругъ засосало подъ сердцемъ. Вспомнилось предсказаніе Распутина, что гибель его обозначаетъ гибель дома Романовыхъ. Стало страшно. Какая то невидимая рука вмѣшивалась въ судьбы Россію надвигалась тяжелая рука Бога жестокаго да Силъ? Вспомнилось отчаяніе Мацнева и то, какъ сравнилъ онъ Россію съ Содомомъ и Гоморрой. На Россію надвигалась тяжелая рука Бога жестокаго, Бога карающаго и что могли сдѣлать люди?

Жутко стало Саблину. Въ маленькія окошечки избы видна была блестящая, мокрая, обледенѣлая дорога, поля съ набухшимъ снѣгомъ, обломки забора, разобраннаго солдатами на дрова, дальше клубилось тучами сѣрое небо и моросилъ мелкій надоѣдливый холодный дождь.

Саблинъ смотрѣлъ на обломки забора и вспоминалъ недавній случай въ 819-мъ полку. Они шли на позицію и остановились на ночлегъ возлѣ деревни. Походныя кухни стали подлѣ стараго деревенскаго кладбища. Сотни лѣтъ покоились за землянымъ валомъ, среди густой заросли калиновыхъ и сиреневыхъ кустовъ, подъ могучими каштанами скромные деревенскіе покойники. И надъ ними стояли покосившіеся отъ времени со стертыми надписями

кресты, украшенные чьею то заботливою рукою, гдѣ пучкомъ сухихъ цвѣтовъ, гдѣ вѣночкомъ, гдѣ лентами. Эти старые почернѣлые кресты были кому то дороги и кто то по нимъ находилъ остатки прошлаго.

Кашевары полка сломали кресты и затопили ими кухни. Въ ста саженяхъ отъ нихъ былъ лѣсъ и тамъ стояли полѣнницы дровъ. Когда Саблинъ накричалъ на нихъ, они не смутились.

— Полѣнницы, ваше превосходительство,далеко, да и какой тамъ лѣсъ, — а это сухой, ишь горитъ какъ! — говорилъ молодой паренъ весело улыбаясь.

Страхъ Божій, чувство святости мѣста и эмблемы, были потеряны. Эти, подумалъ тогда Саблинъ, и въ церкви ночлегъ устроятъ и алтарь осквернятъ. У нихъ нѣтъ ничего святого!

Это народъ — богоносецъ. Это воспѣтый интеллигенціей народъ, который хочетъ теперь захватить власть въ свои руки и самъ править великою Россіей. Захватитъ-ли?

Сумерки сгустились. Поля не стали видны, исчезъ заборъ и окна мутными сѣрыми пятнами просвѣчивали на фонѣ темной стѣны. Саблинъ зажегъ свѣчу и сталъ читать французскій романъ.

Въ одинадцать часовъ вечера его вызвали къ аппарату. Пестрецовъ требовалъ его пріѣзда въ штабъ корпуса.

Еще затемно Саблинъ сѣлъ въ автомобиль и по мокрой, но еще твердой дорогѣ помчался къ Пестрецову.

XXXIII.

Пестрецовъ его принялъ сейчасъ же. Онъ провелъ Саблина въ свой кабинетъ, тщательно заперъ двери и сталъ говорить. Потомъ подошелъ къ двери и быстро раскрылъ ее. За дверьми оказался деньщикъ.

— Ты чего? — спросилъ Пестрецовъ.

— Я такъ. Думалъ не понадобится ли чего, — сказалъ денщикъ.

— Пошелъ вонъ!

— Слушаю...

— Вотъ видишь, Саша, — сказалъ Пестрецовъ, — это начало.... Вызвалъ я тебя, а и самъ не знаю зачѣмъ. Просто хотѣлось со своимъ человѣкомъ поговорить, на лицо родное посмотрѣть. Ничего не знаю. Въ Петроградѣ безпорядки. Были столкновенія между полиціей и солдатами. Кажется начались на голодной почвѣ, на недостаткѣ хлѣба рабочимъ, но не знаю. Ничего не знаю. Изъ Ставки молчокъ. Никакихъ распоряженій. Это и понятно. Тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, тотъ не ошибается, а ошибиться теперь, это играть своею головою, или, по крайней мѣрѣ, своимъ мѣстомъ и положеніемъ.

— Мнѣ кажется, напротивъ — нѣтъ ничего болѣе яснаго чѣмъ теперь: — непоколебимая вѣрность Государю и Родинѣ.

— Ты такъ думаешь?

— Да. Я такъ думаю. Государя можно осуждать за многое. Надо стараться исправлять его ошибки. Его можно не любить, не уважать, презирать, ненавидѣть, но служить ему мы обязаны. Это нашъ священный долгъ. Никакіе безпорядки во время войны не могутъ быть допущены.

— Да. Ты такъ думаешь?...

Пестрецовъ сталъ рыться въ книгѣ телеграммъ и наконецъ досталъ одну.

— Впрочемъ одна телеграмма есть. Главкозапъ боится, что безпорядки перекинутся въ Армію и потому требуетъ болѣе тѣснаго общенія офицеровъ съ нижними чинами. Воспрещены отпуски и отлучки офицеровъ отъ частей. Вотъ и все... Такъ прости меня, Саша, за то, что побезпокоилъ тебя. Знаю нелегко шестьдесятъ верстъ отломать ко мнѣ. Вишь и погода какая! Опять мокрый снѣгъ пошелъ. Природа плачетъ. А о чемъ? Вотъ, говорятъ, радоваться надо.

— Кто говоритъ? — сурово спросилъ Саблинъ.

— Николай Захаровичъ, наштармъ мой. Онъ уже подъ меня подкапывается. Такъ прямо не говоритъ, а по лицу его вижу. Старъ я вишь для новаго дѣла. Молодое вино де не вливаютъ въ старые мѣха. Да... А вѣдь мы пріятели съ нимъ. Много лѣтъ служили вмѣстѣ, да и такъ ли я уже старше его? Да... Такъ, если что про меня услышишь, Саша, не осуждай. Всѣ люди, всѣ человѣки. Всяка душа властѣмъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога. Ты то попомни: состоянія у меня никакого нѣтъ, только служба. Да и жена молодая. Нина Николаевна веселиться любитъ. Такъ не суди строго. У меня равненіе направо. Какъ начальство, такъ и я. Ну, храни тебя Господь!

Ужасно тоскливо было на сердцѣ у Саблина всѣ эти дни. Чувствовалась неурядица, неразбериха, чувствовалось, что наверху всѣ потеряли голову. Дома было скучно. Погода мѣшала производить занятія. Надо было беречь обувь и шинели. На позицію не тянуло. Всюду Саблинъ видѣлъ недоумѣнныя, потерянныя лица, у всѣхъ былъ молчаливый вопросъ, что тамъ, въ тылу, революція?

4-го марта къ Саблину пріѣхалъ съ таинственнымъ видомъ его старый лакей Тимоѳей. Онъ привезъ ему газеты и письмо отъ Мацнева.

...«Свершилось», писалъ Мацневъ.—«У насъ революція. Что будетъ, ничего не извѣстно. Республика, конвентъ, директорія, учредительное собраніе, чортъ его знаетъ. Одно знаю: — Наполеона пока нѣтъ. Всѣ и вся измѣнили. Это какая то повальная болѣзнь измѣны. Случилось все чортъ знаетъ какъ, катастрофически повально, до жуткости быстро и, какъ говорятъ, безкровно. Я, конечно, не спеціалистъ по оцѣнкѣ степени кровности революціи, но на рѣдкой улицѣ ты не найдешь трупа убитаго городового, или лужицу крови, правда, небольшую. Рѣкъ крови не видалъ и не только Нева, но даже Фонтанка не покраснѣла отъ крови. Можетъ быть

это и называется безкровная, но по моему крови было довольно.

«Были какіе то безпорядки. Кажется толпа требовала хлѣба. Можетъ быть и еще что либо требовала, не знаю, но по улицамъ разъѣзжали казаки 1-го Донского полка и дѣйствовали по старому: — лихо и нагайками. Имъ кричали «опричники» и все шло мило и хорошо. Мы уже къ этому привыкли.

«Вдругъ... Замѣть, всѣ такія дѣла рѣшаются вдругъ, не то прапорщикъ Астаховъ — это офицеръ новаго типа, не то просто какой то рядовой является въ казармы Л. Гв. Волынскаго полка и говоритъ: — «Товарищи! Въ ружье и къ Думѣ!» — Убили ротнаго командира и, какъ убили, крикнули: «намъ нѣтъ другого пути, какъ на улицу!» Кто, зачѣмъ, почему? — Никто не знаетъ, но идутъ къ Думѣ. По пути заходятъ въ Павловскій полкъ, тамъ поколебались и тоже пошли. Захватили электротехническую роту и готово. Не то демонстрація, не то революція. Гремитъ марсельеза, — и врутъ, доложу тебѣ, отчаянно, рѣютъ красныя тряпки. Ну, натурально, вся надежда на казаковъ. Вызвали сотню. И, представь себѣ, на Знаменской площади какой то казачишка вмѣсто того, чтобы кинуться на собравшуюся съ красными флагами толпу, выхватилъ шашку и зарубилъ полицейскаго офицера, который стоялъ спиною къ нему и считалъ, что казаки пріѣхали его защищать. Что тутъ было — описать трудно. Попробую писать революціоннымъ стилемъ. Революціонный восторгъ охватилъ толпу. Нашлись какія то барышни — онѣ всегда умѣютъ въ нужную минуту явиться и стали цѣловать забрызганнаго кровью казака и пошла потѣха. Все обрушилось на городовыхъ. Они засѣли въ участкахъ и стали отстрѣливаться. Ихъ выкуривали пожарами и жгли живьемъ. «Граждане солдаты» совершенно позабыли, что у нихъ врагъ нѣмецъ и рѣшили, что ихъ врагъ городовой и пошла охота за полиціей.

«Впрочемъ охотились и за офицерами. Зачѣмъ, дескать, офицеры не явились въ казармы и не пошли съ солдатами къ Думѣ. Офицеровъ раздѣлили на революціонныхъ и не революціонныхъ. Тѣ, кто пріялъ революцію, нацѣпили красные банты и безоружные, граждане солдаты, на всякій случай срывали съ нихъ оружіе, подъ руки велись солдатами впереди частей и орали какія то пѣсни. Тѣхъ, кто не нацѣпилъ, — арестовали и убивали на улицѣ.

«Главнокомандующаго генерала Хабалова, попробовавшаго протестовать, ничтоже сумнящіеся арестовали и отвезли въ крѣпость.

«Въ Думѣ идетъ ликованіе. Пахнетъ весной — дѣйствительно пахнетъ весной, — ибо мартъ на дворѣ, мокро, грязно и рослая фигура Родзянки на крыльцѣ Думы, окруженная толпою думскихъ членовъ. Ну, конечно, рѣчи. «Граждане солдаты», «революціонныя войска», «народъ взялъ все въ свои руки», «проклятый царизмъ» и ура, и марсельеза. Откуда то принесли извѣстіе, что союзники одобряютъ революцію и всѣ воспрянули духомъ.

«Да, милый другъ, измѣняли Государю даже и тѣ, кому измѣнять какъ будто бы было и не къ лицу. Великій князь Кириллъ Владиміровичъ во главѣ своего гвардейскаго экипажа пожаловалъ тоже къ Думѣ, — и съ краснымъ бантомъ, конечно, — чтобы выразить Родзянко свои вѣрноподданническія чувства и предать проклятію ненавистный Царизмъ, (что за подлое неграмотное слово!) который далъ ему столько наслажденій въ его жизни.

«Жутко писать, милый Саша, — но представь и меня захватило. Правда, безъ краснаго банта, я шатался по улицамъ и не зналъ ликовать или нѣтъ? Какъ будто бы это то, чего я хотѣлъ, какъ будто бы и не совсѣмъ то. Противна была угодливость и стремленіе понравиться толпѣ. На Морской встрѣтилъ милую Нину Васильевну. Въ глубокомъ траурѣ идетъ полная негодованія.

— «Для этого, говоритъ она мнѣ, мой Никъ проливалъ кровь и умеръ героемъ, чтобы вмѣсто нашего святого трехцвѣтнаго флага висѣли эти кровавыя тряпки, чтобы вмѣсто величественнаго гимна гремѣла перевранная и опошленная французская марсельеза? Своего ничего выдумать не могли! Какой позоръ! Я презираю нашихъ генераловъ, нашихъ офицеровъ — вѣдь все сдалось, все пошло за толпою, поплыло по теченію! Ужасъ! Я видѣть не могу красныхъ бантовъ на груди заслуженныхъ генераловъ и офицеровъ!

«И вдругъ навстрѣчу намъ идетъ графъ Палтовъ съ женою. Свитскіе вензеля соскоблены съ погонъ и на груди шелковый красный не бантъ, а цѣлая розетка вродѣ тѣхъ, какія мы одѣвали лошадямъ на уздечки на каруселяхъ. Идетъ, сконфуженно улыбается. Увидали насъ, подошли. Нина Васильевна сверкнула глазами на Палтова и, не подавая ему руки, — а онъ уже и фуражку снялъ, чтобы поцѣловать ей ручку — говоритъ.

— «А, и вы, графъ, орденъ трусости одѣли!»

«И пошла!

«А она прехорошенькая стала Нина Васильевна и трауръ къ ней очень идетъ.

«Между тѣмъ войска и толпа продолжали все по программѣ. Отъ Думы пошли въ Петропавловскую крѣпость, въ Кресты, въ Литовскій замокъ и выпустили всѣхъ арестованныхъ, всѣ жертвы «царизма», какъ политическихъ, такъ и уголовныхъ Городъ наполнился преступниками. Горятъ пожарныя части, кое гдѣ звенитъ стекло, разбиваютъ магазины. Революціонныя дамы и барышни, — и среди нихъ не мало представительницъ высшаго общества, суди меня Богъ и военная коллегія, если я среди нихъ не видалъ Нину Николаевну Пестрецову, — организуютъ питательные пункты по всему городу для подкрѣпленія силъ «революціонныхъ

гражданъ солдатъ». Всюду вино, бутерброды, жареная птица, телятина, сладкіе пирожки.

«По всему городу звенитъ слово:—т о в а р и щ ъ. Всѣ стали товарищами. Видѣлъ дядюшку твоего Егора Ивановича. Стоялъ окруженный матросами на платформѣ грузовика,опирался на красное знамя съ какимъ то «д о л о й», дальше не разобралъ что и зычно говорилъ что то толпѣ. Я слышалъ только слово «народъ», съ такимъ сочнымъ «о», что мурашки побѣжали по спинѣ. Хорошо говоритъ твой дядюшка!...

«Испуганная Императрица, — всѣ дѣти ея больны корью, — вызвала Государя. Пріѣзжай онъ въ эту минуту въ столицу, даруй одной рукою конституцію, другою разгони всю ту сволочь уголовнаго типа, которая какъ то сразу, какъ воронье налипла на революцію, можетъ быть, еще что либо и вышло. Но измѣнили, Саша, не низы. Имъ еще Господь проститъ, ихъ гнели и держали въ темнотѣ, ихъ жизнь не ахти какъ была сладка, они не вѣдали, что творили. Измѣнили верхи. Государя не пускаютъ въ Царское. Его поѣздъ бродитъ между Псковомъ и станціей Дно. Его пугаютъ. Съ нимъ Воейковъ, съ нимъ пьяный адмиралъ Ниловъ, компанія невеселая.

«Въ вагонѣ къ Государю является «главкосѣвъ» Рузскій и съ нимъ представители народа, которыхъ, кажется, никто на это не уполномачивалъ — Гучковъ и Шульгинъ — милый другъ — оба правые. Гучковъ — октябристъ, а Шульгинъ редакторъ «Кіевлянина», на знамени котораго одно время было написано «бей жидовъ». У нихъ готовый манифестъ, отбитый на машинкѣ съ отреченіемъ Государя отъ Престола и передачей власти Наслѣднику. Только подписать.

«Подлѣ Государя никого. Конвой и сводный полкъ смотрятъ хмуро. Государю докладываютъ, что вся Россія противъ него. Рузскій говоритъ, что,

если онъ не подпишетъ манифеста, сѣверный фронтъ сойдетъ съ позиціи и пойдетъ на Петроградъ. Ты знаешь Государя.

— «Если я причина несчастія отечества — я готовъ отдать для счастья Родины все,даже жизнь», — сказалъ Государь.

«Но въ немъ заговорилъ отецъ. Онъ не захотѣлъ отдать сына народу и онъ сдѣлалъ то, чего не имѣлъ права дѣлать — отрекся и за сына. Онъ внесъ редакціонныя поправки въ манифестъ и Гучковъ или Шульгинъ, а, можетъ быть, оба вмѣстѣ пошли перебить его на машинкѣ и принесли Государю. Государь подписалъ, но сейчасъ же, какъ будто одумался и говоритъ Рузскому.

— «Дайте мнѣ бумагу обратно».

— «Нѣтъ, ваше величество, — теперь кончено, обратно не получите, — нагло сказалъ Рузскій и ушелъ отъ Государя.

«Итакъ, Государь отрекся и за себя и за сына и передалъ Престолъ своему брату Михаилу Александровичу.

«Михаилъ Александровичъ отказался и....

«Да здравствуетъ «временное правительство!» во главѣ съ княземъ Львовымъ изъ представителей всѣхъ партій.

«Старыхъ министровъ, а съ ними за одно и тѣхъ генераловъ, которые почему либо не понравились толпѣ, — не сняли свитскихъ аксельбантовъ, позволили себѣ только что торжественно провозглашенную свободу слова и осудили дѣйствія хулигановъ, — революціонныя войска арестовали и доставили кого въ Таврическій дворецъ, кого въ крѣпость, а кого и въ Кресты. Картины умилительныя. То и дѣло видишь грузовикъ, на который навалена ликующая разукрашенная красными лентами матрозня и солдатня, съ ними непремѣнно нѣсколько

дѣвицъ и посреди нихъ сконфуженно, глупо улыбающаяся физіономія какого либо сановника. Впрочемъ, кажется, обходились хорошо и обижать не обижали. Новый кабинетъ собрали всѣхъ мастей и оттѣнковъ. Кадетская партія себя не обидѣла, напихала своихъ куда надо и куда не надо. Все это были пирожники, взявшіеся тачать сапоги и сапожники, взявшіеся печь пироги. Князь Львовъ во главѣ, Александръ Ивановичъ Гучковъ военный министръ, лѣвый соціалистъ Керенскій, министръ юстиціи и такъ далѣе въ томъ же родѣ, личности довольно безцвѣтныя, какъ безцвѣтна была и Дума, — ярче другихъ Милюковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ. Мы за послѣднее время были подготовлены ко всякимъ такимъ назначеніямъ и потому подумали — les ministres passent—les bureaux restent и не безпокоились, но вскорѣ увидали, что и бюро затрещали по швамъ, новыя метлы заработали съ революціонной энергіей — и всюду поклонъ въ сторону толпы, то есть говоря просто, — хама. Швейцара приравняли къ профессору и писаря къ директору департамента.

«Газеты всѣхъ оттѣнковъ, не исключая и правыхъ, соловьями разливались, восхваляя революцію. «Новое Время» стало называть Государя Императора «бывшій царь» съ маленькой буквы и писать про Государя грязныя сплетни. Внезапно, стихійно, какъ будто заранѣе заготовленные, вылетѣли на улицу грязные порнографическіе листки съ грубыми картинками и мальчишки носились среди солдатъ, громко крича — «сказъ о томъ, какъ Сашка шила Распутину рубашку» — и другія подобныя циничныя гадости»....

Саблинъ остановился здѣсь и вспомнилъ Русско-Японскую войну и тогдашніе крики газетчиковъ о побѣдахъ Японіи. Мальчишки и уличныя дѣвки — подумалъ онъ, — вотъ тотъ камертонъ, который даетъ тонъ нынѣшней Русской исторіи. А гдѣ же

дворянство, рыцари, гдѣ же интеллигенція и подлинный народъ? Народъ все еще безмолвствуетъ.

— «Но все это было бы еще полъ бѣды», — продолжалъ читать Саблинъ, — «если бы у насъ было правительство. Хотя худое, да правительство, мы вѣдь хорошимъ-то не очень избалованы, но бѣда оказалась въ томъ, что Временное Правительство оказалось правительствомъ безъ власти.

«Въ то время, какъ къ Таврическому дворцу торжественно, при громѣ музыки подходили полки за полками, пришли и казаки, — на поклонъ, срамить своихъ дѣдовъ, пришелъ и Конвой заявить о своей рабской душонкѣ, — когда тамъ непрерывно вновь народившіеся министры, позабывши обо всѣхъ дѣлахъ привѣтствовали, благодарили и умилялись подвигамъ революціонныхъ войскъ, пожимали руки тысячамъ солдатъ еще теплыя отъ убійства безоружныхъ людей, — въ Смольномъ Институтѣ, откуда выгнали испуганныхъ барышень засѣло другое правительство: совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Что за депутаты, откуда они явились, кто ихъ избиралъ, этого никто не зналъ. За длиннымъ столомъ, окруженные вооруженными до зубовъ солдатами, матросами и рабочими сидѣли юркія личности въ пиджакахъ и солдатскихъ рубахахъ, носившія по паспорту звучныя фамиліи Чхеидзе, Цедербаума, Гуммера, Гельфанта, Розенфельда, Крахмаля, Нахамкеса, но укрывшіеся для удобства совращенія малыхъ сихъ подъ православными псевдонимами Маркова, Суханова, Парвоса, Каменева, Загорскаго и Стеклова. Эти неуклонно вели свою линію и захвативши въ свои руки мощную радіостанцію разсылали приказы по всей Россіи самаго возмутительнаго содержанія.

«Временное Правительство тѣмъ временемъ разговаривало и совѣщалось, какъ поступить съ этою властью, выросшею у нихъ, какъ гнойный прыщъ на носу.

«Разогнать? Но это нарушило бы дѣвственную чистоту безкровной ликующей революціи, это показалось бы народу старымъ режимомъ, насиліемъ, произволомъ. Да и кто будетъ разгонять? Солдаты и рабочіе не захотятъ гнать своихъ депутатовъ, которыхъ, надо полагать, они когда то избрали.

«Соединиться съ ними, вступить въ переговоры, сдѣлать изъ нихъ, такъ сказать, нижнюю палату будущаго парламента, признать ихъ и столковаться. Какъ будто бы и не ловко. Уже слишкомъ махровая компанія тамъ засѣдаетъ, да и опредѣленно извѣстно, что никто никогда ихъ не избиралъ.

«Рѣшили просто. Держать съ ними «контактъ». Кому пришла эта геніальная идея я затрудняюсь сказать, но очень скоро нашъ братъ чиновникъ, да и кое какой офицеръ почувствовалъ, что настоящая то власть это Цедербаумъ, Нахамкесъ и компанія, а князь Львовъ, Гучковъ и Милюковъ это только вывѣска для господъ и ловчилы въ мундирахъ иногда и со значками генеральнаго штаба стали появляться, яко тать въ нощи, передъ совѣтомъ и высказывать свою преданность красному знамени, отрекаясь отъ двуглаваго орла.

«Что будетъ дальше, Саша, поживемъ увидимъ. Пока хожу по улицамъ, благоразумно въ штатскомъ и сильно поношенномъ платьѣ, ибо хорошія шубы по ночамъ товарищи солдаты снимаютъ и приглядываюсь, не увижу ли гдѣ либо Наполеона, который подкатитъ пушку къ Смольному Институту и разгонитъ непрошенныхъ гостей. Но что то не видно. Пробовалъ я пѣть марсельезу съ народомъ, — не поется что то. Не по родному звучитъ она.

«Таня твоя перебралась къ своей подругѣ Олѣ Полежаевой въ Царское. Такъ то лучше, пожалуй. Ну вотъ и все. Храни тебя Господь. Твой старый Иванъ Мацневъ».....

Прочелъ это письмо Саблинъ и почувствовалъ, какъ будто какое то большое растеніе со многими

цѣпкими корнями вырвали у него прямо изъ сердца....

Что же это? А какъ же армія? Что скажутъ Ротбеки, хорунжіе Карповы, всѣ тѣ, кто такъ любилъ Россію и вѣрилъ, что Россія безъ Хозяина земли Русской не мыслима?

Замелькали въ памяти простые и замысловатые, но безконечные кресты офицерскихъ и солдатскихъ могилъ, послышалось тихое панихидное пѣніе и грустныя слова „на полѣ брани за вѣру, Царя и отечество убіенныхъ" и понялъ Саблинъ, что невидимый врагъ вѣрно выбралъ время для того, чтобы нанести страшный ударъ Россіи, повалить ее и повергнуть въ хаосъ и бездну небытія.

Кто этотъ врагъ? Таинственные ли семьдесятъ мудрецовъ, о которыхъ туманно намекалъ Верцинскій, императоръ Вильгельмъ, готовый на все, лишь бы покончить войну или Англія?

А, можетъ быть, никто, но Божья воля. Страшное наказаніе Господа Силъ за то, что мы забыли Его завѣты любви и стали ненавидѣть и Бога и людей?...

XXXIV.

Былъ теплый весенній день. Снѣгъ быстро таялъ и на скатахъ холмовъ, обращенныхъ на югъ сочно чернѣли яровыя поля и ярко, молодо задорно блестѣли тонкими радостными иголками озими. Птицы въ лѣсу звонко, по весеннему перекликались, точно сговаривались о чемъ то важномъ, творческомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно счастливомъ.

Блѣдно синее небо съ розовыми облаками отражало солнечные лучи и точно само оглядывалось на себя какое красивое оно, новое, иное, чѣмъ было нѣсколько дней тому назадъ, когда стоялъ

морозъ и густо лежалъ по землѣ твердый снѣгъ. Людямъ хотѣлось пѣть и радоваться въ такой день, ликовать и славословить Господа, но вмѣсто этого они ходили озабоченные, сердитые и недовольные. У всѣхъ была одна мысль — нашъ день насталъ. На нашей улицѣ праздникъ, не прогадать бы, не продешевить бы, не упустить бы своего.

204-ая дивизія строилась въ резервный порядокъ для принесенія присяги Временному Правительству. Отъ Командующаго Арміей утромъ пришло къ Саблину приказаніе лично быть на присягѣ. Пестрецовъ опасался, что солдаты откажутся присягать и требовалъ, чтобы Саблинъ объяснилъ войскамъ, что Государь самъ отрекся отъ престола, что такъ же отрекся и Михаилъ Александровичъ, что будетъ Учредительное Собраніе, которое установитъ образъ правленія въ Россіи и что волноваться нечего, ежели народъ пожелаетъ имѣть Царя, то Царь и будетъ.

Саблинъ холодно, безъ обычнаго въ такихъ случаяхъ, когда онъ бывалъ передъ войсками подъема, прочиталъ блѣдный манифестъ подписанный Государемъ, сказалъ, что Россія безъ управленія оставаться не можетъ, что бремя власти взяло на себя Временное Правительство, которому и надлежитъ присягать.

Онъ посмотрѣлъ на лица солдатъ. Они были задумчивы, большинство смотрѣло внизъ изъ подлобья. Саблинъ подумалъ: — народъ взялъ на себя самъ бремя власти и задумался.

Онъ отъѣхалъ въ сторону, слѣзъ съ лошади и закурилъ папиросу. Передъ ряды вышелъ священникъ и сталъ монотонно читать слова новой присяги чуждо звучащей для солдата, слишкомъ простой и не страшной.

Послѣ чтенія по очереди стали подходить сначала офицеры, потомъ солдаты и подписываться подъ присяжными листами.

Саблинъ хотѣлъ уже уѣзжать, какъ вдругъ шумъ и громкій говоръ заставили его встрепенуться. Изъ лѣса, направляясь къ нему, шла маленькая группа вооруженныхъ солдатъ, они вели безцеремонно толкая офицера. Саблинъ съ удивленіемъ увидалъ на солдатскихъ погонахъ номеръ полка Козлова, а въ офицерѣ узналъ подпоручика Ермолова. Тѣ самые солдаты, которые обожали своего офицера и съ которыми онъ жилъ одною жизнью на позиціи нагло и безцеремонно толкали его.

— Что такое! крикнулъ Саблинъ. — Какъ вы смѣете!

Солдаты подошли къ Саблину. Ихъ тѣснымъ кольцомъ окружила толпа уже присягнувшихъ солдатъ полка, смотрѣла и жадно слушала что будетъ дальше.

— Ваше превосходительство, задыхаясь заговорилъ молодой солдатъ съ наглымъ лицомъ, не выпуская изъ своей руки шинели Ермолова — позвольте вамъ доложить. Всѣ, значить, присягать стали, подписывать присяжный листъ, а поручикъ Ермоловъ вдругъ пошли въ лѣсъ и стали уходить съ поля.

— Присягать, значить не желаютъ, — сказалъ другой солдатъ стоявшій по ту сторону отъ Ермолова.

— Прежде всего не смѣть трогать офицера, крикнулъ Саблинъ, и разойдтись по мѣстамъ.

Никто не шевельнулся. Сквозь толпу протиснулся блѣдный Козловъ и сталъ подлѣ Саблина. Саблинъ замѣтилъ, что онъ отстегнулъ крышку кобуры револьвера и передвинулъ револьверъ на животъ.

— Я присягнулъ своему Государю, — твердо, отчетливо, чекания слова, сказалъ Ермоловъ тяжело дыша, — и никому болѣе присягать не буду... Я не измѣнникъ!

— Ишь ты! пронеслось по толпѣ. — Государь самъ отрекся, народъ, значитъ, взялся самъ управ-

лять. А онъ, значитъ, не желаетъ съ народомъ служить.

— Разойдтись, гнѣвно крикнулъ Саблинъ.

— Чего разойдтись! Товарищи, надо посмотрѣть присягалъ ли еще и самъ генералъ. Можетъ и онъ съ нимъ заодно, подъ краснымъ знаменемъ служить не желаетъ.

— Вамъ сказано разойдтись, — сказалъ Козловъ. Что вы бунтовать хотите.

— Это не мы бунтуемъ, а тѣ, что присягать не хотятъ. Ихъ арестовать надо.

— Арестовать, арестовать!

— И генерала арестовать!

— Правильно, товарищи.

— Царя нонѣ нѣтъ и господъ нѣтъ, арестовать генерала.

— Навались, робя. Хватай!

Положеніе становилось тяжелымъ. Передніе еще держались, не смѣя поднять руку на своего корпуснаго командира, но сзади напирала масса, раздавались свистки и Саблинъ почувствовалъ, что сейчасъ произойдетъ что то ужасное.

— Повремените, товарищи! — раздался изъ толпы слегка шепелявящій, тусклый голосъ и Саблинъ узналъ голосъ Верцинскаго. — Самосудъ не дѣло свободнаго народа. Вы неправильно арестовали товарища Ермолова. Онъ такой же свободный гражданинъ какъ и вы и это его воля присягать или нѣтъ. Вѣдь и васъ никто не неволилъ. Товарищи! настала минута, когда вы должны показать, что вы достойны той великой свободы, которую завоевали для васъ мозолистыя руки солдатъ и рабочихъ! Вы не оскверните чистыя минуты великой революціи насиліемъ. Мирно разойдемся, товарищи, но будемъ знать, что есть люди, которые не съ нами. На нихъ мы будемъ смотрѣть съ полнымъ, глубокимъ презрѣніемъ. По землянкамъ товарищи. Красное знамя

свободы смѣнило двуглаваго орла тираніи и произвола! Расходитесь!

— Правильно!

— Что же, это онъ правильно! Коли свобода, то значитъ во всемъ свобода.... И въ присягѣ свобода.

Толпа пошатнулась и стала расходиться,

— Ваше превосходительство, я умоляю васъ, уѣзжайте, сказалъ Козловъ. — Люди съума сошли. Пройдетъ этотъ угаръ и они на колѣняхъ будутъ умолять о прощеніи ихъ.

— Садитесь на лошадь моего ординарца и поѣдемъ ко мнѣ, — сказалъ Саблинъ Ермолову — вамъ не безопасно оставаться среди нихъ.

— О, я ничего не боюсь, ваше превосходительство, — со свѣтлымъ лицомъ сказалъ Ермоловъ. — Я и смерти не боюсь. А жить теперь не стоитъ. Не для чего!

— Ваша жизнь еще нужна будетъ! Садитесь.

Они молча поѣхали мимо расходившихся солдатъ. Почти никто не отдавалъ чести Саблину, солдаты смотрѣли мрачно, исподлобья, но ничего не говорили.

XXXV.

Въ штабѣ корпуса Саблинъ засталъ полный кавардакъ. Едва не бунтъ. На дворѣ избы, которую занималъ Саблинъ толпились радіотелеграфисты, телеграфисты, мотоциклисты и самокатчики и о чемъ то шумѣли.

— Я говорю, не имѣетъ права задерживать! Это такой же приказъ, какъ и временнаго правительства и Вислентьевъ не имѣлъ права сдавать начальнику штаба. Вислентьева за это арестовать надо. Онъ долженъ былъ передать, какъ указано, слышалъ Саблинъ нервный голосъ, когда слѣзалъ съ лошади.

Онъ хмуро посмотрѣлъ на солдатъ и прошелъ въ хату. Въ ней Давыдовъ съ блѣднымъ, какъ полотно лицомъ, неистово куря, ходилъ взадъ и впередъ по грязному, размокшему, земляному полу.

— Въ чемъ дѣло, Сергѣй Петровичъ?, спросилъ Саблинъ.

— Я едва не выпоролъ телеграфиста. И жалѣю, что не выпоролъ эту скотину, — сказалъ Давыдовъ.

— Но что случилось?

— Извольте видѣть, ночью передано радіо телеграмма съ заголовкомъ „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ", немедленно передать во всѣ части, роты, эскадроны, батареи, и команды. Дикая галиматья. Воинская дисциплина отмѣняется. Объявляется декларація правъ солдата! Слышите, ваше превосходительсво, не обязанностей, а п р а в ъ. Правъ! Солдатъ имѣетъ право ходить по всякимъ злачнымъ мѣстамъ, ѣздить въ вагонѣ I класса, и даже не сказано, что съ билетомъ, не отдавать никому никакой чести, офицеръ внѣ службы ему не начальникъ и прочая ерунда и довольно безграмотная.

— Кѣмъ подписана?

— Совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ.

— Ерунда. Какъ же ее передали?

— А вотъ пойдите вы. Оказывается это не первая. По ночамъ радіотелеграфъ работаетъ непрерывно и радіотелеграфисты исписываютъ цѣлые листы „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ!" Что съ этимъ дѣлать!

— Приложить къ секретному дѣлу, какъ любопытный документъ неразберихи нынѣшняго времени.

— Уничтожить! Да неразбериха-ли ваше превосходительство? Вотъ въ чемъ бѣда! Слыхали въ М-скѣ торжества по случаю революціи и сверженія Царя. Начальника гарнизона генералъ-

адъютанта Б. товарищи солдаты просятъ пожаловать на парадъ. Онъ выходитъ. Ничего краснаго на немъ нѣтъ. Услужливые адъютанты говорятъ:— вамъ надо быть въ красномъ, ваше превосходительство. Кто то, ахъ, ваше превосходительство, отъ подлизъ и отъ лакеевъ насъ и революція не избавила, выворачиваетъ генеральское пальто на красной подкладкѣ — и подаетъ такъ Б. Тотъ одѣваетъ. Каковъ кардиналъ!

— Шутъ гороховый!

— Такъ вотъ ваше превосходительство, неразбериха ли это? А?

— Но вѣдь вы понимаете, сказалъ Саблинъ, что этотъ приказъ № 1 съ декларацiей правъ солдата — это проповѣдь распущенности. Нашъ солдатъ въ массѣ и безъ того разнузданъ, давно ли командованiе было принуждено ввести тѣлесныя наказанiя, что бы хотя какъ либо обуздать армiю и охранить мирныхъ жителей, а послѣ такого приказа трепещи обывательское благополучiе. На части разорвутъ.

— И воевать не станутъ, ваше превосходительство. Я полкомъ командовалъ, такъ знаю-съ, что такое выгнать изъ окопа и поднять цѣпь въ наступленiе. Не то что кричишь, надрываешься, а палкой иной разъ съѣздишь. А тутъ в ы и тому подобное. Да они на это в ы — вамъ т ы отвѣтятъ. Такъ спрятать приказъ?

— Обязательно спрятать....

Вечеромъ изъ штаба армiи пришло приказанiе разъяснить солдатамъ, что приказъ № 1 и декларацiя правъ солдата касается только частей Петроградскаго гарнизона, заслужившаго такiя милости, какъ первый поднявшiй знамя революцiи. Мозги солдата окончательно свернулись на сторону. Явилось такое правительство, которое измѣну присягѣ, измѣну Государю, уличные безпорядки ставитъ выше тяжелой, полной лишенiй и боевой

страды фронтовой службы въ окопахъ. И солдатъ озлобился.

Для Саблина и офицеровъ стало ясно, что правительство находится въ рукахъ гарнизона и Россіею правятъ не князь Львовъ, не Гучковъ, Милюковъ, Керенскій и другіе, а правитъ толпа, можетъ быть, таинственный Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, возглавляемый компаніей евреевъ и Русскихъ съ уголовнымъ прошлымъ.

Еще черезъ три дня по всему фронту громогласно и требовательно сверху внизъ было объявлено, что приказъ № 1 распространяется на всю Армію. Армія раскрѣпощалась отъ дисциплины и обращалась въ вооруженную толпу. По арміи стали носиться темные слухи о какой то таинственной Еремѣевской ночи, какъ называли солдаты историческую Варѳоломеевскую ночь. Въ эту Еремѣевскую ночь предлагалось перебить всѣхъ офицеровъ, просто за то, что они офицеры.

И лучшаго изъ гоевъ — убей!

Убей начальника.

Саблинъ призвалъ къ себѣ Давыдова.

— Намъ, начальникамъ, — сказалъ онъ, нечего дѣлать у такого правительства. Прикажите составить для меня рапортъ со всѣми нужными приложеніями и послужнымъ спискомъ для увольненія меня въ отставку. Мотивъ: — невозможность командовать частью при такихъ условіяхъ.

— Ваше превосходительство. мягко сказалъ Давыдовъ, — правильно ли вы поступаете? Если всѣ поступятъ такъ, какъ вы...

— Какъ это было бы прекрасно, — перебилъ его Саблинъ. — Это былъ бы протестъ противъ того, что дѣлаетъ правительство. Если бы всѣ офицеры сейчасъ ушли со службы, — это не было бы дезертирствомъ, но это заставило бы правительство перестать разрушать Армію.

— А не ускорило бы это Еремѣевскую ночь?

— Можетъ быть. Но она все равно будетъ, И я ухожу не отъ нея. Отъ нея никуда не уйдешь, но ухожу, чтобы не быть невольнымъ участникомъ развала Арміи и гибели Россіи, ухожу для того, чтобы бороться противъ этого. Приготовьте мнѣ къ вечеру бумаги. а сейчасъ пошлите ко мнѣ Ермолова.

— Слушаюсь, сказалъ Давыдовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ халупу вошелъ Ермоловъ.

— Поручикъ Ермоловъ, сказалъ Саблинъ. Завтра утромъ черезъ нашу деревню будетъ проходить N-ская кавалерійская дивизія со своимъ стрѣлковымъ полкомъ. Я писалъ о васъ начальнику дивизіи и командиру стрѣлковаго полка, они принимаютъ васъ къ себѣ. Вы присоединитесь къ полку и уйдете съ нимъ.

— Ваше превосходительство, смѣло проговорилъ Ермоловъ, — позвольте мнѣ этого не дѣлать.

— Почему?, спросилъ Саблинъ и устремилъ пытливый взглядъ на юношу. Гдѣ видалъ онъ такія блѣдныя, безкровныя лица съ большими ясными точно свѣтящимися глазами? Гдѣ видалъ онъ это благородство чертъ и линій, не прирожденное, а созданное высотою помысловъ..., Мелькнули въ памяти картины итальянскихъ монаховъ художниковъ XV-и XVI вѣка.... Показался сумракъ Берлинской картинной галлереи Кайзера Фридриха, Римскіе музеи и всѣ эти святые Себастьяны и Антоніи, эти прекрасные юноши, привязанные къ столбамъ и пронзаемые стрѣлами. М у ч е н и к и! Глаза мученика за вѣру, за идею, смотрѣли на Саблина. И инстинктивно понялъ онъ, что то, что скажетъ сейчасъ Ермоловъ ему, возвыситъ Ермолова надъ нимъ, покажетъ его въ полной красотѣ христіанской любви и чувства долга. Часть офицерства Русскаго. какъ Христосъ добровольно пошла на страданія и крестную смерть, добровольно осудила себя на Голгоѳу!

— Разрѣшите мнѣ вернуться въ свою роту, сказалъ Ермоловъ. Они ничего со мною не сдѣлаютъ! Я тамъ очень нуженъ. Мой долгъ быть съ ними до конца.

— Сколько вамъ лѣтъ?, съ уваженіемъ, чувствующемся въ голосѣ спросилъ Саблинъ.

— Мнѣ двадцать лѣтъ, отвѣчалъ Ермоловъ.

— Идите и да хранитъ васъ Господь!....

XXXVI.

Въ три часа ночи усталый писарь принесъ Саблину рапортъ, послужной списокъ, разсчетъ на пенсію и прошеніе объ отставкѣ. Онъ вошелъ потому, что въ окно увидѣлъ свѣтъ и Саблина, сидящаго за столомъ.

— Я не зналъ ваше превосходительство, какъ писать вамъ прошеніе, — сказалъ онъ. Раньше на Высочайшее имя писали. Я на имя министра писалъ. Опять не зналъ, какъ титуловать его. Написалъ: господинъ министръ. Только незнаю хорошо ли будетъ?

— Хорошо, я просмотрю и, если нужно исправлю. Оставьте здѣсь, сказалъ Саблинъ.

— Послужной списочекъ, ваше превосходительство, составленъ въ двухъ экземплярахъ, благоволите просмотрѣть и вотъ здѣсь написать: — „читалъ“ и фамилію вашу проставить, такъ полагается.

Писарь ушелъ и Саблинъ развернулъ послужной списокъ.

Въ этой прошитой и опечатанной еще старою печатью съ большимъ широко распростершимъ крылья двуглавымъ орломъ тетради грубоватой сѣрой бумаги заключалась вся его жизнь...

Тихо и ясно горѣла свѣча, вставленная въ походный подсвѣчникъ и поставленная на горку книгъ. Она бросала свѣтъ на рано посѣдѣвшіе, но

все еще густые волосы, на тонкій овалъ лица и отражалась маленькимъ огонькомъ въ сѣрыхъ глазахъ.

„Послужной списокъ Командира N армейскаго корпуса, Свиты Его Величества генерала маіора Александра Николаевича Саблина, составленъ 13-го марта 1917 года...“, прочелъ Саблинъ. Старый писарь не посмѣлъ, или не захотѣлъ лишить свитскаго званія своего командира корпуса, какъ не соскоблилъ и Саблинъ съ своихъ погонъ Государевыхъ вензелей. То, что было — было, и уничтожить прошлаго человѣкъ не властенъ. И прошлаго Саблина никто отъ него не отниметъ какъ и онъ самъ не въ силахъ измѣнить въ прошломъ ни одной черты. Исторію даже единичнаго лица нельзя ни измѣнить, ни повернуть, какъ же хотятъ о н и, подумалъ Саблинъ, — отмѣнить прошлое и уничтожить великую исторію царей московскихъ и императоровъ Россійскихъ. Настоящее, пускай, принадлежитъ и м ъ, но будущее врядъ-ли и прошлое — никогда.

„Имѣетъ ордена“, — читалъ Саблинъ, — „святого Георгія 4-й степени, Георгіевское оружіе“, — да, милые мои, моей конной атаки и взятія батареи, тогда, когда были убиты мой сынъ, и товарищъ юности, милый Пикъ и многіе, многіе другіе, моего раненія вамъ не отнять отъ меня. Вамъ не отнять лихихъ дѣлъ моей дивизіи у Костюхновки, гдѣ палъ хорунжій Карповъ, — вы господа штатскіе военные министры, вы нахальные еврейчики, сидящіе въ Смольномъ, вы толпа разгульнаго, дикаго народа, вы можете сорвать и растоптать золото и эмаль, растрепать шелкъ лентъ и темляка, но красоты подвига и упоенія побѣды вы не вытравите ни изъ моего сердца, ни изъ сердецъ участниковъ и исторія скажетъ про него свое слово...

«Изъ потомственныхъ дворянъ Орловской губерніи»—и этого вы не отнимете отъ меня! Вспомнилъ Саблинъ тихую усмѣшку Маруси, когда смо-

трѣла она его галлерею предковъ. Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, мы дѣлали Государево дѣло и не вмѣстно намъ покинуть Государя...

А вотъ... покинули же....

«По окончаніи курса наукъ высочайшимъ приказомъ произведенъ въ корнеты въ Лейбъ Гвардіи.. 1894 года августа 8-го...»

Металлическій двуглавый орелъ держащій на цѣпяхъ тяжелый прямоугольникъ съ чернымъ двуглавымъ орломъ, запахъ старины, тлѣнія и ладона. — Полковой штандартъ... Слова присяги... Музыка и чувство высокаго счастья заполнившее все сердце и отодвинувшее всѣ другія чувства... Парадъ и обожаніе Государя, Китти, Маруся, калейдоскопъ случайныхъ встрѣчъ, Вѣра Константиновна и надъ всѣмъ этимъ могучее счастье, великое по кровительство двуглаваго орла... Праздникъ жизни... Яркое счастье бытія, муки совѣсти, преступленіе Любовина, смерть Маруси, разочарованіе въ Государѣ и народѣ и все поглощающая любовь къ арміи....

Точно передъ смертью, въ тѣ часы раздумья и печали, когда послѣ трагической кончины Вѣры Константиновны онъ сидѣлъ, готовый къ самоубійству пронислась передъ нимъ вся его жизнь въ полку подъ двуглавымъ орломъ.

А что же?.. Хорошо жилось... Сытыя лошади, сытые чистые воспитанные солдаты, вахмистръ Иванъ Карповичъ, весь укладъ полковой жизни, отданіе чести, дисциплина, муштра, трубачи, пѣсенники, собраніе... «Пью за здоровье генерала Пуфа» и пьяный Ротбекъ... ахъ хорошо все это было! Полковая семья, мелкіе интересы, ученья, караулы, маневры, балы во дворцѣ, мелкія дрязги, five o clock'и у полковыхъ дамъ, concours hippique, скачки, маневры...

Все это намъ... А имъ?

Имъ? Мясная порція въ двадцать три золотника, жирныя наваристыя щи, разсыпчатая, въ ароматномъ салѣ, гречневая каша, два съ половиной фунта хлѣба, красивый мундиръ, любовь горничныхъ и кухарокъ и сладкія мечты о возвращеніи домой. Тихое животное бытіе безъ сложныхъ запросовъ, безъ думъ, съ мечтами о крѣпкомъ снѣ, о чаркѣ водки, съ лихою пѣснью, бравымъ отвѣтомъ и со страхомъ окрика и наказанія. Жизнь въ вѣчной сутолокѣ и работѣ, чистка лошади, сапогъ, мундира, аммуниціи, ученій, сложный ритуалъ военной жизни и возвращеніе въ деревню съ привычкой къ труду и со званіемъ запасного солдата. Кто хотѣлъ — шелъ дальше. Худо развѣ жилось Ивану Карповичу? Вспомнилъ эскадронный праздникъ, столъ для офицеровъ у вахмистра, свѣжую икру, мадеру, шампанское, толстую вахмистершу, бѣлокурую дочку, воспитанницу театральнаго училища и шумную толпу офицеровъ въ маленькихъ комнатахъ вахмистерской квартиры...

Нѣтъ и имъ не плохо жилось подъ двуглавымъ орломъ. Широко распростеръ онъ свои могучія крылья отъ края и до края и полъ вселенной охватилъ ими и всюду было тихо, спокойно и сытно.

А теперь?...

Какъ то, послѣ японской войны, Саблинъ былъ въ концертѣ. Пѣла его любимая пѣвица Л. Бакмансонъ, пѣвица съ большимъ темпераментомъ. Она пѣла романсъ Цезаря Кюи «Раненый Орелъ»... Послѣ печальнаго стона упавшаго отъ раны орла слышался могучій, полный страсти призывъ.

Расправишь могучія крылья свои
И снова ты вдаль полетишь!...

Долгая зимняя ночь убывала. Но вѣдь жизнь была еще дольше. Догоравшую свѣчу смѣнила новая, а Саблинъ не спалъ. Въ маленькія окошки халупы сталъ свѣтить печальный разсвѣтъ. Показалась грязная дорога, колья поломаннаго забора,

черныя поля, глыба ноздреватаго снѣга на скатѣ холма, зелень озимей, яснѣе сталъ далекій лѣсъ и раннее весеннее утро внесло еще большую печаль въ сердце Саблина.

Да вѣдь остался, остался двуглавый орелъ. Ничѣмъ его не замѣнишь!

Издали послышалась музыка... Знакомая музыка... Полковой маршъ драгунскаго полка его дивизіи. Зашлепали лошади по дорогѣ, слышна команда «смирно». Полковой командиръ увидалъ флагъ корпуснаго командира и надѣется, что Саблинъ выйдетъ привѣтствовать свою дивизію. Саблинъ надѣлъ пальто, пристегнулъ шашку и подошелъ къ окну...

Нѣтъ, онъ не выйдетъ.

Уже у самой его хаты рыжія лошади драгунскаго полка, за трубачами видѣнъ штандартъ. Двуглавый орелъ на копьѣ закутанъ краснымъ кумачомъ и широкія красныя ленты на подобіе алаго знамени спускаются и закрываютъ штандартъ въ чехлѣ. Алые банты у солдатъ въ петлицахъ, алый бантъ на груди у начальника дивизіи, алый бантъ на груди командира полка.

Нѣтъ, Саблинъ не выйдетъ.

Онъ командовалъ дивизіей, служившей подъ двуглавымъ орломъ и кровавому красному знамени онъ не пошлетъ привѣта. Революціонныхъ солдатъ онъ не знаетъ.

Печально звучитъ уходящій маршъ. И, какъ въ заключительной сценѣ Чеховскихъ «Три сестры» звуки удаляющейся музыки создаютъ тревожную, до боли жуткую гамму печальныхъ ощущеній, такъ и это утро, маршъ драгунскаго полка будятъ грусть и тоску о безвозвратно потерянномъ.

Безвозвратно.

Расправишь могучія крылья свои
И снова ты вдаль полетишь.

Яркій залъ Кредитнаго Общества. Портретъ Го-

сударя и на фонѣ его пѣвица въ черномъ кружевномъ платьѣ съ черной завитой головой.

Гдѣ это все?

Идутъ уланы и надъ ними красныя ленты, красное знамя закрыло гусарскій штандартъ, и на толстомъ фонъ Веберѣ, на груди большой алый бантъ.

Орденъ трусости.

Затопотали часто въ перебой лошади казачьяго полка и нагло смотрятъ чубатыя лица съ красными бантами на груди. Въ ихъ маршѣ много аккордовъ изъ «Жизни за Царя» и они вмѣсто марша играютъ какое то пошлое попури.

Развѣваются красныя ленты надъ тѣмъ знаменемъ, что ходило въ атаку подъ Желѣзницей и не видно за ними двуглаваго орла.

Это барышни всѣ обожаютъ.....

Гремитъ оркестръ и уходитъ въ даль, оставляя полосу жуткихъ воспоминаній.

Саблинъ взялъ перо и, отыскавши мѣсто для подписи на прошеніи, занесъ руку чтобы расчеркнуться — «А. Саблинъ» — и остановился.

«Это барышни всѣ обожаютъ» — настойчиво и вкрадчиво пропѣлъ уже за деревней корнетъ казачьяго оркестра.

Всталъ образъ Ермолова. Показались большіе лучистые глаза на блѣдномъ лицѣ, глаза мученика.

Властно, могуче, страшнымъ стономъ отозвался крикъ пѣвицы надъ затихшимъ заломъ.

Расправишь могучія крылья свои
И снова ты вдаль полетишь.

А какъ же они то? Офицеры?... Тѣ, кто, какъ Христосъ, взяли крестъ свой и пошли на Голгоѳу? Ужели онъ броситъ крестъ и уйдетъ въ сторо-

ну? Ужели не раздѣлитъ онъ съ ними и муки сердца и, если нужно, всѣ ужасы таинственной Еремѣевской ночи!

Саблинъ бросилъ перо и порывистымъ движеніемъ порвалъ прошеніе объ отставкѣ.

1919—1920 г,

Оглавленіе.

Часть третья.

Часть четвертая.

